3 1761 07802819 8

HANDBOUND
AT THE
UNIVERSITY OF
TORONTO PRESS

Digitized by the Internet Archive
in 2011 with funding from
University of Toronto

http://www.archive.org/details/ocherkipoistor00veng

R. H
4586nx
Vengerov, Semen Afanas'evich
№ 306

Библіотека „СВѢТОЧА“
подъ редакціей *С. А. Венгерова.*
№№ 56—65.
Серія „Исторія и теорія литературы“ № 4.

7957 (90) Учебн.
VIII кл.

С. А. Венгеровъ.

ОЧЕРКИ

Ocherki po istorii

ПО ИСТОРІИ

РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

russkoi literaturui.

2-е изданіе, безъ перемѣнъ.

2. izd.
H60098
1.4.47

БИБЛІОТЕКА
Инвент. No 3524
Отд. I No. 1200
ДОНСКОГО

Цѣна 2 р. 50 к.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія т-ва „Общественная Польза“, Б. Подъяческая, 39.
1907.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	стр.
Предисловіе ко II-му изданію	V
Предисловіе къ I-му изданію	VII
Основныя черты исторіи новѣйшей русской литературы.	1— 21
Общій очеркъ исторіи новѣйшей русской литературы .	23—163
Писатель-гражданинъ (Н. В. Гоголь)	165—244
Великое сердце (Виссаріонъ Григорьевичъ Бѣлинскій).	245—378
Передовой боецъ славянофильства (Константинъ Аксаковъ)	379—492

ПРЕДИСЛОВІЕ КО 2-му ИЗДАНІЮ.

Второе изданіе „Очерковъ“ отдѣлено отъ перваго всего нѣсколькими мѣсяцами. Поэтому оно появляется безъ всякихъ измѣненій. Исправлены только нѣкоторыя ошибки и опечатки.

23 сентября 1907 г.

ПРЕДИСЛОВІЕ КЪ 1-му ИЗДАНІЮ.

Большинство статей, вошедшихъ въ составъ настоящей книги, появляется въ томъ видѣ, въ какомъ онѣ первоначально были напечатаны въ „Русскомъ Богатствѣ“ („Великое Сердце“, „Писатель-гражданинъ“), „Вѣстникѣ Европы“ („Основныя черты исторіи новѣйшей русской литературы“), „Критико-біографическомъ словарѣ“ („Передовой боецъ славянофильства“). Онѣ дополнены только въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ надо было внести нѣкоторыя, позднѣе опубликованныя данныя.

Но „Общій очеркъ исторіи новѣйшей русской литературы“ подвергся коренной переработкѣ и почти весь написанъ заново. Первоначальный эскизъ его напечатанъ въ „Энциклопедическомъ словарѣ“ Брокгаузъ-Ефрона, здѣсь же онъ расширенъ болѣе, чѣмъ въ три раза.

Этотъ очеркъ отнюдь не имѣетъ цѣлью давать индивидуальныя характеристики отдѣльныхъ писателей. Задача его—представить общую картину литературнаго или, вѣрнѣе, литературно-общественнаго движенія второй половины XIX столѣтія. Признавая основной чертой русскаго литературнаго творчества его тѣсную и неразрывную связь съ общественной жизнью, я съ этой точки зрѣнія и разсматриваю ходъ литературной эволюціи послѣднихъ 60—70 лѣтъ. Наша литература, какъ яркое выраженіе русской общественности—вотъ что я старался прослѣдить въ своемъ „Очеркѣ“.

20 мая 1907 г. С. В.

Основныя черты исторіи новѣйшей русской литературы.

Вступительная лекція, читанная въ Спб. университетѣ 24 сентября 1897 г.

I.

На нашихъ глазахъ происходило чудесное превращеніе, глубоко умилительное для нашего національнаго самолюбія. Русская литература, которой еще такъ недавно въ западно-европейскихъ руководствахъ отводилось четыре-пять страницъ,—столько же, сколько литературѣ румынской и новогреческой,—вдругъ стала возбуждать въ Европѣ удивленіе, близкое къ энтузіазму. Хотя Пушкинъ, Лермонтовъ, Гоголь и Грибоѣдовъ уже давно переведены почти на всѣ европейскіе языки, но какъ-то они мало трогали и публику и цѣнителей. Прелесть Пушкинскаго и Лермонтовскаго стиха пропала въ передачѣ, а содержаніе казалось европейскимъ критикамъ подражаніемъ Байрону. Оцѣнить же глубоко-національныя стороны русскаго байронизма, понять насколько въ Онѣгинѣ, напримѣръ, геніально воспроизведены чисто-русскія явленія и теченія, европейская критика, при своемъ полномъ незнакомствѣ съ русской жизнью, конечно, не могла. Еще менѣе могло быть понято ею значеніе Гоголя и Грибоѣдова, съ ихъ воспроизведеніемъ явленій, кажущихся каждому европейцу какою-то грубою и неправдоподобною карикатурою.

Зато и публика и критика Западной Европы въ совершенствѣ поняли и оцѣнили гордость и красу русскаго слова второй половины XIX вѣка—Тургенева. Поразительно, однако, что при всей восторженной внимательности, съ которою Тургеневъ былъ оцѣненъ и изученъ въ Европѣ, это было признаніе чисто-индивидуальное, къ одному Тургеневу относившееся. Никому изъ прозорливѣйшихъ европейскихъ критиковъ не приходило на умъ, что такія снѣговыя вершины литературнаго творчества, какъ авторъ „Записокъ Охотника“ и „Дворянскаго Гнѣзда“, не мыслимы на плоской поверхности. Онѣ неизбѣжно должны быть въ связи съ цѣлою горною цѣпью, съ цѣлымъ

рядомъ такихъ же горъ. Слѣдовательно, повѣсти и романы Тургенева должны были вырасти на глубоко-замѣчательной литературной почвѣ. И только появленіе въ переводѣ „Войны и Мира“, „Анны Карениной“, „Преступленія и Наказанія“, „Обломова“ и другихъ русскихъ романовъ подчеркнуло это основное положеніе исторіи литературы. Европейская критика была глубоко удивлена, увидѣвши, что Тургеневъ, котораго она считала лучшимъ прозаикомъ второй половины вѣка, имѣетъ литературныхъ товарищей, не только не уступающихъ ему въ значеніи, но въ лицѣ Толстого и Достоевскаго стоящихъ выше его по глубинѣ захвата. Такое открытіе не могло пройти безслѣдно, и мы, дѣйствительно, видимъ, что въ Европѣ теперь говорятъ уже не объ отдѣльныхъ русскихъ писателяхъ, а о русской литературѣ. Сочиненія Толстого расходятся въ международной книжной торговлѣ въ такомъ количествѣ изданій, къ каждому слову великаго русскаго писателя прислушиваются съ такимъ безконечнымъ вниманіемъ, что, въ концѣ концовъ, можно даже задуматься надъ тѣмъ, гдѣ онъ болѣе знаменитъ и любимъ—у себя дома или за границей. Достоевскій произвелъ сильнѣйшее впечатлѣніе и много уже можно указать литературныхъ произведеній, въ томъ числѣ такихъ крупныхъ талантовъ какъ Гауптманъ, Бурже, Д'Анунціо, гдѣ вліяніе великаго патологическаго генія сказалось ярко и наглядно. Но не только великіе представители русскаго слова вліяютъ теперь на европейское творчество—европейскій литературный міръ прислушивается и къ голосу цѣлаго ряда второстепенныхъ русскихъ писателей. Въ общемъ, такъ называемое „*русское вліяніе*“ стало виднымъ явленіемъ европейской литературной жизни, что и повело къ знаменательнѣйшему результату: русской литературѣ отводится мѣсто рядомъ съ литературой англійской, французской и нѣмецкой. Это почетное уравненіе нашей молодой письменности съ литературой главенствующихъ народовъ цивилизованнаго міра, заматерѣлыхъ въ культурной жизни, не покажется, конечно, преувеличеніемъ всякому, кто хоть нѣсколько размышлялъ надъ первокласнымъ матеріаломъ, даваемымъ новою и новѣйшею русской литературой. Пушкинъ, Грибоѣдовъ, Лермонтовъ, Гоголь, Бѣлинскій и вся плеяда такъ называемыхъ писателей 40-хъ годовъ—развѣ имъ не должно быть отведено мѣсто въ первыхъ рядахъ человѣчества?

Но, собственно говоря, слѣдуетъ прійти къ еще болѣе разительнымъ выводамъ. Если брать для сравненія только новѣйшую русскую литературу, *второй половины XIX столѣтія*, то простой перечень ея корифеевъ покажетъ, что мѣсто ея нѣсколько иное. Неужели произведенія Толстого, Тургенева и Достоевскаго стоятъ только *рядомъ* съ англійской и американской литературой второй половины вѣка, куль-

минаціонными точками которой являются романы Джоржъ Эліотъ, Бичеръ-Стоу, разсказы Бретъ-Гарта, туманная поэзія Броунинга и Вальта Витмана? Только ли рядомъ слѣдуетъ ее помѣстить и съ тою нѣмецкою литературою послѣднихъ 50 лѣтъ, во главѣ которой стоятъ Ауэрбахъ, Фрейтагъ, Шпильгагенъ и Поль Гейзе? Наконецъ, несовсѣмъ рядомъ ей мѣсто даже съ французской литературой послѣдняго полувѣка, хотя она блистаетъ такими сильными талантами, какъ Дюма-сынъ, Флоберъ, Зола и Гюи-де-Мопассанъ. Нѣтъ, безъ всякаго національнаго бахвальства можно сказать, что по индивидуальному генію своихъ высшихъ проявленій, а главное по основнымъ теченіямъ своимъ русская литература новѣйшаго времени стоитъ безусловно выше новѣйшей западно-европейской литературы, кульминаціонный пунктъ которой—не во второй, а въ *первой половинѣ* вѣка, въ творчествѣ Гете, Шиллера, Гейне, Байрона, Бальзака, Гюго, Жоржъ-Зандъ, Диккенса. Развѣ то, что такъ недавно въ Европѣ являлось послѣднимъ словомъ художественнаго прогресса—реализмъ, не господствуетъ у насъ уже около семидесяти лѣтъ? И притомъ, какой же человѣкъ съ развитымъ эстетическимъ пониманіемъ не чувствуетъ, насколько мельче многопрославленный европейскій реализмъ 70-хъ и 80-хъ гг., такъ близко граничащій съ порнографіей и отсутствіемъ идеаловъ, въ сравненіи съ реализмомъ русскихъ писателей? У русскихъ писателей жизненность изображенія въ самомъ дѣлѣ доведена до полнаго воспроизведенія дѣйствительности, и это до послѣднихъ предѣловъ реальное воспроизведеніе все-таки озарено свѣтомъ идеала и полно такой любви къ человѣку, о которой и помину нѣтъ даже у крупнѣйшихъ европейскихъ реалистовъ. Тѣ въ своемъ анализѣ жизни дошли до предѣла, гдѣ трезвость и правда изображенія переходятъ въ невольный апоѳеозъ грубѣйшихъ инстинктовъ животной природы человѣка. И несомнѣнно, что именно въ этомъ различіи русскаго и европейскаго реализма и лежитъ тайна огромнаго успѣха новѣйшихъ русскихъ писателей въ публикѣ и критикѣ Западной Европы. Всѣ чувствуютъ, что въ застоявшійся и подернувшійся мутью потокъ европейской литературы вливается какая-то свѣжая струя, полная своеобразныхъ красокъ, составляющихъ не продуктъ гніенія и разложенія, а результатъ органической работы непочатыхъ и не истощенныхъ еще молодыхъ силъ. Вчерашніе варвары говорятъ какое-то новое слово, которому суждено, и отчасти уже пришлось оказать глубокое вліяніе на блѣдное творчество послѣдняго періода европейской литературы; оказать въ силу того, что въ этомъ новомъ словѣ, въ этомъ одухотворенномъ реализмѣ говоритъ не тоска пресыщенія и немощь старческаго истощенія, а юношески-страстный порывъ къ свѣту и правдѣ.

II.

Какъ относится высокое развитіе русской литературы къ формамъ русской общественной жизни? Литература есть отраженіе жизни,—гласитъ историческая наука. У великаго народа всегда бываетъ великая литература и наоборотъ: великая литература есть продуктъ духовнаго существа великаго народа. У великаго народа, казалось бы, должны быть соотвѣтствующія формы общественной жизни.

Таковы теоретическія построенія. Такъ ли оно, однако же, на практикѣ? Нужно ли много распространяться о томъ, что русская общественная жизнь находится еще въ совершенно младенческомъ состояніи? Я, конечно, всего менѣе намѣренъ отрицать, что русская общественная жизнь представляетъ собою великую потенцію. Можетъ быть, величайшую изъ всѣхъ потенцій, вложенныхъ въ русскій національный геній, предназначенную удивить міръ своеобразіемъ своихъ общественныхъ построеній. Но теперь я говорю о настоящемъ и недавнемъ прошломъ, о той странной гражданственности, которая началась прямо съ учрежденія Академіи Наукъ и, продолжая развиваться въ томъ же направленіи, привела къ тому, что мы стоимъ теперь во главѣ европейскихъ народовъ по своей литературѣ и въ хвостѣ по народному образованію. Общественность же создается только участіемъ въ духовной жизни страны среднихъ и низшихъ классовъ. И вотъ почему въ настоящемъ своемъ видѣ наша общественная жизнь слишкомъ блѣдна и незначительна, чтобы выдержать сравненіе съ кипучимъ потокомъ общественной жизни западно-европейской.

Кромѣ литературы есть другія проявленія интеллектуальной жизни: наука, техника, живопись, скульптура, музыка. Въ какомъ соотношеніи находятся онѣ съ высокимъ развитіемъ русской литературы?

Безспорно успѣхи наши въ этомъ направленіи очень велики. И русское искусство, и русская наука выдвинули не одно славное въ Европѣ имя. Въ общемъ, однако, нельзя не признать, что на поприщѣ науки, пластическаго и тональнаго искусства, Россія не достигла еще той стадіи, при которой могла бы вполнѣ стать на одну доску съ наукой и искусствомъ Западной Европы. А тѣмъ болѣе претендовать на первенство. Достаточно привести въ подтвержденіе, что всякій русскій ученый, техникъ, художникъ и музыкантъ отправляется для „*усовершенствованія*“ за границу. Во всякомъ случаѣ „о русскомъ вліяніи“ въ наукѣ и искусствѣ Западной Европы пока еще никакой рѣчи не можетъ быть.

И вотъ, если сопоставить фактъ необыкновенно высокаго развитія русской литературы съ тѣмъ, что наука и искусства относительно

не такъ высоко стоятъ въ Россіи, а общественная жизнь находится въ младенческомъ состояніи, то мы приходимъ къ выводу, что новѣйшая русская литература не только замѣчательное само по себѣ явленіе, но что она—*самое замѣчательное* явленіе русскаго духа. Вся совокупность стихійныхъ и историческихъ условій, которая создала широкій размахъ русскаго душевнаго склада, ярче всего выразилась въ литературѣ. Въ силу своеобразнаго положенія русской интеллигенціи, вслѣдствіе малой культурности окружающей среды, принужденной замыкаться исключительно въ сферѣ интеллектуальныхъ интересовъ,—въ силу этого разлада русская литература есть центральное проявленіе русскаго духа, фокусъ, въ которомъ сошлись лучшія качества русскаго ума и сердца. Нигдѣ она не является такимъ *исключительнымъ* проявленіемъ національнаго генія, какъ у насъ. Въ жизни другихъ народовъ литература есть только частный случай общаго культурнаго состоянія страны, частное проявленіе духовныхъ силъ, которыя болѣе или менѣе равномѣрно распредѣлены по всѣмъ отраслямъ національной жизни. У насъ этого соотвѣтствія нѣтъ, литература могущественно развивается у насъ по своимъ особымъ внутреннимъ законамъ, при полной дремотѣ общественныхъ силъ и общественной иниціативы. Было бы, конечно, смѣшно думать, что русскій національный геній имѣетъ какое-то особое предрасположеніе къ художественному творчеству и только въ немъ одномъ можетъ проявиться. Дѣло исключительно въ условіяхъ мало-культурной среды, которая одна и есть причина того, что новѣйшая русская литература стала центральнымъ проявленіемъ всѣхъ силъ русскаго духа, при другомъ уровнѣ общественной жизни нашедшихъ бы себѣ не столь исключительное примѣненіе.

III.

Такое центральное положеніе русской литературы не могло не сообщить ей особенностей, рѣзко отличающихъ ее отъ литературы другихъ европейскихъ народовъ. Главная изъ нихъ та, что *наша литература никогда не замыкалась въ сферѣ чисто художественныхъ интересовъ и всегда была каѳедрой, съ которой раздавалось поучительное слово.* Всѣ крупные дѣятели нашей литературы въ той или другой формѣ отзывались на потребности времени и были художниками-проповѣдниками.

Эта знаменательнѣйшая черта съ особенной яркостью обрисовалась въ послѣднія 60 лѣтъ, но начатки ея идутъ очень далеко.

Русская литература начинается съ Кантемира,—и чѣмъ же былъ этотъ первый лепетъ нашего художественнаго творчества, еще не нашедшаго себѣ даже соотвѣтственнаго литературнаго выраженія, еще пользовавшагося антихудожественною формою прежняго, монашескаго періода русскаго просвѣщенія—силлабическими виршами? Воспитанника древнихъ классиковъ, имѣвшаго въ своемъ распоряженіи всѣ роды и виды литературы, не прельстила ни безпритязательная любовная пѣснь, ни отрѣшенная отъ жизни идиллія, хотя въ переводѣ образцовъ этихъ родовъ поэзіи онъ и упражнялъ свой стихъ. Онъ прямо схватился за бичъ сатиры и является въ ней одушевленнымъ поборникомъ и пропагандистомъ петровской реформы. Такимъ же воинствующимъ публицистомъ и страстнымъ агитаторомъ усвоенія европейской культуры былъ и Ломоносовъ въ своихъ одахъ, несмотря на всю низкопоклонность ихъ. Оды Державина тоже вышли изъ невысокихъ побужденій, но настоящій талантъ никогда не можетъ остаться въ сферѣ однихъ низменныхъ побужденій, и въ общемъ оды Державина являются живою поэтическою лѣтописью своего времени и искреннимъ выраженіемъ восторговъ, возбужденныхъ блестящимъ по внѣшности царствованіемъ Екатерины. Характерно, что даже такое, казалось бы, отрѣшенное по своей темѣ отъ условій мѣста и времени произведеніе, какъ ода „Богъ“, непосредственно вытекло изъ полемическаго желанія автора дать отпоръ шедшему изъ Франціи скептицизму. Творчество четвертаго крупнаго дѣятеля XVIII вѣка — Фонвизина уже всецѣло посвящено учительнымъ задачамъ глубокаго общественнаго значенія. Тѣмъ же серьезнымъ общественнымъ задачамъ посвятила себя оригинальная, полу-художественная, полу-прямопублицистическая литература памфлета и картинъ нравовъ, которая приняла форму летучихъ листковъ такъ называемой „сатирической журналистики“. Народившійся въ концѣ вѣка сентиментализмъ ударился въ одно приторное воспѣваніе чувства или вѣрнѣе чувствительности, но онъ не привлекъ къ себѣ ни одного крупнаго *художественнаго* дарованія (значеніе Карамзина не художественное), а наиболѣе даровитый изъ пѣвцовъ сентиментализма—Дмитріевъ выказалъ лучшія стороны своего дарованія въ сатирѣ на злобу дня—наводненіе литературы скверными одами. Въ началѣ нашего вѣка выдѣляется дѣятельность писателя, литературная карьера котораго особенно ярко подчеркиваетъ учительное значеніе русской литературы. Мы говоримъ о Жуковскомъ, поэтѣ очень симпатичнаго и изящнаго, но безусловно второстепеннаго дарованія и тѣмъ не менѣе достигшаго первостепеннаго значенія. Чѣмъ же? Тѣмъ, что

онъ взялъ на себя роль учителя въ буквальномъ смыслѣ слова и знакомилъ русское общество съ литературою Запада въ рядѣ превосходныхъ переводовъ. А изъ оригинальныхъ произведеній Жуковскаго наибольшее впечатлѣніе произвелъ „Пѣвецъ во станѣ русскихъ воиновъ"—откликъ на злобу дня въ буквальномъ смыслѣ этого слова. Сверстникъ и современникъ Жуковскаго — Батюшковъ былъ поэтъ болѣе сильнаго и оригинальнаго дарованія, чѣмъ Жуковскій, но онъ не достигъ и половины значенія и популярности послѣдняго, потому что его эпикурейская муза, воспѣвавшая наслажденіе, была чужда русскому читателю, привыкшему искать въ литературѣ не только забавы, но и правилъ жизни.

Объ учительномъ значеніи Крылова, конечно, распространяться нѣтъ надобности: оно вытекаетъ изъ самаго существа литературнаго рода, которому посвятилъ себя геніальный баснописецъ. Но не будетъ лишнимъ прибавить, что нигдѣ басня не получила такого развитія и нигдѣ она не получила такого рѣзкаго національнаго отпечатка, какъ въ русской литературѣ 18-го вѣка. Въ то время какъ въ западноевропейскихъ литературахъ (причемъ характерно, что есть литературы, напр., англійская, совсѣмъ не имѣющая выдающихся баснописцевъ) басня привлекала къ себѣ лишь незначительное количество поэтовъ, изъ русскихъ поэтовъ 18-го вѣка нѣтъ почти ни одного, который бы не писалъ басенъ. Какъ всякій геній, Крыловъ есть только кульминаціонный пунктъ цѣлой эпохи процвѣтанія русской басни, замѣчательной еще тѣмъ, что она не ограничивалась простымъ подражаніемъ древней баснѣ, стоящей внѣ времени и пространства и довольствующейся моралью самаго общаго и, слѣдовательно, безобиднаго свойства, а бичевали непосредственно пороки и смѣшныя стороны *своего* времени. Конечно, процвѣтаніе басни въ русской литературѣ 18-го и начала 19-го вѣка, а затѣмъ исчезновеніе ея можетъ быть объяснено и тѣмъ, что басня вообще есть младенческая форма литературы, популярная только въ начальномъ періодѣ каждой письменности. Но это объясненіе есть только объясненіе. Оно нимало не колеблетъ самаго факта, что русскій читатель всѣмъ ходомъ своей литературы пріученъ смотрѣть на нее, какъ на источникъ учительнаго слова на живыя темы современности.

Начало 1820-хъ годовъ ознаменовано дѣятельностью писателя, въ лицѣ котораго художественно-учительное значеніе русской литературы едва ли не достигло высшей своей точки. За исключеніемъ комедій Аристофана, создавшихся въ литературѣ народа, у котораго совсѣмъ не было личной нравственности, а была одна только нравственность политическая и общественная, ни въ одной европейской литературѣ нѣтъ драматическаго произведенія, до такой степени насквозь про-

никнутаго гражданскою, въ полномъ смыслѣ слова, скорбью, какъ „Горе отъ ума“. По искренности и глубинѣ негодующаго чувства и вообще по цѣльности настроенія геніальная „комедія“ Грибоѣдова есть вмѣстѣ съ тѣмъ и настоящая проповѣдь, страстный призывъ идти по другимъ путямъ. И это тѣмъ характернѣе, что самъ авторъ отнюдь не былъ ни Катономъ, ни Аристидомъ. Значитъ, силу ему дало богатое общественными настроеніями направленіе цѣлой эпохи, выразителемъ которой онъ явился. Выразителемъ той же эпохи явился и молодой Пушкинъ. Въ александровскую эпоху Пушкинъ явился живымъ отраженіемъ безпокойнаго настроенія времени и самъ себя характеризовалъ какъ поэта, который „свободу лишь умѣетъ славить“. Въ первыхъ романтическихъ поэмахъ своихъ онъ бросалъ страстный вызовъ всѣмъ старымъ традиціямъ, провозглашалъ свободу чувства и проповѣдывалъ презрѣніе къ условнымъ формамъ. Со второй половины 20-хъ годовъ улеглось броженіе и самого Пушкина и общества, и поэтъ вступаетъ въ такъ называемый „объективный“ періодъ своего творчества. Но помимо того, что и это стремленіе къ объективному творчеству было отраженіемъ настроенія времени, утомленнаго возбужденіемъ послѣднихъ лѣтъ царствованія Александра и жаждавшаго спокойствія, помимо этого косвеннаго служенія нуждамъ времени, Пушкинъ никогда не былъ въ состояніи совладать съ живою натурою своею и остаться на олимпійскихъ высотахъ безразличнаго творчества. Всеобъемлющій геній его никогда не успокаивался на чемъ-нибудь одномъ и никто точнѣе его самого не исполнялъ завѣта, который онъ далъ поэту:

. . . . . дорогою свободною иди
Куда влечетъ тебя свободный умъ.

И такъ какъ отзывчивая натура влекла его то въ одну, то въ другую сторону, то каждая изъ главныхъ литературныхъ теорій нашихъ можетъ подтвердить свои положенія ссылками на Пушкина. Да, въ минуту полемическаго раздраженія онъ дѣйствительно воскликнулъ въ „Черни“:

Мы рождены для вдохновенія,
Для звуковъ сладкихъ и молитвъ.

Но развѣ это же самое стихотвореніе не есть полное нарушеніе провозглашенныхъ въ немъ принциповъ? Вѣдь въ немъ нѣтъ ни звуковъ сладкихъ, ни молитвъ, и въ общемъ оно представляетъ собою яркій образчикъ тенденціозно-дидактическаго запрещенія идти дорогою свободною, куда влечетъ поэта его свободный отъ какихъ бы то ни было запрещеній умъ.

Не для житейскаго волненья,
Не для корысти, не для битвъ

будто бы созданъ поэтъ. И вслѣдъ затѣмъ пишется страстный памфлетъ „Клеветникамъ Россіи“—откликъ на злобу дня въ буквальномъ смыслѣ слова—на дебаты въ одномъ изъ засѣданій французскаго парламента.

Во градахъ вашихъ съ улицъ шумныхъ
Сметаютъ соръ—полезный трудъ.
Но, позабывъ свое служенье,
Алтарь и жертвоприношеніе,
Жрецы-ль у васъ метлу берутъ?

Такъ иронизируетъ поэтъ, когда ему предлагаютъ быть „полезнымъ“. А черезъ нѣсколько лѣтъ этотъ же жрецъ, единственно изъ желанія быть полезнымъ, берется за метлу журналиста и великое дарованіе тратится на сметаніе сора, внесеннаго въ литературу Булгаринымъ и К°.

Ты можешь, ближняго любя,
Давать намъ смѣлые уроки,
А мы послушаемъ тебя,

проситъ поэта „чернь“, т. е. публика, всѣмъ ходомъ русской литературы пріученная получать отъ нея поученіе. Но поэтъ презрительно отказывается:

Подите прочь—какое дѣло
Поэту мирному до васъ.

А въ это самое время онъ заканчивалъ „Евгенія Онѣгина“, въ которомъ жизнь „черни“ отразилась съ небывалой до того полнотою и въ которомъ въ плѣнительномъ образѣ Татьяны былъ преподанъ одинъ изъ самыхъ знаменитыхъ и волнующихъ уроковъ жизни, когда-либо преподанныхъ русской литературой. Скоро будетъ семьдесятъ лѣтъ, какъ Татьяна отвѣтила Онѣгину:

Я васъ люблю, къ чему лукавить,
Но я другому отдана
И буду вѣкъ ему вѣрна

и этотъ отвѣтъ не перестаетъ до сихъ поръ волновать русскаго читателя и поднимать въ немъ вопросы нравственнаго порядка. Многое, очень многое въ геніальномъ романѣ перестало интересовать позднѣйшаго читателя, на многое онъ сталъ смотрѣть исключительно съ исторической точки зрѣнія, но образъ Татьяны, олицетворившей въ себѣ полную свободу отъ условности съ неумолимымъ сознаніемъ долга, навсегда врѣзался въ сердце русскаго читателя. Каждое поколѣніе имѣетъ свое отношеніе къ отвѣту Татьяны, то восторженно-положительное, то насмѣшливо-отрицательное, но во всякомъ случаѣ не безразличное. „Смѣлый урокъ“ на практикѣ былъ данъ поэтомъ, теоретически отъ него отказавшимся. На практикѣ, слѣдовательно, ве-

ликій поэтъ въ эпоху своего стремленія къ игнорированію того, что не есть интересъ чисто-художественный, никакъ не могъ удержаться въ ограниченной сферѣ чисто-эстетическихъ настроеній, и тоже сталъ учителемъ жизни.

Творчество геніальнаго преемника Пушкина—Лермонтова нашло себѣ опредѣленіе въ его поэтическомъ profession de foi—„Журналистѣ, читателѣ и писателѣ". Въ чемъ источникъ его творчества?

. . . . . диктуетъ совѣсть
Перомъ сердитый водитъ умъ.

Совѣсть. Вотъ онъ тотъ девизъ, который искони былъ девизомъ лучшихъ русскихъ умовъ и которому въ послѣ-лермонтовскій періодъ суждено было отодвинуть на второй планъ всѣ остальные источники творчества. Въ творчествѣ самого Лермонтова совѣсть принимаетъ исключительно формы негодованія и озлобленія, въ размѣрахъ, до него совершенно чуждыхъ нашей литературѣ. Имъ владѣетъ безумная жажда активнаго презрѣнія къ обществу своего времени, ему, съ такою безпримѣрною рѣзкостью охарактеризовавшему въ плачѣ надъ гробомъ Пушкина „высшіе" слои этого общества, ему даже на праздникѣ хочется „смутить веселость" и „бросить въ глаза" пустому сборищу

. . . . . желѣзный стихъ
Облитый горечью и злостью.

Нельзя къ этому озлобленію безъ оговорокъ примѣнить эпитетъ учителя жизни. Нельзя забыть, что въ лицѣ Печорина эгоизмъ отчасти поставленъ на пьедесталъ. Но въ этомъ эгоизмѣ было столько презрѣнія къ пошлости, Печоринъ такъ ярко подчеркнулъ скуку и томленіе бездѣйствія, которое долженъ былъ испытывать чуткій человѣкъ въ жалкой дѣйствительности 30-хъ годовъ, Лермонтовъ такъ высоко поднялъ сознаніе личности, что именно съ него начинается настроеніе, рѣшившееся бросить непримиримый вызовъ косности окружающей среды. Неласковая муза „мести и печали", которая уже всецѣло стала звать на подвиги добра и любви къ людямъ, была непосредственной преемницей гордой и непреклонной поэтической личности Лермонтова. Изъ всѣхъ поэтовъ наибольшее вліяніе на музу Некрасова оказалъ Лермонтовъ, которому подъ конецъ его жизни уже не были скучны „пѣсни земли", который заговорилъ даже о „мужичкахъ", который закончилъ свое поприще самымъ жгучимъ въ русской литературѣ выраженіемъ непреклонности воли и протеста—„Пророкомъ". Пророкъ Лермонтова знаетъ во что обходится „гордость", онъ не строитъ себѣ никакихъ иллюзій насчетъ успѣха стремленія глаголомъ жечь сердца людей, какъ Пушкинскій пророкъ,—сказать кстати еще одинъ доводъ въ пользу того, что странно считать

Пушкина представителемъ равнодушно-объективнаго творчества. Но Лермонтовскій пророкъ, тѣмъ не менѣе, смѣло идетъ на презрѣніе и гоненія, это не удерживаетъ его превозглашать

. . . . . любви
И правды чистыя ученья.

И вотъ эти-то завершительные аккорды промелькнувшей ослѣпительнымъ метеоромъ литературной дѣятельности Лермонтова даютъ вполнѣ опредѣленное значеніе его озлобленію. Это то озлобленіе, которое, говоря словами ученика Лермонтова—Некрасова,

. . . . . проповѣдуетъ любовь
Враждебнымъ словомъ отрицанья.

И люди, вдумавшіеся въ Лермонтовскую мизантропію,

Какъ много сдѣлалъ онъ поймутъ,
И какъ любилъ онъ—ненавидя.

IV.

Смертью Пушкина и Лермонтова заканчивается періодъ *новой* русской литературы и начинается періодъ литературы *новѣйшей*, который и составитъ предметъ нашихъ чтеній. Новѣйшей—потому что настроенія и идеи, народившіяся въ 40-хъ годахъ, еще не изжиты и часто еще составляютъ предметъ ожесточенныхъ схватокъ. Въ этомъ новѣйшемъ періодѣ служеніе потребностямъ жизни и взглядъ на литературу, какъ на учительную каѳедру, всецѣло завладѣваетъ умомъ и сердцемъ людей, стоящихъ во главѣ литературнаго движенія. Начиная съ 40-хъ годовъ, въ Россіи всякій писатель становится въ то же время общественнымъ вождемъ, и въ основѣ главнѣйшихъ произведеній послѣднихъ 50 лѣтъ лежитъ проповѣдь тѣхъ или другихъ общественныхъ взглядовъ и воззрѣній. Всякій писатель долженъ пойти направо или налѣво, а писатель индифферентный къ общественнымъ вопросамъ не имѣетъ ни вліянія, ни успѣха въ соотвѣтствующей его таланту степени. Когда со средины 50-хъ гг. началась эпоха великихъ реформъ, первенствующую роль играла литература. Во главѣ движенія стали не представители общественныхъ группъ, а представители литературы. Вождями новаго поколѣнія были непосредственно—публицисты и литературные критики, а въ художественномъ отраженіи—лучшіе наши беллетристы и поэты. Борьба общественныхъ партій происходила почти исключительно на страницахъ журналовъ, и что самое характерное—лозунги сплошь да рядомъ съ внѣшней стороны

были чисто-литературные. Вопросъ о поэтическомъ значеніи Пушкина становился существенною частью общественно-политическихъ программъ и краеугольнымъ камнемъ того или другого общественно-политическаго міросозерцанія. Вопросъ о назначеніи искусства раздѣлилъ всю литературу на два лагеря, причемъ люди, считавшіеся передовыми въ общественномъ отношеніи, стояли за служебную роль искусства, а противники поступательнаго движенія—за „чистое“ искусство.

Съ тѣхъ поръ, какъ въ эпоху Бѣлинскаго русская мысль раскололась на два основныхъ русла, въ ходѣ литературы первенствующую роль получаетъ вопросъ о „направленіи“—слово, прямо неизвѣстное европейской критикѣ въ томъ смыслѣ, какъ его у насъ понимаютъ. Съ тѣхъ поръ, какъ кружокъ Бѣлинскаго рѣшительно примкнулъ къ европейскимъ идеямъ 40-хъ годовъ, эти идеи проходятъ красною нитью чрезъ всѣ произведенія писателей, усвоившихъ себѣ міросозерцаніе великаго критика. Все, что составляетъ основаніе славы и значенія Тургенева, Гончарова, Григоровича, первой половины дѣятельности Достоевскаго и Писемскаго, все, что писали Щедринъ, Некрасовъ, Глѣбъ Успенскій и беллетристы 60-хъ и 70-хъ годовъ, все что пишетъ послѣднія 20 лѣтъ Левъ Толстой, все это является передовыми позиціями весьма опредѣленнаго міросозерцанія. Съ другой стороны, писатели, группировавшіеся въ 40-хъ гг. около славянофиловъ, Погодина, и Шевырева, а въ 60-хъ гг. и позднѣе около „Русскаго Вѣстника“, Достоевскій, Писемскій и Гончаровъ въ послѣдній періодъ ихъ дѣятельности, всѣ эти писатели съ пламеннымъ усердіемъ давали отпоръ новымъ идеямъ и тоже превращали свои произведенія въ органъ проведенія въ сознаніе общества своего міросозерцанія. Даже тѣ изъ поклонниковъ „чистаго“ искусства, которые не пускались въ прямыя схватки, а только *намѣренно* уходили въ область абстрактнаго и намѣренно устраняли въ своихъ произведеніяхъ все, что напоминало „грязь жизни“, этимъ самимъ сообщали имъ весьма опредѣленную окраску. Благодаря такому тѣсному переплетенію художественныхъ и общественныхъ задачъ, чисто-литературныя достоинства рѣдко вліяли на оцѣнку даннаго произведенія въ критикѣ. Его оцѣнивали по преимуществу, какъ факторъ прогресса или регресса. Прямо можно сказать, что литературной критики въ томъ смыслѣ, какъ ее понимаютъ на Западѣ, т. е. какъ стараніе разобрать непосредственно творческія достоинства самаго писателя, у насъ не существуетъ. А, между тѣмъ, всѣ наши выдающіеся критики были люди съ весьма тонкимъ эстетическимъ чутьемъ и безграничною любовью къ художественному творчеству. Литературные критики наши, начиная съ 40-хъ годовъ,—прямые трибуны, для которыхъ художественныя произведенія—не болѣе какъ предлогъ

выяснить свои общественные идеалы. Они узаконили особый родъ критическихъ статей „по поводу“, которыя очень мало занимались эстетическою стороною произведенія и очень много общественными выводами, изъ него вытекающими. Знаменитая борьба по вопросу объ искусствѣ была только предлогомъ для выясненія, съ одной стороны, новаго общественно-политическаго міросозерцанія, а съ другой— противодѣйствія ему. Статьи какъ будто трактовали о Тургеневѣ, Островскомъ, Гончаровѣ, а на самомъ дѣлѣ это были лирическіе манифесты того или другого міровоззрѣнія.

Но самымъ яркимъ проявленіемъ стремленія новѣйшей русской литературы всегда быть учительною каѳедрою, нельзя не признать взглядъ на роль печатнаго слова двухъ величайшихъ писателей, стоящихъ на противоположныхъ концахъ періода, исторію котораго мы собираемся разсказать. Въ срединѣ 40-хъ годовъ Гоголь, а въ наши дни Толстой съ глубочайшимъ воодушевленіемъ старались убѣдить своихъ современниковъ, что задачи литературы учительныя и только. И если значеніе словъ Гоголя ослабляется тѣмъ, что они вылились у него въ періодъ упадка творческихъ силъ, то зрѣлище отреченія Толстого отъ всего, что доставило ему всемірную славу, поистинѣ поразительно. Именно въ тотъ моментъ, когда весь міръ восторженно аплодируетъ ему, какъ геніальному художнику, именно въ тотъ періодъ, когда напряженіе творческихъ силъ его достигаетъ высшихъ предѣловъ въ созданіи „Смерти Ивана Ильича“, мелкихъ разсказовъ, „Власти Тьмы“ и „Крейцеровой Сонаты“, именно въ этотъ моментъ великій писатель Земли Русской провозглашаетъ, что само по себѣ чистое искусство не только пустая, но подчасъ и вредная забава. Здѣсь не мѣсто вступать въ споръ съ этимъ слишкомъ очевиднымъ преувеличеніемъ и увлеченіемъ. Мы здѣсь только вспомнимъ, что какъ ни значителенъ тотъ или другой индивидуальный геній, онъ всегда есть порожденіе и выраженіе взглядовъ и настроеній окружающей среды. И вотъ почему въ доведенномъ до крайности взглядѣ графа Толстого мы должны усмотрѣть органическое выраженіе общаго стремленія нашей литературы сѣять

разумное, доброе, вѣчное.

V.

Сообразно всему сказанному и исторія новѣйшей русской литературы по преимуществу сводится 1) къ исторіи смѣны идей и настроеній, волновавшихъ русское общество, и 2) къ указанію взаимодѣйствія между общественною жизнью и литературою. Изслѣдователю, который захотѣлъ-бы заняться исторіей новѣйшей русской литера-

туры только съ эстетической точки зрѣнія было-бы очень мало дѣла, потому что за послѣднія 50 лѣтъ русская литература, какъ явленіе эстетическое, никакимъ замѣтнымъ движеніемъ не ознаменована. На Западѣ за это время смѣнился цѣлый рядъ литературныхъ стилей и кореннымъ образомъ измѣнилась техника писанія. Можно-ли себѣ представить самаго плохенькаго французскаго романиста, который сталъ-бы теперь писать въ стилѣ Жоржъ Зандъ? Цѣлая бездна лежитъ между Зола и Жоржъ Зандъ, не только въ основныхъ пріемахъ, но и въ языкѣ, въ діалогѣ, въ концентрированіи вниманія читателей и т. д. А въ наши дни манера Зола во французской литературѣ уже обветшала. Въ Германіи долго держалась манерность Ауэрбаха и Поля Гейзе, но теперь она почти исчезла и уступила мѣсто отчасти натуралистической, отчасти мистической школѣ Гауптмана, Зудермана и „Юной Германіи". Та же радикальная перемѣна произошла въ Италіи и Скандинавіи. Такимъ образомъ въ Европѣ произошла рѣзко-выраженная эстетическая эволюція, произошла дѣйствительно полная смѣна поколѣній. Но въ Россіи, гдѣ идетъ безпрерывная эволюція *идей*, литературныя формы почти неподвижны [1]). Беллетристическая манера, установившаяся въ 40-хъ гг., ни въ чемъ существенномъ не измѣнилась. Между Тургеневымъ и его литературнымъ внукомъ Гаршинымъ разницы въ стилѣ нѣтъ, нѣтъ ея и между Некрасовымъ и Надсономъ. Когда Гюго было 70 лѣтъ, ему поклонялась вся Франція, но никто ему не подражалъ. Толстому теперь тоже 70 лѣтъ и онъ не только представляетъ собою самую животрепещущую современность, но всякому ясно, что онъ еще долгіе годы будетъ законодателемъ формы русскаго романа. Единственная литературная область, гдѣ за послѣднія 50 лѣтъ замѣчается значительное измѣненіе литературныхъ пріемовъ,— это беллетристика изъ народной жизни. Колоритность языка, близость къ землѣ Глѣба Успенскаго, конечно, представляетъ собою значительный шагъ впередъ по сравненію не только съ „пейзанами" Григоровича, но и съ крестьянами Тургенева, теперь уже кажущимися намъ условными и недостаточно-жизненными. Но тутъ собственно нѣтъ измѣненія литературной формы, а просто въ 40-хъ гг. народъ не былъ достаточно изученъ. Что тутъ дѣло именно въ этомъ недостаточномъ изученіи—лучшее доказательство Толстой, человѣкъ почти сороковыхъ годовъ. Отвлекаясь отъ степени таланта и литературнаго значенія, развѣ мужики „Власти Тьмы" менѣе колоритны и близки къ дѣйствительности, чѣмъ мужики Глѣба Успенскаго? Что касается изображенія купцовъ и мѣщанъ, то они, конечно, въ наши дни коло-

[1]) Лекція прочитана десять лѣтъ тому назадъ. Съ тѣхъ поръ обозначилась нѣкоторая эволюція литературнаго стиля, о которой мы еще будемъ имѣть случай говорить въ настоящихъ очеркахъ.

ритнѣе, чѣмъ въ 40-хъ гг. Но родоначальникомъ этой колоритности является человѣкъ конца сороковыхъ годовъ—Островскій. Если типы Островскаго отчасти устарѣли подъ дружнымъ напоромъ нашихъ культурныхъ успѣховъ, то литературная манера Островскаго, его удивительный языкъ и его яркая бытовая окраска столь-же свѣжи теперь, какъ и пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ.

Итакъ, повторяемъ еще разъ, исторія новѣйшей русской литературы не можетъ ограничиться одною эстетическою сферою. Она должна быть исторіей идей и взаимодѣйствія русской литературы и русской общественности. Можно разно къ этому относиться, можно возмущаться этимъ взаимодѣйствіемъ съ точки зрѣрія „чистаго" искусства или можно, напротивъ того, восторгаться такою близостью искусства къ потребностямъ времени. Но *понять* ходъ новѣйшей русской литературы можно только путемъ параллельнаго ознакомленія съ русскою общественностью.

Изученіе новѣйшей русской литературы требуетъ обстоятельнаго знанія событій общественной исторіи нашей, съ которою она органически тѣсно переплетена. Въ эпоху „реформенной Россіи" литература и жизнь до такой степени сближаются другъ съ другомъ, что сплошь да рядомъ при анализѣ того или другого общественнаго явленія нельзя отличить, гдѣ кончается литературный генезисъ его и гдѣ начинается непосредственное дѣйствіе общественныхъ силъ. И наоборотъ—при изученіи того или другого факта литературной исторіи не знаешь, гдѣ кончается общественное воздѣйствіе и гдѣ начинается сфера чисто-литературнаго творчества.

Можно насчитать цѣлый рядъ произведеній, отражающихъ не просто интересы „времени", а прямо интересы того или другого *года*. Чтобы понять, напр., общій тонъ вышедшаго въ 1860 г. Тургеневскаго „Наканунѣ", нужно быть хорошо знакомымъ съ тѣмъ радостно-выжидательнымъ настроеніемъ, которое охватило русское общество подъ вліяніемъ реформаціонныхъ стремленій новаго царствованія. Но для оцѣнки „Отцовъ и Дѣтей", которыхъ отдѣляетъ отъ „Наканунѣ" всего три два года, уже этого недостаточно. За ничтожный промежутокъ двухъ лѣтъ успѣло выясниться новое общественное теченіе, безъ подробнаго знакомства съ которымъ мы будемъ безсильны понять смыслъ романа. Черезъ пять лѣтъ послѣ „Отцовъ и Дѣтей" появляется „Дымъ", и опять нужны новыя свѣдѣнія объ измѣненіяхъ общественно-политической атмосферы, имѣвшихъ мѣсто въ теченіе этихъ пяти лѣтъ. Наконецъ, для пониманія „Нови" требуются уже совсѣмъ новыя свѣдѣніи о явленіяхъ, зачатки которыхъ не идутъ дальше начала семидесятыхъ годовъ.

Мы нарочно взяли для иллюстраціи нашей мысли Тургенева, пи-

сателя, высокая художественность котораго составляетъ предметъ восторженнаго удивленія. И именно этотъ-то тонкій художникъ вмѣстѣ съ тѣмъ представляетъ собою образецъ самаго тѣснаго взаимодѣйствія литературы и общественной жизни, именно онъ тонко и чутко „ловилъ", говоря терминомъ русской критики, „моментъ". „Ловить моментъ"—это второй терминъ, наравнѣ со словомъ „направленіе" почти неизвѣстный европейской критикѣ. Выше этой похвалы нѣтъ для русскаго писателя, къ какой-бы онъ школѣ или направленію ни принадлежалъ. Правда, „моменты" понимаются весьма различно. Одинъ усматриваетъ его въ торжествѣ реализма, а другой въ это-же время рисуетъ торжество идеализма, одинъ провозглашаетъ побѣду позитивизма, а другой стремится показать, что наступилъ моментъ торжества метафизическихъ стремленій. Но все это уже дѣло пониманія и таланта, а не различія метода. Характеристичнымъ остается тотъ фактъ, что никто не довольствуется простымъ произведеніемъ, а всякій стремится къ воспроизведенію непремѣнно тѣхъ явленій, въ которыхъ онъ усматриваетъ геній времени, и что каждому хочется воздѣйствовать на общественное сознаніе въ пользу того міропониманія, къ которому онъ примкнулъ.

VI.

Идейно-проповѣднический характеръ новѣйшей русской литературы неизбѣжно ведетъ къ тому, что въ исторіи ея совсѣмъ особое мѣсто должна занимать исторія теоретической русской мысли. Теоретическая мысль давала лозунги, а проводникомъ ихъ явилось художественное творчество, которое само по себѣ можетъ быть только *органомъ* проведенія извѣстныхъ идей, но никакъ не источникомъ ихъ. Не дай Богъ, если-бы русская художественная литература занялась-бы *выработкою* того или другого міровоззрѣнія. Это привело бы къ сухому дидактизму и было-бы уже не идейностью, а тою *тенденціозностью*, въ которую впали нѣкоторые второстепенные писатели 60-хъ и 70-хъ гг., не совладавшіе, по бѣдности своего художественнаго дарованія, съ истинными задачами идейнаго творчества. Нѣтъ, сила новѣйшей русской литературы въ ея крупныхъ представителяхъ именно въ томъ, что въ ней идейность не есть абстрактное теоретизированіе, а вполнѣ художественное *претвореніе*. Если мы обратимся къ исторіи творчества важнѣйшихъ представителей русскаго слова новѣйшаго времени, то мы увидимъ, что ходъ ея былъ таковъ.

Писатель, какъ сынъ своего времени, напитывался идеями, которыя носились въ воздухѣ, были предметомъ жаркихъ споровъ въ кружкахъ, обсуждались въ журналахъ, а въ сороковыхъ годахъ составляли предметъ обширнѣйшей переписки между друзьями. Въ значительномъ большинствѣ случаевъ сила этого усвоенія идей времени была очень велика, переходила въ прямой энтузіазмъ и сообщала необыкновенную глубину и твердость убѣжденія. Данная идея *органически* проникала все существо писателя, становилась собственностью его духа, приходила на помощь его духовному взору и какъ бы давала ему двойное зрѣніе. Но, ставъ второю натурою, идея могла выразиться только въ тѣхъ формахъ, въ которыхъ всегда выражаются глубокія настроенія всякой художественной организаціи,—въ художественныхъ образахъ. Такъ, молодой Тургеневъ, подъ вліяніемъ общаго настроенія кружка Бѣлинскаго, выработалъ себѣ весьма опредѣленное міросозерцаніе и въ частности далъ аннибаловскую клятву бороться съ крѣпостнымъ правомъ. Когда онъ ее давалъ, онъ еще совершенно не установился какъ писатель, и самый размѣръ его таланта не былъ еще ясенъ даже такому прозорливому цѣнителю, какъ Бѣлинскій. Но убѣжденія его получили весьма опредѣленную окраску, вошли въ его плоть и кровь, онъ горѣлъ желаніемъ воплотить ихъ. Поэтому, когда дарованіе его установилось, онъ сталъ не только великимъ художникомъ, но и выдающимся борцомъ за свое міровоззрѣніе.

Тотъ же процессъ органическаго претворенія теоретическихъ настроеній можно прослѣдить въ исторіи творчества всѣхъ выдающихся новыхъ писателей нашихъ. Такъ, изъ идейнаго броженія, перешедшаго къ намъ во второй половинѣ 40-хъ годовъ изъ Франціи, вышли Достоевскій, Щедринъ и Некрасовъ. Съ другой стороны, въ кружкѣ такъ называемой „молодой редакціи Москвитянина“, съ его мистическою любовью къ русскому быту, получило окраску дарованіе Островскаго. Даже уровновѣшенный „фламандецъ“ Гончаровъ въ своей авторской исповѣди сообщилъ, что въ „Обыкновенной Исторіи“ старался отразить „первое мерцаніе сознанія необходимости труда, настоящаго, не рутиннаго, а живого дѣла, въ борьбѣ съ всероссійскимъ застоемъ“. Итакъ, не просто изображалъ, а „задавался цѣлью“ сослужить службу обществу. Еще ярче это „задаваніе цѣлью“ въ „Обломовѣ“ и „Обрывѣ“. Нечего уже говорить, насколько „задаванье цѣлью“ было сильно въ литературномъ поколѣніи 60-хъ и 70-хъ годовъ, меньше одаренномъ художественнымъ талантомъ и потому еще нагляднѣе подчинявшемся разнымъ теоретическимъ вѣяніямъ.

И вотъ, въ виду рѣшающаго значенія, которое имѣетъ у насъ теоретическая мысль, какъ указательница путей, по которымъ покор-

но шло художественное творчество, мнѣ и кажется, что *періоды исторіи новѣйшей русской литературы должны быть установлены соотвѣтственно кругу общественно-этическихъ идей*, въ данные годы получившихъ господство. Неправильно было бы дѣлить исторію новѣйшей русской литературы по именамъ ея наиболѣе выдающихся художественныхъ дѣятелей. Если мы дѣлимъ литературу прежняго времени на періоды Ломоносовскій, Державинскій и Пушкинскій, то это вполнѣ правильно: Ломоносовъ, Державинъ и Пушкинъ держали въ свое время скипетръ литературы, правили безраздѣльно литературнымъ движеніемъ и сообщали ему окраску, которая исходила только изъ ихъ произведеній. Но какъ и какіе годы мы назовемъ Тургеневскими, когда не онъ создавалъ настроенія читающей публики, а имѣлъ успѣхъ потому, что отражалъ „моментъ", т. е. попадалъ въ это настроеніе, подготовленное теоретическою мыслью. Какъ только онъ не попалъ въ настроеніе, значительнѣйшая и наиболѣе вліятельная часть публики отъ него отвернулась. Какой же это вождь? И другіе сверстники Тургенева точно также никогда не создавали настроеній, а только подчинялись имъ и выражали ихъ. Ужъ на что славенъ и великъ въ наши дни Толстой. И все-таки назвать его именемъ какъ *художника* какой бы то ни было періодъ нѣтъ возможности. Толстой-мыслитель, конечно, одинъ изъ властителей думъ нашего времени, но въ годы созданія величайшаго художественнаго произведенія своего—„Войны и мира", онъ былъ не болѣе, какъ предметомъ холоднаго любопытства, а въ годы появленія „Анны Карениной" прямо подвергался высмѣиванію, потому что и критика и публика совершенно проглядѣли внутренній смыслъ романа и усмотрѣли въ немъ апоѳеозъ великосвѣтскихъ амуровъ. Легендарная популярность Толстого начинается только съ тѣхъ поръ, какъ онъ выступилъ самъ какъ теоретикъ и воплотилъ въ своихъ тревожныхъ исканіяхъ больную совѣсть вѣка.

Такъ же, какъ нельзя установить періоды исторіи новѣйшей русской литературы по именамъ крупнѣйшихъ художественныхъ представителей ея, нельзя дѣлить ее и по литературнымъ стилямъ. Если мы дѣлимъ нашу литературу 18-го и начала 19-го вѣка на эпоху классицизма или, какъ ее почему-то принято называть у насъ, ложно-классицизма, на эпоху сентиментализма, романтизма и т. д., то это вполнѣ правильно. Въ эпоху господства каждаго изъ этихъ стилей, все содержаніе современной литературы только ими и опредѣлялось. Опредѣлялось или торжествомъ даннаго стиля, или борьбою съ предыдущимъ и послѣдующимъ и, слѣдовательно, представляло собою движеніе. Но въ исторіи новѣйшей русской литературы, какъ я уже говорилъ, движенія чисто-литературнаго, смѣны литературнаго стиля, почти не

было въ теченіе цѣлаго полустолѣтія. Съ 40-хъ гг. властно установился реализмъ того типа, о которомъ я говорилъ въ началѣ своей лекціи [1]).

Итакъ, ни по именамъ ея выдающихся художественныхъ силъ, ни по чисто-литературнымъ направленіямъ исторію новѣйшей литературы нашу дѣлить нельзя, потому что такое дѣленіе не даетъ характерныхъ признаковъ. Единственнымъ, дѣйствительно, характеристичнымъ дѣленіемъ, т. е. такимъ, которое уже въ одномъ названіи носитъ свое опредѣленіе и даетъ представленіе объ основныхъ чертахъ эпохи,—это только дѣленіе по кругу идей, въ данный періодъ завладѣвшихъ умами, и по именамъ представителей *теоретической мысли*. Если вы скажете: это было въ эпоху русскаго гегеліанства, въ эпоху реформъ, въ эпоху, вульгарно называемую эпохою „нигилизма", въ эпоху писаревщины, въ эпоху народничества, марксизма и т. д., то представленіе получается яркое и опредѣленное, обнимающее весь комплексъ какъ общественныхъ, такъ и литературныхъ явленій извѣстнаго періода.

VII.

Эпоха, которою начинается исторія новѣйшей литературы, т. е. конецъ тридцатыхъ и сороковые годы, нашла наиболѣе яркое выраженіе въ дѣятельности Бѣлинскаго. *Его именемъ* можно назвать эпоху, потому что *онъ*, дѣйствительно, далъ ей свою окраску. Бѣлинскій, конечно, краеугольный камень всей вообще новой русской литературной мысли. Бѣлинскій—первоисточникъ всего великаго, хорошаго, эстетически-вѣрнаго и этически-правильнаго, что было въ русской литературѣ послѣднихъ 60 лѣтъ. Но понятно, что всего ярче должно было сказаться вліяніе его въ годы его непосредственнаго воздѣйствія.

Критика Бѣлинскаго была сосредоточіемъ русской мысли своего времени, энциклопедіей русскаго ума и чувства. Она захватывала все, что интересовало лучшихъ людей эпохи, она старалась, насколько было возможно, отвѣчать на всѣ проклятые вопросы, которые возникали въ душѣ чуткаго человѣка. Вытекая изъ пламеннѣйшаго стрем-

---

[1]) За десять лѣтъ, прошедшихъ послѣ произнесенія настоящей лекціи, несомнѣнно, обозначилась эволюція литературнаго стиля, о чемъ мы еще будемъ имѣть случай говорить въ настоящихъ „Очеркахъ". Но это не мѣняетъ, конечно, общаго положенія, что движеніе идейное у насъ идетъ несравненно болѣе быстрымъ темпомъ, чѣмъ движеніе чисто-литературное.

ленія передать читателю выношенные путемъ истиннаго страданія идеалы, статьи Бѣлинскаго, его „обзоры“ всегда имѣли въ своей основѣ ту руководящую идею, которая была нервомъ времени. Оттого они прокладывали новые пути въ литературѣ и создавали школу.

Правда, кругъ идей, въ защиту которыхъ выступалъ Бѣлинскій, далеко не однороденъ. Дѣятельность его представляетъ собою смѣну двухъ, порою діаметрально-противоположныхъ настроеній Но по существу, раздвоенія тутъ никакого нѣтъ. Все дѣло въ томъ, что передъ нами муки рожденія, болѣзненный процессъ выработки новой русской мысли. Въ послѣдующія эпохи, въ 60-хъ и 70-хъ годахъ, вожди поколѣнія не переживали никакихъ „фазисовъ“, не терзались никакими сомнѣніями, и дѣятельность ихъ однородна на всемъ своемъ протяженіи. Это потому, что отправная точка была найдена въ эпоху Бѣлинскаго и можно было, не сбиваясь, идти впередъ по пути, уже твердо и опредѣленно намѣченному. Бѣлинскому же пришлось пробираться ощупью сквозь предразсвѣтную мглу, и если онъ при этомъ бросался на болотный огонекъ, принималъ его за путеводную звѣзду и попадалъ въ трясину, то тутъ только фактическая ошибка и нѣтъ никакого измѣненія въ самомъ главномъ—въ источникахъ исканія. По отношенію къ нимъ Бѣлинскій никакихъ „фазисовъ“ не переживалъ, всегда оставался все тѣмъ же беззавѣтнымъ искателемъ истинныхъ задачъ человѣческаго существованія. И въ сущности значеніе Бѣлинскаго и ослѣпительная красота его духовной личности не столько въ идеяхъ и взглядахъ его, какъ они ни вѣрны и глубоки сами по себѣ, сколько именно въ его мучительныхъ поискахъ за истиной. Самое содержаніе идей Бѣлинскаго далеко не ему одному принадлежитъ. Оно выработано совмѣстными усиліями цѣлаго кружка, въ которомъ Бѣлинскому очень часто принадлежала только роль выразителя. Но это нимало не умаляетъ его значенія, потому что заслуга всякаго генія обыкновенно въ томъ и заключается, что онъ ярко завершаетъ цѣлый рядъ подготовительныхъ, неяркихъ попытокъ. Главная заслуга Бѣлинскаго не въ томъ, что онъ лично додумался до всѣхъ идей, имъ высказанныхъ, а въ томъ, что онъ провелъ ихъ сквозь горнило сожигавшаго его внутренняго пламени и сообщилъ имъ отпечатокъ своей идеально-прекрасной личности.

Непреходящее вліяніе статей Бѣлинскаго зиждется на томъ, что въ нихъ слышно біеніе сердца, безспорно самаго благороднаго, когда-либо бившагося въ русской груди, что въ нихъ сказалась никѣмъ другимъ не достигнутая высота настроенія, сила и глубина чувства. Великій праведникъ литературы русской, рыцарь безъ страха и упрека, на свѣтлой памяти котораго нѣтъ ни единаго самомалѣйшаго пятнышка, былъ вмѣстѣ съ тѣмъ великимъ страстотерпцемъ новой

русской мысли. Онъ глубоко выстрадалъ свои убѣжденія и, въ полномъ смыслѣ слова, писалъ лучшею кровью своего сердца. Основная задача историка эпохи Бѣлинскаго—ознакомить читателя съ этой борьбой за правду и показать, какъ на основѣ завѣтовъ Бѣлинскаго создалась новѣйшая русская литература, это удивительное сочетаніе художественной красоты и нравственной силы, широкаго размаха и тоски по идеалу.

1885—1897.

ОБЩІЙ ОЧЕРКЪ

ИСТОРІИ НОВѢЙШЕЙ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

ОБЩІЙ ОЧЕРКЪ

исторіи новѣйшей русской литературы.

I.

Эпоха Бѣлинскаго.

Очеркъ этой эпохи см. дальше въ статьѣ „Великое Сердце".

II.

Послѣдніе годы дореформенной эпохи.

(1848—1855).

Смерть Бѣлинскаго страннымъ образомъ завершаетъ собою и весь литературный періодъ сороковыхъ годовъ. На этотъ разъ не только умеръ праведникъ, но и свѣтъ его погасъ. Не только исчезъ изъ литературы великій талантъ, но и ослабѣло высокое направленіе, которое онъ сообщалъ творчеству своихъ современниковъ. Лично для себя Бѣлинскій умеръ вполнѣ во-время, потому что его ждали большія невзгоды и дѣятельность его ни въ какомъ случаѣ не могла бы продолжаться въ прежнемъ направленіи.

Съ 1848 г. наступаетъ литературно-политическое безвременье, которое длится до 1855 г., когда, благодаря уроку крымской кампаніи, начинается новый, свѣтлый періодъ русской исторіи. Но раньше, чѣмъ вступить въ этотъ новый періодъ, Россія и русская литература должны были пройти чрезъ тяжелый искусъ, чрезъ мрачное семилѣтіе реакціи 1848—55 гг., которое можно назвать одною изъ самыхъ темныхъ полосъ въ исторіи русской мысли. Глубокое уныніе, порожденное безвременьемъ, дѣлаетъ понятнымъ праздничную психологію начальныхъ лѣтъ новой эпохи, объясняетъ то безграничное, полное самыхъ свѣтлыхъ надеждъ умиленіе, которое овладѣло тогда самыми

озлобленными умами, ту радостную суетливость, съ которою русскій человѣкъ принялся нагонять потерянные годы.

Тяжелое безвременье 1848—1855 гг. было вызвано ни на чемъ не основанною боязнью, что европейское революціонное возбужденіе 1848 года могло распространиться и на Россію. И такъ какъ литература и наука, при полномъ отсутствіи общественной жизни, были единственными поприщами, на которыхъ сколько-нибудь замѣтно могли сказаться вліянія европейскихъ настроеній, то вся тяжесть „бѣшенной реакціи“ 1848—1855 гг. (выраженіе консервативнаго публициста М. Ѳ. Де-Пуле) цѣликомъ и легла на нихъ. **Дѣятельность цензуры** достигла крайнихъ предѣловъ напряженія. Одинаково всѣмъ кругамъ русской интеллигенціи пришлось тяжело отъ ея болѣзненнаго усердія, цензурныя стѣсненія уравнили всѣ партіи и направленія. Передовой „Современникъ“ и квасной патріотъ Погодинъ, сочиненія Гоголя и Пушкина, цвѣтъ московской аристократіи—славянофилы, воспитатель наслѣдника и любимецъ царской семьи Жуковскій и даже Булгаринъ—всѣ должны были проходить самыя удивительныя цензурныя мытарства и подвергаться самымъ непостижимымъ придиркамъ. Исторія цензуры 1848—1855 гг. будетъ подробнѣе изложена во II томѣ настоящихъ „Очерковъ“. Пока отмѣтимъ, что она въ большинствѣ случаевъ представляетъ собою лѣтопись величайшихъ курьезовъ и совершенно анекдотичныхъ случаевъ, которые заставили такое вліятельное лицо, какъ гр. Д. Н. Блудовъ, во всеуслышаніе сказать въ одномъ очень вліятельномъ салонѣ: „Наши цензора сродни паяцамъ“. Черезъ нѣсколько лѣтъ, въ 1862 г., въ офиціальной докладной запискѣ дѣятельность цензуры 1848—1855 гг. была признана «*Эпохою цензурнаго террора*». Дождь стѣснительныхъ мѣръ посыпался также на университеты, и это непосредственно отразилось и на литературномъ настроеніи, потому что большинство ученыхъ очень тѣсно примыкало тогда къ журналамъ, гдѣ имѣлся даже особый и одинъ изъ наиболѣе объемистыхъ отдѣловъ подъ заглавіемъ „Науки“.

Но, конечно, наиболѣе удручающимъ образомъ дѣйствовалъ на литературное настроеніе эпохи **рядъ небывало-строгихъ мѣръ, направленныхъ противъ личности писателей.**

Первымъ пострадалъ *Салтыковъ Щедринъ*. Вина его состояла въ томъ, что въ мартовской книжкѣ „Отечеств. Зап.“ за 1848 г., первой, которая вышла послѣ революціонныхъ событій на Западѣ, онъ напечаталъ повѣсть „Запутанное дѣло“. Черезъ 14 лѣтъ эта же самая повѣсть была безпрепятственно напечатана авторомъ, не обративъ на себя ни вниманія публики, ни вниманія цензуры. Но въ 1848 г. молодой столоначальникъ долженъ былъ отправиться въ Вятку для охлажденія своихъ слишкомъ явныхъ и лирическихъ

симпатій къ „униженнымъ и оскорбленнымъ". Какъ и во всѣхъ молодыхъ людяхъ конца сороковыхъ годовъ, въ Салтыковѣ бродилъ тотъ же неопредѣленный и туманный „соціализмъ", который сказался и въ литературной дѣятельности всѣхъ его сверстниковъ: въ Достоевскомъ — привлеченіемъ симпатій къ ничтожной по своему соціальному положенію личности Дѣвушкина; въ Григоровичѣ—возбужденіемъ жалости къ Антону-Горемыкѣ; въ Тургеневѣ—отыскиваніемъ высокозамѣчательныхъ чертъ въ крѣпостномъ рабѣ; въ Некрасовѣ, Плещеевѣ, Дуровѣ—„низведеніемъ" поэзіи до воспѣванія любви какого-нибудь огородника и призывами къ добру, правдѣ и справедливости; въ разныхъ мелкихъ представителяхъ „натуральной школы"—Бутковъ и др.—описаніемъ петербургской нищеты и т. д. Но въ „Запутанномъ дѣлѣ", не имѣющемъ бытовой подкладки и написанномъ въ фантастическо-карикатурной манерѣ, эта „соціалистическая" или, какъ называетъ ее Тургеневъ, „теплая демократическая струйка" должна была сказаться явственнѣе. Повѣсть состоитъ, главнымъ образомъ, изъ авторскихъ разсужденій и явно-субъективной психологіи дѣйствующихъ лицъ, не оставляющихъ никакого сомнѣнія относительно того, въ какую сторону склоняются симпатіи автора.

Но если при помощи науки сердцевѣдѣнія и улавливанія образа мыслей можно было найти поводъ къ ссылкѣ Салтыкова, то *арестъ Юрія Самарина* былъ полною несообразностью со всѣхъ точекъ зрѣнія. Молодой славянофилъ служилъ въ рижскомъ комитетѣ по устройству лифляндскихъ крестьянъ и въ началѣ 1849 г. написалъ „Рижскія письма", въ которыхъ далъ полную волю своему ультра-патріотическому и руссификаторскому негодованію на чрезмѣрную силу нѣмецко-юнкерскаго элемента въ прибалтійскомъ краѣ. „Рижскія письма"—въ рукописи, конечно,—быстро распространились въ публикѣ, всегда падкой на „запрещенное". Остзейскіе бароны страшно разсердились и послали въ III отдѣленіе донесеніе, въ которомъ извѣстнымъ образомъ была освѣщена дѣятельность Самарина по крестьянскому комитету и его стремленія къ возстановленію правъ лифляндскихъ крестьянъ на землю. Плохо бы пришлось посаженному въ Петропавловскую крѣпость Самарину, если бы не огромныя связи. Самаринъ получилъ возможность лично объясниться съ Государемъ. Императоръ увидѣлъ, что имѣетъ дѣло съ человѣкомъ, который, если и напалъ рѣзко на правительство, то исключительно потому, что онъ былъ plus royaliste que le roi. Но строптивость и желаніе имѣть свое мнѣніе по вопросамъ, не подлежащимъ сужденію въ то время, все-таки, должны были быть наказаны, и пылкій руссофилъ былъ отправленъ въ почетную ссылку въ Симбирскъ

Въ апрѣлѣ 1849 г. послѣдовалъ арестъ членовъ будто бы революціоннаго „общества“ Петрашевцевъ, совершенно несообразно своему дѣйствительному значенію, раздутаго слѣдователемъ И. И. Липранди. Въ исторіи новѣйшей русской литературы **мнимый „заговоръ Петрашевскаго“** по многимъ причинамъ является однимъ изъ очень яркихъ эпизодовъ. Прежде всего по значительному количеству писателей и ученыхъ, прикосновенныхъ къ процессу. Кромѣ самого *М. П. Буташевича-Петрашевскаго* (1822—67), издавшаго подъ фирмою *Кириллова* весьма замѣчательный „Словарь иностранныхъ словъ“, попались братья *Достоевскіе*, *Плещеевъ*, *Пальмъ*, поэтъ *С. Ѳ. Дуровъ*, лексикографъ и беллетристъ *Ф. Толь*, химикъ *Ѳ. Львовъ*, гигіенистъ *Д. Д. Ахшарумовъ*, извѣстный теоретикъ позднѣйшаго славянофильства *Николай Данилевскій*, извѣстный романистъ *Григорій Данилевскій* (по ошибкѣ). Попались непосредственно, потому что почти всѣ бывали на пятницахъ Петрашевскаго и были тамъ переписаны агентомъ Липранди. Но если бы у Липранди было больше агентовъ—не приминулось бы выясниться, что кружокъ Петрашевскаго, посредствомъ отдѣльныхъ членовъ своихъ, стоитъ въ тѣсной афиліаціи со множествомъ другихъ кружковъ, гдѣ разсуждали совершенно въ томъ же духѣ о строгостяхъ цензуры, о безобразіи крѣпостного права, о продажности тогдашняго чиновничества, гдѣ съ огромнымъ интересомъ читались и коментировались теоріи Кабе, Фурье, Прудона и гдѣ, наконецъ, съ восторгомъ слушали письмо Бѣлинскаго къ Гоголю. И такъ какъ перечисленныя только-что „преступленія“ составляютъ всю сущность „заговора“, то при большей освѣдомленности агентовъ Липранди попался бы и примыкавшій къ кружку Петрашевскаго кружокъ извѣстнаго педагога и переводчика *Иринарха Введенскаго*, къ которому принадлежали молодые литераторы и студенты: *Г. Е. Благосвѣтловъ*, *А. П. Милюковъ* и *Н. Г. Чернышевскій*. Долго и усердно посѣщалъ пятницы Петрашевскаго *Аполлонъ Майковъ*, но спасся отъ преслѣдованія только потому, что случайно прекратилъ свои посѣщенія къ тому времени, когда за пятницами былъ организованъ надзоръ.

Лишь смерть избавила отъ преслѣдованій *Валеріана Майкова* и *Бѣлинскаго*. Валеріанъ Майковъ принималъ главное участіе въ составленіи „Словаря иностранныхъ словъ“ Кириллова, который былъ однимъ изъ крупнѣйшихъ corpus delicti процесса. Что касается Бѣлинскаго, то само собою разумѣется, что за письмо свое къ Гоголю онъ былъ бы причисленъ къ преступнѣйшей категоріи „общества“. Многіе изъ петрашевцевъ только и были повинны, что въ распространеніи этого письма. Такъ, окончательный, т. е. уже значительно смягченный, приговоръ относительно Плещеева гласитъ: „*За распространеніе письма Бѣлинскаго*, лишить всѣхъ правъ состоянія и сослать въ каторжную работу на заводахъ на 4 года“.

Дѣло Петрашевскаго долго составляло предметъ государственной тайны, а имя Бѣлинскаго было рядъ лѣтъ изъято изъ обращенія. Эта таинственность, въ связи съ суровымъ наказаніемъ, понесеннымъ участниками „общества“ (первоначально смертная казнь, замѣненная каторгой только на Семеновскомъ плацу, послѣ пережитыхъ ужасныхъ минутъ ожиданія смерти) создали представленіе о дѣлѣ Петрашевскаго, какъ о серьезномъ политическомъ „заговорѣ“, который ставился наряду съ заговоромъ декабристовъ. Но это представленіе совершенно разрушается при ближайшемъ изслѣдованіи, которое показываетъ, что Петрашевцы пали исключительно жертвою болѣзненной подозрительности эпохи и чиновничьяго честолюбія слѣдователя. Въ дѣйствительности, все сводилось къ *преніямъ* по тремъ „главнымъ вопросамъ“: необходимости освобожденія крестьянъ, реформы судопроизводства и смягченія цензуры, т. е. къ тѣмъ реформамъ, которыя чрезъ нѣсколько лѣтъ были провозглашены съ высоты трона. Единственнымъ вѣрнымъ „обвиненіемъ“ было увлеченіе „фурьеризмомъ“. Всѣ Петрашевцы, несомнѣнно, увлекались идеями французскихъ соціальныхъ реформаторовъ. Но только въ этихъ увлеченіяхъ не было ничего конспираторскаго, не было ничего наступательно-опаснаго. Воспоминанія и письма людей сороковыхъ годовъ самыхъ разнообразныхъ оттѣнковъ, начиная съ Герцена, Салтыкова, Достоевскаго, Бѣлинскаго и кончая такими узкими спеціалистами, какъ напр., оріенталистъ Григорьевъ и нумизматъ Савельевъ, единогласно свидѣтельствуютъ, что, за самыми незначительными исключеніями, вся прогрессивная часть русской литературы и русскаго общества 40-хъ годовъ страстно увлекалась французскою соціальною литературою. Интересъ къ соціальнымъ теоріямъ просто въ воздухѣ тогда носился. Разговоры о Нью-Ланаркѣ, объ Икаріи Кабе, о фаланстерахъ Фурье, о Прудонѣ, Луи-Бланѣ составляли преобладающую тему каждой интеллигентной бесѣды. Но все это имѣло безусловно платоническій характеръ, и если въ чемъ выражалось практически, такъ только въ усиленіи озлобленія противъ безобразій „трехъ главныхъ вопросовъ“: т. е. келейнаго, подъяческаго суда, крѣпостного права и цензуры того времени. Изъ соціальныхъ системъ черпали только общегуманную подкладку, стремленіе положить общее благо, правду и справедливость въ основу общественной жизни. Но именно потому-то мнимый „заговоръ“ Петрашевскаго, какъ рельефно обрисовавшаяся ячейка большого цѣлаго, имѣетъ такое первостепенное значеніе для характеристики литературно-общественнаго настроенія конца дореформенной эпохи. Пользуясь терминологіею Липрандіевскаго доклада, слѣдуетъ констатировать, что такія „засѣданія“, какъ на пятницахъ у Петрашевскаго, происходили по всѣмъ угламъ Россіи, когда сходились люди, живущіе высшими инте-

ресами, такой „гнусный либерализмъ“, такія „вредныя“ идеи „пропагандировались“ всякимъ, въ комъ житейская проза не убила запросовъ сердца и совѣсти. Правильно говорилъ Липранди въ первомъ пунктѣ своего доклада: „Я никакъ не могъ остаться при мысли, чтобы злоумышленное общество состояло изъ тѣхъ только людей, которыхъ агентъ мой видѣлъ и слышалъ въ собраніяхъ Петрашевскаго“. Правильно говоритъ онъ затѣмъ о „провинціальныхъ паствахъ“ Петрашевцевъ, о томъ, что идеи ихъ „посѣяны“ и принесли „болѣе или менѣе плоды въ разныхъ мѣстахъ государства“. Нелѣпо только, что во всемъ этомъ ему мерещились „обширныя и далеко пущенныя отрасли“ организованнаго заговора, между тѣмъ какъ на самомъ дѣлѣ тутъ было цѣлое общественное теченіе, считающее своихъ приверженцевъ тысячами. Могучее общественное движеніе, наступившее послѣ крымской войны такъ внезапно и стремительно, было бы совершенно непонятнымъ явленіемъ, если бы мы не знали, что сѣмена новаго міросозерцанія были брошены раньше, что кружокъ Петрашевцевъ былъ только однимъ изъ многочисленныхъ ему подобныхъ кружковъ.

Рядомъ съ ужасною участью Петрашевцевъ, дальнѣйшія писательскія невзгоды періода 1848—55 гг., конечно, уже не такъ поражаютъ, но сами по себѣ онѣ достаточно угнетающе дѣйствовали на настроеніе литературной среды. Почему, напр., должны были выпасть непріятности на долю *Островскаго*? Онъ былъ центральнымъ лицомъ такъ называемой „молодой редакціи Москвитянина“, воевавшей съ „западниками“ и „Современникомъ“ во имя „истинно-русскаго“ патріархальнаго склада жизни. И тѣмъ не менѣе въ 1850 г. не только было запрещено поставить на сцену „Свои люди—сочтемся“, но даже писать о ней рецензіи, а самъ авторъ былъ отданъ за свою комедію подъ надзоръ полиціи. Въ комедіи плутни кончаются удачею. А между тѣмъ „благодарная и полезная цѣль таланта“, какъ отъ имени министра нар. просв. объяснялъ Островскому московскій попечитель, заключается „въ утвержденіи того, столь важнаго въ жизни общественной и частной вѣрованія, что злодѣянія находятъ достойную кару еще и на землѣ“. И времена стояли такія, что Островскій не только долженъ былъ выслушать это „вразумленіе“, но и письменно принесъ „глубокую благодарность за совѣты, которыми министру угодно было почтить“ его.

Весьма малымъ отличается отъ „вины“ Островскаго гораздо строже наказанная „*вина*“ *Тургенева*. Она состояла ва томъ, что послѣ смерти Гоголя, въ 1852 г., Тургеневъ написалъ о немъ восторженный некрологъ. Некрологъ долженъ былъ появиться въ „С.-Пет. Вѣд.“, но главный начальникъ петербургской цензуры, свирѣпый попечитель Мусинъ-

Пушкинъ запретилъ статью, сказавъ „*что о такомъ писателѣ преступно отзываться столь восторженно*“! Тургеневъ послалъ статейку въ Москву Василію Боткину, единственно для того, чтобы показать, что и „холодный“ Петербургъ страшно взволнованъ великою потерею, но Боткинъ взялъ и напечаталъ ее въ „Моск. Вѣд.“., съ разрѣшенія, конечно, московской цензуры, ничего не знавшей о петербургскомъ запрещеніи. Появленіе статьи взбѣсило Мусина-Пушкина. Онъ пожаловался, изобразилъ Тургенева „бунтовщикомъ“, и авторъ „Записокъ Охотника“ былъ водворенъ на съѣзжую, что на Офицерской. Пробывъ мѣсяцъ въ этомъ пріятномъ мѣстѣ, онъ былъ высланъ изъ столицы.

Передряга Тургенева вводитъ въ одну изъ наиболѣе любопытныхъ подробностей мрачнаго семилѣтія—въ исторію *преслѣдованій имени Гоголя*. Смерть Гоголя (21 фев. 1852 г.) произвела огромное впечатлѣніе на публику. Охлажденіе, вызванное „Перепискою съ друзьями“, быстро смѣнилось самою искреннею горестью о преждевременной утратѣ такого великаго писателя. Пошли оживленные толки и разговоры, въ немногихъ газетахъ того времени появились прочувствованныя статьи, служились панихиды при большомъ стеченіи молящихся, наконецъ, были устроены торжественныя похороны. Словомъ, сонное общество нѣсколько пробудилось изъ глубокой апатіи, въ которую оно погрузилось благодаря безвременью. И вотъ это-то воодушевленіе, вызванное смертью какого-то писаки, да еще такого, которому не могли простить его прежняго отрицательнаго направленія, до глубины души возмутило ревнителей общественнаго благочинія. Главный органъ мракобѣсія — „Сѣверная Пчела“ выходила изъ себя. Болѣе 20 лѣтъ не устававшій повторять, что Гоголь пустой и безнравственный писатель, Булгаринъ не унялся въ виду свѣжей могилы его и продолжалъ утверждать, что „Гоголь не что иное, какъ русскій Поль-де-Кокъ“. Но нападки его не ограничивались одной этой чудовищной безвкусицей. Зная, чѣмъ въ какое время надо угождать, Булгаринъ съ особенною энергіею сталъ теперь напирать на то, что Гоголь обращаетъ вниманіе исключительно только на темныя стороны русской жизни и совершенно игнорируетъ свѣтлыя. „Представилъ ли онъ хотя одинъ образецъ высокаго благородства, самоотверженія за правое дѣло, великодушія, безкорыстія“, патетически восклицалъ благородный Фаддей Бенедиктовичъ. Нападки Булгарина, попавшія въ настроеніе подлежащихъ сферъ, произвели неотразимое впечатлѣніе, и поднялось, по выраженію старика Сергѣя Аксакова, „безумное гоненіе имени Гоголя“. Приказано было строго цензурировать все, что пишется о Гоголѣ, и, наконецъ, объявлено было совершенное запрещеніе говорить о Гоголѣ. Приходилось гово-

рить обиняками. Литература не дерзала называть по имени своего величайшаго генія и часто обозначала его словами „извѣстный писатель". При такихъ условіяхъ понадобились три года хлопотъ и усилій, чтобы осуществить изданіе полнаго собранія его сочиненій. Были найдены пути къ вел. кн. Константину Николаевичу, который исхлопоталъ особое высочайшее разрѣшеніе на новое изданіе произведеній, уже больше 15 лѣтъ составлявшихъ гордость русской литературы. И то при этомъ заглавіе „Мертвыя души" должно было быть замѣнено „Похожденіями Чичикова".

Не менѣе характеристична передряга, перенесенная *московскими славянофилами*, когда они въ 1853 году представили въ цензуру 2-й томъ „Московск. Сборника". Не только весь невиннѣйшій сборникъ въ полномъ составѣ былъ запрещенъ, но и всѣ сотрудники—все люди, принадлежащіе къ высшей московской аристократіи, люди, смиренномудріе которыхъ составляло предметъ вѣчныхъ насмѣшекъ противной партіи, люди, фанатически преданные существующему порядку, возводившіе въ основной догматъ своего ученія всѣ основныя начала русской государственной жизни, словомъ люди, какъ уже выше было сказано по поводу Юрія Самарина, plus royalistes que le roi, были отданы подъ надзоръ полиціи. „Что имъ мерещится?"—съ недоумѣніемъ спрашиваетъ Хомяковъ въ письмѣ къ Гильфердингу, которому разсказываетъ о томъ, какая надъ кружкомъ стряслась „невзгода, какія подозрѣнія, какія угрозы". „Кирѣевскій и Черкасскій", сообщаетъ онъ далѣе, „въ большомъ негодованіи, особенно Кирѣевскій. Богомольный монархистъ, ему и не снилось, чтобы его въ чемъ-нибудь заподозрѣли, и онъ считаетъ себя сильно оскорбленнымъ. Я, разумѣется, смѣюсь, потому что ожидалъ даже худшаго и увѣренъ, что худшее устранено только добрыми людьми". Превосходно объясненіе, которое Хомяковъ давалъ всей этой нелѣпой исторіи: „*Мысль и ея движеніе теперь подозрительны, какое бы ни было ея направленіе*" (неувядаемая, увы, формулировка). Больше всѣхъ опаснымъ казался Хомяковъ, которымъ чрезвычайно интересовалась наслѣдница, и о которомъ самъ императоръ Николай Павловичъ очень благосклонно отзывался! „Когда бѣднаго Павлова схватили", разсказываетъ Хомяковъ Гильфердингу, „велѣно было прежде всего искать моихъ писемъ. Можно ли себѣ представить что-нибудь смѣшнѣе этого, а это фактъ". Упоминаемый здѣсь „бѣдный Павловъ" есть извѣстный Ник. Филип. Павловъ, талантливый авторъ появившихся въ концѣ 30-хъ гг. „Трехъ повѣстей" и выдающійся публицистъ конца 50-хъ и начала 60-хъ годовъ. Онъ пострадалъ за то, что у него нашли „запрещенныя книги". Черезъ девять лѣтъ этому же самому Павлову, тогда редактору газеты „Наше Время", вмѣстѣ съ ре-

дакторами другихъ газетъ и журналовъ, было дано офиціальное право получать безъ цензуры выходящія за границею на русскомъ и иностранномъ языкахъ всякія книги и періодическія изданія. Но въ 1853 г. Павловъ за „запрещенныя книги“ и притомъ самой невинной категоріи—на иностранныхъ языкахъ (русскаго книгопечатанія за границей еще не существовало тогда) былъ сосланъ въ Пермь.

При такихъ условіяхъ писателю конца дореформенной эпохи приходилось осуществлять свои творческіе замыслы, и не трудно понять, что общая окраска ихъ не могла быть радостной. Годы, непосредственно предшествующіе реакціи конца дореформенной эпохи, были одновременно и эпохою яркаго пробужденія общественно-политическаго чувства, и эпохою вѣры въ то, что близится лучшая пора. Въ извѣстномъ стихотвореніи Плещеева „Впередъ“, которое является какъ бы программой дѣятельности молодой литературы, поэтъ, восклицая: „Впередъ! безъ страха и сомнѣнья, на подвигъ доблестный, друзья“, тутъ же прибавляетъ: „Зарю святого искупленія ужъ въ небесахъ завидѣлъ я“. И хотя, заканчивая свой призывъ, онъ и допускаетъ возможность неудачи („Впередъ, впередъ! и безъ возврата что бъ рокъ вдали намъ ни сулилъ“), но только для того, чтобы показать твердость своей рѣшимости. Фаланга молодыхъ талантовъ тѣмъ именно и была сильна, что вѣрила въ живучесть и скорое торжество тѣхъ гуманныхъ общественныхъ воззрѣній, которыя легли въ основу ихъ произведеній. И вдругъ все это разсѣевается дымомъ: одному „собрату“ за желаніе карать „глаголомъ истины“ „рокъ сулилъ“ мертвый домъ, другому—солдатчину, третьему—вѣчное изгнаніе изъ родины и т. д., со всѣхъ сторонъ надвигается грозная стѣна стѣсненій, запрещеній, урѣзываній, всякая самостоятельная мысль, всякая непредусмотрѣнная симпатія вмѣняется въ государственное преступленіе. Безнадежное уныніе овладѣло всѣми, кто еще такъ недавно бодро и смѣло глядѣлъ въ будущее. „Есть съ чего съ ума сойти“, писалъ Грановскій, разсказывая въ интимномъ письмѣ, относящемся къ 1850 г., какъ „положеніе становится нестерпимѣе день ото дня“, какъ „доносы идутъ тысячами“, какъ „университеты предполагалось закрыть“, какъ „устроили комплектъ изъ 300 чел., вслѣдствіе чего изъ 1.400 студентовъ московскаго университета нужно выпустить 1.300, чтобы имѣть право принять сотню другихъ“. Для кадетскихъ корпусовъ составлены программы, которымъ „позавидовали бы іезуиты“, „священнику предписано внушать кадетамъ, что величіе Христа заключалось преимущественно въ покорности властямъ“ и въ томъ, что онъ былъ „образцомъ подчиненія и дисциплины“. Учитель же исторіи „долженъ разоблачать

мишурныя добродѣтели древнихъ республикъ". *Благо Бѣлинскому, умершему во время*", заключаетъ Грановскій свое письмо. „Много порядочныхъ людей впали въ отчаяніе и съ тупымъ спокойствіемъ смотритъ на происходящее—*когда же развалится этотъ міръ*". Эти леденящія слова особенно характерны тѣмъ, что принадлежатъ человѣку, который выдѣлялся въ кружкѣ Бѣлинскаго и его друзей своею умѣренностью и оптимизмомъ.

Уныніе, овладѣвшее одними, смерть и невзгоды, постигшія другихъ, отразились на литературѣ весьма замѣтно. Въ одинъ, два года какъ личный составъ, такъ и общая литературная физіономія эпохи измѣняется существеннѣйшимъ образомъ. Особенно велики были перемѣны въ области теоретической мысли, сразу лишившейся вождей въ лицѣ „во время умершаго" Бѣлинскаго и во время ушедшаго за границу Герцена (въ теченіе всего 1848 г. онъ еще имѣлъ возможность вернуться изъ своей легальной поѣздки, но вѣсти изъ Россіи отбивали всякое желаніе, и онъ въ 1849—50 гг. окончательно сжигаетъ за собою корабли, напечатавъ „Съ того берега" и др.). Изъ рядовъ дѣятелей художественной литературы тоже совершенно выбываетъ Достоевскій, въ томительные годы пребыванія въ Мертвомъ Домѣ не написавшій ни одной строчки. Щедринъ промолчалъ вплоть до наступленія новаго царствованія, когда нѣсколькихъ мѣсяцевъ общественнаго возбужденія было достаточно, чтобы у него вылилось такое первоклассное произведеніе какъ „Губернскіе Очерки". Достоевскій и Щедринъ были перворазрядные таланты, и потому въ концѣ концовъ они выдержали натискъ бури и, съ наступленіемъ лучшихъ временъ, вернулись къ литературной дѣятельности съ тѣмъ же настроеніемъ, съ какимъ ее начали. Но у молодого, 23-лѣтняго Плещеева не было такого могучаго таланта и связанной со всякимъ большимъ дарованіемъ духовной энергіи. Его невзгода одолѣла окончательно, сообщивши его поэзіи тотъ исключительно-грустный характеръ, который съ рокового 1849 г. составляетъ основную черту всѣхъ его произведеній. Еще такъ недавно призывая идти „впередъ, безъ страха и сомнѣнья", молодой голосъ поэта былъ полонъ огня воодушевленія и бодрой вѣры. А черезъ какихъ-нибудь 7 лѣтъ, возвратившись послѣ амнистіи 1856 г. къ литературной дѣятельности, поэтъ прямо заявляетъ, что „запуганъ мракомъ ночи", что „морозы ранніе безжалостно побили безпечной юности любимые цвѣты" и что душа его обрѣла увы, „лишь жалкое въ себѣ разувѣренье, да убѣжденіе въ безплодности борьбы, да мысль, что ни одно правдивое стремленье ждать не должно себѣ пощады у судьбы".

Тургеневъ—талантъ, доброю половиною своего значенія обязанный своей чуткости, своему умѣнью улавливать „моменты" общественной

жизни, тоже ярко отразилъ уныніе эпохи. Безвременье сообщило произведеніямъ, вышедшимъ изъ-подъ его пера въ періодъ 1848—55 гг., тотъ меланхолическій оттѣнокъ, который, правда, вообще составляетъ одну изъ основныхъ чертъ писательскаго темперамента Тургенева, но, все-таки, никогда не проявлялся въ немъ съ такою силою, какъ въ разсматриваемые годы. Типъ „лишняго человѣка",—это до ужаса яркое воплощеніе разлада, разъѣдавшаго „до-реформеннаго" русскаго человѣка, былъ созданъ Тургеневымъ въ годы разсматриваемаго безвременья. Къ „лишнему человѣку" примыкаетъ цѣлый рядъ однородныхъ типовъ, созданныхъ Тургеневымъ тогда же. Гамлетъ Щигровскаго уѣзда, безполезный и никому ненужный Вязовнинъ изъ „Двухъ пріятелей", герой „Переписки", съ ужасомъ восклицающій, что „у насъ, русскихъ, нѣтъ другой жизненной задачи, какъ разработка нашей личности", богатая натура Веретьева и Маши изъ „Затишья", изъ которыхъ одного пустота и безцѣльность русской жизни приводитъ къ трактиру, а другую въ прудъ—всѣ эти типы лишнихъ, безполезныхъ и исковерканныхъ людей зародилось въ творческомъ мозгу Тургенева какъ разъ въ тяжелые годы конца дореформенной эпохи. Прибавить къ этому щемящую поэзію „Пѣвцовъ", „Свиданія", „Якова Пасынкова", „Муму"—и получается цѣлая однородная полоса мрачнаго и безнадежнаго отчаянія.

Въ жизни Некрасова разгромъ недавно столь бодрыхъ передовыхъ кружковъ выразился даже въ чисто-количественномъ отношеніи — онъ крайне вяло работалъ въ тяжелые годы мрачнаго семилѣтія. Дарованіе по преимуществу боевое, Некрасовъ предавался усиленному поэтическому творчеству только въ годы учащеннаго біенія общественнаго пульса. Хорошихъ стихотвореній имъ написано въ 1848—55 гг. не больше какъ три, четыре („Въ деревнѣ" „Власъ", „Внимая ужасамъ войны"). А между тѣмъ эти немногія стихотворенія совершенствомъ чисто-художественнаго исполненія своего показываютъ, что писательскія способности Некрасова были въ полномъ расцвѣтѣ, что имъ только недоставало ощущеній, впечатлѣній, чтобы дать обильную поэтическую жатву. Но не только въ ослабленіи поэтической производительности выразилось дѣйствіе безвременья на Некрасова. Въ эти же годы его литературный формуляръ обогатился такимъ печальнымъ пріобрѣтеніемъ, какъ почти лубочные романы „Три страны свѣта" и „Мертвое озеро", сочиненные Некрасовымъ въ сообществѣ со Станицкимъ (псевдонимъ *Евгеніи Яковлевны Головачевой-Панаевой* (1820—1893) Некрасовъ самъ по себѣ былъ человѣкъ и недостаточно образованный, и недостаточно нравственно-устойчивый. Все свое идейное богатство онъ черпалъ изъ общенія съ людьми, группировавшимися около издававшихся имъ журналовъ.

Въ сороковыхъ годахъ—кружокъ Бѣлинскаго, со средины 50-хъ годовъ—Чернышевскій, Добролюбовъ и ихъ друзья, позднѣе сотрудники „Отеч. Зап.“—вотъ кто влилъ въ творчество его ту струю, которая сдѣлала Некрасова—Некрасовымъ. Но именно этого-то вдохновляющаго и подтягивающаго элемента и не было у Некрасова въ разсматриваемые годы. Фатоватый Панаевъ, холодный дэнди Дружининъ, любитель порнографіи Лонгиновъ—вотъ кто были теперь наиболѣе близкіе люди къ Некрасову. Въ этой близости не было ничего случайнаго. „Однихъ ужъ нѣтъ, а тѣ далече“ могъ съ полнымъ правомъ сказать Некрасовъ про прежнихъ друзей своихъ и вдохновителей. Какъ только мракъ общественной атмосферы немножко разсѣялся, сейчасъ же нашлись и вдохновители, и лира „мести и печали“ стало звучать тѣми струнами, которыя сообщили Некрасову его писательскую физіономію.

Въ томъ фактѣ, что Некрасовъ не постѣснялся подписать свое имя подъ почти-лубочными романами „Три страны свѣта“ и „Мертвое озеро“, ярко сказалась одна изъ характернѣйшихъ чертъ печальнаго семилѣтія,—общее пониженіе литературнаго тона. Главный органъ литературной жизни—ежемѣсячная журналистика въ безвременье 1848—55 гг. потеряла и въ опредѣленности стремленій, и въ живости, и въ чувствѣ собственнаго достоинства. Опредѣленность стремленій, выражающаяся въ партійной борьбѣ, идейной полемикѣ, толкахъ о міросозерцаніяхъ, выясненіи идеаловъ и являющаяся признакомъ всякой крупной эпохи, почти исчезаетъ въ напуганной журналистикѣ. Мусинъ-Пушкинъ уравнилъ всѣ мнѣнія, всѣ засѣли по угламъ, всякій былъ радъ, если о немъ забыли. Замолкли западники, замолкли и славянофилы и великая битва, ратные звуки которой такъ недавно еще оглашали долы и высоты русской журналистики, почти прекращается. У славянофиловъ даже постояннаго органа своего не было, а когда въ 1852 г. они издали 1-й томъ «Московскаго Сборника», онъ вызвалъ только нѣсколько мимолетныхъ рецензій, потому что въ литературныхъ кружкахъ было извѣстно о цензурной невзгодѣ, тотчасъ же постигшей со 2-мъ томомъ издателей, и у кого же могла подняться рука сражаться съ людьми, у которыхъ была отнята возможность защищаться. Но, помимо брезгливости, были тутъ соображенія и менѣе высокаго свойства. Хотя и опальное, славянофильство было куда благонадежнѣе во мнѣніе надлежащихъ сферъ, и сражаться съ нимъ было не безопасно. Практическій Некрасовъ, какъ издатель «Современника», очень скоро это понялъ, и вотъ въ главномъ органѣ западничества и въ такомъ видномъ мѣстѣ, какъ объявленіе о подпискѣ на 1849 г., т. е. въ редакціонномъ proffession de foi, попадаются такія фразы: «Теперь настало другое время. Въ настоящую минуту уже стало очевидно,

что міръ славяно-русскій и міръ романо-германскій—два совершенно особенные міра. У насъ свое дѣло, своя задача, своя цѣль, свое назначеніе, а потому и своя особенная дорога, свои особенныя средства. Чувства народной самобытности теперь получили и у насъ окончательно право гражданства» и т. д. Это былъ языкъ Хомякова и Кирѣевскаго и можно было бы тутъ усмотрѣть полную сдачу западнической программы, если бы не было достовѣрно извѣстно, что все это писалось подъ прямымъ давленіемъ страшнаго «Комитета 2 апрѣля» (1848), поставленнаго теперь во главѣ цензуры и прямо требовавшаго, чтобы журналы доказывали, что у Россіи «своя особенная дорога», т. е., что европейскія настроенія должны остаться намъ чуждыми. Само собою разумѣется, однако, что какъ ни были лицемѣрны подобныя заявленія, они, все же, дѣлали совершенно немыслимымъ споръ съ славянофильствомъ. Современники не могли не замѣтить такого капитальнаго явленія, какъ исчезновеніе журнальныхъ оттѣнковъ. «Вслѣдствіе отсутствія строго-раздѣленныхъ партій въ нашемъ обществѣ и въ нашей литературѣ», говорилось въ одномъ изъ журнальныхъ обозрѣній 1851 г., «и самые журналы не представляютъ рѣзкихъ между собой отличій, а могутъ быть раздѣляемы только по нѣкоторымъ и большею частью весьма слабымъ оттѣнкамъ». Всего нѣсколько лѣтъ тому назадъ было совсѣмъ иначе. Грановскій отдалъ въ «Москвитянинѣ» (1843) безразличнѣйшую компиляцію книги Штенцеля «Geschichte d. preussischen Staats». Это настолько возмутило Бѣлинскаго, что когда Грановскій спросилъ у него мнѣнія о статьѣ, онъ ему отвѣтилъ, что «не принимаетъ свиданій съ друзьями въ неприличныхъ мѣстахъ». Часто бы пришлось Бѣлинскому повторять эту отповѣдь, если бы онъ пережилъ 48-й годъ. Множество писателей теперь одновременно участвовало въ разныхъ журналахъ. Григоровичъ, Писемскій, Полонскій, Фетъ, Щербина, Потѣхинъ, Мих. Ил. Михайловъ помѣщали свои произведенія въ одно и то же время въ «Современникѣ», «Отеч. Зап.» и «Москвитянинѣ». Дружининъ одновременно сотрудничалъ въ «Современникѣ» и «Библ. для Чтенія» Сенковскаго. Онъ даже перенесъ туда свои «Письма иногородняго подписчика», когда разошелся на нѣкоторое время съ «Современникомъ». Нѣсколько лѣтъ тому назадъ такое явленіе было бы совершенно немыслимо, такъ какъ «Письмами иногородняго подписчика» Дружининъ занялъ амплуа «перваго критика» «Современника» и слѣдовательно, составлялъ главное выраженіе «направленія» журнала. И вдругъ перекочевка къ Сенковскому, этому исконному противнику кружка «Современника», человѣку совершенно противоположнаго душевнаго и умственнаго склада.

Въ связи съ утратою опредѣленности міросозерцанія, исчезаетъ теперь

и жизненный нервъ всякой бодрой печати—полемика. Бѣлинскій съ энтузіазмомъ говорилъ про себя: «Я рожденъ для печатныхъ битвъ, мое призваніе, жизнь, счастье, воздухъ, пища—полемика», а Дружинину, занявшему послѣ смерти Бѣлинскаго амплуа перваго критика, полемика была «скучна», онъ не признавалъ за ней никакой «пользы». Исчезла однако только идейная полемика, полемика же въ смыслѣ руготни и личной перебранки не только не исчезла, а напротивъ того распустилась пышнымъ цвѣтомъ и, къ соблазну читающей публики, приняла грубый, лавочническій характеръ зазыванія къ себѣ подписчиковъ. Это уже было прямымъ слѣдствіемъ литературнаго безвременья. Безвременье, конечно, не создало меркантильности, составляющей основную черту издателя «Отеч. Зап.» Краевскаго и «практичности», составляющей значительную черту въ характерѣ Некрасова, издателя «Современника». Но дѣло въ томъ, что прежде все это пряталось подальше и не выставлялось на всеобщее позорище. Вражда между первенствующими журналами—«Отеч. Зап.» и «Современникомъ» началась еще съ 1846 г., когда большая часть кружка Бѣлинскаго вмѣстѣ съ нимъ ушла отъ Краевскаго въ купленный у Плетнева Некрасовымъ и Панаевымъ «Современникъ». Но вражда была глухая, выражавшаяся недружелюбіемъ въ частныхъ отношеніяхъ. Никогда эта вражда не вносилась въ литературныя отношенія. Пока живъ былъ духъ Бѣлинскаго и Герцена, журналистика высоко держала свое знамя. Но теперь, когда журналистика сошла съ высоты, на которую ее поставила нравственная сила лучшихъ людей сороковыхъ годовъ, когда журналисты изъ знаменосцевъ превращаются въ поставщиковъ занимательнаго чтенія, когда толковать объ идеяхъ и тому подобныхъ матеріяхъ было совсѣмъ не ко двору, мелкія страстишки могли безпрепятственно выползти наружу и стали возможны прямо апраксинскіе эпизоды. Только при полномъ исчезновеніи чувства собственнаго достоинства могли появиться въ лучшемъ журналѣ такія «полемическія» строки: «Читатели, вѣроятно, замѣтили, что съ нѣкотораго времени бумага «Отеч. Зап.» стала бѣлѣе, особенно на первыхъ и послѣднихъ книжкахъ журнала, шрифтъ лучше и совершенно исчезло дѣленіе страницъ на два столбца. Легко заключить, что эти «улучшенія» произошли вслѣдствіе вліянія «Современника», котораго наружность, какъ извѣстно, съ перваго раза заслужила общее одобреніе». Чѣмъ это не предостереженіе табачной фабрики отъ «поддѣлки» ея папиросъ, «заслужившихъ лестное одобреніе публики»? Вслѣдъ затѣмъ давалась «сравнительная таблица», которая должна была убѣдить читателя, что хотя «Отеч. Зап.» и скопировали внѣшность «Современника», но занимательность ихъ, все же, меньше: „Выводъ изъ этой сравнительной таблицы ясенъ для всякаго: въ те-

ченіе года „Современникъ“ по дѣлу русской словесности далъ своимъ подписчикамъ 1450 страницъ русскихъ повѣстей и романовъ, а „Отеч. Зап.“ въ тотъ же періодъ времени, по тому же отдѣлу дали 825 страницъ, т. е. „Современникъ“ далъ 625 стр. больше противъ „Отеч. Зап.“.

Такая безобразная перебранка длилась вплоть до наступленія новыхъ временъ, когда возможность говорить о серьезныхъ интересахъ общественной жизни сдѣлала совершенно неприличными и прямо невозможными подобныя дрязги. А вмѣстѣ съ утратой опредѣленности направленія и чувства собственнаго достоинства, журналистика переходнаго времени потеряла также въ живости и отзывчивости. Въ весеннихъ журнальныхъ книжкахъ 1848 г. говорилось о новостяхъ парижскихъ театровъ и ни единымъ словомъ не упоминалось о событіяхъ политическихъ. А еще за годъ до того искандеровскія „Письма изъ Avenue Marigny“ и „Парижскія письма“ Анненкова вполѣ удовлетворительно знакомили публику съ предреволюціоннымъ общественнымъ возсужденіемъ. Въ маѣ 1848 г. умеръ Бѣлинскій. Это было еще до „раскрытія“ дѣла Петрашевскаго, и Бѣлинскій еще не былъ поставленъ внѣ закона. Всего только Дуббельтъ за мѣсяцъ до смерти Бѣлинскаго пожелалъ „лично познакомиться“ съ знаменитымъ критикомъ, для чего и пригласилъ его въ III отдѣленіе. „Знакомство“ по болѣзни Бѣлинскаго не состоялось, но достаточно было и факта приглашенія, чтобы журналы не посмѣли пойти дальше коротенькихъ некрологовъ. „Современникъ“ посвятилъ важнѣйшему сотруднику своему—десять строкъ, „Отеч. Зап.“ около двадцати. Не имѣя возможности давать матеріалъ сколько-нибудь живой и вмѣстѣ съ тѣмъ обязанные удовлетворять установившейся съ 30-хъ годовъ потребности выпускать „толстыя“ книжки, журналы начинаютъ наполнять свои страницы статьями, которыя являются яркимъ патологическимъ продуктомъ глубокаго застоя умственной жизни. Чѣмъ-то прямо анекдотическимъ отзывается обширнѣйшій отдѣлъ „Наукъ“ въ журналахъ 1848—55 гг. Заботясь теперь единственно о томъ, чтобы статьи были „посерьезнѣе“ и „подѣльнѣе“, журналы не стѣснялись цѣликомъ вваливать въ „Науки“ тяжеловѣснѣйшіе ученые трактаты, съ цифрами, таблицами, спеціальными рисунками. И не только трактаты, а даже техническія руководства. „Москвитянинъ“ 1852 г. помѣщалъ у себя обширное руководство къ приготовленію торфа, съ многочисленными рисунками машинъ. Тамъ же появилось подробное изложеніе „Новаго способа дубленія кожи“. „Библ. для Чтенія“ печатала „Исторію тонкоруннаго овцевства“, „Современникъ“ трактатъ о рыбоводствѣ. „Сынъ Отечества“ знакомилъ своихъ читателей съ „Переугливаніемъ лѣсовъ“, устами того же самаго П. В. Шелгунова, который въ 60-хъ

годахъ пишетъ рядъ научно-популярныхъ статей, діаметрально противоположнаго характера, вызывающихъ со стороны многихъ упрекъ въ чрезмѣрной популяризаціи. Шелгуновъ же поучалъ въ „Библ. для Чтенія“ „Укрѣпленію летучихъ песковъ“, а въ той же самой книжкѣ капитанъ Звѣгинцевъ помѣстилъ „Графическій способъ дѣленія дуги на три части“ съ формулами и геометрическими чертежами. „Современникъ“ помѣщалъ спеціальнѣйшія рецензіи, съ употребленіемъ логариѳмовъ и интеграловъ, о такихъ книгахъ, какъ „Теорія паровыхъ машинъ“, „Курсъ высшей и низшей геодезіи“, „Измѣренія для опредѣленія разности уровней Чернаго и Каспійскаго морей“. „Отеч. Зап.“ цѣликомъ перепечатали на 120 стр. „Сибирскія лѣтописи XVI и XVII столѣтій“ и т. д., и т. д. Если 60-ые годы можно назвать періодомъ живой науки, то разсматриваемую эпоху въ полномъ смыслѣ этого слова можно назвать періодомъ мертвой науки.

Въ сферѣ литературной ослабленіе журнальной отзывчивости ярко сказалось въ упадкѣ критики, во главѣ которой теперь сталъ *Александръ Васильевичъ* **Дружининъ** (1824—1864), критикъ не безъ серьезныхъ достоинствъ, но безусловно второстепенныхъ, а самое главное совершенно несоотвѣтствующихъ тому понятію о „первомъ критикѣ“, о вождѣ поколѣнія и властителѣ думъ, которое было создано Бѣлинскимъ. Его „Письма иногородняго подписчика“, занявшія въ литературѣ разсматриваемой эпохи руководящее положеніе, даже не пытались касаться тѣхъ вопросовъ, которые поставили критику сороковыхъ годовъ на такую высоту и сдѣлали ее жизненнымъ нервомъ журналистики. Критика Бѣлинскаго и Валеріана Майкова была средоточіемъ русской мысли своего времени, энциклопедіей русскаго ума и чувства. Всего менѣе въ ущербъ „эстетикѣ“, всего менѣе въ ущербъ глубокому пониманію искусства и его законовъ, она захватывала все что интересовало развитого читателя, старалась подъ дымкою абстрактныхъ разсужденій отвѣчать на всѣ „проклятые вопросы“, которые возникли въ душѣ чуткаго русскаго человѣка, какъ только онъ начиналъ сознательно относиться къ явленіямъ окружающей его дѣйствительности. Вытекая изъ пламеннѣйшаго стремленія передать читателю выношенные въ душѣ идеалы, статьи Бѣлинскаго, его „обзоры“ всегда имѣли въ своей основѣ одну руководящую идею, и оттого онѣ прокладывали новые пути въ литературѣ и создавали школу. А Дружининскія письма—это отмѣтки журнальныхъ явленій. Отмѣтки болѣе или менѣе вѣрныя, болѣе или менѣе остроумныя, но, все таки, отмѣтки. Ни общей мысли, ни сколько-нибудь опредѣленнаго чувства. Замѣчательно, что тотъ же Дружининъ, вращавшійся исключительно въ сферѣ мелкихъ литературныхъ явленій, пока занималъ амплуа „перваго критика“, написалъ рядъ очень интересныхъ

критическихъ статей общаго значенія во второй половинѣ 50-хъ годовъ, когда оживленіе литературы и критики отодвинуло его на задній планъ. Есть и въ нихъ, правда, прежняя холодность, которая такъ не подходила къ роли преемника „неистоваго Виссаріона", есть и прежній дэндизмъ, но безъ тѣни той бездушной щеголеватости, которая является основной чертой дѣятельности „Иногородняго подписчика". Какъ беллетристъ, Дружининъ, начавшій „Поленькой Саксъ"—блестящей повѣстью на тему о семейныхъ отношеніяхъ, отразившей общее стремленіе молодой литературы пересмотрѣть установившіяся общественно-политическіе взгляды, теперь совсѣмъ захирѣлъ. Подобно Григоровичу, Дружининъ, по холодной природѣ своей чуждый новаторства и страстнаго увлеченія чѣмъ бы то ни было, создалъ „Поленьку Саксъ" не самъ по себѣ, а потому что новое настроеніе прямо въ воздухѣ носилось. Но измѣнилась общественная атмосфера, и подававшій блестящія надежды авторъ вдумчивой „Поленьки Саксъ" (Бѣлинскій видѣлъ въ немъ задатки второго Герцена), пишетъ рядъ ничтожныхъ повѣстей и романовъ, даже заглавія которыхъ безслѣдно исчезли изъ литературнаго сознанія.

Кромѣ Дружинина, въ разсматриваемые годы, тоже совершенно несоразмѣрно своимъ литературнымъ силамъ, выдвинулся *Павелъ Васильевичъ* **Анненковъ** (1812—1887). Онъ имѣетъ серьезныя заслуги предъ исторіей русской литературы какъ издатель перваго полнаго собранія сочиненій Пушкина и какъ близкій другъ плеяды писателей сороковыхъ годовъ, благодаря чему его воспоминанія являются главнымъ источникомъ свѣдѣній объ этой великой эпохѣ. Но его собственныя критическія силы, его вялый писательскій темпераментъ, его половинчатость и стремленіе помирить „мысль" съ „чистымъ художествомъ"—все это еще въ несравненно меньшей степени, чѣмъ Дружинина дѣлало его пригоднымъ для первенствующаго положенія въ литературѣ. И положеніе это весьма скоро измѣнилось: съ наступленіемъ новой литературно-общественной эпохи Анненковъ еще нѣсколько лѣтъ изрѣдка помѣщаетъ критическія статьи, мало кѣмъ замѣчаемыя, и затѣмъ окончательно отдается своимъ цѣннымъ мемуарамъ.

Рядомъ съ измельченіемъ литературной критики въ непосредственномъ смыслѣ этого слова, разсматриваемые годы необыкновенно богаты статьями о старо-русской литературѣ, для которыхъ дало внѣшній поводъ выходившее тогда Смирдинское „Собраніе русскихъ авторовъ". Галаховъ, Стоюнинъ, Гаевскій, Пыпинъ, Принархъ Введенскій, Дудышкинъ, Лонгиновъ, Геннади помѣстили въ „Современникѣ" и „Отеч. Зап." рядъ обширнѣйшихъ изслѣдованій о Третьяковскомъ, Богдановичѣ, Костровѣ, Херасковѣ, Княжнинѣ, Лукинѣ, Хмѣльницкомъ, Дельвигѣ и др. Этотъ внезапный интересъ къ Кострову и Княж-

нину не могъ быть ничѣмъ инымъ, какъ направленіемъ силъ въ сторону наименьшаго сопротивленія. Его насильственно навязала журналистикѣ реакціоннаго періода трудность касаться болѣе живыхъ явленій. Нервность, напр., какую внесъ въ статью о Третьяковскомъ еле выпутавшійся изъ дѣла Петрашевскаго Иринархъ Введенскій, человѣкъ съ очень рѣзкой общественно-политическою жилкою, не могла, конечно, быть вызвана сюжетомъ статьи. И эта нервность весьма скоро была замѣчена всевидящимъ окомъ „Комитета 2 апрѣля", и уже статья Галахова о Богдановичѣ въ „Отеч. Записк." вызвала цензурное гоненіе, потому что стиль и пріемы статьи напоминали, по мнѣнію наблюдателей, „духъ прежней туманной философіи и, если позволено такъ выразиться, напыщенной галиматьи (!) сего журанала, дававшей преднамѣренной неясностью идей и наборомъ словъ широкое поле къ произвольнымъ разсужденіямъ и примѣненіямъ". Приходилось такимъ образомъ и этотъ суррогатъ критики направить въ сторону еще меньшаго сопротивленія, отдать отдѣлъ критики предметамъ еще болѣе безобиднымъ, уже ничего общаго съ современностью не имѣющимъ. И вотъ наступаетъ въ „критическомъ" отдѣлѣ періодъ самаго мелочнаго крохоборства. „Гдѣ первоначально были помѣщены такіе стихи, какія въ нихъ были опечатки, какъ они измѣнены при послѣднихъ изданіяхъ, кому принадлежитъ подпись А или В въ такомъ-то журналѣ или Альманахѣ, въ какомъ домѣ бывалъ извѣстный писатель, съ кѣмъ онъ встрѣчался, какой табакъ курилъ, какіе носилъ сапоги, какія книги переводилъ по заказу книгопродавцевъ, на которомъ году написалъ первое стихотвореніе—вотъ важнѣйшія задачи современной критики, вотъ любимые предметы ея изслѣдованій, споровъ соображеній". Такъ характеризовалъ Добролюбовъ только-что закончившійся періодъ русской критики на рубежѣ новой эпохи. А черезъ три года, когда мрачный періодъ уже отошелъ въ область исторіи, Добролюбовъ, снова заговоривъ о библіографическомъ крохоборствѣ, замѣнившемъ въ 1848—55 гг. критику, имѣлъ возможность дать ему и превосходнѣйшее объясненіе: „Да мало-ли что можно вспомнить изъ этого времени, въ томъ же безвредномъ родѣ, какъ будто вызванномъ *отчаяніемъ скуки*".

Среди незначительности, порою переходившей въ ничтожество критики разсматриваемой эпохи есть, однако, одно исключеніе. Въ эти же годы опредѣлилось вполнѣ одно изъ серьезнѣйшихъ дарованій русской критики—*Аполлонъ Александровичъ* **Григорьевъ** (1822—1864). Дѣятельность его связана съ такъ называемой „*молодой редакціей Москвитянина*", сообщившей жизнь и интересъ совершенно погибшему въ борьбѣ съ равнодушіемъ публики младенчески-патріотическому и забавно-обскурантскому журналу Шевырева и Пого-

дина. Совершенно неожиданно для нихъ самихъ вокругъ ихъ журнала около 1850 г. группируется, по характеристикѣ самого Аполлона Григорьева, „молодой, смѣлый, пьяный, но честный и блестящій дарованіями“ дружескій кружокъ, въ составъ котораго входили: *Островскій*, *Писемскій*, *Аполлонъ Григорьевъ*, остроумный поэтъ-пародистъ *Борисъ Николаевичъ Алмазовъ* (1826—76), немножко тяжеловѣсный, но образованный критикъ-эстетикъ *Евгеній Николаевичъ Эдельсонъ*, (1824—68), *Алексѣй Потѣхинъ*, *Сергѣй Максимовъ*, *Горбуновъ*, *Печерскій-Мельниковъ*, талантливый бытописатель московскаго мѣщанства *Иванъ Тимофеевичъ Кокоревъ* (1826—53), Мей, поэтъ-переводчикъ *Николай Васильевичъ Бергъ* (1824—84), идеализаторъ всего старо-русскаго публицистъ-богословъ *Тертій Ивановичъ Филипповъ* (1825—1899) и др. Это далеко не былъ кружокъ однородный, и съ наступленіемъ новаго періода онъ разбрелся по самымъ разнообразнымъ изданіямъ. Теперь же ихъ сплачивалъ по преимуществу глубокій упадокъ западническаго лагеря, который, прекративъ всякую серьезную идейную полемику съ славянофильствомъ, вмѣстѣ съ тѣмъ въ рядѣ мелкихъ выходокъ и шпилекъ продолжалъ сектантски враждебно относиться ко всему, что исходило изъ славянофильскаго лагеря. А между тѣмъ время было такое, когда прежнюю нетерпимость по отношенію къ славянофильству надо было бросить, Западничество переживало послѣ общеевропейской реакціи, послѣдовавшей за возбужденіемъ 1848 г., тяжелый кризисъ. Полное крушеніе идеаловъ, осуществленіе которыхъ, казалось, было такъ близко, поневолѣ забрасывало сомнѣніе относительно нравственныхъ силъ Запада. И выразителемъ этихъ сомнѣній явился не кто иной какъ Герценъ. Въ своей рѣчи, произнесенной въ 1853 г. во время лондонскаго празднованія годовщины февральской революціи, онъ высказалъ столько мистическаго преклоненія предъ тѣми новыми началами, которыя русскій народъ долженъ внести въ европейскую цивилизацію, что подъ значительнѣйшею частью рѣчи съ радостью подписался бы всякій славянофилъ. И это было началомъ той эволюціи, которая, отбросивъ все то, что было въ славянофильствѣ византійскаго, привела къ позднѣйшему народничеству. Но свободно сознаются въ своихъ сомнѣніяхъ только большіе люди. Второстепенные же представители критической и теоретической мысли, которымъ безвременье дало первенствующую роль—попавшій теперь въ критики Панаевъ, Дружининъ, Дудышкинъ, и разные мелкіе, безыменные критиканы, особенно обильные въ „Отечеств. Зап.“, и не были на это способны, и недостаточно чувствовали всю глубину переживаемаго кризиса. Наконецъ они просто не были настолько проницательны, чтобы разобраться въ такомъ новомъ явленіи, какимъ была „молодая редакція Москвитянина“. Изъ-за внѣшней связи съ русопетствомъ Погодина они прогля-

дѣли, что то „русское“ направленіе, представителемъ котораго являлась молодая редакція, находилось въ прямомъ и органическомъ преемствѣ съ завѣтомъ Гоголя изображать дѣйствительную жизнь. Это просто былъ кружокъ писателей, превосходно знавшихъ русскую жизнь и справедливо такимъ знаніемъ гордившійся. Островскій создавалъ бытовую комедію и открывалъ русскому искусству новый, то того совершенно неизвѣстный ему міръ купечества; Писемскій какъ никто другой зналъ провинціальную жизнь; Печерскій, несомнѣнно, самый колоритный и выдающійся изъ всѣхъ нашихъ писателей-этнографовъ; Потѣхинъ и Сергѣй Максимовъ начинали въ „Москвитянинѣ“ свою литературную дѣятельность этнографическими картинками народной жизни: наконецъ, Кокоревъ описывалъ народную жизнь не какъ просвѣщенный наблюдатель, а какъ непосредственный сынъ народа, самъ на своей шкурѣ испытавшій горе, треволненія и мелкія радости той жизни, которую выставлялъ въ своихъ безхитростныхъ разсказахъ. Въ общемъ, вся эта литературная молодежь, и на первомъ мѣстѣ Островскій, несомнѣнно, говорила „новое слово“ и не напрасно съ величайшимъ энтузіазмомъ подчеркивалъ это „новое слово“ знаменосецъ и теоретикъ „молодой редакціи“ Аполлонъ Григорьевъ. И будь критика западническаго лагеря на высотѣ своего призванія, она бы постаралась съ своей точки зрѣнія освѣтить новый матеріалъ, даваемый московскимъ кружкомъ, и не обращала бы вниманія на его лично-дружескія связи съ Погодинымъ и Шевыревымъ. И Гоголь былъ въ тѣснѣйшей дружбѣ съ тѣми же Погодинымъ и Шевыревымъ и даже всѣ ихъ обскурантскія общественно-политическія воззрѣнія раздѣлялъ. Но не помѣшало же это Бѣлинскому преклониться предъ Гоголемъ-художникомъ и такъ освѣтить его творчество, что оно сдѣлалось основою міросозерцанія, съ которымъ Гоголь-теоретикъ не имѣлъ ничего общаго. Точно такъ же поступилъ позднѣе по отношенію къ главному столпу „молодой редакціи Москвитянина“—Островскому тотъ критикъ, который занялъ по праву вакантное мѣсто перваго критика, когда литературное безвременье кончилось. Въ „Темномъ царствѣ“ Добролюбовъ далъ такой коментарій къ произведеніямъ Островскаго, который разъ навсегда сдѣлалъ Островскаго однимъ изъ лучшихъ достояній передовой части литературы. Самъ Островскій призналъ толкованіе Добролюбова правильнымъ, что выразилось тѣмъ, что онъ съ тѣхъ поръ окончательно перешелъ въ лагерь „Современника“. Со свойственной ему горячностью Григорьевъ называлъ это „измѣною“. Но на самомъ дѣлѣ это только говоритъ объ одномъ: если бы въ 1850 г., когда Островскій примкнулъ къ „Москвитянину“, изъ лагеря „Современника“ раздавалось бы такое же живое и убѣжденное слово, какое слышалось въ

1859 г. въ „Темномъ царствѣ“ Добролюбова, Островскій никогда бы не присоединился къ архаическому журналу Погодина, никогда бы не поддержалъ своимъ присутствіемъ въ спискѣ сотрудниковъ византійско-русопетское направленіе старой редакціи. Столь же неорганическимъ было сотрудничество въ „Москвитянинѣ“ Писемскаго, который еще въ разсматриваемые годы сталъ сотрудникомъ „Современника“. Алексѣй Потѣхинъ черезъ нѣсколько лѣтъ становится однимъ изъ наиболѣе „либеральныхъ“ представителей такъ называемой „обличительной“ литературы. Алмазовъ дѣятельно сотрудничаетъ въ англоманскомъ „Русскомъ Вѣстникѣ“; Эдельсонъ въ 60-хъ годахъ былъ критикомъ западническо-либеральной „Библ. для Чтенія“ редакціи П. Д. Боборыкина. Такимъ-то образомъ вся „молодая редакція“ разбрелась въ разныя стороны, явно доказавъ этимъ, что она не представляла собою новой литературной группой и была загнана въ „Москвитянинъ“ только упадкомъ и близорукостью западническаго лагеря. И только одинъ Аполлонъ Григорьевъ навсегда остался съ тою же духовною физіономіею, которая опредѣлилась съ перваго его дебюта въ „Москвитянинѣ“. Григорьевъ самъ называлъ свое міросозерцаніе *органическимъ*, и, подобно сомнѣніямъ Герцена, оно тоже, несомнѣнно, представляетъ собою одну изъ ступеней той эволюціи, которая, заимствовавъ изъ славянофильства преклоненіе предъ силою народнаго духа, привела къ синтезу лучшихъ элементовъ западничества и славянофильства въ позднѣйшемъ народничествѣ. Если очистить міросозерцаніе Григорьева отъ мистическаго жаргона и отъ болѣзненнаго свойства его опутывать и окутывать всякую самую ясную мысль туманнѣйшими вѣщаніями, то „органическая“ критика сводится къ требованіямъ вполнѣ безспорнымъ. За десять лѣтъ до Тэна Григорьевъ доказывалъ, что каждый писатель есть не только органическій продуктъ своего народа и времени, но даже той мѣстности, гдѣ онъ родился. Отсюда вытекали и то „органическое“ требованіе самобытности, которое онъ предъявлялъ къ каждому литературному произведенію, и тотъ восторгъ, въ который онъ пришелъ, когда въ произведеніяхъ Островскаго увидѣлъ полное осуществленіе своихъ мечтаній о бытовой окраскѣ литературы. Но человѣкъ до послѣдней степени безалаберной и въ личной жизни, и въ литературной дѣятельности Григорьевъ во всю свою жизнь не удосужился стройно и опредѣленно формулировать свое міросозерцаніе, вѣчно отклонялся въ сторону и изъ-за полемическихъ экскурсовъ забывалъ главное. И такъ какъ безпорядочность и туманность изложенія дѣлали труднымъ чтеніе его статей, то публика знала его не столько по собственнымъ его писаніямъ, сколько по тѣмъ lapsus'амъ и экстравагантнымъ выходкамъ, которыхъ всегда было сколько угодно въ этихъ безпорядочныхъ писаніяхъ и которыя враждебная ему печать, конечно, выуживала съ

особеннымъ удовольствіемъ. И вотъ почему прошелъ безплодно и не поднялъ плоскаго уровня эпохи и этотъ единственный въ разсматриваемые годы представитель того высокаго типа русской критики, который былъ созданъ въ сороковыхъ годахъ и шевелилъ самыя сокровенныя струны въ душѣ чуткаго читателя.

III.

Медовый мѣсяцъ русскаго прогресса.

(1855—1861).

1855 годъ есть рубежъ между старою и новою Россіею. Но особенно рѣзкою демаркаціонною линіею является онъ въ исторіи литературы, которая въ Россіи, въ силу слабаго развитія общественной жизни, болѣе чѣмъ гдѣ-нибудь служитъ выразительницей духовныхъ силъ своей страны. Она ярко отражаетъ теперь новое теченіе русской государственной жизни, ею овладѣваетъ лихорадочное, страстное возбужденіе, подъ вліяніемъ котораго духовныя богатства великой литературной фаланги сороковыхъ годовъ, впавшія въ летаргическій сонъ въ тяжелую годину реакціи 1848—55 гг., распускаются пышнымъ цвѣтомъ, а журналистика становится могущественнѣйшимъ факторомъ общественной жизни. Литература съ небывалымъ воодушевленіемъ выдвигаетъ теперь понятіе о *гражданинѣ* своей родины, его правахъ и обязанностяхъ. Благодаря этому, русское общественное мнѣніе выростаетъ въ своемъ собственнымъ уваженіи и въ уваженіи къ нему окружающей среды, а это-то и ведетъ къ цѣлому ряду реформъ, быстро слѣдующихъ одна за другою и создающихъ совершенно иныя условія общественнаго и народнаго быта.

Наступающая теперь „Эпоха великихъ реформъ“ какъ въ политическомъ, такъ еще больше въ литературно-общественномъ отношеніи, не есть, однако, эпоха вполнѣ однородная. Какъ и всѣ моменты ускоренной исторической жизни, она, несмотря на то, что обнимаетъ всего 11—12 лѣтъ, распадается на нѣсколько, весьма замѣтно отличающихся другъ отъ друга періодовъ.

Первый, обнимающій приблизительно всю вторую половину 50-хъ годовъ и самое начало 60-хъ, представляетъ собою единственный въ новѣйшей исторіи русской интеллигенціи періодъ, когда почти не было рѣзкихъ партійныхъ разногласій. Основной тонъ праздничной психологіи начальныхъ лѣтъ новой эпохи—это, какъ мы уже отмѣтили разъ, безграничное, полное самыхъ свѣтлыхъ надеждъ умиленіе, которое

овладѣло тогда самыми озлобленными умами, и радостная суетливость, съ которою русскій человѣкъ принялся нагонять потерянные годы. Послѣ мрака и холода долгой ночи безвременья, загнавшаго ее въ трясину нравственнаго и умственнаго отупѣнія, Россія радостно встрѣчала лучезарное тепло восходящаго солнца и шумно расправляла свои окоченѣвшіе и изнывшіе члены. Несостоятельность стараго режима, который чрезъ нѣсколько лѣтъ снова пріобрѣтаетъ и въ обществѣ и въ литературѣ усерднѣйшихъ защитниковъ, теперь такъ ярко сказалось въ неудачахъ крымской войны, что не было двухъ мнѣній относительно того, что дальше такъ продолжаться не можетъ. Не было ни „консерваторовъ", ни „либераловъ", потому что оскорбленное національно-патріотическое чувство находило утѣшеніе въ томъ, чтобы причину неудачи справедливо находить въ результатахъ прежней системы отсутствія общественнаго контроля: казнокрадствѣ и всяческихъ злоупотребленіяхъ, достигшихъ во время войны неслыханныхъ даже по тому времени размѣровъ. Съ наступленіемъ возможности гласнаго обсужденія, обличенія этого казнокрадства, разсказы о хищеніяхъ такъ наз. „партіонныхъ командировъ" ополченскихъ отрядовъ, интендантства и всякихъ другихъ злоупотребленій становятся существеннымъ содержаніемъ какъ публицистики, такъ и беллетристики. И такъ какъ эти злоупотребленія казались легко устранимыми при помощи одного только добраго желанія, то общее настроеніе начальныхъ лѣтъ новой эпохи не имѣетъ въ себѣ ничего ѣдкаго и преисполнено самыхъ розовыхъ надеждъ на ближайшее наступленіе самыхъ лучшихъ временъ и порядковъ. Господствовало всеобщее убѣжденіе, что крымская гроза окончательно расчистила общественную атмосферу отъ всѣхъ вредныхъ міазмовъ.

Весеннія вѣянія эпохи были настолько заразительны, что отъ нихъ не ушелъ даже *Герценъ*, только что основавшій въ Лондонѣ „вольный" органъ русской печати „Колоколъ". Несомнѣнно-прогрессивное настроеніе правительства, амнистія 1856 г., вернувшая декабристовъ и петрашевцевъ, офиціальное преслѣдованіе злоупотребленій, судъ надъ казнокрадами, смѣна столповъ стараго порядка—Дуббельта, Закревскаго и др., ослабленіе цензурнаго гнета—все это убѣждало Герцена, что правительство идетъ рука объ руку съ обществомъ и враждебное настроеніе его постепенно таяло. А когда въ 1857 г. появилась первая вѣсть градушаго освобожденія крестьянъ—манифестъ на имя виленскаго генералъ-губернатора Назимова—сердце Герцена дрогнуло, и онъ написалъ въ „Колоколѣ" восторженный привѣтъ Александру II, начинавшійся словами: „Ты побѣдилъ, Галилеянинъ". Въ свою очередь, и въ правящихъ сферахъ необычно относились къ дѣятельности вольнаго лондонскаго органа. Все это содѣй-

ствовало тому, что Герценъ достигъ въ концѣ 50-хъ гг. безпримѣрнаго въ исторіи русской публицистики вліянія и значенія. Къ словамъ его съ одинаковымъ волненіемъ и съ одинаковою симпатіею прислушивались во всѣхъ слояхъ русскаго общества, не исключая дворцовъ и министерскихъ совѣтовъ. Членамъ редакціонныхъ комиссій по крестьянскому дѣлу офиціально раздавали нѣкоторые №№ „Колокола" со статьями по крестьянскому вопросу. Свѣдѣнія о положеніи дѣлъ въ Россіи Герценъ всегда имѣлъ превосходнѣйшія, доставляли ему ихъ всегда изъ первыхъ рукъ и—что самое знаменательное—доставляли люди самаго разнообразнаго душевнаго склада: въ числѣ его корреспондентовъ былъ, напр., такой принципіальный противникъ всего революціоннаго, какъ Иванъ Аксаковъ. „Колоколъ" являлся своего рода высшей судебной инстанціей, и стать предметомъ его обличеній представители администраціи боялись, какъ огня, потому что ко всѣмъ заявленіямъ „Колокола" относились съ величайшимъ вниманіемъ и довѣріемъ. Своимъ огромнымъ авторитетомъ Герценъ пользовался съ величайшею умѣренностью, обличая одни только явныя и безспорныя злоупотребленія и почти не касаясь основъ государственнаго устройства. Въ общемъ, „Колоколъ" гораздо больше напоминаетъ позднѣйшія безцензурныя газеты, чѣмъ эмигрантскій органъ. Источникъ умѣренности „Колокола" лежалъ не столько въ тактѣ издателя и въ брезгливости тонко-чувствующаго человѣка, который не хочетъ быть рѣзкимъ при условіяхъ, когда никто ему не можетъ помѣшать быть рѣзкимъ, а, главнымъ образомъ, въ общемъ оптимистическомъ настроеніи эпохи, искренно убѣжденной, что гласность и обличеніе все исправятъ безъ всякой коренной ломки.

Но если съ такимъ полнымъ довѣріемъ и оптимизмомъ относился къ будущему формальный выходецъ, то естественно, что еще больше надеждъ возлагали на новое настроеніе люди, которые не порвали связей съ русскими порядками. Это чрезвычайно рельефно сказалось въ небываломъ количествѣ частныхъ *докладныхъ записокъ и проектовъ*, которые въ то время подавались на имя государя и разныхъ административныхъ учрежденій. Когда въ 1857 г. открылся комитетъ по крестьянскому дѣлу, въ него на первыхъ же порахъ поступило до 100 разныхъ проектовъ—до того жгучъ былъ интересъ къ вопросамъ государственной жизни. Изъ записокъ, касавшихся общей постановки внутренней политики, наибольшее значеніе, послѣ записокъ, поданныхъ въ то время людьми, близко стоящими къ кормилу правленія (мин. внутр. дѣлъ Ланскимъ, кн. Орловымъ и др.), имѣли записки представителей литературы и науки—Кавелина, Кошелева, Юрія Самарина, Хомякова, Тютчева, Константина Аксакова. Даже Тургеневъ, во всю жизнь не написавшій ни одной „дѣло-

вой“ строчки, въ концѣ 50-хъ гг. подавалъ записку о введеніи всеобщаго обязательнаго обученія. Многія записки представляли собою обширные историко-публицистическіе трактаты, но желаніе высказаться съ тою полнотою, которая немыслима была въ печати, была настолько велика, что всѣ работали съ наслажденіемъ. Особенный интересъ для исторіи литературы имѣютъ записки славянофиловъ, представляющія одинъ изъ важнѣйшихъ матеріаловъ для сужденія объ ихъ міросозерцаніи. Въ 40-хъ гг. тѣ стороны славянофильскаго ученія, въ которыхъ они являются самыми энергичными противниками темныхъ сторонъ стараго порядка, не могли стать предметомъ гласнаго обсужденія, и свободны славянофилы были только въ славословящихъ частяхъ своего освѣщенія русской государственной жизни. Этимъ и объясняется великая вражда къ нимъ западниковъ, тоже не имѣвшихъ возможности сколько-нибудь полно высказаться, но по крайней мѣрѣ молчаніемъ оттѣнявшихъ свое отношеніе къ вещамъ. Съ наступленіемъ же эпохи реформъ въ дѣятельности славянофильства на первый планъ выдвигается та глубокая преданность народному благу, которая заставила Герцена сказать, что западники и славянофилы, подобно Янусу, дѣйствительно, смотрѣли въ разныя стороны, но сердце у нихъ билось одно. Въ эпоху реформъ славянофилы энергически защищаютъ крестьянскую реформу въ наиболѣе ея широкихъ предположеніяхъ и горячо поддерживаютъ всѣ остальныя начинанія новой эпохи: гласный судъ, самоуправленіе, свободу слова и печати. Особенно широко ставилъ вопросы Константинъ Аксаковъ въ своей замѣчательной докладной запискѣ, поданной молодому государю въ 1856 г. Здѣсь онъ, опираясь на примѣръ московской Руси, всегда справлявшейся съ мнѣніемъ „земли“, предлагалъ созвать земскій соборъ.

Характернымъ знаменіемъ времени были также разнаго рода доклады и записки карьеристовъ новаго типа, которые сообразили, чѣмъ теперь можно преуспѣть. Въ ряду ихъ особенно выдаются написанныя по поводу паденія Севастополя „*Думы Русскаго*“ П. А. Валуева, того самаго Валуева, который, ставши въ 1862 г. министромъ внутреннихъ дѣлъ, пріобрѣлъ печальную знаменитость систематическимъ искаженіемъ всѣхъ великихъ реформъ. „Думы Русскаго“ представляютъ собою настоящій обвинительный актъ противъ „*всеобщей офиціальной лжи*“, а весь правительственный механизмъ сводится Валуевымъ къ формулѣ: „*сверху блескъ—снизу гниль*“. И авторъ всего менѣе пострадалъ. Въ офиціальномъ приказѣ генералъ-адмирала, вел. кн. Константина Николаевича, напечатанномъ въ „Морскомъ Сборникѣ“, было перепечатано самое рѣзкое мѣсто

ходившихъ по рукамъ въ рукописи „Думъ“, и эти „правдивыя слова“ велѣно было принять къ руководству.

Литературнымъ центромъ всеобщаго оживленія на первыхъ порахъ становится возникшій въ 1856 г. журналъ М. Н. Каткова „Руск. Вѣстникъ“. Благодаря своему радостно-оптимистическому настроенію, „Русск. Вѣстникъ“ становится наиболѣе отзывчивымъ на потребности минуты журналомъ. Другой первенствующій журналъ того времени— „Современникъ“, хотя и необыкновенно оживился и поднялся съ наступленіемъ новой эпохи, весьма скоро сталъ насмѣшливо относиться (см. дальше) къ элементарнымъ требованіямъ тогдашняго „прогресса“ и недовѣрчиво—къ продолжительности новаго настроенія руководящихъ сферъ. „Русскій-же Вѣстникъ“, наоборотъ, относился къ новымъ вѣяніямъ общественно-политической атмосферы съ увлеченіемъ и полнымъ довѣріемъ. Онъ энергично взялся какъ за критику старыхъ порядковъ, такъ и за указаніе путей созиданія новыхъ условій общественной жизни. Въ цѣломъ рядѣ научно-публистическихъ статей Бунге, Головачева, Молинари, Унковскаго, Заруднаго, Лохвицкаго, Бориса Утина, Побѣдоносцева и др. говорилось о необходимости реформъ въ области судебной, о вредѣ сословныхъ преимуществъ, объ основахъ будущей крестьянской реформы, о благодѣтельности самоуправленія и т. д. Чрезвычайную сенсацію производили обличительныя статьи превратившагося изъ жандарма въ либеральнаго публициста *Степана Степановича* **Громеки** (1823—1877) о полиціи, ея взяткахъ и вымогательствахъ. Особенно ярко сказывалось направленіе журнала въ отдѣлѣ „Современной лѣтописи“, главнымъ сотрудникомъ которой былъ самъ *Михаилъ Никифоровичъ* **Катковъ** (1818—1887), впервые здѣсь развернувшій свой блестящій публицистическій талантъ. Онъ выступилъ убѣжденнымъ англоманомъ, конституціоналистомъ, съ нѣсколько аристократическимъ оттѣнкомъ, и горячо проповѣдывалъ необходимость пересадить въ Россію установившуюся въ Англіи непоколебимую законность, свободу личности и общественной инициативы. Съ жадностью ловила „Современная лѣтопись“ всякій признакъ пробужденія общественнаго самосознанія. Весьма знаменательнымъ признакомъ времени является то, что не только общее направленіе цензурнаго вѣдомства теперь рѣзко измѣняется, но, кромѣ того, находятся отдѣльные цензора, которые, рискуя своею служебною карьерою, отъ себя лично дѣлаютъ существеннѣйшія послабленія. „Русск Вѣстникъ“ имѣлъ такого цензора-друга въ лицѣ Н. Ф. фонъ-Крузе, который скоро и былъ уволенъ за чрезмѣрное и, по тому времени, снисходительное отношеніе къ цензуруемому журналу, но все же успѣлъ много посодѣйствовать публицистическому интересу новаго органа самостоятельной русской мысли.

Наряду съ чрезвычайною отзывчивостью въ отдѣлѣ публицистическомъ, „Русск. Вѣстникъ“ становится и центромъ „обличительной“ беллетристики, начало которой положилъ Салтыковъ-Щедринъ своими „Губернскими Очерками“. Успѣхъ ихъ превзошелъ всякія ожиданія и сразу выдвинулъ автора въ первые ряды литературы. Позднѣйшему читателю „Губернскіе Очерки“ тоже чрезвычайно нравятся своею колоритностью и яркостью, а больше всего, можетъ быть, великолѣпными, нестарѣющими типами странниковъ и богомольцевъ. Но для того, чтобы понять то почти физіологическое наслажденіе, съ какимъ читатель „Русск. Вѣстника“ 1856 г. накинулся именно на первые три „губернскіе очерка“—на „Разсказы подъячаго“, съ ихъ анекдотами о чиновническомъ взяточничествѣ, надо уже стать на историческую точку зрѣнія. Надо вспомнить, съ одной стороны, всю безмѣрность злоупотребленій дореформенной эпохи, а съ другой—то, что въ возможности гласнаго обличенія этихъ злоупотребленій всѣ радостно усматривали похороны старыхъ порядковъ и стараго безправія. Необычайный успѣхъ „Губернскихъ Очерковъ“ создалъ цѣлый рядъ повѣстей въ „щедринскомъ родѣ“. Изъ нихъ наибольшее вниманіе обратили на себя „Старые годы“ Мельникова-Печерскаго, „Откупное дѣло“ *Владиміра Николаевича Елагина* (1831—63) и разсказы *Ильи Васильевича Селиванова* († 1882).

Вся эта „обличительная“ литература очень элементарна по своимъ задачамъ, а большею частью и по художественному исполненію. Но не за художественными впечатлѣніями и обращалась публика къ „обличительной“ литературѣ и не съ художественными цѣлями приступала къ своимъ произведеніямъ значительная часть „обличительныхъ“ писателей. Начинающая завладѣвать умами теорія подчиненія искусства требованіямъ жизни выдвигаетъ даже оригинальный типъ „литератора-обывателя“, т. е. непрофессіональнаго литератора, который такъ и начинаетъ свое произведеніе съ заявленія, что онъ и не искусенъ въ литературномъ дѣлѣ, и писателемъ себя не мнитъ, но ему удалось близко присмотрѣться къ такому-то и такому-то печальному или радостному явленію, и вотъ онъ въ цѣляхъ „гражданскихъ“ и публикуетъ свои наблюденія. Журналы и газеты конца 50-хъ годовъ охотно помѣщали произведенія такихъ „литераторовъ-обывателей“, чрезвычайно охотно читавшіяся.

То же стремленіе не столько доставить эстетическое удовольствіе, сколько принести „пользу“ легло въ основу такъ наз. „*гражданскихъ мотивовъ*“, постепенно завладѣвающихъ стихотворнымъ отдѣломъ журналистики и имѣющихъ затѣмъ большой успѣхъ въ отдѣльныхъ изданіяхъ. Характернѣйшею стороною „гражданской“ поэзіи второй половины 50-хъ годовъ и вмѣстѣ съ тѣмъ яркимъ выраженіемъ

однородности настроенія эпохи является то, что наиболѣе замѣтными представителями ея были отнюдь не „либералы“. Первые, кто стихами отозвались на новое настроеніе, были Розенгеймъ и Бенедиктовъ: оба—люди совершенно чуждые какихъ бы то ни было связей съ передовыми кружками. *Михаилъ Петровичъ* **Розенгеймъ** (1820—1887), когда отошли новыя вѣянія, переходитъ въ лагерь охранительно-шовинистическій, а Бенедиктовъ въ первую эпоху своей литературной карьеры, какъ извѣстно, былъ предметомъ самыхъ ожесточенныхъ нападокъ Бѣлинскаго, начавшаго свою критическую дѣятельность съ ниспроверженія надутой, пустозвонной и безпредметной поэзіи теперешняго пѣвца необходимости обновленія нашей общественной жизни. Пустозвонность и надутость слишкомъ, однако, органическіе недостатки для поэтическаго произведенія, чтобы ихъ могло скрасить содержаніе, и потому, въ концѣ концовъ, „гражданское“ направленіе поэзіи Розенгейма и Бенедиктова не придало интереса и значенія ансамблю ихъ литературной дѣятельности. А такъ какъ они еще были наиболѣе талантливые изъ многихъ стихотворцевъ, созданныхъ медовымъ мѣсяцемъ россійскаго „прогресса“, то въ общемъ и „гражданская“ полоса ничего цѣннаго для исторіи русской поэзіи не дала. Причислять къ „гражданской“ поэзіи начальныхъ лѣтъ новой эпохи Некрасова, какъ это дѣлается иногда, было бы большою ошибкою—главнымъ образомъ потому, что по источникамъ вдохновенія „муза мести и печали“ не имѣла ничего общаго съ банальной бенедиктовщиной и розенгеймовщиной. Суровая, истинно-гражданская поэзія Некрасова была выраженіемъ того глубокаго стремленія къ созданію новаго строя жизни и духа, который охватилъ лучшіе и руководящіе кружки наши, начиная съ 40-хъ годовъ, и охватилъ какъ протестъ, между тѣмъ какъ Бенедиктовъ, Розенгеймъ и др. „обличали“ и взывали къ „гражданскимъ“ чувствамъ потому, что это было разрѣшено и даже офиціально одобрено.

Пустозвонностью отзывался въ значительной степени и обличительный театръ конца 50-хъ годовъ. Тутъ опять приходится сдѣлать исключеніе для крупныхъ писателей. Островскій въ „Доходномъ мѣстѣ“, несомнѣнно, примкнулъ сильно и рѣшительно и уже потомъ шелъ все по тому же пути. Но въ чрезмѣрно расхваленномъ нѣкогда Бѣлинскимъ, а по существу великосвѣтскомъ писателѣ графѣ *Владиміръ Александровичъ* **Соллогубѣ** (1814—82), сочинявшемъ водевили и пьесы даже на такія „современныя“ темы, какъ царившая одно время въ Петербургѣ мода на мыльные пузыри, увлеченіе карающими задачами театра тоже было слѣдованіемъ модѣ. Его „Чиновникъ“, въ которомъ главный герой Надимовъ, обличая взяточничество, патетически восклицаетъ: „Крикнемъ на всю Русь, что пришла пора вырвать

зло съ корнями", имѣлъ шумнѣйшій успѣхъ на сценѣ. Но это свидѣтельствовало только о настроеніи общества, жадно ловившаго всякій намекъ на обновленіе отжившаго строя. Люди же, умѣющіе разбираться въ литературныхъ явленіяхъ, тогда же видѣли внутреннюю фальшь и фразерство „Чиновника". Такъ, не менѣе шумный успѣхъ, чѣмъ самая пьеса, имѣла блестящая и ѣдкая критическая статья о ней, помѣщенная Н. Ф. Павловымъ въ „Русскомъ Вѣстникѣ". Оба успѣха одинаково тѣсно связаны съ настроеніемъ времени и другъ другу не противорѣчатъ, такъ какъ Павловъ всего менѣе нападалъ на общественныя задачи пьесы, а только доказывалъ, что за великое дѣло обновленія надо браться съ бо́льшимъ проникновеніемъ и съ бо́льшимъ желаніемъ не однѣ только красивыя фразы говорить, но и дѣло дѣлать. Изъ другихъ драматурговъ обличительной эпохи имѣли еще успѣхъ *Николай Михайловичъ* **Львовъ** (1821—1872), авторъ комедій „Свѣтъ не безъ добрыхъ людей" и „Предубѣжденіе" и особенно *Алексѣй Антиповичъ* **Потѣхинъ** (род. 1829), обратившій на себя вниманіе также романами и повѣстями, изображавшими борьбу старыхъ понятій съ новыми и грубость отходящаго времени.

Новыя теченія и настроенія ярко сказались не только въ общей журналистикѣ и художественныхъ произведеніяхъ. Оживленіе охватило и сферы, какъ будто съ идейными возбужденіями ничего общаго не имѣющія. Какъ это ни странно, но къ числу самыхъ чуткихъ журналовъ своего времени принадлежалъ „Морской Сборникъ". Объясняется это тѣмъ, что стоявшій во главѣ морского вѣдомства вел. кн. Константинъ Николаевичъ былъ однимъ изъ наиболѣе горячихъ поборниковъ реформъ, и такъ какъ общей цензурѣ „Морской Сборникъ" не подлежалъ, то онъ и пользовался гораздо большей свободой, чѣмъ другіе органы печати. Первыя обличенія злоупотребленій, обнаружившихся во время войны, появились въ „Морскомъ Сборникѣ", здѣсь же были напечатаны первыя статьи о судебной реформѣ. Но наибольшее впечатлѣніе произвели „Вопросы Жизни" знаменитаго хирурга и въ скоромъ времени попечителя кіевскаго округа *Николая Ивановича* **Пирогова** (1810—1881), появившіеся на страницахъ „Морского Сборника" въ 1856 г. Наряду съ „Губернскими Очерками", они вызвали громадную сенсацію и превратились въ крупное общественное событіе по тѣмъ надеждамъ, которыя возлагали на нихъ, благодаря тому, что они появились въ офиціальномъ органѣ. Тема „Вопросовъ Жизни" педагогическая. Пироговъ доказывалъ вредъ того, что у насъ ребенка сызмала приготовляютъ къ спеціальной дѣятельности, къ тому, чтобы быть морякомъ, военнымъ, купцомъ и т. д. Истинная же задача педагогіи—воспитывать *человѣка*, который

потомъ, усвоивши себѣ основы общечеловѣческой культуры, пусть и избираетъ по желанію и способностямъ ту или другую спеціальность.

Гуманное воодушевленіе, съ которымъ написаны „Вопросы Жизни", было предтечею коренныхъ преобразованій въ учебномъ дѣлѣ, прежде основанномъ исключительно на кастовомъ духѣ и суровомъ стремленіи уничтожить всякую индивидуальность. Одновременно съ „Вопросами Жизни", въ томъ же „Морскомъ Сборникѣ" появляется рядъ статей Бэма, Даля, пастора Зедергольма, которыя встрѣтили самый горячій отзвукъ въ другихъ журналахъ, и все это, идя рука объ руку съ добрыми намѣреніями руководящихъ сферъ, привело къ чрезвычайному оживленію въ учебномъ дѣлѣ. Университеты широко раскрываютъ двери всѣмъ желающимъ, не исключая и женщинъ, профессора читаютъ публичныя лекціи, привлекающія множество слушателей, въ студенчествѣ пробуждается страстный интересъ къ общественной жизни, благодаря чему оно вскорѣ становится однимъ изъ важнѣйшихъ и дающихъ тонъ слоевъ русской интеллигенціи. Чрезчайно ярко общая система благожелательнаго отношенія къ студенчеству выражается въ томъ, что разрѣшаются студенческія сходки, кассы, сборники (въ сборникѣ петербургскаго студенчества дебютировали Писаревъ, Леонидъ Майковъ и др.).

Система безусловнаго довѣрія къ общественнымъ силамъ и совпадающій съ нею періодъ также безусловнаго общественнаго единодушія въ стремленіи къ реформамъ длится, однако, очень не долго. Если вообще медовый мѣсяцъ эпохи реформъ и россійскаго „прогресса" можно помѣстить между 1855 и 1862 гг., то собственно время полнаго единодушія и реформаторскаго умиленія длится не болѣе двухъ лѣтъ, приблизительно до появленія въ 1857 г. манифеста на имя виленскаго генералъ-губернатора, возвѣщавшаго близость уничтоженія крѣпостного права. Надо было теперь отъ хорошихъ словъ переходить къ дѣлу, надо было не только обличать но и жертвы приносить, и единодушіе постепенно исчезаетъ. Слишкомъ крупные интересы, и имущественные, и сословные, были тутъ замѣшаны, чтобы не образовалось нѣсколько группъ. Крѣпостниковъ вполнѣ откровенныхъ, безусловно противившихся отмѣнѣ крѣпостного права, почти не было въ составѣ редакціонныхъ комиссій, ни тѣмъ болѣе въ литературѣ. Но людей, которыхъ можно было назвать крѣпостниками, потому что они старались сузить рамки будущей реформы, было очень много, и хотя они тоже не имѣли сколько-нибудь серьезнаго представительства въ литературѣ, но зато были сильны своими связями и временами достигали того, что печать (особенно „Современникъ") была стѣснена въ обсужденіи реформы. Эти неожиданныя стѣсненія, которыя какъ бы указывали на колебанія въ самомъ рефор-

маторскомъ настроеніи, заставляли тѣснѣе сплачиваться людей, колебаній не знавшихъ. И вотъ почему уже въ концѣ пятидесятыхъ годовъ столь недавнее единодушіе „обличительной“ эпохи постепенно исчезаетъ, и для проницательнаго наблюдателя ясно обозначаются первые контуры скоро наступающей ожесточенной борьбы міросозерцаній и поколѣній. Это былъ органическій процессъ, вызванный не только измѣненіемъ внѣшнихъ обстоятельствъ. Какъ во всякую эпоху коренныхъ переломовъ, изъ общаго хора первоначально всегда умѣренныхъ требованій начинаютъ выдѣляться люди болѣе рѣшительныхъ стремленій. Открытой борьбы между умѣренными и радикальными элементами еще нѣтъ, но радикальное настроеніе все растетъ. Крѣпнетъ постепенно рознь между умѣренно-прогрессивными „отцами“—людьми сороковыхъ годовъ, помнящими суровость только что завершившейся эпохи и потому довольствующимися малымъ, и бурно опрокидывающими все старое „дѣтьми“, которыя о старомъ судятъ не по непосредственному впечатлѣнію, а больше по разсказамъ, и потому отъ кажущихся имъ очень скромными перемѣнъ въ умиленіе прійти не могутъ. Центромъ этого радикальнаго настроенія въ концѣ пятидесятыхъ годовъ становится „Современникъ“ въ лицѣ главныхъ своихъ теоретиковъ—Чернышевскаго и Добролюбова.

Николай Гавриловичъ **Чернышевскій** (1828—1889) былъ человѣкъ чрезвычайно разнообразныхъ знаній и оставилъ яркій слѣдъ въ критикѣ, философіи, публицистикѣ, политической экономіи. Съ критическою дѣятельностью Чернышевскаго обыкновенно совершенно ложно связывается представленіе о „разрушеніи эстетики“, которое въ дѣйствительности составляетъ характерную черту слѣдующей эпохи. Правда, въ своей извѣстной диссертаціи „Эстетическія отношенія искусства къ дѣйствительности“ (1855) Чернышевскій задался страннымъ вопросомъ о томъ, что „выше“: жизнь или искусство? Страннымъ, потому что сравниваются понятія по своей разнородности совершенно неизмѣримыя. Чернышевскій приходитъ къ выводу, что жизнь выше, потому что искусство только воспроизводитъ жизнь и подражаетъ ей. Но выводъ этотъ нимало не колеблетъ ни громадной роли искусства, ни того, что въ основу искусства долженъ быть положенъ принципъ красоты. Для Чернышевскаго только несомнѣнно, что „прекрасное есть жизнь“ и что искусство „кромѣ воспроизведенія, имѣетъ еще другое значеніе—объясненіе жизни“. Въ практическомъ приложеніи своихъ эстетическихъ воззрѣній, Чернышевскій восторженно ознакомилъ русское общество со создателемъ новоевропейской эстетики Лессингомъ, еще болѣе восторженно относился къ Пушкину, и не только не стоялъ за тенденціозное искус-

ство, но прямо говорилъ: „Автономія—верховный законъ искусства“ а „верховный законъ поэзіи — храни свободу своего таланта, поэтъ“.

Впрочемъ, если не считать того, что своими извѣстными „Очерками Гоголевскаго періода“ онъ положилъ начало культу Бѣлинскаго, то значеніе Чернышевскаго, вообще, не въ сферѣ литературной критики, которою онъ занимался, къ тому же, недолго. Историческая роль его въ томъ, что какъ мыслитель онъ былъ врагъ всего неяснаго и мистическаго и больше всѣхъ содѣйствовалъ переходу передовой части русской интеллигенціи отъ отвлеченной философіи 40-хъ годовъ къ научно-позитивному міропониманію. Какъ политико-экономъ, онъ окончательно укрѣпилъ въ свободолюбивыхъ слояхъ то отрицательное отношеніе къ буржуазному строю, которое началось еще въ 40-хъ годахъ, но затѣмъ замерло подъ вліяніемъ реакціи 1848—55 гг. Какъ публицистъ и полемистъ, онъ выработалъ тотъ особый, только въ Россіи встрѣчающійся типъ журнальныхъ статей, который удержался до нашихъ дней. Онъ состоитъ въ томъ, что научно-философскія темы разрабатываются не какъ предметъ спеціальнаго изслѣдованія, а берутся только въ общихъ своихъ очертаніяхъ и немедленнымъ приложеніемъ къ разрѣшенію вопросовъ времени получаютъ жгучій интересъ отвѣта на самые животрепещущіе запросы ума и сердца. Помимо блестящаго таланта, главный источникъ огромнаго вліянія Чернышевскаго на наше безвольное и расплывчатое общество—въ глубокой его убѣжденности, въ ясности его міросозерцанія и въ той непреклонности, которая на первый взглядъ представляла такой удивительный контрастъ съ личными качествами его. Когда вождь и основатель русскаго радикализма умеръ при условіяхъ, мало располагавшихъ къ положительнымъ отзывамъ, цѣлый рядъ духовныхъ лицъ (товарищи Чернышевскаго по воспитанію) засвидѣтельствовалъ, что это былъ не только идеалъ душевной чистоты, но и человѣкъ необыкновенной доброты и мягкости. Но именно эта-то душевная чистота и дѣлала его такимъ рѣшительнымъ. Не зная компромиссовъ въ личной жизни, онъ не допускалъ ихъ въ жизни общественной, не зная высшаго принципа, чѣмъ общественное благо, онъ его сдѣлалъ верховнымъ началомъ всякой дѣятельности.

Такимъ же непреклоннымъ ригористомъ былъ и необыкновенно-умный и даровитый юноша, которому Чернышевскій вскорѣ уступилъ критическій отдѣлъ въ „Современникѣ“, оставивъ себѣ статьи научно-публицистическія. *Николай Александровичъ* **Добролюбовъ** (1836—61) принадлежитъ къ числу тѣхъ стихійно-выдвигаемыхъ событіями дѣятелей, которыми богаты всякія эпохи коренныхъ перево-

ротовъ и переломовъ. Едва вышедши изъ отроческаго возраста, онъ писалъ, духовно выростая во время самаго писанія и всего менѣе предчувствуя, что статьи его получатъ историческое значеніе (въ самый разгаръ своей промелькнувшей для другихъ ослѣпительнымъ метеоромъ литературной дѣятельности, онъ былъ убѣжденъ, что пишетъ „слабо, плохо, старо, безполезно", онъ не „дорожитъ своими трудами, не подписываетъ ихъ и очень радъ, что ихъ никто не читаетъ"). Какъ бы за него, такимъ образомъ, писали грядущія требованія эпохи, въ его именно статьяхъ и получавшія первыя свои очертанія. Самъ по себѣ и этотъ второй создатель русскаго „отрицанія", какъ и Чернышевскій, таилъ въ своей душѣ удивительнѣйшій запасъ нѣжности и мягкости, необычайно ярко выступающій въ его интимной жизни. Но въ общественной дѣятельности онъ былъ безпощаденъ и рѣзокъ, потому что всегда ненавидитъ сильно тотъ, кто сильно любитъ. Молодость сыграла весьма крупную роль въ созданіи Добролюбовской рѣзкости и непримиримости. Не переживъ самъ николаевской эпохи, онъ не могъ чувствовать того умиленія отъ перемѣны политической атмосферы, которое охватило людей, живо помнившихъ недавніе дни безправія и мрака. Идеалы его шли гораздо дальше. Ученикъ Чернышевскаго, онъ никакъ не могъ удовлетвориться умѣренными требованіями эпохи, а стадность внезапно, съ указнаго дозволенія, народившагося всероссійскаго „прогресса" ему прямо претила. Слишкомъ глубоко преданный идеѣ дѣйствительнаго прогресса, онъ не выносилъ показной и репетиловски-шумливой прогрессивности, и вопли о правдѣ, гласности, взяткахъ свободѣ торговли, вредѣ откуповъ, гнусности угнетенія и проч. разныхъ Розенгеймовъ, Бенедиктовыхъ, Львовыхъ, Соллогубовъ, которымъ вторили даже откупщикъ Кокоревъ и разные ловители рыбы въ мутной водѣ, его крайне раздражали. Въ серьезную борьбу онъ не вступалъ съ этою стадностью, но въ знаменитомъ „Свисткѣ"—сатирическомъ приложеніи къ „Современнику" (заведенъ въ 1858), гдѣ онъ принялъ дѣятельное участіе, Добролюбовъ далъ полную волю своему тонкому остроумію и разъ навсегда провелъ рѣзкую демаркаціонную линію между людьми, либеральничающими, потому что это дозволено, и людьми, для которыхъ свобода общественной жизни—священный лозунгъ всѣхъ ихъ духовныхъ стремленій. Такую же демаркаціонную линію Добролюбовъ провелъ и своимъ отношеніемъ къ Пирогову. Добролюбовъ вначалѣ относился къ автору „Вопросовъ Жизни" съ величайшимъ сочувствіемъ. Но именно въ серьезности похвалъ, которыми Добролюбовъ осыпалъ Пирогова, и крылся источникъ позднѣйшихъ на него нападеній. Глубоко долженъ былъ онъ огорчиться, когда прославленный имъ врагъ „вліяній" и уступокъ „конвенансамъ" вдругъ сдѣлалъ уступку рутинной педагогикѣ и въ изданныхъ имъ „Правилахъ" о проступкахъ и наказаніяхъ

учениковъ гимназій кіев округа—правда, съ разными оговорками—узаконилъ сѣченіе. Страстно преданный дѣлу, а не лицамъ, неумолимый ригористъ, Добролюбовъ ни одной минуты не сомнѣвался въ томъ, какъ ему поступить съ вчерашнимъ своимъ кумиромъ Онъ пишетъ громовую статью противъ Пирогова, озаглавленную „Всероссійскія иллюзіи, разрушаемыя розгами", и не обиняясь называетъ кіевское сѣченіе „злодѣяніемъ". Рѣзкость статьи, направленной противъ одного изъ самыхъ яркихъ представителей новаго теченія, глубоко поразила всѣхъ умѣренныхъ прогрессистовъ. Стало ясно, что народилось новое поколѣніе, которое однѣми заплатами стараго строя не удовлетворится и потребуетъ коренного обновленія всего общественнаго организма. Статья о Пироговѣ и вскорѣ послѣдовавшая крайне пренебрежительная характеристика Кавура, имя котораго, какъ одного изъ дѣятелей итальянскаго объединенія, было окружено тогда особеннымъ ореоломъ, создали совершенно невѣрное представленіе о Добролюбовѣ, какъ о разрушителѣ по преимуществу. Это безусловно несправедливо. „Свистуну" Добролюбову обязанъ своею литературною репутаціею цѣлый рядъ писателей. Кто, какъ не онъ, создалъ Островскому настоящую, всероссійскую славу, которую были безсильны доставить ему ближайшіе литературные друзья изъ „Москвитянина", кто краснорѣчивѣе всѣхъ комментировалъ „Обломова"? Несправедливо также усматриваютъ въ Добролюбовѣ разрушителя „эстетики" и упразднителя искусства. И то и другое можетъ быть приручено только къ Писареву. Самъ же онъ является не провозвѣстникомъ публицистическаго искусства, а основателемъ *публицистической критики*. Съ него начинается та полоса русской критики, не закончившаяся и понынѣ, когда чисто-литературныя достоинства рѣдко вліяютъ на оцѣнку произведенія: его оцѣниваютъ, по преимуществу, какъ факторъ прогресса или регресса. Какъ мы уже отмѣтили во вступительной статьѣ настоящихъ „Очерковъ", начиная съ Добролюбова, литературные критики наши—прямые трибуны, для которыхъ художественныя произведенія—не болѣе какъ предлогъ выяснить свои общественные идеалы. Добролюбовъ создалъ особый родъ критическихъ статей „по поводу", которыя очень мало занимались эстетическою стороною произведенія (хотя самъ Добролюбовъ былъ, въ отличіе отъ Чернышевскаго, человѣкъ съ очень тонкимъ эстетическимъ пониманіемъ) и очень много общественными выводами, изъ него вытекающими. Статьи Добролюбова какъ будто трактовали о Тургеневѣ, Островскомъ, Гончаровѣ, а на самомъ дѣлѣ это были лирическіе манифесты новаго міросозерцанія.

Плоды дѣятельности Чернышевскаго и Добролюбова и связанное съ нею выступленіе на литературную арену новаго поколѣнія ска-

зались нѣсколько позднѣе—въ началѣ 60-хъ годовъ. А покамѣстъ еще пышно развертывается при всеобщихъ аплодисментахъ всѣхъ слоевъ общества могучая дѣятельность плеяды сороковыхъ годовъ, застывшая въ летаргическомъ снѣ въ тяжелую годину реакціи 1848—55 гг. Въ исторіи русской литературы нѣтъ равнаго по интенсивности промежутка времени, какъ первыя 5—6 лѣтъ эпохи великихъ реформъ. Именно къ этимъ немногимъ годамъ относится созрѣваніе, а отчасти и нарожденіе ослѣпительной фаланги великихъ талантовъ новѣйшаго періода. „Рудинъ", „Дворянское гнѣздо", „Наканунѣ", „Отцы и дѣти", „Обломовъ", „Гроза", „Губернскіе Очерки", „Тысяча душъ", „Горькая Судьбина", „Записки изъ Мертваго дома", „Севастопольскіе разсказы"—весь этотъ фундаментъ храма славы новѣйшаго русскаго романа и драмы создался въ немногіе первые годы новой эпохи. Знаменательно, что даже въ жизни представителей такъ назыв. „чистой" поэзіи—Майкова, Полонскаго, Фета конецъ 50-хъ годовъ былъ эпохой расцвѣта ихъ таланта: появляется лучшая вещь Майкова—„Три смерти", лучшая вещь Полонскаго—„Кузнечикъ-Музыкантъ", въ эти-же годы были напечатаны характернѣйшія произведенія музы Фета. О Некрасовѣ уже говорить ничего—изъ автора нѣсколькихъ хорошихъ стихотвореній онъ превращается въ крупнѣйшаго со всѣхъ точекъ зрѣнія поэта, вѣщее слово котораго воспитываетъ рядъ поколѣній въ любви къ обездоленнымъ и неимущимъ. Въ сферѣ теоретической мысли и публицистики этотъ же короткій промежутокъ ознаменованъ необыкновеннымъ расцвѣтомъ дарованій. Герценъ, конечно, весь человѣкъ сороковыхъ годовъ. Но только новая эпоха дала такое огромное значеніе этому ослѣпительному таланту, который прежде уходилъ въ значительной степени на фейерверкъ и блестки. Къ Чернышевскому и Добролюбову можно относиться разно, но никто еще не отрицалъ первостепенную умственную величину ихъ. И если къ этому прибавить, что и шедшіе немножко въ разрѣзъ съ эпохою Аполлонъ Григорьевъ и Дружининъ тоже во второй половинѣ 50-хъ годовъ написали лучшія статьи свои, то въ общемъ получается картина небывалаго литературнаго оживленія, если даже совершенно пожертвовать мелкотою литературы „обличительной" и надуто-„гражданскимъ" направленіемъ писателей стадной „прогрессивности".

Тѣсная связь оживленія общественно-политическаго и литературнаго всего ярче, однако, сказывается не въ самомъ фактѣ появленія цѣлаго ряда высоко-талантливыхъ произведеній, а въ той, по преимуществу, общественной окраскѣ, которая отнынѣ становится одной изъ основныхъ чертъ нашей литературы. Если и вообще наша литература никогда не замыкалась въ сферѣ чисто-художественныхъ интересовъ и, по нашей формулировкѣ, всегда была кафедрой, съ которой раздава-

лось учительное слово, то отнынѣ всѣ крупные дѣятели нашей литературы въ той или другой формѣ отзываются на потребности времени и становятся художниками-проповѣдниками. Всякій писатель является теперь и общественнымъ вождемъ, и въ основѣ главнѣйшихъ произведеній лежитъ желаніе провести въ обществѣ тѣ или другіе общественные взгляды и воззрѣнія. Создается особый терминъ „ловить моментъ", т. е. отражать потребности времени, и это считается величайшею похвалою.

Ярче другихъ думы и ожиданія начальныхъ лѣтъ эпохи реформъ отразилъ самый крупный писатель того времени *Иванъ Сергѣевичъ* **Тургеневъ** (1818—83), въ талантѣ котораго чуткость къ колебаніямъ общественной атмосферы является наиболѣе характерною чертою. Одинъ изъ самыхъ тонкихъ художниковъ всей всемірной литературы, онъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, представляетъ собою образецъ самаго тѣснаго взаимодѣйствія литературы и общественной жизни. Въ общеніи съ Бѣлинскимъ онъ выработалъ себѣ весьма опредѣленное общественное міросозерцаніе и сталъ не только великимъ художникомъ, но и выдающимся борцомъ за свое міровоззрѣніе. Въ начатыхъ въ концѣ сороковыхъ годовъ „Запискахъ охотника" онъ выполнилъ Аннибаловскую клятву своей молодости—бороться съ крѣпостнымъ правомъ, въ меланхолическихъ произведеніяхъ первой половины 50-хъ годовъ отразилъ общую подавленность тяжелой эпохи, а теперь онъ возбужденно отдается воплощенію въ художественныхъ образахъ новыхъ общественныхъ настроеній и теченій. И такъ какъ для другихъ еще незамѣтно, но для его остраго зрѣнія уже совершенно опредѣленно въ воздухѣ носится не умилительное согласіе и близкое осуществленіе всяческихъ надеждъ, а нарожденіе совершенно иной эпохи, иныхъ людей, иныхъ нравовъ, то творческое чутье тянетъ его къ подведенію итоговъ прошлаго поколѣнія и къ гаданію о близкомъ будущемъ. Олицетвореніе вынужденной бездѣятельности сороковыхъ годовъ Рудинъ („Рудинъ", 1857) умираетъ за чужое дѣло; неприспособленный къ активной роли въ жизни Лаврецкій („Дворянское гнѣздо", 1859) добровольно очищаетъ мѣсто и съ грустью, не безъ горечи благословляетъ молодыя, грядущія силы. Въ „Наканунѣ" (1860), эти молодыя силы впервые властно выступаютъ на арену общественной жизни, а въ „Отцахъ и дѣтяхъ" (закончены 1861)—начинается пора открытой борьбы двухъ поколѣній. Названныя произведенія, составляющія, вмѣстѣ съ отразившими настроеніе сороковыхъ годовъ „Записками Охотника", основаніе значенія Тургенева, представляютъ собою наиболѣе яркое проявленіе одной изъ самыхъ характерныхъ особенностей новѣйшей русской литературы. Именно литература и жизнь до такой степени сближаются другъ съ другомъ, что сплошь

да рядомъ при анализѣ того или другого общественнаго явленія нельзя отличить, гдѣ кончается литературный генезисъ его и гдѣ начинается непосредственное дѣйствіе общественныхъ силъ. И наоборотъ—при изученіи того или другого факта литературной исторіи не знаешь, гдѣ кончается общественное воздѣйствіе и гдѣ начинается сфера чисто-литературнаго творчества. Съ произведеніями Тургенева происходило слѣдующее: какъ сказано, при ихъ созданіи онъ удивительно тонко и чутко отражалъ носившіяся въ воздухѣ эпохи настроенія и теченія. Но именно вслѣдствіе этой удивительной способности придавать еще неопредѣлившемуся опредѣленныя очертанія, кристаллизовать еле образующееся въ яркихъ и ясныхъ художественныхъ образахъ, онъ самъ являлся могущественнымъ фактомъ выработки новыхъ общественныхъ теченій. Романами Тургенева не только зачитывались, его героямъ и героинямъ подражали въ жизни. Всякая дѣвушка воображала себя Еленой изъ „Наканунѣ“ и прямо полъ-поколѣнія захотѣло стать Базаровыми.

Не менѣе крупную общественную роль, хотя совершенно иного свойства, сыграло другое подведеніе итоговъ—„Обломовъ“ *Ивана Александровича* **Гончарова** (1812—1891). Для насъ, отошедшихъ на 40 лѣтъ отъ лихорадочнаго стремленія того времени порвать всякія связи съ прошедшимъ, въ знаменитомъ романѣ больше всего интересна бытовая сторона его—изображеніе жизни въ Обломовкѣ и иныя картины нравовъ. Но тайна колоссальнаго успѣха „Обломова“ лежала не въ эпическихъ его достоинствахъ. Нужно было яркое воплощеніе нашей эпохи, нужна была кличка для обозначенія нашей дореформенной инертности и косности—и она быстро вошла во всеобщій обиходъ, какъ только Добролюбовъ ее формулировалъ въ своей знаменитой статьѣ „Что такое Обломовщина“. По свидѣтельству современниковъ, рѣшительно всякій усматривалъ въ себѣ элементы „обломщины“. Всѣмъ казалось, что найдено объясненіе несовершенствъ нашего общественнаго строя, всякій съ ужасомъ отворачивался отъ перспективы столь же безплодно пройти жизненное поприще, какъ герой Гончаровскаго романа, всякій давалъ клятву истребить въ себѣ всѣ слѣды этого сходства. Такимъ-то образомъ попалъ въ великую честь писатель, составившій себѣ репутацію безстрастнаго фламандца и по общему складу своего духовнаго существа всего менѣе склонный къ тому, чтобы стать писателемъ-проповѣдникомъ. Но онъ уловилъ „моментъ“, и его произведеніе сыграло, совсѣмъ помимо его творческихъ намѣреній, роль одного изъ сильнѣйшихъ ферментовъ новаго настроенія.

Въ эти же послѣдніе дни мира достигъ высшей точки своей извѣстности *Алексѣй Ѳеофилактовичъ* **Писемскій** (1820—81), напечатавшій

въ 1859 гг. лучшія свои вещи—романъ „Тысяча душъ“ и драму „Горькая судьбина“. Въ „Тысячѣ душъ“ рядомъ съ картинами разныхъ злоупотребленій, Писемскій въ лицѣ главнаго героя, неудовлетворившагося личною карьерою Калиновича, вывелъ администратора новаго типа, искренно задающагося цѣлью содѣйствовать, насколько это отъ него зависитъ, искорененію старыхъ непорядковъ. Калиновича не слѣдуетъ связывать съ пустозвонствомъ соллогубовскаго чиновника Надимова, говорящаго эффектныя фразы для того, чтобы самому любоваться на себя и на другихъ произвести выгодное впечатлѣніе. Онъ свою порядочность купилъ дорогою цѣною тяжелыхъ страданій и внутренняго перерожденія, и чисто-литературный интересъ произведенія въ томъ, что перерожденіе это психологически вполнѣ подготовлено и потому художественно-правдиво. „Тысячью душъ“ Писемскій занялъ одно изъ самыхъ крупныхъ мѣстъ въ исторіи русскаго общественнаго романа, и это особенно характерно тѣмъ, что до того онъ считался человѣкомъ чисто физіологическаго таланта, творившаго, не задаваясь никакими идейными проблемами.

Еще менѣе, казалось бы, подходилъ къ роли выразителя новыхъ общественныхъ теченій недавній столпъ полуславянофильской „молодой редакціи Москвитянина“, крупнѣйшій драматургъ новѣйшей русской литературы *Александръ Николаевичъ* **Островскій** (1823—1886). А между тѣмъ въ какой яркой формѣ выразилась это перемѣна или, по огорченному выраженію его сконфуженаго теперь апологета Аполлона Григорьева, „измѣна“. Переходъ Островскаго какъ-то даже вдвойнѣ произошелъ. И самъ по себѣ онъ пишетъ „Доходное мѣсто“ (1856), „Воспитанницу“ (1859), „Грозу“ (1860), которыя помимо всякихъ комментаріевъ совершенно опредѣленно примыкаютъ къ новымъ вѣяніямъ, а кромѣ того и вся его предыдущая дѣятельность получаетъ теперь совершенно новое толкованіе. Его далъ Добролюбовъ въ одной изъ тѣхъ составляющихъ эпоху въ исторіи литературы статей, которыя сразу и навсегда устанавливаютъ значеніе и смыслъ дѣятельности того или другого писателя. Все равно, какъ Гете своимъ объясненіемъ характера Гамлета положилъ конецъ прежнимъ безконечнымъ спорамъ объ этомъ предметѣ и далъ одно изъ тѣхъ толкованій, послѣ которого каждый съ недоумѣніемъ спрашиваетъ: какъ можно тутъ было иначе думать, такъ и Добролюбовъ своими „Темнымъ Царствомъ“ разъ навсегда устранилъ всѣ до того существовавшіе разнорѣчивые взгляды на Островскаго. Онъ опредѣлилъ значеніе драмъ его, какъ произведеній исключительно гуманныхъ, гуманныхъ безъ всякихъ заднихъ мыслей, безъ всякаго тенденціознаго желанія прославлять „истинно-русскія“ начала жизни, будто бы сохранившіяся въ патріархальномъ быту московскаго купечества. До поя-

вленія статей Добролюбова были возможны критическія статьи (Т. И. Филиппова), въ которыхъ доказывалось, что комедіей „Не такъ живи, какъ хочется“ Островскій хотѣлъ показать, что, во имя охраненія „русскихъ“ семейныхъ началъ, жена должна безпрекословно повиноваться мужу даже въ томъ случаѣ, если расходившійся повелитель начнетъ ее бить безъ всякой вины. Но уже въ появившемся послѣ „Темнаго Царства“ лучшемъ произведеніи Оостровскаго—„Грозѣ“ всѣ единодушно усмотрѣли только одну потрясающую картину дикаго самодурства, хотя и въ достаточной степени „истинно-русскаго“.

Изъ второстепенныхъ выразителей общественнаго „момента“ второй половины 50-хъ годовъ большой успѣхъ выпалъ на долю *Михаила Васильевича* **Авдѣева** (1821—1876). Въ воздухѣ носились новыя представленія о семейныхъ отношеніяхъ, въ крайнемъ своемъ развитіи создавшія въ 60-хъ годахъ теорію такъ называемаго „гражданскаго брака“. Ихъ и отразилъ, отчасти, Авдѣевъ въ своемъ нашумѣвшемъ романѣ „Подводный камень“ (1860).

Наряду съ романомъ и драмой, безусловно благотворно подѣйствовалъ общій подъемъ русской жизни и на талантъ лучшихъ представителей поэзіи. Не только плохіе стадно-„гражданскіе“ поэты почувствовали въ себѣ приливъ творческихъ желаній. О какомъ бы то ни было гоненіи на поэзію еще и намека никакого не было. Мы уже знаемъ, что мнимый „разрушитель эстетики“ Чернышевскій въ высшей степени почтительно относился къ Пушкину и „свободу таланта“ считалъ верховнымъ закономъ поэзіи“. Добролюбовъ же прямо восторженно относился къ Пушкину и не только тонко понималъ поэзію, но и самъ былъ человѣкъ съ истинно поэтическою жилкой. Кромѣ цѣлаго ряда весьма остроумныхъ стиховъ въ „Свисткѣ“, онъ написалъ нѣсколько прекрасныхъ лирическихъ стихотвореній, о которыхъ съ большою симпатіей отозвался такой придирчивый цѣнитель, какъ Тургеневъ (въ „Нови“). Добролюбовъ поднялъ на смѣхъ „гражданскую“ поэзію Розенгеймовъ и Бенедиктовыхъ столько же за ея мелкоту, сколько за прозаичность.

При такомъ настроеніи вождей новаго литературнаго движенія, въ полномъ душевномъ равновѣсіи доживаетъ послѣдніе дни почета поэтическая плеяда, на голову которой чрезъ нѣсколько лѣтъ посыплется цѣлый градъ насмѣшекъ и оскорбленій. Но въ свою очередь и она также еще не посвящаетъ себя всецѣло „чистому“ искусству, не уходитъ *намѣренно* въ область абстрактнаго, не устраняетъ намѣренно въ своихъ произведеніяхъ все, что напоминаетъ „грязь жизни“.

Въ дѣятельности главнаго представителя плеяды поэтовъ сороковыхъ годовъ *Аполлона Николаевича* **Майкова** (1821—1897) начало эпохи великихъ реформъ является и временемъ очень напряженнаго

творчества, и временемъ высшаго признанія. Публика съ необычной въ писательской карьерѣ Майкова горячностью привѣтствовала теперь его, когда онъ на вошедшихъ въ моду шумныхъ и оживленныхъ литературныхъ вечерахъ выступалъ съ новѣйшими произведеніями своей раньше столь строго-античной и безстрастной музы. Но и самъ онъ былъ теперь не обычный классикъ, съ холодно-выдержаннымъ и мраморно-красивымъ стихомъ. Въ его творчествѣ господствуетъ теперь полоса преклоненія предъ такими людьми, какъ Саванаролла, Гуссъ, и изъ трехъ римлянъ, дѣйствующихъ въ „Трехъ смертяхъ" (поэма начата въ 1841 г., но въ окончательномъ видѣ появилась въ 1857 г.), самый безпокойный, самый нервный — это поэтъ Луканъ. Когда Майковъ выступалъ на литературное поприще, ему поэтъ рисовался въ видѣ грека-пастуха, который, сдѣлавъ себѣ изъ тростника свирѣль, оживилъ лѣсъ и долы сладкими звуками („Искусство"). А теперь тоже представитель античнаго міра Луканъ рисуетъ себѣ вотъ въ какомъ видѣ задачу „дара пѣсенъ":

Народовъ мысли—образъ дать,
Ихъ чувству—слово громовое,
Вселенной душу обнимать
И говорить за все живое—
Вотъ мой удѣлъ! вотъ власть моя.

Это „не звуки сладкіе". Такъ же мало напоминаетъ „молитвы" впечатлѣніе, производимое стихами Лукана:

Когда для правды безпріютной,
Въ сердцахъ людей мелькавшей смутно
Скую изъ слова образъ я—
И тутъ враговъ слѣпая стая
Его подхватитъ, злясь и лая,
Какъ псы обглоданную кость.

И въ заключеніе Луканъ съ гордостью сообщаетъ про

Злобу мрачныхъ изувѣровъ,
Ханжей, фигляровъ, лицемѣровъ,
Съ которыхъ маски я сбивалъ.

Даже чисто-антологическая картинка, вродѣ вошедшей во всѣ дѣтскія книжки „Нивы", заканчивается моленіемъ „о духовномъ хлѣбѣ", о томъ, чтобы „повѣяло весной" и чтобы пустили „свѣжіе ростки" „мысли сѣмена".

Несомнѣнно, хорошо чувствовалъ себя въ эти годы всеобщаго мира и другой виднѣйшій представитель старой поэтической школы—*Яковъ Петровичъ* **Полонскій** (1820—98). Въ связи со всѣми остальными

фактами литературной исторіи разсматриваемаго періода, нельзя считать простою случайностью, что наивно-поэтическое дарованіе Полонскаго именно теперь создало самое выдержанное, самое художественно-цѣльное произведеніе свое—прелестную поэму „Кузнечикъ-Музыкантъ“. Очевидно, поэтъ чувствовалъ возможность вполнѣ отдаться своему настроенію, и идиллическій сюжетъ никому не казался малодостойнымъ и недостаточно „серьезнымъ“.

Третій членъ впослѣдствіи въ шутку такъ окрещеннаго „тройственнаго союза“ поэтовъ-хранителей Пушкинскихъ традицій, истинный представитель отрѣшенной отъ условій мѣста и времени поэзіи—*Афанасій Афанасьевичъ* **Фетъ** (1820—1892), въ слѣдующую эпоху является однимъ изъ самыхъ часто упоминаемыхъ и обсуждаемыхъ поэтовъ русскихъ. Писаревъ, въ своемъ походѣ противъ поэзіи, сдѣлалъ Фета мишенью своего остроумія, и имя высоко-даровитаго лирика сдѣлалось надолго синонимомъ „безцѣльнаго“ творчества. Но покамѣстъ съ тѣмъ же „Современникомъ“, гдѣ главенствовалъ Чернышевскій, Фетъ былъ настолько литературно-друженъ, что здѣсь печатались не только его „безцѣльныя“ стихотворенія, но даже путевыя письма изъ-за границы.

Ѳедора Ивановича **Тютчева** (1803—1873), начавшаго свою литературную дѣятельность при Пушкинѣ и всецѣло опредѣлившагося въ 30-хъ и 40 гг. трудно причислить къ активнымъ литературнымъ силамъ разсматриваемыхъ лѣтъ. Но для характеристики періода всеобщаго литературнаго мира слѣдуетъ отмѣтить, что именно теперь и создавалась извѣстность этого выдающагося поэта-мыслителя. Въ наши дни среди поклонниковъ „чистаго искусства“ и символистовъ почитаніе Тютчева приняло характеръ какого-то культа. Поэтому очень интересно отмѣтить, что основаніе извѣстности Тютчева положено „Современникомъ“. Почти на самомъ рубежѣ новой эпохи, къ апрѣльской книжкѣ „Современника“ 1854 г. была приложена книжка стихотвореній Тютчева съ восторженной статьей о нихъ Тургенева. Только съ этого времени Тютчевъ и становится извѣстнымъ большой публикѣ. Въ высшей степени также знаменательно, что первый, кто въ печати заговорилъ о Тютчевѣ,—это „поэтъ-гражданинъ“ Некрасовъ („Современникъ“ 1850).

Кромѣ корифеевъ поэзіи Пушкинскихъ традицій, продолжали въ полномъ душевномъ равновѣсіи свою дѣятельность два поэта небольшого, но изящнаго таланта *Левъ Александровичъ* **Мей** (1822—62) и *Николай Ѳедоровичъ* **Щербина** (1821—1869), выступившіе въ началѣ пятидесятыхъ годовъ и въ эпоху писаревскаго гоненія на поэзію тоже причисленные къ школѣ „чистаго искусства“. Это до извѣстной степени правильно по отношенію къ незлобивому Мею, но далеко

не точно по отношенію къ Щербинѣ. Запечатлѣвъ память о себѣ въ исторіи русской поэзіи „Греческими мелодіями“, гдѣ, дѣйствительно, культъ античной красоты является основнымъ мотивомъ, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ одинъ изъ самыхъ злыхъ и желчныхъ эпиграмматистовъ.

Изъ другихъ поэтовъ школы „чистаго искусства“ во второй половинѣ 50-хъ годовъ получаетъ извѣстность графъ *Алексѣй Константиновичъ* **Толстой** (1817—1875). Расцвѣтъ его дѣятельности хронологически, впрочемъ, можно отнести и къ 60-мъ годамъ, когда онъ написалъ свою превосходную драматическую трилогію, чрезвычайно популярный, несмотря на чисто внѣшнюю разработку, историческій романъ „Князь Серебряный“ и рядъ стихотворныхъ сатиръ на „нигилистическое“ движеніе и вычурныхъ балладъ въ мнимо-старорусскомъ стилѣ. Всецѣло принадлежитъ второй половинѣ 50-хъ годовъ безотрадная поэзія воронежскаго поэта-самоучки *Ивана Саввича* **Никитина** (1824—61). Въ противоположность мажорному тону его знаменитаго земляка Кольцова, лира Никитина настроена очень минорно: онъ рисуетъ грубость, невѣжество, эксплуатацію сильнымъ слабаго. И это не было въ немъ результатомъ напускныхъ „гражданскихъ“ чувствъ, а вѣрнымъ отраженіемъ не только собственныхъ наблюденій, но и собственныхъ страданій. Въ грусти его нѣтъ ничего ходульнаго: знаменитая элегія или, вѣрнѣе, похоронная пѣснь самому себѣ: „Вырыта заступомъ яма глубокая“ принадлежитъ къ трогательнѣйшимъ стихотвореніямъ всей русской поэзіи. Искренность чувства доставила теперь успѣхъ и поэзіи *Юліи Валеріановны* **Жадовской** (1824—83), въ сороковыхъ годахъ довольно сурово встрѣченной Бѣлинскимъ.

Къ разсматриваемой эпохѣ относятся также первые дебюты цѣлаго ряда поэтовъ-юмористовъ, представителей легкой сатиры. Это было явленіемъ совершенно новымъ. Собственно родоначальникомъ *спеціально-юмористическаго* стихотворенія (мимоходомъ и прежде поэты наши писали эпиграммы, шуточныя стихотворенія и т. д.) слѣдуетъ считать коллективное поэтическое лицо **Кузьмы Пруткова**, стихотворенія котораго относятся къ концу дореформенной эпохи („Современникъ“, 1850—1854). Нѣкоторое участіе принимали тутъ Некрасовъ и Алексѣй Толстой, главное—братья **Жемчужниковы** (*Алексѣй*, *Александръ* и *Владиміръ Михайловичи*), изъ которыхъ Алексѣй Михайловичъ (р. 1821) до сихъ поръ является бодрымъ поэтомъ-гражданиномъ. Популярность Кузьмы Пруткова въ значительной степени преувеличена и, главнымъ образомъ, держится на нѣсколькихъ забавныхъ своею напыщенною наивностью афоризмахъ. Въ общемъ, Кузьма Прутковъ скорѣе поражаетъ тѣмъ, что въ его смѣхѣ много таланта потрачено такъ безрезультатно для подъема общественнаго

самосознанія, и это нельзя не привести въ прямую связь съ идейнымъ упадкомъ безвременья первой половины 50-хъ годовъ. Съ литературной точки зрѣнія юмористы новой эпохи часто были гораздо ниже Кузьмы Пруткова, но общественное значеніе ихъ сатиры было ярче. Изъ выступившихъ въ концѣ 50-хъ годовъ поэтовъ-юмористовъ особенно выдается *Василій Степановичъ* **Курочкинъ** (1831—1875), переводчикъ Беранже, основавшій въ 1856 при помощи талантливаго карикатуриста Н. А. Степанова знаменитую сатирическую газету „Искра". Общественное возбужденіе новой эпохи вызвало къ жизни цѣлый рядъ юмористическихъ журналовъ („Знакомые", „Карикатурный Листокъ" „Весельчакъ", „Арлекинъ", „Гудокъ", „Развлеченіе", „Зритель") и даже уличныхъ, эфемерныхъ листковъ. Уличные листки (1858, больше 30) были грубою, бездарною спекуляціею на потребность публики смѣяться надъ отходящимъ строемъ жизни, но это-то и характерно: рынокъ всегда очень чутокъ къ вѣяніямъ времени. Перечисленные выше юмористическіе журналы, въ которыхъ, правда, участвовало много талантливыхъ людей, тоже далеко не всегда стояли на уровнѣ строгихъ требованій общественной сатиры и часто пробавлялись простымъ зубоскальствомъ. Но „Искра" быстро обратилась въ грозную общественную силу. По общему направленію большинства своихъ сотрудниковъ примыкая всецѣло къ міросозерцанію Чернышевскаго и Добролюбова, „Искра" страстно бичевала несовершенства отживающаго порядка, зорко слѣдила за общественною жизнью и въ той или другой формѣ умѣла казнить тѣхъ, кого считала вредными для дѣла освобожденія Россіи. „Попасть въ Искру"—было такъ же страшно даже для очень сильныхъ людей, какъ и „попасть въ Колоколъ". Изъ наиболѣе дѣятельныхъ сотрудниковъ „Искры" *Дмитрій Дмитріевичъ* **Минаевъ** (1823—1889) обладалъ чрезвычайно легкимъ и бойкимъ стихомъ, а *Петръ Исаевичъ* **Вейнбергъ** (р. 1830) составилъ себѣ почетную извѣстность какъ одинъ изъ лучшихъ переводчиковъ Гейне и Шекспира. Высоко-литературными достоинствами обладаютъ также переводы провозвѣстника женской эмансипаціи *Михаила Ларіоновича* **Михайлова** (1826—1865), въ 1862 г. арестованнаго за составленіе прокламаціи и вскорѣ умершаго въ Сибири.

Подводя итоги разнообразію, силѣ и количеству литературной производительности начальныхъ лѣтъ эпохи великихъ реформъ, нельзя ее не признать одной изъ самыхъ плодотворныхъ полосъ во всей исторіи русской литературы. Однако, объяснять этотъ расцвѣтъ только однимъ всеобщимъ согласіемъ, царившимъ тогда во всѣхъ сферахъ умственной, государственной и общественной дѣятельности, было бы односторонне. Огромное значеніе еще имѣетъ то, что литература была тогда почти единственнымъ поприщемъ, на ко-

торомъ могъ бы сказаться геній эпохи. Несомнѣнно, серьезно и глубоко было и чисто-общественное броженіе, но процессъ еще не завершился, еще не создались пути для полнаго проявленія общественныхъ силъ. Общественная дѣятельность даже въ тѣхъ скромныхъ размѣрахъ, какіе были даны въ послѣдующую эпоху благодаря институту мировыхъ посредниковъ, новому суду, земскому и городскому самоуправленію, теперь еще была немыслима, и вся сила духовнаго полета уходила въ литературу. Это важное обстоятельство всегда надо имѣть въ виду при разсмотрѣніи того на первый взглядъ столь поражающаго факта, что литература дореформенной Россіи по чисто-художественнымъ качествамъ своимъ выше литературы Россіи реформенной.

IV.

Реакція и эпоха „нигилизма“.

(Первая половина 60-хъ годовъ).

Усиленіе радикальныхъ стремленій въ молодежи, въ связи съ польскимъ возстаніемъ и петербургскими пожарами лѣта 1862 г., напугали какъ руководящія сферы, такъ и часть общества. Начинается реакція, желаніе затормозить дѣло реформъ, министерство Валуева всячески коверкаетъ первоначальный широкій размахъ крестьянской реформы и иныхъ начинаній. Катковъ отказывается отъ либеральной программы и, какъ глашатай обузданія и подавленія прогрессивныхъ стремленій въ обществѣ, получаетъ въ соотвѣтственныхъ кругахъ огромное значеніе и вліяніе. Въ обществѣ и молодежи господство получаетъ не серьезный радикализмъ „Современника“, а поверхностный, кричащій, внѣшній радикализмъ „Русскаго Слова“ и теоріи узкаго утилитаризма, грубо вышучивающаго все, что не „полезно“. Ослѣпительно-талантливый, но не глубокій Писаревъ въ своемъ стремленіи къ разрушенію эстетики доходитъ до геркулесовыхъ столбовъ, отрицая Пушкина и совѣтуя замѣнить литературу популяризаціею естественныхъ наукъ. Односторонне-понятый романъ Чернышевскаго „Что дѣлать“, въ связи съ тѣмъ, что̀ Герценъ назвалъ „радикальною ноздревщиною“, опошляютъ движеніе и подготовляютъ почву для слѣдующей эпохи семидесятыхъ годовъ, замѣнившей утилитаризмъ стремленіями общественными. Таковъ общій фонъ, на которомъ вырисовывается картина литературнаго движенія первой половины шестидесятыхъ годовъ.

Центральной фигурой въ ней является *Дмитрій Ивановичъ* **Писаревъ** (1841—1868). Про этого высокодаровитаго юношу-вождя еще въ гораздо большей степени, чѣмъ про Добролюбова, можно сказать, что не столько онъ самъ писалъ, сколько за него писало время, именно неудержимое стремленіе всякой бурной эпохи доходить до послѣднихъ выводовъ. Писаревъ былъ выдвинутъ этимъ стремительнымъ потокомъ общественной мысли совершенно стихійнымъ образомъ. Еще въ январѣ 1861 года онъ не могъ принять участія въ умѣренно-прогрессивной „Русской Рѣчи" Евгеніи Туръ, потому что въ переговорахъ съ редакціей защищалъ принципъ „чистаго искусства", еще въ апрѣлѣ того же года онъ отправлялъ въ редакцію духовнаго журнала „Странникъ" свой переводъ „Мессіады" Клопштока. А черезъ нѣсколько мѣсяцевъ онъ—уже видный сотрудникъ ультра-радикальнаго „Русскаго Слова" и въ началѣ слѣдующаго года, при обсужденіи тургеневскихъ „Отцовъ и дѣтей", уже выступаетъ, какъ вождь поколѣнія. Вліяніе его растетъ съ каждой новой статьей, превращаясь мало-по-малу въ полную диктатуру, благодаря несравненному блеску его стиля и необыкновенной легкости его литературной манеры, которая дѣлала доступными серьезные вопросы пониманію самыхъ элементарныхъ слоевъ читающей публики. Эта легкость не означала, однако, что статьи легко давались писавшему. Какъ и Добролюбовъ, онъ буквально сгорѣлъ въ работѣ и уже года за два до своей столь ранней смерти почти умеръ духовно, утративъ блескъ и силу. Въ три-четыре года своей напряженнѣйшей дѣятельности онъ подвергъ безпощадному анализу весь строй старыхъ понятій и по каждому старался установить понятія новыя. Пересмотрѣвъ кодексъ старой морали, старой эстетики и старой науки, предшествовавшей расцвѣту естественныхъ наукъ въ серединѣ нашего вѣка, онъ пришелъ къ полному разрушенію прежняго „идеалистическаго" міросозерцанія и на основѣ положительнаго знанія старался создать міросозерцаніе „трезвое", достойное „развитой личности" и „мыслящаго реалиста". Какъ Добролюбовъ и Чернышевскій, и этотъ „разрушитель" былъ человѣкъ мягкаго и нѣжнаго сердца и, конечно, необыкновенной искренности. Это-то и придавало, помимо таланта, такую убѣдительность всему, что онъ писалъ, и это же дѣлало его такимъ послѣдовательнымъ. Провозглашая извѣстный принципъ, онъ, подобно Бѣлинскому, уже не останавливался ни передъ какими крайними выводами. Онъ не побоялся посягнуть на славу величайшаго русскаго поэта, отлично сознавая, что создаетъ себѣ репутацію вандала. И съ этой репутаціей онъ остался навсегда. Писаревъ—это синонимъ разрушенія искусства вообще и поэзіи въ частности. Онъ, однако же, не то, чтобы совсѣмъ отрицалъ искусство. Онъ только за нимъ не

хотѣлъ признавать первостепеннаго значенія. Главнымъ образомъ надо „полезное“ дѣло дѣлать, а какъ отдыхъ можно себѣ позволить и искусствомъ позабавиться, вродѣ того, какъ человѣкъ послѣ работы разрѣшитъ себѣ выпить вина. Этотъ, на первое впечатлѣніе очень радикальный, очень разрушительный, очень возмутительный и т. д. взглядъ былъ въ дѣйствительности взглядомъ чрезвычайно старымъ. Его около ста лѣтъ тому назадъ высказывалъ не кто иной, какъ... Державинъ. Для Писарева искусство и поэзія была чаркой вина, а по Державину—поэзія есть то же самое, что „лѣтомъ сладкій лимонадъ“. Великая историческая заслуга Бѣлинскаго предъ русскою гражданственностью въ томъ именно и заключается, что онъ показалъ, что литература не есть пріятный лимонадъ, а явленіе первостепенной общественной важности. Такимъ образомъ Писаревъ своимъ мнимымъ новшествомъ пошелъ не впередъ, а назадъ, и лишь гдѣ надо было пойти назадъ, именно стать на историческую точку зрѣнія—при оцѣнкѣ Пушкина, онъ этого не сдѣлалъ. На мѣсто низвергнутаго искусства Писаревъ поставилъ науку, но не всѣ ея отдѣлы, однако же, а исключительно естественныя. Боясь чаръ „идеализма“, онъ даже Грановскаго причислилъ къ „сиренамъ“, сладкій голосъ которыхъ можетъ сбить трезваго реалиста съ пути достиженія вполнѣ научнаго міросозерцанія. Всячески потѣшаясь и вышучивая „идеализмъ“, Писаревъ, конечно, считалъ себя „реалистомъ“ чистѣйшей воды. Но было бы очень близоруко повѣрить ему въ этомъ. На самомъ дѣлѣ, памятуя, что главное свойство всякаго романтика есть экзальтація, нельзя не признать Писарева типичнѣйшимъ романтикомъ, только влюбленнымъ не въ заоблачныя мечты, а въ естественныя науки. И онъ съ такимъ восторгомъ, съ такимъ зажигающимъ увлеченіемъ говоритъ о томъ, что на мѣсто упраздненной „эстетики“ слѣдуетъ поставить естественныя науки, что, дѣйствительно, успѣлъ свое увлеченіе передать читателямъ. Есть цѣлый рядъ признаній современныхъ натуралистовъ, свидѣтельствующихъ, что первыя сѣмена стремленія къ естествознанію въ нихъ заронили статьи Писарева, съ ихъ широкими перспективами проникновенія въ самую „суть“ вещей, съ ихъ заманчивыми увѣреніями, что только на основѣ „реальныхъ“ знаній можно устроить свою жизнь „истинно-человѣческимъ“ образомъ.

Такимъ же, по существу, романтикомъ Писаревъ является и въ своей проповѣди „разумнаго эгоизма“ и неограниченной свободы чувства или вѣрнѣе „чувственности“, которая вся относится къ тому времени, когда онъ, за участіе въ распространеніи прокламацій, сидѣлъ въ крѣпости... Но есть идеи, которыхъ не спасаетъ чистота намѣреній ихъ провозвѣстниковъ. Вотъ почему писаревская проповѣдь „разумнаго эгоизма“ въ концѣ концовъ не только не приви-

лась, но и подкопала все зданіе писаревскаго утилитаризма. Подкопала его именно исключительно нравственною несостоятельностью своею, а отнюдь не потому, что въ составъ его входило вандальское отношеніе къ искусству, какъ часто утверждаютъ. Одни взгляды на искусство не въ состояніи никого дискредитировать. Не только на нашихъ глазахъ, а на глазахъ всего міра Толстой еще съ гораздо большей рѣзкостью уничтожаетъ эстетику, всю изящную литературу и въ частности Пушкина. И это не ослабляетъ „толстовщину". Пала же „писаревщина" потому, что она провозгласила основнымъ принципомъ жизни наслажденіе, потому что въ основѣ писаревскаго „разумнаго эгоизма" лежалъ не принципъ общественнаго блага, не самопожертвованіе, не вѣковѣчный принципъ „положи душу за ближняго своего", а принципъ индивидуальнаго благополучія. Подъ девизомъ свободы личности Писаревъ далъ полную волю страстямъ. Протестуя безъ всякихъ ограниченій противъ стѣсненія личности, Писаревъ упустилъ изъ виду, что истинная мораль состоитъ въ томъ, чтобы ограничить себя во имя высшаго принципа. Безнравственно стѣснять чужую личность, но высоко нравственно подавлять свою собственную во имя какого-либо идеала. Чуткіе элементы русскаго общества, сначала именно потому увлекшіеся писаревскимъ разумнымъ эгоизмомъ, что онъ какъ будто ставитъ всѣ наши добрыя чувства на незыблемый пьедесталъ, быстро поняли, что съ нимъ попадешь въ трясину уже не разумнаго эгоизма, а эгоизма грубѣйшаго и матеріализма не философскаго, а мелко практическаго, и это подготовило настроеніе слѣдующей эпохи высшаго развитія альтруизма.

Къ тому же возведенію наслажденія въ высшій принципъ жизни фатальнымъ образомъ приводилъ знаменитый романъ Чернышевскаго „Что дѣлать". Участь романа, написаннаго въ крѣпости, вдвойнѣ печальна: во-первыхъ, потому что въ исторіи литературной репутаціи Чернышевскаго это слабое произведеніе заняло слишкомъ замѣтное положеніе, а, во-вторыхъ, потому что выводы, которые изъ него были сдѣланы, всего менѣе соотвѣтствовали тому, что вдохновляло автора.

Проповѣдь „разумнаго эгоизма" у Чернышевскаго, котораго по личнымъ его качествамъ его товарищи по духовной семинаріи считаютъ „ангеломъ во плоти", была въ сущности игрою словъ. Тотъ „эгоизмъ", къ которому Чернышевскій хочетъ свести лучшія движенія нашей души,—весьма своеобразный. Оказывается, что человѣкъ, поступая благородно, дѣйствуетъ такъ не для другихъ, а исключительно для себя. Онъ поступаетъ хорошо, потому что поступать такъ доставляетъ ему удовольствіе. Такимъ образомъ, дѣло сводится къ простому спору о словахъ. Не все-ли равно, чѣмъ мотивировать само-

пожертвованіе; важно только то, что является охота жертвовать собою. Такимъ образомъ, въ трогательно-наивныхъ стараніяхъ Чернышевскаго убѣдить людей, что поступать хорошо—не только возвышенно, но и „выгодно", ярко сказался только высокій строй души самого проповѣдника „разумнаго эгоизма", столь оригинально понимавшаго „выгоду".

Въ романѣ суровая фугура аскета и провозвѣстника общественно-политическаго движенія послѣдующей эпохи Рахметова, а также великодушный поступокъ Лопухова, покидающаго родину, чтобы дать возможность любимой имъ женѣ сойтись съ человѣкомъ, котораго та полюбила, казалось, ясно говорили о первостепенномъ значеніи самопожертвованія въ общественной и личной жизни. Но все вниманіе читающей публики по преимуществу сосредоточилось на героинѣ романа Вѣрѣ Павловнѣ, съ легкимъ сердцемъ принимающей приносимыя для нея жертвы и видящей рядъ розовыхъ сновъ. Въ этихъ снахъ аллегорически были воплощены политико-экономическіе идеалы Чернышевскаго о равномѣрномъ распредѣленіи богатствъ, о первенствующей роли трудящихся и т. д. Будущее рисовалось въ такихъ исключительно свѣтлыхъ очертаніяхъ, что отпадало самое важное при осуществленіи всякихъ новыхъ идеаловъ—тѣ жертвы, которыя выпадаютъ на долю піонеровъ. А между тѣмъ именно эта-то розовая окраска создала успѣхъ роману въ несерьезныхъ кругахъ средней публики, быть новымъ человѣкомъ à la Вѣра Павловна, на которой не лежало никакихъ обязанностей и жизнь которой текла легко и весело, было очень заманчиво, а подражать ей было такъ легко.

И тутъ-то и крылось фатальное дѣйствіе романа. Опасность и проклятіе всякой невѣрной и ложно освѣщенной мысли заключается въ томъ, что уродливые выводы изъ нея получаютъ несравненно болѣе скорое приложеніе къ дѣйствительности, чѣмъ зерно истины, кроющееся въ каждой новой идеѣ. Такъ случилось съ писаревской рѣзкостью, такъ вышло и съ проповѣдью неограниченной свободы чувства, положенной въ основу „Что дѣлать". На этой почвѣ весьма кратковременно, но зато очень ярко распустилось то отклоненіе отъ идеаловъ Добролюбова и Чернышевскаго-публициста, которое чаще всего характеризуется тургеневской кличкой „нигилизмъ". Кличка эта далеко перешла намѣреніе Тургенева, у котораго, во всякомъ случаѣ, воплощеніе нигилизма—Базаровъ—человѣкъ крупный. Базаровъ весьма мало напоминаетъ тѣхъ крикливыхъ адептовъ „новый идей", радикализмъ которыхъ главнымъ образомъ въ томъ и выражался, что мужчины носили длинные волосы, а женщины ихъ стригли. И фальшь многочисленныхъ „противонигилистическихъ" романовъ и повѣстей, появившихся въ срединѣ и концѣ шестидесятыхъ годовъ, не въ томъ

заключается, что лохматые, нечесанные, грязные мужчины и утратившія женственность особы женскаго пола выдуманы. Они, несомнѣнно, были и, несомнѣнно, оскорбляли тонко чувствующихъ людей, но надо было понять, что основное свойство рѣшительно всякаго массоваго движенія—это то, что къ нему примѣшиваются умственные и нравственные подонки. И думать, что именно эти-то подонки знаменуютъ все движеніе—значитъ проявить неумѣніе отличить главное и существенное отъ второстепеннаго и наноснаго.

Въ литературѣ нигилизмъ имѣлъ своего Базарова въ лицѣ Писарева, который восторженно преклонялся передъ тургеневскимъ героемъ; нигилизмъ же вульгарный, внѣшне-крикливый и неглубокій выразился въ другихъ дѣятеляхъ „Русскаго Слова". Самая характерная фигура между ними—*Григорій Евлампіевичъ* **Благосвѣтловъ** (1824—1880), редактировавшій журналъ до его закрытія въ 1866 г., а затѣмъ основавшій „Дѣло". У Благосвѣтлова не было сколько-нибудь замѣтнаго писательскаго таланта, но было замѣчательное умѣніе создавать сотрудниковъ, умѣніе чисто творческое, потому что онъ давалъ сотрудникамъ не только темы, но и основныя мысли, и такимъ путемъ создались наиболѣе хлесткія и яркія статьи „Русскаго Слова" и „Дѣла". Какъ это ни странно, но Писарева создалъ не кто иной, какъ всѣми забытый теперь Благосвѣтловъ. Человѣкъ очень образованный и отрицатель рѣдкой озлобленности, онъ-то въ полгода и превратилъ переводчика „Мессіады" въ вождя разрушительныхъ стремленій и прямо вложилъ въ него значительную часть того содержанія, которое, прошедши черезъ горнило писаревскаго таланта, получило такой ослѣпительный блескъ и создавало такой небывалый успѣхъ статьямъ молодого критика. Еще въ большей степени умственнымъ созданіемъ Благосвѣтлова былъ *Варооломей Александровичъ* **Зайцевъ** (1842—1882), весьма часто заставлявшій о себѣ говорить своими рѣзкими выходками и яростнымъ ниспроверженіемъ всяческихъ авторитетовъ. Это онъ находилъ, что „юнкерская" поэзія Лермонтова пригодна только для чахоточныхъ барышенъ. Цѣлый рядъ другихъ пугавшихъ мирныхъ обывателей выходокъ Зайцева былъ высказанъ въ редакціонныхъ собраніяхъ Благосвѣтловымъ, а Зайцевъ ихъ только изложилъ на бумагѣ. Благосвѣтловъ не страдалъ авторскимъ самолюбіемъ, не отдѣлялъ себя отъ журнала, и ему было рѣшительно все равно, чья подпись будетъ стоять подъ изложеніемъ и развитіемъ его мыслей. Въ значительной степени могъ считаться созданіемъ Благосвѣтлова рьяный полковникъ *Николай Васильевичъ (?)* **Соколовъ** (умеръ эмигрантомъ въ 1888), тоже одинъ изъ наиболѣе яростныхъ „разрушителей" „Русскаго Слова", помѣщавшій здѣсь статьи политико-экономическаго характера. Номинальный ре-

дакторъ „Русск. Слова“ *Николай Александровичъ* **Благовѣщенскій** (1835—1889) создалъ себѣ извѣстность разоблаченіемъ монашескихъ плутней на Аѳонѣ и въ Іерусалимѣ.

Серьезное противодѣйствіе крайностямъ и поверхностному радикализму „Русскаго Слова“ могъ бы оказать только пользовавшійся огромнымъ обаяніемъ органъ Чернышевскаго и недавно умершаго Добролюбова „Современникъ“, такъ какъ нападки консервативныхъ и умѣренныхъ органовъ, уже по источнику своего происхожденія, могли оказывать только совершенно противоположное дѣйствіе. И „Современникъ“ попытался образумить Писарева и другихъ дѣятелей „Русскаго Слова“, доказывая, что они только вредятъ обаянію того міросозерцанія, во имя котораго ополчаются, что они не реалисты, а лже-реалисты, что они ополчаются противъ метафизической философіи, не зная ея и потому не умѣя указать ея дѣйствительно слабыя стороны и т. д. Но „Современникъ“ не вышелъ побѣдителемъ, потому что не могъ выставить бойца, равнаго Писареву. Чернышевскій, арестованный въ 1862 и въ 1864 осужденный, выбылъ изъ рядовъ дѣйствующей литературы, а замѣнившій его и Добролюбова *Максимъ Алексѣевичъ* **Антоновичъ** (р. 1835) не стоялъ на высотѣ положенія. Онъ былъ сухъ и разсудоченъ, а, между тѣмъ, надо было покорять не столько умъ, сколько сердце. А самое главное, онъ самъ былъ еще худшій „разноситель“, чѣмъ сотрудники „Русскаго Слова“. Въ литературной памяти его имя связано больше всего съ Тургеневымъ и Некрасовымъ. Противъ Тургенева онъ выступилъ, когда появились „Отцы и Дѣти“, со статьей „Асмодей нашего времени“, въ которой съ совершенно еще непривычной для 1862 года рѣзкостью напалъ на пользовавшагося огромнымъ обаяніемъ перваго писателя своего времени, приравнивалъ его къ обскуранту Аскоченскому и яростно доказывалъ, что Базаровъ есть злостная клевета на молодое поколѣніе. Позднѣе (1868) Антоновичъ выступилъ съ неслыханно рѣзкимъ памфлетомъ, втаптывавшимъ въ грязь личность того самаго Некрасова, въ журналѣ котораго онъ былъ главнымъ дѣятелемъ. Всего же чаще Антоновичъ выступалъ въ роли „разносителя“ мелкихъ литературныхъ людишекъ, и полемика его производила впечатлѣніе безцѣльныхъ дрязгъ, необузданность языка доходила у него до крайнихъ предѣловъ грубости. Въ лучшемъ случаѣ, такому противнику, какъ Тургеневъ, доказывалось, что онъ „литературный черкесъ“, что онъ равенъ „тупоумному“ Писареву. Въ полемикѣ же, которую Антоновичъ велъ въ 1864 и 1865 гг. съ „Русскимъ Словомъ“, подъ псевдонимомъ „Посторонняго сатирика“, дѣло дошло до словъ „ракалія“, „хавронья“, „гнилой бутербродъ“, „барскій лакей“, „шелопай“, „безсовѣстная рожа“ и т. д. Въ этой полемикѣ Антоновичъ былъ совершенно правъ,

обличая Благосвѣтлова (человѣка, очень несимпатичнаго и грубаго эксплоататора) и указывая промахи Писарева, но на публику потокъ ругательствъ и взаимныхъ изобличеній произвелъ крайне тягостное впечатлѣніе и не могъ не уронить престижа обоихъ журналовъ.

Больше всего, конечно, „расколъ между нигилистами" доставлялъ удовольствія многочисленнымъ уже тогда врагамъ новыхъ стремленій и молодого поколѣнія. Отъ недавняго единодушія теперь не оставалось уже ни малѣйшаго слѣда и литературно-общественная мысль раздѣлилась на рядъ партій и фракцій. Крайнюю правую составляли обскурантская „Домашняя Бесѣда" *Виктора Ипатьевича* **Аскоченскаго** (1813—1879) и крѣпостническая „Вѣсть" *Владиміра Дмитріевича* **Скарятина** († въ 1890-хъ гг.). „Домашняя Бесѣда" была, по преимуществу, забавна, и ее только вышучивали, но за „Вѣстью" стояли опасныя по своимъ связямъ сферы, и съ нею надо было полемизировать серьезно. Самымъ же опаснымъ врагомъ прогрессивныхъ теченій являлись „Москов. Вѣдомости", съ 1863 г. перешедшія къ Каткову и подъ его талантливымъ редакторствомъ, при значительномъ, впрочемъ, содѣйствіи московскаго профессора-классика *Павла Михайловича* **Леонтьева** (1822—1874), превратившіяся въ органъ первостепенной важности и огромнаго вліянія. Благодаря перемѣнѣ въ настроеніи руководящихъ сферъ, къ Каткову перешло все то вліяніе, которымъ недавно даже у людей власти пользовался Герценъ. Но и въ средней публикѣ „Московскія Вѣдомости" имѣли чрезвычайный успѣхъ, благодаря польскому возстанію и вызванному имъ національному возбужденію. Когда кончилось возстаніе, кончилось и *общественное* вліяніе и значеніе „Московскихъ Вѣдомостей". Но роль спасителя отечества слишкомъ пришлась по вкусу честолюбиваго издателя и онъ начинаетъ создавать рядъ новыхъ опасностей, которыми постепенно становятся всѣ великія реформы Александра II. Недавній конституціоналистъ превращается въ мрачнаго реакціонера, борющагося съ противниками главнымъ образомъ орудіемъ политическаго доноса. Другой органъ Каткова „Русскій Вѣстникъ", совершенно утративъ свой прежній характеръ, становится главнымъ пріютомъ „противокигилистической" беллетристики. Начавъ съ облеченныхъ во всѣ формы уваженія къ противнику „Отцовъ и Дѣтей", „Русскій Вѣстникъ" становится все грубѣе и грубѣе. Онъ даетъ своимъ читателямъ „Взбаламученное море" Писемскаго, „Марево" *Виктора Петровича* **Клюшникова** (1841—92), „Дымъ" Тургенева, а съ конца шестидесятыхъ годовъ рядъ романовъ Лѣскова-Стебницкаго и автора бульварныхъ „Петербургскихъ Трущобъ" *Всеволода Владиміровича* **Крестовскаго** (1840—1895), гдѣ всѣ „нигилисты" въ лучшемъ случаѣ дурачки, а большею частью воры, мошенники, грабители, убійцы и поджигатели. Въ 1870-хъ гг. къ ста-

рымъ обличителямъ „Русск. Вѣстника“ присоединяется великое дарованіе Достоевскаго („Бѣсы“) и посредственные романисты Б. М. Маркевичъ и В. Г. Авсѣенко. Также обличалъ нигилистовъ авторъ печально прославившихся скабрезныхъ „Бродящихъ силъ“ („Всем. Трудъ“, 1867)—*Василій Петровичъ* **Авенаріусъ** (р. 1839), впослѣдствіи писатель для юношества. Примыкаетъ къ „противонигилистической“ литературѣ и „Обрывъ“ Гончарова (1869).

Особое положеніе заняли такъ называемые „почвенники“, сгруппировавшіеся около журнала „Время“. Главными сотрудниками его были Аполлонъ Григорьевъ, Достоевскій и Страховъ. Уже одно присутствіе Аполлона Григорьева въ роли перваго критика дѣлало журналъ какъ бы продолженіемъ „молодой редакціи Москвитянина“. Лозунгъ близости къ народной „почвѣ“ прямо вытекалъ изъ „органической“ критики Григорьева. Въ политическомъ отношеніи „Время“ держало себя солидарно съ лучшими органами прогрессивной мысли, горячо поддерживая всѣ начинанія эпохи реформъ. Вотъ почему было возможно появленіе во „Времени“ нѣсколькихъ стихотвореній Некрасова и очерковъ Щедрина. Но журналъ кореннымъ образомъ расходился съ духомъ эпохи по вопросу о народности, которую онъ понималъ, какъ полнѣйшее подчиненіе народному міровоззрѣнію. Столь же кореннымъ образомъ онъ расходился съ тою „соблазнительною ясностью“, которую эпоха, на основѣ естествознанія, вносила въ вопросы сверхчувственнаго бытія.

Главный полемистъ „Времени“—критикъ и философъ *Николай Николаевичъ* **Страховъ** (1828—1896) въ своей позднѣйшей дѣятельности все болѣе и болѣе уходилъ отъ тона „Времени“ и все тѣснѣе примыкалъ къ тону „Русскаго Вѣстника“. У Страхова есть горячіе поклонники, ставящіе его очень высоко. И несомнѣнно, это былъ мыслитель вдумчивый и очень образованный. Не обладая творческимъ умомъ, онъ все-таки занимаетъ довольно видное мѣсто въ нашей философской литературѣ. Какъ критикъ, Страховъ не обладалъ живою эстетическою чуткостью и совершенно не былъ способенъ оцѣнить первый дарованія возникающія, но, благодаря своей вдумчивости, онъ сдѣлалъ многія интересныя поясненія къ нашимъ установившимся, великимъ писателямъ. Въ общемъ, съ именемъ Страхова не связано ни одно прочно привившееся толкованіе, которое можетъ считаться его неприкосновеннымъ вкладомъ въ исторію русской критической мысли. А вмѣстѣ съ тѣмъ, съ его именемъ связано крупнѣйшее критическое фіаско. Почти всю свою жизнь Страховъ считалъ себя лучшимъ истолкователемъ Толстого. И какъ же онъ понималъ его? Какъ философа смиренномудрія, какъ проповѣдника идеаловъ скромнаго семейнаго счастія и вообще какъ рѣшительнаго

врага всего того, что выработано протестующею русскою мыслью. Все это толкованіе теперь безслѣдно рухнуло не только потому, что съ конца семидесятыхъ годовъ Толстой становится пугаломъ для людей такого направленія, какъ Страховъ, но и потому еще, что выяснилось, что основы позднѣйшаго духовнаго облика Толстого совершенно опредѣленно выразились уже въ первыхъ его произведеніяхъ.

Оригинальнымъ проявленіемъ уравнительныхъ теченій эпохи реформъ было выступленіе на литературномъ поприщѣ такъ называемаго „разночинца". Литература первой половины вѣка, даже въ такихъ самыхъ радикальныхъ проявленіяхъ своихъ какъ Бакунинъ и Герценъ, была, за самыми малыми исключеніями, дворянская. Теперь же и вожди теоретической мысли (Зайцевъ, Добролюбовъ, Чернышевскій, Антоновичъ, Благосвѣтловъ) и многіе беллетристы (Помяловскій, Левитовъ, Рѣшетниковъ, Николай и Глѣбъ Успенскіе и др.) по происхожденію принадлежали либо къ духовенству, либо къ мелкому чиновничеству; и большинство изъ нихъ къ сознанію ненормальности общественныхъ отношеній пришло не только путемъ теоретическимъ, но и испытавши прелесть этихъ отношеній на самихъ себѣ. Этимъ тѣснымъ соприкосновеніемъ съ реальной дѣйствительностью объясняется грубоватая рѣзкость новыхъ литературныхъ дѣятелей и горечь, которая особенно была сильна въ произведеніяхъ разночинцевъ-беллетристовъ. Самое крупное дарованіе въ ряду послѣднихъ—*Николай Герасимовичъ* **Помяловскій** (1835—63), авторъ превосходнѣйшей картины изъ отживавшаго педагогическаго быта—„Очерковъ бурсы" и двухъ замѣчательныхъ романовъ—„Мѣщанское счастье" и „Молотовъ", въ которыхъ впервые была взята насмѣшливая нота по отношенію къ личному благополучію, хотя бы и достигнутому хорошими путями. Другіе беллетристы-разночинцы шестидесятыхъ годовъ—*Николай Васильевичъ* **Успенскій** (*1842—1889*), *Александръ Ивановичъ* **Левитовъ** (1842—1877) и *Ѳедоръ Михайловичъ* **Рѣшетниковъ** (1841—1871) оставили яркій слѣдъ въ сферѣ изображенія народной жизни. Послѣ ихъ „трезвой правды" (выраженіе Тургенева по отношенію къ Рѣшетникову) прежде барски-соболѣзнующее, смягченное и приподнятое изображеніе народной жизни исчезаетъ навсегда. Еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ большой успѣхъ имѣли разсказы изъ украинской народной жизни **Марко-Вовчка** (псевд. *Марьи Александровны* **Марковичъ**, р. въ 1830-хъ гг., ум. въ 1907 г., писала при содѣйствіи мужа своего Аѳанасія Васильевича Марковича, умершаго въ 1867 г.), сами по себѣ талантливые и поэтическіе, но до-нельзя сантиментальные и приподнятые. Въ томъ же сантиментальномъ родѣ писала свои народные разсказы **Кохановская** (псевдонимъ *Надежды Степановны* **Соханской**, 1825—1884), подкрашенные притомъ еще славянофильски-

утрированнымъ преклоненіемъ предъ стариною. Этой барской сантиментальности у писателей-разночинцевъ не было. Писатели сороковыхъ и пятидесятыхъ годовъ, задавшись благородною и высокою цѣлью отыскать въ народѣ *человѣка*, проглядѣли (частью намѣренно) въ немъ мужика, на которомъ темнота и рабство не могли же не отразиться не только бѣдностью, но и нравственнымъ вырожденіемъ. Народники-разночинцы 60-хъ годовъ отнеслись къ своей задачѣ діаметрально-противоположно. Они почти поглядѣли въ мужикѣ человѣка и обратили все свое вниманіе на звѣря. Имѣвшіе кратковременный успѣхъ разсказы Николая Успенскаго поражаютъ своимъ безпощаднымъ отношеніемъ къ народу, который въ его изображеніи почти сплошь состоитъ изъ пьяницъ, воровъ, дураковъ и лѣнтяевъ—въ общемъ какая-то орда глупыхъ дикарей. И представитель самаго крайняго русскаго радикализма—Чернышевскій горячо привѣтствуетъ Успенскаго именно за то, что тотъ „пишетъ о народѣ правду безъ всякихъ прикрасъ". Чернышевскій не видитъ никакого основанія „утаивать передъ самимъ собою истину ради мужицкаго званія" и протестуетъ противъ „прѣсной лживости, усиливающейся идеализировать мужиковъ". Это единодушіе критики и беллетристики, конечно, показывало, что демократизмъ настолько теперь окрѣпъ, что ни въ какомъ искусственномъ подогрѣваніи не нуждался. Сравнительно съ переоцѣненнымъ въ свое время Николаемъ Успенскимъ, даровитый Левитовъ съ его мягкимъ поэтическимъ колоритомъ казался многимъ идеализаторомъ народной жизни. Но это впечатлѣніе создается почти исключительно лирическими отступленіями автора, которыя не нужно смѣшивать съ тѣмъ, что онъ изображаетъ. Въ большинствѣ случаевъ левитовскій „народъ" производитъ самое безотрадное впечатлѣніе: все это шоссейные попрошайки, пристанодержатели, родители, сбивающіе своихъ дочекъ, и прочій, какъ его авторъ самъ окрестилъ, „безпечальный народъ", который „не сѣетъ, не жнетъ". Но настоящій ужасъ навели „Подлиповцы" Рѣшетникова. Сенсація, вызванная этимъ произведеніемъ, доставившимъ огромную извѣстность его автору, почти лишенному художественнаго дарованія, основана на недоразумѣніи (см. во II т. настоящихъ „Очерковъ" этюдъ о Рѣшетниковѣ). Рѣшетниковъ самъ назвалъ „Подлиповцевъ" „этнографическимъ очеркомъ" и выводилъ въ нихъ инородцевъ сѣвера Пермской губерніи, такъ наз. „пермяковъ". Это—форменные дикари, не умѣющіе считать дальше пяти, не умѣющіе говорить по-русски, молящіеся пермяцкимъ идоламъ, не знающіе, что такое царь, не знающіе даже, что такое паспортъ и т. д.; чтобы избавиться отъ дѣтей, они ихъ морозятъ въ нетопленныхъ избахъ, отцы живутъ съ дочерьми и т. д. Все это и читатели и критика приняли за изображеніе жизни

русскаго пермскаго крестьянства. И вотъ почему „Подлиповцы", хотя и по недоразумѣнію, явились поворотнымъ пунктомъ въ изображеніи народной жизни. Послѣ ихъ ужасной „правды" не только „пейзане" Григоровича, но и высоко-художественные народные типы Тургенева, съ ихъ нѣжно опоэтизированною психологіей, съ ихъ, хотя и крестьянскою, но все же черезчуръ гладкою рѣчью, становятся прямо немыслимыми.

Изъ писателей-неразночинцевъ разсказы изъ народной жизни писалъ талантливый *Василій Александровичъ* **Слѣпцовъ** (1836—1878). И этотъ передовой писатель и радикальный общественный дѣятель изображаетъ мужиковъ настоящими головотяпами. Главное произведеніе Слѣпцова—большая повѣсть „Трудное время". Несравненно жесточе относясь къ „мѣщанскому счастью", чѣмъ Помяловскій, Слѣпцовъ съ безпощадною ироніею выпучиваетъ умѣренный либерализмъ, который не идетъ дальше двухъ, трехъ хорошихъ порывовъ, а затѣмъ остываетъ и обращается къ устройству личнаго благополучія.

Рядомъ съ органами и дѣятелями радикальной и всякой вообще ярко-окрашенной мысли, органы умѣренно-прогрессивнаго направленія не могли имѣть успѣха и вліянія въ эпоху, справедливо иногда называемую нашей „Sturm und Drang Periode"—„періодомъ бури и натиска". Уже въ самомъ началѣ 60-хъ гг. (1862) погибъ „органъ женскаго ума"—„Русская Рѣчь", во главѣ которой стояли обратившая на себя въ началѣ 50-хъ годовъ вниманіе романовъ „Племянница" **Евгеній Туръ** (псевдонимъ графини *Елисаветы Васильевны* **Сальясъ-де-Турнемиръ**, 1815—1892) и тогда еще либеральный историкъ-публицистъ *Евгеній Михайловичъ* **Ѳеоктистовъ** (1829—1898), позднѣе начальникъ главнаго управленія по дѣламъ печати въ тяжелую годину реакціи 80-хъ годовъ. Весьма жалкое существованіе влачили со своимъ неопредѣленнымъ направленіемъ нѣкогда могущественныя „Отеч. Записки". Во главѣ ихъ стоялъ теперь *Степанъ Семеновичъ* **Дудышкинъ** (1820—1866), критикъ и изслѣдователь исторіи литературы не безъ достоинствъ, но выдѣлявшійся только дѣловитостью и совершенно лишенный темперамента. Дѣятельное участіе въ Дудышкинскихъ „Отеч. Зап." принималъ образованный публицистъ *Николай Викентьевичъ* **Альбертини** (1826—1890), успѣвшій уже остыть послѣ недолгаго періода обличительнаго жара Громека, туманный эстетикъ *Николай Ивановичъ* **Соловьевъ** (1831—1874); переводчикъ Байрона *Ефимъ Ѳедоровичъ* **Заринъ** (1829—1892), подъ псевдонимомъ *Incognito* полемизировавшій съ Чернышевскимъ и Писаревымъ. Послѣ запрещенія (по недоразумѣнію, въ 1863 г.) органа „почвенниковъ" „Времени" и прекращенія его неудачнаго продолженія „Эпохи"—сюда

же переселились Страховъ, Аверкіевъ и др. Благодаря той же неопредѣленности направленія не имѣла успѣха и перешедшая въ 1863 г. къ молодому П. Д. Боборыкину „Библіот. для Чтенія". И „Отеч. Зап." и „Библ. для Чтенія" въ вопросахъ внутренней политики вполнѣ были на сторонѣ лучшихъ вѣяній эпохи великихъ реформъ, но разными выходками противъ молодого поколѣнія онѣ приблизились къ реакціонной печати.

V.

Эпоха высшаго развитія альтруизма.

(Семидесятые годы).

Несостоятельность утилитаризма, не дававшаго логической основы порывамъ къ самопожертвованію, низводившаго до нуля значеніе идеальныхъ интересовъ и въ томъ числѣ искусство, скоро выяснилась для лучшихъ элементовъ русскаго общества. Крѣпнетъ сознаніе, что однимъ разрушеніемъ стараго и стремленіемъ къ матеріальной „пользѣ" не проживешь. Возникаетъ потребность въ выработкѣ идеаловъ положительныхъ. Окраску эпохѣ даетъ теперь не грубоватый „разночинецъ", выступившій въ шестидесятыхъ годахъ съ *требованіями* равноправности для себя, а напротивъ того, *отказывающійся* отъ своихъ историческихъ правъ „*кающійся дворянинъ*", желающій искупить и загладить вину своего сословія передъ народомъ. Рядомъ съ идеаломъ усовершенствованія личности, выдвигается принципъ общественнаго блага. Отсюда интересъ къ общественнымъ наукамъ и мистическое преклоненіе предъ народомъ. Изъ теоретиковъ П. Л. Лавровъ и Н. К. Михайловскій удовлетворяютъ стремленію къ ознакомленію съ общественными науками и потому становятся главарями движенія. Публицистика заполняется изслѣдованіями экономическаго быта народа; въ сферѣ художественнаго творчества „мужицкая беллетристика" занимаетъ первенствующее положеніе; молодежь въ разныхъ формахъ идетъ „въ народъ". Какъ особая фракція альтруистически-демократическаго настроенія, возникаетъ прогрессивное „народничество", имѣющее то общее съ славянофильствомъ, что оно тоже провозглашаетъ принципъ „особенностей" русскаго народа, съ тѣмъ, однако, существеннымъ различіемъ, что эти особенности исключительно усматриваетъ въ общинно-артельныхъ „устояхъ" русской народной жизни. Но всѣ фракціи радикальной мысли одинаково сливаются въ одномъ общемъ, страст-

номъ стремленіи всецѣло отдать себя служенію народу, жертвуя для этого всѣми личными интересами. Ни одна эпоха русской исторіи не видѣла такого накопленія идеальныхъ стремленій. Самые отдаленные идеалы казались близко осуществимыми, твердая рѣшимость дѣйствительно положить душу свою за благо ближняго своего становится массовымъ свойствомъ. Сословный и личный эгоизмъ кажется прямо отвратительнымъ, и только полное подчиненіе единичныхъ интересовъ общественному благу удовлетворяетъ нравственно чуткаго человѣка.

Могло ли подобное настроеніе выразиться въ искусствѣ, могъ ли такой историческій моментъ, всего менѣе теоретическаго свойства, воплотиться въ литературѣ, которая всегда сильна только въ эпохи подготовительныя? Лучшія душевныя силы работали въ другомъ направленіи. Уже литература шестидесятыхъ годовъ была менѣе блестяща, чѣмъ литература сороковыхъ годовъ, потому что помыслы современниковъ только отчасти были направлены на литературу. Но тѣмъ болѣе, значитъ, должно было пострадать чисто-литературное творчество семидесятыхъ годовъ. И дѣйствительно, чего-нибудь вполнѣ соотвѣтствующаго нравственному подъему эпохи, литература того времени не дала. Такъ, несмотря на то, что „мужицкая беллетристика“ совершенно заполонила страницы журнала, она выдвинула только одно сильное дарованіе—Глѣба Успенскаго. У остальныхъ писателей изъ народной жизни—Златовратскаго, Наумова, Засодимскаго, Каронина, Нефедова и др. добрыя намѣренія преобладали надъ исполненіемъ. Внѣ среды мужицкой беллетристики, настроеніе эпохи отразили два, самихъ по себѣ весьма замѣчательныхъ, дарованія—Гаршинъ и Короленко. Но все же и эти лучшіе беллетристы поколѣнія не могутъ быть поставлены на одинъ уровень съ писателями поколѣнія сороковыхъ годовъ. Среди поэтовъ Минскій, Якубовичъ, Надсонъ имѣютъ свои серьезныя достоинства, но, опять-таки, не могутъ въ чисто-литературномъ отношеніи сравняться съ поэтами предыдущихъ эпохъ.

Но если конецъ шестидесятыхъ годовъ и семидесятые годы оказались неблагопріятными для *созданія* первостепенныхъ талантовъ, то они оказались чрезвычайно благопріятными для развитія трехъ великихъ талантовъ—Щедрина, Достоевскаго и Толстого, унаслѣдованныхъ отъ эпохъ предыдущихъ. И это ни въ какомъ случаѣ не простая случайность, а явленіе, объясняемое вполнѣ органически.

Всего ярче эта связь сказалась на творчествѣ *Михаила Евграфовича* **Салтыкова-Щедрина** (1826—1889). На порогѣ старости его талантъ становится все болѣе и болѣе могучимъ, доходя по временамъ

до истинно свифтовской силы. Чѣмъ круче становились времена, тѣмъ опредѣленнѣе становилось его міросозерцаніе и тѣмъ цѣльнѣе, значитъ, его творчество. Въ шестидесятыхъ годахъ Писаревъ немножко рѣзко, но довольно-таки вѣрно называлъ сатиру Щедрина „цвѣтами невиннаго юмора". Дѣйствительно, невиннаго, потому что юморъ, направленный безразлично, во всѣ стороны, всюду выискивая смѣшное, отзывается балагурствомъ и зубоскальствомъ. А Щедринъ долго именно такимъ образомъ разбрасывалъ соль своей сатиры безъ опредѣленной цѣли. Надъ чѣмъ онъ только не смѣялся? Надъ реакціонерами и надъ либералами, надъ „Московскими Вѣдомостями" и надъ земствомъ, надъ подъячими и надъ гласнымъ судомъ, и поэтому трудно было уловить его собственные идеалы. Но со второй половины шестидесятыхъ годовъ, ознаменованной появленіемъ геніальной „Исторіи одного города", и особенно въ семидесятыхъ годахъ Щедринъ стрѣлы своихъ насмѣшекъ направляетъ уже не во всѣ стороны, а бьетъ все въ одну точку. Уже не холодный юморъ „насмѣшника", а истинно-злобная иронія, облитая настоящею желчью и кровью, слышится въ щедринскихъ произведеніяхъ разсматриваемыхъ лѣтъ. Онъ умѣетъ теперь ненавидѣть и властно предъявлять требованія своего наболѣвшаго сердца. Символически резюмируетъ всю дѣятельность Щедрина въ послѣднія двадцать лѣтъ его жизни діалогъ „торжествующей свиньи" съ „правдой": сколько въ немъ страшной ироніи, сколько непоколебимой ненависти человѣка, котораго стихійной силой пригнуло къ землѣ, но который, тѣмъ не менѣе, сохранилъ въ себѣ гордое стремленіе къ небу. Этотъ же періодъ окончательнаго установленія его идеаловъ, какъ гражданина, ознаменованъ также полнымъ развитіемъ художественныхъ силъ великаго сатирика. Теперь окончательно вырабатывается язвительный блескъ его языка, теперь пишутся удивительныя сказки, геніальная эпопея „Господа Головлевы", подготовляется превосходная хроника „Пошехонская Старина".

Связь *Ѳедора Михайловича* **Достоевскаго** (1821—1881) съ настроеніемъ, начавшимся во второй половинѣ шестидесятыхъ и окончательно выработавшимся въ семидесятыхъ годахъ, для многихъ въ свое время была не ясна. Ихъ даже пугалъ тотъ огромный успѣхъ, тотъ апогей славы Достоевскаго, который относится къ серединѣ и концу семидесятыхъ годовъ и получилъ такое грандіозное выраженіе въ царскихъ похоронахъ, ему устроенныхъ. Но, именно, эти похороны, на которыхъ было такое огромное количество молодежи, что на простолюдиновъ они произвели впечатлѣніе похоронъ „учителя", ясно показали, что въ успѣхѣ Достоевскаго надо было разобраться.

Онъ нимало не свидѣтельствовалъ поворота къ обскурантизму, котораго было такъ много и въ злѣйшемъ романѣ-памфлетѣ „Бѣсы“ (1871), и еще болѣе въ „Дневникѣ писателя“, сначала печатавшемся въ ярко ретроградномъ „Гражданинѣ“, а съ 1876 г. выходившемъ отдѣльно. Чуткіе элементы, сами охваченные беззавѣтнымъ стремленіемъ къ самопожертвованію, сумѣли выдѣлить въ Достоевскомъ тѣ два духовныхъ существа, которыя въ немъ соединились въ такую неотразимо влекующую къ себѣ силу. Достоевскій, говоря мистическимъ языкомъ, въ одно и то же время совмѣщаетъ въ себѣ и ангела и дьявола. Никто не заражаетъ въ такой степени своимъ религіознымъ экстазомъ, какъ Достоевскій, и никто не опускается въ такія неизмѣримо глубокія бездны невѣрія. Бездны потому и такія головокружительныя, что невѣріе это вышло не изъ равнодушія къ вѣрѣ, а изъ страстной, всепоглощающей жажды ея. Никто не можетъ быть такимъ злымъ и жестокимъ, какъ Достоевскій, но никто также не можетъ доходить до такихъ высотъ величайшаго просвѣтлѣнія любви, и нѣтъ ему равнаго ни въ русской, ни во всемірной литературѣ по силѣ всепроникающей любви къ униженнымъ и оскорбленнымъ. И вотъ это-то и было оцѣнено теперь, между тѣмъ какъ въ шестидесятыхъ годахъ изъ-за выходокъ противъ радикализма къ великому дарованію автора „Записокъ изъ мертваго дома“ и „Преступленія и наказанія“ относились холодно. Въ семидесятыхъ годахъ Достоевскій—не вождь умственный, а вождь нравственный; никто не учился у него, *что* любить, но учились самой любви, проникались силою ея и страстностью.

Еще менѣе сознавалась въ свое время тѣснѣйшая связь между альтруистическими теченіями семидесятыхъ годовъ и графомъ *Львомъ Николаевичемъ* **Толстымъ** (род. 1828). Критика и публика, признавая его великій талантъ, все же относилась къ нему холодно и внутренняго смысла его произведеній прямо не понимала. Достаточно сказать, что въ „Аннѣ Карениной“ усмотрѣли тогда апоѳеозъ великосвѣтскихъ амуровъ. Поэтому, когда на рубежѣ семидесятыхъ и восьмидесятыхъ годовъ стали обращаться въ публикѣ многочисленные списки толстовской „Исповѣди“, а затѣмъ послѣдовалъ рядъ нравственно-философскихъ трактатовъ и разсказовъ, всѣхъ ошеломившихъ необыкновенною рѣзкостью своей критики, въ этомъ усмотрѣли „переворотъ“. „Новый“ Толстой, Толстой-проповѣдникъ становится властителемъ думъ своего времени, и значеніе его получаетъ совершенно небывалые, прямо легендарные размѣры. Самъ „великій писатель Земли Русской“ тоже не прочь признать себя перерожденнымъ и съ пренебреженіемъ говоритъ о томъ періодѣ своей жизни,

когда онъ писалъ „только“ романы. Однако, пристальное изученіе его литературной дѣятельности критикою всѣхъ странъ и народовъ совершенно твердо установило тотъ фактъ, что нѣтъ „новаго“ Толстого, что на всемъ протяженіи его пятидесятилѣтней дѣятельности и чрезъ всѣ его великія произведенія проходитъ одна и та же красная нить—исканіе смысла жизни и желаніе достичь доподлинной правды, не пугающейся никакихъ выводовъ. Такимъ образомъ, строго говоря, Толстого нельзя пріурочить ни къ одной опредѣленной эпохѣ. Великій геній, онъ какъ бы внѣ времени и пространства. Но, все же, совсѣмъ свободными отъ отпечатка своего времени не могутъ быть и самые великіе люди. И вотъ, если задаться вопросомъ, какую же полосу русской литературно-общественной мысли всего ярче отразилъ Толстой, то теперь, когда уже въ теченіе цѣлой четверти вѣка онъ сталъ синонимомъ человѣка, пересмотрѣвшаго и отвергшаго всѣ старыя общественныя нормы, на этотъ вопросъ не можетъ быть двухъ отвѣтовъ. Къ періоду всеобщаго умиленія второй половины пятидесятыхъ годовъ нельзя никакъ причислить такую небывало рѣзкую постановку вопросовъ, къ которой приходитъ Толстой. Къ первой половинѣ шестидесятыхъ годовъ онъ уже гораздо ближе и въ частности примыкаетъ къ теоріи „полезнаго“ искусства. Но всего ближе онъ къ семидесятымъ годамъ, съ которыми его органически роднитъ сила и жгучесть того порыва, который въ каждомъ движеніи составляетъ наиболѣе характеристическую его часть. Кореннымъ образомъ расходясь съ альтруистами семидесятыхъ годовъ въ путяхъ служенія народу, Толстой всецѣло къ нимъ примыкаетъ по тому чисто-мистическому экстазу, съ которымъ въ семидесятыхъ годахъ была выдвинута эта задача. Величественная фигура Толстого неотразимо приковала къ себѣ вниманіе всего культурнаго міра главнымъ образомъ въ качествѣ „кающагося дворянина“.

Изъ менѣе крупныхъ дарованій къ семидесятымъ годамъ относится расцвѣтъ таланта самой замѣчательной изъ русскихъ писательницъ—*Надежды Дмитріевны* **Хвощинской-Заіончковской** (1825—1889), писавшей подъ именемъ **„Крестовскій-Псевдонимъ“**. Она начала писать въ пятидесятыхъ годахъ и составила себѣ серьезное литературное положеніе своими романами изъ провинціальной жизни. Но лучшія ея вещи—„Большая Медвѣдица“, „Альбомъ“, „Первая борьба“ и др.—относятся къ семидесятымъ годамъ. Въ нихъ она чрезвычайно выросла и въ художественномъ, и въ общественномъ отношеніи, освободилась отъ прежней идеализаціи забитыхъ женскихъ фигуръ и съ большею энергіею выводила на чистую воду пошлые элементы жизни.

Установить точныя хронологическія очертанія „семидесятыхъ“ годовъ—трудно. Приблизительно начало ихъ можно отнести къ 1866—70 годамъ. Вѣхами могутъ служить—прекращеніе „Современника“ и „Русскаго Слова“ (1866 г.), „Историческія письма“ Миртова-Лаврова (1866—70), первыя статьи Михайловскаго въ перешедшихъ въ 1868 г. къ Некрасову и Салтыкову „Отечественныхъ Запискахъ“, которыя теперь становятся центральнымъ органомъ новаго фазиса литературно-общественной мысли.

„Историческія письма“ и другія работы ставшаго уже тогда эмигрантомъ *Петра Лавровича* Лаврова (1823—1900), быстро сдѣлались катехизисомъ поколѣнія семидесятыхъ годовъ. Профессоръ математики артиллерійской академіи, человѣкъ огромнѣйшей эрудиціи по философскимъ и точнымъ наукамъ и, въ общемъ, самый ученый изъ всѣхъ вождей русской теоретической мысли, Лавровъ всего менѣе обладалъ литературнымъ талантомъ. Изложеніе его темно и сбивчиво, на всѣхъ его писаніяхъ лежитъ печать отвлеченности гегельянства, въ школѣ котораго онъ воспитался. Но живое нравственное чувство, которое билось подъ этою почти схоластическою корою, сообщалось сколько-нибудь вдумчивому читателю, и такъ какъ оно совпадало съ новымъ настроеніемъ чуткихъ элементовъ общества, то ученіе Лаврова и сдѣлалось лозунгомъ эпохи. Это ученіе сводилось къ тому, чтобы показать огромное и даже рѣшающее значеніе личности въ исторіи. Всего менѣе отрицая, что личность есть продуктъ физическихъ и историческихъ условій, Лавровъ все-таки полагаетъ, что окончательное опредѣленіе личности даетъ воля и собственное сознаніе. Отсюда прямой выводъ—человѣкъ съ характеромъ подчиняетъ обстоятельства себѣ, люди съ опредѣленнымъ міросозерцаніемъ дѣлаютъ исторію. Въ вышедшемъ нѣсколькими годами позже „Введеніи въ исторію мысли“ Лавровъ доказывалъ, что и самое-то слово „исторія“ есть фикція: „Реальны въ исторіи лишь личности, лишь онѣ желаютъ, стремятся, обдумываютъ, дѣйствуютъ, совершаютъ исторію“. „Историческія событія *сами собою* не происходятъ. Что бы ни писали о духѣ времени, о неизбѣжномъ теченіи событій, увлекающемъ личностей, но, въ концѣ концовъ, все-таки дѣлаютъ исторію *личности*, духъ времени составляется изъ настроенія мысли *личностей*; потокъ событій, увлекающій однѣхъ, образуется другими, опять-таки *личностями*“.

Но, конечно, не всякая „личность“ дѣлаетъ исторію. Если считать сущностью историческаго процесса прогрессъ, то этотъ прогрессъ создается „*критически-мыслящей личностью*“ по слѣдующей схемѣ: та или другая идея „зарождается въ мозгу личности, тамъ развивается, потомъ переходитъ изъ этого мозга въ мозги другихъ лично-

стей, разрастается качественно въ увеличеніи умственнаго и нравственнаго достоинства этихъ личностей, количественно въ увеличеніи ихъ числа и становится общественною силою, когда эти личности сознаютъ свое единомысліе и *рѣшаются на единодушное дѣйствіе*". Въ общемъ, „прогрессъ человѣчества лежитъ исключительно на критически-мыслящихъ личностяхъ: безъ нихъ онъ безусловно невозможенъ".

Взваливши всю тяжесть исторіи и всю отвѣтственность за достиженіе прогресса на плечи отдѣльной личности, Лавровъ всего на всего создалъ бы этимъ одну изъ многочисленныхъ исторіософическихъ теорій, если бы его ученіе не совпало съ тою жаждою самопожертвованія, которая составляетъ основу психики семидесятыхъ годовъ. Лѣтъ черезъ 15, въ 80-хъ годахъ, не только такія несомнѣнно „критически-мыслящія личности", какъ Толстой и Владиміръ Соловьевъ, усомнятся въ томъ, что прогрессъ такая уже святая вещь, но—самое главное—всякій скажетъ: „Да мнѣ-то до всего этого какое дѣло". Но теперь „критически-мыслящая личность" не только умомъ, но и необыкновенно-чуткою совѣстью сознала, что ничто не сдѣлается помимо активнаго участія каждаго изъ насъ и что—*какихъ бы это личныхъ жертвъ не потребовало*—каждый долженъ посвятить себя дѣлу народнаго счастья, какъ основной цѣли прогресса.

Николай Константиновичъ **Михайловскій** (1842—1904) обладалъ одновременно и блестящимъ литературнымъ талантомъ и выдающейся эрудиціей въ наукахъ философскихъ и общественныхъ. Въ еще большей степени, чѣмъ Чернышевскій, онъ создалъ особый родъ литературно-соціологическаго писанія, который трудно подвести подъ установившіеся типы критики и разработки научно-общественныхъ вопросовъ. Это—откликъ буквально на все, что волновало русское общество какъ въ сферѣ научной мысли, такъ и въ сферѣ практической жизни и текущихъ литературныхъ явленій. Самъ Михайловскій, съ увѣренностью человѣка, къ которому никто не приложитъ такого эпитета, охотнѣе всего называлъ себя „профаномъ", и одна изъ важнѣйшихъ частей его литературныхъ замѣтокъ такъ и называется—„Записки профана". Этимъ самоопредѣленіемъ онъ хотѣлъ себя отдѣлить отъ цеховой учености, которой нѣтъ дѣла до жизни и которая стремится только къ формальной истинѣ. „Профанъ", напротивъ того, интересуется только живою жизнью, онъ ко всякому явленію подходитъ съ вопросомъ: а что оно даетъ для уясненія смысла человѣческой жизни, содѣйствуетъ ли достиженію человѣческаго счастья?

Благодаря тому, что блескъ таланта создалъ ему огромную аудиторію, Михайловскій становится главнымъ выразителемъ наступающаго теперь *созидательнаго* періода русской мысли. Созидательнаго

въ смыслѣ выработки положительныхъ идеаловъ, которымъ смѣнился боевой переводъ „бури и натиска“, направленнаго исключительно на ниспроверженіе старыхъ устоевъ общественнаго міросозерцанія. Въ этомъ смыслѣ Михайловскій явился прямой реакціей противъ крайностей и ложныхъ шаговъ Писарева, мѣсто котораго онъ занялъ, какъ „первый критикъ“ и властитель думъ поколѣнія семидесятыхъ годовъ. Хронологическій преемникъ Писарева, онъ въ общемъ обликѣ своей дѣятельности былъ продолжателемъ Чернышевскаго, а въ своихъ соціологическихъ работахъ—Лаврова. Главная заслуга его въ томъ, что онъ созналъ опасность, заключавшуюся въ писаревской пропагандѣ утилитарнаго эгоизма и узко-понятаго „мыслящаго реализма“, которые въ своемъ логическомъ развитіи неизбѣжно приводили къ игнорированію интересовъ общественныхъ. Молодой соціологъ и критикъ, какъ въ своихъ теоретическихъ, такъ еще больше въ литературныхъ статьяхъ своихъ, съ особенной силою выдвинулъ идеалъ служенія обществу и самопожертвованія для блага общаго, а развивая Лавровское ученіе о роли личности, давалъ бодрость начинать это служеніе *немедленно*. Являясь однимъ изъ главныхъ представителей такъ называемой „русской школы“ соціологіи и провозвѣстникомъ „субъективнаго метода“ разработки соціологическихъ вопросовъ, Михайловскій впослѣдствіи былъ предметомъ сильныхъ нападокъ за „ненаучность“ такого метода. Здѣсь нѣтъ никакой надобности касаться существа этихъ нападокъ, побѣдоносно подчеркивавшихъ, что всякій научный методъ тѣмъ и методъ, что онъ устраняетъ субъективность. Можетъ быть. Да вѣдь не въ „научности“ историческое значеніе Михайловскаго. Михайловскій всю свою жизнь былъ передовымъ бойцомъ, всю жизнь стоялъ, по прекрасному опредѣленію изданнаго въ его честь юбилейнаго сборника, „на славномъ посту“, и интересовали его не столько стройность и логическое совершенство, сколько благотворное воздѣйствіе на читателя. Вотъ почему чисто-научные доводы противъ „субъективнаго метода“ не колеблютъ значенія, которое въ свое время имѣли соціологическія работы Михайловскаго, какъ явленіе публицистическое. Всѣмъ нападающимъ на „субъективный методъ“, не принимая при этомъ во вниманіе момента возникновенія его, слѣдуетъ твердо помнить, что весь-то „субъективный методъ“ былъ по преимуществу *псевдонимомъ*. Требовалось наукообразное обоснованіе того самоотверженнаго порыва къ переустройству общества, которое овладѣло новымъ поколѣніемъ, и его-то, наряду съ ученіемъ Лаврова, и давала соціологія Михайловскаго. Какъ реальный фактъ исторіи русскихъ общественныхъ настроеній, слѣдуетъ отмѣтить, что страстный интересъ Михайловскаго къ роли личности, его протестъ противъ органической те-

оріи Спенсера, его стремленіе показать, что въ исторической жизни важнѣйшая часть личности—идеалъ, элементъ желательнаго, имѣетъ огромное значеніе, создавали въ читателяхъ настроеніе, страстно враждебное историческому фатализму и квіетизму. Рождалась нравственная обязанность каждому человѣку опредѣлить свое отношеніе къ задачамъ общественной жизни и, противопоставивъ свою твердую волю непреоборимой на первый взглядъ силѣ окружающей среды, сдѣлать что-нибудь рѣшительное для достиженія общественнаго блага.

А прежде всего блага народнаго въ тѣсномъ смыслѣ этого слова. Благо сѣраго мужика становится центромъ думъ и размышленій лучшей части нашего общества. Идеалъ Писарева—Базаровъ говорилъ: „А я и возненавидѣлъ этого послѣдняго мужика, Филиппа или Сидора, для котораго я долженъ изъ кожи лѣзть и который мнѣ даже спасибо не скажетъ... ну, будетъ онъ жить въ бѣлой избѣ, а изъ меня лопухъ расти будетъ, ну, а дальше?“ Но людямъ 70-хъ годовъ только и „было дѣло“ до того, чтобы дать возможность Филиппу и Сидору перемѣнить черную избу на бѣлую. Никогда еще русское общество не присутствовало при такомъ взрывѣ беззавѣтной готовности отдать себя угнетеннымъ и оскорбленнымъ. Новое поколѣніе полюбило отвлеченное понятіе „народъ“ съ такимъ конкретнымъ пыломъ, съ такимъ душевнымъ жаромъ, что едва ли юноша, въ первый разъ полюбившій прекрасную дѣвушку, могъ бы больше волноваться, больше страдать, больше горѣть страшнымъ желаніемъ отдать всего себя, всю свою жизнь для счастья дорогого существа.

Этотъ характеръ новаго народолюбія, эта горячка первой любви неизбѣжно носили въ себѣ зерно будущаго разочарованія. Разгоряченная фантазія рисовала умственную и нравственную физіономію народа въ грандіозныхъ очертаніяхъ чего-то непостижимо-хорошаго, чего-то невыразимо-прекраснаго. Народъ представлялся какимъ-то безбрежнымъ, безконечнымъ океаномъ, по которому ходятъ гигантскіе валы, въ которомъ есть страшно-сильныя теченія, который иной разъ затихаетъ передъ бурей, но только затѣмъ, чтобы потомъ разыграться во всей могучей красотѣ, во всей сокрушающей силѣ. И думалось разгоряченному уму, и вѣрилось влюбленному сердцу, что стоитъ только окунуться въ этотъ океанъ, чтобы совершенно съ нимъ сродниться. Еще крѣпче была надежда, что, разъ окунувшись въ него, разъ сроднившись съ нимъ, легко будетъ направлять его валы труда, куда имъ слѣдуетъ направляться...

Параллельно такому теченію въ подпочвенномъ, родниковомъ слоѣ лучшей части литературы, появляется цѣлый рядъ беллетристовъ, крайнихъ идеализаторовъ народа. Среди нихъ выдѣлились: *Ни-*

колай Николаевичъ **Златовратскій** (р. 1845), *Николай Ивановичъ* **Наумовъ** (1838—1901), *Павелъ Владиміровичъ* **Засодимскій** (писалъ и подъ псевдонимомъ **Вологдинъ**, род. 1843), *Филиппъ Діомидовичъ* **Нефедовъ** (1848—1902).

Всѣ они имѣли глаза тольно для тѣхъ темныхъ силъ, которыя гнетутъ мужика, для тѣхъ скверныхъ условій, въ которыя поставили народъ помимо его воли, для того горя, которое ему причинили люди, въ томъ заинтересованные. Въ полную противоположность недавнему изображенію народа какъ скопища дураковъ, плутовъ и лѣнтяевъ, о которомъ мы говорили выше по поводу Николая Успенскаго, мужикъ самъ по себѣ изображался теперь чѣмъ-то безгрѣшнымъ, идеаломъ всякихъ нравственныхъ и даже умственныхъ совершенствъ. Въ произведеніяхъ Златовратскаго нехитростный, сѣренькій мужичекъ сплошь да рядомъ превращается въ какого-то эпическаго Микулу Селяниновича, который подчасъ даже говоритъ былиннымъ складомъ и чѣмъ-то въ родѣ бѣлыхъ стиховъ. Въ такихъ же эпическихъ очертаніяхъ рисовалъ сибирскіе народные типы Наумовъ. Деревенскихъ Лассалей изображалъ Засодимскій.

Апогеемъ идеализирующаго періода народолюбія семидесятыхъ годовъ явилась статья, подписанная инициалами **П. Ч.** въ „Недѣлѣ" 1875 г., озаглавленная: „Отчего безжизненна наша литература". Эта небольшая статейка, принадлежащая автору (земскому статистику *Петру Петровичу* **Червинскому** (род. 1845), никогда болѣе не останавливавшему на себѣ вниманіе большой публики, создала огромную литературу журнальныхъ и газетныхъ статей (въ томъ числѣ цѣлыхъ три статьи Михайловскаго). Страстно разбирался въ нихъ тезисъ статьи П. Ч., что интелигенція наша должна благоговѣйно преклониться передъ нравственностью „деревни", что литература и мышленіе наши только тогда войдутъ въ настоящую силу, когда всецѣло усвоятъ правду сѣраго мужика. Дальше, конечно, нельзя было идти. Признать полное безсиліе интеллигенціи создать какія бы то ни было нравственные идеалы; отрицать у *всѣхъ* элементовъ нашей литературы возможность сказать живое нравственное слово, и въ то же самое время думать, что въ „деревнѣ", въ составъ которой входятъ и кулаки, и міроѣды, и плуты всякаго рода, неисчерпаемыми залежами скопленно одно только золото нравственной высоты и силы— это уже не была любовь къ народу, не пристрастіе, а прямо идолопоклонство.

Михайловскій и другіе органы передовой мысли, съ должными оговорками во имя принциповъ истиннаго демократизма, ополчились противъ этого идолопоклонства, и въ широкихъ кругахъ „деревни" не сдѣлалась тѣмъ фетишемъ, въ честь котораго „Недѣля" готова

была пожертвовать всѣми завоеваніями культуры. Статья **П. Ч.** является лишь началомъ особаго направленія, которое сконцентрировалось по преимуществу въ „Недѣлѣ". Главнымъ теоретикомъ этого теченія выступилъ **Юзовъ** (псевдонимъ Осипа Ивановича *Каблица*, 1848—1893). Онъ окончательно формулировалъ свое ученіе нѣсколько позднѣе—въ началѣ 80-хъ годовъ, и называлъ его „народничествомъ". Исходилъ Юзовъ не изъ одного только преклоненія передъ нравственнымъ величіемъ народной психологіи. Такъ какъ сѣрый народъ составляетъ подавляющее большинство населенія Россіи, то интеллигенція, по мнѣнію Юзова, не смѣетъ навязывать ему свои идеалы, какъ бы они хороши сами по себѣ ни были. Истинный демократизмъ состоитъ только въ томъ, чтобы въ государственную жизнь проводить народные идеалы *совершенно независимо отъ того, каковы они по существу.*

Логическимъ выводомъ изъ такого преклоненія предъ народными идеалами, не потому, что они хороши, а потому, что ихъ исповѣдуетъ много людей, было преклоненіе и передъ тѣми формами русской общественности, борьба съ которыми составляла главное содержаніе духовной жизни поколѣнія 70-хъ годовъ. Юзовъ не остановился передъ этими выводами. Для него демократы, имѣвшіе свою собственную программу народнаго счастья, превратились даже во враговъ народа, онъ Михайловскаго и Пыпина обзывалъ „либеральными будочниками". И, ожесточенно воюя съ ними во имя своего ариѳметическаго идеала, Юзовъ вполнѣ примирился съ тѣми факторами нашей жизни, которые возмущали гражданское чувство русскихъ демократовъ, но не вызывали протеста въ политически-темной массѣ.

Все это отталкивало отъ ученія Юзова, и если тѣмъ не менѣе терминъ „народничество" удержался вплоть до нашихъ дней, то отнюдь не въ Юзовскомъ смыслѣ. Въ общемъ, вышедшее изъ пламеннаго народолюбія 70-хъ годовъ **„народничество"** является чрезвычайно важнымъ поворотомъ нашей общественной мысли. Великій расколъ русской интеллигенціи, происшедшій въ началѣ 40-хъ годовъ и разбившій русскую общественную мысль на два главныхъ русла—западничество и славянофильство,—породилъ много партійной односторонности и мѣшалъ правильной оцѣнкѣ явленій русскаго духа и русской жизни. Такъ, Бѣлинскій, вообще относившійся пренебрежительно къ „бородачамъ" и еще до полемики съ славянофилами заявлявшій, что „одно небольшое стихотвореніе истиннаго художника неизмѣримо выше всѣхъ народныхъ произведеній, вмѣстѣ взятыхъ", сталъ еще нетерпимѣе относиться къ вопросу о русской самобытности, когда славянофилы сдѣлали эту самобытность

главнымъ своимъ лозунгомъ. Такъ, съ другой стороны, славянофилы, называя Западъ страною „святыхъ чудесъ“, вмѣстѣ съ тѣмъ, присоединялись къ формулѣ „Западъ сгнилъ“. Только въ видѣ исключенія люди одной партіи не стѣснялись брать изъ міросозерцанія другой то, что оказывалось въ немъ вѣрнаго: такъ, Герценъ, ближе ознакомясь съ западно-европейскою жизнью, пришелъ къ убѣжденію, что есть какая-то особенная русская народная психологія, полная неотразимаго обаянія и высоко-оригинальная. 60-ые годы были эпохой исключительнаго господства западничества. Громкіе тріумфы западно-европейской науки, смѣлыя завоеванія свободной мысли, возрожденіе европейской демократіи, оправившейся отъ неудачъ 1848 г., реформы, вводившіяся въ то время у насъ одна за другой,— все это отодвигало на задній планъ наши національныя особенности, на первый взглядъ столь сѣрыя и грубыя. Но вотъ наступаютъ семидесятые годы, съ ихъ безпредѣльнымъ народолюбіемъ въ спеціальномъ смыслѣ любви къ мужику, и начинается усиленное изученіе „кающимися дворянами“ народной жизни, какъ теоретическое, такъ и практическое, путемъ непосредственнаго сближенія. И по мѣрѣ того, какъ изучалась народная жизнь, все крѣпло убѣжденіе, что народная масса—стихія не инертная и не сѣрая, а окрашенная въ весьма опредѣленный цвѣтъ и покоющаяся на устояхъ, вовсе не враждебныхъ лучшимъ завѣтамъ европейской культуры. Страхъ, внушенный тѣмъ, что представители такъ называемой „офиціальной народности“ всегда говорили отъ имени „народа“, разсѣялся. Народные „устои“ теперь стали усматривать *только* въ общинномъ началѣ, артеляхъ и броженіи сектантской религіозной мысли. Въ произведеніяхъ идеализирующей „мужицкой“ беллетристики и апоѳеозѣ „деревни“ эти устои были, какъ мы уже знаемъ, поставлены *выше* духовныхъ устоевъ интеллигенціи, и въ этомъ пересолѣ „народничество“ не привилось. Но въ общемъ, все-таки идея весьма замѣчательныхъ особенностей русской народной жизни пустила глубокіе корни въ кругахъ, съ славянофильствомъ ничего общаго не имѣющихъ. Такъ, въ числѣ лицъ, горячо отозвавшихся на выдвинутый „Недѣлею“ апоѳеозъ „деревни“, былъ Кавелинъ, какъ разъ тогда занимавшійся общиннымъ землевладѣніемъ. Рѣшительную поддержку „деревнѣ“ оказала также извѣстная изслѣдовательница *А. Я. Ефименко*, показавъ высокій нравственный смыслъ многихъ началъ, лежащихъ въ основѣ русскаго обычнаго права. Приблизительно къ этому же времени относится образованіе спеціальныхъ комиссій въ географическомъ и вольномъ экономическомъ обществахъ для изученія обычнаго права, общиннаго землевладѣнія, раскола, артелей и рядъ работъ (*А. С. Посникова*, *П. А. Соколовскаго*, *В. И Орлова*, *С. Я.*

Капустина, *Е. И. Якушкина*, *А. С. Пругавина*, *П. С. Ефименко*, и др.), посвященныхъ научному констатированію замѣчательныхъ „особенностей“ нашей народной жизни. Въ этомъ видѣ русскія „особенности“ признавали и противники „деревни“. Такъ, Михайловскій въ обширныхъ статьяхъ 1875—76 гг., посвященныхъ статьѣ Н. Ч., указывая опасность и односторонность новаго лозунга, вмѣстѣ съ тѣмъ энергично протестовалъ противъ того, что „къ намъ должна быть цѣликомъ пересажена *Европа*“; онъ же указалъ, что законъ Маркса о трехъ фазисахъ экономической жизни есть законъ историческій, выведенный изъ наблюденій надъ *европейскою* жизнью, а не естественно-историческій, и Россія, именно благодаря „особенностямъ“ русскаго народа, можетъ и не пройти чрезъ капиталистическій фазисъ. Михайловскій не былъ экономистомъ, и свою увѣренность, что Россію спасутъ отъ капитализма „особенности“ наши, высказалъ только въ общихъ чертахъ. Обосновалъ этотъ важнѣйшій тезисъ русскаго „народничества“ *Василій Павловичъ* **Воронцовъ** (род. 1847), болѣе извѣстный подъ своими иниціалами **В. В.** Въ концѣ 70-хъ и самомъ началѣ 80-хъ годовъ онъ напечаталъ рядъ статей въ „Отеч. Зап.“ и другихъ журналахъ, собранныхъ въ книгѣ „Судьбы капитализма въ Россіи“ (1882). Здѣсь онъ высказалъ горячую увѣренность, что вѣковая общинная связь русскаго крестьянства съ землею можетъ спасти Россію отъ земельнаго пролетаріата, а кустарная промышленность и артельное начало отъ пролетаріата фабричнаго. Къ концу 70-хъ и самому началу 80-хъ гг. относятся также производившія огромную сенсацію „Письма изъ деревни“ *Александра Николаевича* **Энгельгардта** (1828—1893) Попавъ въ деревню не по своей волѣ, этотъ недавній профессоръ-теоретикъ горячо сталъ звать русскую интеллигенцію „сѣсть на землю“, устраивать „интеллигентныя деревни“ и жить въ полномъ единеніи съ народомъ.

И, наконецъ, къ числу самыхъ яркихъ проявленій „народничества“, какъ мы уже указали отчасти въ началѣ настоящей главы, нельзя не присоединить „опрощеніе“ Толстого и его безграничное преклоненіе предъ народною мудростью и народною правдою. Въ этомъ собственно не было ничего новаго для всякаго, кто сколько-нибудь внимательно слѣдилъ за Толстымъ раньше. Еще въ 60-хъ гг., въ своихъ педагогическихъ статьяхъ и въ созданіи фигуры Платона Каратаева, Толстой достаточно опредѣленно показалъ, что всего менѣе считаетъ народъ младшимъ братомъ, который долженъ благоговѣйно прислушиваться къ тому, что говоритъ старшій братъ—культурная интеллигенція. Но въ томъ-то и дѣло, что къ этой сторонѣ міровоззрѣнія Толстого либо вовсе не при-

сматривались, либо относились, какъ къ чудачеству, а то и какъ къ сближенію съ ретроградствомъ. Теперь же главный органъ русскаго радикализма—„Отеч. Зап.“ оказалъ широкое гостепріимство знаменитой статьѣ „О народномъ образованіи“ (1875), гдѣ Толстой съ такою рѣзкостью отказывался отъ „послѣднихъ словъ“ европейской педагогіи и отдавалъ рѣшительное предпочтеніе малокультурнымъ, но соотвѣтствующимъ народнымъ понятіямъ педагогическимъ пріемамъ. А въ связи съ этимъ, въ тѣхъ же „Отеч. Зап.“, Михайловскій въ своей удивительной, можно сказать, пророчески-геніальной статьѣ „Шуйца и десница гр. Толстого“ положилъ начало новому пониманію Толстого, какъ демократа-народника по преимуществу. Разгаръ „опрощенія“ Толстого и вся полоса такъ назыв. „толстовства“ въ обществѣ относится къ слѣдующей эпохѣ—къ 80-мъ годамъ, но это было только продолженіемъ того общаго новаго отношенія къ народу, которое началось въ 70-хъ годахъ и съ обычнымъ демократизмомъ не должно быть смѣшиваемо. Въ 70-хъ гг. перестали смотрѣть на народъ, какъ на tabula rasa, и съ этой позиціи чуткіе элементы русской интеллигенціи начинаютъ отходить только въ 1890-хъ годахъ, въ эпоху марксизма.

Совсѣмъ особое положеніе, по внесенной имъ страстной трагичности, занялъ въ народническомъ движеніи *Глѣбъ Ивановичъ* **Успенскій** (1840—1902). Самый крупный художественный талантъ не только 70-хъ, но и 60-хъ гг., къ которымъ относится начало его дѣятельности, Успенскій, какъ писатель, можно прямо сказать, палъ жертвою того лихорадочнаго интереса къ вопросу о народномъ благѣ, которымъ ознаменованы семидесятые годы. Онъ не могъ не сознавать, что странная смѣсь беллетристики, публицистики и даже статистики, какую представляли его очерки народной жизни, безусловно вредитъ цѣльности его художественной дѣятельности. Это переплетаніе явно мѣшало органическому развитію блестящихъ элементовъ таланта Успенскаго, его удивительнаго юмора, удивительной колоритности, замѣчательной наблюдательности и способности къ тончайшей нюансировкѣ. Но онъ весь былъ охваченъ страстною потребностью сейчасъ же, сію минуту высказаться, не дожидаясь того, что впечатлѣнія его отольются въ художественно-законченную форму. Въ немъ писатель отходилъ совершенно на второй планъ, а на первый выступалъ гражданинъ, человѣкъ, волновавшійся вопросомъ о народномъ счастьѣ съ почти-болѣзненной возбужденностью. И трагизмъ писательской карьеры Успенскаго заключается въ томъ, что именно ему-то, такъ страстно и всецѣло отдавшему себя идеѣ служенія народу, пришлось нанести безпощаднѣйшій ударъ всякому идеализированію, всякому преклоненію предъ нравственною силою народа. Не желая

говорить о народѣ изъ прекраснаго далека, онъ окунулся въ самую глубь народной жизни, поселился въ деревнѣ, весь ушелъ въ непосредственное наблюденіе мірской и общинной жизни и... пришелъ въ настоящій ужасъ. Предъ нимъ развернулась картина зоологической борьбы за существованіе, лишенной какихъ бы то ни было этическихъ началъ, пресловутые народные „устои", прославленный столичными народниками общинный духъ оказывались на дѣлѣ только хищническимъ стремленіемъ побольше урвать. Менѣе сильный умъ, менѣе наблюдательный талантъ, можетъ быть, всего этого не замѣтилъ бы и удовольствовался бы двумя-тремя „отрадными явленіями", чтобы остаться при розовыхъ иллюзіяхъ. А человѣкъ съ менѣе правдивой натурой даже предъ самимъ собою убоялся бы формулировать истину во всей ея наготѣ. Но не таковъ былъ Успенскій, одинъ изъ самыхъ пламенныхъ искателей правды въ нашей литературѣ. Онъ не остановился передъ тѣмъ, чтобы съ глубокою мукою, но прямо и откровенно заявить, что народъ—„свинья", что онъ „творитъ преподлѣйшія вещи". Болѣзненно было изумленіе народолюбивой части читающей публики, когда скорбныя изліянія Успенскаго начали появляться въ „Отеч. Запискахъ" конца 70-хъ годовъ. Стали даже раздаваться голоса объ „измѣнѣ" знамени, что было нелѣпо по существу, потому что пессимизмъ Успенскаго подрывалъ только формулу „все *чрезъ* народъ", но тѣмъ страстнѣе и убѣжденнѣе выдвигалъ лозунгъ „все *для* народа". Несомнѣнно, однако же, что въ мрачныхъ выводахъ своихъ Успенскій слишкомъ обобщалъ наблюденія надъ однимъ уголкомъ (Самарская губ.), гдѣ возможность легкой наживы внесла страшное разложеніе. Когда затѣмъ Успенскій переселился въ Новгородскую губ. и сталъ наблюдать бытъ чисто-земледѣльческій, его отчаяніе мало-по-малу улеглось. Онъ попрежнему остался при томъ убѣжденіи, что никакихъ спеціально-деревенскихъ „устоевъ" нѣтъ, что одновременно со „свистомъ машины", увозящей мужика въ городъ, исчезаютъ и всѣ его „особенности". Но пока мужикъ остается въ условіяхъ земледѣльческаго труда, его, по ставшей крылатымъ словомъ формулѣ Успенскаго, нравственно дисциплинируетъ „*власть земли*". Въ этой тѣсной связи народа съ землей и матеріальное, и нравственное спасеніе народа; поскольку мужикъ остается вѣренъ земледѣльческому труду, для него спасительна и община, и мірское вершеніе его нуждъ. Такимъ образомъ, въ конечномъ выводѣ Успенскій все же примкнулъ къ лозунгамъ, вплоть до нашихъ дней характеризующимъ „народничество". Но, конечно, не въ этихъ политико-экономическихъ выводахъ литературное значеніе Успенскаго. Сочиненія Успенскаго навсегда останутся самымъ значительнымъ и самымъ благороднымъ выраженіемъ одной изъ самыхъ благородныхъ

эпохъ исторіи русской интеллигенціи по сконцентрированности всѣхъ его помысловъ на вопросѣ о народномъ благѣ. Успенскій — это литературный схимникъ, добровольно отвергшій всѣ соблазны столь доступныхъ его блестящему таланту беллетрическихъ успѣховъ, чтобы всецѣло отдаться молитвѣ о народномъ счастьѣ.

Чтобы покончить съ „мужицкою беллетристикою", отмѣтимъ еще **Каронина** (псевдонимъ *Николая Елпидифоровича Петропавловскаго*, 1857—1892) и *Николая Михайловича* **Астырева** (1857—1894). Оба они, въ общемъ, трезво относятся къ народу, не преувеличивая ни его достоинствъ, ни его недостатковъ и выдвигая на первый планъ огромное значеніе культурной работы интеллигенціи въ деревнѣ.

Внѣ сферы „мужицкой беллетристики" настроеніе эпохи отразилъ рядъ молодыхъ писателей, которыхъ въ отличіе отъ Успенскаго, Михайловскаго и другихъ, выступившихъ еще въ 60-хъ гг., слѣдуетъ назвать **младшимъ поколѣніемъ 70-хъ годовъ**. Изъ нихъ первый обратилъ на себя вниманіе *Всеволодъ Михайловичъ* **Гаршинъ** (1855—1888). Истинно-художественное дарованіе отводитъ ему блестящее мѣсто въ исторіи русской прозы. Въ его щемяще-меланхолическомъ творчествѣ ярко сказался тотъ душевный разладъ, который, наряду съ самопожертвованіемъ, составляетъ одну изъ характерныхъ чертъ поколѣнія семидесятыхъ годовъ и отличаетъ его отъ прямолинейнаго поколѣнія 60-хъ годовъ. Разладъ этотъ былъ вызванъ двумя причинами. Одна изъ нихъ та, что, при всей глубинѣ всепроникающей потребности въ борьбѣ со зломъ, въ поколѣніи 70-хъ годовъ всего менѣе было увѣренности, что борьба приведетъ къ чему-нибудь. Порывъ къ самопожертвованію былъ такъ великъ, что даже убѣжденіе въ томъ, что только девятый валъ сокрушитъ твердыню зла, никого не удерживало отдать себя безнадежному напору второго или третьяго вала... Но жизнерадостнаго настроенія такое героическое самопожертвованіе безъ надежды на успѣхъ не могло создать. А съ другой стороны и самая борьба, съ тѣми ея особенностями, которыя присущи всякой борьбѣ, часто противорѣчила глубокому чувству любви, составляющему основу всякаго порыва къ самопожертвованію. Въ Гаршинѣ этотъ разладъ и сомнѣнія въ побѣдѣ были особенно трагичны. По основному складу своей души Гаршинъ былъ натура необыкновенно гуманная, и первыя же его художественныя созданія — „Четыре дня", „Трусъ", „Происшествіе"—отразили именно эту сторону его духовнаго существа. Если онъ самъ пошелъ на войну, то исключительно потому, что ему казалось постыднымъ не принять участія въ освобожденіи братьевъ изнывающихъ подъ турецкимъ игомъ. Но для него достаточно было перваго же знакомства съ дѣйствительной обстановкой войны, чтобы

понять весь ужасъ истребленія человѣкомъ человѣка. И все же, рядомъ съ всепроникающимъ чувствомъ гуманности, въ Гаршинѣ жила и глубокая потребность въ дѣятельной борьбѣ со зломъ. На этомъ фонѣ создался одинъ изъ наиболѣе замѣчательныхъ разсказовъ его—„Художники". Самъ изящный художникъ слова и тонкій цѣнитель искусства, Гаршинъ въ лицѣ художника Рябинина показалъ, что нравственно-чуткій человѣкъ не можетъ спокойно предаваться эстетическому восторгу творчества, когда кругомъ такъ много страданій. Всего поэтичнѣе жажда истребить неправду міра сказалась въ удивительно-гармоничной сказкѣ „Красный Цвѣтокъ", сказкѣ, къ тому же, автобіографической, потому что и лично самъ Гаршинъ, въ припадкѣ безумія, мечталъ сразу уничтожить все зло, существующее на землѣ. Но сынъ эпохи, дѣти которой думали только о жертвѣ, онъ прежде всего не вѣрилъ въ торжество добра. Даже въ почти-юмористической сказкѣ „То, чего не было" разсужденія веселой компаніи насѣкомыхъ, собравшихся на лужайкѣ потолковать о цѣляхъ и стремленіяхъ жизни, кончаются тѣмъ, что приходитъ кучеръ и сапогомъ раздавливаетъ всѣхъ участниковъ бесѣды. А съ другой стороны, самъ лично безнадежный меланхоликъ, Гаршинъ не вѣрилъ и въ то, что побѣда надъ зломъ можетъ доставить душевное равновѣсіе, а тѣмъ болѣе счастье. Рябининъ изъ „Художниковъ", бросившій искусство, „не процвѣлъ" и пошедши въ народные учителя. И это, очевидно, не только изъ-за такъ называемыхъ „независящихъ обстоятельствъ", а потому что, какъ и въ тургеневскомъ Неждановѣ, не было въ немъ самомъ достаточно увѣренности, что идетъ онъ надлежащимъ путемъ. Въ чарующе-поэтической сказкѣ „Attalea princeps" пальма, достигнувъ цѣли стремленій и выбившись на „свободу", съ скорбнымъ удивленіемъ спрашиваетъ: „И только-то?".

Одновременно съ Гаршинымъ обратилъ на себя вниманіе изъ представителей младшаго поколѣнія 70-хъ годовъ **Минскій** (псевдонимъ *Николая Максимовича* **Виленкина**, р. 1855). Къ этому, подчасъ до полной безпринципности „впечатлительному" и поддающемуся всякой новой модѣ поэту мы еще вернемся въ обзорѣ слѣдующихъ лѣтъ. Здѣсь же отмѣтимъ его отзвуки на боевое, но вмѣстѣ съ тѣмъ глубоко-скорбное, настроеніе эпохи 70-хъ годовъ. Есть, правда, у Минскаго перваго періода и бодрыя ноты. Такъ, въ извѣстномъ въ свое время стихотвореніи „Предъ зарею" онъ какъ будто не сомнѣвается въ побѣдѣ („Не тревожься, недремлющій другъ, если стало темнѣе вокругъ, если гаснетъ звѣзда за звѣздою, если скрылась луна въ облакахъ и клубятся туманы въ лугахъ: это стало темнѣй—предъ зарею..." и т. д.). Но

въ общемъ весь онъ полонъ сомнѣнія и тоски за успѣхъ великодушнаго порыва своего поколѣнія:

Всталъ онъ бодрый и пошелъ,
Движимъ помысломъ высокимъ,
Къ новой жизни разбудить
Братьевъ, спавшихъ сномъ глубокимъ.
Видишь холмъ? здѣсь погребли
Вопіявшаго въ пустынѣ.
Кто другихъ будилъ, уснулъ.
Кто же спалъ, тотъ спитъ донынѣ.

Главное произведеніе перваго періода дѣятельности Минскаго—поэма „Бѣлыя ночи“ (1879) всецѣло посвящено трагическому разладу между ясно и страстно сознанною обязанностью бороться за счастье народа и неспособностью прибѣгать къ тѣмъ средствамъ, безъ которыхъ немыслима всякая борьба, да еще въ условіяхъ русской дѣйствительности.

Имя рано умершаго **Осиповича** (псевдонимъ *Андрея Осиповича* **Новодворскаго**, 1853—1882) теперь почти неизвѣстно. Но въ свое время онъ возбудилъ чрезвычайныя ожиданія, и такой опытный редакторъ, какъ Салтыковъ, ставилъ Осиповича выше Гаршина. Желаніе отразить то настроеніе, которымъ было охвачено поколѣніе 70-хъ годовъ и которое, по внѣшнимъ причинамъ, не могло получить яснаго литературнаго выраженія, привело къ тому, что всѣ произведенія Осиповича представляютъ собою рядъ аллегорій и намековъ. Лучшая его вещь—„Эпизодъ изъ жизни ни павы, ни вороны“ представляетъ собою очень оригинальную, блестящую смѣсь беллетристики и публицистики, гдѣ дѣйствующими лицами являются литературные типы прежнихъ поколѣній—Печоринъ, Рудинъ, лермонтовскій Демонъ, Базаровъ, Елена изъ „Наканунѣ“. Свое поколѣніе Осиповичъ изобразилъ въ образѣ „ни павы, ни вороны“... Предъ нами человѣкъ, прежде всего неуравновѣшенный:

„Неотъемлемая особенность его характера—неудовлетворенность и стремленіе къ идеалу“.

Именно только „стремленіе“ и всего менѣе увѣренность, что истина у него въ карманѣ, какъ въ этомъ глубоко были убѣждены „мыслящіе реалисты“ 60-хъ годовъ. Эта неудовлетворенность и характеризуетъ „Ни паву, ни ворону“, гаршинскаго Рябинина, настроеніе „Бѣлыхъ ночей“ Минскаго и рядъ другихъ произведеній 70-хъ годовъ.

„Ни вороны, ни павы“, говоритъ далѣе Осиповичъ, „этого не испытываютъ. У первыхъ ничего подобнаго не зарождалось въ головѣ, а вторыя успокоились на лонѣ какой-нибудь до того широкой (или узкой) идеи, или на такомъ громадномъ запасѣ силъ, что предъ нею всѣ сомнѣнія, терзанія—нуль“.

И герой очерка Осиповича мечется по унылой пустынѣ россійской дѣйствительности, неспособный ни къ тому, чтобы примириться со старымъ, ни къ тому, чтобы отстоять новое.

Пессимистическое уныніе, несмотря на необыкновенную высоту нравственнаго возбужденія эпохи, составляетъ основную черту психологіи и ряда другихъ писателей, сложившихся въ 70-хъ годахъ. Таковъ, напр., общій тонъ безнадежно-унылаго творчества *Михаила Ниловича* **Альбова** (р. 1851), писателя съ задатками крупнаго дарованія, не получившаго, однако, законченнаго развитія. Такова и общая окраска сѣрой мглы тусклой обыденщины, въ которой прозябаютъ придавленные жизнью герои многочисленныхъ разсказовъ симпатичнаго новеллиста *Казиміра Станиславовича* **Баранцевича** (р. 1851).

Максимъ Бѣлинскій (псевдонимъ *Іеронима Іеронимовича* **Ясинскаго**, р. 1850) съ наступленіемъ реакціи 1880-хъ годовъ перешелъ въ ряды обличителей движенія семидесятыхъ годовъ и отдался сочиненію многочисленныхъ романовъ въ стилѣ откровеннаго французскаго „протоколизма". Но въ первые годы своей литературной дѣятельности онъ вѣрно отражалъ въ своихъ повѣстяхъ, напечатанныхъ въ „Словѣ" и „Отеч. Зап.", внутреннюю жизнь тѣхъ кружковъ, которые жили общественно-народными интересами. Много у него было тогда выведено типовъ самоотверженнаго стремленія всецѣло отдать себя дѣлу народнаго счастья, но всѣ эти герои только исполняютъ свой долгъ первыхъ валовъ освободительнаго движенія, безъ надежды самимъ дожить до побѣды дорогихъ имъ идеаловъ. Отсюда ихъ душевная угнетенность, а у натуръ слабыхъ — компромиссъ и подчасъ даже измѣна убѣжденіямъ. *Александръ Ивановичъ* **Эртель** р. 1855) писатель слишкомъ сангвиничный, чтобы предаваться (тоскѣ и унынію. Поэтому его общественно-политическая возбужденность выразилась частью въ идеализаціи народа, частью въ метаніи громовъ противъ правящаго класса за дряблость, безсиліе и буржуазный эгоизмъ. Возбужденный, прожившій около 10 лѣтъ въ мѣстахъ самыхъ отдаленныхъ, *Григорій Александровичъ* **Мачтетъ** (1852—1901) всю свою дѣятельность, по собственному опредѣленію, посвятилъ тому, чтобы „будить настроеніе". Поэтому въ его часто сбивающихся на мелодраму разсказахъ тоже нѣтъ мѣста тоскѣ и унынію, и всѣ они представляютъ собою если художественно и не особенно-цѣнный, то все же страстный призывъ во имя идеаловъ 70-хъ годовъ.

Плодовитый, можно даже сказать черезчуръ плодовитый романистъ и новеллистъ *Игнатій Николаевичъ* **Потапенко** (р. 1856) обратилъ на себя вниманіе только въ восьмидесятыхъ годахъ. Но основныя настроенія свои онъ воспринялъ въ 70-хъ гг. и въ лучшихъ вещахъ

является талантливымъ выразителемъ того-же альтруистическаго теченія, которое опредѣляетъ значеніе Гаршина и Короленки.

Разсматривая до сихъ поръ полосу „кающагося дворянства", мы намѣренно устранили двухъ писателей, наряду съ Гаршинымъ наиболѣе прославившихъ младшее поколѣніе 70-хъ годовъ—Короленко и Надсона. Выдѣлили мы ихъ потому, что, всецѣло вышедши изъ настроенія семидесятыхъ годовъ, и творчество Короленко, и недолгое догораніе Надсона развивались, однако же, въ атмосферѣ 80-хъ годовъ, и это существеннѣйшимъ образомъ отразилось на многихъ особенностяхъ ихъ дѣятельности.

Личная жизнь *Владиміра Галактіоновича* **Короленки** (р. 1853) такъ сложилась, что ему совсѣмъ не приходилось переживать разлада, который такъ мучительно угнеталъ Гаршина. Гаршинъ, тотъ въ самый напряженный періодъ своего творчества съ одной стороны чувствовалъ нравственную обязанность активно участвовать въ освободительномъ движеніи, а съ другой—всякая борьба противорѣчила всему его существу, да и казалась совершенно безнадежной. Но Короленкѣ этой душевной драмы переживать не приходилось. Его въ это время все переправляли съ одного мѣста на другое, и когда онъ болѣе или менѣе прочно осѣлъ въ якутскихъ тундрахъ, то уже переживать какія-либо сомнѣнія о томъ, нужна или не нужна борьба, не приходилось: борьба кончилась. Оттого укрѣпленное перенесенными лишеніями настроеніе Короленки вполнѣ цѣльно и никакихъ колебаній не знаетъ. Уже первая литературная попытка Короленки, относящаяся еще къ самому концу 70-хъ годовъ,—теперь малоизвѣстные „Эпизоды изъ жизни искателя" („Слово", 1879) представляютъ собою замѣчательное историческое свидѣтельство того удивительнаго героическаго подъема, который охватилъ тогда русскую молодежь. „Искатель" Короленки чисто-органически проникнутъ сознаніемъ, что *каждый* человѣкъ долженъ себя посвятить общественному благу и ко всякому, кто заботится только о себѣ, думаетъ о своемъ личномъ счастіи, онъ относится съ нескрываемымъ презрѣніемъ. Въ страстномъ альтруизмѣ „искателя" нѣтъ и тѣни чего-нибудь форсированнаго, это тотъ властный „категорическій императивъ", который пронизываетъ человѣка насквозь. И въ этой категоричности настроенія источникъ всей дальнѣйшей дѣятельности Короленки, съ одной только особенностью: съ теченіемъ времени отпала нетерпимость сектантства, исчезло презрѣніе къ чужому мнѣнію и міросозерцанію, и осталось одно только основное драгоцѣнное зерно настроенія. Въ творчествѣ Короленки глубокая любовь къ людямъ выразилась особенно ярко въ его стремленіи доискаться въ каждомъ человѣкѣ лучшихъ сторонъ человѣческаго духа, подъ какой бы тол-

стой и съ перваго взгляда непроницаемой корой наносной житейской грязи онѣ ни скрывались. Удивительное умѣніе отыскать въ каждомъ человѣкѣ то, что въ pendant къ гетевскому ewig Weibliche можно было бы назвать ewig Menschliche, больше всего и поразило читающую публику, когда съ середины 1880-хъ гг. Короленко выступилъ съ рядомъ произведеній, дѣйствіе которыхъ происходитъ въ обстановкѣ, всего менѣе, повидимому, способной дать гармоническіе аккорды. Почти потерявшій человѣческій образъ, объякутившійся полудикарь Макаръ („Сонъ Макара"), сборище воровъ, нищихъ и разныхъ свихнувшихся людей, пріютившихся въ развалинахъ стараго замка („Въ дурномъ обществѣ"), сибирскіе бродяги и „убивцы", послѣдственное отдѣленіе тюрьмы и т. д.—вотъ та среда, которая привлекла къ себѣ творческое вниманіе нашего „искателя" и въ которой онъ сумѣлъ отыскать всю полноту человѣческаго сознанія. Настоящая, всепроникающая гуманность автора сказалась въ совершенномъ отсутствіи той тенденціозности, съ которой обыкновенно трактуются типы этой среды. Вотъ, напр., предъ нами „убивецъ"-ямщикъ въ извѣстномъ разсказѣ „Изъ записокъ сибирскаго туриста". Всякій другой повѣствователь, разсказавши исторію съ обычной точки зрѣнія „справедливаго" убійства, въ которомъ невольный „убивецъ" явился мстителемъ за рядъ злодѣйствъ и избавителемъ смерти матери съ тремя дѣтьми, навѣрное, на этомъ бы и успокоился. Но „убивецъ" Короленки человѣкъ необычнаго душевнаго склада, онъ—правдоискатель по преимуществу, и не удовлетворяетъ его справедливость, достигнутая путемъ пролитія крови. Мечется въ страшной тоскѣ „убивецъ" и не можетъ примириться съ страшной коллизіей двухъ одинаково-священныхъ принциповъ. То же отсутствіе сколько-нибудь тенденціозной, такъ сказать, программной гуманности составляетъ основную черту всего творчества Короленки. Его гуманность вполнѣ органическая и оттого дѣятельная, бодрая, чуждая отчаянія. Вѣра въ будущее и въ живучесть своихъ идеаловъ лежитъ въ основѣ всего духовнаго существа Короленки, чуждаго разъѣдающей рефлексіи и отнюдь не разочарованнаго. Это-то его рѣзко и отличаетъ отъ двухъ ближайшихъ сверстниковъ по писательскому рангу, который онъ занимаетъ въ исторіи новѣйшей русской литературы—Гаршина и Чехова. Въ первомъ изъ нихъ обиліе зла на землѣ убило вѣру въ возможность счастья, во второмъ сѣрость жизни посѣяла невыносимую скуку. Короленко, несмотря на множество личныхъ тяжелыхъ испытаній и всего скорѣе какъ разъ благодаря имъ, и не отчаивается и не скучаетъ. Для него жизнь таитъ множество высокихъ наслажденій, потому что въ побѣду добра онъ вѣритъ не изъ пошловатаго оптимизма, а въ силу страстной потребности помочь людямъ во что

бы то ни стало. Отсюда, между прочимъ, выдающаяся практическая дѣятельность Короленки, который, гдѣ только ни поселялся послѣ возвращенія въ Россію, вездѣ становился въ центрѣ активнѣйшей литературно-общественной дѣятельности, направленной къ облегченію народныхъ нуждъ и бѣдствій.

Иначе повліяла мрачная реакція 80-хъ гг. на еле начинавшее слагаться творчество безвременно-погибшаго *Семена Яковлевича* **Надсона** (1862—1887). Разладъ, который таилъ въ своей скорбной душѣ Гаршинъ, составляетъ и сущность психологіи Надсона, съ тою только разницею, что реакція дѣлала надежду на побѣду добра еще призрачнѣе. Надсонъ—олицетвореніе гаршинскаго Рябинина. Подобно Рябинину, онъ восклицаетъ:

Но молчать, когда вокругъ звучатъ рыданья
И когда такъ жадно рвешься ихъ унять,
Подъ грозой борьбы и предъ лицомъ страданья...
Братъ, я не хочу, я не могу молчать.

Было время, когда и поэзія была явленіемъ лучезарнымъ.

Она несла съ собой невѣдомыя чувства,
Гармонію небесъ и преданность мечтѣ,
И былъ законъ ея—искусство для искусства,
И былъ завѣтъ ея—служенье красотѣ.

Но теперь растоптаны въ прахъ „роскошные цвѣты“ поэзіи, „и темнымъ облакомъ сомнѣній и печали покрылись дѣвственно-прекрасныя черты“. Однако, отказавшись отъ поэзіи наслажденія и безмятежнаго созерцанія, Надсонъ, подобно тому же гаршинскому Рябинину, не нашелъ своего назначенія и въ борьбѣ со зломъ. Онъ самъ хорошо это сознаетъ:

И посреди бойцовъ я не боецъ суровый,
А только стонущій, усталый инвалидъ,
Смотрящій съ завистью на ихъ вѣнецъ терновый.

Такимъ образомъ, „гражданскій“ строй музы Надсона является только долгомъ совѣсти, исполненіемъ того, что молодой поэтъ считалъ нравственною обязанностью каждаго любящаго родину человѣка. Рядомъ съ призывомъ къ борьбѣ, въ его душѣ идетъ „мучительный споръ“ съ сомнѣніемъ въ необходимости борьбы („Чуть останусь одинъ“); рядомъ съ вѣрою въ конечное торжество добра („Другъ мой, братъ мой“, „Весенняя сказка“) слагается горькій выводъ, что „въ борьбѣ и смутѣ мірозданья цѣль одна—покой небытія“ („Грядущее“), царитъ „мгла безнадежности въ измученной груди“ („Завѣса сброшена“), и крѣпнетъ сознаніе ничтожества усилій „предъ льющейся вѣка страдальческою кровью, предъ вѣчнымъ зломъ людскимъ и вѣчною враждой“ („Я не щадилъ себя“). Наконецъ, иной разъ въ душѣ юнаго поэта, опьяненнаго первыми, всегда жгучими

успѣхами, возникаетъ и коллизія съ стремленіемъ къ личному счастью („Вчера еще радъ былъ отречься отъ счастья"). Во всемъ этомъ отсутствіи прямолинейности нѣтъ, однако, ничего общаго съ неустойчивостью; колебанія Надсона, какъ и у Гаршина, объединены такимъ же общимъ глубоко-гуманнымъ настроеніемъ, не тенденціозно-холоднымъ и надуманнымъ, а истинно-органическимъ. Идеалъ Надсона—Христосъ:

Мой Богъ—Богъ страждущихъ, Богъ, обагренный кровью,
Богъ-человѣкъ и братъ съ небесною душой,
И предъ страданіемъ и чистою любовью
Склоняюсь я съ моей горячею мольбой.

Опредѣленіе своей поэзіи самъ Надсонъ далъ въ стихотвореніи „Грезы": „Я плачу съ плачущимъ, со страждущимъ страдаю и утомленному я руку подаю". Въ этихъ словахъ заключается и опредѣленіе мѣста, занимаемаго Надсономъ въ исторіи русской поэзіи. Родная дочь музы Некрасова, прямое отраженіе героическаго подъема 70-хъ годовъ, муза Надсона вмѣстѣ съ тѣмъ отразила и уныніе 80-хъ годовъ. Она болѣе склонна къ жалобамъ, чѣмъ къ протесту. И этимъ объясняется, почему она такъ пришлась по сердцу нервному, надломленному поколѣнію, созданному реакціею 80-хъ годовъ и почему имѣли такой небывалый книгопродавческій успѣхъ стихотворенія Надсона, по скромнымъ размѣрамъ своего таланта принадлежащаго къ разряду поэтовъ второстепенныхъ.

Выдѣливъ особо Короленко и Надсона, мы тѣмъ болѣе должны выдѣлить *Петра Филипповича* **Якубовича** (р. 1860 г., какъ поэтъ извѣстенъ подъ своими иниціалами **П. Я.**, какъ беллетристъ—подъ псевдонимомъ **Мельшинъ**), который къ тому же и фактически получилъ возможность вполнѣ отдаться литературной дѣятельности только въ 1890-хъ годахъ. По первымъ впечатлѣніямъ рано созрѣвшаго сознанія принадлежа къ полосѣ 70-хъ годовъ, Якубовичъ тѣмъ и замѣчателенъ, что неугасимо пронесъ огонь молодыхъ стремленій сквозь бурю постигшихъ его личныхъ испытаній. И такъ же, какъ личныя испытанія избавили Короленко отъ разлада и колебаній, измучившихъ Гаршина, такъ еще гораздо болѣе тяжкія невзгоды, выпавшія на долю Якубовича, закалили его и не дали мѣста какимъ бы то ни было сомнѣніямъ. Онъ—пѣвецъ борьбы, онъ понимаетъ свою жизненную и поэтическую задачу только какъ отстаиваніе дорогихъ ему идеаловъ народнаго счастія. Онъ, не колеблясь, отвергаетъ мечты о личномъ благополучіи: „Спокойное счастье преступно и ложно, когда всюду кругомъ безотрадно-темно", подвигъ зоветъ, и на „алтарь свободы" боецъ несетъ „и жаръ души, еще не утоленный, и крѣпость мышцъ, и силу воли гордой, и правый гнѣвъ, и правую любовь". Въ послѣ-

довавшей „битвѣ грозной, безжалостной, дикой“ боецъ физически былъ побѣжденъ, но тутъ и сказывается возвышающая и закаляющая сила страданія за правду—это нимало не сломило его духа. Оплакивая судьбу своего „поколѣнія, проклятаго Богомъ“, Якубовичъ всего менѣе сталъ нытикомъ. Онъ—„недобитый боецъ“ и не сомнѣвается въ томъ, что въ будущемъ его идеалы восторжествуютъ. Выше уже было отмѣчено, что люди 70-хъ годовъ превосходно сознавали, что они дѣлаютъ только первые шаги и что до побѣды имъ и не дожить. Якубовичъ тоже это сознаетъ вполнѣ опредѣленно: рѣшаетъ дѣло „валъ девятый, валъ послѣдній, роковой“, но для этого „нужны первыя усилья, нуженъ первый валъ, второй“ и боецъ съ радостнымъ чувствомъ обрекаетъ себя участи первыхъ, безплодныхъ валовъ. Ни на какіе компромиссы онъ не пойдетъ; „Жизнь—борьба, а не рабство“:

Бѣги, мечта любви, мечта о примиреньи,
Прочь, пѣсни рабскія унынья и тоски:
Я—весь огонь и мечъ, я весь—порывъ отмщенья
И гнѣва я пѣвецъ до гробовой доски.

Эта бодрость находится въ органической связи съ оптимистической увѣренностью, что побѣда идеаловъ бойца-пѣвца принесетъ несказанное счастіе:

Я знаю—на костяхъ погибшихъ поколѣній
Любви и счастія прекрасный цвѣтъ взойдетъ,
Кровь жаркая бойцовъ и слезы ихъ мученій
Лишь почву умягчатъ, чтобъ дать раскошный плодъ.
Изъ груды ихъ крестовъ создастся рядъ ступеней,
Ведущихъ родъ людской къ высокимъ небесамъ.
Свершится дивный сонъ, и свѣтлыхъ райскихъ сѣней
Достигнетъ человѣкъ, и богомъ станетъ самъ.
О, какъ горитъ звѣзда невѣдомаго счастья,
Какъ даль грядущаго красна и широка,
Что значитъ передъ ней—весь этотъ мракъ ненастья
Всѣхъ этихъ мукъ и слезъ безумные вѣка.

Оптимизмъ Якубовича, сказавшійся и въ его прозѣ—очеркахъ изъ жизни „мертваго дома“ нашихъ дней („Міръ отверженныхъ“), нельзя не привести въ связь съ тѣмъ, что литературная дѣятельность его была задержана въ своемъ ходѣ. Этотъ „семидесятникъ“, по генезису настроенія, отразилъ собою и настроеніе позднѣйшее. Если приглядѣться къ датамъ подъ наиболѣе энергичными стихотвореніями П. Я., то мы увидимъ, что всѣ они группируются около 1890 года—эпохи, когда уныніе начинаетъ уступать тому замѣчательному приливу новой увѣренности въ близкой побѣдѣ, который ближайшимъ образомъ получилъ свое выраженіе въ марксизмѣ.

Полоса „кающагося дворянства“, за немногими исключеніями, почти вся сгруппировалась кругомъ „Отечественныхъ Записокъ“, въ числѣ сотрудниковъ которыхъ были: Некрасовъ, Щедринъ, Михайловскій, Плещеевъ, Хвощинская, Глѣбъ Успенскій, Златовратскій, Рѣшетниковъ, Наумовъ, Засодимскій и другіе представители „мужицкой беллетристики“, Энгельгардтъ, Гаршинъ, Осиповичъ, Ясинскій, Надсонъ.

Кромѣ нихъ окраску сообщали журналу: умный „внутренній обозрѣватель“ и вліятельный членъ редакціи *Григорій Захарьевичъ* **Елисѣевъ** (1821—1891); талантливый публицистъ, знатокъ земскихъ и другихъ внутреннихъ вопросовъ *Николай Александровичъ* **Демертъ** (1835—1876); поборникъ строго-научной философіи *Владиміръ Викторовичъ* **Лесевичъ** (1837—1905); симпатичный и искренній критикъ добролюбовской школы *Александръ Михайловичъ* **Скабичевскій** (р. 1838); поборница женскаго вопроса, публицистка и критикъ *Марья Константиновна* **Цебрикова** (р. 1835); остроумный, позднѣе ушедшій изъ прогрессивнаго лагеря критикъ *Михаилъ Алексѣевичъ* **Протопоповъ** (р. 1848); разносторонній публицистъ и соціологъ *Сергѣй Николаевичъ* **Южаковъ** (р. 1849); внутренній обозрѣватель *Сергѣй Николаевичъ* **Кривенко** (1847—1906).

Будучи первенствующимъ журналомъ эпохи, „Отеч. Зап.“ привлекали многихъ видныхъ писателей, которые далеко не всецѣло раздѣляли общественно-политическій радикализмъ главныхъ дѣятелей. Такъ прошелъ черезъ „Отеч. Зап.“ цѣлый рядъ пьесъ Островскаго, „Подростокъ“ Достоевскаго, „Мими“ Полонскаго. Въ „Отечественныхъ же Запискахъ“ пріобрѣлъ широкую извѣстность *Петръ Дмитріевичъ* **Боборыкинъ** (р. 1836). Этому талантливому и образованному писателю предстояло занять очень серьезное мѣсто въ исторіи русскаго общественнаго романа, потому что онъ обладаетъ замѣчательною отзывчивостью на вѣяніе времени. И онъ, дѣйствительно, отражалъ въ многочисленнѣйшихъ романахъ, повѣстяхъ, разсказахъ, очеркахъ, драмахъ, критическихъ статьяхъ, фельетонахъ цѣлый рядъ общественныхъ „моментовъ“. Отражалъ, при этомъ, всегда одинъ изъ первыхъ, проявляя, слѣдовательно, большую зоркость. Но многописаніе, растягиваніе, а главное неспособность углубляться въ самую сущность отражаемыхъ теченій и идти дальше первыхъ, хотя и очень вѣрно и чутко схваченныхъ, контуровъ, сообщили его произведеніямъ характеръ поверхностности и мимолетности. Много обѣщали русскому общественному роману *Иванъ Афанасьевичъ* **Кущевскій** (1847—1877) и *Софья Ивановна* **Смирнова** (р. 1852), дебютировавшіе и напечатавшіе лучшія свои вещи въ „Отеч. Запискахъ“ начала 70-хъ гг. Но Кущевскій послѣ своего перваго романа „Ни-

колай Негоревъ или благополучный россіянинъ", гдѣ изображенъ интересный типъ карьериста, не лишеннаго хорошихъ порывовъ, ничего не далъ. Смирнова тоже не пошла дальше опытовъ своей ранней молодости — „Огонька", „Силы характера", „Попечителя учебнаго округа". Въ этихъ романахъ были опредѣленныя стремленія и порывы, и хотя стремленія были довольно наивны и не шли дальше обычныхъ тогда порывовъ къ разумной дѣятельности для женщины, но они были согрѣты увлеченіемъ молодости, „огонекъ" ихъ передавался читателю.

Уже на рубежѣ восьмидесятыхъ годовъ въ „Отеч. Зап." появляются талантливые очерки *Сергѣя Николаевича* **Терпигорева** (1841—1895, болѣе извѣстенъ подъ псевдонимомъ **Сергѣй Атава**)—„Оскудѣніе", въ которыхъ ярко и зло было изображено неумѣніе деревенскаго дворянства приспособиться къ новымъ формамъ жизни, созданнымъ крестьянскою реформою. Талантливымъ бытописателемъ новыхъ тяжелыхъ условій деревенской жизни, гдѣ рѣшающее значеніе получаютъ теперь „пауки" — кулаки, міроѣды и скупщики дворянскихъ имѣній, выступилъ въ „Отечественныхъ же Запискахъ"—*Илья Александровичъ* **Саловъ** (1835—1902).

Наиболѣе серьезныя и характеризующія эпоху явленія литературной жизни 70-хъ годовъ, какъ уже сказано, связаны съ „Отеч. Записками". Но далеко еще не закончилась и полоса шестидесятыхъ годовъ. Могикане „мыслящаго реализма" еще подвизаются нѣкоторое время съ успѣхомъ въ основанномъ въ 1867 г. Благосвѣтловымъ „Дѣлѣ". Въ такой же степени, въ какой „Отеч. Зап.", въ общемъ, являлись прямымъ продолженіемъ „Современника" эпохи Чернышевскаго и Добролюбова, въ такой же степени и Благосвѣтловское „Дѣло" было возобновленіемъ Благосвѣтловскаго „Русск. Слова". Тотъ же безусловно-искренній, но столь же безусловно-вульгарный, кричащій радикализмъ, та же грубость въ полемикѣ, та же элементарность мышленія. Но именно эта элементарность и создавала журналу успѣхъ въ провинціи и среди зеленой молодежи, пребывающей на первыхъ этапахъ радикальнаго мышленія.

Элементарностью прежде всего проникнуты были романы, повѣсти и стихи „Дѣла". Здѣсь пышнымъ цвѣтомъ распускается крайне-тенденціозная беллетристика, посвященная прославленію „новыхъ людей". Главный представитель ея *Александръ Константиновичъ* **Шеллеръ**, писавшій подъ псевдонимомъ **А. Михайловъ** (1838—1900). Художественныя силы этого плодовитаго и разносторонняго провозвѣстника новыхъ идей, кромѣ многочисленныхъ романовъ писавшаго и стихи, и историческіе очерки, и очень читавшіеся этюды о соціальныхъ уче-

ніяхъ, весьма скромны. Онъ лишенъ способности сколько-нибудь тонкой нюансировки, обработка сюжета у него самая схематичная и прямолинейная, при крайней тенденціозности неизбѣжно переходящая въ деревянность. Задавшись прославленіемъ „новыхъ людей", провозвѣстниковъ писаревскаго реализма и протестантовъ всякаго рода, Шеллеръ дѣлалъ изъ нихъ настоящее собраніе всевозможныхъ добродѣтелей и высокихъ качествъ. „Новый человѣкъ" Шеллера и необыкновенно уменъ, и массу знаетъ, и находчивъ, и краснорѣчивъ, и физическою силою обладаетъ, и красивъ вдобавокъ, такъ что, конечно, безъ труда плѣняетъ сердца „рвущихся къ свѣту" „новыхъ" женщинъ. Несмотря на наивно-элементарную прогрессивность, а, пожалуй, именно вслѣдствіе элементарности этой всѣмъ доступной прогрессивности, Шеллеръ имѣлъ огромное и безусловно-благотворное вліяніе на широкіе слои публики. Отчеты провинціальныхъ публичныхъ читаленъ показываютъ, что и до сихъ поръ Шеллеръ очень читается молодежью. На первыхъ порахъ жажды осмыслить свое существованіе и на неприхотливый художественный вкусъ только-что начинающаго серьезно относиться къ книгѣ читателя, романы Шеллера имѣютъ, такъ сказать, пропедевтическое значеніе. Своимъ оптимизмомъ, своею недопускающею сомнѣній вѣрою въ то, что стоитъ только захотѣть, и жизнь каждаго прогрессиста устраивается вполнѣ „разумно" и возвышенно, чтеніе Шеллера, несомнѣнно, воспитываетъ желаніе вырваться изъ пошлости среды и выйти на просторъ знанія и свободнаго человѣческаго существованія.

Этимъ же оптимизмомъ и вѣрою въ побѣдную силу молодого порыва къ свѣту и разумной жизни объясняется чрезвычайный успѣхъ печатавшагося въ „Дѣлѣ" романа „Шагъ за шагомъ" (въ отдѣльномъ изданіи—„Свѣтловъ, его взгляды, его жизнь и дѣятельность") **Омулевскаго** (псевдонимъ писавшаго также много стиховъ на гражданскіе мотивы *Иннокентія Васильевича* **Федорова**, 1836—1883). Меньше побѣдности, но не меньше тенденціозной идеализаціи людей новыхъ стремленій въ романахъ дѣятельнаго сотрудника „Дѣла" 70-хъ гг. *Константина Михайловича* **Станюковича** (1844—1903). Это—типы людей, которымъ туго приходится въ жизни за то, что они честны и не знаютъ компромиссовъ; но никакія личныя невзгоды не заставятъ ихъ измѣнить своимъ убѣжденіямъ. Въ настоящее время эти романы Станюковича, какъ и позднѣйшіе его романы à clef, въ которыхъ онъ прозрачно выводилъ разныхъ дѣльцовъ и другихъ общественныхъ дѣятелей, совершенно забыты. Если, однако же, не забыто имя Станюковича, то исключительно благодаря его, относящимся уже къ 80-мъ гг. „Морскимъ разсказамъ", написаннымъ очень живо и главное—тепло. Они даютъ яркую картину морской

жизни прежняго времени и цѣлую галлерею суровыхъ на видъ „морскихъ волковъ“, въ которыхъ, однако, часто бьется очень любящее сердце. Членъ редакціи „Дѣла“ *Николай Федотовичъ* **Бажинъ** (р. 1843) въ первыхъ своихъ произведеніяхъ, напечатанныхъ еще въ „Русск. Словѣ“ 1864—65 гг., земли подъ собою не чуялъ отъ гордаго сознанія, что на Руси начинается новая эра невиданной и неслыханной до того разумной жизни, построенной на началахъ самаго „трезваго режима“. Герои повѣстей Бажина этой полосы ходятъ, высоко поднявъ голову, смотрятъ на себя, какъ на соль земли, какъ на провозвѣстниковъ самыхъ новыхъ животворныхъ началъ. Но это настроеніе исчезло скоро, и героями повѣстей Бажина, напечатанныхъ въ „Дѣлѣ“, являются „идейные“ неудачники—люди, которые страдаютъ въ жизни вслѣдствіе преданности высокимъ стремленіямъ; они забываютъ о своихъ личныхъ интересахъ и потому очень скоро оказываются на мели. Наступаетъ трагедія нужды со всѣми ея ужасами, и сѣрая мгла окутываетъ читателя этого, въ общемъ, мрачнѣйшаго беллетриста.

Изъ публицистовъ и критиковъ „Дѣла“ пользовались извѣстностью разносторонній *Петръ Никитичъ* **Ткачевъ** (1844—1885), плодовитый авторъ историческихъ компиляцій *Серафимъ Серафимовичъ* **Шашковъ** (1841—1882), талантливый, но черезчуръ увлекавшійся эффектными перспективами популяризаторъ естествознанія *Веніаминъ Осиповичъ* **Португаловъ** (1835—1896) и особенно *Николай Васильевичъ* **Шелгуновъ** (1824—1891). Ткачевъ былъ человѣкъ самаго крайняго радикализма, до котораго когда-либо доходила русская революціонная мысль. Когда ему, послѣ двукратнаго заключенія въ крѣпости, удалось въ началѣ 70-хъ годовъ перебраться за границу, онъ въ основанной имъ газетѣ „Набатъ“ сталъ во главѣ, такъ называемаго, „бунтарства“, считавшаго все дозволеннымъ для достиженія общаго блага. Въ частности, Ткачевъ не считалъ необходимымъ справляться съ мнѣніемъ народа, пока онъ дикъ и невѣжественъ, и отстаивалъ якобинскій принципъ, что лозунгъ „tout *pour* le peuple“ вовсе не означаетъ „tout *par* le peuple“ Въ подцензурномъ „Дѣлѣ“ Ткачевъ, ожесточенно воевавшій даже съ Лавровымъ и Бакунинымъ, не имѣлъ, конечно, возможности сколько-нибудь ярко выражать свое міросозерцаніе. Но косвенно это выражалось въ грубыхъ насмѣшкахъ и нападкахъ рѣшительно на все и всѣхъ, не исключая и радикальныхъ „Отеч. Зап.“. Обладая серьезными знаніями въ области соціально-политическихъ знаній, Ткачевъ всего менѣе годился въ литературные критики, а между тѣмъ журнальныя условія заставляли его всего чаще писать на литературныя темы. У него даже не было сколько-нибудь опредѣленной эстетической точки зрѣнія. Съ одной стороны, онъ высту-

палъ какъ ярый приверженецъ „полезнаго“ искусства и писаревскаго „реализма“, а съ другой—онъ вдругъ, въ началѣ 70-хъ годовъ, начинаетъ толковать о „художественности“, коритъ отсутствіемъ ея не кого иного, какъ Тургенева, и ополчается противъ тенденціозности романовъ своего ближайшаго товарища по журналу Шеллера-Михайлова. Въ извѣстной талантливости Ткачеву нельзя отказать, но въ общемъ рѣзкость его всегда переходитъ въ грубость, а всего чаще и въ вульгарность.

Ничего общаго не имѣетъ съ грубостью и вульгарностью **Шелгуновъ**. Этотъ симпатичнѣйшій писатель сильно проигрывалъ отъ общаго малосерьезнаго и вульгарнаго пошиба журнала. Лучшая часть его дѣятельности—та, когда онъ, значительно позднѣе, ежемѣсячно ведя „Очерки русской жизни“ въ „Русской Мысли“ 1880-хъ гг., совершенно отрѣшился отъ узости и поверхностности Благосвѣтловскихъ пріемовъ и далъ просторъ благороднѣйшимъ сторонамъ своей прекрасной духовной личности. Какъ авторъ „Очерковъ русской жизни“, Шелгуновъ въ 80-хъ годахъ занялъ одно изъ первыхъ и руководящихъ мѣстъ въ журналистикѣ. Въ эпоху всеобщей реакціи онъ высоко держалъ знамя всей полноты широкихъ общественныхъ требованій и съ сокрушающей злобою напустился на пошлую проповѣдь „малыхъ дѣлъ“, которую выдвинула трусливая мысль того времени. И этой своею бодростью и энергіею старикъ Шелгуновъ подготовлялъ тотъ идейный подъемъ, который въ 90-хъ годахъ смѣнилъ собою уныніе печальныхъ 80-хъ годовъ. Умирающій Шелгуновъ имѣлъ грустное счастье въ послѣдніе мѣсяцы своей жизни или, вѣрнѣе, агоніи получить столько знаковъ вниманія со стороны чуткой молодежи, которыхъ онъ никогда не зналъ раньше. Похороны его превратились въ большое общественное событіе. А въ концѣ 60-хъ и въ 70-хъ годахъ, когда Шелгуновъ былъ однимъ изъ столповъ „Дѣла“, вдумчивая часть молодежи и литературы (въ томъ числѣ его позднѣйшій другъ Михайловскій) относилась иронически къ его многочисленнымъ историко-экономическимъ статьямъ, легковѣсныя обобщенія которыхъ сѣяли полузнаніе и несерьезное отношеніе къ разрѣшенію сложныхъ вопросовъ науки и общественности. Какъ литературный критикъ, Шелгуновъ былъ и того слабѣе и не имѣлъ опредѣленныхъ эстетическихъ воззрѣній.

Изрѣдка появлялись въ „Дѣлѣ“ статьи безпощадно гонимаго полиціей съ мѣста на мѣсто соціолога *Василія Васильевича* **Берви** (р. 1829), извѣстнаго подъ псевдонимомъ **Флеровскаго**. Онъ пользовался у молодежи 70-хъ гг. большою популярностью какъ авторъ первой русской книги по рабочему вопросу („Положеніе рабочаго класса въ Россіи“, 1869) и изъятой изъ обращенія „Азбуки со-

ціальныхъ наукъ (1871). „Азбука“ съ научной точки зрѣнія мало обоснована, но молодежь въ ней привлекало ученіе о солидарности человѣческихъ интересовъ.

Къ двумъ основнымъ органамъ радикальной мысли—„Отеч. Зап.“ и „Дѣлу“, въ концѣ 70-хъ годовъ (1878) присоединилось „Слово“ *Дмитрія Андреевича* **Коропчевскаго** (†1903). Оно возникло въ связи съ цензурными преслѣдованіями научно-позитивнаго журнала того же Коропчевскаго „Знаніе“. Но, въ свою очередь, и „Слово“, помимо разныхъ редакціонныхъ пертурбацій, пало въ 1881 г. въ борьбѣ съ цензурою. Взявшая въ то время на себя веденіе журнала группа сотрудниковъ „Отеч. Зап.“ (главнымъ образомъ С. Н. Кривенко) основала выходившіе всего годъ (1882) „Устои“ (редакторъ С. А. Венгеровъ), тоже подвергшіеся чрезвычайнымъ цензурнымъ гоненіямъ. Промежуточное положеніе между печатью радикальной и умѣренно-прогрессивной занимала „Недѣля“ *Павла Александровича* **Гайдебурова** (1881—1893). Какъ мы уже знаемъ, „Недѣля“ съ средины 70-хъ гг. становится центромъ крайне-односторонняго, но пока еще безусловно-прогрессивнаго народничества. Позднѣе, въ 80-хъ гг., это „народничество“ „Недѣли“ и въ статьяхъ своего главнаго выразителя Каблица-Юзова, и въ остальныхъ отдѣлахъ изданія совершенно утрачиваетъ радикальный оттѣнокъ и рѣзко склоняется въ сторону оппортюнизма.

Умѣренно-прогрессивная общественная мысль имѣла въ ежемѣсячной журналистикѣ своимъ органомъ „Вѣстн. Европы“, въ ежедневной—„С. Петерб. Вѣд.“, позднѣе „Голосъ“, „Страну“ „Молву“.

„Вѣстникъ Европы“ *Михаила Матвѣевича* **Стасюлевича** (р. 1826) въ беллетристическомъ своемъ отдѣлѣ былъ по преимуществу органомъ литературныхъ корифеевъ, безотносительно къ ихъ политическому міросозерцанію. Наряду съ примирившимся уже съ новымъ поколѣніемъ Тургеневымъ, на страницахъ „Вѣстн. Европы“ печатался гончаровскій „Обрывъ“, въ лицѣ главнаго героя котораго, Марка Волохова, движеніе 60-хъ годовъ выставлено въ такомъ непривлекательномъ видѣ. Дѣятельнымъ сотрудникомъ журнала былъ и сатирически-относившійся къ новымъ идеямъ Алексѣй Толстой. Но вмѣстѣ съ тѣмъ постоянною сотрудницею журнала была Хвощинская, а съ прекращеніемъ въ 1884 г. „Отеч. Зап.“—Салтыковъ. Изъ литературной молодежи въ „В. Евр.“ выступили Минскій, Эртель, Ясинскій.

Чрезъ научно-публицистическій отдѣлъ журнала прошла вся многополезная дѣятельность одного изъ лучшихъ историковъ русской общественности *Александра Николаевича* **Пыпина** (1833—1905). Въ 70-хъ годахъ эта дѣятельность имѣла весьма опредѣленную окраску.

Тѣсно связанный узами родства и величайшаго уваженія съ Чернышевскимъ, онъ въ значительной мѣрѣ его духовный вскормленникъ. При всей умѣренности своего темперамента, при всемъ томъ, что его никакъ нельзя было назвать человѣкомъ крайнихъ воззрѣній, Пыпинъ все же въ значительной степени былъ проводникомъ если и не соціальныхъ, то литературно-политическихъ идей главаря „Современника". Пыпинъ тѣсно примыкалъ къ „Современнику" до его закрытія въ 1866 г. и одно время даже былъ отвѣтственнымъ редакторомъ журнала. Во всякомъ случаѣ онъ унаслѣдовалъ отъ Чернышевскаго глубокую ненависть къ старому строю нашей государственности и къ „офиціальной народности". И труды Пыпина, относящіеся къ 70-мъ гг.,—„Общественное движеніе при Александрѣ I", „Характеристка литературныхъ мнѣній 1820—1850 годовъ" и книга о Бѣлинскомъ были важнымъ явленіемъ передовой мысли времени, лучшимъ доказательствомъ чего можетъ служить энергія, съ которой Дмитрій Толстой не допустилъ Пыпина въ академію. Въ 80-хъ годахъ общественная окраска дѣятельности Пыпина значительно тускнѣетъ. Онъ удаляется въ мирную область этнографіи и литературной старины и обогащаетъ нашу науку двумя капитальнѣйшими трудами—„Исторіею русской этнографіи" и „Исторіею русской литературы". Но для литературы въ широкомъ смыслѣ этого слова и въ частности для „Вѣстн. Европы" его работы 80-хъ и 90-хъ гг. руководящаго значенія уже не имѣютъ. Иначе сложилась публицистическая дѣятельность другого виднаго сотрудника „Вѣстн. Евр." *Константина Константиновича* **Арсеньева** (р. 1837). Почтенная въ 70-хъ годахъ, она получила выдающееся значеніе позднѣе—въ 80-хъ и 90-хъ, и въ значительной степени измѣнила общественную роль своего журнала. Въ 70-хъ годахъ, когда во главѣ литературнаго движенія стояли „Отеч. Зап." и отчасти „Дѣло," „Вѣстн. Европы" съ его „умѣренностью и аккуратностью" не могъ имѣть руководящаго значенія. Но когда въ 80-хъ годахъ воцарилась одна изъ самыхъ страшныхъ въ русской исторіи реакцій,—реакція, страшная тѣмъ, что она захватила также общество и даже молодежь,—„Вѣстн. Европы", уже только *продолжая* быть тѣмъ, чѣмъ онъ былъ раньше, выигрывалъ очень много. Но дѣло-то въ томъ, что въ 80-хъ годахъ журналъ несомнѣнно, кромѣ того, подался влѣво. А когда исчезли „Отеч. Записки", „Вѣстн. Евр.", пріютившій къ тому же Щедрина, занялъ въ борьбѣ съ реакціею позицію почти передовую. Раньше—въ 70-хъ годахъ—внутреннее обозрѣніе въ немъ велъ *Леонидъ Александровичъ* **Полонскій** (р. 1833), публицистъ талантливый и разносторонне-образованный, но не шедшій дальше либерализма самаго буржуазнаго оттѣнка, находившій даже

нужнымъ вступать въ полемику съ „крайними“ элементами. Въ 80-хъ годахъ эта окраска журнала значительно измѣняется и „Вѣстн. Европы“ становится органомъ хотя и чуждой крайностей, но опредѣленно-демократической мысли, и выдвигаетъ на первый планъ интересы народные. И этой метаморфозѣ больше всего содѣйствовалъ Арсеньевъ, взявъ на себя съ 1880 г. „Внутреннее обозрѣніе“ и „Общественную хронику“. По вѣрному свидѣтельству П. Б. Струве, оба эти отдѣла воспитывали политическую мысль 80-хъ и 90-хъ годовъ. Въ частности, Арсеньевскія обозрѣнія и его общественныя хроники поддерживали бодрость въ лучшей части земства, создавая строго-лояльную, но неуклонно-энергическую борьбу съ реакціею и административнымъ произволомъ. Кромѣ публицистики, Арсеньевъ въ концѣ 70-хъ и 80-хъ гг. дѣятельно подвизался и какъ литературный критикъ, благожелательно отмѣчая дебюты новыхъ силъ и съ любовью комментируя творчество старыхъ борцовъ освободительныхъ идей—Некрасова, Салтыкова.

Разъ рѣчь забѣжала впередъ и захватила послѣдующій періодъ, то для полноты представленія о „Вѣстн. Евр.“ 80-хъ и 90-хъ гг. слѣдуетъ отмѣтить, что необыкновенный блескъ ему въ эти годы придало сотрудничество Владиміра Соловьева. Намъ еще придется говорить объ этомъ высоко-оригинальномъ дѣятелѣ, который такъ неожиданно и своеобразно выступилъ въ защиту лучшихъ завѣтовъ русской передовой мысли. Покамѣстъ же отмѣтимъ, что его блестящія полемическія статьи противъ теоретиковъ застоя были настоящими ударами геркулесовской палицы и поражали реакцію съ той позиціи, гдѣ она всего менѣе ожидала нападенія,—съ точки зрѣнія правильно-понятаго христіанства.

Ближайшими сотрудниками журнала за все время его существованія были могикане сороковыхъ годовъ—Анненковъ и Кавелинъ. Знаменитый юристъ *Владиміръ Даниловичъ* **Спасовичъ** (1829—1906) помѣщалъ въ „Вѣстн. Евр.“ свои вдумчивые этюды о Шекспирѣ, Байронѣ, Лермонтовѣ, Пушкинѣ. Близко тоже примыкаетъ къ „Вѣстн. Евр.“ другой блестящій представитель русскаго судебнаго краснорѣчія и изящный эссеистъ—*Анатолій Ѳедоровичъ* **Кони** (р. 1844). Составлявшія подчасъ довольно рѣзкій диссонансъ въ общемъ умѣренномъ тонѣ журнала критическія и публицистическія статьи *Евгенія Исаковича* **Утина** (1843—1894) больше выдавались, однако, радикализмомъ, чѣмъ глубиною. Въ 80-хъ годахъ и позднѣе ближайшимъ сотрудникомъ „Вѣстн. Евр.“ является разносторонній публицистъ *Людвигъ Зиновьевичъ* **Слонимскій** (р. 1850).

Если въ ежемѣсячной, „толстой“ журналистикѣ 70-хъ годовъ умѣренно-прогрессивное направленіе, даже въ лицѣ такого выдаю-

щагося органа, какъ „Вѣстн. Евр.“, не заняло руководящаго положенія, то гораздо болѣе крупную роль сыграло оно въ печати ежедневной. Обслуживая круги, несравненно болѣе широкіе и потому несравненно менѣе умственно развитые, чѣмъ читатели ежемѣсячныхъ журналовъ, газета всегда отстаетъ отъ высшихъ слоевъ интеллигенціи и всегда значительно ближе къ „улицѣ“. Вотъ почему, между прочимъ, мы уже болѣе полувѣка имѣемъ радикальную ежемѣсячную журналистику и только въ моментъ революціи получили радикальную ежедневную печать. До средины 60-хъ годовъ ежедневная печать почти не играла сколько-нибудь руководящей роли, и во главѣ литературно-общественнаго движенія стояли исключительно журналы. Впервые газета получила руководящее значеніе въ 1863—64 гг., когда „Московск. Вѣд.“ перешли къ Каткову. Очевидно, нарождающаяся сила газеты была явленіемъ бузусловно-органическимъ, потому что съ того же 1863 года, когда реакція получила такую поддержку въ первостепенномъ публицистическомъ талантѣ Каткова, пріобрѣтаютъ очень крупное значеніе и умѣренно-прогрессивныя „С.-Петерб. Вѣдомости“ подъ редакціею *Валентина Ѳедоровича* **Корша** (1828—1883), человѣка очень образованнаго и прекраснѣйшей души, но весьма скромныхъ дарованій. „С.-Петерб. Вѣд.“ коршевской редакціи (съ 1863 по 1874) далеко ушедшимъ въ своихъ идеалахъ кругамъ нашей интеллигенціи казались черезчуръ смиренномудрыми. Высмѣивали ихъ лозунгъ „наше время—не время широкихъ задачъ“, заподозривали даже чистоту ихъ намѣреній и считали „пѣнкоснимателями“ либерализма (Щедринъ въ „Дневникѣ провинціала“), сводили ихъ систему постоянныхъ оглядокъ къ комической формулѣ „должно сознаться, хотя нельзя не признаться“. Однако, злоба реакціи, выразившаяся въ томъ, что газета насильственно, съ нарушеніемъ контракта, была отнята у Корша Дмитріемъ Толстымъ показываетъ, что при томъ обратномъ ходѣ, которымъ теперь пошла государственная жизнь, газета имѣла серьезное политическое значеніе. Въ общемъ, коршевскія „С.-Петерб. Вѣд.“ были самымъ прогрессивнымъ проявленіемъ новой литературной силы—ежедневной печати, развитію которой, при всѣхъ ихъ ограничительныхъ стѣсненіяхъ, много способствовало освобожденіе въ 1865 г. періодическихъ изданій отъ предварительной цензуры. Въ газетахъ начинаетъ теперь сосредоточиваться очень много литературныхъ силъ. Главными дѣятелями коршевскихъ „С.-Пет. Вѣд.“ являются: выдающійся защитникъ принциповъ самоуправленія кн. *Александръ Ивановичъ* **Васильчиковъ** (1818—1881), К. К. Арсеньевъ, знатоки внутреннихъ вопросовъ *Нилъ Петровичъ* **Колюпановъ** (1827—1894) и *Ѳедоръ Ѳедоровичъ* **Воропоновъ** (род. 1839), образованный редак-

торъ политическаго отдѣла *Эрнестъ Карловичъ* **Ватсонъ** (1839—1891), представители позитивной философіи *Григорій Николаевичъ* **Вырубовъ** (1843—1906) и *Евгеній Валентиновичъ* **Де-Роберти** (р. 1843), П. Д. Боборыкинъ, пламенный провозвѣстникъ новаго русскаго искусства *Владиміръ Васильевичъ* **Стасовъ** (1824—1906), „музыкальный нигилистъ" *Цезарь Антоновичъ* **Кюи** (р. 1835). Но особенно выдавались среди сотрудниковъ „С.-Пет. Вѣд." фельетонисты *Алексѣй Сергѣевичъ* **Суворинъ** (р. 1834) и *Викторъ Петровичъ* **Буренинъ** (р. 1841). Блестящій талантъ Суворина, его тонкое остроуміе и горячая борьба съ ретроградными теченіями придали первостепенное значеніе прежде совершенно ничтожному воскресному фельетону. Язвительное остроуміе критическихъ фельетоновъ Буренина, тоже по преимуществу направленное противъ консервативной печати, сдѣлало его однимъ изъ наиболѣе ненавидимыхъ въ извѣстныхъ кругахъ застрѣльщиковъ либеральнаго лагеря. Но еще во второй половинѣ семидесятыхъ годовъ, съ этими литературными діоскурами, больше всего содѣйствовавшими тому, что газета была отобрана у Корша, происходитъ изумительнѣйшая метаморфоза, и пріобрѣтенная Суворинымъ въ 1876 г. газета „Новое Время" постепенно становится однимъ изъ самыхъ яркихъ и характерныхъ выразителей реакціоннаго теченія 80-хъ годовъ.

Все въ томъ же 1863 году основанная и соперничавшая съ „С.-Петерб. Вѣд." газета Краевскаго „Голосъ" первые годы своего существованія была изданіемъ въ достаточной степени низменнымъ, не брезгавшимъ получать субсидіи отъ вѣдомствъ и частныхъ предпріятій. По направленію это было что-то межеумочное, всего менѣе прогрессивное, однако и не ретроградное. Но постепенно практичный Краевскій сталъ уклоняться влѣво, а когда въ 1874 г. „С.-Пет. Вѣд." были отняты у Корша и огромный контингентъ ихъ подписчиковъ остался безъ органа, „Голосъ" быстро поспѣшилъ завладѣть этою обширною аудиторіею. Въ значительной степени попытка удалась, и „Голосъ" становится органомъ хотя и буржуазнѣйшаго либерализма, но все-таки органомъ безусловно оппозиціоннымъ. Это и было причиною того, что съ наступленіемъ реакціи 80-хъ годовъ газета, достигшая небывалаго по тому времени распространенія (до 30.000 подписчиковъ), была закрыта Дмитріемъ Толстымъ. Этимъ путемъ онъ отомстилъ газетѣ за то, что она удаленіе его, во времена Лорисъ-Меликова, съ поста министра нар. просв. назвала „величайшею реформою" царствованія Александра II. Редакціею „Голоса" во второй періодъ завѣдывалъ историкъ *Василій Алексѣевичъ* **Бильбасовъ** (1838—1904). Изъ сотрудниковъ перваго періода получилъ извѣстность воскресный фельетонистъ *Левъ Кон-*

стантиновичъ **Панютинъ** (1829—1882), писавшій подъ псевдонимомъ *Нилъ Адмирари.* Воскреснымъ фельетонистомъ второго періода былъ *Григорій Константиновичъ* **Градовскій** (род. 1842), писавшій подъ псевдонимомъ *Гамма.* По разнымъ вопросамъ общественной и государственной жизни окраску „Голосу" второго періода давали: буржуазный экономистъ академикъ *Владиміръ Павловичъ* **Безобразовъ** (1828—1889), націоналъ-либералъ проф. *Александръ Дмитріевичъ* **Градовскій** (1841—1889), профессоръ-классикъ *Василій Ивановичъ* **Модестовъ** (1839—1907), воевавшій, однако, съ толстовскимъ классицизмомъ и за это лишившійся каѳедры. Особенную извѣстность пріобрѣлъ за время своего сотрудничества въ „Голосѣ" публицистъ, критикъ и авторъ эффектныхъ путевыхъ очерковъ и слащавыхъ романовъ *Евгеній Львовичъ* **Марковъ** (1835—1903)— блестящій стилистъ, больше увлекаемый своимъ краснорѣчіемъ, чѣмъ глубиною настроенія. Послѣ закрытія „Голоса" онъ преспокойно перекочевалъ въ „Новое Время". Изъ его публицистическихъ наскоковъ большое впечатлѣніе произвело страстное нападеніе на адвокатовъ, за которыми онъ первый закрѣпилъ кличку „прелюбодѣевъ мысли". Литературный фельетонъ „Голоса" въ разныя времена вели *Владиміръ Викторовичъ* **Чуйко** (1839—1899), талантливый музыкантъ *Германъ Августовичъ* **Ларошъ** (1845—1904); съ гораздо большимъ блескомъ велъ онъ музыкальный фельетонъ; ветеранъ сороковыхъ годовъ, плодовитый, но совершенно незначительный компиляторъ *Владиміръ Рафаиловичъ* **Зотовъ**, *Арсеній Ивановичъ* **Введенскій** (р. 1844), позднѣе перешедшій въ консервативную печать.

Кромѣ „С.-Пет. Вѣд." и „Голоса" второй формаціи умѣренно-прогрессивное настроеніе 70-хъ годовъ было представлено еще цѣлымъ рядомъ другихъ газетъ. Основанныя весьма низкопробнымъ журнальнымъ аферистомъ *К. В.* **Трубниковымъ** (1829—1904) „Биржевыя Вѣд." перешли въ 1874 г. къ *Василію Аполлоновичу* **Полетикѣ** (1820—1888), который привлекъ къ сотрудничеству въ обновленной газетѣ нѣкоторыхъ сотрудниковъ „Отеч. Зап.", въ томъ числѣ Василія Курочкина и А. М. Скабичевскаго. Короткое время въ „Бирж. Вѣд." сотрудничалъ оставшійся не у дѣлъ послѣ разгрома „С.-Пет. Вѣд." А. С. Суворинъ. Въ самомъ концѣ 70-хъ гг., когда „Бирж. Вѣд." были переименованы въ „Молву", въ газетѣ принимали также дѣятельное участіе Э. К. Ватсонъ, В. Ѳ. Коршъ. А. Н. Плещеевъ. Д. Д. Минаевъ. Здѣсь же выдвинулся остроумный, но лишенный сколько-нибудь яркой общественной окраски фельетонистъ **Буква** (псевдонимъ *Ипполита Ѳедоровича* **Василевскаго**, р. 1850). Выбитый изъ журнальной колеи В. Ѳ. Коршъ основалъ въ 1877 г. „Сѣв. Вѣстн.", въ которомъ приняло участіе большинство сотрудни-

ковъ „С.-Пет. Вѣд.“, но уже въ апрѣлѣ 1878 г. газета была закрыта по высочайшему повелѣнію за помѣщеніе письма только-что оправданной судомъ присяжныхъ Вѣры Засуличъ. Почти на рубежѣ двухъ эпохъ, въ 1880 и 1881 г., возникли: выходившая 2 раза въ недѣлю „Страна“ Леонида Полонскаго и ежедневный „Порядокъ“ Стасюлевича. Въ „Странѣ“, подъ явнымъ вліяніемъ общественнаго возбужденія „лорисъ-меликовской“ эпохи, недавній весьма умѣренный внутренній обозрѣватель „Вѣстн. Евр.“ значительно подался влѣво. Онъ требовалъ, между прочимъ, освобожденія Чернышевскаго (что даже въ кульминаціонный пунктъ лорисъ-меликовской „диктатуры сердца“ навлекло на газету предостереженіе), а послѣ 1 марта 1881 г. рѣзче другихъ выдвинулъ вопросъ объ отвѣтственномъ министерствѣ. „Порядокъ“ Стасюлевича не оправдалъ надеждъ, которыя на него возлагались. Та исполненная достоинства сдержанность, которая составляетъ силу „Вѣстн. Европы“, оказалась совершенно недостаточнымъ орудіемъ борьбы въ газетѣ ежедневной и просто превратилась въ вялость.

Умѣренно-консервативная мысль 70-хъ годовъ имѣла своимъ органомъ дворянско-земледѣльческую, въ стилѣ англійскаго торизма, газету „Русскій Міръ“, главнымъ дѣятелемъ которой былъ извѣстный публицистъ генералъ *Ростиславъ Андреевичъ* **Фадѣевъ** (1824—1883). Въ самомъ концѣ 70-хъ гг. мало-читаемая газета совершенно измѣнилась и погибла въ борьбѣ съ цензурою. Ретроградная еженедѣльная газета „Гражданинъ“ кн. *Владиміра Петровича* **Мещерскаго** (р. 1839) требовала, чтобы къ реформамъ была „поставлена точка“ и дворянству была возвращена его руководящая роль. Но въ собственныхъ, не лишенныхъ извѣстнаго таланта, хотя и крайне шаржированныхъ романахъ Мещерскаго именно высшее-то дворянство—петербургскій большой свѣтъ былъ подвергнутъ жестокому осмѣянію. Въ 70-хъ годахъ ретроградство Мещерскаго не имѣло никакого реальнаго значенія—оно было только забавнымъ. Эпоха могущества „Гражданина“ наступаетъ позже—въ 80-хъ и 90-хъ годахъ, когда, до извѣстной степени уподобляясь англійскому „дѣлателю королей“ Варвику, Мещерскій становится „дѣлателемъ министровъ“, и поражающая своимъ умственнымъ убожествомъ, никѣмъ не читаемая газета даетъ лозунги нашей внутренней политикѣ. Въ 70-хъ годахъ огромнымъ вліяніемъ на извѣстныя сферы пользовались „Моск. Вѣд.“. Къ этому времени послѣдніе остатки прежняго духовнаго облика Каткова исчезли. Исчезаютъ въ его газетѣ и всякіе остатки какой бы то ни было политической программы. Все сводится къ идеѣ „сильной власти“, которая должна истребить въ корнѣ всякое желаніе обывателя заниматься государственными дѣлами. Вліяніе „Моск. Вѣд.“

на читающую публику, столь сильное, когда онѣ въ эпоху польскаго возстанія попали въ тонъ настроенія средняго русскаго человѣка къ 70-мъ годамъ совершенно прекращается. Ихъ читаютъ только нѣсколько тысячъ обязательныхъ подписчиковъ и дворянство допотопнаго склада, не примирившееся даже съ паденіемъ крѣпостного права. Но съ тѣмъ большимъ вниманіемъ прислушиваются къ „Моск. Вѣд.“ руководящія сферы, въ которыхъ волна эпохи великихъ реформъ теперь окончательно замираетъ. Особенно роковымъ оказалось вліяніе Каткова на министра нар. просвѣщенія гр. Дмитрія Толстого Этотъ злой геній русской жизни 70-хъ годовъ, являясь слѣпымъ орудіемъ Каткова, провелъ въ школу печальную карикатуру на настоящій классицизмъ, при которой вся освободительная и просвѣтительная основа гуманизма безслѣдно исчезла и осталось только систематическое истребленіе въ учащемся всякихъ проблесковъ самостоятельнаго мышленія. Катковско-толстовскій классицизмъ, ознаменованный длиннымъ рядомъ самоубійствъ, выбрасываніемъ на улицу сотенъ и тысячъ недоучившихся юношей и полнымъ нравственнымъ растлѣніемъ педагогической атмосферы, внушилъ ужасъ и отвращеніе людямъ всѣхъ направленій, и пасха 1880 г., когда Лорисъ-Меликовъ добился отставки вдохновляемаго Катковымъ министра, была для всѣхъ настоящимъ „свѣтлымъ праздникомъ“. Могущественное положеніе, занятое Катковымъ, съ одной стороны, какъ будто подняло на небывалую высоту значеніе русской журналистики. Если сопоставить, что въ 40-хъ годахъ съ Катковымъ того времени — Булгаринымъ обращались, какъ съ лакеемъ, а теперь всякій, даже наивысшій сановникъ, проѣзжая Москву, дѣлалъ визитъ всесильному громовержцу Страстного Бульвара, то, какъ будто бы, получалось яркое проявленіе роста русской публицистики. Но въ дѣйствительности все сводилось только къ тому, что талантливый писатель и сильный характеръ не погнушался стать сикофантомъ. Свободы слова онъ требовалъ только для себя, а въ общемъ самымъ ярымъ врагомъ расширенія правъ печати былъ Катковъ же. Вся его „полемика“ съ журнальными врагами сводилась къ доносу, къ окрику „слово и дѣло“, никакихъ доводовъ, кромѣ обвиненій въ политической неблагонадежности, онъ не зналъ. Неудивительно, что и ненависть, которою въ 70-хъ годахъ было окружено имя Каткова, была равносильна его могуществу. Ужъ на что былъ мягкій и добродушный человѣкъ Тургеневъ, котораго къ тому же съ Катковымъ связывала тѣснѣйшая личная и литературная дружба, начавшаяся еще въ 40-хъ годахъ, но и онъ, когда Катковъ на Пушкинскомъ праздникѣ 1880 г. протянулъ ему руку, отвернулся отъ него. Это была своего рода казнь.

Кромѣ „Моск. Вѣд.“ Катковъ продолжалъ издавать и „Русск. Вѣстникъ“. Отъ того времени, когда журналъ стоялъ во главѣ освободительнаго движенія, не осталось теперь и отдаленнѣйшихъ воспоминаній. Какъ мы уже знаемъ, еще въ первой половинѣ 60-хъ годовъ всѣ произведенія, рисующія въ неблагопріятномъ видѣ молодое поколѣніе, находятъ въ „Русск. Вѣстн.“ гостепріимный пріютъ. До извѣстной степени хронологію можно начать съ тургеневскихъ „Отцовъ и дѣтей“ (1862), съ ихъ, конечно, враждебнымъ, но все-таки полнымъ уваженія отношеніемъ къ противнику. „Взбаламученное море“ Писемскаго (1863) и „Марево“ Клюшникова (1864) тоже еще мягко, сравнительно съ позднѣйшимъ, относятся къ новому движенію. Но затѣмъ въ „Русск. Вѣстникѣ“ появляются романы Лѣскова и Всеволода Крестовскаго, гдѣ молодое поколѣніе прямо выставляется скопищемъ воровъ, закладчиковъ, убійцъ, поджигателей и, въ лучшемъ случаѣ, дурачковъ. Достоевскій въ 1871—72 гг. помѣщаетъ здѣсь „Бѣсы“. Романъ геніальный, что и говорить, но цѣликомъ посвященный истерической борьбѣ съ молодымъ поколѣніемъ, сплошь представленнымъ, какъ скопище сумасшедшихъ или изверговъ. Въ началѣ 70-хъ годовъ въ „Р. Вѣстн.“ выдвигается новая, какъ она сама себя называетъ, „плеяда“ писателей—Болеславъ Маркевичъ, Аверкіевъ, Авсѣенко, рядомъ съ изобличеніемъ нигилизма пытающаяся создать положительныхъ героевъ изъ среды представителей большого свѣта и древне-русской жизни. Чисто-литературное значеніе любившей себя рекламировать „плеяды“, менѣе, чѣмъ второстепенное,—и только грубая тенденціозность ея заставляли о себѣ говорить. *Дмитрій Васильевичъ* **Аверкіевъ** (1836—1905), начавшій свою дѣятельность во „Времени“ и „Эпохѣ“, написалъ рядъ крикливыхъ мелодрамъ изъ старо-русской жизни, изъ которыхъ извѣстностью пользуется „Каширская старина“. Пѣснопѣвецъ большого свѣта *Болеславъ Михайловичъ* **Маркевичъ** (1822—1884), печально закончившій свою блестящую служебную карьеру чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ того, какъ онъ въ „Моск. Вѣд.“ (1874) обозвалъ всѣхъ либеральныхъ журналистовъ „разбойниками пера и мошенниками печати“, былъ человѣкъ не безъ дарованія. Но желаніе изобличить „измѣну“ лишало его сенсаціонные романы à clef всякаго интереса правдивости. „Измѣна“ ему чудилась даже среди министровъ и членовъ государственнаго совѣта. Прокуроры и жандармы не преслѣдуютъ, а покровительствуютъ крамолѣ, исправники—друзья пропагандистовъ и т. д. Прогрессивная молодежь—это собраніе жалкихъ трусовъ, невѣждъ и глупцовъ, для которыхъ, по убѣжденію положительныхъ лицъ романовъ Маркевича—проповѣдниковъ „сильной власти“, есть только одинъ путь вразумленія: нагайка. *Василій Григорьевичъ*

Авсѣенко (р. 1842) написалъ и продолжаетъ писать легко-читаемые и столь же легко-забываемые романы и повѣсти, большею частью изъ жизни веселящагося Петербурга. По поводу нѣкоторыхъ изъ этихъ романовъ Достоевскій говорилъ, что Авсѣенко представляетъ собою писателя, „потерявшагося на обожаніи высшаго свѣта", пищущаго о немъ „благоговѣйно, молебно и молитвенно, однимъ словомъ, совершая какое-то даже богослуженіе". Заставилъ, однако, о себѣ говорить Авсѣенко въ 70-хъ годахъ не романами, а критическими статьями, подписанными буквою *А*. Это былъ систематическій, изъ книжки въ книжку, ожесточенный походъ противъ „петербургской" журналистики и напускного, по мнѣнію критика, увлеченія „мужикомъ". 60-ые годы квалицифировались то какъ „комическое время на Руси", то какъ „позорное"; „нигилизмъ" какъ „обыкновенное мошенничество" и т. д. Изъ другихъ обличителей „петербургскаго" образа мысли обращали на себя вниманіе проф. физики *Н. А. Любимовъ*, своими нападками на университетскій уставъ 1863 г. подготовившій реакціонный уставъ 1884 г.; авторъ „философскихъ" статей *Стадлинъ*, обличитель французскихъ республиканцевъ *Щербань*, историкъ литературы *Де-Пуле* и др. На литературную судьбу появившейся на страницахъ „Русск. Вѣстника" толстовской „Анны Карениной" сосѣдство съ „плеядой" и остальнымъ синклитомъ катковскаго журнала оказало несомнѣнное вліяніе. Романъ былъ совершенно невѣрно истолкованъ: появленіе его въ органѣ, гдѣ такъ тенденціозно ставилась на пьедесталъ великосвѣтская жизнь, ввело въ заблужденіе и критику, и публику, усмотрѣвшихъ въ романѣ апоѳеозъ великосвѣтскихъ амуровъ.

Внѣ воинствующей беллетристики, на страницахъ „Русск. Вѣст." конца 60-хъ и начала 70-хъ гг. появились замѣчательныя эпопеи изъ раскольничьей жизни: „Въ лѣсахъ и „На горахъ" *Павла Ивановича* **Мельникова**, писавшаго подъ псевдонимомъ **Андрей Печерскій** (1819—1883). Это былъ старый литераторъ, писавшій еще въ 40-хъ годахъ и затѣмъ пользовавшійся извѣстностью въ эпоху „обличительной литературы" конца 50-хъ гг. Но раскольничьи эпопеи выдвинули его въ первые ряды литературы. Какъ беллетристическое чтеніе, онѣ принадлежатъ (главнымъ образомъ „Въ лѣсахъ") къ самымъ увлекательнымъ книгамъ русской литературы и открывали удивительно-колоритный міръ, полный жизни и движенія. Мельниковъ взялъ, однако, только казовую сторону раскольничьей жизни, и передъ нами какой-то вѣчный праздникъ. „Въ лѣсахъ" и „На горахъ" рисуютъ только жизнь богатыхъ да разгульныхъ „тысячниковъ" и прикрывающихъ мнимою святостью свое тунеядство и развратъ скитниковъ. Разсказы Печерскаго не даютъ никакого ключа къ пониманію

внутренней сущности такого огромнаго, глубокаго движенія, какимъ является расколъ. Почему эти столь жизнерадостные люди, только и занятые ѣдою, выпивкою и дѣвками, такъ крѣпко держатся „старой вѣры“? Есть же въ психологіи людей „древляго благочестія“ какіе-нибудь глубокіе духовные устои, дающіе имъ силу для борьбы съ гоненіями. И вотъ ихъ-то Мельниковъ и проглядѣлъ за пирами и гулянками, почему все великолѣпное повѣствованіе его имѣетъ значеніе только для внѣшняго ознакомленія съ расколомъ 40-хъ и 50-хъ годахъ.

Къ изображенію этого же міра „древляго благочестія“ и вообще къ этнографической беллетристикѣ переходитъ въ срединѣ 70-хъ годовъ и недавній злѣйшій обличитель нигилизма *Николай Семеновичъ* **Лѣсковъ** (1831—1895). Романъ „На ножахъ“ („Русск. Вѣстн.“, 1870—71), гдѣ представителями нигилистическаго движенія являются нѣсколько поджигателей, воровъ, убійцъ и отравителей, былъ своего рода кризисомъ, которымъ разрѣшился періодъ дѣятельности Лѣскова, посвященный сведенію счетовъ съ обидѣвшимъ его движеніемъ 60-хъ годовъ. Въ послѣдовавшей за этимъ печальнымъ продуктомъ озлобленія „Старгородской хроникѣ“ изъ быта духовенства— „Соборяне“ (1872), нигилисты, правда, все еще мелькаютъ, но уже не въ такомъ ужасномъ видѣ. А затѣмъ нигилисты исчезаютъ изъ произведеній Лѣскова. Наступаетъ вторая, лучшая половина дѣятельности Лѣскова, почти свободная отъ злобы дня. Крупный успѣхъ, выпавшій на долю „Соборянъ“, влилъ успокоеніе въ наболѣвшую душу писателя и раскрылъ ему глаза на настоящее его призваніе—замѣчательное умѣніе находить яркую колоритность въ сферѣ самыхъ сѣрыхъ, на первый взглядъ, положеній и слоевъ русскаго быта. Одинъ за однимъ появляются превосходные разсказы „Запечатлѣнный ангелъ“, „Очарованный странникъ“, „На краю свѣта“, „Несмертельный Голованъ“ и др. Въ концѣ 70-хъ гг. появляются въ либеральныхъ „Новостяхъ“ лукавыя „Мелочи архіерейской жизни“, изъ-за которыхъ Лѣскову приходится оставить государственную службу. Позднѣе онъ появляется даже на страницахъ „Русск. Мысли“ и „Вѣстн. Европы“. Литературное положеніе его, тѣмъ не менѣе, было двойственное: старые литературные сверстники относились къ нему холодно, новые—съ осторожностью. Двойственность составляетъ и одну изъ наиболѣе характерныхъ чертъ всей вообще литературной дѣятельности Лѣскова: злой и трезвый умъ, чуждый мистицизма и экстаза (при всей страстности и порывистости его натуры), никогда не давалъ ему увлечься всецѣло и показывалъ ему недочеты во всемъ. И былъ онъ поэтому ни въ сихъ, ни въ оныхъ. Въ чисто-художественномъ отношеніи главнымъ недостаткомъ Лѣскова было

отсутствіе чувства мѣры. Благодаря этому, колоритность его столь часто переходитъ въ вычурность, въ очень многихъ и даже лучшихъ произведеніяхъ своихъ онъ сплошь да рядомъ является не столько серьезнымъ художникомъ, сколько превосходнымъ и занимательнымъ анекдотистомъ.

На поприщѣ этнографической беллетристики въ 70-хъ гг. дебютировали также: авторъ бьющихъ на внѣшніе эффекты повѣстей и разсказовъ изъ средне-азіатской жизни (позднѣе извѣстный, какъ иллюстраторъ) *Николай Николаевичъ* **Каразинъ** (р. 1848) и беллетристъ - путешественникъ *Василій Ивановичъ* **Немировичъ-Данченко** (род. 1842). Размашистость письма, отчасти отзывающаяся Марлинскимъ, значительно вредитъ художественной правдивости его произведеній, но съ внѣшней стороны—Немировичъ-Данченко писатель очень блестящій и колоритный. Выдается также его поразительная плодовитость. Во время турецкой войны 1877—78 гг. Немировичъ-Данченко пріобрѣлъ широкую извѣстность, какъ военный корреспондентъ, раскрывшій много темныхъ сторонъ военнаго быта, а въ наши дни онъ съ тою же неутомимостью занялъ первое мѣсто въ ряду корреспондентовъ съ Дальняго Востока. Несмотря на всѣ драконовскія строгости спеціальныхъ цензуръ, его талантливыя корреспонденіи сослужили крупную общественную службу. На самомъ рубежѣ 70-хъ и 80-хъ годовъ выступилъ на литературное поприще *Дмитрій Наркисовичъ* **Маминъ** (р. 1852, подписывается **Маминъ-Сибирякъ**), даровитый бытописатель уральской жизни и колоритныхъ пріисковыхъ нравовъ.

Значительное развитіе получаетъ, начиная съ 70-хъ годовъ, историческій романъ, совсѣмъ было заглохшій въ 40-хъ, 50-хъ и началѣ 60-хъ годовъ. Отчасти это было результатомъ ложно-понятаго успѣха „Войны и мира“, гдѣ историческія рамки играютъ, конечно, совсѣмъ второстепенную роль, рядомъ съ великами психологическими задачами романа. Но по преимуществу возрожденіе историческаго романа было удовлетвореніемъ вкусовъ тѣхъ неприхотливыхъ слоевъ публики, которые еще только начинаютъ читать и на первыхъ порахъ больше всего цѣнятъ „занимательность“. Вотъ почему изъ историческихъ романистовъ наибольшій успѣхъ имѣлъ наименѣе удовлетворявшій литературнымъ требованіямъ *Всеволодъ Сергѣевичъ* **Соловьевъ** (1849—1903). Несравненно выше по художественнымъ достоинствамъ историческіе романы графа *Евгенія Андреевича* **Саліаса-де-Турнемира** (р. 1842), на долю перваго и лучшаго романа котораго „Пугачевцы“ (1874) выпалъ очень крупный успѣхъ. Дальнѣйшая литературная производительность не вполнѣ соотвѣтствуетъ блестящему началу и, главнымъ образомъ, выдѣляется чрезвычайною пло-

довитостью. Съ успѣхомъ перешелъ также въ 70-хъ годахъ на историческую беллетристику *Григорій Петровичъ* **Данилевскій** (1829—1890), первоначально обратившій на себя вниманіе, въ 60-хъ годахъ, колоритною трилогіей изъ жизни приазовскаго края („Бѣглые въ Новороссіи", „Бѣглые воротились", „Новыя мѣста"). Сравнительно легко добываемый успѣхъ исторической беллетристики соблазнилъ и *Даніила Лукича* **Мордовцева** (1830—1905). Мордовцевъ пользовался популярностью какъ радикальный историкъ народныхъ движеній и публицистъ; отчасти и какъ авторъ очень слабаго въ художественномъ отношеніи, но ярко-публицистическаго романа „Знаменія времени". Ограниченность художественныхъ ресурсовъ не остановила литературной предпріимчивости Мордовцева, и онъ, начиная съ конца 70-хъ годовъ, написалъ длинный рядъ историческихъ романовъ, въ общемъ понизившихъ его литературное положеніе,—онъ перешелъ въ разрядъ поставщиковъ „историческаго" чтенія для неприхотливой публики иллюстрированныхъ изданій и второстепенныхъ журналовъ.

VI.

Эпоха разброда и унынія.

(Восьмидесятые годы)

Героическая эпоха 70-хъ годовъ кончилась полнымъ крушеніемъ демократическихъ надеждъ и въ началѣ 80-хъ годовъ наступаетъ самая страшная изъ всѣхъ русскихъ реакцій.

Если 20-ые и 30-ые годы XIX столѣтія въ политической исторіи Европы извѣстны подъ именемъ метерниховскаго періода, то печальная полоса русской исторіи, начавшаяся въ 80-хъ годахъ, по имени главнаго теоретика наступившей реакціи, должна быть названа **Побѣдоносцевскимъ періодомъ**.

Выдающійся ученый и мыслитель *Константинъ Петровичъ* **Побѣдоносцевъ** (1827—1907) занимаетъ въ рядахъ представителей нашего бюрократическаго строя совсѣмъ особое мѣсто. Уже не будемъ говорить о томъ, что по уму, знаніямъ и дарованіямъ Побѣдоносцевъ былъ головою выше всѣхъ бюрократовъ нашихъ, когда-либо стоявшихъ у руля государственнаго корабля. Но было бы неправильно просто зачислить его въ одинъ разрядъ съ Руничемъ, Магницкимъ, кн. Голицынымъ или, чтобы назвать болѣе свѣжее имя, графомъ Дмитріемъ Толстымъ. Отъ всѣхъ этихъ дѣятелей реакціи, проповѣдниковъ „сильной власти", враговъ „буйнаго разума" и т. д. Побѣдоносцева отдѣляетъ одна чрезвычайно характерная черта—его *глубочайшее презрѣніе къ наукѣ и куль-*

турѣ и полное отрицаніе способности и права людей устраивать свою жизнь по собственному усмотрѣнію. Дмитрій Толстой и К° *боялись* культуры и свободы, потому что знали, что свѣтъ знанія и общественнаго самосознанія отброситъ ихъ отъ власти, но въ глубинѣ души они безусловно благоговѣли предъ наукой и культурой. Къ тому же многіе искренніе представители консерватизма вовсе не отрицали свободный государственный строй въ принципѣ и только думали, что Россія еще до этого не доросла. Наконецъ, всѣ реакціонеры прежняго времени были государствовѣды—*практики*, примыкавшіе къ немудрой школѣ Аракчеева и отдававшіеся своему ремеслу безъ малѣйшихъ претензій на теоретическое обоснованіе. Побѣдоносцевъ же первый изъ русскихъ бюрократовъ создалъ цѣлую стройную теорію застоя и возвелъ въ перлъ созданія все то, что исключаетъ Россію изъ семьи культурныхъ народовъ. Онъ не только теоретикъ россійскаго абсолютизма, онъ въ корнѣ отвергаетъ всѣ основы современной культуры и въ мрачно-мизантропическомъ міросозерцаніи его не то еще характерно, что онъ боится, какъ бы западныя идеи не заразили „русскія безумныя головы". Несравненно чреватѣе была послѣдствіями общая ненависть Побѣдоносцева ко всему тому, что выводитъ массу изъ ея безсознательнаго отношенія къ государству и религіи. Главнымъ недостаткомъ современной культуры Побѣдоносцевъ считаетъ ея вѣру въ *силу разума, въ добрую природу человѣка и особенно въ значеніе образованія.* Что такое знаменитый лозунгъ—„школьный учитель побѣдилъ подъ Садовой"? Да просто на просто—„*пошлое изреченіе*". Что представляетъ собою „вѣра во всемогущество школы, въ книжные уроки и чтенія"? Опять-таки не что иное, какъ одно „изъ главныхъ *суевѣрій* нашего времени". Нужно ли всеобщее обученіе для простого народа? Ни въ какомъ случаѣ. „Отрывая дѣтей отъ домашняго очага на школьную скамью съ мудреными цѣлями, мы лишаемъ родителей и семью рабочей силы, которая необходима для поддержанія домашняго хозяйства, а дѣтей *развращаемъ*, наводя на нихъ миражъ мнимаго или фальшиваго и отрѣшеннаго отъ жизни знанія, подвергая ихъ соблазну мелькающихъ передъ глазами образовъ суеты и тщеславія"... Разъ народъ не нужно даже учить, то что уже говорить о томъ, чтобы предоставить ему какое бы то ни было рѣшающее вліяніе! Что такое „народный" судъ присяжныхъ?—„Пестрое, смѣшанное стадо", которое скачетъ по дудкѣ корыстолюбцевъ - адвокатовъ. Что такое всеобщая подача голосовъ?—„Роковое заблужденіе, одно изъ самыхъ поразительныхъ въ исторіи человѣчества". Къ числу „самыхъ лживыхъ политическихъ началъ" принадлежитъ „идея, что всякая власть исходитъ отъ народа и имѣетъ основаніе въ волѣ народной". И что такое, наконецъ,

органы народной воли—парламенты? По пріобрѣвшему печальную знаменитость побѣдоносцевскому опредѣленію, парламенты—это „*великая ложь нашего времени*“, и въ нихъ руководящее значеніе получаютъ исключительно представители „*ограниченности ума, безграничнаго развитія эгоизма и злобы, низости и безчестности побужденій*“. Еще большимъ несчастіемъ является такъ называемая „свобода печати“, о которой „кто не вопіетъ и у насъ въ несчастной, оболганной и оболживленной чужеземною ложью Россіи?“ Свобода печати есть чудовище, которое насъ пожретъ,—„въ ежедневной печати скопляется какая-то роковая, таинственная, *разлагающая сила*, нависшая надъ человѣчествомъ“...

Благодаря парламентамъ, конституціямъ и свободѣ печати, создался рядъ величайшихъ и пагубнѣйшихъ заблужденій. „Провозвѣстники свободы ошибаются, полагая свободу въ равенствѣ“. Великое заблужденіе „предположить, что въ уравненіи вѣрованій передъ государствомъ состоитъ свобода вѣрованій“. Великое горе, что на Западѣ народъ „и свободу, и равенство, и братство принялъ, какъ право свое, какъ состояніе, ему присвоенное“. А сколько зла кроется въ томъ, что власть стѣснена въ своихъ дѣйствіяхъ обиліемъ *законодательныхъ нормъ* не только на Западѣ, *но даже въ Россіи*. Въ годы, когда вся Россія была переведена на положеніе усиленной охраны, Побѣдоносцевъ, говоря о русскихъ дѣлахъ, съ горечью восклицалъ: „На всякомъ шагу тотъ, кто призванъ дѣйствовать и распоряжаться, долженъ *боязливо* осматриваться во всѣ стороны, какъ бы не нарушить то или другое правило, ту или другую формальность, предписанную въ томъ или другомъ законѣ“. Все это пагубно парализуетъ „дѣйствіе воли и распоряженіе власти“.

Указанные Побѣдоносцевымъ горестные факторы современной культуры сводятся въ его міросозерцаніи къ одному центральному пункту—пагубна „вѣра въ общія начала, *въ логическое построеніе жизни человѣка*“! „Стоитъ только признать силлогизмъ высшимъ безусловнымъ мѣриломъ истины и“... о, ужасъ!—„сейчасъ же попадаешь въ рабство къ отвлеченной формулѣ логическаго мышленія“, приходится „покориться пустотѣ и *глупости*, владѣющей орудіемъ формулы“

Но если свобода и логика пагубны, то что же спасительно?

Есть, есть-таки одно противоядіе: „Есть въ человѣчествѣ натуральная *сила инерціи*, имѣющая великое значеніе“. Правда, эту силу „близорукіе мыслители новой школы“ довольно неделикатно „смѣшиваютъ съ невѣжествомъ и глупостью“, но въ дѣйствительности она „безусловно необходима для благосостоянія общества“. Наряду съ инерціей, спасителенъ также отказъ отъ точнаго пониманія. „*Одинъ разъ глупецъ можетъ имѣть обо всемъ ясныя мысли и*

представленія"... На самомъ дѣлѣ „самыя драгоцѣнныя понятія, какія вмѣщаетъ въ себѣ умъ человѣческій,—находятся въ самой глубинѣ поля и полумракѣ". Тѣмъ не менѣе, „около этихъ-то *смутныхъ* идей, которыя мы не въ силахъ привести въ связь между собою, вращаются *ясныя* мысли, расширяются, развиваются, возвышаются". Въ ряду этихъ удивительныхъ „ясныхъ" мыслей, выросшихъ на почвѣ „смутныхъ идей", первое мѣсто занимаетъ уваженіе къ старинѣ. „Старыя учрежденія, старыя преданія, старые обычаи—великое дѣло". Съ этимъ тѣснѣйшимъ образомъ связана *вѣра*, значеніе которой безконечно выше разума. „Абсолютная истина доступна только вѣрѣ". Но въ чемъ, однако, заключается вѣра? Съ одной стороны, въ *легендѣ*, въ которой простой, неиспорченный умъ народа „чуетъ глубокую истину, абсолютную истину идеи и чувства,—истину, которой не можетъ дать ему никакой самый тонкій и художественный критическій анализъ фактовъ". Наипаче же вѣра выражается въ *церковномъ обрядѣ*, и въ приверженности къ обрядности Побѣдоносцевъ видитъ главный залогъ благоденствія Россіи. Что за бѣда, что „наше духовенство мало и рѣдко учитъ", что оно „только служитъ въ церкви и исполняетъ требы"? Что за бѣда, что въ „иныхъ глухихъ мѣстностяхъ народъ не понимаетъ рѣшительно ничего ни въ словахъ службы церковной, ни даже въ „Отче Нашъ". Въ общемъ, народъ нашъ невѣжда въ своей вѣрѣ, исполненъ суевѣрій", а духовенство „грубо, невѣжественно, бездѣйственно". Но все это,—прописываетъ Побѣдоносцевъ курсивомъ,—явленія „*несущественныя*", разъ „остается служба церковная". Само собою разумѣется, что Побѣдоносцевъ считаетъ вполнѣ нормальнымъ то, что человѣкъ вѣрующій „считаетъ своимъ долгомъ не только исповѣдывать открыто свое ученіе, но, въ случаѣ нужды, и насильно навязывать его другимъ"...

Таковы основныя черты поистинѣ страшнаго міросозерцанія человѣка, духъ котораго парилъ надъ всѣмъ, что предпринималось въ области государственнаго управленія только что закончившагося 25-лѣтія реакціи. Свѣтогасительство, аракчеевщина и подавленіе всякаго проблеска общественности стали лозунгомъ всѣхъ органовъ власти, образованію и просвѣщенію была объявлена ничѣмъ не прикрытая война.

Дорогою цѣною заплатила Россія за торжество побѣдоносцевщины и на поляхъ Манчжуріи, и внутри страны полнымъ разстройствомъ гражданскаго и экономическаго быта. Но было бы, однако, односторонностью свести всю вину того ужаснаго положенія, въ какомъ очутилась Россія, начиная съ 1881 года, только къ личности самого Побѣдоносцева и тѣхъ, которые покорно исполняли волю „великаго

инквизитора". Всякій народъ заслуживаетъ то правительство, которое онъ имѣетъ, и никогда мрачный геній Побѣдоносцева не восторжествовалъ бы, если бы въ русскомъ обществѣ нашлось достаточно силы сопротивленія. Но ея-то и не оказалось, по крайней мѣрѣ, первое десятилѣтіе, и вотъ почему мы въ началѣ настоящей главы и назвали реакцію, наступившую съ 1881 г., самой страшной изъ всѣхъ русскихъ реакцій. Именно тѣмъ и страшна эта реакція, что она была не только бюрократическая, но и общественная. Если страшна была извѣстная намъ изъ предыдущаго бѣшеная реакція 1848—1855 гг., то все же это была реакція только правительственная. Жестоко напугавъ и устрашивъ россійскаго обывателя и читателя, она не отравила души его. Реакція, наступившая въ серединѣ 60-хъ годовъ уже отчасти захватила и общество. Перепугался быстроты россійскаго прогресса средній русскій обыватель и сталъ прислушиваться къ голосу перемѣнившаго дирекцію Каткова. Но и эта, хотя до извѣстной степени общественная реакція захватила только „отцовъ", только наименѣе активные элементы. Въ 80-хъ же гг. не только средній обыватель спрятался въ подворотню, но и произошла печальная перемѣна въ настроеніи самыхъ высокихъ духомъ слоевъ русской интеллигенціи. Крушеніе надеждъ путемъ активнаго воздѣйствія достигнуть осуществленія демократическихъ идеаловъ ведетъ за собою не только уныніе, но и разложеніе прежней демократической программы. Порывъ къ самопожертвованію, жажда правды, тоска по идеалу начинаютъ исчезать въ самой чуткой части русскаго общества—учащейся молодежи. Она теперь не только въ значительной части своей охладѣваетъ къ идеямъ высшаго порядка, но почти демонстративно превращается въ буйныхъ буршей, которые въ дни университетскаго праздника производятъ уличные скандалы, врываются въ рестораны и публичные дома, нарушаютъ порядокъ на театральныхъ представленіяхъ. Происходитъ характерная перемѣна въ распредѣленіи ролей между „отцами" и „дѣтьми". „Отцы" 80-хъ годовъ, которые въ 60-хъ годахъ были „дѣтьми" и въ житейской борьбѣ не растеряли идеаловъ молодости, высмѣиваются теперь своими „дѣтьми"—восьмидесятниками, „трезво" относящимися къ задачамъ жизни вообще и своей благополучной житейской карьерѣ въ частности. Отецъ-идеалистъ и сынъ грубый практикъ становятся излюбленными типами чуткихъ къ злобѣ дня романовъ Боборыкина и другихъ бытописателей.

Реакція, начавшаяся въ 1881 г., въ общемъ, заняла почти четверть вѣка. Оставляя покамѣстъ совершенно въ сторонѣ государственной переворотъ, связанный съ манифестомъ 17 октября 1905 г., можно сказать, что только съ средины 1904 г. бюрократическій

ancien regime нашъ вынужденъ былъ капитулировать и дать цѣлый рядъ такихъ реформъ, за одно предложеніе которыхъ еще годъ тому назадъ угрожали тюрьма и ссылка. Параллельно этому тоска и уныніе, воцарившіяся въ литературѣ и общественной жизни съ 1880-хъ годовъ, *окончательно* исчезаютъ тоже только въ ближайшіе къ намъ одинъ, два года, уступивъ мѣсто небывалой нервной возбужденности и лихорадочной жаждѣ полнаго обновленія.

Только-что пережитый нами страшный Побѣдоносцевскій періодъ всего менѣе былъ для литературы и общественныхъ настроеній чѣмъ-то однороднымъ. Цѣлый рядъ частичныхъ настроеній смѣняли одно другое. Была полоса полнаго, абсолютнаго унынія, была полоса грубо-эгоистическаго декадентства, полоса яркаго возбужденія демократической бодрости въ формѣ марксизма, полоса неоидеализма и, наконецъ, наступили наши дни могущественнѣйшаго общественнаго подъема. въ которомъ какъ же не видѣть столь долго жданный девятый валъ русскаго освободительнаго движенія?

Но если, однако, взять литературно-общественную жизнь всего реакціоннаго 25-лѣтія въ его цѣломъ, то, несмотря на частичныя перемѣны, не трудно прослѣдить на всемъ пространствѣ Побѣдоносцевскаго періода одно основное настроеніе, похороны котораго происходятъ только теперь, въ наши дни полной ликвидаціи стараго строя, какъ бюрократическаго, такъ и литературнаго. Это основное настроеніе, по-нашему, тоже можно пріурочить къ одному имени. Если для характеристики *государственной* жизни 1881—1904 гг. мы вводимъ терминъ Побѣдоносцевскій періодъ, то полагаемъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, что *общественно-литературная* жизнь этихъ лѣтъ можетъ быть названа **Чеховскимъ періодомъ.** Смерть Чехова (1904 г.) имѣетъ въ себѣ нѣчто символическое. Вмѣстѣ съ Чеховымъ умерла и Чеховская Россія, дряблая, вялая, слабая волей.

На общемъ характерѣ творчества *Антона Павловича* **Чехова** (1860—1904) неизгладимо запечатлѣлась та мрачная полоса отчаянія и безнадежной тоски, которая въ 80-хъ гг. охватила нравственно-чуткіе элементы русскаго общества. Утомившись въ безрезультатной борьбѣ, эти чуткіе слои русской интеллигенціи были теперь раздавлены сознаніемъ, что они совершенно безсильны побороть косность окружающей среды, что безмѣрно разстояніе между ея идеалами, переросшими даже высшій расцвѣтъ европейской цивилизаціи, и мрачно-сѣрымъ, безпросвѣтнымъ фономъ живой русской дѣйствительности. Въ этой живой дѣйствительности народъ еще пребывалъ въ каменномъ періодѣ, средніе классы еще не вышли изъ мрака „темнаго царства“, а въ сферахъ правящихъ во всемъ своемъ ужасѣ развертывалась побѣдоносцевщина. Все это,

конечно, не было чѣмъ-нибудь совершенно-новымъ для радѣтелей блага народнаго, которые и въ предшествующій періодъ семидесятыхъ годовъ сознавали всю неприглядность тогдашней „дѣйствительности". Но тогда окрылялъ нервный подъемъ перваго періода борьбы. Въ 80-хъ же годахъ полная неудача вызвала столь же нервную угнетенность и недавнее воодушевленіе смѣнилось сознаніемъ своего полнаго банкротства предъ реальнымъ ходомъ исторіи. Отсюда нарожденіе поколѣнія, часть котораго утратила самое стремленіе къ идеалу и слилась съ окружающей пошлостью, а другая часть дала неврастениковъ, „нытиковъ", безвольныхъ, безцвѣтныхъ, проникнутыхъ сознаніемъ, что плетью обуха не перешибешь, силу косности не сломишь. Эти Гамлетики годились только для того, чтобы всѣмъ надоѣдать жалобами на свою безпомощность и ненужность.

Этотъ-то періодъ неврастенической разслабленности русскаго общества и нашелъ въ лицѣ Чехова своего художественнаго *историка* Именно историка—это очень важно какъ для пониманія Чехова, такъ и для психологіи той общественной полосы, которая воспитала творчество Чехова. То, что принято у насъ называть „идейнымъ творчествомъ", т. е. желаніе въ художественной формѣ выразить свое общественное міросозерцаніе, чуждо Чехову и по натурѣ его, слишкомъ аналитической и меланхолической, и по тѣмъ условіямъ, при которыхъ сложились его литературные представленія и вкусы. Въ высшей степени характерно, что крупнѣйшій художественный талантъ не только своего поколѣнія, но и всей литературной полосы, смѣнившей великую плеяду 40-хъ годовъ, Чеховъ самые впечатлительные годы творчества провелъ въ пошлѣйшей и низменнѣйшей атмосферѣ мелкихъ и оппортюнистскихъ изданій. Мы знаемъ, съ какою силою захватило общественное возбужденіе литературную молодежь временъ Бѣлинскаго, знаемъ, съ какою страстностью отдалось общественному движенію литературное поколѣніе 70-хъ годовъ. Но Чеховъ въ лучшій періодъ жизни, впечатлѣніями котораго питается весь остальной вѣкъ свой, какъ бы долгъ онъ ни былъ, Чеховъ въ эти лучшіе годы ничего подобнаго какому-нибудь „идейному броженію" не переживалъ, да просто на просто даже не видалъ его. На всемъ пространствѣ его сочиненій, гдѣ, кажется, нѣтъ ни одной подробности русской жизни и быта, такъ или иначе не затронутой, вы не найдете ни одного описанія студенческой сходки или тѣхъ принципіальныхъ споровъ до бѣла дня, которые такъ характерны для русской молодежи. Всего этого Чеховъ лично не видалъ и потому не описалъ. Идейной стороной русской жизни Чеховъ заинтересовался только во второй періодъ своей дѣятельности, когда мертвая полоса русской общественности закончилась. Но самъ онъ

тогда вступилъ въ ту жизненную пору, когда воспріимчивость слабѣетъ и „опытъ жизни“ часто дѣлаетъ и самыя пылкія натуры апатичными въ вопросахъ выработки міросозерцанія. И Чеховъ всю свою жизнь оставался въ позиціи сторонняго наблюдателя. Ставъ лѣтописцемъ и бытописателемъ духовнаго вырожденія и измельчанія нашей интеллигенціи, Чеховъ не примкнулъ ни къ одному опредѣленному міросозерцанію. Если задаться выясненіемъ того, къ какой изъ нашихъ литературно-общественныхъ партій можно было бы причислить Чехова, то эта задача окажется совершенно неразрѣшимой. Онъ былъ одновременно очень близокъ и къ „Новому Времени“ и къ „Русской Мысли“, а послѣдніе годы примыкалъ къ органу крайней лѣвой—марксистской „Жизни“. Чеховъ относится безусловно насмѣшливо къ „людямъ шестидесятыхъ годовъ“, къ увлеченію земствомъ и т д., но у него нѣтъ ни одной „консервативной“ строчки. Въ „Разсказѣ неизвѣстнаго человѣка“ онъ сводитъ къ какому-то пустому мѣсту революціонное движеніе, но еще злѣе выставлена въ этомъ же разсказѣ среда противоположная. Это-то общественно-политическое безразличіе и дало Чехову ту объективную жесткость, съ которою онъ обрисовалъ россійскихъ нытиковъ. Такую же неумолимую жесткость Чеховъ проявилъ и по отношенію къ недавнему предмету литературно-общественнаго идолопоклонства—народу. Въ русской литературѣ нѣтъ болѣе мрачнаго изображенія крестьянства, чѣмъ то звѣрье, которое Чеховъ описалъ въ своихъ знаменитыхъ „Мужикахъ“.

Въ общемъ, рожденный тусклой мглой безвременья пессимизмъ Чехова принялъ ужасающіе размѣры. Художественный анализъ его весь сосредоточился на изображеніи бездарности, пошлости, глупости россійскаго обывателя и безпросвѣтнаго погрязанія его въ тинѣ ежедневной жизни. Чехову ничего не стоитъ увѣрять насъ въ „Трехъ сестрахъ“, что въ стотысячномъ городѣ не съ кѣмъ сказать человѣческаго слова и что даже уходъ изъ него офицеровъ кавалерійскаго полка оставляетъ какую-то зіяющую пустоту. Безтрепетно заявляетъ Чеховъ въ „Моей Жизни“ устами своего героя: „Во всемъ городѣ я не зналъ ни одного честнаго человѣка“. Двойной ужасъ испытываешь при чтеніи превосходнѣйшаго психологически-психіатрическаго этюда „Палата № 6“. Сначала при видѣ тѣхъ чудовищныхъ безпорядковъ, которые въ *земской* больницѣ допускаетъ герой разсказа—безспорно лучшій человѣкъ во всемъ городѣ, весь погруженный въ чтеніе докторъ Андрей Ефимовичъ. А затѣмъ, когда оказывается, что единственный человѣкъ съ ясно-сознанными общественными идеалами—это содержащійся въ палатѣ № 6 сумасшедшій Иванъ Дмитріевичъ. А какое чувство безпросвѣтной тоски должно

насъ охватить, когда мы знакомимся съ интимною жизнью знаменитаго профессора, составляющей содержаніе „Скучной исторіи"! Какъ заманчива эта жизнь снаружи, и какая за этою внѣшнею заманчивостью кроется страшная внутренняя драма. Тѣмъ-то исторія и „скучна", что знаменитый профессоръ пришелъ къ сознанію, что жизнь его дала въ результатѣ нуль. И выходитъ, такимъ образомъ, что если попадается вполнѣ порядочный человѣкъ, то онъ либо сумашедшій, либо сознающій безцѣльность своей жизни. А рядомъ торжествуютъ хищники и себялюбцы—какая-нибудь мѣщаночка въ „Трехъ сестрахъ", жена, дочь и зять профессора въ „Скучной исторіи", злая Аксинья изъ „Въ оврагѣ", профессорская чета въ „Дядѣ Ванѣ", Треплевъ и его возлюбленная въ „Чайкѣ" и множество другихъ имъ подобныхъ благополучныхъ россіянъ. И даже не одни хищники и себялюбцы, а просто люди со сколько-нибудь опредѣленными стремленіями, какъ напримѣръ, знаменитый „человѣкъ въ футлярѣ"—учитель гимназіи Бѣликовъ, который весь городъ заставилъ дѣлать разныя черносотенныя гадости только потому, что опредѣленно ставилъ свои требованія. А брезгливые „порядочные" люди подчинялись, потому что не хватало силы характера сопротивляться.

Есть, однако, пессимизмъ и пессимизмъ. Нужно разобраться и въ чеховскомъ пессимизмѣ, нужно непремѣнно отдѣлить его отъ того расхожаго пессимизма, который, относясь насмѣшливо къ новаторству, какъ къ мальчишескому „идеальничанію" столь близко соприкасается съ апоѳеозомъ буржуазнаго „благоразумія". Если Чеховъ такъ жестоко относится къ нытикамъ Побѣдоносцевскаго безвременья, если онъ не мечетъ для ихъ оправданія громовъ противъ засасывающей силы „среды" и т. д., то онъ относится вмѣстѣ съ тѣмъ и безъ всякой враждебности къ тому кругу идей, изъ котораго исходили наши Гамлеты, пара на грошъ. Если мы для иллюстраціи отношенія Чехова къ обанкрутившимся интеллигентамъ 80-хъ годовъ возьмемъ наиболѣе популярный типъ этого рода—Иванова изъ драмы того же названія, то какой мы изъ него должны сдѣлать выводъ? Ни мало не тотъ, что не слѣдуетъ быть новаторомъ, что не слѣдуетъ бороться съ рутиною, что не слѣдуетъ вступать въ борьбу съ общественными предразсудками и т. д. Нѣтъ, драма только констатируетъ, что такимъ слабнякамъ, какъ Ивановъ, новаторство дѣйствительно не по силамъ. Самъ же Ивановъ проводитъ параллель между собой и работникомъ Семеномъ, который хотѣлъ похвастать передъ дѣвками силою, взвалилъ на себя два огромнѣйшихъ мѣшка и надорвался. Только это-то безсиліе неумолимо и подчеркиваетъ Чеховъ, и это чрезвычайно важно для уразумѣнія истин-

ной сущности духовной личности Чехова, чрезъ все творчество котораго проходитъ глубокая тоска по лучшему, по чему-то свѣтлому и сильному. Было время, когда Чехова обвиняли въ глубокомъ индифферентизмѣ. Михайловскій ярче всѣхъ формулировалъ этотъ упрекъ, сказавъ, что Чеховъ съ одинаковымъ хладнокровіемъ „направляетъ свой превосходный художественный аппаратъ на ласточку и самоубійцу", на муху и слона, слезы и воду. Эти упреки должны быть отброшены, и тотъ же Михайловскій проницательно уже въ „Скучной исторіи" (1889) усмотрѣлъ „авторскую боль". Теперь, когда передъ нами весь ансамбль творческой дѣятельности художника, совершенно ясно, что если у Чехова и не было опредѣленнаго міросозерцанія, если у него не было опредѣленныхъ идеаловъ вообще, то у него, все-таки, была несомнѣнная *тоска по идеалу*. Онъ потому ко всему относился отрицательно, что у него были большія нравственныя требованія. Онъ не создалъ положительныхъ типовъ, потому что не могъ довольствоваться малымъ. Если, читая Чехова, и приходишь въ отчаяніе, то это, все-таки, отчаяніе облагораживающее, потому что вселяетъ глубокое отвращеніе къ мелкому, пошлому, потому что срываетъ покровы съ буржуазнаго благополучія и создаетъ презрѣніе къ отсутствію нравственной и общественной выдержки. Въ этомъ смыслѣ Чеховское уныніе было началомъ творческимъ и стало однимъ изъ ферментовъ того великаго броженія, того великаго прилива бодрости, которымъ знаменуется конецъ Побѣдоносцевскаго періода.

Если, правда, постепенно тая и уступая мѣсто настроенію бодрому и боевому, чеховское уныніе является характернымъ для всего Побѣдоносцевскаго двадцатипятилѣтія, то для перваго десятилѣтія мрачной реакціи однимъ изъ наиболѣе знаменательныхъ проявленій безвременія является *толстовство*.

Подъ „толстовствомъ" отнюдь не слѣдуетъ понимать всю совокупность воззрѣній Толстого-теоретика: въ дѣятельности Толстого слѣдуетъ различать двѣ стороны, безконечно неравныя по своему историческому значенію.

Если Толстой сталъ выразителемъ совѣсти вѣка, то только въ *критической* части своего міровоззрѣнія. Историческая роль Толстого въ томъ, что онъ съ неслыханною силою напалъ на церковь и полицейское государство съ той стороны, съ которой клерикально-деспотическій строй считалъ себя въ совершенной безопасности—съ точки зрѣнія искренно-понятой евангельской завовѣди. По существу, въ критикѣ Толстого, конечно, нѣтъ ни одной черты, которая съ такою же силою не была бы указана радикальною мыслью. Но ра-

дикальная мысль исходила изъ основаній, чуждыхъ среднему, мирному обывателю, и потому широкихъ массъ не затрогивала. Толстой же великъ тѣмъ, что внесъ броженіе и разрушительную критику отживающихъ вѣрованій и понятій въ такіе слои, которые до него никакими „проклятыми“ вопросами не занимались.

Но эта разрушительная работа Толстого, подкопавшая все зданіе стараго показного благочестія и эксплоатаціи народнаго труда, стала яркой и опредѣленной гораздо позднѣе—въ 90-хъ годахъ, когда параллельно начавшемуся пробужденію отъ всеобщей летаргіи, Толстой поставилъ всѣ точки на *і*. До бѣлаго каленія Толстой довелъ наше жречество только въ 90-хъ гг. Къ 80-мъ же годамъ относится самая гнилая часть ученія Толстого—рабская теорія „непротивленія злу“. Подъ „толстовствомъ“ въ тѣсномъ смыслѣ понимается дряблое сектантство, захватившее въ 80-хъ годахъ часть чуткихъ элементовъ молодежи и выразившееся въ какомъ-то опереточномъ мужиковствованіи. Великій лозунгъ 70-хъ гг. „въ народъ“ былъ воспринятъ „толстовствомъ“ какъ форма личнаго самоусовершенствованія. Самое хожденіе „въ народъ“ проявляется теперь чисто маскараднымъ превращеніемъ въ мужиковъ по внѣшнему облику безъ всякой протестующей подкладки. „Опрощиваются“ теперь не съ тѣмъ, чтобы направить народъ на путь культурнаго развитія и сознанія своей личности, а, напротивъ того, чтобы отряхнуть отъ собственныхъ ногъ пыль цивилизаціи и зажить жизнью первобытной близости къ природѣ.

Не простая, конечно, случайность, что рабская теорія „непротивленія злу“ и не менѣе рабская теорія самоусовершенствованія, какъ панацеи противъ несовершенствъ соціальнаго строя, именно въ 80-хъ годахъ нашли такой громкій откликъ. Много всякихъ теорій понасочинялъ Толстой въ своихъ лихорадочныхъ поискахъ за смысломъ жизни, и въ разныя эпохи разныя стороны его міровоззрѣнія получали разное значеніе. Въ наши дни, напр., мы видимъ, что значеніе толстовской проповѣди леченія общественныхъ язвъ собственною добродѣтелью упало до нуля, и великимъ писателемъ Земли Русской совершенно перестали интересоваться. Это показываетъ, что и самый великій человѣкъ великъ лишь постольку, поскольку онъ отражаетъ духъ и потребность времени. Вотъ почему и успѣхъ безкрылой теоріи „непротивленія злу“ былъ яркимъ показателемъ того пораженія, которое только-что потерпѣло *активное* „противленіе злу“.

Несравненно болѣе мелкимъ, но все-таки характернымъ выраженіемъ безвременія 80-хъ гг. была и теорія „малыхъ дѣлъ“. Она называется иной разъ также „абрамовщиной“, по имени публициста *Якова Васильевича* **Абрамова** (1858—1906), на страницахъ совершенно присмирѣвшей „Недѣли“ старавшагося доказывать, что въ эпохи,

когда исчезаютъ широкія задачи, можно удовлетвориться скромною дѣятельностью въ роли народныхъ учителей, докторовъ, земцевъ и т. п. Сама по себѣ эта теорія не заслуживала вниманія и по второстепенному литературному значенію ея проповѣдника, и по явной маниловщинѣ своей. Но Абрамовъ перешелъ въ „Недѣлю" изъ „Отеч. Записокъ" и причислялъ себя къ радикальному народничеству, и вотъ почему такой первенствующій публицистъ, какъ Шелгуновъ, счелъ своею обязанностью повести на страницахъ „Русск. Мысли" упорную и ожесточенную войну съ этой оппортюнистской пошлостью, усыплявшей настоящую общественную бодрость.

Всеобщимъ уныніемъ и дряблостью не замедлили воспользоваться спекулянты на низменные инстинкты толпы. На этотъ разъ на помощь имъ подоспѣли элементы, до того не игравшіе роли въ русской жизни. Въ дореформенной Россіи и довольно долго въ Россіи послѣреформенной, рѣшающее значеніе въ ходѣ общественной жизни имѣлъ только небольшой контингентъ высшихъ классовъ. И консерватизмъ, и радикализмъ одинаково были дворянскими настроеніями. Въ 60-хъ годахъ пришелъ „разночинецъ", но и онъ быстро усвоилъ себѣ обликъ и психологію правящаго интеллигентнаго класса. Теперь это мѣняется, и первое, самое страшное десятилѣтіе Побѣдоносцевскаго періода ознаменовано тѣмъ, что на арену общественной жизни впервые съ рѣшающимъ значеніемъ выступилъ тотъ слой, который Щедринъ назвалъ „улицей". Медленный, но прочный ростъ промышленности и нарожденіе мелкой буржуазіи на первыхъ порахъ создаетъ обширный, культурный только по внѣшности, контингентъ людей, еле начинающихъ мыслить и читать. Эти люди на первыхъ ступеняхъ образованія могутъ понимать только показное и внѣшнее, а въ сферѣ житейскихъ вкусовъ смакуютъ удовольствія только низменныя и пошлыя. Вотъ почему квасной патріотизмъ, пресмыкательство предъ властью и просто потаканіе пошлымъ инстинктамъ всегда находятъ въ нихъ прочную опору для борьбы съ элементами передовыми и ищущими серьезной умственной пищи. Отсюда—небывалый расцвѣтъ въ 80-хъ гг. „мелкой" и шовинистской прессы. Мелкая пресса развращала своихъ читателей порнографіей, шантажными пасквилями, сенсаціонно-кровавою уголовщиною и подогрѣваніемъ всякаго суевѣрія, начиная со спиритизма и кончая „чудесами" Іоанна Кронштадтскаго.

Но несравненно болѣе разлагающее вліяніе, чѣмъ „мелкая" печать, оказывала „большая" шовинистская рептильная пресса, потому что, по условіямъ времени, она оказалась во главѣ печати. Вся оппозиціонная печать была либо совсѣмъ уничтожена, либо обезличена до того, что не пользовалась никакимъ авторитетомъ. Ужъ на что

умѣренъ былъ буржуазно-либеральный „Голосъ“, прямо заявившій въ 1878 г., что революціонеры недостойны веревки, на которой ихъ повѣсятъ. И все-таки „Голосу“ пришлось прекратить свое существованіе (1883) тотчасъ же послѣ вторичнаго воцаренія злобно-мстительнаго Дмитрія Толстого, который отплатилъ Краевскому уничтоженіемъ милліоннаго предпріятія за то, что „Голосъ“ увольненіе Толстого (при Лорисъ-Меликовѣ въ 1880 г.) назвалъ „величайшею реформою“ Александра II. Стремившіяся занять мѣсто „Голоса“ „Новости“ *Осипа Константиновича* **Нотовича** (р. 1848) были слишкомъ робки. За исключеніемъ литературнаго фельетона, который долго велъ А. М. Скабичевскій, недостаточно-ярка была общественно-политическая физіономія главныхъ сотрудниковъ газеты. Изъ нихъ, кромѣ извѣстныхъ по „Голосу“, „Бирж. Вѣд“. и „Молвѣ“ Г. К. Градовскаго, И. Ѳ. Василевскаго, М. Л. Песковскаго, слѣдуетъ выдѣлить воскреснаго фельетониста и автора популярно-историческихъ этюдовъ *Владиміра Осиповича* **Михневича** (1841—1899) и разносторонне-образованнаго публициста и критика *Ростислава Ивановича* **Сементковскаго** (р. 1846).

Почти безраздѣльно завладѣло большой публикой 80-хъ годовъ „Новое Время“. Съ насильственнымъ прекращеніемъ „Порядка“ и „Голоса“ и при маломъ авторитетѣ „Новостей“, робость которыхъ была главнымъ условіемъ того, что имъ было разрѣшено влачить свое вялое существованіе, монопольное „Новое Время“ было единственнымъ имѣвшимъ политическое значеніе органомъ петербургской печати Побѣдоносцевскаго періода. И ни въ чемъ ужасъ и глубокое нравственное разложеніе Побѣдоносцевскаго періода не выразилось такъ ярко, какъ въ расцвѣтѣ „Новаго Времени“. Всего менѣе страшно было „Новое Время“ тѣмъ, что оно было отраженіемъ самой гибельной и преступной изъ всѣхъ русскихъ реакцій, въ слѣпомъ изступленіи доведшей Россію до безпримѣрныхъ во всемірной исторіи бѣдствій. „Москов. Вѣд.“ были несравненно реакціоннѣе, но это было прямолинейное, грубое, чисто-полицейское отношеніе къ вещамъ, безъ малѣйшаго желанія привлечь на свою сторону. Пресмыкательство же „Новаго Времени“ было глубоко-тлетворно тѣмъ, что велось съ тонкимъ пониманіемъ психологіи средняго читателя. „Полемика“ и „борьба“ „Моск. Вѣдомостей“ съ „вредными“ идеями вся сводилась къ жандармскимъ окрикамъ: „уничтожить“, „сократить“, „посадить въ тюрьму“ „сослать“, „разстрѣлять“. Подобнаго рода „полемика“ не только не унижала и не противодѣйствовала, а напротивъ того, создавала ореолъ. „Новое Время“ этой психологической ошибки не дѣлало, и тактика его заключалась въ глумленіи, въ томъ, что оно тѣ идеи и тѣхъ дѣятелей, на которыхъ нападало, выволаки-

вало въ грязи. Такого безшабашнаго издѣвательства надъ личностями, движеніями, идеями, народностями никогда еще въ русской печати не было. Въ это глумленіе было вложено много таланта, много журнальной сноровки, а также знаніе того круга идей, съ которымъ, пресмыкаясь передъ реакціей, „Новое Время“ повело войну, потому что всѣ главные дѣятели газеты были выходцы изъ совершенно-противоположныхъ лагерей. Кто состоялъ въ умѣренныхъ либералахъ, кто въ радикалахъ, кто въ революціонерахъ. Мы уже знаемъ, что главари „Новаго Времени“—Суворинъ и Буренинъ какихъ-нибудь 10—11 лѣтъ тому назадъ были столь опасны, что изъ-за нихъ отняли, вопреки контракту, „С.-Пет. Вѣд“. Изъ тѣхъ же Коршевскихъ „С.-Вѣд.“ вышелъ остроумный циникъ *Константинъ Аполлоновичъ* **Скальковскій** (1843—1906), глубоко-убѣжденный, что только Wein, Weib und Gesang есть вещь, а прочее—все гиль. Изъ новыхъ газетныхъ силъ выдѣляется *Александръ Александровичъ* **Дьяковъ** (1845—1895), нѣкогда активный революціонеръ, затѣмъ подъ псевдонимомъ **Незлобина** написавшій въ „Русск. Вѣст.“ 1870-хъ гг. рядъ пасквилей на заграничныхъ эмигрантовъ. Въ „Нов. Вр.“ онъ подъ псевдонимомъ **Житель** съ захлебывающейся злобою накидывался на все, что отзывалось воспоминаніями собственной молодости. Изъ ультра-революціонныхъ кружковъ вышли пресловутые корреспонденты *И.* **Яковлевъ** (псевдонимъ *Исаака Яковлевича* **Павловскаго**) и *Александръ Николаевичъ* **Молчановъ** (р. 1847), имя котораго сдѣлалось нарицательнымъ для обозначенія, мягко выражаясь, „недостовѣрности“. Изъ радикальныхъ изданій и „Голоса“ перешли подъ вліяніемъ духа времени Сергѣй Атава, Ясинскій, обозрѣватель иностранной жизни *Михаилъ Андреевичъ* **Загуляевъ** (1834—1900) и др. И даже для мирнаго научнаго фельетона понадобился выходецъ изъ „Голоса“ **Эльпе** (псевдонимъ *Лазаря Константиновича* **Попова**, р. 1851), который, сообразно требованіямъ новаго мѣста, повелъ ожесточенную войну съ дарвинизмомъ и прочими теоріями научнаго позитивизма.

Въ ряду этихъ выходцевъ есть только одно исключеніе—талантливый фельетонистъ *Александръ Валентиновичъ* **Амфитеатровъ** (р. 1864). Онъ больше по легкомыслію и отсутствію въ обществѣ яркихъ настроеній, чѣмъ по органическому сродству, примкнулъ къ „Новому Врем.“ и уже въ концѣ 90-хъ гг. рѣзко порвалъ съ нимъ всякія связи, для того, чтобы въ „Россіи“ и затѣмъ въ „Руси“, а въ наши дни въ заграничномъ „Красномъ Знамени“ выступить горячимъ борцомъ за освободительное движеніе.

Позднѣе, въ концѣ 1890-хъ и въ началѣ 1900-хъ гг. подготовительной школой для „Новаго Времени“ являлась гайдебуровская „Недѣля“

второго періода—тоже въ достаточной степени приспособившаяся къ духу времени, но все-таки, старавшаяся сохранить извѣстнаго рода благопристойность. Изъ „Недѣли“ перекочевали въ „Нов. Время“: фельетонистъ **Сигма** (псевдонимъ *Сергѣя Николаевича* **Сыромятникова**, р. 1864), дѣлавшій было видъ, что ему дороги славянофильскіе идеалы о свободѣ слова и земскомъ соборѣ и затѣмъ окончательно превратившійся въ рептилію; критикъ и публицистъ *Николай Александровичъ* **Энгельгардтъ** (род. 1866), изъ сферы идей своего отца—знаменитаго народника А. Н. Энгельгардта перекочевавшій въ старшины „Русск. Собранія“ и, наконецъ, *Михаилъ Осиповичъ* **Меньшиковъ** (р. 1859). Печально-характерна чудовищная метаморфоза, происшедшая съ этимъ замѣчательно-талантливымъ писателемъ. Сколько симпатій привлекъ онъ къ себѣ, когда въ началѣ 90-хъ гг. выступилъ въ „Недѣлѣ“ съ рядомъ блестящихъ статей, въ общемъ отражавшихъ лучшія стороны ученія Толстого. Многимъ, правда, казалась слишкомъ приторной чрезмѣрная кротость Меньшикова, который даже въ притяженіи атомовъ видѣлъ проявленіе міровой любви. Но статьи дышали такимъ благороднымъ идеализмомъ, казалось—столько въ нихъ было желанія отыскать истину и устроить жизнь на истиноевангельскихъ основаніяхъ! И что отъ всего этого осталось съ переходомъ въ „Нов. Время“! Въ настоящее время этотъ евангельскій проповѣдникъ кротости—самый кровожадный изъ современныхъ публицистовъ, съ упоеніемъ воспѣвавшій войну и съ дикимъ ожесточеніемъ защищающій необходимость смертной казни. Ему же принадлежитъ пальма первенства въ придумываніи всякихъ репрессій, отъ безсмѣннаго присутствія полиціи въ университетскихъ аудиторіяхъ до самой кровавой расправы съ крамольниками. Но, собственно, не все это еще характерно въ метаморфозѣ Меньшикова. Гораздо характернѣе и для газеты, и для этого теперь самого виднаго ея представителя, что Меньшиковъ сталъ олицетвореніемъ самаго откровеннаго, почти наивнаго въ своей непосредственности оппортунизма, что, рядомъ съ изступленнымъ реакціонерствомъ, тотъ же Меньшиковъ вдругъ заговоритъ не только „либерально“, но прямо радикально, что онъ мѣняетъ всѣ цвѣта спектра, смотря по тому, что возобладаетъ въ данный моментъ—революція или реакція.

И вотъ это-то хамелеонство и было самой тлетворной стороной расцвѣта „Новаго Времени“, развращавшей слабыя и дряблыя натуры.

Говорить серьезно о „направленіи“ газеты было бы смѣшно. Самъ хозяинъ газеты съ добродушнымъ цинизмомъ назвалъ ее „парламентомъ разнообразныхъ мнѣній“.

„Нов. Время“—это россійское „Figaro“, совершенно свободное отъ какого бы то ни было опредѣленнаго міросозерцанія, „проводящее“

только то, что въ данный моментъ угодно власти и той мелко-трусливой, но увы, недавно еще столь многочисленной части публики, которая преклоняется передъ всякою силою, какъ таковой, въ какой бы цвѣтъ она ни была окрашена.

„Не забудемъ тѣхъ безчисленныхъ героевъ, давнихъ и послѣднихъ, что откликались на пророческіе голоса, тѣхъ, чье чистое сердце и душа, и жизнь были принесены въ жерву отечеству и чье заточеніе, мученичество и смерть умилостивили, наконецъ, жестокую нашу судьбу и послали намъ освобожденіе. Вамъ благородные, вамъ разумные, вамъ сильные мы обязаны счастьемъ наступающей достойной жизни Намъ—жизнь, вамъ да будетъ честь и въ памяти потомства вѣчное безсмертіе!“

Откуда эта выдержка? Изъ „Революціонной Россіи“, изъ женевской „Искры“, изъ летучей прокламаціи? Нѣтъ, это цитата изъ перваго № „Нов. Времени“, вышедшаго послѣ 17 октября, когда всѣмъ въ-серьезъ показалось, что старый режимъ рухнулъ навѣки. И, конечно, статью писалъ Меньшиковъ ..

Было бы въ виду этого безусловно-односторонне сваливать вину пышнаго расцвѣта „Новаго Времени“ въ 80-хъ годахъ исключительно на редакцію, состоящую изъ людей, столь „впечатлительныхъ“ и „отзывчивыхъ“ на запросы времени. Виновата, конечно, публика, которая поддерживала. Quel maître, tel valet. Вѣдь вотъ Москва и Земская Россія, оставшіяся вѣрными идеаламъ 60-хъ и 70-хъ гг., въ ту же мрачную годину 80-хъ годовъ создали успѣхъ такому высокочестному органу, какъ „Русск. Вѣд.“, о которыхъ ниже будетъ рѣчь.

Правда, въ той же Москвѣ и въ тѣхъ же 80-хъ гг. народился самый ужасный изъ шантажно-уличныхъ органовъ—„Московскій Листокъ“ бывшаго кабачнаго сидѣльца Пастухова. Продолжали также свою жандармскую дѣятельность „Моск. Вѣд.“. Но „Москов. Листокъ“ обслуживалъ слои, стоящіе внѣ какихъ бы то ни было идейныхъ воздѣйствій, а „Моск. Вѣд.“ никого не обслуживали, такъ какъ, за исключеніемъ обязательныхъ подписчиковъ, тиражъ ихъ былъ совершенно ничтоженъ. Но даже въ самыхъ консервативныхъ сферахъ недавній авторитетъ „Моск. Вѣд.“ совершенно палъ со смертью въ 1886 г. Каткова. Ничтожные преемники ихъ, среди которыхъ особенно-печальною извѣстностью пользуется *Владиміръ Андреевичъ* **Грингмутъ** (р. 1851), постепенно низвели газету, которой прежде, во всякомъ случаѣ, нельзя было отказать въ политическомъ интересѣ, до уровня уличныхъ черносотенныхъ прокламацій. Въ наши дни никакого другого лозунга, кромѣ призыва: „бей“, грингмутовская газета не знаетъ.

Въ 80-хъ и 90-хъ гг. среди грубо-полицейскихъ окриковъ „Моск. Вѣд.“ выдѣлились, однако, голоса двухъ сотрудниковъ, которые стара-

лись перевести постоянно учиняемое газетою жандармское дознаніе на идейную почву и оправдать дикую работу Побѣдоносцевской реакціи общественною пользою. Оба апологета реакціи, какъ водится, тоже были „выходцы". Критикъ *Юрій Николаевичъ* **Говоруха-Отрокъ** (псевдонимъ **Ю. Николаевъ**, род. въ серединѣ 50-хъ гг., † 1896) недавно ходилъ „въ народъ", сидѣлъ нѣсколько лѣтъ въ тюрьмѣ и былъ личнымъ другомъ Михайловскаго. Еще въ началѣ 80-хъ гг. онъ писалъ подвергавшіяся цензурнымъ гоненіямъ повѣсти съ апоѳеозомъ революціоннаго движенія. Но затѣмъ у него произошло непріятное столкновеніе съ харьковскимъ студенчествомъ, и онъ вступаетъ въ яростную борьбу съ кругомъ идей 60-хъ гг. Человѣкъ несомнѣннаго таланта, живого эстетическаго чутья и хорошаго литературнаго образованія, Говоруха, однако, свелъ всю свою работу къ нулю, потому что задался нелѣпою цѣлью доказать, что прогрессивныя стремленія загубили русскую литературу. Полемистъ до такой степени вытѣснилъ въ немъ вдумчиваго критика, что, напр., во всемъ творчествѣ Тургенева онъ видѣлъ одно только подчиненіе моднымъ вліяніямъ; лишь образъ ушедшей въ монастырь Лизы изъ „Дворянскаго Гнѣзда" дѣйствительно „свободно" сложился въ душѣ Тургенева.

Но если, при извѣстномъ запасѣ мягкосердечія, можно отнестись „объективно" къ метаморфозѣ Говорухи-Отрока, то трудно спокойно говорить объ „эволюціи", какъ онъ самъ ее желаетъ формулировать, *Льва Александровича* **Тихомирова** (р. около 1850). Про Говоруху-Отрока въ худшемъ случаѣ можно сказать, что онъ ушелъ въ реакціонную печать, чтобы дать исходъ личному озлобленію. Въ свое время онъ достаточно пострадалъ и съ переходомъ въ ретроградныя изданія едва ли не больше терялъ, чѣмъ выигрывалъ. То ли дѣло Тихомировъ? Вѣдь этотъ человѣкъ былъ однимъ изъ наиболѣе видныхъ членовъ Исполнительнаго Комитета, который декретировалъ смерть Александра II. И будь въ его раскаяніи хоть тѣнь искренности амнистированный Тихомировъ, прикидывающійся теперь богомольнѣйшимъ адептомъ теоріи божественнаго происхожденія царской власти, долженъ былъ бы уйти въ монастырь, принять схиму, словомъ реальнымъ страданіемъ искупить свою безмѣрную, съ его теперешней точки зрѣнія, вину. Но, какъ мы это теперь доподлинно знаемъ изъ опубликованныхъ матеріаловъ по исторіи революціоннаго движенія, Тихомировъ и тогда, когда былъ руководителемъ терроризма, и позднѣе всегда заботливо уходилъ отъ всего, что связано съ опасностью и лишеніями. Изъ бѣдствующаго эмигранта онъ превращается, благодаря своей „эволюціи", въ благоденствующаго журналиста, который, главнымъ образомъ, долженъ „стараться". И онъ „старался" молодцомъ: самодержавіе священно не только для Россіи; и для Ев-

ропы единственное спасеніе въ неограниченной монархіи; для искорененія наклонности русскаго общества къ „соціальнымъ миражамъ“ достаточно завести „умную и сильную полицію“ и т. д. Къ забавнымъ результатамъ привели старанія Тихомирова показать, что и въ области религіозныхъ вопросовъ самостоятельность сужденія есть „самочинство“. Съ негодованіемъ восклицалъ вчерашній свободный мыслитель: „*Всякій смѣетъ представлять себѣ Бога, какъ вздумаетъ*, словно будто въ самомъ дѣлѣ Богъ самъ себя не показываетъ съ начала жизни рода человѣческаго“. И великъ былъ конфузъ, когда даже „Церковн. Вѣстн.“ и „Гражданинъ“ доказали перестаравшемуся холопу, что его чисто-католическое желаніе устранить самосознаніе мірянина есть кощунственное извращеніе основной сущности православія.

Именно съ 80-хъ гг., какъ мы уже подчеркнули, все больше и больше крѣпнутъ „Русск. Вѣдом.“, которымъ слѣдуетъ отвести почетную страницу въ исторіи русской ежедневной печати. До самаго недавняго времени, когда могучій подъемъ освободительнаго движенія измѣнилъ до совершенной неузнаваемости обликъ русской печати, „Рус. Вѣд.“ были единственной газетой, вполнѣ подходящей къ тому высокому типу печатнаго органа, который созданъ лучшими ежемѣсячными журналами. Въ самые мрачные годы безвременья и владычества „улицы“, „Русск. Вѣд.“ никогда не угождали вкусамъ толпы и вмѣсто того, чтобы спуститься до уровня массы читающей публики, старались поднять ее до себя. Это создало имъ въ кругахъ, привыкшихъ къ газетамъ „веселымъ“ и „бойкимъ“, репутацію газеты „скучной“, „профессорской“ и т. п., но не помѣшало получить огромное распространеніе какъ въ самой Москвѣ, такъ и особенно въ центральной и восточной Россіи. Лучшіе круги провинціи воспитались на „Русск. Вѣд.“, и въ этомъ незабвенная заслуга этой газеты передъ освободительнымъ движеніемъ. Во главѣ редакціи стояли *Василій Михайловичъ* **Соболевскій** (р. 1846), изслѣдователь общины проф. *Александръ Сергѣевичъ* **Посниковъ** (род. 1846), одинъ изъ самыхъ выдающихся экономистовъ русскихъ проф. *Александръ Ивановичъ* **Чупровъ** (р. 1842), проф. антропологіи *Дмитрій Николаевичъ* **Анучинъ** (р. 1843), земецъ *Василій Юрьевичъ* **Скалонъ** (1846—1907). Изъ писателей, причастныхъ къ другимъ изданіямъ, на столбцахъ „Русск. Вѣд.“ появлялись въ беллетристическомъ и публицистическомъ отдѣлахъ Боборыкинъ, Короленко, Маминъ, Станюковичъ, Елпатьевскій, Глѣбъ Успенскій, Чеховъ, изрѣдка Салтыковъ и Толстой, Михайловскій (послѣ закрытія „Отеч. Зап.“), Скабичевскій, Милюковъ и др. Ближайшими сотрудниками газеты были: фельетонистъ *Александръ Петровичъ* **Лукинъ** († 1905); изрядно-наивный въ своемъ увлеченіи „великими реформами“ Александра II,

но будившій добрыя чувства въ читателѣ и очень популярный въ публикѣ *Григорій Аветовичъ* **Джаншіевъ** († 1900) авторъ цѣнныхъ историко-литературныхъ статей *Вячеславъ Евгеніевичъ* **Якушкинъ** (р. 1856); блестящій стилистъ проф. исторіи литературы *Алексѣй Николаевичъ* **Веселовскій** (р. 1843); замѣчательный политическій корреспондентъ изъ Берлина, трагически погибшій въ наши дни какъ жертва черносотенства, *Григорій Борисовичъ* **Іоллосъ** (1859—1907); нѣсколько расплывчато, но часто красиво пишущій театральный и литературный критикъ, а также историкъ литературы *Иванъ Ивановичъ* **Ивановъ** (р. 1862) и др. Изъ другихъ органовъ московской печати съ опредѣленной общественной физіономіей слѣдуетъ отмѣтить очень популярный въ 80-хъ гг. „Русскій Курьеръ" *Николая Петровича* **Ланина** (1832—1895), нѣсколько шумливый и наивный, но въ мрачную годину безвременья сыгравшій свою роль въ кругахъ средней публики, для которой „Русск. Вѣд." были слишкомъ серьезны.

И въ сферѣ ежемѣсячной журналистики Москва въ 80-хъ гг. заняла первенствующее положеніе, создавъ самый значительный изъ передовыхъ журналовъ начальныхъ лѣтъ Побѣдоносцевскаго періода—„Русскую Мысль". Въ Петербургѣ, подъ бѣшенымъ напоромъ реакціи, общая, физіономія „толстой" журналистики совершенно измѣнилась, и органы радикальной мысли были задавлены съ рѣдкимъ цинизмомъ и беззастѣнчивостью. „Слово" взяли изморомъ (1881), не утверждая редакторовъ, „Устоямъ" (1882) вырѣзывали по 6 статей въ книжкѣ, для закрытія „Отеч. Записокъ" (1883) Дмитрій Толстой не погнушался прибѣгнуть къ безсовѣстной и глупой лжи: подпись И. К. подъ одной изъ статей была въ правительственномъ сообщеніи по поводу закрытія журнала истолкована какъ иниціалы Исполнительнаго Комитета! „Дѣло" тоже взяли изморомъ, путемъ ареста и ссылки редакторовъ и издателей—Шелгунова и Станюковича. Изъ органовъ оппозиціонной мысли дозволили существовать только одному „Вѣстн. Европы". Выше (стр. 111) уже было отмѣчено, какое достойное положеніе занялъ журналъ, всего менѣе поддавшись вѣяніямъ реакціи. Но, въ общемъ, конечно, „Вѣстн. Евр." представлялъ собою только самое умѣренное крыло русской оппозиціи. Радикальная мысль, такимъ образомъ, была совершенно не представлена въ Петербургѣ. И такъ же, какъ, характеризуя Побѣдоносцевскій періодъ, мы отказывались всю вину реакціоннаго неистовства свалить на правительство, мы и въ исчезновеніи яркаго выраженія русской передовой мысли не можемъ не видѣть проявленія того, что реакціонное настроеніе захватило также общество.

Доказательствомъ служитъ исторія „Сѣвернаго Вѣстника". Основанный въ 1886 г. докторомъ правъ *А. М. Евреиновой*, этотъ, перво-

начально очень блѣдный и политически-безцвѣтный, журналъ вскорѣ привлекъ къ себѣ всѣ лучшія силы „Отеч. Записокъ“, съ Михайловскимъ во главѣ. И, однако, журналъ не имѣлъ солиднаго успѣха, и въ началѣ 1890-хъ гг. перешелъ къ совершенно иной литературной группѣ и сталъ органомъ декадентства и метафизическихъ потугъ.

„Русская Мысль“ далеко не можетъ быть названа органомъ радикальнаго направленія. Основанная въ 1880 г. энтузіастомъ *Сергѣемъ Андреевичемъ* **Юрьевымъ** (1821—88), она до средины 80-хъ годовъ скорѣе была органомъ лѣваго крыла славянофильства. Съ окончательнымъ переходомъ редакціи послѣ смерти Юрьева къ ученому публицисту *Виктору Александровичу* **Гольцеву** (1850—1906), „Р. Мысль“ весьма удачно старается замѣнить закрытыя „Отеч. Записки“, главныя силы которыхъ перешли теперь въ московскій журналъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ отличичительною чертою „Русск. Мысли“ былъ эклектизмъ. На страницахъ ея рядомъ съ писателями радикальными появились произведенія такихъ писателей, какъ Лѣсковъ, Случевскій, Голенищевъ-Кутузовъ, Григорій Данилевскій, которые въ „Отеч. Зап.“, конечно, не отважились бы обратиться. Въ сферѣ теоретической мысли журналъ съ одинаковою готовностью предоставлялъ позднѣе свои страницы и „народникамъ“, и нарождающемуся, „марксизму“ „и экономическому матеріализму“, а также писателямъ, старавшимся примирить оба эти направленія. Въ вопросахъ искусства „Р. Мысль“ старалась (главнымъ образомъ въ статьяхъ Гольцева) примирить требованія идейности и художественности, но вмѣстѣ съ тѣмъ съ начала 90-хъ г.г. присяжнымъ критикомъ журнала былъ такой яркій представитель тенденціозной критики, какъ М. А. Протопоповъ. Благодаря своему эклектизму, „Р. М“ сосредоточила у себя со средины 80-хъ гг. едва ли не всѣ наличныя силы всѣхъ оттѣнковъ русской прогрессивной мысли. Это отсутствіе единства было прямымъ отраженіемъ того, что и въ жизни исчезала недавняя прямолинейность и выдержанность. Подъ нивеллирующимъ вліяніемъ всѣхъ одинаково-душившаго побѣдоносцевскаго гнета, партійная вражда между разными фракціями прогрессивнаго лагеря естественно потеряла свою остроту. Всѣхъ объединяла борьба съ общимъ врагомъ. И если, несмотря на эклектизмъ, „Русск. Мысль“ достигла въ 80-хъ гг. небывалаго до того въ исторіи „толстыхъ“ журналовъ успѣха (до 14.000 подписчиковъ), то именно потому, что и унаслѣдованные журналомъ подписчики радикальныхъ „Отеч. Записокъ“ цѣнили общую окраску журнала. Эта окраска, въ общемъ, была безусловно-боевая, что особенно ярко сказалось въ отмѣченныхъ уже нами нѣсколько разъ „Очеркахъ русской жизни“ ветерана 60-хъ годовъ Шелгунова. Со средины 90-хъ гг. „Русск. Мысль“

болѣе или менѣе отходитъ на второй планъ, и во главѣ ежемѣсячной печати становятся органы съ вполнѣ-опредѣленною окраскою— „Русское Богатство“ и журналы марксистскіе.

Мы уже знаемъ, что ослабленіе общественныхъ стремленій и неудача, постигшая активную борьбу поколѣнія 70-хъ годовъ, всего ярче выразились въ уныломъ творчествѣ Чехова, въ его сумеречныхъ фигурахъ хмурыхъ и кислыхъ неврастенниковъ, безнадежно махнувшихъ рукой и на себя самихъ, и на окружающую ихъ русскую дѣйствительность, и на весь міръ. Это же паденіе интереса къ общественной дѣятельности создаетъ почву, на которой опять расцвѣтаетъ теорія „чистаго“, безпечальнаго искусства, затѣмъ принимающая вызывающую, воинственную форму агрессивнаго декаденства. Выразителями этого стремленія къ „чистому“ искусству явились прежде всего нѣсколько поэтовъ, получившихъ извѣстность въ 80-хъ годахъ. Поэзія талантливѣйшаго изъ нихъ *Константина Михайловича* **Фофанова** (р. 1862) представляетъ собою рѣдкій образчикъ творчества, почти отрѣшеннаго отъ условій мѣста и времени. Онъ живетъ въ своемъ особомъ мірѣ неясныхъ видѣній и смутныхъ настроеній и отдается пѣснопѣнію почти безсознательно, по нѣмецкой эстетической формулѣ „Wie der Vogel singt“. Отдѣльные образы и рифмы какъ бы сами собою у него складываются, и часто стихотворенія у него создаются и обусловливаются не содержаніемъ, а музыкальными особенностями того размѣра, который его въ данный моментъ плѣнилъ. Все это лишаетъ поэзію Фофанова единства и цѣльности, и въ огромномъ большинствѣ случаевъ стихотворенія его—рядъ отдѣльныхъ аккордовъ, звучныхъ и красивыхъ, но не дающихъ, однако, пѣсни. Не сдерживаемое сознательностью нанизываніе звучныхъ риѳмъ привело Фофанова къ небывалому въ исторіи русской поэзіи многописанію, и это совершенно загубило его прекрасное дарованіе. Первоначально очень возбужденное вниманіе читающей публики къ даровитому поэту быстро притупилось и утомилось отыскивать рѣдкіе перлы въ удручающе-огромной массѣ очень слабыхъ пьесъ.

Изящный судебный ораторъ и болѣе красиво, чѣмъ вѣрно и глубоко, оцѣнивающій литературныя явленія критикъ *Сергѣй Аркадьевичъ* **Андреевскій** выступаетъ въ 80-хъ годахъ съ рядомъ стихотвореній и поэмъ, въ которыхъ „красота и меланхолія“ объявляются „единственно-законною“ областью поэзіи. Въ неглубокой меланхоліи Андреевскаго, однако, несравненно больше красиваго любованія, чѣмъ дѣйствительнаго чувства. И по возрасту (р. 1847), и по вліяніямъ, подъ которыми онъ выросъ, Андреевскій почти человѣкъ

60-хъ гг. Подъ впечатлѣніемъ Писаревскаго похода противъ эстетики, онъ даже долго подавлялъ въ себѣ порыванія къ поэтическому творчеству. Но теперь онъ демонстративно заявляетъ, что въ его душѣ „о злобѣ дня—заботы нѣтъ“, онъ воспѣваетъ погоду въ нѣкій „сѣрый понедѣльникъ“, пишетъ даже стихотвореніе, которое такъ и называется „Мадригалъ“, въ которомъ воспѣвается нѣкая восхитительная „рука лилейная, прекрасная безъ колецъ“.

Интересъ къ безразличному искусству создаетъ теперь также успѣхъ замолкшему на весь періодъ 60-хъ и 70-хъ годовъ *Алексѣю Николаевичу* **Апухтину** (1841—1893). Изъ всей обширной области лирики этотъ талантливый поэтъ избралъ себѣ такой крошечной уголокъ, какъ изображеніе любовныхъ чувствъ старѣющаго свѣтскаго человѣка. Но не въ миніатюрности этихъ поэтическихъ владѣній характерность Апухтинской поэзіи. Больше всего Апухтинская любовь поражаетъ своею анемичностью, она даже не нуждается въ раздѣленномъ чувствѣ. И вотъ почему внезапный успѣхъ Апухтина въ 80-хъ гг. очень знаменателенъ. Безкрылая, безличная психологія Апухтинскихъ героевъ—явленіе органически-родственное пассивности толстовщины и чеховскому безволію. Въ восьмидесятыхъ же годахъ окрѣпло „буддійское“, по опредѣленію Владиміра Соловьева, безразличіе графа *Арсенія Аркадьевича* **Голенищева-Кутузова** (род. 1848), дебютировавшаго еще въ срединѣ 70-хъ годовъ, но выдвинувшагося только теперь. Изящная, спокойная, не знающая мятежныхъ исканій муза Голенищева-Кутузова до такой степени чужда злобы дня, что безъ біографическихъ датъ трудно было бы опредѣлить, къ какому времени относится его дѣятельность. Онъ поэтъ интимныхъ настроеній по преимуществу, пѣвецъ красотъ природы и стремленія къ безпечальному успокоенію. Самый стихъ его, ровный и пластичный, исключаетъ всякіе порывы и дышитъ эпическимъ безстрастіемъ. Лучше всего, поэтому, ему удается разсказъ, меньше всего—драматическія положенія, требующія воодушевленія и яркихъ красокъ.

Кромѣ Апухтина, подъ вліяніемъ общаго усиленія вниманія къ поэзіи, въ 80-хъ годахъ возобновляютъ также свою поэтическую дѣятельность *Платонъ Александровичъ* **Кусковъ** (р. 1834) и *Константинъ Константиновичъ* **Случевскій** (1837—1904). Случевскаго высмѣяли въ 60-хъ гг. и совершенно несправедливо. Первыя стихотворенія его привели въ восторгъ такихъ цѣнителей, какъ Тургеневъ и Аполлонъ Григорьевъ. Но преувеличенныя выраженія, въ которыхъ Григорьевъ превозносилъ талантъ Случевскаго, вызвали столь же неумѣренныя нападки вліятельнѣйшей тогда „Искры“, которая начала выуживать у дебютанта неудачныя выра-

женія и сдѣлала его мишенью очень злыхъ и остроумныхъ вышучиваній. Гоненіе „Искры“ болѣзненно подѣйствовало на молодого поэта, и онъ замолчалъ почти на 20 лѣтъ. Теперь онъ воспрялъ духомъ и становится однимъ изъ плодовитѣйшихъ поэтовъ. Позднѣйшія стихотворенія Случевскаго съ эстетической точки зрѣнія въ сущности ниже тѣхъ, которыми онъ началъ. Въ раннихъ вещахъ Случевскаго звучный, красивый стихъ, пластичность образовъ, ясность настроенія давали полное основаніе надѣяться, что изъ него выработается большая поэтическая сила. Въ позднѣйшихъ же произведеніяхъ и стихъ въ общемъ тяжелъ и неуклюжъ, а ясность настроенія смѣнилась того сорта „символизмомъ“ и отвлеченностью, за которыми часто нѣтъ никакого содержанія. Внѣ связи съ обще-русскою жизнью выступаетъ талантливый поэтъ еврейства *Семенъ Григорьевичъ* **Фругъ** (р. 1860). Подъ страшнымъ впечатлѣніемъ погромовъ 1881 г. зародилась мысль о новомъ „исходѣ“, и Фругъ сталъ пѣвцомъ сіонизма. Въ стихахъ его, относящихся къ этому періоду, поэтически-сильно смѣшаны скорбь о пережитомъ горькомъ чувствѣ обиды и вѣра въ лучшее будущее. Позднѣйшая, чрезвычайно-плодовитая, стихотворная дѣятельность Фруга литературнаго интереса не представляетъ.

Изъ поэтовъ съ именемъ въ 80-хъ гг. выступилъ Мережковскій. Но объ этомъ впечатлительномъ писателѣ, поддававшемся самымъ разнообразнымъ вліяніямъ, правильнѣе будетъ говорить въ очеркѣ русскаго модернизма.

Слѣдуетъ затѣмъ отмѣтить **Льдова** (псевдонимъ *Константина Николаевича* **Розенблюма**, род. 1862), поэта съ задатками серьезнаго дарованія въ стилѣ Фета, но совершенно растерявшаго ихъ въ мелкой журнальной работѣ и моветонной полемикѣ съ такими противниками не по зубамъ, какъ Михайловскій, некрасовское вліяніе въ русской поэзіи и т. п.

Ольга Николаевна **Чюмина-Михайлова** (р. 1862) въ 80-хъ гг. обратила на себя вниманіе, преимущественно, какъ талантливая переводчица и только въ наши дни выдвинулась имѣвшими шумный успѣхъ тонко-юмористическими стихотвореніями на политическія темы. Какъ переводчикъ, заслуживаетъ также упоминанія поэтъ-философъ кн. *Дмитрій Николаевичъ* **Цертелевъ** (р. 1852), умѣющій какимъ-то образомъ сочетать изслѣдованія по философіи и работу надъ передачей русской публикѣ „Фауста“ и „Манфреда“ съ самымъ неистовымъ и воинствующимъ ретроградствомъ. Позднѣе—въ концѣ 90-хъ гг, — печальнѣйшую репутацію „истинно-русскаго“ насадителя нагаечной культуры составилъ себѣ своею публицистическою дѣятельностью на Кавказѣ *Василій Львовичъ* **Величко** (1860—1903). Но въ 80-хъ гг. онъ дебютировалъ въ нейтральной

сферѣ „Восточныхъ мотивовъ“, больше, впрочемъ, относящихся къ области гладкаго версификаторства, чѣмъ подлинной поэзіи. Въ значительной степени версификаторомъ, хотя подчасъ блестящимъ, является *Аполлонъ Аполлоновичъ* **Коринѳскій** (р. 1868), въ искуственно-былинномъ стилѣ идеализирующій старину. Появленіе (1886) въ сонмѣ русскихъ поэтовъ великаго князя **Константина Константиновича** (р. 1858), пишущаго подъ иниціалами **К. Р.**, вполнѣ отвѣчало возрожденію „чистаго“ искусства. Полный восторженнаго благоговѣнія предъ антологіей Майкова, онъ полагаетъ, что поэтъ долженъ „плѣняться“

Лишь тѣмъ, что свято, безупречно,
Что полно чистой красоты.

Въ сферѣ беллетристики восьмидесятые годы характеризуются появленіемъ ряда писателей, несомнѣнно одаренныхъ талантомъ, но, тоже несомнѣнно, весьма скромныхъ размѣровъ, обыкновенно чуждыхъ тенденціозности, но и чуждыхъ способности оставить въ читателѣ опредѣленное и яркое впечатлѣніе. Въ общемъ, это литература больше для развлеченія, для наполненія многочисленныхъ иллюстрированныхъ, „семейныхъ“ журналовъ, чѣмъ литература, идущая во главѣ духовной жизни своего времени. Въ ряду этихъ писателей, обыкновенно столь же легко читаемыхъ, какъ и легко забываемыхъ, вниманіе публики привлекали: талантливый беллетристъ и отлично знающій сцену драматургъ *Петръ Петровичъ* **Гнѣдичъ** (р. 1856); братья Тихоновы, изъ которыхъ *Владиміръ Алексѣевичъ* **Тихоновъ** (р. 1857) извѣстенъ своими веселыми комедіями, неидущими дальше того, чтобы позабавить зрителя; *Алексѣй Алексѣевичъ* **Тихоновъ** (р. 1854), пишущій подъ псевдонимомъ *Лугового*, обратилъ на себя вниманіе интересными историко-бытовыми „параллелями“—„Pollice verso“, но позднѣйшими произведеніями не поддержалъ этого вниманія. *Иванъ Леонтьевичъ* **Леонтьевъ** (р. 1856), пишущій подъ псевдонимомъ **Щегловъ**, выступилъ съ интересными очерками изъ военнаго быта и возбуждалъ одно время серьезныя надежды. Но затѣмъ онъ ударился въ шаржъ, и если еще въ сферѣ комедіи-водевиля его пьесы изъ кавказской „курсовой“ жизни создали ему репертуарный успѣхъ, то тотъ же шаржъ въ позднѣйшихъ беллетристическихъ вещахъ лишилъ ихъ серьезнаго литературнаго интереса. Къ тому же, поддавшись реакціоннымъ вѣяніемъ эпохи, онъ пустился въ 90-хъ гг. въ вышучиваніе тѣхъ литературныхъ кружковъ, подъ вліяніемъ которыхъ создались его лучшія вещи перваго періода, и такимъ образомъ очутился уже въ сферѣ совсѣмъ не литературной. Подавалъ несомнѣнныя надежды и **Муравлинъ** (псевдонимъ князя *Дмитрія Петровича* **Голицына**, р. 1860). Рядъ его вышедшихъ въ 80-хъ гг. романовъ

рисуетъ вырожденіе аристократическихъ родовъ съ незауряднымъ талантомъ. Но затѣмъ онъ отъ своей, хотя и очень односторонней и больше психіатрической, чѣмъ психологической, но все-таки сильной натуралистической манеры перешелъ къ слащавой идеализаціи славянства и старорусской жизни и сошелъ на ничто, если не считать того, что онъ въ наши дни стоитъ во главѣ черносотеннаго „Русскаго Собранія".

Можно было кое-чего ожидать и отъ дѣятельнаго сотрудника „Недѣли" 80-хъ гг. **Дѣдлова** (псевдонимъ *Владиміра Людвиговича* **Кигна**, р. 1856), писавшаго и бойкія критическія статьи, и столь-же бойкіе путевые очерки и разсказы. Но полное отсутствіе какой-бы то ни было руководящей мысли не дали кристаллизоваться этой бойкости въ чемъ-нибудь цѣльномъ и законченномъ и охранить его отъ нехудожественнаго шаржа. Къ тому-же разряду писателей, несмотря на несомнѣнный талантъ, не сумѣвшихъ занять опредѣленнаго положенія въ литературѣ, можно причислить и автора разсказовъ изъ военной жизни **Бѣжецкаго** (псевдонимъ *Алексѣя Николаевича* **Маслова**, р. 1853).

Выступившій въ концѣ 80-хъ гг. *Алексѣй Николаевичъ* **Будищевъ** (р. 1867) по своимъ природнымъ дарованіямъ долженъ былъ бы занять видное мѣсто въ ряду нашихъ новеллистовъ. Но сѣрая растерянность эпохи не дала ему опредѣленнаго взгляда на жизнь. Съ истиннымъ талантомъ и колоритно подмѣчая (не въ плохихъ романахъ своихъ, а въ мелкихъ разсказахъ) отдѣльныя черточки дѣйствительности, Будищевъ не даетъ общаго освѣщенія, не выдерживаетъ даже типичности и быстро сбивается на анекдотъ.

Въ особую группу можно выдѣлить нѣсколькихъ женщинъ-писательницъ, обратившихъ на себя вниманіе въ 80-хъ гг. Несмотря на различіе общественныхъ воззрѣній и стремленій, ихъ объединяетъ то центральное положеніе, которое въ ихъ произведеніяхъ занимаетъ любовь. Внѣ любви и треволненій сердца тускнѣетъ жизнь и для героинь общественно-настроенной *Ольги Андреевны* **Шапиръ** (р. 1850), и для героинь совершенно равнодушной къ общественнымъ интересамъ *Марьи Всеволодовны* **Крестовской-Картавцевой** (р. 1862) и въ особенности для свѣтской куколки „Мимочки"—героини талантливой трилогіи того же имени, создавшей серьезное литературное имя ея автору—**В. Микуличъ** (псевдонимъ *Лидіи Ивановны* **Веселитской**, род. 1857). Изъ другихъ писательницъ 80-хъ гг., больше обѣщавшихъ при дебютѣ, чѣмъ потомъ сдержавшихъ эти обѣщанія, можно еще назвать *Александру Александровну* **Винницкую-Будзіаникъ** (р. 1847), *Александру Станиславовну* **Монтвидъ-Шабельскую** (р. 1845), **Юлію Безродную** (псевдонимъ *Юліи Ивановны* **Яковлевой**, р. 1858), **Ардова** (псевдонимъ *Елены Ивановны* **Бларамбергъ-Апрѣлевой**, р. 1846).

Устойчивѣе оказался талантъ *Валентины Іововны* **Дмитріевой** (р. 1859), написавшей рядъ весьма жизненныхъ очерковъ изъ крестьянской жизни, и *Екатерины Павловны* **Лѣтковой-Султановой** (р. 1856), вдумчиво освѣщающей въ своихъ повѣстяхъ основной мотивъ Чеховскаго періода—трагизмъ безсильной борьбы мыслящей и чуткой личности съ житейской рутиной.

VII.

Начало Возрожденія.

(1890-ые годы).

Прямымъ и органическимъ выраженіемъ перваго, самаго страшнаго періода „Побѣдоносцевскаго“ 25-лѣтія было такъ называемое „декадентство“. И для того, чтобы держаться хронологическихъ рамокъ, намъ бы слѣдовало теперь дать характеристику этого ядовитаго пустоцвѣта. Но дѣло въ томъ, что за короткое время своего существованія то, что у насъ огуломъ принято опредѣлять словомъ „декадентство“, претерпѣло существеннѣйшія измѣненія. Привлекши къ себѣ, благодаря своему исканію новыхъ литературныхъ путей, молодыя силы, „декадентство“ преобразилось до неузнаваемости и создало теченіе, во всякомъ случаѣ яркое и, слѣдовательно, литературно-интересное. Этотъ второй періодъ мы предлагаемъ характеризовать терминомъ „русскій модернизмъ“. Непремѣнно „русскій“, потому что въ модернизмъ общеевропейскій тутъ были внесены существенныя отличія.

Характеристика русскаго модернизма не входитъ въ задачи настоящаго обзора, захватывающаго только вторую половину XIX столѣтія. Это составитъ предметъ особой книжки, подготовляемой къ печати. „Декадентство“ генетически неотдѣлимо отъ модернизма и поэтому мы характеристику декадентства переносимъ въ ту же книжку.

Идейное оскудѣніе и ослабленіе въ чуткихъ элементахъ интереса къ высшимъ задачамъ жизни не могли длиться долго. Печальный моментъ, когда лучшая часть общества, утомленная возбужденіемъ семидесятыхъ годовъ, отчасти разочаровалась въ томъ, что еще такъ недавно казалось святынею, охватываетъ собою не больше перваго десятилѣтія Побѣдоносцевскаго періода. Эпохи самоотверженія часто смѣняются эпохами, когда на первый планъ выступаютъ зоологиче-

скіе инстинкты и жажда наслажденій. Но зоологическіе инстинкты не могутъ долго владѣть обществомъ, основною чертою котораго всегда была жажда къ нравственному совершенствованію и подвигу. И достаточно было первой рельефно вырисовавшейся бѣды—голода 1891 года, чтобы все хорошее опять всплыло наружу и чтобы порывъ къ подвигу снова получилъ могучую, притягательную силу. Картина народныхъ бѣдствій „голоднаго года" разбудила уснувшую совѣсть русскаго общества, и снова зашевелилась рѣшимость освободить родину отъ того порядка вещей, который приводитъ ее къ гибели.

Со свойственною ему чуткостью, П. Д. Боборыкинъ быстро уловилъ нарожденіе новаго настроенія и очень мѣтко охарактеризовалъ его заглавіемъ своего романа „Перевалъ" (1894). Да, то былъ настоящій перевалъ не только черезъ мрачную громаду Побѣдоносцевскаго византійства, но и черезъ болѣе страшную полосу общественной реакціи и апатіи.

Этотъ знаменательный „перевалъ" выразился въ оживленіи радикальной журналистики, въ поворотѣ „толстовства" отъ рабской теоріи непротивленія злу къ уничтожающей критикѣ поповско-буржуазной государственности, но наиболѣе бурнымъ и яркимъ образомъ—въ формѣ „марксизма".

Радикальная журналистика, какъ мы знаемъ, почти заглохла въ 80-хъ годахъ. „Отеч. Зап.", „Дѣло", Слово", отчасти „Устои"—исчезли насильственно, „Сѣв. Вѣстникъ" перваго, радикальнаго періода не имѣлъ должнаго успѣха, успѣхъ „Русск. Мысли" былъ основанъ на ея эклектизмѣ. Но въ 90-хъ годахъ снова создается крѣпкій оплотъ крайней лѣвой русской общественной мысли въ „Русск. Богатствѣ", затѣмъ въ „марксистской" журналистикѣ—„Новомъ Словѣ", „Началѣ", „Мірѣ Божьемъ", „Жизни".

„Рус. Богатство" въ 80-хъ годахъ издавалось *Леонидомъ Егоровичемъ* **Оболенскимъ** (1845—1906), писателемъ очень разностороннимъ—онъ писалъ романы, стихи, статьи критическія, философскія, соціологическія, естественно-научныя, публицистическія—но, въ общемъ, довольно легковѣснымъ. При немъ „Русск. Богатство" было органомъ того оппортунистическаго „народничества", наиболѣе яркимъ выразителемъ котораго слѣдуетъ признать извѣстнаго уже намъ Юзова-Каблица.

Съ начала 1890-хъ гг. „Русск. Богатство" переходитъ къ С. Н. Кривенкѣ, В. П. Воронцову (*В. В.*), К. М. Станюковичу. Затѣмъ во главѣ журнала становятся Михайловскій и Короленко, и журналъ занимаетъ такое же руководящее положеніе, какое въ 1870-хъ годахъ занимали „Отеч. Записки", изъ сотрудниковъ которыхъ входитъ въ редакцію С. Н. Южаковъ, одно время М. А. Протопоповъ

и др. Позиція „Рус. Богатства“ была очень трудная: пришлось вести войну сразу на нѣсколько фронтовъ. Къ обычной борьбѣ теперь прибавилось ожесточенное ратоборство съ совершенно-неожиданными врагами—декадентствомъ и марксизмомъ. Неожиданными, потому что эта „литературная смута“, по несовсѣмъ удачному опредѣленію Михайловскаго, только въ декадентствѣ органически была связана съ реакціею. Марксизмъ же, какъ къ нему ни относиться, былъ несомнѣнно движеніемъ, которое всецѣло смотрѣло впередъ, а никакъ не назадъ. Борьба съ марксизмомъ была, конечно, войной съ братьями—въ этомъ-то и неожиданность ея.

Главная тяжесть борьбы выпала на долю Михайловскаго уже потому, что на него, главнымъ образомъ, была направлена атака „литературной смуты“. Михайловскій выдержалъ борьбу съ рѣдкимъ мужествомъ и энергіею, и если въ чемъ сказалось неблагопріятно это ратоборство, такъ только въ томъ, что онъ больше не давалъ цѣльныхъ соціологическихъ и критическихъ работъ и весь ушелъ въ полемику.

Но, кромѣ Михайловскаго, „Русск. Богатство“ выдвинуло рядъ другихъ талантливыхъ защитниковъ программы революціоннаго движенія 70-хъ годовъ. Однимъ изъ самыхъ видныхъ и симпатичныхъ публицистовъ нашихъ несомнѣнно слѣдуетъ признать *Алексѣя Васильевича* **Пѣшехонова** (р. 1867), у котораго литературный талантъ и глубокая искренность связаны съ превосходнымъ знаніемъ русской жизни. Въ лицѣ чрезвычайно-разносторонняго *Николая Сергѣевича* **Русанова**, вынужденнаго обстоятельствами скрываться подъ всевозможными псевдонимами (**Тарасовъ, Кудринъ, Подарскій** и др.), „Русск. Богатство“ имѣло столь же замѣчательнаго знатока западно-европейской политической жизни и мысли.

Талантливымъ публицистомъ-соціологомъ заявилъ себя стремительный *Викторъ Михайловичъ* **Черновъ**. Тѣсно-примкнувшіе къ „Русск. Богатству“ статистикъ *Николай Ѳедоровичъ* **Анненскій** (р. 1843) и историкъ *Венедиктъ Александровичъ* **Мякотинъ** (р. 1867) заняли крупное положеніе въ рядахъ защитниковъ программы 70-хъ годовъ не столько какъ журналисты, сколько какъ выдающіеся ораторы и политическіе вожди. Анненскій—„мужъ совѣта“ всѣхъ литературныхъ и политическихъ обществъ—въ минуты подъема возвышается до истиннаго паѳоса; Мякотинъ своимъ благороднымъ и никогда не покидающимъ его краснорѣчіемъ при всѣхъ условіяхъ покоряетъ аудиторію. Нѣсколько въ сторонѣ отъ присущаго „Русск. Богатству“ исключительно-политическаго отношенія къ явленіямъ жизни и искусства стоитъ вдумчивый критикъ-эстетикъ *Аркадій Георгіевичъ* **Горнфельдъ** (р. 1867).

Въ беллетристическомъ отдѣлѣ „Русск. Богатства“ цѣлый рядъ писателей впервые дебютировалъ передъ большой публикой. Въ томъ числѣ и такіе, которые черезъ нѣсколько лѣтъ станутъ въ ряды марксизма—Вересаевъ, Чириковъ, Горькій, помѣстившій здѣсь (1895) такую прямо-враждебную народничеству вещь, какъ „Челкашъ“. Но тогда это еще никому не было ясно и всего менѣе самому автору. Болѣе органически изъ дебютантовъ примыкалъ къ „Русск. Бог.“ недавній народникъ-практикъ, пытавшійся „сѣсть на землю“, **Н. Гаринъ** (псевдонимъ *Николая Георгіевича* **Михайловскаго**, 1852—1906). Онъ возбудилъ большія надежды своими очерками дѣтской, гимназической и студенческой жизни, но потомъ значительно поблекъ.

Всего органичнѣе, конечно, была связь журнала съ своеобразною группою писателей, которую можно назвать „сибирскою“, хотя никто изъ нихъ въ Сибири не родился. Къ концу 80-хъ годовъ начинаютъ оживать заживо-погребенные въ карійскихъ рудникахъ и якутскихъ тундрахъ борцы за свободу и дѣлятся своими впечатлѣніями. Раньше другихъ подневольныхъ сибирскихъ этнографовъ выступилъ Короленко. Затѣмъ составили себѣ литературное имя очерками сибирской и тюремной жизни Якубовичъ-Мельшинъ, Елпатьевскій, Танъ, Діонео, отчасти Мачтетъ и др Почти всѣ они—сотрудники „Русск. Богатства“ по преимуществу, а Якубовичъ принадлежитъ „Русск. Богатству“ всецѣло. Мы уже знаемъ, что ни на Короленко, ни на Якубовича перенесенныя лишенія не подѣйствовали угнетающимъ образомъ. Этого нельзя сказать про лирическій талантъ *Сергѣя Яковлевича* **Елпатьевскаго** (р. 1854). Въ противоположность Короленкѣ, на котораго Сибирь произвела такое впечатлѣніе романтически-дикою величавостью своей природы, Елпатьевскій въ своихъ разсказахъ передалъ тоску, которую нагоняетъ сибирское безлюдье, эти тысячи верстъ безъ жилья, „огромное и пустое ничто“—сибирская тайга, а главное—передалъ ужасъ жизни въ тѣхъ „якобы городахъ“ за полярнымъ кругомъ, гдѣ приходилось устраивать свою резиденцію подневольнымъ туристамъ. И въ разсказахъ Елпатьевскаго, и въ разсказахъ **Тана** (псевдонимъ *Владиміра Германовича* **Богораза**, род. 1864) и въ очеркахъ Мачтета и **Діонео** (псевдонимъ *Исаака Владиміровича* **Шкловскаго**; р. 1865, теперь извѣстенъ корреспонденціями изъ Англіи) передъ читателемъ проходитъ рядъ потрясающихъ картинъ жалчайшаго прозябанія въ полярныхъ окраинахъ людей, еще такъ недавно полныхъ силъ и огня. Но нѣтъ силъ выдержать ледяныя объятія грозной, мерзлой тайги, одурманившую атмосферу вонючей якутской юрты, жизнь буквально впроголодь, медленное превращеніе въ полузвѣрей. Могильный холодъ сковываетъ сознаніе, люди сходятъ

съума, принижаются до уровня бродячаго чукчи, убиваютъ себя. Отчаяніе такъ велико, что въ стихахъ того самаго Тана, котораго мы теперь знаемъ, какъ одного изъ самыхъ бодрыхъ писателей современныхъ, мелькала въ эпоху прозябанія въ полярныхъ тундрахъ страшная мысль: да стоитъ ли самая-то свобода того, чтобы столько за нее страдать?

Конечно, эти вспышки отчаянія проходили быстро, лучезарное сіяніе старой жажды подвига снова озаряло затуманенную страданіями душу Но все-таки, какъ ни подходитъ къ „сибирской" литературѣ, даже въ такихъ сравнительно-мажорныхъ ея проявленіяхъ, какъ Короленко и Якубовичъ, это былъ только героизмъ „недобитыхъ бойцовъ", по выраженію Якубовича. И, въ общемъ, психологія людей, оставшихся вѣрными лозунгамъ революціоннаго движенія 70-хъ годовъ, можетъ быть формулирована такъ: „Старая гвардія умираетъ, но не сдается".

Да, не сдается, но и не думаетъ о побѣдѣ.

А вотъ марксизмъ, тотъ только о побѣдѣ и думалъ и ни единой минуты въ ней не сомнѣвался.

Въ совершенно необычныхъ формахъ сказалось въ марксизмѣ это побѣдное чувство, и болѣзненно поражало оно на первыхъ шагахъ старыхъ народолюбцевъ своими лозунгами, звучавшими такъ чуждо и грубо.

Русскій марксизмъ идетъ рука объ руку съ теоріею экономическаго матеріализма, по которому важнѣйшимъ факторомъ исторіи являются исключительно экономическія причины, борьба классовъ и интересовъ. Выведенный Марксомъ, частью умозрительно, на основаніи гегелевской тріады, но, главнымъ образомъ, *исторически*, *эмпирическимъ* путемъ, т. е. изъ наблюденій надъ жизнью *европейскихъ* народовъ, законъ трехъ фазисовъ экономическаго развитія (патріархальный, капиталистическій и соціалистическій) русскими марксистами признается за *естественно-историческій*, т. е. за нѣчто непреложное, повторяющееся неизмѣнно во всѣхъ странахъ. Вотъ почему, несмотря на то, что самъ Марксъ еще въ 70-хъ годахъ сдѣлалъ рядъ оговорокъ для Россіи и призналъ общинно-артельный духъ и экономическій строй русскаго крестьянства такими факторами, которые могутъ привести къ тому, что Россія совсѣмъ и не должна будетъ пройти черезъ тяжелый искусъ капиталистическаго фазиса, русскіе марксисты дали ученію Маркса самое распространительное толкованіе. Они энергически доказывали, что Россія непремѣнно должна пройти черезъ горнило капитализма раньше, чѣмъ въ ней установится экономическій строй, соотвѣтствующій интересамъ широкихъ массъ. А разъ это такъ, разъ капиталистическіе ужасы неизбѣжны, то чѣмъ они скорѣе наступятъ, тѣмъ

лучше. Не мѣшаетъ, слѣдовательно, стать акушерами этого неизбѣжнаго историческаго процесса, помочь капиталистическому строю поскорѣе родиться, устранить остатки стараго патріархальнаго быта, какъ бы они симпатичны сами по себѣ ни были. „Сентиментальное“ народничество пусть увлекается русскою общиною, якобы спасающей народъ отъ обезземеленія, сентиментальные поклонники русской артели пусть усматриваютъ въ ней оплотъ противъ превращенія въ пролетаріевъ. „Трезвое“ же міросозерцаніе не должно дать себя увлечь этимъ непрочнымъ остаткамъ отживающаго быта и должно содѣйствовать скорѣйшему обезземеленію русскаго крестьянина, скорѣйшему уничтоженію всякой самостоятельности кустарнаго производства и скорѣйшему насажденію въ Россіи въ наивозможно-широкихъ размѣрахъ фабрично-заводской промышленности. Фабрика несетъ за собою культуру, фабричный неизбѣжно втягивается въ цивилизацію. Не бѣда, что временно его положеніе при этомъ дѣлается скверным, что онъ изъ якобы „самостоятельнаго“ крестьянина превращается въ бездольнаго пролетарія. Чѣмъ хуже, тѣмъ лучше,—чѣмъ временно хуже въ настоящемъ, тѣмъ скорѣе наступитъ въ будущемъ новый экономическій строй, основанный на реальной *побѣдѣ* рабочаго класса. Исторію дѣлаютъ не великодушныя настроенія, а соотношеніе реальныхъ общественныхъ силъ.

Таковы основныя очертанія русскаго марксизма, которыя, благодаря невозможности высказаться прямо и опредѣленно указать свой идеалъ, на первыхъ порахъ создавали массу недоразумѣній. Формула, которой заканчивалась книга вождя русскаго неомарксизма Струве: „Признаемъ нашу некультурность и пойдемъ на выучку къ капитализму“, взятая сама по себѣ, безъ связи со всѣми скрытыми симпатіями автора вызывала болѣзненное недоумѣніе. Еще болѣе болѣзненно дѣйствовали полемическія выходки противъ Чернышевскаго и вообще стараго демократизма. Задорно смѣялся неомарксизмъ надъ „старичками“ субъективизма, думающими, что настроеніе личности можетъ вести къ измѣненію существующаго строя, пренебрежительно отказывался онъ отъ „наслѣдства шестидесятыхъ годовъ“, злобно насмѣхался надъ идеалистами-народниками, отдающими себя служенію деревнѣ. Получалось впечатлѣніе, что реакція неожиданно пріобрѣла могущественнаго союзника. Произошелъ даже такой курьезъ: цензура и полиція на первыхъ порахъ покровительственно относились къ теоріи, которая, по насмѣшливому опредѣленію консервативнаго публициста Головина-Орловскаго, сводится къ тому, чтобы сидѣть у моря и ждать погоды. Благодаря этому недоразумѣнію, недавно столь строго-преслѣдуемое ознакомленіе русской публики съ идеями Маркса теперь происходило безпрепятственно, и свирѣпая цензура 90-хъ гг. пропу-

скала то, о чемъ раньше и думать нельзя было. Скоро, конечно, это комическое недоразумѣніе разъяснилось, изъ чисто-книжной борьбы марксизма съ народничествомъ выявилось грозное соціалъ-демократическое теченіе, и органы марксизма „Новое Слово“ (1897—98) и „Начало“ (1899) были безжалостно закрыты не за какую-нибудь опредѣленную статью, а за общій духъ. Расчухали, наконецъ, въ чемъ дѣло.

Главными теоретиками русскаго марксизма явились *Георгій Валентиновичъ* **Плехановъ** (р. 1857), *Петръ Бернгардовичъ* **Струве** (р. 1870), въ сферѣ патентованной учености молодой доцентъ политической экономіи *Михаилъ Ивановичъ* **Туганъ-Барановскій** (р. 1865).

Если держаться строго-хронологическихъ рамокъ, то первое яркое выступленіе русскаго марксизма принадлежитъ Струве, выпустившему въ 1894 г. „Критическія замѣтки къ вопросу объ экономическомъ развитіи Россіи“. Другой манифестъ русскаго марксизма— „Къ вопросу о развитіи монистическаго взгляда на исторію. Отвѣтъ гг. Михайловскому, Карѣеву и К°“ **Бельтова** (псевдонимъ Плеханова) вышелъ годомъ позже. Но все-таки отцомъ русскаго марксизма слѣдуетъ, конечно, считать Плеханова, который еще въ 1884 г., вмѣстѣ съ Аксельродомъ, Дейчемъ и Вѣрой Засуличъ, основалъ группу „Освобожденія труда“ и этимъ положилъ основаніе организаціи русской соціалъ-демократіи. По существу между *русскимъ* соціалъ-демократизмомъ, первымъ стройнымъ выраженіемъ котораго были „Наши разногласія“ Плеханова (1884), и русскимъ „марксизмомъ“ разницы почти нѣтъ. Въ марксизмѣ получила только большее развитіе теорія экономическаго матеріализма.

Въ лицѣ Плеханова русская теоретическая мысль выдвинула одного изъ наиболѣе блестящихъ своихъ представителей. Плехановъ— человѣкъ обширной и разносторонней эрудиціи въ области соціально-политическихъ наукъ и философіи, человѣкъ, въ значительной мѣрѣ вульгарнаго, но все- таки яркаго литературнаго таланта и непреклонной послѣдовательности. То, что составляло столь характерную особенность Чернышевскаго и Михайловскаго— ихъ умѣніе путемъ полемическаго и публицистическаго оживленія пріохотить публику къ отвлеченнымъ и научнымъ вопросамъ, въ еще большей степени присуще Плеханову. Одной изъ характерныхъ сторонъ русскаго соціалъ-демократическаго теченія слѣдуетъ, вообще, признать, что оно значительно повысило научный уровень революціоннаго мышленія. Прежде революціонное настроеніе исходило преимущественно изъ области возмущеннаго чувства. А соціалъ-демократія пріучила революціонно-настроеннаго интеллигента къ необходимости научно-политическаго обоснованія своего міросозерцанія. И въ этомъ отношеніи заслуги

Плеханова очень значительны. Но этотъ же рѣзкій переходъ отъ „чувства“ къ „уму“ не могъ не отразиться весьма существенными особенностями соціалъ-демократической литературной манеры вообще и Плеханова въ частности. Лиризма, который составляетъ основную черту русской публицистики, начиная съ Бѣлинскаго, у Плеханова нѣтъ и слѣда. Къ „чувству“ и прочимъ „сентиментальностямъ“ онъ никогда не апеллируетъ, и это, конечно, вполнѣ послѣдовательно для представителя ученія, которое убѣждено, что міромъ правятъ только реальные интересы. Не знаетъ онъ и какихъ бы то ни было колебаній и сомнѣній. Истина у него, очевидно, въ карманѣ, и до самаго послѣдняго времени, когда онъ какъ-то отступилъ отъ прямолинейности, Плехановъ былъ олицетвореніемъ самой непреклонной марксистской „ортодоксіи“, не знающей никакихъ уступокъ и компромиссовъ. При доброжелательномъ отношеніи, можно этою глубиною убѣжденности хоть нѣсколько оправдать неслыханную рѣзкость Плехановской полемики, часто связанную, увы, не только съ пренебрежительнымъ отношеніемъ къ доводамъ противника, но и съ полнымъ ихъ извращеніемъ.

Если до послѣднихъ 2—3 лѣтъ Плехановъ былъ, пользуясь его же собственною терминологіею, олицетвореніемъ „твердо-каменной“ ортодоксіи, то въ такой же степени Струве, напротивъ того, заслуживаетъ высокое званіе искателя истины. Онъ никогда не могъ успокоиться на лонѣ какой-нибудь одной, широкой или узкой идеи, онъ лихорадочно бросался изъ стороны въ сторону. Но это шатаніе имѣло большую цѣнность, потому что въ основѣ его лежала творческая тревога ума вдумчиваго и сердца чуткаго, а главное—ума и сердца мужественнаго, не боявшагося доходить до выводовъ самыхъ враждебныхъ недавнимъ его симпатіямъ. Отсюда постоянное сжиганіе кораблей за собой, отсюда стремительность эволюціи его міровоззрѣнія, переходъ отъ матеріализма къ идеализму, отъ революціонности къ умѣренно-либеральной оппозиціи (періодъ издаванія въ Штутгартѣ, 1903—1905, „Освобожденія“), въ наши дни—столь противорѣчащая общему складу духовнаго существа Струве оппортунистская теорія „реальной политики“. Во все это Струве вноситъ глубочайшую искренность и стремительность, и всегда онъ безстрашно занимаетъ позицію человѣка, навлекающаго на себя самыя ярыя нападки противниковъ.

Глубокая искренность составляетъ также отличительную черту политико-эконома и философа *Сергѣя Николаевича* **Булгакова** (р. 1871), не игравшаго, собственно, большой роли въ исторіи марксизма и выдвинувшагося позднѣе въ качествѣ одного изъ главарей неоидеализма. Эта эволюція, въ связи съ увлеченіемъ теократической

философіей Владиміра Соловьева, приняла у Булгакова форму чисто-религіозную.

Аналогичную эволюцію отъ марксизма къ идеализму и даже прямому мистицизму пережилъ и философъ-публицистъ *Николай Александровичъ* **Бердяевъ** (р. 1874), писатель болѣе блестящій, чѣмъ вдумчивый. Бердяевъ переживаетъ фазисы духовнаго перерожденія безъ того страданія, которое вложили въ свои превращенія Струве и Булгаковъ.

Кромѣ Плеханова и Струве, рядъ экономистовъ—Ильинъ (псевдонимъ позднѣе пріобрѣвшаго громкую извѣстность подъ другимъ псевдонимомъ—**Ленина**—лидера соціалъ-демократизма), Масловъ и мн. др. вели ожесточенную войну съ „народничествомъ". Если въ сферѣ теоретической соціологіи главнымъ объектомъ полемики марксизма былъ субъективизмъ Михайловскаго, то въ области чисто-экономической марксизмъ яростно нападалъ на оптимизмъ *В. В.*, который, какъ мы уже знаемъ (стр. 92), былъ убѣжденъ, что особенности народнаго уклада спасутъ Россію отъ капитализма.

Было бы, однако, великою ошибкою думать, что суть этого ожесточеннаго ратоборства сводилась къ научно-экономическимъ разногласіямъ. Не въ политической экономіи тутъ было дѣло. Интересъ, съ которымъ въ журналахъ читались статистическія и экономическія статьи, лихорадочныя, горящія лица молодежи, переполнявшей залы засѣданій ученыхъ обществъ въ дни докладовъ на экономическія темы, связанныя съ марксизмомъ, раздѣленіе на марксистовъ и народниковъ вплоть до такихъ круговъ, гдѣ едва ли могло быть вполнѣ точное представленіе о научной сторонѣ вопроса, все это показывало, что вопросъ переросъ научныя рамки. Очевидно, было задѣто нѣчто основное, нѣчто очень сокровенное въ общественной психологіи. Дальше, въ статьѣ „Великое Сердце", въ очеркѣ настроеній эпохи Бѣлинскаго, читатель нашей книги найдетъ характеристику гегельянскихъ увлеченій конца 30-хъ гг. Мы тамъ отмѣчаемъ, что на увлеченіи Бѣлинскаго и его друзей гегельянствомъ впервые ярко сказалась та основная черта русскаго усвоенія отвлеченныхъ идей, которая проходитъ красною нитью чрезъ всю нашу духовную жизнь послѣднихъ 60—70 лѣтъ. Въ томъ-то и дѣло, что отвлеченныя идеи никогда не оставались для насъ, дѣйствительно, отвлеченными, а, переходя въ плоть и кровь, быстро переводились на языкъ жизни и становились чѣмъ-то очень конкретнымъ. Поколѣніе сороковыхъ годовъ къ гегелевскому міро-объясненію отнеслось не съ объективымъ любопытствомъ любителей теоретическаго мышленія, а внесло въ усвоеніе гегельянства всю страсть людей, ищущихъ духовной опоры и жаждущихъ найти мѣру вещей. Для нихъ философія стала въ полномъ смыслѣ слова

религіей, не разъ доводившей ихъ до состоянія прямого экстаза. Чисто-научный интересъ отошелъ при этомъ совершенно на второй планъ. „*Мы тогда въ философіи искали всего на свѣтѣ, кромѣ чистаго мышленія*“, говоритъ Тургеневъ въ своихъ воспоминаніяхъ. И это драгоцѣнное свидѣтельство даетъ ключъ не только для правильной оцѣнки философскихъ увлеченій эпохи Бѣлинскаго, весьма мало имѣющихъ общаго съ заправскою философіею. Ту же малонаучную, исключительно жизненную окраску носятъ всѣ дальнѣйшія движенія русской теоретической мысли, вплоть до нашихъ дней. Послѣ Гегеля—французскіе мыслители 40-хъ годовъ; въ 60-хъ годахъ—нѣмецкіе матеріалисты, Дарвинъ, Милль, Бокль; въ 70-хъ и 80-хъ гг.—соціологія; затѣмъ марксизмъ, экономическій матеріализмъ, Нитче—все это не болѣе, какъ отправные пункты. Къ каждой сколько-нибудь яркой научной теоріи русская тоска по правдѣ подходитъ съ запросомъ „какъ мнѣ жить“ и влагаетъ въ нихъ столько жгучаго жизненнаго содержанія, что чисто-научное содержаніе отходитъ совершенно на второй планъ.

И суть марксизма всего менѣе въ политической экономіи, а въ томъ, что въ угнетенной психологіи человѣка Побѣдоносцевскаго лихолѣтья произошелъ тотъ „перевалъ“, о которомъ было сказано въ началѣ главы. Дѣло тутъ въ крупной перемѣнѣ общественной психологіи, въ подъемѣ революціоннаго чувства.

Мы знаемъ, что царило уныніе. Революція, казалось, была сражена надолго, побѣдоносцевщина злобно и нагло торжествовала, общество сбѣжало въ подворотню. Не видно было никакого просвѣта, все было мрачно, тяжело, и усталое поколѣніе 70-хъ годовъ погрузилось въ безнадежное отчаяніе. Началось даже разложеніе среди руководящихъ сферъ движенія, пошло повальное ренегатство, дѣло дошло до дегаевщины и превращенія члена Исполнительнаго Комитета Тихомирова въ апологета самодержавія. Въ смыслѣ активнаго воздѣйствія на ходъ русской исторіи роль поколѣнія 70-хъ годовъ, замученнаго въ каторгѣ и якутскихъ тундрахъ, была сыграна. Для борьбы съ твердынею стараго режима всегда требовалось горячечное возбужденіе, и не меланхолическая психологія „недобитыхъ бойцовъ“ могла дать этотъ экстазъ.

Требовался новый подъемъ духа, и его могла дать только молодость, для которой все преодолимо, которая при всѣхъ условіяхъ находитъ въ своей совѣсти категорическіе императивы броситься въ битву съ силами тьмы.

И вотъ въ этой естественной смѣнѣ усталости и первнаго подъема и былъ историческій смыслъ марксизма, совершенно независимо отъ новаго пониманія того же самаго Маркса, книга котораго была

евангеліемъ и для поколѣнія 70-хъ годовъ. Но, конечно, народившееся новое поколѣніе, которому было противно ныть и отчаиваться, въ которомъ кипѣли молодыя силы, не отказывалось извлечь пользу изъ уроковъ прошлаго. А урокъ этотъ заключался въ томъ, прежде всего, что твердыню самодержавія однимъ героизмомъ взять нельзя. Надо привлечь широкія массы, надо организовать народныя силы, и для этого капитализмъ, создающій фабричную жизнь, не только не помѣха, а, напротивъ того, превосходнѣйшая школа. Фабрика создаетъ культурныя привычки и сознательность. Ergo, да здравствуетъ капитализмъ, какъ естественная переходная ступень къ вожделѣнному будущему, какъ путь привлеченія къ дѣлу освобожденія родины не только отдѣльныхъ героевъ, но и всего обездоленнаго народа.

Но для того, чтобы увѣровать въ такой затяжной способъ, и нужна была молодость, перспектива того, что тебѣ еще предстоитъ долго жить. Революція 70-хъ годовъ уже устала работать для будущаго, а выходившее на арену политической борьбы поколѣніе 90-хъ годовъ дѣлало только первые шаги и было полно силъ. И вотъ въ этой рѣшимости предпринять *долгую* осаду, въ этой молодой готовности довести дѣло до конца и заключается историческій смыслъ марксизма, совершенно независимо отъ политико-экономической подкладки ученія.

Повторяемъ, весь марксизмъ сводится къ замѣнѣ поколѣнія, уставшаго отъ неудачъ, поколѣніемъ свѣжимъ, *къ приливу общественной и революціонной бодрости*, а не къ забавной въ устахъ студентовъ и курсистокъ „борьбѣ классовъ“. Поэтому, какъ ни смотрѣть на марксизмъ, совершенно неоспоримо, что онъ имѣлъ огромное и оздоровляющее значеніе, какъ яркій показатель того, что апатія, овладѣвшая обществомъ подъ вліяніемъ реакціи восьмидесятыхъ годовъ и доведшая его до полнаго индифферентизма, прошла.

На первыхъ порахъ можно было смущаться тѣмъ, что марксизмъ якобы есть апоѳеозъ силы, что онъ знаменуетъ собою какое-то ослабленіе порывовъ самоотверженія. Но вѣдь проповѣдниками обезземеленія народа и превращенія его въ фабричныхъ пролетаріевъ явились не фабриканты и промышленники, а такіе же искренніе радѣтели о благѣ народномъ, какъ и тѣ, которыхъ они упрекаютъ въ сентиментализмѣ. И марксизмъ, слѣдовательно, былъ движеніемъ чисто-идейнымъ и идеалистическимъ, самымъ фактомъ своего существованія представлявшій яркое опроверженіе теоріи экономическаго матеріализма и борьбы классовъ. Такъ же, какъ мнимый матеріализмъ шестидесятыхъ и семидесятыхъ годовъ по существу своему былъ самымъ мечтательнымъ романтизмомъ, такъ и „экономическій матеріализмъ“ девятидесятыхъ годовъ есть продол-

женіе общаго идеалистическаго стремленія лучшей части русскаго общества загладить свою историческую вину передъ народомъ. По остроумному сопоставленію Владиміра Соловьева, русскій матеріализмъ и „нигилизмъ“ говорилъ: „Человѣкъ происходитъ отъ обезьяны, *слѣдовательно*, положимте жизнь нашу за други наши“. Про „экономическій матеріализмъ“ можно сказать въ томъ же родѣ: „Все въ исторіи дѣлается по побужденіямъ экономическимъ, все въ жизни есть борьба интересовъ, *слѣдовательно*, мы, ничего общаго не имѣщіе съ тѣми интересами, за которые ратуемъ, давайте доставимъ имъ торжество и побѣду“.

Оживленіе, внесенное марксизмомъ, выразилось прежде всего въ нарожденіи новыхъ журналовъ, всецѣло посвященныхъ отстаиванію новаго міровоззрѣнія. Изъ нихъ „Новому Слову“ (1897—98), во главѣ котораго стояли Струве и Туганъ-Барановскій, удалось просуществовать съ небольшимъ годъ, „Началу“ (та же редакція) всего нѣсколько мѣсяцевъ (1899). Ихъ мѣсто заняла уже въ 1901 г. задавленная цензурою „Жизнь“, быстро получившая огромное количество подписчиковъ. Это служило показателемъ того, что зашевелился не только писатель, но и читатель. Фактическимъ редакторомъ журнала былъ публицистъ *Владиміръ Александровичъ* **Поссе** (р. 1864). Литературный критикъ „Жизни“ *Евгеній Андреевичъ* **Соловьевъ** (1866—1905; извѣстенъ и подъ псевдонимами *Скриба* и **Андреевичъ**) былъ писатель очень разухабистый, неряшливый вплоть до плагіата, порою вульгарный, но, въ общемъ, все таки, безспорно талантливый не разъ даже прямо блестящій. Марксизмъ далъ опредѣленную нить его писаніямъ, до того довольно хаотичнымъ. Съ увлеченіемъ сталъ онъ анализировать русскую литературу какъ проявленіе борьбы классовъ и сословій и сводилъ все къ смѣнѣ „дворянскаго“ прекраснодушія озлобленіемъ „разночинца“ и къ предчувствію грядущей побѣды у представителей лозунга пролетаріата. Въ это прокрустово ложе марксистской схемы Соловьевъ вгонялъ все разнообразіе отдѣльныхъ писательскихъ темпераментовъ и художественныхъ силъ. Но позднѣе, когда эксцессы марксизма нѣсколько улеглись, Соловьевъ въ своемъ „Опытѣ философіи русской литературы“ (1905) уже опредѣляетъ „господствующую идею нашей литературы какъ аболиціонисткую, освободительную“. Для него теперь „литература — борьба за освобожденіе личности и личнаго начала — прежде всего“. Такимъ образомъ, „борьба классовъ“ какъ будто забыта. Вполнѣ правильно подчеркиваетъ теперь Соловьевъ „подвижничество за народъ“ всей русской интеллигенціи безъ различія „классовъ“.

Органомъ марксизма въ значительной степени былъ и широ-

ко-распространенный „Міръ Божій“, основанный *Александрой Аркадьевной* **Давыдовой** († 1902) и педагогомъ-критикомъ *Викторомъ Петровичемъ* **Острогорскимъ** (1840—1902), Главнымъ дѣятелемъ журнала былъ *Ангелъ Ивановичъ* **Богдановичъ** (1860—1907), ѣдкія „Критическія замѣтки“ котораго одно время заняли мѣсто въ ряду наиболѣе читаемыхъ литературныхъ обозрѣній.

Изъ беллетристовъ марксизма раньше другихъ получили извѣстность *Евгеній Николаевичъ* **Чириковъ** (р. 1864) и **Вересаевъ** (псевдонимъ *Викентія Викентьевича* **Смидовича**, р. 1867). Позднѣе Чириковъ сосредоточивается на психологическихъ разсказахъ и жанровыхъ драмахъ, но выступилъ онъ съ рѣзкимъ вышучиваніемъ народниковъ, которыхъ объявилъ „инвалидами“. Имъ предлагалось выходить „въ отставку“. Народъ уже всего менѣе окруженъ здѣсь ореоломъ; слышится другой призывъ—направить интеллигентные порывы изъ деревни въ городъ, гдѣ зарождается и могуче крѣпнетъ сознательность пролетаріата. Но не просто разочарованіе въ народѣ, а прямое озлобленіе составляетъ содержаніе первыхъ разсказовъ и повѣстей Вересаева. Позднѣе Вересаевъ вызвалъ страшный шумъ въ печати своими „Записками врача“. Самъ врачъ, онъ съ замѣчательною искусностью выставилъ темныя стороны врачебной дѣятельности, съ ея необходимостью всегда принимать опредѣленное рѣшеніе даже въ тѣхъ случаяхъ, когда врачъ и по слабости своихъ познаній, и по безпомощности науки, долженъ однако поступать такъ, какъ будто никакихъ колебаній нѣтъ. Съ тою же безпощадною искренностью Вересаевъ въ первыхъ своихъ разсказахъ обрисовалъ трагедію народническо-настроенной интеллигенціи при столкновеніи съ народнымъ невѣжествомъ. Безъ всякихъ иллюзій отнесся онъ къ народной дикости поставилъ ребромъ страшный вопросъ: да стоитъ ли приносить жертвы для этихъ дикарей? И, на фонѣ извѣстныхъ убійствъ докторовъ въ холеру начала 90-хъ гг., онъ давалъ отвѣтъ отрицательный. Истинное страданіе, съ которымъ давался отвѣтъ, связанный съ отказомъ отъ того, что такъ недавно еще составляло единственный смыслъ жизни,—все это придавало глубокій интересъ произведеніямъ Вересаева и скрашивало слабость чисто-художественныхъ силъ симпатичнаго автора, сплошь да рядомъ сбивавшагося на прямую публицистику.

И Чириковъ и Вересаевъ характеризуютъ собою только первую стадію марксизма, именно поскольку онъ порывалъ съ преклоненіемъ передъ народомъ. Полнымъ же выраженіемъ той бодрости и широты порыва, которыя составляютъ суть марксизма, явился *Алексѣй Максимовичъ* **Пѣшковъ** (р. 1869), достигшій всемірной извѣстности подъ псевдонимомъ **Максимъ Горькій**.

Колоритная біографія этого писателя, поднявшагося съ самаго „дна“ жизни, напоминаетъ волшебную сказку. Исторія литературы не знаетъ примѣровъ такого поразительно быстраго и такого головокружительнаго успѣха, какой выпалъ на долю Горькаго. А самое характерное въ этомъ успѣхѣ — стихійность. Всѣ тѣ, которые обласкали Горькаго при первыхъ шагахъ его на литературномъ поприщѣ, распознали въ немъ лишь *нѣкоторый* талантъ. Никому изъ нихъ и приблизительно не приходило въ голову и самое отдаленное представленіе о томъ, какая судьба ждетъ талантливаго, но „неуравновѣшеннаго“ самородка, которому они болѣе или менѣе снисходительно покровительствовали. И не только покровители Горькаго, но и самъ онъ не имѣлъ и самаго скромнаго представленія о внутренней силѣ своихъ произведеній. Въ автобіографическомъ очеркѣ, составленномъ для литературнаго архива автора настоящей книги, Горькій говорилъ въ самомъ концѣ 1897 г.: „До сей поры еще не написалъ ни одной вещи, которая бы меня удовлетворяла, а потому прозведеній моихъ не сохраняю“. А уже черезъ полгода, выпустивши 2 тома тѣхъ самыхъ „вещей“, которыя и „сохранять“ не стоитъ, Горькій, подобно Байрону, могъ сказать, что въ одно прекрасное утро онъ проснулся знаменитостью. Вопросъ о томъ, кто создалъ эту внезапную популярность, представляетъ очень большой интересъ для характеристики эпохи. Въ томъ-то и дѣло, что сказочный успѣхъ Горькаго создала исключительно публика, доставивъ небывалый книгопродавческій успѣхъ его разсказамъ. Критика не больше какъ похваливала, а восторженно аплодировалъ только читатель.

Успѣхъ Горькаго, конечно, обусловленъ прежде всего тѣмъ, что у него яркое, истинно-художественное дарованіе, которое не рѣшаются отрицать самые злые ненавистники его. Увлекаютъ въ немъ его замѣчательная наблюдательность, замѣчательная колоритность, заражающая читателя свѣжесть воспріятія, необыкновенно высокое развитіе чувства природы, первостепенная мѣткость афоризма. А больше всего увлекала колоритность Горькаго. Жизнь сѣра, и русская въ особенности, но зоркій глазъ Горькаго и жадное стремленіе его скрасить тусклость обыденщины сдѣлали чудеса. Полный романическихъ порываній, Горькій сумѣлъ найти живописную яркость тамъ, гдѣ до него видѣли одну безцвѣтную грязь, и вывелъ передъ изумленнымъ читателемъ цѣлую галлерею типовъ, мимо которыхъ мы прежде совершенно равнодушно проходили, не подозрѣвая, что здѣсь столько захватывающаго интереса. Какъ ярка и интересна Мальва—эта смѣсь безсердечной Карменъ съ русской тоской, и кто-бы подумалъ, чтобы можно было найти такую коло

ритную фигуру на грязномъ, вонючемъ рыбномъ промыслѣ. Какое клокотаніе страстей въ превосходномъ разсказѣ „На плотахъ“, хотя герои его—самые ординарные мужики. Подошедши къ народу не со стороны, не какъ наблюдатель, а какъ человѣкъ, описывающій свое кровное, да просто самого себя со своими порывами, Горькій открылъ намъ das ewig Menschliche и полноправныхъ людей тамъ, гдѣ мы видѣли низшую расу и въ лучшемъ случаѣ снисходительно соглашались признать хотя и „братью“, но „младшую“.

Увлекала затѣмъ въ Горькомъ свѣжесть воспріятія, то, что какъ дурное, такъ и хорошее жизни Горькій чувствуетъ чрезвычайно сильно. Ему „новы всѣ впечатлѣнія бытія“, и это-то сообщаетъ силу его лиризму и даетъ ему душевный подъемъ. Особенно и неизмѣнно воодушевляетъ Горькаго природа. Почти въ каждомъ изъ удачныхъ разсказовъ Горькаго есть прекрасныя и своеобразныя описанія природы. Это необычный пейзажъ, связанный съ чисто-эстетическою эмоціею. Какъ только Горькій прикасается къ природѣ, онъ точно мѣняется, исчезаетъ озлобленіе, онъ весь поддается очарованію какого-то великаго цѣлаго, которое ему всего менѣе кажется безстрастнымъ и равнодушно-холоднымъ. Въ какой бы подвалъ судьба ни забросила героевъ Горькаго, они всегда подсмотрятъ „кусочекъ голубого неба“. Чувство красоты природы захватываетъ Горькаго и его героевъ тѣмъ сильнѣе, что эта красота—самое свѣтлое изъ доступныхъ босяку наслажденій. Стремленіе Коновалова къ бродяжеству имѣетъ основой желаніе видѣть новое и „красоты всякой“. Вотъ почему любовь къ природѣ у Горькаго совершенно лишена сентиментальности, которая всегда есть результатъ извѣстной искусственности. Онъ рисуетъ всегда мажорно, природа его подбодряетъ и даетъ смыслъ жизни. Какъ это ни удивительно для „босяка“, но сплошь да рядомъ Горькій *черезъ красоту приходитъ къ правдѣ*.

Вполнѣ естественно, что въ пору почти безсознательнаго творчества Горькаго и въ самыхъ раннихъ вещахъ его — „Макарѣ Чудрѣ“, „Старухѣ Изергиль“ и др. жажда „красоты всякой“ привела къ тому, что тотъ же Горькій, котораго литературные аристократы обвиняютъ въ оскверненіи литературы грязными картинами „дна“ жизни, вмѣстѣ съ тѣмъ подвергается и упрекамъ въ томъ, что онъ воскресилъ вычурность Марлинскаго. Упрекъ формально вѣренъ, но неправильно освѣщенъ. Дѣло въ томъ, что искренній душевный порывъ къ красотѣ, который Горькій вложилъ въ эту, съ общей точки зрѣнія, литературную фольгу, отнимаютъ у „марлинизма“ его главный недостатокъ всякой вычурности — ея искусственность. А уже прямо силу Горькаго составляетъ

то, что тоже не разъ ставилось ему въ упрекъ—общій налетъ своеобразнаго романтизма и кипѣнія страстей, свойственный всѣмъ его наиболѣе озлобленнымъ героямъ и типамъ. Конечно, Горькій—романтикъ, но это не слабость его, а сила: тутъ-то мы и подходимъ къ главной причинѣ, почему онъ такъ бурно завоевалъ симпатіи изнывшаго отъ гнета сѣрой обыденщины русскаго читателя.

Заражала его гордая и бодрая вѣра въ силу и значеніе личности, отразившая въ себѣ одинъ изъ знаменательнѣйшихъ переворотовъ русской общественной психологіи. Горькій, съ одной стороны,—органическій продуктъ и художественное воплощеніе того индивидуалистическаго направленія, которое приняла европейская мысль послѣднихъ 20—25 лѣтъ. Ничего не значитъ, что герои его разсказовъ „босяки“ и всяческіе отбросы общества. У Пушкина, въ началѣ его дѣятельности, мѣсто дѣйствія—разбойничьи вертепы и цыганскіе таборы. И, однако, это было полнымъ выраженіемъ байронизма, т. е. умственнаго и душевнаго теченія, вышедшаго изъ нѣдръ самыхъ культурныхъ слоевъ самой культурной изъ европейскихъ націй. Нѣтъ поэтому ничего необычайнаго и въ томъ, что устами босяковъ Горькаго говоритъ самая новая полоса европейской и русской культуры. Философія этихъ босяковъ—своеобразнѣйшая амальгама жесткаго нитчеанскаго поклоненія силѣ съ тѣмъ безграничнымъ, всепроникающимъ альтруизмомъ и самопожертвованіемъ, которыя составляютъ основу русскаго демократизма. Изъ нитчеанства тутъ взята только твердость воли, изъ русскаго народолюбія—вся сила стремленія къ идеалу. Въ результатѣ получилось свѣжее, бодрое настроеніе, манящее къ тому, чтобы отстоять свое *я*, не дать злу міра поглотить себя, сбросить ту апатію, которою характеризуется унылая полоса 80-хъ годовъ. Горькій пришелъ въ литературу, когда нытье и половинчатость, нашедшія свое художественное воплощеніе въ „сумеречныхъ“, надорванныхъ герояхъ Чехова уступили мѣсто совсѣмъ иному настроенію, когда страстная потребность жить полною жизнью снова воскресла, а вмѣстѣ съ тѣмъ воскресла и готовность отстоять свои идеалы. Ein rechtes Wort zur rechten Stunde —подходящее слово въ подходящій моментъ, да еще слово колоритное, яркое, художественно-захватывающее—какъ такому счастливому соединенію всѣхъ благопріятныхъ элементовъ литературной удачи не имѣть успѣха самаго ослѣпительнаго.

Приливъ общественной бодрости и страстный порывъ къ полнотѣ жизни, которымъ знаменуется вторая половина 90-хъ годовъ, получили свое опредѣленное выраженіе въ марксизмѣ и, поскольку это доступно художественному творчеству, Горькій - пророкъ его. Вѣрнѣе, впрочемъ, будетъ сказать, что онъ одинъ изъ создателей его,

потому что основные типы Горькаго создались тогда, когда теоретики русскаго марксизма только что формулировали его основныя положенія. Кардинальная черта марксизма—отказъ отъ народническаго благоговѣнія предъ крестьянствомъ, красною нитью проходитъ чрезъ всѣ первые разсказы Горькаго. Ему—пѣвцу безграничной свободы, противна мелко-буржуазная привязанность къ землѣ, и устами наиболѣе яркихъ героевъ своихъ—Пиляя, Челкаша, Сережки изъ „Мальвы"—онъ не стѣсняется даже говорить о мужикѣ съ прямымъ пренебреженіемъ. Одинъ изъ наиболѣе удачныхъ разсказовъ Горькаго „Челкашъ" прямо построенъ на томъ, что романтичный контрабандистъ Челкашъ—весь порывъ и размахъ широкой натуры, а добродѣтельный крестьянинъ—мелкая натуришка, вся трусливая добродѣтель котораго исчезаетъ при первой возможности поживиться. Но еще тѣснѣе связываетъ Горькаго съ марксизмомъ отсутствіе той несомнѣнно-барской сентиментальности, изъ котораго исходило прежнее народолюбіе. Если прежній демократизмъ русской литературы былъ порывомъ великодушнаго отказа отъ правъ и привилегій, то въ произведеніяхъ Горькаго передъ нами яркая „борьба классовъ". Пѣвецъ грядущаго торжества пролетаріата ни мало не желаетъ апеллировать къ старонародническому чувству состраданія къ униженнымъ и оскорбленнымъ. Передъ нами настроеніе, которое само собирается добыть себѣ все, что ему нужно, а не выклянчить подачку. Теперешній порядокъ Горьковскій босякъ, какъ соціальный типъ, сознательно ненавидитъ всею душою. Тоскующій въ условіяхъ сѣрой обыденщины пролетарій Орловъ („Супруги Орловы") мечтаетъ о томъ, какъ „раздробить бы всю землю въ пыль или собрать шайку товарищей или вообще что-нибудь этакое, чтобы стать выше всѣхъ людей и плюнуть на нихъ съ высоты... И сказать имъ: ахъ вы, гады! Зачѣмъ живете? Какъ живете? Жулье вы лицемѣрное и больше ничего". Въ другомъ мѣстѣ онъ собирается всѣхъ „передушить" и, конечно, смѣшно было бы усмотрѣть тутъ опредѣленную угрозу, но ненависть къ существующему строю, конечно, сказалась во всей силѣ. Выдвинутый нѣкогда Бакунинымъ лозунгъ „Die Lust der Zerstörung ist eine schaffende Lust"—страсть къ разрушенію—страсть зиждующая—несомнѣнно, ярко проходитъ чрезъ настроеніе всего творчества Горькаго. Идеалъ его—„буревѣстникъ" изъ написанной ритмической прозой „Пѣсни о буревѣстникѣ". Унылыя и робкія „чайки стонутъ передъ бурей"; не то буревѣстникъ, въ крикѣ котораго страстная „жажда бури". „Силу гнѣва, пламя страсти и увѣренность побѣды слышатъ тучи въ этомъ крикѣ". Буревѣстникъ „рѣетъ смѣло и свободно надъ сѣдымъ отъ пѣны моремъ", всѣ его вожделѣнія сводятся къ одному—„пусть сильнѣе грянетъ буря".

Одна ли „борьба классовъ“ одушевляетъ, однако, Горькаго, какъ и весь марксизмъ вообще?

Вотъ превосходная, коронная пьеса Горькаго „На днѣ“, тѣсно связанная съ его же типами „бывшихъ людей“. Предъ нами опять ночлежка, опять мнимые босяки, ярко и образно философствующіе о смыслѣ жизни. Предъ нами опять лишь внѣшнее несоотвѣтствіе, которое не помѣшало, однако, разбойникамъ Шиллера, пиратамъ Байрона, цыганамъ Пушкина, черкешенкамъ Лермонтова отразить настроеніе цѣлаго всемірно-историческаго теченія. Съ одной стороны, герои пьесы—люди, которыхъ никакъ не причислишь къ сентиментальной породѣ „униженныхъ и оскорбленныхъ“. Они нимало не жаждутъ состраданія, они—принципіальные враги существующаго порядка, работу презираютъ, въ благотворность ея не вѣрятъ. Но, помимо ихъ воли, все существо ихъ проникнуто тоскою по чему-то положительному, хотя бы въ формѣ какого-нибудь красиваго призрака. Центральною фигурою является своеобразный праведникъ, странникъ Лука, создающій цѣлую стройную теорію возвышающаго обмана. Въ лицѣ Луки индивидуализмъ доведенъ до крайнихъ предѣловъ. Все существуетъ постольку, поскольку я тутъ причастенъ. Есть ли Богъ? „Коли вѣришь—есть; не вѣришь,—нѣтъ... Во что вѣришь, то и есть“. Нужна ли истина даже въ смыслѣ простой достовѣрности? Если она разрушаетъ пріятную мнѣ иллюзію—будь она проклята. Сосредоточеніе всего міра въ сознаніи личности получаетъ свое центральное выраженіе въ ставшемъ знаменитымъ изреченіи мнимаго циника Сатина: „Человѣкъ—это звучитъ гордо!“ И яркое сознаніе личности, конечно, составляетъ тотъ Leitmotiw, который проходитъ черезъ всю литературную дѣятельность Горькаго. Но столь же важно для характеристики Горькаго и то, что сознаніе личности тѣснѣйшимъ образомъ связано въ немъ со стремленіемъ къ идеалу. Устами актера изъ „На днѣ“ онъ съ увлеченіемъ повторяетъ стихи: „Честь безумцу, который навѣетъ человѣчеству сонъ золотой“. И въ общемъ, всею совокупностью своей общественно-политической и литературной дѣятельности Горькій входитъ въ исторію литературы какъ человѣкъ, пропѣвшій могучую пѣснь „безумству храбрыхъ“.

Писатель-гражданинъ.

(Письма Н. В. Гоголя. Редакція В. И. Шенрока. Изданіе А. Ф. Маркса. 4 тома. Спб. 1901).

Наступаетъ пятидесятилѣтіе заключительнаго момента одной изъ самыхъ страшныхъ драмъ, какія только знаетъ исторія человѣческихъ страданій. Драмы, тѣмъ особенно страшной, что вся она произошла безъ всякаго внѣшняго повода. Нѣтъ въ ней тѣхъ ударовъ судьбы, которые мы привыкли видѣть, какъ въ драмахъ, созданныхъ воображеніемъ писателей, какъ и созданныхъ самою жизнью и въ необычайности которыхъ сознаніе страдающаго подъ ихъ тяжестью находитъ своего рода утѣшеніе. Въ трагическомъ завершеніи жизни Гоголя весь узелъ драмы былъ въ собственной психологіи страдавшаго, въ томъ, что всю жизнь онъ тосковалъ, всю жизнь метался въ тревожныхъ поискахъ. Мучительно искалъ онъ сначала пути, на которомъ могъ бы выразить всю полноту того, что скопилось у него на душѣ, а затѣмъ съ тою же мукою усомнился, правиленъ ли найденный путь, несмотря на весь блескъ и утѣхи славы, къ которымъ онъ его привелъ.

Есть цѣлый рядъ объясненій гоголевской тоски. Главнѣйшія изъ нихъ сводятъ ее либо къ причинамъ паталого-психіатрическаго свойства, либо къ тому, что Гоголь палъ подъ тяжестью тѣхъ огромныхъ ожиданій, которыя на него возлагали послѣ „Ревизора“ и „Мертвыхъ душъ“ и оправдать которыя онъ не чувствовалъ себя въ состояніи.

Ни одно изъ этихъ объясненій не выдерживаетъ сколько-нибудь серьезной критики, потому что они либо фактически невѣрны, либо скользятъ по поверхности. Особенно поражаетъ своею несостоятельностью весьма, однако, распространенное убѣжденіе, что Гоголь впалъ въ безысходную тоску отъ сознанія своего творческаго безсилія. Это убѣжденіе основывается на томъ, правда, весьма важномъ фактѣ,

что Гоголь собственноручно сжегъ вторую часть „Мертвыхъ душъ". Но при этомъ никто, однако же, не обращаетъ вниманія на ничтожность промежутка, отдѣляющаго выходъ первой части „Мертвыхъ душъ" отъ „Избранной переписки съ друзьями", гдѣ съ такою торжественностью говорилось объ уничтоженіи продолженія великой „поэмы". „Мертвыя души" появились въ 1842 г., „Переписка" въ 1846 г. уже вышла въ свѣтъ, но начата гораздо раньше: первыя письма, вошедшія въ нее, относятся къ 1843 г. Когда же, спрашивается, Гоголь могъ почувствовать такъ ясно свое безсиліе, чтобы впасть отъ сознанія его въ безнадежное отчаяніе? Всякое свое произведеніе Гоголь вынашивалъ долгими годами, безконечно ихъ передѣлывая и даже создавъ цѣлую теорію многолѣтняго „вылеживанія" произведеній въ авторскомъ портфелѣ. У него въ раннихъ годахъ, въ періодъ полнаго расцвѣта творческихъ силъ, были годы, когда онъ почти ничего не писалъ. Таковъ, напримѣръ, весь 1833 годъ. Но онъ отъ этого, однако, не впадалъ въ отчаяніе и подчасъ добродушно самъ подсмѣивался надъ собою въ письмахъ къ близкимъ и только ругалъ свою „лѣнь". А тутъ вдругъ черезъ два-три года, когда еще не остылъ пылъ первыхъ похвалъ, когда еще въ критикѣ ломались копья за и противъ великаго произведенія, Гоголь почему-то долженъ былъ такъ безнадежно-ясно узрѣть свою неспособность оправдать великія ожиданія, чтобы печатно поставить крестъ на всей своей писательской дѣятельности.

Несравненно больше правдоподобія въ попыткахъ медицински-психіатрическаго объясненія гоголевской тоски. Очень можетъ быть, что оно фактически вѣрно, даже оставляя въ сторонѣ соблазнительную теорію сродства генія и ненормальности. Весьма вѣроятно, что въ индивидуальной психо-физической организаціи меланхоличнаго съ самыхъ раннихъ лѣтъ Гоголя было опредѣленное предрасположеніе къ его печальному концу, къ той страшной подавленности, при которой какой-нибудь изступленно-невѣжественный изувѣръ могъ стать полнымъ повелителемъ его исчезающаго сознанія.

Но допустимъ даже полную обоснованность гипотезы психіатрическаго происхожденія безпокойнаго метанія Гоголя и его болѣзненныхъ поисковъ „настоящаго" пути. И все мы не получаемъ тутъ ключа къ пониманію того *разряда* нравственныхъ страданій, которыя съ такою мучительностью преслѣдовали Гоголя цѣлую половину жизни, чтобы не сказать всю. Вѣдь „незримыя міру слезы" душили его грудь и въ эпоху полнаго расцвѣта его „видимаго смѣха", когда еще и помина не было ни о явно-психіатрическихъ проявленіяхъ послѣднихъ лѣтъ, ни объ упадкѣ творческой силы. Почти одновременно съ Гоголемъ умеръ уже всецѣло принадлежащій психіатріи

Батюшковъ, человѣкъ тоже съ очень тонкой душевной организаціей и изящнымъ духомъ. Однако же, въ творчествѣ Батюшкова, за сравнительно незначительными исключеніями, совершенно нѣтъ грустныхъ нотъ, и въ исторіи русской литературы онъ—одинъ изъ самыхъ яркихъ представителей вакхическихъ возгласовъ въ честь любви и наслажденія. Психіатрическое объясненіе, слѣдовательно, ровно ничего не объясняетъ. Оно только указываетъ почву, на которой создается душевная неуравновѣшенность, но нимало не опредѣляетъ ни ея формъ, ни ея проявленій. Даже при явномъ и формальномъ нарушеніи сознательной дѣятельности, не почва является опредѣлителемъ уклоненія отъ нормы, а тѣ сѣмена, которыя въ нее брошены окружающимъ міромъ. Вспомните Гаршинскій „Красный цвѣтокъ", въ одно и то же время и глубоко-реальный и глубоко-символическій, въ одно и то же время и „выдумка" и горькая автобіографическая правда. Красный цвѣтокъ, получившій въ больномъ мозгу героя разсказа такое необычайное значеніе, символизируетъ собою міросозерцаніе всего поколѣнія, къ которому этотъ герой принадлежалъ. Безуміе его заключалось только въ томъ, что онъ представлялъ себѣ такъ удобоисполнимой побѣду надъ зломъ. Но въ самомъ порывѣ, въ страстномъ стремленіи сорвать все зло міра безумный представитель поколѣнія семидесятыхъ годовъ ярко отразилъ собою завѣтныя думы всѣхъ своихъ сверстниковъ.

Свойства гоголевской тоски также переносятъ ее изъ узкой и патологической сферы личнаго недуга, личной меланхоліи въ широкую область общественныхъ настроеній. Великій представитель великаго народа, Гоголь выразилъ въ своей тоскѣ одинъ изъ знаменательнѣйшихъ моментовъ въ исторіи самосознанія этого народа. Будь его тоска его личнымъ недугомъ или свойствомъ, онъ бы ею никого не заразилъ, а если бы кого и заразилъ, то къ невыгодѣ. Но на самомъ дѣлѣ гоголевская тоска по общественномъ и нравственномъ совершенствѣ, подъ конецъ разошедшаяся съ лучшею частью общества въ путяхъ достиженія, но не въ силѣ и свойствахъ самого порыва, явилась творческимъ началомъ всей послѣдующей русской литературы. Велика и славна теперь во всемъ мірѣ русская литература и славна именно своею тоскою по идеалу, тѣмъ, что ей, по гоголевскому возгласу въ одной изъ самыхъ „веселыхъ" его повѣстей, „скучно на этомъ свѣтѣ", доколѣ въ немъ властно царитъ пошлость. Все это идетъ отъ Гоголя, и страннымъ недоразумѣніемъ является часто дебатируемый вопросъ: отъ кого пошла новѣйшая русская литература—отъ Пушкина или отъ Гоголя. Она пошла и отъ того и отъ другого. Въ лицѣ Пушкина подражательная до него русская литература обрѣла свой собственный духовный обликъ, стала по творческой способности наряду съ литературою

самыхъ культурныхъ европейскихъ народовъ. Пушкинъ далъ ей „этотъ чудный, мощный языкъ“, хранить который во всей его неприкосновенности завѣщалъ своимъ преемникамъ цѣлыхъ полвѣка спустя умирающій Тургеневъ, далъ ей недосягаемые до сихъ поръ образцы художественной гармоничности и законченности, наконецъ, вывелъ ее на путь здороваго реализма, идя по которому простота не рискуетъ впасть въ низменность и вульгарность. Въ лицѣ Пушкина литература въ Россіи перестала быть забавою и превратилась въ національное дѣло, въ которомъ сказалась вся мощь народнаго духа. Но Пушкинъ именно выразилъ только полноту силъ. Пушкинъ—это ясная улыбка пробудившагося сознанія своей мощи, радостное ощущеніе переливающейся по всѣмъ жиламъ молодой свѣжей жизни. Но такое довольство не могло долго длиться, какъ не длится долго радостное возбужденіе и въ реальной жизни вошедшаго въ полную силу человѣка. Не замедлили овладѣть лучшею частью молодого русскаго общества и тревога, и мятежное исканіе. Эти порожденія душевной неудовлетворенности были уже чужды Пушкину, какъ выразителю совсѣмъ иной стадіи развитія русскаго духа, какъ человѣку, удивительно-художественная цѣльность котораго была проявленіемъ натуры ясно-созерцательной, стремящейся къ стройности и гармоничности и органически враждебной всякимъ диссонансамъ. Въ этомъ смыслѣ новѣйшая русская литература, съ ея „святымъ недовольствомъ“, съ ея лихорадочною порывистостью, не могла пойти отъ Пушкина. Общій мажорный тонъ пушкинской поэзіи не подходилъ болѣе къ новому настроенію. „Я слезъ хочу, пѣвецъ“, говорила эта новая душевная потребность и, какъ всякое сильное настроеніе, быстро нашла выраженіе въ наиболѣе одаренныхъ представителяхъ своего времени—въ горькомъ смѣхѣ Гоголя и мрачномъ озлобленіи Лермонтова.

Разъ сдвинутая сильнымъ импульсомъ съ той или другой позиціи, общественная мысль не можетъ не дойти до полнаго своего логическаго развитія, если въ основѣ его лежитъ дѣйствительно глубокое чувство. Въ частности по отношенію къ Гоголю, орудіе такой страшной силы, анализъ такой сокрушающей ѣдкости, какой былъ данъ ему въ удѣлъ отъ природы, не могъ не привести къ самымъ разительнымъ результатамъ, какъ только онъ былъ приложенъ къ крупнымъ явленіямъ жизни. Пусть самъ Гоголь испугался своихъ произведеній, пусть онъ по поводу „Ревизора“ увѣряетъ себя и другихъ, что напрасно „частное принимать за общее, случай за правило“ (Письма I, 371). Было поздно. Ударивъ якобы только по „шести чиновникамъ“, бичъ его сатиры въ дѣйствительности ударилъ по всему строю общественно-государственной организаціи. Прокатившись затѣмъ вмѣстѣ

съ Чичиковымъ по Россіи и откопавъ въ этой поѣздкѣ только коллекцію нравственныхъ уродовъ и въ лучшемъ случаѣ Тентетниковыхъ и Маниловыхъ, Гоголь далъ такую пищу общественному анализу, который уже ни къ чему другому не могъ привести, какъ къ сознанію полной несостоятельности такой безотрадной дѣйствительности. Вотъ почему тоска и отчаяніе Гоголя носили въ себѣ творческое начало, вотъ почему онъ навсегда останется дорогъ русской общественной мысли, какъ писатель-гражданинъ по преимуществу.

Задача настоящей статьи извлечь изъ новыхъ матеріаловъ о Гоголѣ, появившихся въ послѣднее время, новыя доказательства того, что духовное существо Гоголя было прямо переполнено гражданскими стремленіями и притомъ вовсе не такъ безсознательно, какъ обыкновенно принято думать.

I.

На первый взглядъ ни къ кому изъ русскихъ писателей не примѣнимо въ такой степени понятіе о безсознательности творчества, какъ къ Гоголю. Относительно большинства другихъ великихъ представителей русскаго слова можно установить прямую и непосредственную связь между ихъ теоретическими воззрѣніями и ихъ художественною дѣятельностью. Возьмемъ опять Пушкина, съ которымъ мы уже сопоставляли Гоголя. Какъ ни „ясенъ“ онъ въ своемъ взглядѣ на міръ и жизнь, но онъ никогда, однако, не оставался безучастнымъ къ тому, что вокругъ него происходило, былъ тѣмъ эхомъ, съ которымъ онъ сравнивалъ поэта. Лира его давала „откликъ“ на „всякій звукъ“, и, въ общемъ мудро-уравновѣшенная, все-таки посылала „отвѣтъ“ не только пѣснѣ „дѣвы за холмомъ“, но и „грохоту громовъ и гласу бури и валовъ“. Вотъ почему было время, когда движеніе, создавшее декабризмъ, находило въ немъ горячаго приверженца. Въ эти годы онъ не только пишетъ рядъ стихотвореній, которыя могли увидѣть свѣтъ лишь многіе десятки лѣтъ спустя, но и все его творчество носитъ необузданный характеръ и состоитъ изъ сочувственнаго изображенія разбойничьей психологіи, изъ прославленія свободы первобытной жизни, изъ проклятій условности цивилизованной жизни и т. п. Но вотъ бурное кипѣніе молодости улеглось, декабризмъ пошелъ на смарку, Пушкинъ изъ вынужденнаго деревенскаго уединенія переходитъ въ высшія петербургскія сферы, и творчество его отливается въ совершенно иныя формы: пишется „Чернь“, „Клеветникамъ Россіи“, наступаетъ періодъ того „объективнаго“ творчества,

которое уже въ самомъ желаніи полнаго отрѣшенія отъ суеты жизни заключало въ себѣ вполнѣ опредѣленную программу.

И если связь теоретическихъ воззрѣній и художнической дѣятельности можно прослѣдить относительно такого представителя „чистой красоты“, какъ Пушкинъ, то что уже и говорить о писателяхъ, которые тѣмъ преимущественно и славны, что отражали всяческіе „моменты“ своего времени и были воплощеніемъ тревожныхъ поисковъ новыхъ идеаловъ. Выросши въ обществѣ Бѣлинскаго, на освободительныхъ началахъ 40-хъ гг., Тургеневъ далъ „Анибаловскую клятву“ бороться съ крѣпостнымъ правомъ и написалъ „Записки охотника“; Толстой—издатель „Ясной Поляны“ и авторъ „Казаковъ“, Толстой—авторъ нравственно-соціальныхъ трактатовъ и Толстой—художникъ послѣднихъ 20 лѣтъ—одно и то же лицо; Достоевскій—авторъ публицистическаго „Дневника писателя“ и Достоевскій—авторъ „Братьевъ Карамазовыхъ“, тоже ни въ чемъ не расходятся. И такъ далѣе, и такъ далѣе.

Но Гоголь-теоретикъ и Гоголь-художникъ какъ-будто два совсѣмъ разныхъ лица, и то настроеніе, которое Гоголь-художникъ создавалъ, Гоголь-мыслитель съ тою же силою разрушалъ. Разрушалъ не только тѣмъ, что общій смыслъ его творчества шелъ въ одну сторону, а теоретическая проповѣдь въ совершенно противоположную, но разрушалъ прямо и непосредственно, посвятивъ всю послѣднюю полосу своей жизни борьбѣ съ собственными произведеніями „Переписка съ друзьями“, какъ объяснялъ авторъ въ предисловіи, для того издавалась, чтобы положить конецъ ложному толкованію его „необдуманныхъ и незрѣлыхъ“ сочиненій, которыя „почти всѣхъ привели въ заблужденіе насчетъ ихъ настоящаго смысла“.

При такомъ, едва ли не единственномъ во всей исторіи литературы, зрѣлищѣ борьбы автора съ собственными произведеніями сама собою рождалась мысль объ инстинктивномъ, почти безсознательномъ творчествѣ. Уже Бѣлинскій, только-что вырвавши Гоголя изъ сердца своего какъ автора „Переписки“, но продолжая его все-таки безконечно любить какъ художника, въ этой безсознательности видитъ единственное объясненіе непримиримаго противорѣчія. Въ печати Бѣлинскій только собирался выяснить такое свое пониманіе гоголевскаго творчества и уже заранѣе мучительно страдалъ при мысли, что цензура помѣшаетъ и что „надо будетъ много говорить не такъ, какъ думаешь“. Но въ длинномъ письмѣ къ Кавелину, которое, какъ всегда у него, больше статья, чѣмъ письмо, онъ категорически заявляетъ: „Что Гоголь дѣйствовалъ безсознательно—это очевидно“. Бѣлинскій даже находитъ тутъ извѣстный законъ: „Коршъ больше чѣмъ правъ, говоря, что всѣ геніи такъ дѣйствуютъ. Я отъ этой

мысли года три назадъ съ ума сходилъ, а теперь она для меня аксіома безъ исключеній".

Въ печати мысль объ инстинктивности творчества Гоголя становится общераспространенной со средины 50-хъ г.г., когда появились первые серьезные матеріалы для біографіи Гоголя и началось изученіе его литературнаго творчества въ связи съ его личностью. Уже первая обстоятельная біографія—книга Кулиша и тѣмъ же Кулишемъ изданныя письма, дали Чернышевскому поводъ устанавливать полную противоположность между безсознательнымъ, глубоко-разрушительнымъ смысломъ произведеній Гоголя и столь же глубокимъ консерватизмомъ его сознательныхъ общественно-политическихъ идеаловъ.

За полвѣка, отдѣляющіе насъ отъ біографіи Кулиша и статей Чернышевскаго, появились цѣлыя горы разныхъ новыхъ біографическихъ матеріаловъ о Гоголѣ и неизданныхъ писемъ его. Все это какъ будто подтвердило освѣщеніе гоголевскаго творчества, впервые ясно формулированное Чернышевскимъ. Послѣдніе годы реакціонной борьбы противъ идей 40-хъ и 60-хъ годовъ принесли нѣсколько попытокъ „оправдать" Гоголя, якобы „оклеветаннаго" Бѣлинскимъ въ его знаменитомъ письмѣ, вызванномъ появленіемъ „Переписки съ друзьями". Но эти попытки, главнымъ образомъ, стремятся только къ тому, чтобы показать, какъ искрененъ былъ Гоголь въ своей книгѣ, какъ правъ былъ онъ, возставая противъ излюбленныхъ „шаблоновъ" либерализма и т. д. Собственно же самого факта полнаго разлада между Гоголемъ, своимъ „горькимъ смѣхомъ" подкопавшимъ весь нашъ „ancien regime", и Гоголемъ, въ „Перепискѣ" провозгласившимъ рядъ византійскихъ идеаловъ, наши новѣйшіе проповѣдники византинизма ни мало не поколебали.

Въ связи съ противоположностью человѣка и художника, Чернышевскій установилъ и тотъ, до сихъ поръ, однако, все еще мало проникшій въ общее сознаніе фактъ, что насквозь пропитанная такимъ мрачнымъ обскурантизмомъ „Переписка" нимало не представляетъ собою какую-то перемѣну фронта, какъ тогда всѣ думали и какъ можно заключить изъ неистово-пламеннаго негодованія Бѣлинскаго. Никакого перелома на самомъ дѣлѣ не было, вплоть до того невыносимо-наставническаго тона и высокомѣрія, которыя возстановили противъ „Переписки" даже общественно-политическихъ единомышленниковъ Гоголя. На самомъ дѣлѣ между теоретическими воззрѣніями Гоголя въ эпоху созданія „Ревизора" и „Мертвыхъ душъ" и принципами, нашедшими выраженіе въ „Перепискѣ", никакой разницы не было. „Переписка", слѣдовательно, создалась по тому же инстинкту, по которому созданы и великія произведенія Гоголя.

И это, въ общихъ только чертахъ высказанное, объясненіе Чер-

нышевскаго на первый взглядъ тоже вполнѣ подтверждается всѣми позднѣе изданными матеріалами о Гоголѣ. Въ нихъ не трудно найти рядъ прямыхъ доказательствъ того, что если бы Гоголь хоть сколько-нибудь предчувствовалъ пріемъ, который встрѣтила его книга, онъ никогда бы ее не издалъ. При всей своей отчужденности отъ міра и искреннемъ желаніи убѣжать отъ него, Гоголь былъ очень практиченъ и никогда сознательно не предпринималъ шаговъ, которые ему вредили. Издавая „Переписку", онъ былъ искренно убѣжденъ, что книга понравится и произведетъ большое и хорошее для автора впечатлѣніе. Неуспѣхъ книги онъ приписывалъ литературнымъ проискамъ, забывая, какой энтузіазмъ возбуждала его литературная дѣятельность именно въ тѣхъ сферахъ, которыя онъ теперь такъ противъ себя возстановилъ. Побужденій и точки зрѣнія Бѣлинскаго онъ прямо не понялъ и свой (частный) отвѣтъ ему свелъ къ вещамъ второстепеннымъ. Въ своей „Авторской исповѣди" Гоголь раздѣляетъ отклики, вызванные „Перепискою", на три разряда: „*Первое*, что книга есть произведеніе неслыханной гордости человѣка, возмнившаго, что онъ сталъ выше всѣхъ своихъ читателей, имѣть право на вниманье всей Россіи и можетъ преобразовать цѣлое общество; *второе*, что книга эта есть твореніе добраго, но впавшаго въ прелесть и въ обольщенье человѣка, у котораго закружилась голова отъ похвалъ, отъ самоуслажденія своими достоинствами, который вслѣдствіе этого сбился и спутался; *третье*, что книга есть произведеніе христіанина, глядящаго съ вѣрной точки на вещи и ставящаго всякую вещь на ея законное мѣсто". Только эти три сорта впечатлѣній и подмѣтилъ Гоголь и протестъ Бѣлинскаго тутъ даже не регистрированъ. Отнюдь не слѣдуетъ въ данномъ случаѣ примѣшивать цензурныя затрудненія. Если бы Гоголя сущность негодованія Бѣлинскаго сколько-нибудь затронула, онъ бы, конечно, нашелъ форму для отвѣта. Кое-что онъ даже и опровергалъ. Такъ, напр., онъ нашелъ возможность въ той же „Авторской исповѣди" мимоходомъ возразить, что онъ не противъ народнаго просвѣщенія. Но возразилъ именно мимоходомъ, вяло, очевидно не заинтересованный. Гоголь всегда считалъ Бѣлинскаго „чудакомъ" и съ извѣстнымъ недоумѣніемъ относился къ его восторженнымъ похваламъ. Теперь онъ взглянулъ на негодованіе Бѣлинскаго съ тѣмъ же самымъ недоумѣніемъ.

Бѣлинскій, какъ мы знаемъ, сначала „съ ума сходилъ" отъ мысли, что всякій геній творитъ безсознательно. Затѣмъ онъ, мало того, что примирился съ этою мыслью, но, со свойственной ему способностью, сейчасъ же все доводить до крайнихъ предѣловъ, пришелъ къ убѣжденію, что безсознательность-то и есть главное отличіе генія отъ

обыкновеннаго таланта. Въ томъ же письмѣ къ Кавелину, которое уже было цитировано, онъ говоритъ:

„Геній—инстинктъ, а потому и откровеніе: бросить въ міръ мысль и оплодотворить ею его будущее, самъ не зная, что сдѣлалъ, и думая сдѣлать совсѣмъ не то. Сознательно дѣйствуетъ талантъ, но за то онъ кастратъ, безплоденъ, своего ничего не родитъ, но зато лелѣетъ, раститъ и крѣпитъ дѣтей генія“.

Съ тѣхъ поръ, какъ написаны эти слова, теорія не то что полной безсознательности творчества, но строгой его зависимости отъ условій, внѣ его лежащихъ, сдѣлала огромныя завоеванія: страшно сузила историческая школа значеніе авторскаго произволенія и сущность писательства сведена къ отражательной способности. Если внѣ условій времени и пространства все еще поставлена самая сила отражательной способности, т. е. размѣры и свойства таланта, то въ содержаніи воспроизводимаго всякій историкъ литературы ищетъ ту незримо въ воздухѣ носящуюся потребность времени, которую всегда нетрудно найти въ каждомъ крупномъ произведеніи, ударившемъ по сердцамъ „съ невѣдомою силой“. Строй теоретическихъ воззрѣній, *лично* принадлежащихъ самому художнику, такимъ образомъ, отходитъ на второй планъ. Съ этой точки зрѣнія разладъ между Гоголемъ-художникомъ и Гоголемъ-мыслителемъ, представляя, конечно, большой интересъ (потому что, какъ мы видѣли изъ вышеприведенныхъ примѣровъ, обыкновенно наблюдается тѣсная связь между творчествомъ писателя и его міросозерцаніемъ), не заключаетъ, однако, въ себѣ никакого непримиримаго противорѣчія.

И все-таки, не по „наукѣ“, а просто „по человѣчеству“, есть что-то глубокообидное въ томъ, что мы не имѣемъ возможности любить одинаково-горячею любовью всю совокупность духовной личности великаго писателя. Грубо выражаясь, выходитъ, что человѣкъ, отъ котораго пошло все то, чѣмъ сильна новѣйшая русская литература, не вѣдалъ, что творилъ. Можемъ ли мы и должны ли мы примириться съ такою постановкою вопроса, уничтожающей все обаяніе, связанное для насъ съ понятіемъ о волшебной силѣ всякаго писателя-творца, открывающаго намъ далекія перспективы тамъ, гдѣ мы, простые читатели, до него никогда ихъ не подозрѣвали, осмысливающаго для насъ явленія, мимо которыхъ мы до него проходили совершенно равнодушно?

Не помнимъ въ точности, кто изъ русскихъ соціологовъ, разбирая разныя теоріи причинности историческихъ явленій, говоритъ и о той „коростѣ“, которою легко могутъ покрыться эти сами по себѣ вполнѣ вѣрныя теоріи. Онъ всецѣло, конечно, присоединяется къ тому, что историческая жизнь есть результатъ разныхъ органическихъ

и непреложныхъ условій. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, спѣшитъ предостеречь почитателей строго „научнаго“ міровоззрѣнія отъ одной ошибки, въ которую такъ легко впасть при чрезмѣрной послѣдовательности. Если, въ самомъ дѣлѣ, все на свѣтѣ такъ причинно, если, такъ сказать, паденіе всякаго волоса съ головы обусловлено цѣлымъ комплексомъ подготовительныхъ условій, то причемъ тутъ окажется живая человѣческая личность, ея стремленіе къ добру и злу и т. д.? Не одинъ ли тутъ шагъ даже до восточнаго фатализма? И вотъ нашъ соціологъ энергично вооружается противъ такого приниженія человѣческой личности и справедливо называетъ всякое желаніе безмолвно покориться предъ историческимъ ходомъ вещей злокачественной „коростой“ на здоровомъ тѣлѣ теоріи исторической причинности. Условія условіями, а живая человѣческая личность, при всѣхъ стѣсненіяхъ „историческихъ условій“, тоже величина самодовлѣющая.

Такой же коростой на здоровомъ тѣлѣ теоріи писательства, какъ отраженіи потребностей времени, намъ представляется взглядъ на одного изъ величайшихъ дѣятелей русской литературы какъ на человѣка, который не вѣдалъ, что онъ творилъ. Думается, что, не опускаясь въ философскія глубины вопроса о сущности творчества и объ элементахъ безсознательности въ немъ, мы должны непремѣнно попытаться найти ясность въ собственной духовной жизни писателя, который внесъ такую ясность въ русское общественное самосознаніе, которому мы обязаны самымъ отчетливымъ анализомъ условій нашего общественнаго быта.

И думается, что усмотрѣть полное единство всей творческой дѣятельности Гоголя и полную сознательность ея совсѣмъ не такъ трудно. Для этого нужно только расширить понятіе о „направленіи“, исходя изъ котораго обыкновенно констатируютъ глубокій разладъ между началомъ и концомъ гоголевскаго творчества, между внутреннимъ смысломъ его произведеній и тѣмъ ужасомъ, съ которымъ онъ позднѣе отъ нихъ открещивался. Можно относиться къ понятію о „направленіи“, какъ къ понятію видовому, и какъ къ понятію родовому. Въ первомъ случаѣ, конечно, задача отысканія единства въ духовной личности Гоголя совершенно безнадежна. Если сводить вопросъ о „направленіи“ только къ подраздѣленію на общественно-политическія партіи, къ консерватизму и либерализму, къ программамъ прогрессивнымъ и реакціоннымъ, къ принципамъ свободнаго мышленія и клерикализму, тогда, несомнѣнно, бездна между Гоголелъ „Ревизора“ и Гоголемъ „Переписки“ будетъ такая, что никакого соединительнаго моста тутъ не перекинешь.

Но когда рѣчь идетъ о томъ, чтобы понять психологію писателя, который такъ мучительно метался всю жизнь, какъ Гоголь, то нельзя

ограничиться однимъ частнымъ, видовымъ понятіемъ, потому что то или другое „направленіе“ можно себѣ усвоить, не мѣняя общаго душевнаго склада своего. Надо подняться до широкаго родового понятія о „направленіи“, не ограничивающагося такою перемѣнною величиною, какъ то или другое отношеніе къ общественно-политическимъ вопросамъ. Надо сосредоточить свое вниманіе на основномъ, позволяемъ себѣ такъ выразиться, *психологическомъ рисункѣ*, на который обстоятельства времени и мѣста накладываютъ только ту или другую краску, не мѣняя, однако, ея сущности и основныхъ очертаній.

Чтобы сдѣлать нашу мысль вполнѣ ясной, возьмемъ писателя, который прямо неистово переходилъ отъ одного общественно-политическаго міросозерцанія къ другому и который тѣмъ не менѣе, по общему признанію, остается единымъ во всѣхъ этихъ своихъ киданіяхъ изъ стороны въ сторону. Мы говоримъ о Бѣлинскомъ. Если нельзя перекинуть никакого соединительнаго моста надъ бездной, отдѣляющей неумолимую язвительность „Ревизора“ отъ елейной покорности „Переписки“, то еще болѣе исключаютъ одна другую отдѣльныя полосы общественно-политическаго міросозерцанія Бѣлинскаго. Не онъ ли изступленно преклонялся предъ всею совокупностью нашего общественно-государственнаго строя 30-хъ годовъ и не онъ ли съ тою же изступленностью поносилъ его черезъ нѣсколько лѣтъ? Слѣдовательно, съ видовой точки зрѣнія отдѣльныхъ міросозерцаній Бѣлинскій есть воплощеніе непримиримыхъ противорѣчій. Но личность его получаетъ полное единство, какъ только мы беремъ родовое понятіе о „направленіи“, какъ о совокупности тѣхъ глубокихъ предрасположеній, съ которыми человѣкъ рождается. Изъ консерватора стать радикаломъ, и наоборотъ,—нетрудно, если мы сколько-нибудь искренно составили себѣ то или другое міросозерцаніе. Жизнь или наука развернула предъ нами новыя стороны, предъ нами открылись другіе горизонты, мы увидѣли ошибочность прежняго своего пониманія вещей и, если міросозерцаніе для насъ не карьерная вывѣска, мы его мѣняемъ, конечно, съ душевною болью и муками, но все-таки всецѣло и радикально.

Но никакіе уроки жизни и исторіи не могутъ измѣнить тѣхъ глубинныхъ основъ, которыя заложены въ человѣка, какъ совокупность темперамента, наслѣдственности и другихъ стихійныхъ элементовъ, а также, конечно, культурныхъ переживаній, и вмѣстѣ создаютъ его природный душевный обликъ. Люди рождаются съ равнодушіемъ къ истинѣ или съ пламеннымъ къ ней стремленіемъ; съ легкою, но перемѣнчивою воспріимчивостью или съ такою, что уже разъ что усвоено, такъ на вѣкъ; съ стремленіемъ къ наслажденію или аскетическими наклонностями; съ жаждою подвига или глубокимъ эгоизмомъ; съ

жизнерадостностью или равнодушіемъ къ благамъ земнымъ; съ органическою потребностью самопожертвованія или столь же органическою неспособностью къ нему. Вотъ что составляетъ, дѣйствительно, основныя черты всякаго человѣческаго характера, которыя подъ вліяніемъ разныхъ условій могутъ принять тѣ или другія формы, но никогда не мѣняются по существу и однѣ только и даютъ вѣрный ключъ къ пониманію душевнаго и духовнаго облика. И стоитъ только понять этотъ, какъ его, кажется, лучше всего назвать, *психологическій рисунокъ* человѣка, чтобы затѣмъ узнать его при всѣхъ измѣненіяхъ, какъ мы узнаемъ общій типъ свѣжаго, безбородаго лица юноши и въ обросшемъ густою бородою возмужаломъ лицѣ зрѣлаго мужа, и въ сморщившихся, изборожденныхъ морщинами чертахъ старика.

Такой психологическій рисунокъ намъ и кажется родовымъ понятіемъ о „направленіи", которое, съ этой точки зрѣнія, можетъ отливаться въ самыя разнообразныя комбинаціи, не теряя своихъ основныхъ свойствъ и не создавая психологической загадки. Съ такой широкой точки зрѣнія общаго психологическаго рисунка выясняется полное единство духовнаго облика Бѣлинскаго, несмотря на всѣ его бурные переходы изъ одной крайности въ другую. Онъ всегда въ нихъ остается тѣмъ же самымъ неистовымъ искателемъ правды, съ одними и тѣми же лозунгами, въ которые онъ, смотря по тому или другому переживаемому фазису *умственнаго* развитія, вкладываетъ разное содержаніе, но которые всегда одинаково настраиваютъ нравственное чувство читателя.

Такое же единство направленія, т. е. *разряда* настроеній, создаваемыхъ писателемъ, мы не преминемъ усмотрѣть и въ духовномъ обликѣ Гоголя, какъ *писателя-гражданина* по преимуществу. Не будемъ только связывать понятіе о гражданскомъ строѣ мысли непремѣнно съ тѣмъ или другимъ опредѣленнымъ, общественно-политическимъ міросозерцаніемъ. Гражданинъ есть тотъ, который въ той или другой формѣ, но страстно и напряженно думаетъ о благѣ родины, ищетъ пути для достиженія этого блага и подчиняетъ всѣ остальныя свои стремленія этому верховному руководящему началу. Такимъ гражданиномъ Гоголь былъ всю свою жизнь. Пусть его произведенія говорятъ одно, а его собственныя комментаріи нѣчто совершенно противоположное—это въ данномъ случаѣ не имѣетъ никакого значенія. Важенъ общій источникъ, изъ котораго рождались и произведенія и позднѣйшее авторское недовольство ими. У Герцена есть превосходное сравненіе для выясненія взаимнаго соотношенія славянофильства и западничества въ моментъ ихъ возникновенія. „У нихъ (славянофиловъ) и у насъ (западниковъ),—говоритъ онъ,—запало съ раннихъ лѣтъ одно сильное, безотчетное, физіологическое, страстное чувство—

безграничной, обхватывающей все существованіе любви къ русскому народу, русскому быту, къ русскому складу ума. *Мы, какъ Янусъ, смотрѣли въ разныя стороны, въ то время, какъ сердце билось одно*". Гоголь-художникъ и Гоголь-теоретикъ совершенно такой же двуликій Янусъ. Пусть обѣ его ипостаси смотрятъ въ разныя стороны, но сердечный порывъ всегда былъ у него тотъ же самый, кругъ интересовъ всегда былъ одинъ и тотъ же. Его не захватываетъ ни любовь, ни семейное счастіе, ни область личныхъ радостей и разочарованій, ни воспроизведеніе обстановки, какъ таковой, не захватываетъ его также почти ничего изъ той сферы интимныхъ настроеній человѣка, которое такъ глубоко волнуетъ всѣхъ другихъ писателей и занимаетъ такое огромное мѣсто даже въ произведеніяхъ такихъ спеціальныхъ ловителей общественныхъ „моментовъ", какъ Тургеневъ, Гончаровъ и др. Сфера интересовъ и воспроизведенія Гоголя почти всегда соціальная, массовая, онъ, за незначительными исключеніями, никогда почти не рисуетъ индивидуальные портреты, а всегда типовые, всегда набрасываетъ широкія картины, со множествомъ лицъ, которыя оттѣняютъ и дополняютъ одно другое. Всякій характеръ у него выясняется не столько самъ по себѣ, сколько по столкновенію съ окружающимъ, всякая личность у него часть общественнаго цѣлаго. Коллективное всегда поглощаетъ въ произведеніяхъ Гоголя индивидуальное. За исключеніемъ почти автобіографическихъ этюдовъ о мукахъ творчества, у Гоголя нѣтъ даже героевъ въ обычномъ смыслѣ. Героями его произведеній всегда являются лица собирательныя, какой-нибудь классъ, какое-нибудь сословіе, какая-нибудь полоса жизни. Даже въ стоящихъ особнякомъ произведеніяхъ Гоголя изъ малороссійской жизни, нимало не сатирическихъ и, слѣдовательно, совершенно свободныхъ отъ общественныхъ задачъ, массовое все-таки выступаетъ на первый планъ. Въ „Вечерахъ на хуторѣ близъ Диканки" нѣтъ ни одного центральнаго лица, и героемъ является весь малороссійскій народнопоэтическій бытъ; въ „Тарасѣ Бульбѣ", несмотря на всю яркую колоритность самого Бульбы, центральное впечатлѣніе даетъ казачество въ его совокупности.

Отъ этого органическаго интереса Гоголя къ общественности одинъ только шагъ къ его тоскѣ по общественному совершенству. Родившись съ душою, въ которую съ дѣтскихъ лѣтъ было заложено стремленіе ввысь, которую именно потому и оскорбляла такъ глубоко грубость и низменность, и вмѣстѣ съ тѣмъ одаренный необыкновенною способностью къ анализу, Гоголь оттого и имѣлъ глаза, такъ широко раскрытые на все пошлое и недостойное. Грубое непониманіе Булгариныхъ и утратившаго чуткость Полевого могли принять

реализмъ Гоголя за любовное копаніе въ грязи. Но въ дѣйствительности Гоголь принадлежалъ къ самымъ экстатическимъ натурамъ своего времени, и болѣзненная жажда идеальнаго, съ родственнымъ пониманіемъ изображенная Гоголемъ въ лицѣ художника Пискарева изъ „Невскаго проспекта“ и художника Черткова въ „Портретѣ“, есть точное изображеніе идеальныхъ порывовъ, волновавшихъ собственную душу автора. Безъ этой страстной жажды высокаго зрѣлище пошлости никогда бы не могло такъ глубоко его задѣвать, не было бы столько послѣдовательности въ томъ неумолимомъ постоянствѣ, съ которымъ Гоголь изображалъ пошлость и отступленіе отъ интересовъ общаго блага. И въ этой-то странной потребности съ одной стороны отыскать все недостойное и вытащить его на свѣтъ Божій для всенародной казни, а съ другой стороны въ глубочайшей скорби о томъ, что пошлость заѣдаетъ міръ, и заключается настоящее „направленіе“ Гоголя. Ему онъ никогда не измѣнялъ и въ этомъ отношеніи психологическій рисунокъ его души былъ всегда одинъ и тотъ же. Пусть онъ ошибался, направляя подъ конецъ жизни поиски спасительныхъ началъ туда, гдѣ ихъ было всего менѣе,—это была только печальная ошибка, ошибка фактическая, но не по намѣреніямъ. И въ обскурантскомъ міровоззрѣніи „Переписки“, и въ его неудачныхъ. съ художественной точки зрѣнія, но глубоко-выстраданныхъ попыткахъ второй части „Мертвыхъ душъ“ дать не только отрицательные. но и положительные типы, столько же глубокой жажды добра, какъ и въ грозной обличительной дѣятельности, положившей начало русскому общественному самосознанію.

И вотъ зададимъ себѣ опять тотъ же самый вопросъ: могла ли душевная дѣятельность такой страшной напряженности, такого послѣдовательнаго направленія ударовъ въ одну точку происходить безсознательно? Могъ ли человѣкъ такой геніальной проницательности, сумѣвшій пробраться даже въ душу какого-нибудь лишеннаго человѣческаго образа Акакія Акакіевича, оказаться невнимательнымъ къ тому, что происходитъ въ его собственной душѣ?

Поищемъ отвѣта на этотъ вопросъ въ только что вышедшихъ подъ редакціей В. И. Шенрока четырехъ убористыхъ томахъ переписки Гоголя, которая прежде была разбросана по многимъ десяткамъ журнальныхъ книжекъ и была почти недоступна сколько-нибудь систематическому ознакомленію.

II.

Письма, изданныя г. Шенрокомъ, не представляютъ собою какой-нибудь полной историко-литературной новинки. Большинство изъ нихъ было уже напечатано. Но, во-первыхъ, не всегда полностью. Особенной кастраціи подверглись письма, появившіяся вскорѣ послѣ смерти Гоголя въ собраніи его сочиненій, вышедшемъ подъ редакціей Кулиша въ 1857 г. (6-томное). Многое, именно все очень интимное было выброшено самимъ редакторомъ, которому надо было считаться съ щепетильностью еще живой тогда матери Гоголя и другихъ его родственниковъ. Но не мало было и такого, что пришлось опустить и по требованію цензуры. Хотя тогда уже наступали „новыя вѣянія", однако надо было поступаться фразами и отдѣльными словами, нецензурность которыхъ теперь уже мудрено понять. Такъ, напр., была изгнана квалификація Петербурга, какъ „чухонскаго города", была выброшена фраза Гоголя, что на открытіе памятника Александу I наѣхало „офицерья и солдатства страшное множество—и прусскихъ, и голландскихъ, и австрійскихъ. Говядина и водка вздорожали страшно". Переписка Гоголя съ его землякомъ Максимовичемъ, промѣнявшимъ каѳедру въ Москвѣ на профессуру въ Кіевѣ, была, очевидно, подвергнута изученію съ точки зрѣнія того щедринскаго сердцевѣда, который открылъ заговоръ съ цѣлью отдѣленія Миргорода отъ Малороссіи. Поэтому не могъ увидѣть свѣта такой возгласъ Гоголя: „Бросьте въ самомъ дѣлѣ кацапію, да поѣзжайте въ гетьманщину" и т. д.

Помимо возстановленія всѣхъ этихъ пропусковъ, изданные г. Шенрокомъ четыре тома Гоголевской переписки имѣютъ тотъ первостепенный историко-литературный интересъ, что хронологическое распредѣленіе какъ бы развертываетъ передъ нами дневникъ великаго писателя и даетъ возможность слѣдить за постепеннымъ нарастаніемъ и обостреніемъ его настроеній.

Переписка начинается съ очень ранняго возраста Гоголя—съ 1820 г., когда 11-лѣтній мальчикъ былъ отправленъ въ Нѣжинскій лицей или „гимназію высшихъ наукъ". Письма Гоголя-мальчика, прежде всего, поражаютъ своею трезвостью и дѣловитостью. Всякій, кто приступаетъ къ изученію ихъ съ обычнымъ представленіемъ о громадной роли безсознательнаго элемента въ духовной жизни Гоголя, не можетъ не быть удивленъ совершеннымъ отсутствіемъ въ нихъ дѣтскости и полною сознательностью. Это тонъ вполнѣ взрослаго человѣка. Правда, встрѣчаются въ нихъ и очень сентиментальныя мѣста,

какъ будто свидѣтельствующія о дѣтской чувствительности. Такъ, напр., въ первыхъ письмахъ изъ Нѣжина онъ самъ же сообщаетъ „дражайшимъ родителямъ“ о чисто-ребяческой плаксивости своей: „Всякій Божій день слезы рѣкой льются, и самъ не знаю отчего, а особливо когда вспомню объ васъ, то градомъ такъ и льются. Прощайте, дражайшіе родители! далѣе слезы мѣшаютъ мнѣ писать“. Въ позднѣйшихъ письмахъ Нѣжинскаго періода несравненно рѣже, но тоже попадаются такія же дѣтски - чувствительныя мѣста, какъ попадаются, впрочемъ, подобныя же сообщенія о „льющихся слезахъ“ и въ письмахъ Гоголя-мужа (Ср., напр., письмо къ Жуковскому отъ 1836 г., I, 383). Но все это имѣетъ свое объясненіе. Во-первыхъ, въ томъ, что письма молодого Гоголя весьма часто были для него упражненіями въ слогѣ и, конечно, въ слогѣ высокомъ, а затѣмъ тутъ сказалась одна изъ существенныхъ сторонъ всего его психологическаго склада. Мы говоримъ о той загадочной смѣси глубочайшей искренности съ хохлацкой хитростью, которую такъ быстро примѣтилъ въ Гоголѣ даже очень любившій его Пушкинъ и которая составляетъ одну изъ основныхъ чертъ его характера. Въ письмахъ Гоголя-отрока эта смѣсь выступаетъ очень ярко. Почти каждое письмо его состоитъ изъ двухъ частей. Сначала идутъ трогательнѣйшія нѣжности и проявленія сыновней любви, нѣжности, безусловно искренней въ основѣ, но всегда на нѣсколько градусовъ надбавленной. А затѣмъ обязательно слѣдуетъ маленькій, но настойчивый постъ-скриптумъ или мимоходомъ брошенная просьба присылки денегъ, книгъ, вещей. И родители, а въ особенности мать, очень любившіе своего „Никошу“, знали эту повадку сына, чѣмъ и объясняется, что они по цѣлымъ мѣсяцамъ не отвѣчали ему на его пересыпанныя нѣжностями просьбы. Вотъ небольшой образчикъ этой своеобразной переписки:

„Дражайшіе родители, папенька и маменька. Долгое молчаніе ваше удивляетъ меня. Не знаю, какая тому причина. Мѣсяца три не получаю отъ васъ извѣстія. Это повергаетъ меня въ горестное уныніе. Я начинаю думать, не случилось ли вамъ какого несчастья (чего сохрани Богъ). Ради Бога, не терзайте меня симъ печальнымъ недоумѣніемъ. Утѣшьте хоть двумя словами...

P. S. Я съ нетерпѣніемъ ожидаю присылки тѣхъ вещей, о которыхъ я васъ просилъ. Прошу васъ покорнѣйше прислать мнѣ для рисованія тонкаго полотна нѣсколько аршинъ“ (I, 20).

Безъ такого рода постъ-скриптума или мимоходной по формѣ, но настоятельной по существу просьбы не обходится почти ни одно письмо молодого лицеиста, какъ рѣдко, впрочемъ, обходится безъ нихъ и вся вообще переписка Гоголя, даже съ интимнѣйшими его друзьями.

Извѣстно, что эта характерная черта гоголевской переписки не разъ уже возстановляла противъ него тѣхъ, кому приходилось ее изучать. На что былъ незлобивый человѣкъ и писатель покойный Орестъ Ѳедоровичъ Миллеръ. Но когда ему пришлось писать вступительную замѣтку къ нѣкоторымъ письмамъ Гоголя, напечатаннымъ въ „Русской Старинѣ“ (1875 г., т. XIV), и когда буквально въ каждомъ изъ этихъ писемъ приходилось имѣть дѣло съ такою схемою: сначала рядъ разсужденій о высокихъ предметахъ, а затѣмъ просьбы или порученія, онъ не вытерпѣлъ и разразился характеристикою, въ которой изчезло всякое доброе чувство къ великому писателю. По этой характеристикѣ Гоголь былъ чѣмъ-то въ родѣ систематическаго вымогателя денегъ и подачекъ всякаго рода. Мы не станемъ теперь останавливаться на искреннемъ негодованіи не только прямодушнаго, но въ данномъ случаѣ и близорукаго въ своей прямолинейности Миллера. Онъ совершенно упустилъ изъ виду, что Гоголь былъ страшно замкнутый въ себѣ и скрытный человѣкъ, и что онъ почти не ощущалъ потребности въ томъ, чтобы съ кѣмъ-нибудь дѣлиться мыслями и впечатлѣніями и кому-нибудь изливать свою душу. Въ огромномъ большинствѣ случаевъ онъ писалъ письма *только* тогда, когда ему что-нибудь нужно было. Неудивительно, слѣдовательно, что въ его письмахъ столько просьбъ и вообще дѣлового. Значительнѣйшая часть его переписки—это дѣловыя просьбы по существу, въ которыхъ все остальное писалось больше для прилику. Не станемъ также теперь останавливаться на квалификаціи этого пріема, которое получаетъ свое правильное освѣщеніе только тогда, когда мы его приведемъ въ связь со всѣмъ существомъ Гоголя, когда мы поймемъ, что Гоголь весь состоитъ изъ смѣси добра и зла, изъ искренности и притворства, изъ подъемовъ и паденій, что онъ, по собственному выраженію, „сгоралъ“ въ поискахъ правды и, вмѣстѣ съ тѣмъ, когда имъ овладѣвали земныя побужденія, былъ весьма себѣ на умѣ. Итакъ, не станемъ пока останавливаться на подыскиваніи надлежащаго объясненія къ дѣловымъ кончикамъ гоголевскихъ писемъ. Извлечемъ пока только изъ этой черты немаловажный-таки доводъ въ пользу основного тезиса нашей статьи, убѣдимся изъ нея лишній разъ, что безсознательность всего менѣе характеризуетъ Гоголя: хитрость и заднія цѣли, во всякомъ случаѣ, исключаютъ безсознательность.

Тонъ взрослаго и дѣлового человѣка, характеризующій письма Гоголя-отрока, особенно поражаетъ въ тѣхъ случаяхъ, когда извѣстная утрата душевнаго равновѣсія никого бы не удивила. Въ апрѣлѣ 1825 года онъ получилъ извѣстіе о смерти отца, смерти неожиданной, потому что обычное недомоганіе Василія Аѳанасьевича не давало никакого повода ожидать столь быстраго конца. Отца своего

Гоголь, несомнѣнно, очень любилъ, и смерть его, какъ мы сейчасъ увидимъ изъ его же собственнаго письма, несомнѣнно, произвела на него потрясающее впечатлѣніе. Но посмотрите, какимъ философомъ ведетъ себя 16-лѣтній лицеистъ, какую огромную способность сдерживать себя проявляетъ онъ при этихъ совершенно необычныхъ условіяхъ. Вотъ замѣчательное и въ высшей степени характерное письмо, которое онъ пишетъ матери и въ которомъ скорѣе является ея старшимъ братомъ, чѣмъ сыномъ:

„Не безпокойтесь, дражайшая маменька! Я сей ударъ перенесъ съ твердостью истиннаго христіанина. Правда, я сперва былъ пораженъ ужасно симъ извѣстіемъ; однако-жъ, не далъ никому замѣтить, что я былъ опечаленъ. Оставшись-же наединѣ, я предался всей силѣ безумнаго отчаянія. Хотѣлъ даже посягнуть на жизнь свою, но Богъ удержалъ меня отъ сего; и къ вечеру примѣтилъ я въ себѣ только печаль, но уже не порывную, которая, наконецъ, превратилась въ легкую, едва примѣтную меланхолію, смѣшанную съ чувствомъ благоговѣнія ко Всевышнему.

Благословляю тебя, священная вѣра. Въ тебѣ только я нахожу источникъ утѣшенія и утоленія своей горести. Такъ, дражайшая маменька, я теперь спокоенъ, хотя не могу быть счастливъ, лишившись лучшаго отца, вѣрнѣйшаго друга, всего драгоцѣннаго моему сердцу. Но развѣ не осталось ничего, что-бъ меня привязывало къ жизни? развѣ я не имѣю еще чувствительной, нѣжной, добродѣтельной матери, которая можетъ мнѣ замѣнить и отца, и друга, и всего, что есть милѣе, что есть драгоцѣннѣе?

Такъ, я имѣю васъ, и еще не оставленъ судьбою. Вы однѣ теперь предметомъ моей привязанности, однѣ, которыя можете утѣшить печальнаго, успокоить горестнаго. Вамъ посвящаю всю жизнь свою. Буду услаждать ваши каждыя минуты. Сдѣлаю все то, что можетъ сдѣлать чувствительный, благодарный сынъ. Ахъ, меня безпокоитъ болѣе всего ваша горесть! Сдѣлайте милость, уменьшите ее, сколько возможно, такъ, какъ я уменьшилъ свою. Прибѣгните такъ, какъ я прибѣгнулъ, къ Всемогущему“... (I, 26).

Болѣе чѣмъ странное впечатлѣніе оставляетъ этотъ столь важный, по вызвавшимъ его обстоятельствамъ, отголосокъ внутренней жизни юноши. При всей несомнѣнно глубоко-искренней религіозности и любви къ матери, сколько тутъ риторическаго элемента и отсутствія непосредственности. Передъ нами какой-то образчикъ мудро-почтительнаго письма изъ письмовника или нравоучительной книжки. Какое отсутствіе какого бы то ни было „лирическаго безпорядка“, какая стройность изложенія, какой подходящій стиль въ этомъ, очевидно, тщательно-обработанномъ и обдуманномъ, скорѣе „посланіи“, чѣмъ просто письмѣ. А въ заключеніе еще обычный постъ-скриптумъ: „Ежели я васъ этимъ не побезпокою и ежели вы можете, то пришлите мнѣ 10 рублей на книгу, которую мнѣ надобно купить, подъ заглавіемъ „Курсъ Россійской Словесности“, ибо у насъ ее проходятъ“. И постъ-скриптумъ-то еще не простой, а съ извѣстнымъ усиленіемъ эффекта, потому что, изложивши свою просьбу о деньгахъ на покупку книги, Гоголь благонравно прибавляетъ: „На свои нужды

мнѣ ничего не надобно". Итакъ, даже въ такой совершенно необычайный и экстренный моментъ жизни разсудочность ярко окрасила собою чистый и непосредственный порывъ.

Но, рядомъ съ разсудочностью и дѣловитостью, отроческія письма Гоголя даютъ намъ возможность заглянуть и въ лучшую часть его души. Мы найдемъ здѣсь и богатѣйшіе доводы для второго тезиса настоящей статьи, для уясненія того, какъ много высоко-гражданскихъ стремленій таилось въ глубинѣ этой всегда задумчивой, всегда серьезной натуры.

Особенности духовнаго существа Гоголя особенно ярко выдѣляются на тускломъ фонѣ лицейскаго быта. Это, въ общемъ, была обстановка удивительно-плоская и ничтожная, которой были чужды какія бы то ни было стремленія ввысь. Между учителями почти ни одного, сколько-нибудь будившаго духъ, между товарищами огромное большинство—люди, которыхъ Гоголь окрестилъ эпитетомъ „существователи"—добрые малые, но очень уже погрязшіе въ малороссійской лѣни и умственной неповоротливости. И Гоголь отчетливо сознавалъ ничтожество этой обстановки и съ тоской писалъ одному изъ немногихъ близкихъ товарищей своихъ—Г. И. Высоцкому, годомъ раньше его кончившему курсъ и уѣхавшему въ Петербургъ:

„Какъ тяжко быть зарыту вмѣстѣ съ созданьями низкой неизвѣстности въ безмолвіе мертвое! Ты знаешь всѣхъ нашихъ существователей, всѣхъ, населившихъ Нѣжинъ. Они задавили корою своей земности, ничтожнаго самодовольствія высокое назначеніе человѣка. И между этими существователями я долженъ пресмыкаться... Изъ нихъ не исключаются и дорогіе наставники наши. Только между товарищами, и то немногими, нахожу иногда кому бы сказать что-нибудь. Ты теперь въ зеркалѣ видишь меня. Пожалѣй обо мнѣ! Можетъ быть, слеза соучастія, отдавшаяся въ твоихъ глазахъ, послышится и мнѣ" (I, 75).

Въ первыхъ строкахъ сейчасъ приведеннаго отрывка мы слышимъ мотивъ, который начинаетъ весьма опредѣленно звучать въ душѣ Гоголя. Имъ начинаетъ овладѣвать странное стремленіе выбиться изъ „низкой неизвѣстности" и „означить свое существованіе въ мірѣ" (I, 89). Мечтая о томъ, какъ онъ будетъ жить въ Петербургѣ, который ему кажется чѣмъ-то волшебнымъ, но попасть куда онъ мало надѣялся, Гоголь съ тоскою восклицаетъ въ письмѣ къ тому же любезному его сердцу Высоцкому:

„Не знаю, сбудутся ли мои предположенія, буду ли я точно живать въ этакомъ райскомъ мѣстѣ, или неумолимое веретено судьбы зашвырнетъ меня съ толпою самодовольной черни (мысль ужасная!) въ самую глушь ничтожности, отведетъ мнѣ черную квартиру неизвѣстности въ мірѣ" (I, 78).

Въ это-то время и народился злосчастный литературный первенецъ Гоголя—идиллія „Ганцъ Кюхельгартенъ", напечатанная два года спустя, но, такъ сказать, выстраданная именно въ эпоху порываній

въ Петербургъ. Покойный Тихонравовъ и г. Шенрокъ въ своихъ „Матеріалахъ для біографіи Н. В. Гоголя“ давно уже подчеркнули автобіографическое значеніе „Ганца Кюхельгартена“, гдѣ, въ формѣ рвущагося уйти изъ мирной домашней обстановки Ганца, Гоголь передалъ свою собственную тоску по болѣе блестящей долѣ. Часто одними и тѣми же, какъ въ письмахъ, словами, выраженіями Ганцъ Кюхельгартенъ восклицаетъ:

Все рѣшено. Теперь ужели
Мнѣ здѣсь душою погибать?
И не узнать иной мнѣ цѣли?
И цѣли лучшей не сыскать?
Себя обречь безславью въ жертву?
При жизни быть для міра мертву!
Душой-ли, славу полюбившей,
Ничтожность въ мірѣ полюбить?
Душой-ли, къ счастью не остывшей,
Волненья міра не испить?
И въ немъ прекраснаго не встрѣтить?
Существованья не отмѣтить?

Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ душѣ Гоголя возникаетъ неопредѣленная, но твердая увѣренность, что ему предстоитъ что-то важное въ жизни. „*Я совершу свой путь въ жизни*“, пророчески пишетъ онъ матери въ послѣдній годъ нѣжинскаго пребыванія, и отсюда его твердое рѣшеніе оставить милую сердцу, уютную, но сонную и погрязшую въ тинѣ ежедневности родную среду.

Въ этихъ порываніяхъ на болѣе широкій просторъ нельзя, конечно, усмотрѣть чего бы то ни было особенно характернаго. Мы имѣемъ тутъ дѣло съ довольно обычнымъ юношескимъ честолюбіемъ и столь же обычнымъ кипѣніемъ юношескихъ силъ, когда полнота созрѣванія и предвкушеніе жизни въ каждомъ человѣкѣ поселяютъ какое-то особое, приподнятое настроеніе и увѣренность, что предстоитъ что-то большое, свѣтлое, хорошее.

Но присмотримся не только къ источнику, но и къ содержанію гоголевскихъ порываній уйти изъ ничтожества родного быта, и мы сразу встрѣчаемся съ чѣмъ-то совершенно необычнымъ. Этотъ юноша, вышедшій изъ среды, гдѣ всякій погруженъ только въ животныя заботы о самомъ себѣ, это, вѣроятно, близкій родственникъ Аѳанасія Ивановича и Пульхеріи Ивановны, этотъ сосѣдъ Ивана Ивановича и Ивана Никифоровича видитъ свое счастье исключительно въ дѣятельности общественно-государственной. Чѣмъ-то безконечно-чуждымъ всей воспитавшей его средѣ отзывается фраза въ письмѣ Гоголя къ матери: „Во снѣ и на-яву мнѣ грезится Петербургъ съ нимъ вмѣстѣ и служба *государству*“ (I, 58). Добрая матушка Гоголя, вѣ-

роятно, въ первый разъ и съ понятіемъ такимъ выспреннимъ знакомилась. „Государство“! Всякій понималъ „службу“, чтобы выслужиться, „устроить свою судьбу“. Но мечтать о службѣ какому-то „государству“ могли только пустые люди, какъ это съ полною очевидностью явствуетъ изъ нижеприводимаго замѣчательнаго письма Гоголя къ Косяровскому. Здѣсь Гоголь прямо заявляетъ, что не рѣшался дѣлиться съ кѣмъ бы то ни было своими завѣтными мечтами о служеніи „благу государства“. Кому бы я повѣрилъ и для чего-бы выказалъ себя? Не для того ли, чтобы смѣялись надъ моимъ сумасбродствомъ, чтобы считали пылкимъ мечтателемъ, пустымъ человѣкомъ?“ (I, 89). Но стремленіе служить высшимъ интересамъ до такой степени овладѣваетъ Гоголемъ въ эпоху порываній въ Петербургъ, т. е. въ 1827 году, что въ той или другой формѣ оно сказалось почти во всѣхъ письмахъ, относящихся къ этому году. Разсказывая Высоцкому о томъ, что многіе изъ товарищей, собиравшіеся въ Петербургъ, испугались свѣдѣній о петербургской дороговизнѣ и „навостряютъ лыжи обратно въ скромность своихъ недальнихъ чувствъ и удовольнились ничтожностью, почти вѣчною“, Гоголь затѣмъ прибавляетъ: „*Хорошо, ежели они обратятъ свои дѣла для пользы человѣчества.* Хотя въ самой неизвѣстности пропадутъ ихъ имена, но благодѣтельныя намѣренія и дѣла освятятся благоговѣніемъ потомковъ...“ (I, 79). Вскорѣ затѣмъ Гоголь пишетъ матери коротенькое письмецо въ 14 строкъ, но и тутъ, скорбя о томъ, что не можетъ пріѣхать на Рождество домой изъ-за выпускныхъ экзаменовъ, ощущаетъ потребность дать выходъ переполняющему его чувству:

„Вы знаете, какъ я всегда въ это время радъ быть съ вами, а теперь принужденъ лишиться моего прекраснѣйшаго удовольствія, которое я замѣняю только утѣшеніемъ будущаго свиданія по выпускѣ моемъ, а до того времени въ твердомъ, постоянномъ занятіи и въ глубокомъ обдумьи *) будущей должности и новаго бытія въ дѣятельномъ мірѣ, для блага котораго посвящена жизнь моя, можетъ быть, незамѣтная, но, по крайней мѣрѣ, всѣ мои силы будутъ порываться на то, чтобы означить ее однимъ благодѣяніемъ, одною пользою отечеству“ (I, 93).

Какая серьезность настроенія, какая опредѣленность стремленій! И это пишетъ юноша 18-ти лѣтъ. Глубина этого настроенія исключаетъ всякое заподозриваніе его искренности. Да и передъ кѣмъ нужно было становиться на ходули? Передъ доброй, но весьма малоинтеллигентной женщиной, которую всякая приподнятость могла только отпугать. Не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что

*) Языкъ Гоголя въ эту эпоху полонъ самыхъ неправильныхъ оборотовъ и искусственныхъ словъ.

тутъ сказалась только замѣчательная сосредоточенность на одной мысли, и не покажется намъ поэтому высокой фразой возгласъ Гоголя въ другомъ письмѣ къ матери: „Вѣрьте только, что всегда чувства благородныя наполняютъ меня, что никогда не унижался я въ душѣ и что *я всю жизнь свою обрекъ благу*“ (I, 98). Тѣмъ болѣе не должно показаться, что буквально то же самое мы встрѣчаемъ и въ писанномъ въ это же самое время „Ганцѣ Кюхельгартенѣ“:

Благословенъ тотъ дивный мигъ,
Когда въ порѣ самопознанья,
Въ порѣ могучихъ силъ своихъ,
Тотъ, Небомъ избранный, постигъ
Цѣль высшую существованья;
Когда не грезъ пустая тѣнь,
Когда не славы блескъ мишурный
Его тревожатъ ночь и день,
Его влекутъ въ міръ шумный, бурный;
Но мысль и крѣпка, и бодра
Его одна объемлетъ, мучитъ
Желаньемъ блага и добра.

Мы привели цитаты изъ шести различныхъ мѣстъ переписки и литературныхъ произведеній Гоголя, относящихся къ эпохѣ его порываній въ Петербургъ. Яркости ихъ было бы совершенно достаточно, чтобы быть прямо пораженнымъ высотою совершенно опредѣленныхъ стремленій молодого лицеиста посвятить себя благу ближнихъ и государства. Передъ нами, слѣдовательно, гражданское міросозерцаніе рѣдкой выдержанности и силы.

Но всѣ цитированныя нами мѣста, вмѣстѣ взятыя, совершенно блѣднѣютъ предъ замѣчательнѣйшимъ письмомъ Гоголя къ дядѣ его, Петру Петровичу Косяровскому. Къ этому письму намъ надо отнестись съ особымъ вниманіемъ, потому что тутъ мы несомнѣнно имѣемъ дѣло съ самымъ центральнымъ матеріаломъ для характеристики Гоголя въ пору его отрочества. Петра Косяровскаго Гоголь особенно любилъ и предъ нимъ, собираясь оставить Малороссію навсегда, онъ раскрылъ всю свою душу:

„Да, можетъ быть, мнѣ цѣлый вѣкъ достанется отжить въ Петербургѣ, по крайней мѣрѣ, такую цѣль начерталъ я уже издавна. Еще съ самыхъ временъ прошлыхъ, *съ самыхъ лѣтъ почти непониманія, я пламенѣлъ неугасимою ревностью сдѣлать жизнь свою нужною для блага государства, я кипѣлъ принести хотя малѣйшую пользу.* Тревожныя мысли, что я не буду мочь, что мнѣ преградятъ дорогу, что не дадутъ возможности принести ему малѣйшую пользу, бросали меня въ глубокое уныніе. Холодный потъ проскакивалъ на лицѣ моемъ при мысли, что, можетъ-быть, мнѣ доведется погибнуть въ пыли, не означивъ своего имени ни однимъ прекраснымъ дѣломъ—быть въ мірѣ и не означить своего существованія—это было для меня ужасно. Я перебиралъ въ умѣ всѣ состоянія, всѣ должности въ государствѣ и остановился на одномъ—на юстиціи. Я видѣлъ, что здѣсь работы будетъ болѣе всего, что здѣсь

только я могу быть благодѣяніемъ, здѣсь только буду истинно-полезенъ для человѣчества. Неправосудіе, величайшее въ свѣтѣ несчастіе, болѣе всего разрывало мое сердце, я поклялся ни одной минуты короткой жизни своей не утерять, не сдѣлавъ блага. Два года занимался я постоянно изученіемъ правъ другихъ народовъ и естественныхъ, какъ основныхъ для всѣхъ, законовъ; теперь занимаюсь отечественными. Исполнятся ли высокія мои начертанія? или неизвѣстность зароетъ ихъ въ мрачной тучѣ своей? Въ эти годы, эти долговременныя думы свои я затаилъ въ себѣ. Недовѣрчивый ни къ кому, скрытный, я никому не повѣрялъ своихъ тайныхъ помышленій, не дѣлалъ ничего, что бы могло выявить глубь души моей. Да и кому бы я повѣрилъ и для чего бы высказалъ себя? Не для того ли, чтобы смѣялись надъ моимъ сумасбродствомъ, чтобы считали пылкимъ мечтателемъ, пустымъ человѣкомъ, Никому, и даже изъ своихъ товарищей, я не открывался, хотя между ними было много истинно-достойныхъ. Я не знаю, почему я проговорился теперь передъ вами, оттого ли, что вы, можетъ быть, принимали во мнѣ болѣе другихъ участіе или по связи близкаго родства, этого не скажу; что-то непонятное двигало перомъ моимъ, какая-то невидимая сила натолкнула меня, предчувствіе вошло въ грудь мою, что вы не почтете ничтожнымъ мечтателемъ того, который около трехъ лѣтъ неуклонно держится одной цѣли и котораго насмѣшки, намеки болѣе заставятъ окрѣпнуть въ предположенномъ начертаніи. Ежели-же вы и не поучаствуете во мнѣ, по крайней мѣрѣ, вы затаите мое письмо, такъ же какъ я затаилъ въ себѣ одномъ свои упрямыя предначертанія“ (I, 89—90).

Умоляющій тонъ послѣднихъ строкъ исключаетъ всякое заподозриваніе полной искренности письма. Это, несомнѣнно, задушевная исповѣдь. Заднихъ цѣлей у Гоголя тутъ не могло быть никакихъ: онъ отъ Косяровскаго ничего не ждалъ, и ему не для чего было выставить себя предъ нимъ въ эффектномъ нарядѣ.

Всякая вещь познается сравненіемъ. И вотъ, перебирая юные годы писателей гоголевскаго поколѣнія, мы развѣ только въ жизни Герцена и Огарева, въ столь же юные годы давшихъ другъ другу клятву посвятить себя благу человѣчества, можемъ найти нѣчто аналогичное гоголевскому желанію всецѣло отдаться служенію „благу“. Но не забудемъ огромной разницы въ тѣхъ условіяхъ, при которыхъ сложилось направленіе Герцена и Огарева, и тѣхъ, въ которыхъ воспитался Гоголь. Герценъ и Огаревъ воспитались подъ вліяніемъ энциклопедистовъ и Сенъ-Симона. Гоголь же и именъ такихъ не слыхалъ, и вообще читалъ мало и до своего настроенія дошелъ путемъ вполнѣ самостоятельнымъ, взявъ его только изъ движеній собственнаго сердца. А кромѣ Герцена и Огарева, нельзя уже указать ни одного изъ старыхъ писателей, у котораго стремленіе приносить людямъ „пользу“ было до такой степени сильно, ярко и опредѣленно. Тутъ именно поразительна сила сосредоточенности. Отдѣльныя вспышки, отдѣльные моменты такихъ высокихъ стремленій мы найдемъ и у Пушкина, и у Лермонтова, и у другихъ. Но

вмѣстѣ съ тѣмъ всѣ они были молоды, всѣ не только мечтали о томъ, чтобы пить изъ чаши наслажденій, но и пили изъ нея глубокими глотками. Гоголь же прямо даже не мечталъ никогда о какихъ бы то ни было наслажденіяхъ, а еще того менѣе пользовался ими въ дѣйствительности. Оттого онъ и могъ отдаваться такъ всецѣло своимъ порывамъ и настроеніямъ. Тутъ сказываются особенности того, что мы выше назвали психологическимъ рисункомъ человѣка. Въ основѣ своего душевнаго склада Гоголь—самая аскетическая натура всей русской литературы. Этому человѣку лично для себя почти ничего не нужно было. Онъ обыкновенно ѣлъ ровно столько, сколько нужно было для того, чтобы минимально поддержать свое истинно-бренное тѣло, онъ почти не пилъ, почти не бывалъ въ гостяхъ въ обычныхъ цѣляхъ развлеченія, не игралъ въ карты, никогда не ухаживалъ за женщинами и, повидимому, не зналъ въ своей жизни ни одной сердечной привязанности. Онъ никогда не мечталъ устроиться „домкомъ", никогда не имѣлъ осѣдлости, вѣчно странствовалъ. Словомъ, по психологическому рисунку своему, это былъ настоящій монахъ, угрюмый, серьезный, всегда отданный думамъ высшаго порядка. Но аскетизмъ Гоголя никогда не бѣгалъ отъ людей. Онъ былъ не изъ тѣхъ монаховъ, которые уходятъ въ пустыню, чтобы спасти только свою душу и отрясаютъ отъ себя пыль міра сего. Гоголь всегда и самъ работалъ для міра и другихъ къ этому звалъ. Всѣ обскурантскіе совѣты „Переписки" представителямъ разныхъ общественныхъ положеній — губернаторамъ, помѣщикамъ и т. д. именно основаны на томъ, чтобы всякаго человѣка заставить работать для ближняго, чтобы во всякой сферѣ привести его въ связь съ интересами другихъ людей. Другой вопросъ, въ чемъ видѣлъ авторъ „Переписки" работу для ближняго, но теперь рѣчь идетъ только о направленіи, въ которомъ билась его мысль въ поискахъ лучшаго общественнаго будущаго.

Отроческая переписка Гоголя показала намъ, что напряженнѣйшія думы о служеніи людямъ столь же переполняли великаго писателя на зарѣ жизни, какъ и на закатѣ ея. Предъ нами, слѣдовательно, одинъ стройный аккордъ, звучащій въ одномъ и томъ же тонѣ, хотя между крайними точками его лежитъ промежутокъ въ двадцать лѣтъ. Можно ли поэтому хотя на одну минуту допустить, чтобы человѣкъ, съ такою ясно-поставленною и сознанною цѣлью въ началѣ и концѣ поприща, утратилъ эту сознательность въ серединѣ своего поприща, въ центральную эпоху высшаго расцвѣта своего геніальнаго творчества? Можно ли отказать въ сознательности Гоголю-мужу, когда мы вынуждены фактами удивляться ея опредѣленности даже въ Гоголѣ-отрокѣ?

III.

Пламенная мечта Гоголя осуществилась, онъ въ самомъ концѣ 1828 г. пріѣзжаетъ въ Петербургъ, гдѣ съ небольшими перерывами остается до 1836 г., когда надолго уѣзжаетъ за границу.

Эти немногіе годы захватываютъ почти всю творческую дѣятельность Гоголя: частью вышло въ свѣтъ, частью начато все то, съ чѣмъ связана великая слава его. Въ 1831 г. появились „Вечера на хуторѣ близъ Диканьки"; въ 1835 г. вышли 2 части „Миргорода", гдѣ впервые напечатаны „Старосвѣтскіе помѣщики", „Тарасъ Бульба", „Невскій проспектъ", „Записки сумасшедшаго" и перепечатана изъ „Новоселья" „Повѣсть о томъ, какъ поссорились Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ"; въ журналахъ 1835 и 1836 гг. напечатаны „Носъ" и „Коляска"; къ 1833—36 гг. относятся „Утро дѣлового человѣка", „Женитьба" и „Ревизоръ"; въ 1834 г. задумана „Шинель", въ 1835 г. начаты „Мертвыя души", первыя главы которыхъ успѣлъ еще прослушать Пушкинъ.

Передъ нами, слѣдовательно, весь Гоголь. Если главная часть „Мертвыхъ Душъ" и писана во время заграничнаго пребыванія 1837—39 гг., то все-таки въ томъ же тонѣ и направленіи которые создались въ творческомъ настроеніи Гоголя въ эпоху его петербургской жизни.

Такимъ образомъ, эти годы имѣютъ вполнѣ рѣшающее значеніе для изученія Гоголя. Въ предѣлахъ намѣченной нами задачи, ознакомиться съ умственнымъ строемъ Гоголя петербургскаго періода—значитъ имѣть ключъ къ уразумѣнію всей его дѣятельности. Вдобавокъ, въ эти же годы Гоголь выступилъ не только какъ художникъ, но и какъ ученый, занявъ въ качествѣ адъюнктъ-профессора каѳедру всеобщей исторіи въ петербургскомъ университетѣ. Помѣстилъ онъ затѣмъ также нѣсколько критическихъ статей въ только что тогда основанномъ (1836) Пушкинскомъ „Современникѣ" и въ своихъ „Арабескахъ".

Какъ историческія занятія Гоголя, такъ и его попытки въ области критики должны имѣть особенное значеніе при рѣшеніи вопроса о безсознательности творчества великаго писателя. Едва ли кто станетъ спорить противъ того, что знаменателенъ уже самый фактъ, что Гоголь около $1^1/_2$ лѣтъ состоялъ въ числѣ профессоровъ петербургскаго университета. Столь же поучителенъ, конечно, и фактъ появленія значительной критической статьи Гоголя („О движеніи журнальной литературы въ 1834 и 1835 гг.") въ журналѣ такого тонкаго литературнаго цѣнителя, какъ Пушкинъ. Пушкинъ не сталъ бы поощрять съ величайшимъ благоговѣніемъ прислушивавшагося къ его совѣтамъ

Гоголя взяться за критику, если бы въ частыхъ бесѣдахъ съ нимъ не подмѣтилъ тонкаго вкуса и умѣнія разбираться въ литературныхъ вопросахъ. Уже одинъ фактъ появленія Гоголя въ роли критика, и критика, какъ мы дальше увидимъ, съ безусловно-серьезнымъ чутьемъ и серьезнѣйшими представленіями о роли литературы и журналистики, чрезвычайно знаменателенъ. Какъ бы самъ собою возникаетъ вопросъ: какъ же такъ Гоголь, въ качествѣ литературнаго судьи показавшій, что онъ превосходно понималъ творчество другихъ писателей, могъ оказаться глухимъ и слѣпымъ къ особенностямъ собственнаго творчества?

Однако, изъ этихъ двухъ важнѣйшихъ фактовъ духовной біографіи Гоголя его критическая дѣятельность обыкновенно совершенно игнорируется, а вопросъ о профессорствѣ Гоголя до сихъ поръ освѣщенъ у насъ односторонне.

О послѣднемъ эпизодѣ біографіи Гоголя говорятъ только осудительно, только со стороны того, что Гоголь не былъ подготовленъ для ученой дѣятельности, обладалъ весьма ограниченнымъ количествомъ знаній и т. д.

Нельзя, конечно, отрицать, что въ значительной степени все это совершенно справедливо. Оставляя даже въ сторонѣ свидѣтельство современниковъ, изъ которыхъ особенною извѣстностью пользуется разсказъ Тургенева въ его воспоминаніяхъ, можно и въ перепискѣ Гоголя найти подтверженіе того, что профессорство Гоголя потерпѣло рѣшительное фіаско. Сообщая въ декабрѣ 1835 г. Погодину, что „эти полтора года—годы моего безславія“, Гоголь съ горечью констатируетъ: „Общее мнѣніе говоритъ, что я не за свое дѣло взялся“.

И тѣмъ не менѣе, можно привести цѣлый рядъ фактовъ, совсѣмъ иначе освѣщающихъ профессорство Гоголя и показывающихъ, что если оно и принесло ему „безславіе“, то, главнымъ образомъ, потому, что отъ него, съ такимъ блескомъ выступившаго на литературномъ поприщѣ, ожидали такого же блеска и на поприщѣ научномъ. Попробуйте-ка сравнить Гоголя съ среднимъ профессоромъ первой половины тридцатыхъ годовъ, и онъ окажется не только не ниже, но значительно выше очень многихъ изъ нихъ. Уже одно то, что Гоголь—худо ли, хорошо ли, это другой вопросъ,—составлялъ *собственныя* лекціи, было явленіемъ необычнымъ. Въ то блаженное время, въ огромномъ большинствѣ случаевъ и не слыхать было, чтобы профессоръ преподавалъ что-нибудь самостоятельное. *Читали* тогда въ буквальномъ смыслѣ слова *по* тому или другому переводному руководству. Такъ напр., читали не словесность вообще, а „словесность *по Бургію*“, „право *по Гейнекцію*“ и т. д. Ужъ на что былъ

ученый человѣкъ Каченовскій, но и онъ читалъ не всеобщую исторію, а „всеобщую исторію *по Пелицу*“.

Что касается знаній профессовъ того времени, то достаточно вспомнить записки Пирогова или „Былое и думы“ Герцена, чтобы опять-таки убѣдиться, что Гоголь и въ этомъ отношеніи всего менѣе представлялъ собою отрицательное явленіе. Нельзя же его, въ самомъ дѣлѣ, поставить на одну доску, напримѣръ, съ наставникомъ Пирогова—московскимъ профессоромъ В. М. Котельницкимъ, занимавшимъ важную каѳедру фармакологіи въ важнѣйшемъ русскомъ университетѣ и не умѣвшимъ какъ слѣдуетъ усвоить даже содержаніе того учебника, по которому „читалъ“. Преподаваніе его заключалось въ томъ, что онъ всходилъ на каѳедру, раскрывалъ книгу и „начинаетъ читать слово въ слово и притомъ съ описками... Василій Михайловичъ съ помощью очковъ читаетъ въ фармакологіи Шпренгеля, переводъ Іовскаго: „Клещевинное масло, oleum ricini,—китайцы придаютъ ему горькій вкусъ“. Затѣмъ кладетъ книгу, нюхаетъ со всхрапываемъ табакъ и объясняетъ намъ, смиреннымъ его слушателямъ: „Вотъ видишь ли, *китайцы* придаютъ клещевинному-то маслу горькій вкусъ“. Мы, между тѣмъ, смиренные слушатели, читаемъ въ той же книгѣ вмѣсто китайцевъ—„*кожицы* придаютъ ему горькій вкусъ“.

Этотъ разсказъ Пирогова относится къ концу 20-хъ гг. Въ томъ же стилѣ разсказы Герцена, относящіеся уже къ 1831—34 гг., значитъ, прямо къ эпохѣ профессорства Гоголя. Профессоръ Герцена Чумаковъ „*подгонялъ* формулы къ тѣмъ, которыя были въ курсѣ Пуансо, съ совершеннѣйшей свободой помѣщичьяго права, прибавляя, убавляя буквы, принимая квадраты за корни и *X* за извѣстное“. Рейсъ „никогда не читалъ химіи далѣе водорода. Онъ попалъ въ профессора химіи потому, что не онъ, а его дядя занимался когда-то ею. Въ концѣ царствованія Екатерины старика пригласили въ Россію; ему не хотѣлось—онъ отправилъ вмѣсто себя племянника“ и т. д.

Всѣ эти разсказы, замѣтимъ, относятся къ профессорамъ такихъ факультетовъ, гдѣ преподаваніе безъ положительныхъ знаній какъ будто и представить себѣ нельзя. Нечего уже говорить, какъ были плохи профессора по наукамъ нравственнымъ, политическимъ и историческимъ, съ ихъ неопредѣленными очертаніями. Престижъ профессорскій былъ такъ малъ даже въ то малоученое время, что въ 1831 г. Пушкинъ писалъ Погодину: „Жалѣю, что вы не раздѣлались еще съ московскимъ университетомъ, который долженъ рано или поздно извергнуть васъ изъ среды своей, ибо ничего чуждаго не можетъ оставаться ни въ какомъ тѣлѣ, а ученость, дѣятельность и умъ чужды московскому университету“.

Таковъ былъ общій обликъ московскаго университета, старѣйшаго

и лучшаго изъ русскихъ университетовъ, гдѣ все-таки были и отдѣльныя отрадныя исключенія, и въ которомъ уже показывались первые признаки замѣчательнаго подъема научнаго уровня, начинающагося со средины 30-хъ гг. Петербургскій же университетъ стоялъ значительно ниже, и воспитанники его въ своихъ позднѣйшихъ разсказахъ объ университетскихъ годахъ не находили въ своей памяти почти ни одного профессорскаго имени, о которомъ могли бы говорить съ признательностью. Таковы воспоминанія учившагося въ петербургскомъ университетѣ въ 1835—37 гг. Тургенева, который такъ мало вынесъ изъ петербургскаго ученія, что, отправившись за границу „усовершенствоваться", долженъ былъ по многимъ предметамъ засѣсть за азбуку. Сверстникъ его по петербургскому университету, Грановскій, послушавъ берлинскихъ профессоровъ, впалъ въ совершенное отчаяніе отъ своего невѣжества и, узнавъ, что такое есть настоящая профессорская ученость, хотѣлъ отказаться отъ всякихъ притязаній на профессорскую дѣятельность, для подготовленія къ которой его послали.

Вотъ тѣ факты, съ точки зрѣнія которыхъ надо разсуждать о томъ, былъ ли подготовленъ Гоголь занять каѳедру. До введенія устава 1834 года, до заведенныхъ тогда же командировокъ кандидатовъ въ профессора за границу, общій уровень профессорскаго персонала былъ поразительно низкій. Вотъ почему обычное отношеніе къ профессорству Гоголя, какъ къ чему-то близко граничащему съ нахальствомъ и даже, по выраженію Ореста Миллера, „позорному", страдаетъ полнымъ отсутствіемъ исторической перспективы. Несостоятельность этого отношенія особенно ярко выясняется перепискою Гоголя, изъ которой мы сейчасъ извлечемъ рядъ доказательствъ, что мысль о *профессорствѣ возникла не въ немъ самомъ, и внушена ему другими*, и притомъ людьми съ установившеюся ученою репутаціею. Гоголь сталъ петербургскимъ адъюнктъ-профессоромъ въ 1834 г., но до того ему *трижды* предстояло быть адъюнктъ-профессоромъ: сначала въ московскомъ университетѣ, затѣмъ въ кіевскомъ, затѣмъ опять въ московскомъ, и всякій разъ не по его иниціативѣ, всякій изъ этихъ трехъ разовъ Гоголю дѣлались предложенія, но онъ ихъ не принималъ. Отъ кого исходило первое предложеніе, неизвѣстно. Имѣется только глухое заявленіе Гоголя въ его письмѣ къ Пушкину отъ 23 декабря 1833 г.: „Назадъ тому три года (я) могъ бы занять мѣсто въ московскомъ университетѣ, которое мнѣ предлагали" (I, 270). Второе предложеніе относится къ концу 1833 г. и началу 1834, когда набирали профессоровъ для только что учрежденнаго тогда кіевскаго университета. Въ числѣ ихъ былъ землякъ и большой пріятель Гоголя, извѣстный М. А. Максимовичъ. Онъ и сталъ звать въ Кіевъ Гоголя, который съ радостью принималъ

это предложеніе. Въ тѣхъ восторженныхъ выраженіяхъ (нѣкоторыя изъ нихъ, сказать кстати, весьма должны радовать „щирыхъ украинцевъ“), которыми Гоголь отвѣтилъ Максимовичу, слышится истинное воодушевленіе спеціалиста. Гоголь тогда страстно увлекался малороссійскою исторіею и стариною и ему рисовалось широкое поле дѣятельности: „Представь, я тоже думалъ: туда, туда! въ Кіевъ, въ древній, въ прекрасный Кіевъ! Онъ нашъ, онъ не ихъ—не правда ли? тамъ или вокругъ него дѣялись дѣла старины нашей. Я работаю. Я всѣми силами стараюся; на меня находитъ страхъ: можетъ быть я не успѣю! Мнѣ надоѣлъ Петербургъ, или, лучше, не онъ, но проклятый климатъ его: онъ меня допекаетъ. Да, это славно будетъ, если мы займемъ съ тобою кіевскія каѳедры: много можно будетъ надѣлать добра“ (I, 268). Кіевское профессорство одно время совсѣмъ налаживалось: „Министръ, — сообщаетъ Гоголь Максимовичу 29 марта 1834 г.,— мнѣ обѣщалъ непремѣнно это мѣсто и требовалъ даже, чтобы я сейчасъ подавалъ просьбу, но я останавливаюсь затѣмъ, что мнѣ даютъ только адъюнкта, увѣряя, впрочемъ, что черезъ годъ непремѣнно сдѣлаютъ ординарнымъ“ (I, 287). Затѣмъ, однако, вышла заминка со стороны кіевскаго попечителя Брадке, у котораго былъ другой кандидатъ на каѳедру всеобщей исторіи, привлекавшую Гоголя,—харьковскій профессоръ Цыхъ. Брадке нимало не былъ противъ назначенія вообще Гоголя кіевскимъ профессоромъ: онъ только предлагалъ ему другую каѳедру. Въ чрезвычайно характерномъ для выясненія вопроса о профессорствѣ Гоголя письмѣ его къ Максимовичу отъ 28 мая 1834 г. читаемъ:

„Мои обстоятельства очень странны. Сергѣй Семеновичъ (Уваровъ) даетъ мнѣ экстраординарнаго профессора и деньги на подъемъ, однако-жъ, ничего этого не выпускаетъ изъ рукъ и держитъ меня—не знаю для чего—здѣсь, тогда какъ мнѣ нужно дѣйствовать и ѣхать. Между тѣмъ, Брадке пишетъ ко мнѣ, что не угодно ли мнѣ взять каѳедру русской исторіи, что сіе-де прилично занятіямъ моимъ, тогда какъ онъ самъ обѣщалъ мнѣ, бывши здѣсь, что всеобщая исторія не будетъ занята до самаго моего пріѣзда, хотя бы это было черезъ годъ, а теперь, вѣрно, ее отдали этому Цыху, котораго принесло какъ нарочно. Право, странно: они воображаютъ, что различія предметовъ это такая маловажность и что, кто читалъ словесность, тому весьма легко преподавать математику или врачебную науку, какъ будто пирожникъ для того созданъ, чтобы тачать сапоги. Я съ ума сойду, если мнѣ дадутъ русскую исторію“ (I, 298).

Какъ мало соотвѣтствуетъ это письмо обычнымъ представленіямъ о несуразности претензій Гоголя на каѳедру! Такъ какъ, при согласіи министра, все дѣло назначенія Гоголя зависѣло исключительно отъ Брадке, то Гоголю стоило только написать послѣднему, что онъ беретъ предлагаемую каѳедру, и его тотчасъ же назначили бы экстраординарнымъ профессоромъ. Но для Гоголя профессорство—въ меч-

тахъ, по крайней мѣрѣ,—было всего менѣе карьерой или выходомъ изъ труднаго денежнаго положенія, въ которомъ онъ тогда находился. Онъ, вѣрно или невѣрно — это уже другой вопросъ, — считалъ себя призваннымъ для каѳедры всеобщей исторіи и только одну ее соглашается брать. Не забудемъ еще и того, что съ чисто-технической точки зрѣнія каѳедру русской исторіи было гораздо легче занимать, чѣмъ каѳедру всеобщей исторіи, для которой—въ идеалѣ, по крайней мѣрѣ, – требовалось хорошее знаніе классическихъ и иностранныхъ языковъ.

Такъ-то кончились не Гоголемъ начатыя, но исключительно имъ однимъ разстроенныя хлопоты о кіевской профессурѣ. Не лишне будетъ отмѣтить для характеристики тѣхъ требованій, которыя тогда предъявлялись къ кандидатамъ въ профессора, что хлопотавшій за Гоголя Максимовичъ занялъ въ кіевскомъ университетѣ каѳедру словесности, а до того онъ въ московскомъ университетѣ читалъ *ботанику!*

Гоголь же чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ отвергъ и третье предложеніе профессуры, хотя предлагали ему теперь не въ провинцію, а въ Москву, предлагалъ не административный дѣятель и не спеціалистъ по ботаникѣ, а такая крупная научная величина, какъ Погодинъ. Погодинъ въ то время читалъ всеобщую исторію, но переходилъ на русскую исторію, и Гоголя хотѣлъ устроить въ качествѣ адъюнктъ-профессора. Гоголь въ отвѣтномъ письмѣ (I, 305), хотя и восторженно говоритъ о томъ, что „профессорство, если бы не у насъ на Руси, то было бы самое благородное званіе, но по причинамъ чисто-практическимъ находилъ для себя неудобнымъ перемѣщеніе въ Москву.

Предложеніе Погодина въ высшей степени важно для опроверженія ходячихъ взглядовъ на профессорскія притязанія Гоголя. Погодинъ познакомился съ Гоголемъ въ 1832 г. и сразу записалъ въ своемъ дневникѣ: „Познакомился съ Гоголемъ и имѣлъ случай сдѣлать ему много одолженія. Говорилъ съ нимъ о малороссійской исторіи. *Большая надежда, если возстановится его здоровье*“ *). Дальше идетъ все рѣчь объ историческихъ занятіяхъ Гоголя,—значитъ, „большая надежда“ относится къ Гоголю-историку. Съ тѣхъ поръ Погодинъ вступилъ въ тѣснѣйшую дружбу съ Гоголемъ, велъ съ нимъ оживленнѣйшую переписку, лично много говорилъ съ нимъ, наконецъ, что пожалуй, всего важнѣе въ данномъ случаѣ, внимательно читалъ нѣсколько статей Гоголя по всеобщей исторіи. Онъ, значитъ, имѣлъ ясное и опредѣленное представленіе о силахъ Гоголя. И если, тѣмъ не менѣе, онъ первый предложилъ Гоголю адъюнктство, то не смѣшны ли

*) *Барсуковъ*, Жизнь и труды Погодина, т. IV, 114.

всѣ разговоры о самонадѣянности Гоголя, да еще въ виду того, что самонадѣянный-то человѣкъ три предложенія профессорства не принялъ. Ко всему этому можно еще прибавить, что статьи Гоголя по всеобщей исторіи печатались въ ученомъ „Журналѣ министер. народ. просв.“, что этими статьями *до назначенія Гоголя профессоромъ въ Петербургѣ* интересовался ученый министръ народ. просв. Уваровъ, что Уваровъ иной разъ прямо заказывалъ Гоголю научныя статьи для „Журнала министер. народ. просв.“ (I, 301), что ученый издатель „Телескопа“, извѣстный профессоръ и критикъ Надеждинъ, очень гнался за историческими статьями Гоголя (I, 285), что о назначеніи Гоголя профессоромъ въ Петербургѣ хлопоталъ, кромѣ Пушкина и Жуковскаго, также Никитенко. Поистинѣ печальное впечатлѣніе производитъ въ виду всѣхъ этихъ фактовъ глумящееся отношеніе нѣкоторыхъ юбилейныхъ статей 1902 года къ неудачному по совсѣмъ другимъ причинамъ профессорству Гоголя. Апогея это отношеніе достигло въ статьѣ психіатра Н. Н. Баженова „Болѣзнь и смерть Гоголя“ („Русск. Мысль“, 1902, I). Какъ очень многіе спеціалисты, г. Баженовъ вообще весьма скоръ на всякіе рѣшительные выводы и обобщенія; ему, напр., достаточно прочесть въ письмѣ Гоголя жалобы на боль головы, чтобы тотчасъ же усмотрѣть тутъ типическую „неврастеническую каску“. Но по отношенію къ профессорству Гоголя г. Баженовъ дошелъ до Геркулесовыхъ столбовъ: онъ причисляетъ весь этотъ эпизодъ къ „*странностямъ почти патологическимъ*“ (стр. 143).

Такъ-то, катясь подобно лавинѣ, растетъ и принимаетъ безобразные размѣры всякое невѣрное или одностороннее мнѣніе. Впервые пренебрежительно заговорилъ въ печати о профессорствѣ Гоголя извѣстный оріенталистъ Григорьевъ въ своей нѣкогда (1856—57) столь нашумѣвшей и всѣхъ возмутившей статьѣ о Грановскомъ. Но у того были совсѣмъ особыя цѣли: обаяніе Грановскаго, обладавшаго довольно ограниченными спеціальными знаніями, поселяло самое недружелюбное отношеніе къ нему въ сердцахъ разныхъ завистливыхъ спеціалистовъ à la Григорьевъ, богатыхъ знаніями, но бѣдныхъ нравственными силами. Григорьевъ всячески старался подчеркнуть незначительность научныхъ силъ Грановскаго и тутъ-то, для характеристики уровня той научной среды, изъ которой вышелъ Грановскій, и понадобился Гоголь въ роли профессора всеобщей исторіи. И вотъ, проходя разные промежуточные фазисы, отрицательное отношеніе къ Гоголю-профессору постоянно упускало изъ виду историческую точку зрѣнія, постоянно имѣло предъ собою какъ единицу сравненія позднѣйшихъ крупныхъ историковъ нашихъ и становилось все рѣзче и рѣзче, пока, наконецъ, не пришелъ психіатръ и не усмотрѣлъ тутъ симптомъ будущей форменной душевной болѣзни Гоголя! Уже если признать стремленіе

Гоголя занять каѳедру „почти патологическою странностью“, то дадимъ только пощаду хлопотавшимъ за него Пушкину и Жуковскому, какъ не-спеціалистамъ, а затѣмъ, чтобы быть послѣдовательными, причислимъ къ полупомѣшаннымъ и Максимовича, и Никитенко [1]), и Брадке, и Уварова, и особенно Погодина. Въ себѣ-то еще всякій человѣкъ ошибается, а они чего посходили съ ума, да сажали на каѳедру человѣка, совершенно ея недостойнаго?

Читатель пойметъ, почему мы такъ долго останавливаемся на профессорствѣ Гоголя. Для насъ, помимо того, что хочется положить начало болѣе правильному отношенію къ одному изъ любопытныхъ эпизодовъ біографіи великаго писателя, есть тутъ другая, весьма важная сторона. Для насъ въ нашихъ стараніяхъ показать, что Гоголь былъ не только человѣкъ безсознательнаго творчества, но и писатель, вполнѣ сознательно намѣчавшій цѣли своихъ произведеній, чрезвычайно важно выяснить, что Гоголь принадлежалъ къ высшей интеллигенціи своего времени. Это не прасолъ Кольцовъ, сильный единственно природнымъ геніемъ. Пусть Гоголь и весьма малознающій ученый съ позднѣйшей точки зрѣнія, пусть насъ поражаетъ то, что человѣкъ, плоховато кончившій гимназію, черезъ два года получаетъ предложеніе занять каѳедру въ московскомъ университетѣ, а черезъ шесть, безъ всякихъ экзаменовъ и диссертацій, въ самомъ дѣлѣ становится профессоромъ. Намъ только важно показать, что въ свое-то время въ этомъ не было рѣшительно ничего экстраординарнаго и что Гоголь былъ вполнѣ нормальнымъ кандидатомъ въ профессора. Пусть только читатель изъ всѣхъ приведенныхъ нами фактовъ удержитъ въ памяти то, что Максимовичъ, тоже безъ всякихъ экзаменовъ и диссертацій, прямо съ каѳедры ботаники былъ перемѣщенъ на каѳедру словесности, и никто насъ не упрекнетъ въ парадоксальности, если мы покамѣстъ (дальше мы потребуемъ бо̀льшаго) поставимъ такой тезисъ: Гоголь, отвергшій три предложенія занять каѳедру, добивался затѣмъ самъ профессуры въ Петербургѣ съ научнымъ багажемъ, достаточнымъ для обычныхъ академическихъ требованій начала 30-хъ годовъ.

---

[1]) Позднѣйшее негодованіе Никитенки („Дневникъ“, I, 354—55) на Гоголя по поводу исторіи съ профессорствомъ объясняется, главнымъ образомъ, тѣмъ, что, при своихъ скромныхъ знаніяхъ, Гоголь тѣмъ не менѣе надменно и свысока смотрѣлъ на другихъ „вялыхъ“, по его выраженію, профессоровъ. Непоколебленнымъ остается, во всякомъ случаѣ, и послѣ злой записи Никитенки тотъ фактъ, что первоначально Никитенко не только усердно хлопоталъ у попечителя о Гоголѣ, но даже старался, чтобы его назначили экстраординарнымъ профессоромъ, въ то время, какъ другіе друзья хлопотали только объ адъюнктствѣ.

Въ своей защитѣ *притязаній* Гоголя на профессорство мы, однако, не намѣрены защищать самое профессорствованіе Гоголя, длившееся больше года. Оно, несомнѣнно, было неудачно, судя по отзывамъ современниковъ. Но причины тутъ были совсѣмъ другія, и при разсмотрѣніи ихъ мы убѣждаемся, что одного приравниванія Гоголя къ типу *средняго* профессора начала 30-хъ годовъ мало, что Гоголь, по тѣмъ задачамъ, которыя себѣ ставилъ, стоялъ, несомнѣнно, выше очень многихъ изъ своихъ университетскихъ товарищей.

Если бы, въ самомъ дѣлѣ, тѣ, которые такъ сурово отнеслись къ Гоголю-профессору, имѣли бы предъ глазами 6-й томъ Тихонравовскаго изданія Гоголя (появился въ 1896 г.), гдѣ помѣщены выдержки изъ гоголевскихъ записныхъ книгъ, они бы поняли, что причина неудачнаго профессорствованія Гоголя, главнымъ образомъ, лежала въ широтѣ замысловъ его. Въ подготовительныхъ работахъ Гоголя къ будущимъ лекціямъ мы находимъ какъ программу всего курса, такъ и наброски отдѣльныхъ лекцій. А такъ какъ Гоголь вообще былъ крайне неаккуратенъ и множество лекцій пропускалъ, то можно прямо сказать, что всѣ свои лекціи Гоголь читалъ, предварительно составивъ себѣ подробнѣйшій остовъ. Это свидѣтельствуетъ не только о выдающейся добросовѣстности Гоголя, но и о желаніи блестяще поставить свой курсъ и внести въ него что-нибудь новое. И это-то стремленіе и подкосило Гоголя, который, къ тому же, былъ страшно занятъ какъ разъ тогда же окончательной отдѣлкой „Ревизора". Извѣстно, что въ столь неблестяще сложившейся профессорской карьерѣ Гоголя было, однако, два блестящихъ момента. Одинъ изъ нихъ—вступительная лекція, появившаяся затѣмъ въ печати въ „Журн. мин. нар. просв." и „Арабескахъ" („О среднихъ вѣкахъ"), другой—лекція, характеризующая эпоху арабскаго калифа Аль-Мамуна, тоже вскорѣ напечатанная (въ „Арабескахъ"). Послѣднюю лекцію Гоголь тщательно обработалъ, ожидая, что къ нему заглянутъ въ аудиторію Жуковскій и Пушкинъ. Они, дѣйствительно, пріѣхали. Гоголь превосходно прочиталъ свою эффектную характеристику и очаровалъ какъ своихъ высокихъ покровителей, такъ и слушателей. Такимъ образомъ, несомнѣнно, во всякомъ случаѣ, устанавливается, что Гоголь *могъ бы* быть прямо выдающимся профессоромъ. Но, понятно, это требовало огромной работы. Читать еженедѣльно двѣ „блестящія" лекціи такого типа, какія Гоголь прочиталъ въ присутствіи Пушкина и Жуковскаго, было страшно трудной задачей. Трудно не потому, однако, что тутъ требовалось особенно много спеціальныхъ знаній—Гоголь, какъ мы сейчасъ увидимъ, имѣлъ для этого достаточно источниковъ подъ руками,—а по причинамъ чисто-литературнаго свойства. Всякій, кто заглянетъ въ мало-читаемые гоголевскіе „Арабески"

и ознакомится съ характеристикою Аль-Мамуна, тотчасъ увидитъ, что это почти беллетристика, рядъ картинъ и силуэтовъ чисто-художественнаго пошиба. Гоголь писалъ ее съ тѣмъ же художественнымъ обдумываніемъ и увлеченіемъ, съ какимъ писалъ почти одновременно характеристику казачества въ „Тарасѣ Бульбѣ", т. е., составляя самую тщательную мозаику изъ наиболѣе яркихъ чертъ и набрасывая одну широкую картину. Но гдѣ же было справиться съ такого рода обработкой въ короткій промежутокъ между двумя лекціями, да еще при той крайней медленности, которая вообще характеризуетъ творчество Гоголя. У него годами созрѣвали даже самыя мелкія по объему произведенія. Лекціи нельзя было высиживать годами и оттого-то Гоголь такъ быстро и осѣкся. Банально онъ не хотѣлъ читать, а читать блестяще не хватало времени.

Такъ вотъ гдѣ истинная причина того, что университетская дѣятельность страшно занятаго въ то время своими художественными замыслами Гоголя потерпѣла неудачу. А спеціальныхъ знаній, какъ мы уже сказали, у Гоголя было достаточно, чтобы прочитать курсъ, вполнѣ удовлетворяющій скромнымъ требованіямъ того времени. Въ примѣчаніяхъ къ 6-му тому Тихонравовскаго изданія (стр. 689) напечатанъ списокъ книгъ историческаго содержанія, которыя впослѣдствіи Гоголь подарилъ другу своему А. С. Данилевскому и которыми онъ своевременно, несомнѣнно, пользовался, готовясь къ лекціямъ. Это списокъ весьма приличный. Кромѣ книгъ общаго значенія („Cours de littérature française" Вильмена, его же „Mélanges philosophiques, historiques et littéraires"), мы находимъ тутъ „Introductions à l'histoire universelle" Мишлэ, французскій переводъ Гердеровскихъ „Идей о философіи исторіи человѣчества", „Исторію паденія римской имперіи" Гиббона во франц. переводѣ Гизо, „Всемірную исторію" Іоганна Миллера во франц. переводѣ, „Dix ans d'études historiques" Огюстена Тьерри, его же „Histoire de la conquête de l'Angleterre par les Normands" и др. Но это, однако, далеко не всѣ пособія, бывшія у Гоголя подъ рукою. Помимо книгъ на русскомъ языкѣ, напр., трудовъ Беттихера и Герена, о которыхъ Гоголь даже переписывался съ Погодинымъ, тутъ нѣтъ той прекрасной книги по исторіи среднихъ вѣковъ—Галламовской „History of Middle Age", французскимъ переводомъ которой, какъ это показалъ Тихонравовъ, Гоголь особенно много пользовался. Слѣды знакомства съ поименованными выше книгами и другими пособіями не трудно прослѣдить какъ по напечатаннымъ историческимъ статьямъ Гоголя, гдѣ мы находимъ, напр., спеціальную характеристику исторіософическихъ взглядовъ Шлецера, Іоганна Миллера и Гердера, цитаты изъ лекцій Шлегеля и др., такъ и по ненапечатаннымъ подготовительнымъ работамъ къ универси-

тетскому курсу. Такъ, въ весьма обстоятельно составленной „Библіографіи среднихъ вѣковъ“ (т. 6, стр. 273—277 и 684—86), часть пособій названа, несомнѣнно, только по указаніямъ другихъ библіографій, но при нѣкоторыхъ сочиненіяхъ сдѣланы краткія характеристики, показывающія, что Гоголь съ ними хорошо знакомъ. Это именно: „Исторія упадка римской имперіи“ Гиббона, „Исторія европейской цивилизаціи“ Гизо, „Европа въ средніе вѣка“ Галлама, первые томы средней исторіи Демишеля. Слѣды пристальнаго знакомства Гоголя съ иностранными пособіями, которыя были доступны ему только на французскомъ языкѣ, весьма своеобразно и наглядно сказались въ томъ, что множество историческихъ именъ второстепеннаго значенія, для которыхъ еще не установилась русская транскрипція, у Гоголя встрѣчается во французскомъ произношеніи. И уже одна эта мелочь чрезвычайно ярка и характерна. Она наглядно доказываетъ, что Гоголь, несомнѣнно, вносилъ въ свое преподаваніе нѣчто свое, нѣчто такое, чего его предшественники не касались.

А теперь, когда мы бросили взглядъ въ самую лабораторію гоголевскаго профессорствованія, спросимъ себя еще разъ: такъ ли ничтожны были знанія Гоголя для *начинающаго*, двадцатипятилѣтняго лектора даже и не той эпохи? Въ первый же годъ чтенія готовить для каждой лекціи подробный конспектъ по ряду превосходныхъ пособій—это по тому времени было явленіемъ прямо изъ ряду вонъ выходящимъ.

Закончимъ нашъ экскурсъ нѣсколькими замѣчаніями о статьѣ Гоголя „О преподаваніи всеобщей исторіи“. Изъ нея, въ связи съ перепискою, мы можемъ извлечь нѣсколько чертъ, весьма цѣнныхъ для нашего утвержденія, что въ эпоху высшаго напряженія художественнаго творчества Гоголя онъ напряженно размышлялъ и надъ вопросами теоретическаго характера.

При современной спеціализаціи знанія, когда человѣкъ, проработавши цѣлую жизнь, не дерзаетъ дѣлать обобщеній далѣе одного, двухъ столѣтій, трудно удержаться отъ улыбки, когда читаешь такое опредѣленіе задачи всеобщей исторіи:

„Предметъ ея великъ: она должна обнять вдругъ и въ полной картинѣ все человѣчество—какимъ образомъ оно изъ своего первоначальнаго, бѣднаго младенчества развивалось, разнообразно совершенствовалось и, наконецъ, достигло нынѣшней эпохи. Показать весь этотъ великій процессъ, который выдержалъ свободный духъ человѣка кровавыми трудами, борясь отъ самой колыбели съ невѣжествомъ, природой и исполинскими препятствіями—вотъ цѣль всеобщей исторіи! Она должна собрать въ одно всѣ народы міра, разрозненные временемъ, случаемъ, горами, морями, и соединить ихъ въ одно стройное цѣлое, изъ нихъ составить одну величественную полную поэму“.

Хотѣли бы мы видѣть того наиученѣйшаго историка, который взялся бы составить и преподавать курсъ по такой программѣ. Но, конечно, никто не поставитъ Гоголю въ минусъ мечты о такомъ трудѣ. Во времена Гоголя доживалъ свои послѣдніе дни, но не отжилъ, однако, совсѣмъ взглядъ на исторію какъ на „историческое искусство“, при которомъ отъ историка требовались не столько основательность разработки, сколько широта обобщеній и художественная изобразительность. Еще не отошло въ область преданій профессорствованіе поэта и медика по спеціальному образованію Шиллера, которому ученѣйшій іенскій университетъ предложилъ каѳедру всеобщей исторіи за „Исторію отпаденія Нидерландовъ“, съ строго-научной точки почти не имѣющую никакой цѣны и интересную только по блестящему литературному изложенію. Еще вполнѣ свѣжо было колоссальное впечатлѣніе, произведенное исторіею Карамзина, успѣхъ которой покоился не на эрудиціи, а на художественной изобразительности и нравственно-политическомъ морализированіи. Почти десять лѣтъ спустя послѣ появленія „Плана“ Гоголя, Бѣлинскій, самъ хотя и не спеціалистъ, но всегда отражавшій кругъ представленій наиболѣе научно-образованныхъ круговъ своего времени, ставитъ историку такія же задачи (см. начало его статьи о „Россіи до Петра Великаго“).

Но если еще можно что-нибудь сказать, съ чисто-научной точки зрѣнія, противъ стремленія превратить всемірную исторію въ „поэму“, то именно въ этой „ненаучности“ нельзя не видѣть чрезвычайно благопріятнаго обстоятельства для расширенія творческаго горизонта Гоголя въ одну изъ самыхъ напряженныхъ эпохъ его духовной жизни,—въ моментъ окончательной обработки „Ревизора“. Тотчасъ по оставленіи университета, 6 декабря 1835 г., Гоголь писалъ Погодину:

„Я расплевался съ университетомъ, и черезъ мѣсяцъ опять беззаботный казакъ. Неузнанный я взошелъ на кафедру и неузнанный схожу съ нея. Но въ эти годы—годы моего безславія, потому что общее мнѣніе говоритъ, что я не за свое дѣло взялся,—въ эти полтора года я много вынесъ оттуда и прибавилъ въ сокровищницу души. Уже не дѣтскія мысли, не ограниченный прежній кругъ моихъ свѣдѣній, но высокія, исполненныя истины и ужасающаго величія мысли волновали меня!.. Миръ вамъ, мои небесныя гостьи, наводившія на меня божественныя минуты въ моей тѣсной квартирѣ, близкой къ чердаку! Васъ никто не знаетъ, васъ вновь опускаю на дно души до новаго пробужденія: когда вы исторгнетесь съ большею силою и не посмѣетъ устоять безстыдная дерзость ученаго невѣжи, ученая и неученая чернь, всегда соглашающаяся публика и проч., и проч...“ (I, 357).

Невозможно, конечно, съ полною опредѣленностью сказать, къ какой сферѣ относятся тѣ „исполненныя ужасающаго величія“ мысли, о которыхъ идетъ рѣчь въ этомъ первостепенной важности отрывкѣ

изъ лѣтописи творчества Гоголя. Они, несомнѣнно, охватываютъ всю совокупность его душевной жизни въ эпоху профессорствованія, которая, вмѣстѣ съ тѣмъ, есть эпоха упорной работы надъ окончательной отдѣлкой „Ревизора". Отчасти, конечно, слова Гоголя относятся къ спеціальному кругу взглядовъ его на историческую жизнь. Но несомнѣнно, что тутъ и пророческое предвидѣніе того значенія, которое предстояло получить окончательно „исторгнувшемуся" теперь изъ творческихъ нѣдръ „Ревизору". „Божественныя минуты", видимо, съ одной стороны относятся къ уясненію для Гоголя судебъ человѣчества. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, тутъ ярко и проникновенно сказалась память о тѣхъ волшебныхъ посѣщеніяхъ генія, когда умственному взору Гоголя представилось во всей его силѣ значеніе великой комедіи. А „новое пробужденіе", можетъ быть, относится къ дальнѣйшему развитію зачатыхъ ужъ тогда „Мертвыхъ душъ".

Но опредѣленность въ данномъ случаѣ не имѣетъ рѣшительно никакого значенія. Совсѣмъ не важны точныя очертанія тѣхъ мыслей, думъ и чувствъ, которыя волнуютъ писателя, важно только, чтобы онъ горѣлъ и волновался и чтобы это волненіе направляло его душевную жизнь въ одну опредѣленную сторону. Душа писателя-творца есть горнило, въ которомъ въ моменты рожденія великихъ произведеній плавится благородный металлъ таланта и горитъ святой огонь вдохновенія. Только наличность и порода плавящагося металла и имѣетъ значеніе, а уже ту или другую вполнѣ опредѣленную форму драгоцѣнная масса непремѣнно приметъ. И сейчасъ приведенный разсказъ Гоголя о томъ, что происходило въ его душѣ въ годы созданія „Ревизора", прежде всего важенъ тѣмъ, что отъ него пышетъ страшнымъ внутреннимъ огнемъ, что насъ обдаетъ тѣмъ жаромъ, въ пылу котораго выкована великая комедія. А затѣмъ мы ясно видимъ, что раздувало и поддерживало въ душѣ Гоголя творческій огонь. Не беззаботный смѣхъ, не зубоскальство, не желаніе забавить, а мысли „ужасающаго величія" создали „веселую" комедію. То единственно-честное лицо среди плутовъ и пошляковъ „Ревизора", которое Гоголь впослѣдствіи вводилъ въ объясненіе своей комедіи— авторское отношеніе,—не фраза, значитъ, потомъ придуманная. Предъ нами реальный фактъ, „волненіе" самаго высокаго свойства наполняло душу автора въ теченіе всѣхъ двухъ лѣтъ, которыхъ потребовало созданіе „Ревизора".

И вотъ съ полною опредѣленностью вырисовывается картина духовной жизни Гоголя въ знаменательный періодъ соединенія въ одно неразрывное цѣлое его научной и художественной дѣятельности. Схема получается такая: въ эпоху во всякомъ случаѣ усиленныхъ историческихъ занятій, въ эпоху мечтаній создать „поэму" всеоб-

щей исторіи, въ годы, когда Гоголю, какъ онъ писалъ Погодину, казалось, что ему суждено „сдѣлать кое-что необщее во всеобщей исторіи“ (I, 275), онъ столь же усиленно работаетъ надъ произведеніемъ, которое открываетъ собою гражданскій періодъ русской литературы. Есть ли физическая возможность, чтобы не установилось взаимодѣйствіе, когда голова и душа работали одновременно и надъ исторіей и надъ комедіей, когда утромъ или вечеромъ писалась или обдумывалась лекція, а вечеромъ или утромъ писалась или обдумывалась сцена изъ „Ревизора“. Разсказывая Погодину въ началѣ 1833 года о тѣхъ крайне знаменательныхъ (мы еще дальше къ нимъ вернемся) причинахъ, въ силу которыхъ у него не двигалась такъ и оставшаяся неоконченною злѣйшая по замыслу комедія „Владиміръ 3-ьей степени“, Гоголь пишетъ:

„Итакъ, за комедію не могу приняться, а примусь за исторію — передо мною движется сцена, шумитъ аплодисментъ, рожи высовываются изъ ложъ, изъ райка, изъ креселъ и оскаливаютъ зубы, и — исторія къ чорту“ (I, 245).

Если такъ тѣсно было соприкосновеніе въ 1833 году, при сочиненіи *не*оконченной и *не*обязательныхъ историческихъ занятій, то что же говорить о 1835 годѣ, съ его интенсивнѣйшей работой надъ оканчиваемой комедіей и обязательными занятіями исторіей для подготовленія къ лекціямъ?

Рука объ руку шли теперь и историческія и художественныя думы Гоголя. Напряженно размышлялъ Гоголь о судьбахъ народовъ, размышлялъ всегда въ обобщающихъ и анализирующихъ очертаніяхъ, потому что собственно самое изложеніе историческихъ событій его никогда не занимало. Размышлялъ онъ также о гражданскомъ бытѣ и устройствѣ, которому вообще посвящалъ много вниманія въ своихъ историческихъ статьяхъ и подготовительныхъ набросках. И въ это же самое время онъ весь горѣлъ творческимъ напряженіемъ, чтобы ярче изобразить порядки и атмосферу того города, судьбами котораго заправлялъ Сквозникъ-Дмухановскій. Мысли „ужасающаго величія“ возникали у него, когда онъ думалъ о явленіяхъ исторической жизни западно-европейскихъ и восточныхъ народовъ. Неужели же онѣ его оставляли какъ разъ въ тотъ моментъ, когда онъ переходилъ къ явленіямъ русской жизни? Не забудемъ же того, что „Ревизоръ“ не есть непосредственная фотографія съ живой дѣйствительности, а одно изъ самыхъ сконцентрированныхъ синтетическихъ произведеній, гдѣ все есть обобщеніе, все есть результатъ суммированія отдѣльныхъ чертъ. Предъ нами, такимъ образомъ, моментъ общаго напряженія именно рефлектирующей стороны Гоголевскаго духа, періодъ не непосредственнаго, а глубоко-размышляющаго твор-

чества. Это-то, конечно, и сообщило веселому анекдоту, который Пушкинъ разсказалъ Гоголю, такія грандіозныя очертанія и превратило его въ потрясающую картину всего нашего общественно-государственнаго уклада.

IV.

Если Гоголь-историкъ цѣнится у насъ, обыкновенно, незаслуженно мало, то Гоголь-критикъ просто мало кому извѣстенъ. Въ обширной литературѣ о Гоголѣ эта сторона его дѣятельности почти никѣмъ не разсматривается. А, между тѣмъ, она достаточно поучительна и уже вполнѣ безспорно обрисовываетъ Гоголя не только какъ безсознательнаго художника-творца, но и какъ литературнаго судью съ вполнѣ опредѣленными взглядами на задачи литературной дѣятельности.

Первымъ критическимъ опытомъ Гоголя является „Нѣсколько словъ о Пушкинѣ", въ „Арабескахъ". Небольшая статья теперь, конечно, никого не можетъ удивить новизною или оригинальностью мыслей. Но для своего времени и въ тотъ моментъ, когда она была написана (1833), статья была выраженіемъ серьезнаго и вдумчиваго литературнаго міросозерцанія. Въ началѣ 30-хъ годовъ слава Пушкина стала меркнуть. Публика, пораженная трескомъ и блескомъ Марлинскаго, отнеслась холодно къ той пластичной простотѣ, которая характеризуетъ творчество Пушкина во вторую, лучшую и наиболѣе зрѣлую пору его дѣятельности. Въ этотъ-то моментъ было несомнѣнно проявленіемъ мало обычной здравости вкуса, когда Гоголь напоминалъ, что „чѣмъ предметъ обыкновеннѣе, тѣмъ выше надо быть поэту, чтобы извлечь изъ него необыкновенное и чтобы это необыкновенное, было, между прочимъ, совершенная истина". Съ этой точки зрѣнія онъ скорбѣлъ о томъ, что „недостаточно оцѣнены послѣднія произведенія Пушкина. Опредѣлилъ ли кто „Бориса Годунова", это высокое, глубокое произведеніе, заключенное во внутренней, неприступной поэзіи, отвергнувшее всякое грубое, пестрое убранство, на которое обыкновенно заглядывается толпа".

Наибольшій интересъ изъ критическихъ опытовъ Гоголя представляетъ появившаяся анонимно въ 1-й книгѣ Пушкинскаго „Современника" (1836) статья „О движеніи журнальной литературы въ 1834 и 1835 годахъ". Свидѣтельствомъ современнаго значенія ея можетъ служить отзывъ Бѣлинскаго, который, разбирая въ „Молвѣ" первый № „Современника" и не зная, кому принадлежитъ статья, принялъ

ее за profession de foi новой редакціи и по ней судилъ о „духѣ и направленіи“ журнала. Передавая содержаніе статьи, Бѣлинскій считаетъ „за долгъ сказать, что всѣ эти сужденія не только изложены рѣзко, остро и ловко, но даже безпристрастно и благородно“. Послѣдніе эпитеты Бѣлинскій счелъ нужнымъ прибавить въ виду того, что „авторъ статьи не исключаетъ изъ своей опалы ни одного журнала“ „И хотя“,—прибавляетъ Бѣлинскій—„его сужденіе и о нашемъ изданіи совсѣмъ не лестно для насъ, но мы не видимъ въ немъ ни злонамѣренности, ни зависти, ни даже несправедливости“ (Бѣлинскій, Соч., по нашему изд., т. III, 4). Больше всего Бѣлинскаго привелъ въ восторгъ взглядъ статьи на назначеніе журналистики, характеристика безпринципнаго паясничества Брамбеусовской „Библіотеки для чтенія“ и продажности „Сѣв. Пчелы“. И это, дѣйствительно, лучшая часть статьи. Правда, тутъ не все могло казаться новымъ. Такъ, напр., Бѣлинскій совершенно справедливо говорилъ: „О Библіотекѣ для чтенія“ высказаны истины „рѣзкія и горькія для нея, но уже извѣстныя и многими еще прежде сказанныя“. Между прочимъ, самимъ Бѣлинскимъ еще въ концѣ 1834 г. въ „Литературнымъ мечтаніяхъ“ была сдѣлана Брамбеусу страстная отповѣдь, въ которую молодой критикъ вложилъ всю силу присущей ему способности возмущаться пошлостью и безпринципностью. Если мы, тѣмъ не менѣе, ставимъ Гоголю въ особую заслугу протестъ противъ имѣвшей огромнѣйшій успѣхъ „Библіотеки“, то потому, что въ частной перепискѣ Гоголь давнымъ давно возсталъ противъ „брамбеусины“, какъ онъ выразился въ письмѣ къ Погодину (I, 273). Въ печати, и при томъ въ очень смягченной формѣ, Гоголь выразилъ свое негодованіе только въ 1836 году въ разбираемой теперь статьѣ. Но въ письмѣ къ Погодину отъ 11 января 1834 г. все это было высказано тотчасъ послѣ выхода первой же, столь поразившей публику, книжки „Библіотеки для чтенія“:

„... подъ ногами у тебя валяется толстый дуракъ, т. е. первый № Смирдинской „Библіотеки“. Кстати о „Библіотекѣ“. Это довольно смѣшная исторія. Сенковскій очень похожъ на стараго пьяницу и забулдыжника, котораго долго не рѣшался впускать въ кабакъ даже самъ цѣловальникъ, но который, однако-жъ, ворвался и бьетъ, очертя голову, сулеи, штофы, чарки и весь благородный препаратъ. Сословіе, стоящее выше Брамбеусины, негодуетъ на безстыдство и наглость кабачнаго гуляки. Сословіе, любящее приличіе, гнушается и читаетъ. Начальники отдѣленій и директоры департаментовъ читаютъ и надрываютъ бока отъ смѣху. Офицеры читаютъ и говорятъ: „С... сынъ, какъ хорошо пишетъ“. Помѣщики покупаютъ и подписываются и, вѣрно, будутъ читать. Одни мы, грѣшные, откладываемъ на запасъ для домашняго хозяйства“ (I, 273).

По этой удивительно-мѣткой характеристикѣ успѣха Брамбеуса-Сенковскаго можно подумать, что Гоголь хотя и очень быстро и

чутко, но все-таки отразилъ мнѣніе кружковъ, „стоящихъ выше Брамбеусины“. Но въ дѣйствительности, однако, Гоголю безусловно принадлежитъ честь перваго опредѣленія литературной цѣны этого столь важнаго литературнаго явленія тридцатыхъ годовъ. Уже 20 февраля 1833 г., за годъ до выхода „Библіотеки“, когда Брамбеусъ и имени никакого не имѣлъ, Гоголь писалъ Погодину:

„Читалъ ли ты Смирдинское „Новоселье“? Для меня оно замѣчательно тѣмъ, что здѣсь въ первый разъ показались въ печати такія гадости, что читать мерзко. Прочти Брамбеуса: сколько тутъ и подлости, и вони, и всего“ (I, 246).

Въ этой прозорливости нельзя не усмотрѣть весьма тонкаго пониманія особенностей своего собственнаго творчества. Дѣло въ томъ, что Брамбеусъ до извѣстной степени писалъ въ томъ же стилѣ, какъ и самъ Гоголь. На грубый вкусъ у нихъ было много общаго. Та же „забавность“, то же остроуміе, которое къ тому же, какъ ни относиться строго къ Брамбеусу, было у него не заурядное, тѣ же, наконецъ, экскурсы въ сферы, для представителей литературной чопорности казавшіяся „грязью“. Благодаря этой внѣшней близости, получалась возможность для людей, неспособныхъ отличать золото отъ мишуры, смѣшивать обоихъ „забавныхъ“ писателей. И ихъ смѣшивали не разъ даже люди, безконечно преклонявшіеся предъ Гоголемъ. Почтенная Марья Ивановна Гоголь, безграничное благоговѣніе которой предъ талантами сына доходило до величайшихъ курьезовъ, прямо въ ярость приводила его, приписывая ему нѣкоторыя повѣсти Брамбеуса (I, 293), казавшіяся ей, какъ и всей провинціи, верхомъ ядовитаго остроумія. Но Гоголь-то съ перваго момента появленія Брамбеуса понялъ всю глубину бездны, ихъ отдѣляющей, все безграничное несходство внутреннихъ побужденій. Онъ, „копавшійся въ грязи“, чтобы показать, какіе перлы таятся на днѣ ея и чтобы сквозь эту грязь провести людей къ свѣту, онъ, „забавляя“ своихъ читателей, ни на одну минуту не разстававшійся съ тоскою по совершенству, не могъ не отнестись съ истиннымъ омерзеніемъ къ чисто-клоунскому барахтанію въ грязи Брамбеуса, сознательно спекулировавшаго на возбужденіе низменныхъ инстинктовъ. Оттого-то онъ и встрепенулся такъ, и нельзя объяснять его отношенія къ Брамбеусу однимъ чувствомъ досады. Тутъ замѣчательна искренность и сила презрѣнія. Извѣстно изъ жизни самыхъ великихъ писателей, что подъ вліяніемъ очень шумнаго успѣха въ нихъ зарождалось желаніе подражать вещамъ, безусловно ниже стоящимъ ихъ собственныхъ произведеній? Кому, напр., придетъ въ умъ сопоставлять геніальныя въ своей правдивой простотѣ повѣсти Пушкина съ фейерверочнымъ романтизмомъ повѣстей Марлинскаго? Однако, Пушкинъ далеко не

сознавалъ этого превосходства и съ извѣстнымъ чувствомъ не личной, а именно творческой зависти приглядывался къ огромному впечатлѣнію, которое производила эфектная напыщенность Марлинскаго, и кое въ чемъ подражалъ ему. И вотъ почему мы въ глубочайшемъ и искреннѣйшемъ презрѣніи, именно презрѣніи и ни мало не зависти, Гоголя къ модному Брамбеусу не можемъ не усмотрѣть доказательства полнаго и яснаго разумѣнія свойствъ своего собственнаго творчества.

Отношеніе Гоголя къ модному Брамбеусу, убійственная характеристика сильной своимъ вліяніемъ на среднюю публику „Сѣв. Пчелы" и мѣткое приравниваніе дававшаго всѣмъ свое имя Греча къ „почтеннымъ пожилымъ людямъ", которыхъ приглашаютъ въ посаженые отцы на всѣ свадьбы" были выраженіемъ тонкаго вкуса Гоголя и умѣнья его понимать литературныя индивидуальности. Но въ этой же статьѣ Гоголь проявилъ и высокія общія представленія о литературной дѣятельности. Главный упрекъ, съ которымъ онъ обращался къ „Библіотекѣ для чтенія" было отсутствіе у Брамбеусовскаго журнала „цѣли". Разсказавъ, какъ блестяще была поставлена Смирдинымъ въ журналѣ издательская часть, какъ много даетъ журналъ своимъ подписчикамъ литературнаго матеріала, какъ много было привлечено хорошихъ писателей, критикъ считаетъ, однако, все это недостаточнымъ:

„Никто не позаботился,—говоритъ онъ,—о весьма важномъ вопросѣ „долженъ-ли журналъ имѣть какой-нибудь опредѣленный тонъ, одно уполномоченное мнѣніе, или онъ долженъ быть складочнымъ мѣстомъ всѣхъ мнѣній, всѣхъ толковъ, составить какую-то разнохарактерную ярмонку, гдѣ каждый хлопочетъ о своемъ" (стр. 331).

„Какая цѣль была редактора этого журнала?—спрашиваетъ опять Гоголь черезъ нѣсколько страницъ.—Какой начерталъ себѣ путь журналъ, что такое избралъ онъ девизомъ, какая свѣтлая мысль, какое доброе, радушное, увлекающее слово скажетъ онъ на воспитаніе всеобщее молодого и великаго нашего отечества" (стр. 331).

А еще черезъ нѣсколько строкъ у Гоголя вырывается удивительно характерная для него тирада:

„Прочитавши всѣ статьи, помѣщенныя въ этомъ журналѣ, слѣдуя за всѣми словами, сказанными имъ (Сенковскимъ), невольно остановишься въ изумленіи: что это такое? что заставляло писать этого человѣка, когда его не мучило ни одно желаніе сказать еще несказанное свѣту" (стр. 332).

Въ этихъ словахъ весь Гоголь съ его литературнымъ страданіемъ, съ его страстнымъ стремленіемъ выразить всю полноту своей души, которое подъ конецъ жизни только приняло трагическіе размѣры, но глубоко сидѣло въ немъ съ первыхъ же шаговъ на литературномъ поприщѣ. А во всѣхъ приведенныхъ выдержкахъ, вмѣстѣ взятыхъ, мы уже видимъ ясныя очертанія того пророчески-высокаго взгляда

на задачи писателя, который иной разъ приводилъ къ недостаточно объективно комментируемому у насъ „высокомѣрію“ Гоголя, но которое на самомъ дѣлѣ были только естественнымъ отраженіемъ и великаго его генія и огромнаго значенія, пріобрѣтеннаго русскою литературою.

Требованіе „увлекающаго“ и „несказаннаго свѣту“ слова „на воспитаніе молодого и великаго нашего отечества“ до такой степени составляло святую святыхъ Гоголя, что онъ, видимо, не захотѣлъ даже до поры до времени выступать съ нимъ передъ публикою. Онъ какъ будто еще стѣснялся провозглашать лозунгъ, который невольно наводилъ на мысль, что самъ-то авторъ говоритъ слово и „увлекающее“ къ добру и еще „несказанное свѣту“. Въ печать эти лирическія мѣста его статьи не попали. Мы цитировали не по тексту, который явился въ „Современникѣ“ и потомъ перепечатывался въ собраніяхъ сочиненій Гоголя, а по черновымъ набросками, впервые напечатаннымъ въ VI томѣ Тихонравовскаго (X-го) изданія. Для печати самъ Гоголь, который всегда былъ возвышенъ въ первыхъ своихъ порывахъ, но далеко не всегда оставался на высотѣ этихъ порывовъ въ дальнѣйшихъ стадіяхъ, многое сгладилъ, смягчилъ и обезличилъ. Такимъ образомъ, въ приведенныхъ выдержкахъ предъ нами отрывки изъ задушевнаго дневника, возгласы, вытекшіе изъ того же самого настроенія, которое сказалось въ одномъ изъ первыхъ же петербургскихъ писемъ Гоголя къ матери, гдѣ онъ мечталъ „разсѣивать благо и работать на пользу міру“ (I, 124).

Экскурсіи Гоголя въ область критики не ограничиваются статьями о Пушкинѣ и движеніи журнальной литературы. Онъ позднѣе не разъ высказывался по литературнымъ вопросамъ. Но мы этого теперь не станемъ касаться, потому что насъ покамѣстъ интересуетъ интеллектуальный міръ Гоголя въ эпоху созданія перваго великаго гражданскаго произведенія его—„Ревизора“.

Какъ самое появленіе статьи Гоголя въ казовой книжкѣ пушкинскаго „Современника“, такъ и самое содержаніе бойкаго, остроумнаго и благороднаго отпора литературной пошлости и безпринципности произвели, несомнѣнно, большое впечатлѣніе на лучшую часть публики. Дѣлая къ ней кое-какія дополненія, одинъ изъ читателей „Современника“—А. Б. (Безсоновъ) въ „Письмѣ къ издателю“, напечатанному въ 3-ей книжкѣ журнала, между прочимъ, говоритъ: „Статья о движеніи журнальной литературы по справедливости обратила на себя общее вниманіе“. Если къ этому присоединить восторги Бѣлинскаго, то едва ли будетъ надобность дальше останавливаться на доказательствахъ того, что статья выдвигаетъ Гоголя въ первые ряды мыслящихъ людей своего времени. Предъ нами уже совер-

шенно безспорно не только безсознательно творящій художникъ, но и тонкій представитель рефлексіи. Прибавимъ только еще одинъ чрезвычайно знаменательный фактъ. Въ своемъ дневникѣ Пушкинъ 7 апрѣля 1834 г. сдѣлалъ такую запись:

„Гоголь, по моему совѣту, началъ исторію русской критики“ (Соч., изд. Литературнаго Фонда, т. V, 205).

Изъ этой затѣи ничего не вышло. Пока Гоголь не попалъ на настоящій путь, пока огромное впечатлѣніе, произведенное „Ревизоромъ“, не укрѣпило его окончательно въ сознаніи своихъ великихъ силъ, онъ кидался въ разныя стороны и былъ занятъ планами самыхъ разнообразныхъ нехудожественныхъ предпріятій: то затѣвалъ исторію Малороссіи и печаталъ въ газетахъ просьбы о присылкѣ ему матеріаловъ, то собирался „дернуть“ исторію среднихъ вѣковъ въ восьми томахъ и т. д. Послѣ „Ревизора“ всѣ эти затѣи разсѣялись, какъ дымъ, и Гоголь даже не вспоминалъ о своихъ многочисленныхъ проектахъ. Не вернулся онъ и къ исторіи русской критики. Но отъ этого самый фактъ пушкинскаго предложенія не теряетъ своей знаменательности. Какого высокаго мнѣнія о Гоголѣ, какъ мыслящемъ человѣкѣ, долженъ былъ быть Пушкинъ, съ его тончайшимъ вкусомъ и разностороннею образованностью, чтобы предложить молодому писателю такую сложную и отвѣтственную литературно-критическую задачу,

---

V.

Переходя отъ Гоголя-историка и Гоголя-критика къ Гоголю—творцу „Ревизора“ и вопросу о степени сознательности этого великаго литературно-гражданскаго подвига, считаемъ очень поучительнымъ вспомнить тутъ исторію происхожденія другого великаго литературно-гражданскаго подвига—тургеневскихъ „Записокъ Охотника“.

Мы, съ одной стороны, знаемъ изъ собственныхъ показаній творца ихъ, что „Записки Охотника“ были исполненіемъ „Аннибаловской клятвы“ бороться съ крѣпостнымъ правомъ, которую авторъ далъ себѣ подъ совокупнымъ вліяніемъ знакомства съ европейскою жизнью, просвѣтительныхъ идей кружка Бѣлинскаго и ужасныхъ впечатлѣній, вынесенныхъ изъ родительскаго дома. Но, съ другой стороны, знаемъ мы и вотъ что. Въ концѣ 1846 года, когда „Современникъ“ переходилъ въ руки новаго литературнаго поколѣнія, Панаевъ обратился къ Тургеневу съ просьбой дать что-нибудь для

первой книжки преобразованнаго журнала. У Тургенева ничего „серьезнаго“ въ портфелѣ не оказалось. Но валялся у него маленькій „пустячекъ“, который онъ и предложилъ Панаеву. Панаевъ радъ былъ и пустячку; однако, соотвѣтственно безхитростному типу очерка, помѣстилъ его не въ отдѣлѣ заправской беллетристики, а засунулъ въ отдѣлъ „Смѣси“. А чтобы окончательно обезоружить какія бы то ни было строгія требованія, Панаевъ къ скромному и безъ того заглавію очерка „Хорь и Калинычъ“ прибавилъ еще подзаглавіе (Изъ записокъ охотника). Этимъ всякія требованія уже окончательно устранялись: чего же и ждать отъ мимолетныхъ впечатлѣній охотника.

Публика оказалась проницательнѣе и автора и редактора. Ударивъ въ нервъ времени, отвѣтивъ потребности лучшихъ сердецъ ласково отнестись къ закрѣпощенному народу, „Хорь и Калинычъ“ обратилъ на себя всеобщее вниманіе. Успѣхъ окрылилъ начинавшаго охладѣвать къ своей литературной дѣятельности Тургенева, онъ въ томъ же тонѣ одинъ за другимъ пишетъ рядъ такихъ же очерковъ, которые вмѣстѣ взятые и были блистательнымъ исполненіемъ клятвы. Однако, какъ ни ясны были свойства успѣха очерковъ, значеніе „Записокъ охотника“ не сразу выяснилось въ полной мѣрѣ. Великій литературный прозорливецъ Бѣлинскій видѣлъ въ Тургеневѣ не больше, какъ писателя Далевскаго типа. И въ то же время какъ во всѣхъ отношеніяхъ ниже стоящій „Антонъ Горемыка“ Григоровича произвелъ на него потрясающее впечатлѣніе, появившіеся при его жизни превосходные первые очерки „Записокъ Охотника“, сравнительно, тронули его мало. Окончательно значеніе „Записокъ Охотника“ установилось позже.

Разсказанный эпизодъ въ высшей степени характеренъ и вводитъ вопросъ о сознательности творчества въ надлежащія границы. Если бы мы не знали, что „Записки Охотника“ представляютъ собою исполненіе клятвы, мы бы имѣли тутъ яркое подтвержденіе извѣстнаго уже намъ мнѣнія Бѣлинскаго, что творчество геніевъ вообще и Гоголя въ частности идетъ путемъ безсознательнымъ. Но такъ какъ мы знаемъ совершенно точно, что „Записки Охотника“—это единственно *геніальное* произведеніе въ ряду просто первоклассныхъ произведеній Тургенева—имѣли своимъ источникомъ совершенно опредѣленное намѣреніе, выводъ получается иной. Мы убѣждаемся, что въ тѣхъ случаяхъ, когда данная мысль и данное настроеніе насквозь, органически проникаютъ писателя, когда эта мысль и это настроеніе сложились въ душѣ писателя совершенно ясно и отчетливо, то нѣтъ того „пустячка“, въ которомъ все это не сказалось бы въ полной силѣ. И достаточно самаго внѣшняго повода, какимъ по

отношенію къ Тургеневу былъ успѣхъ перваго очерка, чтобы вдохновеніе забило ключемъ и вывело бы на свѣтъ Божій все скопившееся на днѣ творческой души настроеніе.

И вотъ такое-то *органическое* проникновеніе можно вполнѣ прослѣдить въ „Ревизорѣ". Если Гоголь даже и не предвидѣлъ всѣхъ выводовъ, которые можно сдѣлать изъ его комедій,—какъ не предвидѣлъ и Тургеневъ широкихъ выводовъ изъ скромнаго „Хоря и Калиныча",—то все-таки, несомнѣнно можно установить, что ни одна деталь въ „Ревизорѣ" не выскочила случайно. Всѣ части картины находятся въ тѣснѣйшей связи съ тѣми вполнѣ опредѣленными взглядами на отдѣльныя стороны и явленія русской жизни, которые сложились у Гоголя въ эпоху созданія комедіи. Переписка намъ даетъ совершенно опредѣленное указаніе, что злая и безпощадная картина зародилась въ моментъ, когда Гоголь, по собственному знаменательному опредѣленію, чувствовалъ въ себѣ особенный приливъ „правды и злости".

„Правда и злость" были заложены въ самый фундаментъ всего нравственнаго существа Гоголя и съ дѣтскихъ лѣтъ составляли самую яркую особенность великаго меланхолика.

Уже въ 18 лѣтъ, вспоминая „прошлое", онъ пишетъ своему другу Высоцкому: „Съ *первоначальнаго* нашего здѣсь (Нѣжинѣ) пребыванія, уже мы поняли другъ друга, а глупости людскія уже рано сроднили насъ; вмѣстѣ *мы осмѣивали ихъ*" (I, 55). Съ годами, по мѣрѣ того какъ расширялся умственный горизонтъ Гоголя, росла въ немъ и опредѣленность отрицательнаго отношенія къ окружающей обстановкѣ, и къ эпохѣ созданія „Ревизора" Гоголь былъ „консерваторомъ" самаго страннаго сорта. Безусловный теоретическій поклонникъ существующаго уклада общественно-государственной жизни, разсматриваемаго какъ цѣлое, онъ къ каждой ея детали относился безусловно отрицательно. Достаточно для этого прослѣдить его отношенія къ отдѣльнымъ сословіямъ. Не стоитъ, конечно, сколько-нибудь подробно останавливаться на томъ, какъ относился Гоголь къ чиновничеству: слишкомъ уже связано въ умѣ каждаго читателя имя великаго сатирика съ бичеваніемъ чиновническихъ злоупотребленій и бездушія. Но интересно будетъ отмѣтить ту глубину презрѣнія, которую питаетъ Гоголь къ чиновничеству и которая рѣзко отдѣляетъ его отъ другихъ писателей, до него бичевавшихъ взяточничество, напримѣръ, Капниста. Для Гоголя чиновникъ не злодѣй, а пошлякъ и ничтожество по преимуществу. Чтобы хронологически не отходить отъ „Ревизора", вспомнимъ написанное въ 1833 году „Утро дѣлового человѣка". Тутъ нѣтъ „бичеванія", а все насквозь пропитано какимъ-то безграничнымъ презрѣніемъ, желаніемъ выяснить полное

ничтожество человѣка, занимающаго очень видный постъ, хотя всѣ его таланты заключаются въ умѣніи слѣдить за каллиграфіей идущихъ къ министру бумагъ. И это общая черта почти всѣхъ чиновниковъ Гоголя: въ нихъ нѣтъ даже простой дѣловитости, они только и умѣютъ, что чваниться, кричать на подчиненныхъ, да самымъ грубымъ и элементарнымъ образомъ брать взятки. За исключеніемъ „весьма, по своему, не глупаго" городничаго, въ огромной галлереѣ гоголевскихъ чиновниковъ и администраторовъ нѣтъ ни одного, которому можно было бы сдѣлать такой сомнительный комплиментъ, что онъ тонкій мошенникъ или хоть и „бестія" и „шельма", но „умная".

Тѣмъ же безграничнымъ пренебреженіемъ проникнуто отношеніе Гоголя къ сословію, которое въ огромномъ большинствѣ его современниковъ почти не возбуждало къ себѣ критическаго отношенія. Мы говоримъ о военныхъ. Для декабриста Марлинскаго, для Лермонтова съ его „горечью и злостью", съ понятіемъ „офицеръ" почти всегда связано представленіе о чемъ-то во всякомъ случаѣ молодомъ, свѣжемъ, а сплошь да рядомъ блестящемъ и увлекательномъ. Для Гоголя же офицеръ всегда какой-то синонимъ глупости и пошлости, а часто кое-чего и похуже. Самый типичный изъ военныхъ, фигурирующихъ въ произведеніяхъ Гоголя эпохи „Ревизора",—поручикъ Пироговъ не обладаетъ даже самою элементарною добродѣтелью своего сословія—онъ не храбръ и въ дѣлахъ „чести" весьма покладистъ. Если „перекидываніе карточками" принимаетъ трагическій характеръ, то уже тутъ непремѣнно на сценѣ военный и даже не малаго чина. Хлестакова на станціи „срѣзалъ" на штосѣ пѣхотный капитанъ, а „господинъ майоръ" въ первоначальномъ наброскѣ „Коляски"—въ *печати это исчезло*—прямо и рекомендованъ авторомъ какъ „страшный шулеръ" (X-ое изд. подъ ред. Тихонравова, т. VI, 374). Не удивительно при такомъ отношеніи, что сообщеніе Максимовичу о томъ, что на открытіе Александровской колонны съѣхалось много военныхъ, у него вылилось въ такой нѣжной формѣ: „*Офицерья* и солдатства страшное множество. Говядина и водка вздорожали страшно" (I, 321).

Отношеніе Гоголя къ высшимъ сословіямъ, хотя и не могло сказаться въ печати въ полной мѣрѣ, все же таки достаточно опредѣленно. Косвенно оно сказалось тѣмъ, что въ художественныхъ произведеніяхъ Гоголя нѣтъ и тѣни того инстинктивнаго преклоненія предъ большимъ свѣтомъ, которое такъ ярко чувствуется даже у Пушкина и Лермонтова, несмотря на громы негодованія противъ великосвѣтской пустоты, ничтожества и бездушія. Негодуютъ противъ чего-то сильнаго. А для Гоголя свѣтскость всегда была сино-

нимомъ жеманничанія и ломанія и, вышутивъ великосвѣтскость второго разбора въ лицѣ губернской аристократіи „Мертвыхъ душъ“, онъ нигдѣ не противопоставилъ ей „настоящую“ великосвѣтскость, какъ это дѣлаетъ и Лермонтовъ, и Марлинскій, и Сологубъ. Для Гоголя даже не существовала „поэзія бала“, такъ обаятельно дѣйствовавшая на всѣхъ писателей 30-хъ и 40-хъ годовъ: вспомнимъ опять „Мертвыя души“, гдѣ балъ у губернатора описывается съ тѣмъ же подсмѣиваніемъ и хихиканіемъ, какъ вечеринка у сослужицевъ Акакія Акакіевича. Но всѣ эти косвенныя указанія, однако, совершенно блѣднѣютъ предъ категоричностью той общей формулировки, которую Гоголь даетъ въ письмѣ къ Погодину отъ 1 февраля 1833 года. Рѣчь идетъ о будущей драмѣ Погодина „Борисъ Годуновъ“:

„Если вы хотите непремѣнно вынудить изъ меня примѣчаніе, то у меня только одно имѣется: ради Бога, прибавьте боярамъ нѣсколько глупой физіономіи. Это необходимо. Такъ даже, чтобы они непремѣнно были смѣшны. *Чѣмъ знатнѣе, чѣмъ выше классъ, тѣмъ онъ глупѣе. Это вѣчная истина. А доказательство въ наше время*“ (I, 236).

Отношеніе Гоголя къ буржуазіи того времени—купечеству, въ которомъ и тогда уже находили множество „истинно-русскихъ“ добродѣтелей, превосходитъ всякую мѣру презрѣнія. Гоголевскіе купцы это уже исключительно мошенники, лишенные образа человѣческаго, съ богатѣйшими изъ которыхъ никто иначе не разговариваетъ какъ на *ты*, и при этомъ прямо въ лицо называя ворами.

Отношеніе Гоголя къ народу составляетъ великій грѣхъ его. На крѣпостного мужика онъ смотритъ какъ на неопрятнаго, глупаго скота, которому не слѣдуетъ давать ни малѣйшей потачки, и „отлыниваніе“ мужика отъ работы на барина Гоголь самымъ искреннимъ образомъ считалъ преступленіемъ со стороны мужика и проявленіемъ заслуживающей всякаго порицанія „нехозяйственности“ со стороны барина. Но мы теперь этой стороны общественныхъ идеаловъ Гоголя не станемъ касаться и пойдемъ къ нему не какъ къ теоретику, а какъ къ *наблюдателю*. И тогда выясняется слѣдующее. Всю жизнь Гоголь, дѣйствительно, оставался человѣкомъ, который ни разу не усомнился въ необходимости и нормальности крѣпостного права. Это безспорно. Но по основнымъ качествамъ своего дарованія не способный отступать отъ жизненной правды, Гоголь въ эпоху расцвѣта своего таланта никогда не идеализировалъ крѣпостной дѣйствительности. Никогда онъ, подобно другимъ теоретикамъ крѣпостного права, не рисовалъ идилліи народно-крѣпостного быта, и крестьянскаго довольства вы у него не найдете. Кромѣ имѣнія Коробочки,

почти всѣ остальные мужики „Мертвыхъ душъ“ въ самомъ жалкомъ положеніи. Пусть все это приводится въ тѣснѣйшую связь съ помѣщичьей безпечностью и пусть на покосившуюся крестьянскую избу Гоголь смотритъ съ тѣмъ же укоромъ нерадивому помѣщику, съ какимъ мы смотримъ на скверный хлѣвъ, уменьшающій выгоды молочнаго хозяйства. Самый фактъ, однако, остается во всей своей неприкосновенности, и въ ту мозаичную картину, въ которую кусочками мы вставляемъ отношеніе Гоголя къ отдѣльнымъ сторонамъ русской жизни, благоденствіе крѣпостного мужика никоимъ образомъ не входитъ. И не слѣдуетъ при этомъ думать, что сознаніе народной бѣдности безсознательно жило въ творческой душѣ Гоголя просто какъ картина, которую онъ затѣмъ и воплощалъ въ художественныхъ произведеніяхъ своихъ. Въ изданныхъ только въ 1896 году гоголевскихъ отрывкахъ и набросках мы наткнулись на чрезвычайно любопытную рецензію, предназначенную для Пушкинскаго „Современника“ 1836 г., но въ печать не попавшую. Можетъ быть, потому, что онъ служилъ когда-то въ департаментѣ удѣловъ, Гоголь взялся написать рецензію о книгѣ „Обозрѣніе сельскаго хозяйства удѣльныхъ имѣній 1832 и 1833 гг.“ и здѣсь разсуждаетъ о причинахъ „младенческаго состоянія“ русскаго земледѣлія. Виноватъ, главнымъ образомъ, мужикъ:

„Что такое русскій крестьянинъ? Онъ раскинутъ, или, лучше сказать, разсѣянъ, какъ сѣмена, по обширному полю, изъ котораго будетъ густой хлѣбъ, но только не скоро. Онъ живетъ уединенно въ деревняхъ, отдаленныхъ большими пространствами, удаленныхъ отъ городовъ,—и городовъ мало чѣмъ богатѣе иныхъ деревень. Лишенный живого, быстраго сообщенія, онъ еще довольно грубъ, мало развитъ и имѣетъ самыя бѣдныя потребности. *Возьмите жизнь земледѣльца — скверна и вредна.* У него пища однообразна: ржаной хлѣбъ и щи,—однѣ и тѣ же щи, которыя онъ ѣстъ каждый день. Возлѣ дома его нѣтъ даже огорода. У него нѣтъ никакой потребности наслажденія. Много ли ему нужно трудовъ и усилій, чтобы достать такую пищу? И какое другое желаніе можетъ занять его по удовлетвореніи этой первой нужды, когда окружающая его глубокая простота никакой не можетъ подать идеи“ (X-ое изд., т. VI, 364).

Какъ ни отнестись по существу къ нападкамъ на мужика за то, что „у него нѣтъ никакой потребности наслажденія“, знаменательно тутъ ясное и отчетливое представленіе, что жизнь мужика „скверна и вредна“. Въ печати эта яркая формула, нѣтъ сомнѣнія, совершенно бы обезцвѣтилась, но теперь она во всей неприкосновенности выразила представленія автора о житьѣ-бытьѣ крѣпостной массы.

Итакъ, вотъ та общая картина, которая слагается изъ отдѣльныхъ представленій „консервативнаго“ автора „Ревизора“ объ отдѣльныхъ элементахъ современнаго ему общественно-государственнаго уклада; жизнь народа „скверна и вредна“, купцы — сплошные воры, чиновники

и судьи—продажны и ничтожны, военное сословіе пошло и лишено нравственныхъ основъ, высшіе классы „смѣшны и глупы“. Къ этому остается прибавить выходки противъ „глупой цензуры“ (I, 338) и сѣтованія на людей „недальнаго ума“, которыхъ „у насъ не мало на первыхъ мѣстахъ“ (I, 270—271).

Мы предвидимъ возраженіе, что подобранныя нами изъ разныхъ мѣстъ отдѣльныя отрицательныя воззрѣнія Гоголя на отдѣльныя явленія русской жизни составляютъ, все же, не больше, какъ мозаику. Можетъ быть, отдѣльные куски этой мозаики, хотя и однородные, только механически прилажены и нѣтъ въ нихъ широкаго, органически-цѣльнаго размаха одной и той же кисти? Можетъ быть, приступая къ комедіи, Гоголь просто выводитъ одно лицо за другимъ, а общій мрачный колоритъ создался самъ собою отъ постояннаго мельканія передъ глазами отдѣльныхъ темныхъ фигуръ?

Тутъ всего проще было бы отвѣтить собственнымъ заявленіемъ Гоголя въ „Авторской исповѣди“ (1848):

„Я увидѣлъ, что въ сочиненіяхъ моихъ (раннихъ) я смѣюсь даромъ, напрасно, самъ не зная зачѣмъ. Если смѣяться, такъ ужъ лучше смѣяться сильно и надъ тѣмъ, что, дѣйствительно, достойно осмѣянья всеобщаго. *Въ „Ревизорѣ“ я рѣшился собрать въ кучу все дурное въ Россіи, какое я тогда зналъ, всѣ несправедливости, какія дѣлаются въ тѣхъ мѣстахъ и въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ больше требуется отъ человѣка справедливости*, и за одинъ разъ посмѣяться надъ всѣми“.

Если бы Бѣлинскому было извѣстно это категорическое заявленіе, онъ, надо думать, не сталъ бы такъ категорически утверждать, что Гоголь творилъ безсознательно. Но и намъ, однако, не слѣдуетъ придавать чрезмѣрное значеніе категоричности гоголевскаго заявленія. Черезъ долгій промежутокъ многое кажется намъ гораздо болѣе цѣльнымъ и стройнымъ, чѣмъ оно было въ дѣйствительности. Несравненно цѣннѣе поэтому вполнѣ точныя *современныя* данныя о настроеніи, изъ котораго вышелъ „Ревизоръ“. Эти данныя связаны съ исторіей неоконченной комедіи Гоголя „Владиміръ 3-й степени“.

„Владиміръ 3-ей степени“ мало кому извѣстенъ подъ своимъ первоначальнымъ именемъ. Но всякій, конечно, знаетъ поразительное по своей ядовитости „Утро дѣлового человѣка“, которое вмѣстѣ съ „Лакейскою“, „Тяжбою“ и „Отрывкомъ“ составляютъ уцѣлѣвшіе обломки комедіи, либо сожженной Гоголемъ, либо вовсе имъ не оконченной. Гоголь страшно былъ занятъ своею комедіею весь конецъ 1832 и большую часть 1833 года. Послушаемъ его собственный разсказъ о томъ, что творилось тогда въ его душѣ. 20 февраля 1833 г. онъ объясняетъ Погодину, почему не двигается начатое имъ историко-географическое сочиненіе „Земля и люди“.

„Чор тъ побери пока трудъ мой, набросанный на бумагѣ, до другого спокойнѣйшаго времени. Я не знаю, отчего я теперь такъ *жажду современной славы. Вся глубина души такъ и рвется наружу.* И я до сихъ поръ не написалъ ровно ничего. Я не писалъ тебѣ: я помѣшался на комедіи. Она, когда я былъ въ Москвѣ, въ дорогѣ, и когда я пріѣхалъ сюда, не выходила изъ головы моей, но до сихъ поръ я ничего не писалъ. Уже и сюжетъ было на дняхъ началъ составляться, уже и заглавіе написалось на бѣлой толстой тетради „Владиміръ 3-й степени", и *сколько злости, смѣха и соли!..* Но вдругъ остановился, увидѣвши, что перо такъ и толкается объ *такія мѣста, которыя цензура ни за что не пропуститъ.* А что изъ того, когда піеса не будетъ играться: драма живетъ только на сценѣ. Безъ нея она, какъ душа безъ тѣла. Какой же мастеръ понесетъ на показъ народу неоконченное произведеніе?—мнѣ больше ничего не остается, какъ выдумать сюжетъ самый невинный, которымъ бы даже квартальный не могъ обидѣться. *На что комедія безъ правды и злости*" (I, 205).

Послѣдняя фраза, столь замѣчательная по силѣ сказавшагося въ ней сконцентрированнаго творческаго настроенія, имѣетъ, конечно, первостепенное значеніе не только для исторіи „Владиміра 3-ей степени". Какъ великолѣпна формула—„что комедія безъ правды и злости!" Наравнѣ съ „незримыми слезами сквозь видимый міру смѣхъ" она даетъ ключъ для уразумѣнія всей сущности Гоголевскаго творчества и совершенно непонятно, почему до сихъ поръ это удивительно мѣткое самоопредѣленіе не стало крылатымъ. Въ частности по отношенію къ „Ревизору", Гоголевская формула имѣетъ не только критическое, но и непосредственное, генетическое значеніе, потому что, не закончивъ „Владиміра 3-й степени", Гоголь *немедленно* принимается за „Ревизора". „Ревизоръ" въ 1836 году только появился на сценѣ, но какъ всѣ Гоголевскія произведенія задуманъ задолго до того. Въ срединѣ 1834 года уже почти была готова вся первоначальная редакція „Ревизора". А такъ какъ эта редакція, уступая позднѣйшей въ отдѣлкѣ чисто-художественной, гораздо рѣзче въ своихъ обличительныхъ стремленіяхъ [1]), то совершенно ясно, что въ замыслѣ „Ревизора" сказалось все настроеніе „Владиміра 3-й степени", весь приливъ „правды и злости", охватившей тогда Гоголя. Потерявъ надежду выразить его въ одной комедіи, онъ ухватывается за анекдотъ, разсказанный ему Пушкинымъ въ концѣ 1833 года, не остывъ еще отъ „Владиміра", тотчасъ берется за „Ревизора", и одно и то же настроеніе отливается только въ новую форму, оставаясь по существу тѣмъ же самымъ.

---

1) Это сравненіе еще не сдѣлано въ критической литературѣ о Гоголѣ и, чтобы не быть бездоказательными, приведемъ наудачу нѣсколько образчиковъ.

Въ первой сценѣ городничій читаетъ письмо Чмыхова: „Такъ какъ я знаю, что за тобою, какъ за всякимъ, водятся грѣшки потому что ты че-

Таковъ моментъ зарожденія „Ревизора“. Предъ нами опредѣленное, цѣльное, ясное настроеніе, и теперь исторія происхожденія великой комедіи, извѣстная намъ изъ „Авторской исповѣди“, можетъ считаться вполнѣ вѣрнымъ историческимъ свидѣтельствомъ. Гоголь, такимъ образомъ, создавая „Ревизора“, не только опредѣленно и обдуманно относился къ каждой детали, не только сознательно собиралъ здѣсь „все дурное въ Россіи“, не только весь горѣлъ „правдою и злостью“, но даже опредѣленно зналъ, что его „правда“ нецензурна, жаловался всѣмъ друзьямъ на безвыходность своего положенія, такъ что Пушкинъ справляется о „Владимірѣ 3-ей степени“ въ такой формѣ: „Кланяюсь Гоголю; что его комедія, въ ней же *закорючка*?“

Дальше уже, конечно, никакая сознательность идти не можетъ, и потому высокое гражданское значеніе „Ревизора“ дѣлаетъ и автора его писателемъ-гражданиномъ по преимуществу.

VI.

Огромное и ярко-опредѣленное впечатлѣніе, произведенное „Ревизоромъ“, кладетъ, во всякомъ случаѣ, конецъ какимъ бы то ни было разговорамъ о безсознательности творчества во *вторую* половину литературной дѣятельности Гоголя. Если даже допустить возможность, что Гоголь раньше не вѣдалъ, что творилъ, что какимъ-то образомъ вся „злость и правда“, которую „цензура не пропуститъ“ дѣйствовали въ немъ стихійно, то уже теперь объ этомъ физически не можетъ быть

ловѣкъ умный и не любишь пропускать того, что плыветъ въ руки...“ (*остановясь*), ну здѣсь свои“...

Въ первоначальной редакціи это мѣсто гораздо рѣзче и послѣ словъ „плыветъ въ руки“ читаемъ: „То я совѣтую тебѣ взять предосторожность и *удержаться на время отъ прибыточной стрижки, какъ называешь взносы со стороны просителей и непросителей*“.

Во второй сценѣ второй редакціи городничій въ разговорѣ съ почтмейстеромъ какъ-бы лично придумываетъ остроумный способъ письма „этакъ немножко распечатать и прочитать, не содержится-ли въ немъ какого-нибудь донесенія или просто переписки. Если-же нѣтъ, то можно опять запечатать“. А изъ первой редакціи мы узнаемъ, что не одинъ городничій додумался до этого средства; послѣ словъ „опять запечатать“ первый набросокъ прибавляетъ: „*Для этого есть разныя глиняныя формы*“.

Въ этомъ родѣ всѣ отличія первой редакціи отъ второй, менѣе вызывающей и рѣзкой.

рѣчи. Потрясающее впечатлѣніе перваго же представленія „Ревизора“ (19 апр. 1836 г.) не оставляло никакихъ сомнѣній ни относительно силы взмаха сатирическаго бича, ни относительно того, противъ чего онъ былъ направленъ. Иные усмотрѣли тутъ только „глупую фарсу“, какъ аттестовалъ пьесу Никитенкѣ графъ Канкринъ („Дневникъ“, т. I, стр. 369). Но большинство поняло, что рѣчь идетъ не только о томъ захолустьѣ, отъ котораго хоть три года скачи, ни до какого государства не доскачешь. Присутствовавшій на представленіи императоръ Николай сказалъ: „Всѣмъ досталось, а больше всего мнѣ“. Черезъ 10 дней послѣ перваго представленія Гоголь пишетъ Щепкину: „Всѣ противъ меня. Чиновники пожилые и почтенные кричатъ, что для меня нѣтъ ничего святого, когда я дерзнулъ такъ говорить о служащихъ людяхъ; полицейскіе противъ меня; купцы противъ меня; литераторы противъ меня. Если бы не высокое заступничество Государя, пьеса моя не была бы ни за что на сценѣ, и уже находились люди, хлопотавшіе о запрещеніи ея“ (I, 369).

Это, какъ ему казалось, „общее“ осужденіе на первыхъ порахъ какъ будто подѣйствовало на Гоголя угнетающимъ образомъ. По разсказу Анненкова, Гоголь прямо изъ театра пріѣхалъ къ своему закадычному другу, поэту Н. Я. Прокоповичу, гдѣ собралось нѣсколько человѣкъ, и все время былъ раздраженъ и разстроенъ до крайности. Когда Прокоповичъ со словами: „Полюбуйтесь на сынка“ поднесъ ему только что вышедшій экземпляръ „Ревизора“, Гоголь швырнулъ книгу на полъ, подошелъ къ столу и, опираясь на него руками, задумчиво сказалъ: „Господи Боже! Ну, если бы одинъ, два ругали, ну и Богъ съ ними, а то всѣ, всѣ“... (Анненковъ, „Воспоминанія и критическіе очерки“, т. I, стр. 193). Письма, относящіяся къ апрѣлю, маю и іюню 1836 года полны глубокой тоски, и Гоголь во „всеобщемъ“ ожесточеніи, вызванномъ „Ревизоромъ“, видитъ угрозу всей своей будущей литературной дѣятельности. „Столица щекотливо оскорбляется тѣмъ, что выведены нравы шести чиновниковъ провинціальныхъ; что же бы сказала столица, если бы выведены были хотя слегка ея собственные нравы? Я огорченъ не нынѣшнимъ ожесточеніемъ противъ моей пьесы: меня заботитъ моя печальная будущность Провинція уже слабо рисуется въ моей памяти, черты ея уже блѣдны, но жизнь петербургская ярка передъ моими глазами, краски ея живы и рѣзки въ моей памяти. Малѣйшая черта ея—и какъ тогда заговорятъ мои соотечественники“ (I, 377).

Наиболѣе яркимъ выраженіемъ угнетеннаго состоянія Гоголя было его бѣгство за границу. Его звали въ Москву, гдѣ его ждала блестящая постановка „Ревизора“ и восторженная любовь московскихъ друзей—Аксаковыхъ, Погодина, Щепкина, но онъ отъ всего

отказывается. „Чувствую,—пишетъ онъ Погодину,—что теперь не доставитъ мнѣ Москва спокойствія, а я не хочу пріѣхать въ такомъ тревожномъ состояніи, въ какомъ нахожусь нынѣ. Ѣду за границу, тамъ размыкаю ту тоску, которую наносятъ мнѣ ежедневно мои соотечественники. Писатель современный, писатель комическій, писатель нравовъ долженъ подальше быть отъ своей родины. Пророку нѣтъ славы въ отчизнѣ“ (I, 370).

Одновременно съ тоской, письма Гоголя эпохи первой постановки „Ревизора“ полны того, что при первомъ взглядѣ можно было бы счесть отказомъ отъ болѣе глубокаго толкованія, которое дало великой комедіи начинавшее пробуждаться общественное самосознаніе. Гоголь прилагаетъ не малыя старанія къ тому, чтобы ослабить обобщающіе выводы, возможность которыхъ съ необычайною чуткостью тотчасъ же предугадали Булгаринъ съ братіею. Въ томъ же письмѣ, гдѣ онъ извѣщаетъ Погодина о своемъ рѣшеніи ѣхать за границу, чтобы „размыкать тоску“, онъ говоритъ съ горечью, которая можетъ служить не малою опорою для теоріи безсознательности творчества Гоголя: „Что противъ меня уже рѣшительно возстали теперь всѣ сословія, я не смущаюсь этимъ, но какъ-то тягостно, грустно, когда видишь противъ себя несправедливо возстановленныхъ своихъ же соотечественниковъ, которыхъ отъ души любишь, когда видишь, какъ *ложно*, въ какомъ невѣрномъ видѣ ими все принимается. *Частное принимать за общее, случай за правило*“ (I, 371). Чрезъ нѣсколько дней онъ опять возвращается къ нападкамъ Булгарина, котораго на этотъ разъ угодничество сдѣлало прозорливымъ критикомъ: „Грустно, когда видишь, что *глупѣйшее* мнѣніе ими же опозореннаго и оплеваннаго писателя дѣйствуетъ на нихъ же самихъ и ихъ же водитъ за носъ: грустно, когда видишь, въ какомъ еще жалкомъ состояніи находится у насъ писатель. Всѣ противъ него, и нѣтъ никакой сколько-нибудь равносильной стороны за него. „Онъ зажигатель! Онъ бунтовщикъ!“ И кто же говоритъ? Это говорятъ мнѣ люди государственные, люди выслужившіеся, опытные люди, которые должны бы имѣть насколько-нибудь ума, чтобъ понять дѣло въ *настоящемъ* видѣ“ (I, 377).

Было бы, однако же, очень грубою ошибкою думать, что подавленность, вызванная враждебнымъ отношеніемъ вліятельной части публики была сколько-нибудь глубока. Вся эта подавленность и тоска были исключительно внѣшнія. Въ глубинѣ души страшный шумъ, возбужденный „Ревизоромъ“, при всей своей враждебности, чрезвычайно высоко поднялъ внутреннее самосознаніе Гоголя. Оно было велико и до того. Уже въ самыхъ раннихъ письмахъ своихъ Гоголь не разъ высказываетъ убѣжденіе, что ему предстоитъ что-то очень большое

въ жизни. Крупный успѣхъ, выпавшій на его долю почти съ первыхъ же шаговъ на литературномъ поприщѣ, укрѣпилъ его въ этой увѣренности и даже сообщилъ его поведенію налетъ надменности. Въ значительной степени извѣстное враждебное чувство, которое къ нему питали даже такіе представители новыхъ литературныхъ началъ, какъ Никитенко, было вызвано тѣмъ, что во всемъ его существѣ сквозило очень уже большое мнѣніе о себѣ. Но теперь самосознаніе Гоголя начинаетъ принимать размѣры совершенно исключительные. Оно выразилось прежде всего въ обычной ему религіозной формѣ: „Нынѣ я чувствую, что не земная воля направляетъ путь мой" (I. 378), безъ всякихъ оговорокъ говоритъ онъ Погодину въ концѣ письма, гдѣ разсказаны „оскорбленія и непріятности", связанныя съ „Ревизоромъ". А въ чисто литературномъ отношеніи оно сказалось необыкновеннымъ приливомъ творческой увѣренности. Уже въ первомъ письмѣ (къ Жуковскому) изъ-за границы, отъ 28—16 іюня 1836 г. онъ говоритъ о себѣ: „Какихъ высокихъ, какихъ торжественныхъ ощущеній, невидимыхъ, незамѣтныхъ для свѣта, исполнена жизнь моя! Клянусь, я что-то сдѣлаю, чего не дѣлаетъ обыкновенный человѣкъ. *Львиную силу чувствую въ душѣ своей*" (I, 384).

Въ дальнѣйшихъ письмахъ безграничная увѣренность Гоголя въ своихъ силахъ все растетъ и растетъ, такъ что въ общемъ всего менѣе можетъ идти рѣчь о подавленности. Совсѣмъ наоборотъ, любители пріурочить Гоголя къ области психіатріи могутъ въ его развившемся именно послѣ „Ревизора" необыкновенно высокомъ представленіи о своемъ призваніи найти весьма благодарный матеріалъ для утвержденія, что имъ овладѣла настоящая манія величія. Но это уже другая сторона вопроса, которой удобнѣе коснуться въ связи съ настроеніемъ Гоголя въ эпоху подготовленія „Переписки съ друзьями".

Безконечно, однако, важнѣе и характернѣе вызваннаго „Ревизоромъ" повышеннаго самознанія Гоголя это то, что менѣе всего измѣнилось послѣ яростныхъ нападеній Булгарина и К° рѣзко-обличительное направленіе Гоголя, съ такою силою сказавшееся въ комедіи. „Мертвыя души" показываютъ, что крики „зажигатель", „бунтовщикъ" оказались совершенно безсильными отклонить Гоголя съ того пути, на который его направляли основныя свойства таланта. Еще съ несравненно большею силою ополчается онъ теперь противъ темныхъ сторонъ русской общественной жизни.

Единство направленія и тона „Ревизора" и „Мертвыхъ Душъ" глубоко знаменательны. Если вообще всякое долголѣтнее творческое единство свидѣтельствуетъ объ органичности настроенія, о томъ, что оно вытекло изъ цѣльнаго душевнаго склада, то въ данномъ случаѣ

оно еще несравненно характернѣе, потому что крики, поднявшіеся по поводу „Ревизора“, заставили Гоголя пристально заняться свойствами своего дарованія. Прямо и опредѣленно объясняетъ онъ Погодину цѣль своей заграничной поѣздки:

„Ѣду разгулять свою тоску, *глубоко обдумать свои обязанности авторскія, свои будущія творенія*“ (I, 378).

И это всего менѣе была фраза. Какъ ни подойти къ заявленію разстроеннаго враждебными криками автора „Ревизора“, нельзя не видѣть въ немъ вполнѣ реальнаго желанія углубиться въ самого себя. При томъ недовѣріи къ искренности Гоголя, которое было даже у лучшихъ друзей его, можно, конечно, скептически отнестись къ высокопарной оболочкѣ рѣшенія „обдумать свои обязанности авторскія“. Но даже при этомъ невысокомъ мнѣніи о Гоголѣ, при убѣжденіи, что онъ будто бы всегда былъ себѣ на умѣ, никто уже не станетъ спорить, по крайней мѣрѣ, противъ того, что Гоголь стремился тутъ наилучшимъ образомъ устроить свои литературныя дѣла. Даже съ узко-практической точки зрѣнія Гоголю надо было обдумать свои будущія творенія, чтобы опять не натолкнуться на такой пріемъ, какой встрѣтилъ „Ревизоръ“. И если тѣмъ не менѣе Гоголь пошелъ по старому пути, то, значитъ, уже слишкомъ ясно чувствовалъ, что не можетъ онъ свернуть на другой путь. Какъ ни „обдумывалъ“ онъ свои „авторскія обязанности“ и свои „будущія творенія“, а въ результатѣ явились „Мертвыя души“ съ ихъ сокрушающимъ отрицаніемъ, явилась „Шинель“, гдѣ сдѣланъ еще шагъ впередъ въ томъ же направленіи, потому что тутъ не только разрушена и сметена старая нечисть, но и данъ свѣтлый лозунгъ всей новѣйшей русской литературѣ съ ея борьбой за униженныхъ и оскорбленныхъ.

Но самымъ яркимъ и рѣшающимъ доказательствомъ того, что рѣшеніе „обдумать свои авторскія обязанности“ не есть громкая фраза, сказанная для красоты слога, является „Театральный разъѣздъ“, который начатъ былъ въ годъ постановки „Ревизора“ и появился только въ 1842 г., одновременно съ „Мертвыми душами“. Онъ, значитъ, обдумывался, разрабатывался и, по Гоголевскому обыкновенію, десятки разъ передѣлывался въ то же самое время, когда зрѣла, писалась и тоже на разные лады выправлялась и обсуждалась въ творческомъ настроеніи Гоголя великая „поэма“.

„Театральный разъѣздъ“ не только принадлежитъ къ числу самыхъ подробныхъ анализовъ „Ревизора“, но вмѣстѣ съ тѣмъ является цѣлымъ трактатомъ о задачахъ комедіи вообще и комедіи общественной въ частности. Въ десяткахъ лицъ, проходящихъ предъ читателемъ либо съ какой-нибудь яркой фразой, либо съ подробнымъ изложеніемъ своего міросозерцанія, выражены всѣ мнѣнія и всѣ толки,

возбужденные комедіей. Отъ лицъ, на которыхъ она просто никакого впечатлѣніе не произвела и „беззаботныхъ на счетъ литературы“ въ такой степени, что пьеса кажется имъ переводомъ съ французскаго, до тѣхъ, которые настолько прозорливы, что полагаютъ: „За такую комедію тебя бы въ Нерчинскъ“, Гоголь не оставилъ безъ возраженія и разсмотрѣнія ни одного изъ высказанныхъ въ печати или носившихся въ воздухѣ мнѣній о „Ревизорѣ“. Долголѣтняя работа надъ каждой фразой сдѣлала „Театральный разъѣздъ“ произведеніемъ удивительно сконцентрированнымъ и обдуманнымъ, гдѣ каждая строчка имѣетъ значеніе, гдѣ ни одного слова не сказано спроста.

По этой совершенно изъ ряду вонъ выходящей обстоятельности самоанализа и самокритики, „Театральный разъѣздъ“ не имѣетъ ничего аналогичнаго себѣ въ жизни другихъ литературныхъ корифеевъ. Правда, рѣдко кому изъ творцовъ тѣхъ произведеній, которыя ударяли по сердцамъ съ невѣдомою силою, не приходилось въ той или другой формѣ отражать или предупреждать всевозможныя нападенія и недоумѣнія. И Лермонтовъ въ предисловіи къ „Герою нашего времени“ давалъ извѣстнаго рода комментарій къ своему роману, и Тургеневъ въ „Литературныхъ воспоминаніяхъ“ довольно пространно объяснялъ истинный смыслъ „Отцовъ и дѣтей“, и Толстой писалъ „Послѣсловіе къ Крейцеровой Сонатѣ“. Въ западно-европейской литературѣ еще больше примѣровъ такого одновременнаго выступленія художниковъ въ роли не только творцовъ, но и критиковъ и полемистовъ—вспомнимъ хотя бы знаменитое предисловіе Виктора Гюго къ „Кромвелю“. Но кромѣ Шиллеровскихъ „Писемъ о Донъ-Карлосѣ“ нѣтъ, кажется, въ литературѣ ни одного такого поразительно-детальнаго самоанализа, какъ „Театральный разъѣздъ“. И все-таки объ авторѣ его говорятъ какъ о представителѣ творчества чисто-стихійнаго и безсознательнаго! Да уже просто въ силу того, что Гоголь былъ ужасно и самолюбивъ, и честолюбивъ, и вѣчно носился со своею особою, не могъ онъ себя не изучить до тонкости!

Только этимъ постояннымъ размышленіемъ надъ особенностями своего творчества можно объяснить себѣ, что никто изъ нашихъ писателей не далъ такихъ яркихъ самоопредѣленій, какъ Гоголь. Лучшія формулировки гоголевскаго творчества созданы имъ же самимъ. Кто какъ не онъ исчерпалъ всю сущность „Мертвыхъ душъ“, закончивъ первую часть великой поэмы глубоко-выстраданными словами о „незримыхъ слезахъ сквозь видимый міру смѣхъ“? Онъ же намъ разсказалъ въ своихъ письмахъ, что не представляетъ себѣ комедіи „безъ правды и злости“, а въ „Театральномъ разъѣздѣ“ разъяснилъ, что среди плутовъ „Ревизора“ есть одно честное лицо—авторскій „честный смѣхъ“. Наконецъ, онъ же въ „Шинели“ поясъ-

нилъ намъ, что и забитый Акакій Акакіевичъ „братъ нашъ“ и отошли въ глубокомъ размышленіи отъ Акакія Акакіевича потѣшавшіеся надъ нимъ сослуживцы, а читатели поняли, что дана формула безконечной глубины и сказано слово, чреватое огромными литературными и общественно-моральными послѣдствіями.

И всѣ самоопредѣленія Гоголя стали крылатыми. Много сотенъ статей написано о творчествѣ Гоголя. Но возьмите даже самыя лучшія, самыя блестящія изъ нихъ—ни одна не идетъ дальше и глубже этихъ всѣмъ набившихъ оскомину, вошедшихъ во всѣ учебники, но вѣчно-юныхъ по своей непреложности формулъ. Просмотрите все то, что подписывается подъ гоголевскими памятниками, бюстами, портретами, прислушайтесь ко всему тому, что говорится при тѣхъ чествованіяхъ Гоголя, когда приходится быть краткимъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, сильнымъ, и вы опять-таки не уйдете дальше гоголевскихъ самоопредѣленій, къ которымъ развѣ еще присоединяются нѣкоторыя варіаціи на эти же самыя, однако, формулы, вродѣ изреченія изъ Іереміи: „Горькимъ смѣхомъ посмѣюся“ и т. д. Такимъ образомъ, якобы безсознательно творившій писатель получилъ такую власть надъ своими оцѣнками, которую не имѣетъ ни одинъ изъ тѣхъ, къ которымъ теорія безсознательнаго творчества никогда не примѣнялась. Выходитъ, что никто въ такой мѣрѣ не достигъ высшаго проявленія анализирующей мудрости—познать самого себя, какъ, именно, Гоголь.

И достаточно сравнить замѣчательную точность гоголевскихъ самоопредѣленій съ самоопредѣленіями другихъ, не менѣе его великихъ писателей-творцовъ, чтобы оцѣнить ихъ значеніе и понять, почему они получали такую власть надъ критикою. Возьмемъ, въ самомъ дѣлѣ, хотя бы Пушкинскій „Памятникъ“, писанный, когда и самому Пушкину и читающей публикѣ казалось, что все литературное поприще его пройдено, когда открывалась широкая перспектива на всю творческую жизнь. И какъ тутъ все-таки мало опредѣленно очерчена литературная физіономія великаго поэта. Конечно, вполнѣ оправдались пророчества, что не „заростетъ народная тропа“ къ его памятнику, что „душа въ завѣтной лирѣ“ переживетъ его „прахъ и тлѣнья убѣжитъ“, что „слухъ“ о поэтѣ „пройдетъ по всей Руси великой“ и что „назоветъ“ его „всякъ сущій въ ней языкъ“. Но, вѣдь, это все только опредѣленіе размѣровъ творческаго генія, а никакъ не свойствъ его. Когда же дошло до указанія того, чѣмъ именно будетъ славенъ „въ подлунномъ мірѣ“ поэтъ, получились такіе блѣдные и не характерные контуры, что просто смѣшно и сравнивать съ вылитыми изъ бронзы рѣзкими чертами самоопредѣленій Гоголя

И долго буду тѣмъ любезенъ я народу,
Что чувства добрыя я лирой пробуждалъ,
Что въ мой жестокій вѣкъ возславилъ я свободу
И милость къ падшимъ призывалъ.

Кто согласится съ этою странною характеристикою? Люди самаго противоположнаго образа мыслей ее будутъ оспаривать. Ни „мыслящій реалистъ“ Писаревъ, ни его антиподы—эстетики чистой воды не усмотрятъ центра тяжести дѣятельности Пушкина въ возбужденіи „добрыхъ чувствъ“; возславленіе свободы слишкомъ мимолетный эпизодъ въ жизни автора „Клеветникамъ Россіи“; призываніе милости къ падшимъ – это уже скорѣе эпизодъ изъ частной жизни поэта. Словомъ, все не ярко, не характерно. Не удивительно, что это самоопредѣленіе не оказало никакого вліянія на судьбу Пушкина въ критикѣ и потомствѣ. И какъ же не оцѣнить послѣ этого силу и опредѣленность гоголевскаго самопознанія.

По власти надъ своими будущими оцѣнками, наравнѣ съ Гоголемъ, можно поставить только Некрасова, который, какъ сказалъ про свою музу, что она „муза мести и печали“, такъ тоже навсегда далъ опредѣленіе, дальше котораго не пошла вся послѣдующая критика. Но вѣдь Некрасовъ не только не безсознательный поэтъ, но даже „идейный“, а по мнѣнію иныхъ и „тенденціозный“, т. е. представитель творчества, гдѣ разсудочность граничитъ съ прямою програмностью.

Чтобы покончить съ невѣрнымъ въ корнѣ взглядомъ на безсознательность творчества Гоголя, скажемъ еще нѣсколько словъ объ одной детали, въ которой, повидимому, надо искать главный источникъ возникновенія этого взгляда. Мы уже знаемъ, что зародился онъ у Бѣлинскаго тотчасъ послѣ появленія реакціонной „Переписки съ друзьями“, поддерживала его позднѣйшая критика тоже въ силу противорѣчія между глубоко пессимистическимъ отношеніемъ Гоголя-художника къ бюрократическому механизму государственнаго уклада нашего и его теоретической преданностью существующему строю во всей его совокупности.

Но смущаться этимъ противорѣчіемъ и думать, что оно можетъ отнять отъ Гоголя право называться писателемъ-гражданиномъ—значитъ терять историческую точку зрѣнія. Для насъ, начиная съ конца 40-хъ гг., когда идеи европейскаго демократизма и жажда общественной иниціативы всецѣло завладѣли лучшими сердцами, со словами „гражданскій“, „гражданственность“, „гражданинъ“ связано понятіе о чемъ-то—скажемъ для удобства—*общественно-самодовлѣющемъ*, о чемъ-то непремѣнно противоположномъ всему власть имущему, о чемъ-то оппозиціонномъ. Но эта безусловно-позднѣйшая точка зрѣнія никоимъ образомъ не должна прилагаться къ жалкому состоянію

„общества“, когда его наблюдалъ Гоголь. До сороковыхъ годовъ элементы прогресса всего менѣе заключались въ общественномъ сознаніи. Не будемъ даже уходить въ особенно отдаленную старину, не будемъ придавать значенія тому, какъ „общество“ при Аннѣ Іоанновнѣ оказало рѣшительное противодѣйствіе стремленію верховниковъ удѣлить часть власти представителямъ этого „общества“; не станемъ останавливаться также на томъ, какъ въ эпоху „Наказа“ и расцвѣта просвѣщеннаго абсолютизма „общество“ оказывало рѣшительное сопротивленіе всякому намеку на освобожденіе крестьянъ; наконецъ, отнесемъ къ старинѣ даже то, что великій писатель и литературный реформаторъ Карамзинъ вступилъ въ рѣшительную борьбу съ добровольнымъ желаніемъ Александра I уменьшить свою власть въ пользу „общества“. Ограничимся только ближайшею къ Гоголю полосою созданія „Горя отъ ума“. Въ рѣзкогражданской окраскѣ великой комедіи-старины никто не сомнѣвается. Но противъ чего и кого направленъ ея паѳосъ? Исключительно противъ „общества“ въ защиту тѣхъ единичныхъ личностей, стремленія которыхъ шли въ разрѣзъ съ *общественнымъ* застоемъ. Чего-нибудь „протестующаго“ въ позднѣйшемъ смыслѣ въ „Горѣ отъ ума“ нѣтъ и слѣда.

И вотъ гражданственность Гоголя совершенно аналогичнаго характера, въ ней нѣтъ ничего оппозиціоннаго, потомму что въ то время надо было еще *бороться съ самимъ обществомъ*, потому что оно, съ одной стороны, состояло изъ казнокрадовъ и торговцевъ правосудіемъ, а съ другой—изъ ихъ закадычныхъ друзей, Добчинскихъ, Бобчинскихъ, Собакевичей и Маниловыхъ. Для Гоголя, слѣдовательно, понятіе объ „обществѣ“ никакъ не могло имѣть того обаянія, которое оно имѣетъ для позднѣйшихъ поколѣній, и не въ немъ онъ искалъ спасенія Россіи. Чернышевскій весьма тонко и язвительно говорилъ о странной идеѣ, положенной въ основаніе сюжета „Ревизора“, которая уже сама въ себѣ заключаетъ нѣчто аномальное, потому что въ нормально-устроенномъ государственномъ быту есть гласный общественный контроль, исключающій и дѣлающій ненужнымъ посылку тайныхъ ревизоровъ. Но Чернышевскій исходилъ изъ теоріи, изъ того, что должно быть, а Гоголь былъ великій реалистъ, и для него смѣшно было бы и представить себѣ „общественный контроль“, то есть, что Добчинскій, Бобчинскій и Ростаковскій будутъ контролировать Сквозника-Дмухановскаго и кума Бобчинскаго Тяпкина-Ляпкина. Онъ, несомнѣнно, ждалъ спасенія и исцѣленія общественныхъ ранъ отъ добраго желанія власти.

Но онъ ли одинъ ждалъ его изъ этого источника?

Да возьмемте того же Бѣлинскаго, который такъ напустился на

Гоголя за „Переписку“ и возьмемте его даже не въ эпоху созданія „Ревизора“ и „Мертвыхъ душъ“, не около 1840 года, когда его прославленіе „разумной дѣйствительности“ было поистинѣ бѣшенное, а въ 1846—48 гг., когда онъ „рассейскую дѣйствительность“ называлъ не иначе, какъ „гнусной“, когда онъ уже былъ пламеннымъ соціалистомъ и даже фурьеристомъ. Въ концѣ 1846 года въ Петербургѣ разнеслись крайне преувеличенные слухи о томъ весьма мирномъ, по существу, Кирилло-Меѳодіевскомъ братствѣ, благодаря которому пострадали Костомаровъ, Кулишъ и особенно Шевченко, сосланный солдатомъ въ Оренбургъ. Бѣлинскій отнесся къ нимъ съ полнымъ порицаніемъ, называлъ ихъ „врагами всякаго успѣха“, потому что, какъ Гоголь, ждалъ этого „успѣха“ только отъ доброй воли власти. За нѣсколько мѣсяцевъ до смерти, Бѣлинскій написалъ Анненкову письмо, въ которомъ съ восторгомъ сообщаетъ о разныхъ намѣчавшихся тогда подготовительныхъ шагахъ къ отмѣнѣ крѣпостного права, предается радостнымъ ожиданіямъ и только одного смертельно боится, чтобы келейно вызванные въ Петербургъ представители основного элемента тогдашняго „общества“—дворяне своимъ корыстнымъ отношеніемъ къ вопросу не испортили настроенія власти. Такъ, если подобнымъ образомъ, къ „обществу“ относился соціалистъ и фурьеристъ Бѣлинскій, съ какой стати будемъ мы требовать иного отношенія отъ Гоголя? Надо же, въ самомъ дѣлѣ, всякое явленіе исторической жизни разсматривать въ условіяхъ того времени, къ которому оно относится. Гоголь былъ, несомнѣнно, представитель теоріи просвѣщеннаго абсолютизма, его идеаломъ былъ благонамѣренный не въ пошломъ смыслѣ „государственный“ мужъ, окружающій себя честными чиновниками. Но это не мѣшаетъ ему быть и гражданиномъ, въ томъ смыслѣ, какъ мы уже выше опредѣлили понятіе о гражданинѣ, т. е. человѣкомъ упорно, страстно и вполнѣ *независимо* думающемъ о благѣ родины. Подчеркиваемъ *независимо*, потому что въ эпоху, когда пошлая „благонамѣренность“ требовала розовыхъ красокъ, когда по всѣмъ вѣдомствамъ безраздѣльно господствовала формула „все обстоитъ благополучно“, Гоголь (прибавимъ къ числу извѣстныхъ намъ и это новое яркое самоопредѣленіе изъ „Театральнаго разъѣзда“) смѣло обнажалъ „общественныя раны“. Мало того: когда „господинъ В.“ задаетъ вопросъ: „Зачѣмъ выставлять дурное, зачѣмъ же не выставить хорошее, достойное подражанія“, Гоголь, устами „господина Б.“, не обинуясь отвѣчаетъ: „Зачѣмъ? Зачѣмъ одинъ отецъ, желая исторгнуть своего сына изъ безпорядочной жизни, не тратилъ словъ и наставленій, а привелъ его въ *лазаретъ*, гдѣ предстали предъ нимъ во всемъ ужасѣ страшные слѣды безпорядочной жизни“. Вотъ, значитъ, чѣмъ и притомъ вполнѣ со-

знательно была для Гоголя оффиціальная Россія—лазаретомъ! Это ли не независимость въ самомъ высшемъ смыслѣ и можно ли идти дальше въ гражданской рѣзкости діагноза? Не будемъ же ложно понимать въ Гоголѣ то, что шокируетъ позднѣйшую гражданскую щепетильность и будемъ оцѣнивать высоту его гражданской скорби не по степени нашего разногласія съ нимъ, а по степени того, въ чемъ мы съ нимъ сходимся. Никогда не слѣдуетъ забывать, что въ эпоху „Ревизора" и „Мертвыхъ душъ" еще не было у насъ въ литературѣ даже самого дѣленія на партіи съ различными общественно-политическими лозунгами. Все это возникаетъ только во второй половинѣ 40-хъ годовъ, о чемъ мы сейчасъ и поведемъ рѣчь въ связи съ „Перепискою съ друзьями".

VII.

Около 60 лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ появилась „Переписка съ друзьями", и все еще она служитъ предметомъ самыхъ страстныхъ споровъ, все еще она не стала предметомъ спокойнаго, объективнаго анализа. До сихъ поръ ее либо считаютъ „оклеветанной" и тычутъ намъ ее въ поученіе и руководство, либо безповоротно и безъ всякихъ оговорокъ осуждаютъ, исходя изъ того, увы, далеко еще не изжитаго настроенія, подъ вліяніемъ котораго создалось знаменитое письмо Бѣлинскаго къ Гоголю.

Менѣе всего, конечно, выдерживаетъ какую то ни было критику взглядъ на „Переписку", какъ на „оклеветанную книгу"—любимый терминъ защитниковъ того обскурантизма, который даже добродушнаго Сергѣя Аксакова побудилъ считать книгу „вредной". Думается, что эту квинтъ-эссенцію всяческой отсталости и „оклеветать"-то трудно, если указывать при этомъ наиболѣе характерныя мѣста книги. Трудно даже и полемизировать спокойно съ этою „оклеветанною книгою" и можно только всецѣло слиться въ одномъ чувствѣ съ Бѣлинскимъ, когда онъ, задыхаясь отъ страшнаго негодованія, истерически крикнулъ Гоголю въ своемъ письмѣ: „Проповѣдникъ кнута, апостолъ невѣжества, поборникъ обскурантизма и мракобѣсія, панегиристъ татарскихъ нравовъ,—что вы дѣлаете!"

Чтобы не только понять, но вполнѣ оправдать бѣшенную выходку Бѣлинскаго, которая, какъ мы сейчасъ увидимъ, нашла откликъ во всѣхъ мыслящихъ умахъ и бьющихся за благо родины сердцахъ, мы

должны вспомнить эпоху появленія гоголевской „Переписки“—начало 1847 года. Годы 1846, 1847 и начала 1848—были временемъ совершенно исключительнымъ по тому необыкновенному приливу радостныхъ ожиданій чего-то безконечно-свѣтлаго, которое тогда охватило всю Европу. По извѣстному свидѣтельству Щедрина, „изъ Франціи, разумѣется не изъ Франціи Луи-Филиппа и Гизо, а изъ Франціи Сенъ-Симона, Кабе, Фурье, Луи Блана и въ особенности Жоржъ-Зандъ—лилась въ насъ *вѣра въ человѣчество;* оттуда возсіяла намъ увѣренность, что золотой вѣкъ не позади, а впереди насъ“.

Какъ намъ пришлось уже разъ сказать въ другомъ мѣстѣ, въ этомъ важномъ историческомъ свидѣтельствѣ драгоцѣнны не только факты, но и общій тонъ. Рѣчь какъ будто идетъ о политико-экономическихъ теоріяхъ, но на самомъ дѣлѣ воспоминанія расшевелили въ суровомъ сатирикѣ только память сердца. Тутъ „не борьба классовъ“, а *человѣчество*, не политическая экономія, а *вѣра* и эта вѣра воспріята не сухо-логически, потому что факты и цифры неотразимы,—она возсіяла. Въ политическую экономію Луи Блана огромнымъ клиномъ врѣзалась романистка Жоржъ-Зандъ. Но разъ люди серьезно мечтаютъ о наступленіи „золотого вѣка“, то почему бы романистамъ и не играть первенствующей роли въ исторіи происхожденія этихъ мечтаній.

И вотъ въ такой-то моментъ почти религіознаго экстаза появляется книга великаго писателя, которымъ до того всѣ бредили, которымъ клялись въ борьбѣ съ литературнымъ старовѣрствомъ, и эта книга зоветъ даже не въ Византію, а куда-то еще подальше. Авторъ не остался глухъ къ голосу времени, онъ правильно констатируетъ, что „сталъ слышаться повсюду болѣзненный ропотъ неудовлетворенія, голосъ неудовольствія человѣческаго на все, что ни есть на свѣтѣ: на порядокъ вещей, на время, на самого себя“; вполнѣ правильно отмѣчаетъ онъ также, что „всѣмъ, наконецъ, начинаетъ становиться подозрительнымъ то совершенство, на которое возвела насъ наша новѣйшая гражданственность“. Но въ чемъ выходъ? Можно было бы, конечно, причислить просто къ числу курьезовъ то, что, по мнѣнію Гоголя, „страждущіе и болѣющіе отъ своего европейскаго совершенства“ получатъ исцѣленіе отъ ожидавшагося тогда появленія „Одиссеи“ въ переводѣ Жуковскаго! Но Гоголь не ограничился простымъ упованіемъ, что вмѣстѣ съ „Одиссеей“, „многое изъ временъ патріархальныхъ, съ которымъ есть такое сродство въ русской природѣ, разнесется невидимо по лицу русской земли“. Кромѣ этой „благоухающей поэзіи“, онъ цѣнилъ „Одиссею“, какъ изображеніе борьбы съ „непокорною, жесткою, несклонною къ повиновенію природою“ человѣка, и главное средство этой борьбы видѣлъ „въ одномъ

только простомъ исполненіи обычаевъ старины и обрядовъ, которые не безъ смысла были установлены древними мудрецами и заповѣданы передаваться въ видѣ святыни отъ отца къ сыну".

Борьба съ нежеланіемъ человѣка „повиноваться" дала окраску всей книгѣ и въ ней центръ тяжести того подавляющаго впечатлѣнія, которое она произвела на современниковъ, какъ разъ теперь размечтавшихся пожить немного и на свободѣ. И это разногласіе съ радостно-рвущимся впередъ духомъ времени рѣшило участь книги, въ которой далеко не все, однако, зоветъ назадъ и есть мысли, какъ мы увидимъ дальше, нимало не противорѣчащія самымъ лучшимъ завѣтамъ истинной гражданственности. Но во всякой проповѣди условія момента, когда она произносится, всегда имѣютъ болѣе рѣшающее значеніе, чѣмъ само содержаніе проповѣди и ея слова, взятыя безотносительно. Строго говоря, дурныхъ словъ совсѣмъ и нѣтъ на свѣтѣ. Что, напримѣръ, можетъ быть возвышеннѣе проповѣди самоотреченія? Но она превращается въ насмѣшку надъ человѣческимъ достоинствомъ. и въ отвратительное лицемѣріе, когда самоотреченіе рекомендуютъ рабу. Что можетъ быть идеальнѣе самообузданія животныхъ инстинктовъ? Но если вы объ умѣренности начнете говорить голодающему, какое впечатлѣніе должна произвести на него сама по себѣ весьма высокая мораль ваша?

„Переписка", взятая въ основномъ своемъ впечатлѣніи, въ тонѣ, который дѣлаетъ музыку, и была такою проповѣдью воздержанія голодающему. Все изнемогало отъ безправія и произвола, закрѣпощенный народъ нравственно вырождался отъ сковавшей его по рукамъ и ногамъ неволи, литература стонала отъ болѣзненной подозрительности Красовскихъ и Мусиныхъ-Пушкиныхъ, а тутъ все еще оказывается недостаточно „повиновенія". „Переписка" хотѣла отнять даже священное чувство обиды, не позволяла даже стонать отъ той „неправды черной", которою была полна жизнь того времени даже по свидѣтельству друга Гоголя Хомякова и его самого въ его художественныхъ произведеніяхъ. И вотъ, въ виду такой—будемъ выражаться мягко—крайней неумѣстности, крайней несвоевременности гоголевской проповѣди смиренія, въ виду глубокаго несоотвѣтствія ея съ дѣйствительно назрѣвшей потребностью обновленія, свѣта и движенія впередъ столь смѣшны стремленія разсматривать „Переписку" самое по себѣ, внѣ времени и пространства. „Клевету", взведенную на „Переписку" можно было бы опровергнуть только однимъ путемъ: если бы кто-нибудь указалъ на благотворное, *современное* появленію книги воздѣйствіе ея на людей искреннихъ, не заинтересованныхъ своимъ общественнымъ положеніемъ въ томъ смиреніи, которое книга возводила въ главную добродѣтель

человѣка. Но именно этого живого голоса эпохи ни одному изъ защитниковъ „Переписки“ не добыть, потому что на всѣхъ, для кого благо родины не было пустымъ звукомъ и обдѣлываніемъ житейскихъ дѣлишекъ, книга произвела болѣзненное впечатлѣніе. Письмо Бѣлинскаго оттого и получило такую потрясающую силу, что его устами говорило сознаніе, можно сказать безъ всякаго преувеличенія, всего того, что въ Россіи честно мыслило. Это не „партійная“ фраза, это можно доказать нижеприведеннымъ свидѣтельствомъ, достовѣрность котораго никто не рѣшится оспаривать, потому что оно вышло изъ среды, враждебной Бѣлинскому—оно принадлежитъ Ивану Аксакову. Уже самый фактъ небывало-широкаго распространенія письма Бѣлинскаго глубоко-характеренъ и показываетъ, что въ данномъ случаѣ общественное сознаніе было настолько взволновано, что нашло пути проявиться даже при невозможно-тяжелыхъ условіяхъ общественной жизни того времени. Письмо Бѣлинскаго совершенно неожиданно стало первымъ политическимъ памфлетомъ въ Россіи. Не имѣя никакого представленія о томъ, что его частный отвѣтъ получитъ такую небывалую огласку, не имѣя и самаго отдаленнаго представленія о томъ, что вырвавшіяся въ пылу гнѣва слова его станутъ лозунгомъ, общественно-политическою программою, Бѣлинскій писалъ письмо со всѣмъ страстнымъ порывомъ своего великаго сердца и далъ полную волю всему тому пламенному негодованію, которое не могло получить и приблизительнаго выраженія въ его печатной полемикѣ съ „Перепискою“. Такимъ образомъ, общественно-политическая отсталость „Переписки“ получила отпоръ въ полной силѣ. Создалась борьба двухъ міросозерцаній, въ которой были на сторонѣ Бѣлинскаго не то, что „либералы“, а просто всѣ искренніе и порядочные люди. Вотъ что наблюдалъ еще цѣлыхъ шесть—семь лѣтъ спустя Аксаковъ:

„Много я ѣздилъ по Россіи,—пишетъ онъ,—имя Бѣлинскаго извѣстно каждому сколько-нибудь мыслящему юношѣ, всякому, жаждущему свѣжаго воздуха среди вонючаго болота провинціальной жизни. Нѣтъ ни одного учителя гимназіи въ губернскихъ городахъ, *который не зналъ бы наизусть письма Бѣлинскаго къ Гоголю;* въ отдаленныхъ краяхъ Россіи только теперь еще проникаетъ это вліяніе и увеличиваетъ число прозелитовъ... Мы *Бѣлинскому обязаны своимъ спасеніемъ*, — говорятъ мнѣ вездѣ молодые, честные люди въ провинціи. И въ самомъ дѣлѣ,—въ провинціи вы можете видѣть два класса людей: съ одной стороны,—взяточниковъ, чиновниковъ въ полномъ смыслѣ этого слова, жаждущихъ лентъ, крестовъ и чиновъ, помѣщиковъ, презирающихъ идеологовъ, привязанныхъ къ своему барскому достоинству и крѣпостному праву, вообще довольно гнусныхъ.

Вы отворачиваетесь отъ нихъ, обращаетесь къ другой сторонѣ, гдѣ видите людей молодыхъ, честныхъ, возмущающихся зломъ и гнетомъ, поборникомъ эмансипаціи и всякаго простора, съ идеями гуманными. Если вамъ *нужно честнаго человѣка, способнаго сострадать болѣзнямъ и несчастіямъ угнетенныхъ, честнаго доктора, честнаго слѣдователя*, который полѣзъ бы на борьбу,—ищите таковыхъ въ провинціи между *послѣдователями Бѣлинскаго*".

То есть, читателями и поклонниками именно его письма къ Гоголю, потому что сочиненія Бѣлинскаго тогда еще не были собраны и были разбросаны по сотнѣ №№ старыхъ журналовъ.

Это вышедшее изъ враждебнаго лагеря свидѣтельство имѣетъ рѣшающее значеніе въ данномъ случаѣ не только потому, что достовѣрность его нельзя ничѣмъ заподозрѣть, а потому еще, что оно выводитъ вопросъ изъ области партійныхъ споровъ и переноситъ его на чисто-житейскую почву. Если бы у новѣйшихъ защитниковъ „Переписки" было бы столько же искренняго желанія добиться истины, сколько у Аксакова, они бы прежде всего признали, что защищать Гоголевскую „Переписку", какъ *явленіе времени*, нѣтъ никакой возможности и, слѣдовательно, не можетъ идти никакой рѣчи о какой бы то ни было „клеветѣ". Общій тонъ и *практическіе выводы* изъ „Переписки" таковы, что не только „борцы", не только люди съ ярко-окрашеннымъ общественно-политическимъ міросозерцаніемъ, а всѣ въ самомъ простомъ и непосредственномъ смыслѣ слова „честные" люди всецѣло присоединились къ „клеветѣ" Бѣлинскаго.

Но то же самое желаніе истины, къ которому мы сейчасъ апеллировали, должно насъ заставить признать, что и безусловное, не знающее никакихъ оговорокъ осужденіе „Переписки" не будетъ выраженіемъ полной справедливости. Книга ужасна какъ явленіе русской общественности, какъ призывъ возвращенія вспять, въ глубь средневѣковья, къ отжившимъ понятіямъ и пройденнымъ фазисамъ культуры. Но нельзя, однако, забывать и того, что она была и крикомъ глубоко-изстрадавшейся души. А такой источникъ, если не всегда, конечно, спасаетъ отъ фальши, не можетъ же не заключать въ себѣ и примѣси чего-то вѣрнаго. Во всякомъ искреннемъ стремленіи всегда кроется и залогъ достиженія чего-то хорошаго и нравственно-цѣннаго. Примемъ во вниманіе также, что „Переписку" защищаютъ не только люди, къ истинѣ весьма равнодушные. О ней сказалъ доброе слово и Левъ Толстой. Можно было бы, конечно, при всемъ преклоненіи предъ Толстымъ, не придавать этому рѣшительно накакого значенія, если бы дѣло шло о чисто-литературномъ произведеніи. Эстетическія сужденія Толстого весьма часто таковы, что только руками разведешь. Изъ его трактата объ искусствѣ мы узнаемъ,

что онъ на представленіи „Гамлета“ краснѣлъ за автора и что вообще преклоненіе предъ Шекспиромъ, какъ и предъ Бетховеномъ и Рафаэлемъ, ему кажется предразсудкомъ и даже притворствомъ. Но „Переписка“—произведеніе изъ области морали, и тутъ уже дѣло идетъ о психологическомъ чутьѣ, котораго такъ безконечно много у великаго чтеца въ сердцахъ человѣческихъ. Толстой, значитъ, почувствовалъ тутъ что-то родственное. Извѣстно, что когда въ концѣ 70-хъ гг. Толстой вступилъ на стезю проповѣдничества и еще неясно было во что отольются его мистическіе порывы, его даже постоянно сближали съ Гоголемъ. Дальнѣйшее показало, что сближенія и опасенія были напрасны. Но все-таки несомнѣнно, что въ самомъ источникѣ, въ этой страстной потребности обоихъ великихъ писателей отъ искусства перейти въ область религіозно-нравственныхъ вопросовъ есть, дѣйствительно, очень много такого, что сближаетъ Толстого съ Гоголемъ. И вотъ почему думается, что тѣ обскурантскіе выводы, къ которымъ Гоголь пришелъ въ результатѣ своихъ думъ и размышленій, тѣ рецепты леченія общественныхъ ранъ, которые привели въ содроганіе Бѣлинскаго и его лучшихъ современниковъ, должны быть признаны ошибками ума, слѣдствіемъ того, что, созерцая картину русской жизни изъ своего „прекраснаго далека“, Гоголь потерялъ чутье дѣйствительности, но не ошибками сердца.

При такой постановкѣ, особенное значеніе получаетъ вопросъ объ искренности „Переписки“, для современниковъ ея появленія весьма спорный. Многое содѣйствовало тому, чтобы отнестись подозрительно къ мотивамъ появленія въ свѣтъ книги. Даже на людей одного съ Гоголемъ міросозерцанія отталкивающе подѣйствовало чрезмѣрное обиліе явно преувеличеннаго смиренія. Съ одной стороны — безграничное самобичеваніе, увѣренія въ родѣ того, что „мнѣ хотѣлось симъ (письмами) искупить безполезность всего, доселѣ мною напечатаннаго“; „знаю, что моими необдуманными и незрѣлыми сочиненіями нанесъ я огорченіе многимъ“, причисленіе себя къ людямъ, „которые изъ грязи пробрались въ люди“ и т. д. А вмѣстѣ съ тѣмъ помпезное устройство величайшаго шума вокругъ своего имени, возвѣщеніе urbi et orbi, что авторъ думалъ прежде, что думаетъ теперь, какъ поступалъ прежде, какъ поступаетъ теперь, какъ будетъ поступать впредь, и безпрерывный разговоръ о томъ, что онъ-то не придаетъ никакого значенія себѣ какъ писателю, да вотъ другіе очень его превозносятъ и высоко ставятъ. Предшествовавшее „Перепискѣ“ публичное завѣщаніе при всѣхъ словахъ смиренія и униженія, его переполняющаго, есть въ то же время, несомнѣнно, и выраженіе гордыни безконечной, равной которой никогда ни до того, ни послѣ того въ русской литературѣ не было.

Все это униженіе паче гордости представляетъ собою, однако, интересъ исключительно психологическій. Предъ нами явленіе весьма сложное, потому что по значительной долѣ высказанной о себѣ правды, многое въ самобичеваніи Гоголя нельзя причислить и къ простому ломанію. Когда Гоголь говорилъ о себѣ „вообще въ обхожденіи моемъ съ людьми всегда было много непріятно-отталкивающаго“, то едва ли ему было особенно легко дѣлать такое признаніе, потому что онъ, дѣйствительно, даже съ самыми близкими и преданными людьми сплошь да рядомъ обращался поистинѣ отвратительно и своекорыстно и отлично понималъ, что всѣ къ этой его черствости и эгоистической жестокости относились съ большимъ осужденіемъ. Когда онъ, причислялъ себя къ людямъ, которые „изъ грязи пробрались въ люди“, бичевалъ свое „мелочное самолюбіе“ и свою „спесивость“ то, опять-таки, ему совсѣмъ не легко было въ этомъ признаваться, потому что онъ, дѣйствительно, былъ и очень мелоченъ въ своемъ самолюбіи и очень спесивъ и зналъ, что то и другое отталкиваетъ отъ него людей. Такимъ образомъ, извѣстная доля самобичеванія „Переписки“ была, несомнѣнно, нравственнымъ подвигомъ, потому что унижало его непомѣрную гордыню и потому, очевидно, вырвалось въ минуту искренняго порыва и желанія освободиться отъ печальныхъ сторонъ своего характера. Скажемъ, кстати, что и великая гордыня Гоголя нѣсколько тяжелѣе у насъ наказывается, чѣмъ она того заслуживаетъ. Почему бы, собственно, Гоголю и не было быть преисполнену сознанія своего значенія, когда друзья и недруги не иначе къ нему относились какъ къ генію? Почему мы не вмѣняемъ въ вину Пушкину его сознанія, что онъ „памятникъ воздвигъ себѣ нерукотворный“? Почему никто не возмущается молодымъ Лермонтовымъ, когда въ ту пору, когда его не баловало еще общественное признаніе, онъ, тѣмъ не менѣе говорилъ о себѣ:

Нѣтъ, я не Байронъ, я другой
Еще невѣдомый избранникъ.

Но, какъ бы то ни было, загадочная смѣсь искренняго и напускного смиренія въ „Перепискѣ“, повторяемъ, имѣетъ интересъ чисто психологическій и общественно-политическихъ выводовъ изъ этого никакихъ не сдѣлаешь.

Гораздо важнѣе вопросъ о томъ, насколько былъ искрененъ Гоголь въ своемъ общественномъ смиреніи, въ отказѣ отъ разрушительнаго смысла своихъ художественныхъ произведеній, въ томъ, что онъ благоговѣйно преклонялся предъ всею совокупностью дореформеннаго государственнаго быта. Объ этомъ ходили очень опредѣленные толки въ самыхъ разнообразныхъ сферахъ и о нихъ, не придавая

имъ, однако, реальнаго значенія, говоритъ Бѣлинскій въ своемъ письмѣ.

Послѣдовательное чтеніе писемъ, изданныхъ г. Шенрокомъ въ хронологическомъ порядкѣ, должно разсѣять всякія сомнѣнія на этотъ счетъ. Можно разно относиться къ обскурантски-реакціонному направленію книги Гоголя. Но если частная переписка его, начиная съ самаго отъѣзда за границу въ 1836 г., въ теченіе десяти лѣтъ вся проникнута однимъ и тѣмъ же пророчески-мистическимъ тономъ, высказываетъ одни и тѣ же взгляды на вопросы государственности, съ однимъ и тѣмъ же осужденіемъ относится ко всему оппозиціонному, то какъ бы все это ни характеризовать, нельзя же усомниться въ искренности писавшаго, нельзя же допустить, что, просто дѣлясь съ пріятелями своимъ настроеніемъ, онъ могъ при этомъ имѣть какія-то заднія цѣли. Если для многихъ частей книги реальная переписка Гоголя была не больше какъ первымъ очеркомъ темъ, въ печати получившихъ гораздо болѣе широкое развитіе, то какъ разъ значительная часть того, что особенно возмутило современниковъ, взята почти цѣликомъ изъ написанныхъ по самымъ разнообразнымъ поводамъ дѣйствительныхъ писемъ Гоголя. Ограничимся для иллюстраціи тѣмъ, что можетъ быть анализировано съ извѣстною долею непринужденности. Едва ли не къ числу характернѣйшихъ статей „Переписки“ принадлежатъ полторы странички, озаглавленныя „Карамзинъ“. Здѣсь ни много, ни мало доказывается, что Карамзинъ „первый возвѣстилъ торжественно, что писателя не можетъ стѣснить цензура, и если уже онъ наполнился чистѣйшимъ желаніемъ блага въ такой мѣрѣ, что желаніе это, занявши всю его душу, стало его плотью и пищею, тогда никакая цензура для него не строга, и ему вездѣ просторно“. Оно, пожалуй, вполнѣ можно согласиться съ Гоголевскимъ утвержденіемъ. Писательское „желаніе занявшее всю душу“, въ той или другой формѣ, дѣйствительно, такъ или иначе выразится и дойдетъ до читателя, особенно россійскаго, столь искусившагося въ чтеніи между строкъ и символическомъ пониманіи печатныхъ словъ. Но, очевидно, Гоголь не то хотѣлъ сказать, когда онъ утверждалъ, что „никто, кромѣ Карамзина, не говорилъ такъ смѣло и благородно, не скрывая никакихъ (!) своихъ мнѣній и мыслей, хотя они и не соотвѣтствовали во всемъ тогдашнему правительству, и слышишь невольно, что онъ одинъ имѣлъ на то право“. Хотя Карамзинскою „смѣлостью“, выразившеюся въ томъ, что своею запискою о „Древней и Новой Россіи“ онъ пошелъ на борьбу съ либеральными вѣяніями александровской эпохи, во времена Гоголя въ полной мѣрѣ обладалъ даже Булгаринъ, но все-таки Гоголь полагалъ, что „смѣлость“ Карамзина „даетъ урокъ нашему брату, писателю. Какъ смѣшны

послѣ этого изъ насъ тѣ, которые утверждаютъ, что въ Россіи нельзя сказать полной правды". Въ такихъ случаяхъ всегда виноватъ самъ писатель. „Самъ же высказался такъ нелѣпо и грубо", самъ же „выкажетъ неряшество растрепанной души своей", а потомъ чудакъ „негодуетъ, что отъ него никто не принялъ и не выслушалъ правды! Нѣтъ, имѣй такую чистую, такую благоустроенную душу, какую имѣлъ Карамзинъ, и тогда возвѣщай свою правду: все тебя выслушаетъ, начиная отъ царя до послѣдняго нищаго въ государствѣ, и выслушаетъ съ такою любовью, съ какою не выслушивается ни въ какой странѣ ни парламентскій защитникъ правъ, ни лучшій нынѣшній проповѣдникъ, собирающій вокругъ себя верхушку моднаго общества; и съ такою любовью можетъ выслушать только одна чудная наша Россія, о которой идетъ слухъ, будто она вовсе не любитъ правды".

Весьма краснорѣчивымъ комментаріемъ къ тому, какъ легко въ то время осуществлялось желаніе „возвѣщать свою правду", явилось то, что три статьи, назначенныя для „Переписки", совсѣмъ не были пропущены цензурою, а большинство появившихся подверглось серьезнѣйшимъ урѣзкамъ. Вопросы государственной жизни были въ то время чѣмъ-то вродѣ „табу" австралійцевъ, до котораго вообще нельзя было касаться, не только порицая, но даже анализируя ихъ съ извѣстнаго рода самостоятельностью. Поэтому-то и звучали такою дикою ироніею слова Гоголя, что „чудная Россія" эпохи вычеркиванія изъ поваренныхъ книгъ рецептовъ ставить пироги на „вольный духъ", отъ всякаго съ „любовью" все выслушаетъ. И, однако, искренность увѣреній Гоголя не можетъ быть подвергнута ни малѣйшему сомнѣнію, потому что весь этотъ дифирамбъ цѣликомъ взятъ изъ частнаго письма и при томъ очень небольшого, слѣдовательно, не изъ тѣхъ, которыя Гоголь долго обдумывалъ и переправлялъ, какъ бы готовя ихъ для появленія къ печати. Гоголь просто отвѣчалъ закадычному пріятелю Языкову на присылку книги Погодина о Карамзинѣ и по этому поводу, вполнѣ мимоходомъ, предался своимъ удивительнымъ размышленіямъ.

Ограничимся, для удобства, этимъ характеристическимъ образчикомъ полной искренности реакціонныхъ тенденцій „Переписки", прибавимъ еще только, что, собственно говоря, всякія чисто-фактическія доказательства искренности „Переписки" совсѣмъ и не нужны даже. Будучи, во всякомъ случаѣ, произведеніемъ въ высшей степени яркимъ, являясь, во всякомъ случаѣ, выраженіемъ долголѣтнихъ думъ и размышленій, „Переписка" уже въ силу одного этого не можетъ быть неискренней. Можно быть неискреннимъ въ одномъ какомъ-нибудь письмѣ, въ одной какой-нибудь статьѣ, но нельзя быть неискреннимъ въ цѣломъ стройномъ міросозерцаніи, нельзя 6—10 лѣтъ

упорно и мучительно носиться съ извѣстными мыслями, имѣя при этомъ въ виду какія-то заднія цѣли. Это психологическій nonsens. Да, наконецъ, писательская „искренность“ есть понятіе совсѣмъ особенное. Она, по преимуществу, состоитъ въ глубокомъ интересѣ къ предмету, въ томъ, что писателю страстно, неудержимо хочется вращаться въ опредѣленной умственной сферѣ. „Переписка“ была выраженіемъ настроенія, назрѣвавшаго съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ Гоголь въ 1836 году уѣхалъ за границу. Вначалѣ просто преисполненный сознанія своей „львиной силы“, онъ все больше и больше, по мѣрѣ того, какъ развертывался передъ нимъ сюжетъ „Мертвыхъ душъ“, укрѣплялся въ этомъ сознаніи, пока, наконецъ, при его глубокой религіозности, оно не приняло форму вполнѣ реальнаго убѣжденія въ своемъ избранничествѣ. Въ письмѣ къ другу дѣтства А. С. Данилевскому, Гоголь, давая ему рядъ совѣтовъ и наставленій, такъ-таки прямо и заявляетъ ему: „О, вѣрь словамъ моимъ! Властью высшею облечено отнынѣ мое слово“ (II, 111). Въ томъ же письмѣ Гоголь, буквально какъ библейскій пророкъ, восклицаетъ: „Теперь ты долженъ слушать моего слова, ибо вдвойнѣ властно надъ тобою мое слово, и *горе кому бы то ни было, не слушающему моего слова*“ (II, 110).

Можно какъ угодно отнестись къ этимъ и однороднымъ заявленіямъ, которыя разбросаны во множествѣ въ письмахъ Гоголя, особенно въ письмахъ къ сестрамъ. Можно въ этомъ видѣть, какъ Бѣлинскій, проявленіе mania religiosa, можно отнестись къ этому, какъ къ маніи величія и т. д. Но въ одномъ только никто не станетъ сомнѣваться,—что подобныя заявленія вытекаютъ изъ настроенія необыкновенно цѣльнаго и проникающаго всего человѣка.

Изъ этого-то глубоко-искренняго пророческаго настроенія Гоголя, изъ его проникновеннаго убѣжденія, что онъ призванъ наставлять, поучать, указать истинный путь жизни личной и общественной, и вытекла „Переписка“, въ которой граждански-поучительный характеръ писательской дѣятельности Гоголя достигъ своего апогея. Это была *первая русская книга, которая такъ или иначе затрогивала основные вопросы русскаго общественнаго быта*, которая, хотя и въ глубоко-реакціонной формѣ, касалась самыхъ жгучихъ сторонъ русской гражданственности и тѣмъ самымъ заставляла общественную мысль работать въ извѣстномъ направленіи, подвергать анализу явленія, мимо которыхъ она до того проходила, просто не замѣчая ихъ. Въ каждомъ литературномъ произведеніи, съ общественной точки зрѣнія, гораздо важнѣе самого содержанія его способность затрогивать въ душѣ читателя извѣстныя струны, потому что основа всякаго прогресса есть, прежде всего, движеніе, и страшенъ для обще-

ственности только застой. Стоитъ ближе присмотрѣться къ самымъ реакціоннымъ мѣстамъ „Переписки“, чтобы убѣдиться, какъ пламенно они стремятся внести гражданскія стремленія въ самыя обыденныя, повседневныя отношенія. Возьмемъ даже пресловутую статью „Русскій помѣщикъ“, съ ея апоѳеозомъ крѣпостного права, съ ея прямымъ возведеніемъ закрѣпощенія мужика въ какой-то перлъ созданія. Бѣлинскому, которому при чтеніи только-что тогда появившагося „Антона Горемыки“ казалось, что это не Антона, а его самого „отодрали на барской конюшнѣ“, конечно, кровь бросилась въ голову, когда онъ прочелъ гоголевское наставленіе пріятелю собрать своихъ крѣпостныхъ, объяснитъ имъ, что они, „родясь подъ властію, должны покориться той самой власти, подъ которою родились, потому что нѣтъ власти, которая бы не была отъ Бога“, а главное—„*показать это имъ тутъ же въ Евангеліи, чтобы они всѣ это видѣли до единаго*“. По поводу этой кощунственной профанаціи Евангелія, Бѣлинскій, конечно, только и могъ сказать Гоголю, что въ моментъ преподанія своихъ совѣтовъ онъ былъ „преисполненъ не истины Христовой, а дьяволова ученія“. Но когда Бѣлинскій тутъ же утверждаетъ, что Гоголь „во имя Христа и церкви учитъ варвара-помѣщика наживать отъ крестьянъ больше денегъ, учитъ ихъ ругать побольше“, то онъ былъ не правъ. Нѣтъ, Гоголь, совершенно забывъ историческое происхожденіе русскаго крѣпостного права, создалъ дикую утопію помѣщичьей власти, въ силу которой помѣщикъ всего менѣе пріобрѣтатель. По теоріи „Переписки“, помѣщикъ—человѣкъ, отъ Бога поставленный затѣмъ, чтобы блюсти душу своихъ крѣпостныхъ. „Скажи мужикамъ,—наставляетъ Гоголь пріятеля,—что заставляешь ихъ трудиться и работать *вовсе не потому, чтобы нужны были тебѣ деньги на твои удовольствія, и въ доказательство тутъ же сожги передъ ними ассигнаціи*, и сдѣлай такъ, чтобы они видѣли дѣйствительно, что деньги тебѣ нуль; но что потому ты заставляешь ихъ трудиться, что Богомъ повелѣно человѣку трудомъ и потомъ снискивать себѣ хлѣбъ, и прочти имъ тутъ же это въ Св. Писаніи, чтобы они это видѣли. Скажи имъ всю правду: *что съ тебя взыщетъ Богъ за послѣдняго негодяя въ селѣ*“. Сообразно съ этимъ, Гоголь вмѣняетъ въ обязанность помѣщику обширнѣйшую программу безпрерывнаго и детальнѣйшаго общенія съ крестьянами, о которой въ обычной помѣщичьей жизни того времени никогда и помина не было, конечно. Тотъ владѣлецъ 800 душъ, къ которому обращены совѣты и увѣщеванія Гоголя, долженъ безпрерывно проповѣдывать своимъ „подданнымъ“ и для этого долженъ знать повадку и жизнь каждаго изъ своихъ мужиковъ въ отдѣльности. Когда мужикъ будетъ „уличенъ въ воровствѣ, *лѣности* или пьянствѣ“, помѣщикъ долженъ „ставить его

передъ лицомъ Бога, а не передъ своимъ лицомъ", долженъ показать, что онъ „грѣшитъ противъ Бога", а не противъ помѣщика, и долженъ предпринять цѣлый циклъ весьма сложныхъ увѣщаній и укоровъ. Недостаточно упрекать одного только провинившагося: „Призови и бабу его, его семью, собери сосѣдей, попрекни бабу, зачѣмъ не отваживала отъ зла своего мужа и не грозила ему страхомъ Божіимъ; попрекни сосѣдей, зачѣмъ допустили, что ихъ же братъ, среди ихъ же, зажилъ собакой и губитъ ни про-что свою душу, докажи имъ, что они дадутъ за то всѣ отвѣтъ Богу. Устрой такъ, чтобы на всѣхъ легла отвѣтственность и чтобы все, что ни окружаетъ человѣка, упрекало бы и не давало бы ему слишкомъ разстегнуться". Но не только съ „лѣнтяями" и пьяницами долженъ возиться гоголевскій помѣщикъ. „А примѣрныхъ мужиковъ, призвавши къ себѣ, и, если они старики, посадивши ихъ предъ собою, потолкуй съ ними о томъ, какъ они могутъ наставлять и учить добру другихъ, исполняя такимъ образомъ именно то, что повелѣлъ намъ Богъ". Въ чисто-хозяйственныхъ дѣлахъ „соприкосновеніе помѣщика съ крестьяниномъ" должно быть самое тѣсное, и помѣщикъ долженъ быть „самъ начинателемъ всего и передовымъ во всѣхъ дѣлахъ", долженъ „въ комнатахъ не засиживаться", долженъ почаще самъ принимать дѣятельное участіе въ крестьянскихъ работахъ съ топоромъ или косой въ рукѣ. Усердно долженъ помѣщикъ заботиться о просвѣщеніи народа и его религіозности. Правда, „учить мужика грамотѣ затѣмъ, чтобы доставить ему возможность читать пустыя книжонки, которыя издаютъ для народа европейскіе человѣколюбцы, есть, дѣйствительно, вздоръ". „У мужика нѣтъ вовсе для этого времени. Послѣ столькихъ работъ никакая книжонка не полѣзетъ въ голову и, пришедши домой, онъ заснетъ, какъ убитый, богатырскимъ сномъ". Къ тому же „деревенскій священникъ можетъ сказать гораздо больше истинно нужнаго для мужика, нежели всѣ эти книжонки". Но, „если въ комъ истинно уже зародится охота къ грамотѣ, и при томъ вовсе не затѣмъ, чтобы сдѣлаться плутомъ-конторщикомъ, но затѣмъ, чтобы прочесть тѣ книги, въ которыхъ начертанъ Божій законъ человѣку, — тогда другое дѣло. *Воспитай его какъ сына* и на него одного употреби все, что употребилъ бы ты на всю школу". Въ религіозномъ воспитаніи крестьянъ гоголевскій помѣщикъ, который вообще является истиннымъ чудомъ природы, соединяя въ себѣ рѣшительно всѣ способности и достоинства, играетъ тоже первенствующую роль, а духовенство тутъ сбоку-припеку. Обыкновенно священники поучаютъ свою паству, хотя бы въ составъ этой паствы входили и такіе помѣщики, какъ гоголевскій владѣлецъ 800 душъ. Въ „Перепискѣ" наоборотъ: „*Будь ему (священнику) наставникомъ*", самымъ серьезнымъ образомъ говоритъ Гоголь своему

помѣщику-энциклопедисту, „ты же понялъ такъ хорошо обязанности сельскаго священника“. Совершенно забывъ, что у священника могутъ быть и свои собственные интересы и желаніе проводить время въ собственной семьѣ, Гоголь дѣлаетъ изъ него настоящаго и безсмѣннаго помѣщичьяго адъютанта, который отъ того, что помѣщичья власть есть учрежденіе, назначенное отнюдь не для извлеченія выгодъ, а для спасенія крестьянскихъ душъ, долженъ всецѣло отдать себя въ распоряженіе помѣщика. „Заведи, чтобы священникъ обѣдалъ съ тобою всякій день. Читай съ нимъ вмѣстѣ духовныя книги. *А самое главное,—бери съ собою священника повсюду, гдѣ ни бываешь на работахъ, чтобы сначала онъ былъ при тебѣ въ качествѣ помощника*; чтобы онъ видѣлъ самолично всюду всю продѣлку твою съ мужиками. Къ нему будетъ больше уваженія со стороны мужиковъ, когда они увидятъ, что онъ идетъ съ тобой объ руку“. Даже проповѣдывать долженъ священникъ именно то, что укажетъ помѣщикъ. Хотя священникъ кончилъ семинарію и, надо полагать, могъ бы, напримѣръ, и самъ справиться со Златоустомъ, но направляющая рука помѣщика и тутъ должна имѣть главное значеніе. „Возьми Златоуста и читай его вмѣстѣ съ *твоимъ* священникомъ и при томъ съ карандашемъ въ рукѣ, чтобы отмѣчать тутъ же всѣ такія мѣста (краткія и сильныя), а такихъ мѣстъ у Златоуста десятками во всякой проповѣди. И эти мѣста пусть онъ скажетъ народу“. Такимъ образомъ, въ общемъ, священникъ—простая ширма, и дѣло религіознаго наставленія народа всецѣло сосредоточено въ рукахъ помѣщика. За то же и хвала ему воздается за всю совокупность его разносторонней дѣятельности, которая, по глубокому убѣжденію Гоголя, не можетъ не увѣнчаться блистательнѣйшимъ успѣхомъ, ибо „въ которую деревню заглянула только христіанская жизнь, тамъ мужики лопатами гребутъ серебро“. „Не служа доселѣ ревностно ни на какомъ поприщѣ, сослужишь ты такую службу въ званіи помѣщика, какой не сослужитъ иной великочиновный человѣкъ. Что ни говори, но поставить 800 подданныхъ, которые всѣ какъ одинъ и могутъ быть примѣромъ всѣмъ окружающимъ своею истинно примѣрною жизнію—это дѣло не бездѣльное и служба истинно-законная и великая“.

Можно разно отнестись къ Гоголевской утопіи—со смѣхомъ, съ негодованіемъ, съ недоумѣніемъ. Но забудемте самое содержаніе ея, возьмемте только *схему* отношеній, которыя она устанавливаетъ. Мы должны будемъ согласиться, что тутъ во всякомъ случаѣ не пріобрѣтательство, а попытка внести нравственное содержаніе и серьезныя обязанности въ такую сферу, гдѣ люди того круга, среди котораго вращался Гоголь, ничего кромѣ самыхъ грубыхъ практическихъ цѣлей не преслѣдовали. Чисто-экономическія отношенія превращены въ

стройное явленіе гражданской жизни, и всякій на какомъ-то общественномъ посту. Гоголевскому помѣщику, или, вѣрнѣе, настоящему отцу, духовнику и наставнику 800 душъ, никто не откажетъ въ званіи истинно-общественнаго дѣятеля, если онъ послушается Гоголя и свое сладкое житье промѣняетъ на то томительно-скучное существованіе, которое ему навязываетъ „Переписка“.

Гоголевское теократизированіе крѣпостного права могло бы, конечно, еще быть отвратительнымъ лицемѣріемъ какого-нибудь Іудушки Головлева, который въ моментъ, когда въ обществѣ пошли вѣянія, способныя подкопать зданіе помѣщичьяго благополучія, старается напялить благообразную личину на безобразное явленіе. Но въ этомъ отношеніи реакціонеръ и крѣпостникъ Гоголь имѣетъ за собою нѣчто такое, чего не имѣло за собою большинство тѣхъ, которые такъ на него обрушились. Гоголь былъ идеально безкорыстенъ и нравственно свободенъ, создавая свои крѣпостническіе идеалы. Съ переѣзда въ Петербургъ, т. е. съ первыхъ моментовъ своего сознательнаго существованія, Гоголь не пользовался ни единою крѣпостною копейкою, ни единой минуты не жилъ на счетъ крестьянъ, которые, увы, обезпечивали благополучное существованіе и автора „Записокъ Охотника“, и автора „Антона Горемыки“ и, за исключеніемъ самого Бѣлинскаго, почти всѣхъ его друзей и единомышленниковъ. И вотъ почему вся слащавая маниловщина статьи „Русскій помѣщикъ“, вся эта идиллія, въ существѣ гораздо болѣе смѣхотворная, чѣмъ возмутительная, должна быть признана ошибкою ума, но никакъ не сердца. Во всемъ этомъ эпизодѣ только ярко сказалась способность Гоголя къ всякому явленію подходить съ гражданской стороны, вносить весьма своеобразно-выразившіяся, но все-таки, несомнѣнно, общественныя стремленія въ самые затхлые уголки жизни.

Ту же общественность Гоголь хочетъ внести и во всѣ остальныя сферы русской жизни, которыя подвергаетъ анализу въ своей книгѣ. Что можетъ быть заурядиѣе положенія губернаторши? Однако же въ длинной статьѣ, составившейся изъ реальнаго письма къ его ближайшей пріятельницѣ — знаменитой калужской губернаторшѣ А. О. Смирновой, Гоголь дѣлаетъ этотъ „постъ“ настоящимъ общественнымъ служеніемъ. Гоголевская губернаторша „должна всѣхъ избранныхъ и лучшихъ въ городѣ подвигнуть на дѣятельность общественную“, должна гнать роскошь, должна „*глядѣть на весь городъ, какъ лекарь глядитъ на лазаретъ*“, и лечить общественныя язвы своимъ добрымъ вліяніемъ на дамъ, въ стремленіи которыхъ къ роскоши Гоголь на протяженіи всей своей книги видитъ главный источникъ злоупотребленій чиновниковъ и судей. Забудемъ опять маниловскую патоку, на которой заварена вся эта умилительная программа

преобразованія общественнаго строя путемъ добрыхъ начальниковъ, и мы снова получаемъ тотъ же принципъ широкаго пріобщенія всякаго человѣка къ гражданской работѣ.

Еще менѣе, повидимому, имѣетъ что-либо родственнаго съ общественною дѣятельностью представленіе о богатой, знатной красавицѣ. А между тѣмъ, присмотримся къ душевному портрету такой красавицы, нарисованному въ статьѣ „Женщина въ свѣтѣ". Біографія Гоголя выяснила, что хотя статья и имѣетъ подзаглавіе „Письмо къ *...вой*", но на самомъ дѣлѣ такого реальнаго письма Гоголь никому не писалъ и въ своей статьѣ онъ, какъ и въ „Русскомъ помѣщикѣ", только воспользовался эпистолярной формой, чтобы начертить свой идеалъ женщины.

Какое же употребленіе дѣлаетъ мнимая *...ва* изъ своей молодости и красоты? Она скорбитъ о томъ, что „не можетъ быть кому-нибудь полезной", что „*никакого вліянія на общество имѣть не можетъ*". Но Гоголь съ нею споритъ, онъ указываетъ ей, что разъ „самимъ Богомъ водворено" ей „въ душу стремленіе или жажда добра", разъ „кто заключилъ въ душѣ своей такое *небесное безпокойство о людяхъ*, такую ангельскую тоску о нихъ среди самыхъ развлекательныхъ увеселеній, тотъ много, много можетъ для нихъ сдѣлать; у того повсюду поприще, потому что повсюду люди". „Не убѣгайте же свѣта, среди котораго вамъ назначено быть", умоляетъ Гоголь свою красавицу; ей непремѣнно удастся „обратить на путь нынѣшній свѣтъ": отказъ „ни у кого не посмѣетъ пошевелиться на губахъ, когда однимъ умоляющимъ взоромъ, безъ словъ, вы попросите кого-нибудь изъ насъ, чтобы онъ сдѣлался лучшимъ". Мы не будемъ слѣдить за дальнѣйшими совѣтами и указаніями Гололя—по обыкновенію, они слащаво-приторны. Но оцѣнимте самое главное въ каждомъ нравственномъ совѣтѣ—направленіе, которое онъ даетъ мысли. Пусть намъ укажутъ хотя бы одного изъ современныхъ „Перепискѣ" самыхъ передовыхъ писателей, у котораго зародился бы такой свѣтлый образъ, какъ образъ гоголевской красавицы съ душой, объятой, по удивительному выраженію Гоголя, достойному стать крылатымъ словомъ, „*небеснымъ безпокойствомъ о людяхъ*". И этотъ образъ создался у Гоголя не мимолетно: онъ вышелъ изъ очень глубокихъ тайниковъ его творческой души, потому что отлился у него тоже и въ художественной формѣ во 2-й части „Мертвыхъ душъ" въ лицѣ Улиньки, которая вся была переполнена такимъ же „небеснымъ безпокойствомъ", не выносила ни малѣйшей несправедливости. Улинька еще мало оцѣнена нашей критикой, но она, несомнѣнно, является первымъ художественнымъ воплощеніемъ новой русской женщины,

съ ея общественными стремленіями и негодованіемъ на неправду; она—старшая сестра Тургеневской Елены.

Къ числу самыхъ яркихъ въ общественно-политическомъ отношеніи статей „Переписки“ принадлежитъ частью дѣйствительная переписка, частью только изложеніе бесѣдъ съ очень интимнымъ другомъ Гоголя—графомъ Александромъ Петровичемъ Толстымъ, тѣмъ самымъ, въ домѣ котораго онъ впослѣдствіи умеръ. Къ Толстому адресованы всѣ статьи, гдѣ говорится о церкви, о духовенствѣ, о томъ, какъ надо „любить Россію“ и служитъ ей. Это та часть книги, которая пользуется особенно установившейся репутаціею. Но немало будетъ удивленъ современный читатель, если, захотѣвъ познакомиться поближе съ почти никѣмъ теперь не читаемой „Перепиской“, заглянетъ и въ тѣ страницы, гдѣ, повидимому, сосредоточенъ весь гоголевскій „клерикализмъ“ и „аскетизмъ“. И окажется тогда, что того, что можно назвать „клерикализмомъ“ въ прямомъ смыслѣ, т. е. предоставленія духовенству руководящей роли въ практической жизни, у Гоголя нѣтъ и слѣда. Человѣкъ глубоко-религіозный, безгранично высоко ставящій церковь какъ руководительницу и наставительницу совѣсти, Гоголь, однако, рѣзко отстраняетъ духовенство отъ прямого и непосредственнаго вмѣшательства въ жизнь. Онъ даже противъ простого общенія духовенства съ паствою внѣ церкви. „Повѣрьте, что если бы стали духовные встрѣчаться съ нами чаще, участвуя въ нашихъ ежедневныхъ собраніяхъ и гульбищахъ или входя въ семейныя дѣла, это было бы нехорошо“. Весьма кстати вспомнивъ тутъ о самыхъ яркихъ и настоящихъ представителяхъ клерикализма—католическихъ патерахъ, съ ихъ вмѣшательствомъ въ семейныя дѣла, Гоголь прибавляетъ: „Духовному предстоитъ много искушеній, гораздо болѣе даже, нежели намъ: какъ разъ завелись бы тѣ интриги въ домахъ, въ которыхъ обвиняютъ римско-католическихъ поповъ“. Гоголь отмежевываетъ представителямъ церкви совершенно опредѣленную область: „У духовенства нашего два законныхъ поприща, на которыхъ они съ нами встрѣчаются: исповѣдь и проповѣдь“. Гдѣ же тутъ хотя бы отдаленная тѣнь дѣйствительнаго клерикализма?

Что касается „аскетизма“, т. е. стремленія углубиться только во внутреннее самоусовершенствованіе и бѣжать отъ дѣлъ міра сего, то трудно найти болѣе рѣшительное, болѣе энергическое противодѣйствіе такому убѣганію въ пустыню, чѣмъ то, которое даетъ „Переписка“. Въ статьѣ „Нужно любить Россію“ вопросъ поставленъ въ самой непосредственной формѣ. Здѣсь Гоголь борется съ дѣйствительнымъ или воображаемымъ желаніемъ Толстого уйти въ монастырь и разсуждаетъ такъ: „Безъ любви къ Богу никому не спастись“, но эту любовь надо имѣть въ себѣ: „*Въ монастырѣ ея не найдется*“

тому, кто ею не проникся раньше. Какъ же обрѣсти любовь? „Христосъ принесъ и возвѣстилъ намъ тайну, что въ любви къ братьямъ получаемъ любовь къ Богу. Стоитъ только полюбить ихъ такъ, какъ приказалъ Христосъ, и сама собой выйдетъ въ итогѣ любовь къ Богу самому. *Идите же въ міръ и пріобрѣтайте прежде любовь къ братьямъ*". „Но какъ полюбить братьевъ? Для этого русскому надо возлюбить Россію, въ которой теперь „болѣзни и страданія накопились въ такомъ множествѣ". Слышится „вопль всей земли" противъ „безчинствъ и неправды" и въ такое время никто не долженъ отстраняться отъ борьбы со зломъ. „Вы еще не любите Россію: вы умѣете только печалиться, да раздражаться слухами обо всемъ дурномъ, что въ ней дѣлается"; „это еще не любовь, далеко вамъ до любви". „Нѣтъ, если вы, дѣйствительно, полюбите Россію, у васъ пропадетъ тогда сама собою та близорукая мысль, которая зародилась теперь у многихъ честныхъ и даже умныхъ людей, то есть, будто въ теперешнее время они уже ничего не могутъ сдѣлать для Россіи и будто они ей уже не нужны совсѣмъ; напротивъ, тогда только во всей силѣ вы почувствуете, что любовь всемогуща и что съ нею можно все сдѣлать. Нѣтъ, если вы, дѣйствительно, полюбите Россію, вы будете рваться служить ей; *не въ губернаторы, но въ капитанъ-исправники пойдете, послѣднее мѣсто, какое ни отыщется въ ней, возьмете, предпочитая одну крупицу дѣятельности на немъ всей вашей нынѣшней бездѣйственной и праздной жизни*".

Предложить это бывшему губернатору, чѣмъ Толстой былъ и въ дѣйствительности и въ качествѣ чего фигурируетъ передъ читателями въ „Перепискѣ", было, конечно, очень наивно. Но думается, что отъ чести признать свое тѣсное душевное родство съ этою наивностью не откажется ни одинъ изъ самыхъ завзятыхъ противниковъ „Переписки". Изъ этой „наивности" родилось все, что намъ свято въ русскомъ народолюбіи, изъ нея вышло „кающееся дворянство", вышли всѣ тѣ дорогія намъ позднѣйшія теченія, которыя тоже предпочли „бездѣйственной и праздной жизни" „крупицу дѣятельности", хотя бы и на „послѣднемъ мѣстѣ" общественной лѣстницы. Въ поразительно-сильной формулѣ Гоголя могла сказаться только мысль, глубоко-захваченная скорбью о родинѣ, вся изнывшая отъ сознанія ранъ, ее разъѣдающихъ, страстнаго желанія залечить ихъ.

Тотъ же страстный призывъ работать на пользу общую составляетъ главное содержаніе другого адресованнаго Толстому письма: „Нужно проѣздиться по Россіи". Тутъ опять энергическая борьба съ настроеніемъ, изъ жажды подвига рвущимся въ монастырь, и опять „аскетическая" книга Гоголя властно говоритъ кандидату въ монахи: „*Монастырь нашъ — Россія!* Облеките же себя умственно рясой чер-

неца и, всего себя умертвивши для себя, но не для нея, ступайте подвизаться въ ней".

Если Гоголь отъ людей всякаго званія и положенія требуетъ дѣятельной и самоотверженной работы на пользу общую, то какъ онъ смотритъ на собственную задачу свою, въ чемъ полагаетъ сущность и значеніе писательскаго призванія?

Ярко сказалась истинно-гражданская окраска всего духовнаго существа Гоголя и въ его взглядахъ на задачи литературы вообще и поэзіи въ частности. Для него писатель, какъ для самаго завзятаго „разрушителя эстетики" 60-хъ гг., только и цѣненъ съ точки зрѣнія той „пользы", которую онъ приноситъ: „Я—писатель, а долгъ писателя не одно доставленіе пріятнаго занятія уму и вкусу: строго взыщется съ него, если отъ сочиненій его не распространится какая-нибудь польза душѣ и не останется отъ него ничего въ поученіе людямъ".

Благоговѣйный ученикъ и безграничный почитатель Пушкина, Гоголь, однако, совершенно разошелся съ нимъ въ пониманіи задачъ художественной дѣятельности. Не согласенъ онъ съ нимъ ни въ томъ, что художники рождены для звуковъ сладкихъ и молитвъ, ни въ томъ, что не ихъ дѣло „корысть" и „битвы". Какъ мы уже знаемъ, Гоголь обязательно требуетъ „пользы", т. е. „корысти" по терминологіи Пушкина. А что касается „житейскаго волненія" и „битвъ", т. е. отзывчивости на нужды времени и участія въ борьбѣ съ несовершенствами жизни, то всего этого Гоголь требуетъ не только отъ писателя, назначеніе котораго ставилъ такъ необыкновенно высоко,—онъ вмѣняетъ рѣшительно всякому человѣку борьбу со зломъ. „Вспомни", говоритъ онъ даже человѣку, занимающему „незамѣтную должность" и имѣющему весьма скромную сферу дѣйствія: „призваны въ міръ мы вовсе не для праздниковъ и пированій—*на битву мы сюда призваны;* какъ добрый воинъ, долженъ бросаться изъ насъ всякъ туда, гдѣ пожарче битва".

Звуки же сладкіе Гоголь отвергаетъ съ энергіею библейскаго пророка:

„Стряхни сонъ съ очей своихъ", говоритъ онъ лучшему другу своему поэту Языкову, „и порази сонъ другихъ". И вслѣдъ за этимъ Гоголь даетъ удивительнѣйшую по силѣ и яркости литературную формулу:

„На колѣна передъ Богомъ и *проси у него гнѣва и любви*".

„Гнѣва и любви"!

Это сказано за нѣсколько лѣтъ до дорогой намъ формулы: „муза мести и печали".

*

И если этой музѣ мы присвоили названіе „гражданской“ по преимуществу, то будемте послѣдовательны и по отношенію къ Гоголю.

Неужели не „писатель-гражданинъ“ тотъ, кто своими художественными произведеніями подкопалъ все зданіе общественной скверны, а въ произведеніяхъ теоретическихъ *всякаго человѣка* дѣлаетъ ратоборцемъ за правду и общее благо, хотя и очень своеобразно понятое?

1902.

Великое сердце.

Виссаріонъ Григорьевичъ Бѣлинскій.

Великое сердце.

Виссаріонъ Григорьевичъ Бѣлинскій.

Да, именно въ томъ, по преимуществу, великое значеніе Бѣлинскаго, что у него было великое сердце. Огромно, конечно, и чисто-умственное значеніе его литературнаго наслѣдства. Разберитесь въ своихъ представленіяхъ о главныхъ моментахъ русской литературы и вамъ станетъ ясно, что источникъ ихъ въ разъясненіяхъ, съ такою удивительною яркостью и ясностью данныхъ Бѣлинскимъ. Присмотритесь къ тому пониманію исторіи русской литературы, которое теперь уже разошлось по всѣмъ учебникамъ, несмотря на то, что первоисточникъ ихъ—самыя сочиненія Бѣлинскаго только въ незначительной части получили доступъ въ учебныя библіотеки, и вамъ опять станетъ ясно, что все это взято изъ статей Бѣлинскаго о Пушкинѣ, изъ его „Литературныхъ мечтаній", изъ годовыхъ обзоровъ его. Прослѣдите, наконецъ, генетическую связь между литературнымъ движеніемъ всего ряда лѣтъ, протекшихъ послѣ смерти Бѣлинскаго, и мыслями, идеями и настроеніями „Неистоваго Виссаріона" и вы увидите, что для Бѣлинскаго еще не наступила исторія. У Бѣлинскаго вы всегда найдете отвѣтъ на большинство самыхъ животрепещущихъ вопросовъ современности, потому что отправные пункты путей, по которымъ шла разработка этихъ вопросовъ, намѣчены Бѣлинскимъ же совершенно опредѣленно и ясно.

Словомъ, Бѣлинскій есть основа, первоисточникъ, краеугольный камень всей новой русской литературной мысли, живое воплощеніе всѣхъ тѣхъ новыхъ началъ, которыя сдѣлали русскую литературу важнѣйшимъ факторомъ новаго направленія русской гражданственности.

Но именно только воплощеніе. Никакое преклоненіе предъ Бѣлинскимъ не должно затушевывать того факта, что мысли, которыя онъ высказывалъ съ такимъ огромнымъ талантомъ и силою, были мыслями цѣлаго круга людей, его вдохновлявшихъ. И этотъ фактъ не только потому не нужно затушевывать, что онъ есть правда, а еще и потому, что въ немъ рѣшительно нѣтъ ничего такого, что бы умаляло значеніе Бѣлинскаго. Вѣдь самые-то настоящіе великіе люди тѣ, которые не сами по себѣ, а отражаютъ великія эпохи. Второстепенно было бы значеніе Бѣлинскаго, если бы онъ отражалъ одного Бакунина, одного Грановскаго, одного Герцена. Но если онъ одновременно, и притомъ по отношенію къ большинству изъ нихъ съ безконечно большею силою и блескомъ, отражалъ и Станкевича, и Боткина, и Бакунина, и Грановскаго, и Герцена, то это уже значитъ, что онъ является центральнымъ пунктомъ знаменитѣйшей эпохи, выразителемъ самаго замѣчательнаго момента русской культуры, давшей ту плеяду великихъ писателей, которая поставила Россію на одинъ уровень съ великими литературными державами человѣчества. Какъ уже было сказано въ настоящихъ „Очеркахъ", главная заслуга великаго критика „не въ томъ, что онъ лично додумался до всѣхъ идей, имъ высказанныхъ, а въ томъ, что онъ провелъ ихъ сквозь горнило сожигавшаго его внутренняго пламени и сообщилъ имъ отпечатокъ своей идеально-прекрасной личности. Непреходящее вліяніе статей Бѣлинскаго зиждется на томъ, что въ нихъ слышно біеніе сердца, безспорно, самаго благороднаго, когда-либо бившагося въ русской груди, что въ нихъ сказалась никѣмъ другимъ не достигнутая высота настроенія, сила и глубина чувства. Великій праведникъ литературы русской, рыцарь безъ страха и упрека, на свѣтлой памяти котораго нѣтъ ни единаго, самомалѣйшаго пятнышка, былъ вмѣстѣ съ тѣмъ великимъ страстотерпцемъ новой русской мысли. Онъ глубоко выстрадалъ свои убѣжденія и въ полномъ смыслѣ слова писалъ лучшею кровью своего сердца".

Печать необыкновенно высокаго духа Бѣлинскаго лежитъ на каждой строчкѣ, имъ написанной, и оттого такъ жгучи понынѣ эти старыя журнальныя статьи и рецензіи, болѣе полувѣка тому назадъ написанныя и часто по поводамъ совершенно ничтожнымъ. Мысли старѣются и становятся банальными, что̀ можно сказать про многія положенія Бѣлинскаго, превратившіяся въ труизмы. Но истинный паѳосъ никогда не старѣетъ и всегда сообщается читателю. И какъ вѣрующій, заглядывающій въ минуту поисковъ душевнаго утѣшенія въ псалтирь, находитъ въ ней слова успокоенія, хотя они сказаны совсѣмъ по иному поводу, такъ и сочиненія Бѣлинскаго, раскрытыя

въ любомъ мѣстѣ, даютъ источникъ великаго наслажденія всякому, волнующемуся вопросами морали, назначенія литературы и выясненія истинныхъ задачъ человѣческаго существованія. Безграничное воодушевленіе Бѣлинскаго уноситъ и читателя его въ горныя вершины духа. Есть немногіе избранники, при встрѣчѣ съ которыми всякій нравственно подтягивается и куда-то далеко, далеко прячетъ всѣ мелкіе помыслы. Заразительно, вѣдь, не только зло, но и добро. Бѣлинскій—одинъ изъ такихъ избранниковъ. Въ этомъ было его значеніе въ кружкахъ превосходившихъ его знаніями пріятелей его, въ этомъ его значеніе и теперь. Въ его духовномъ присутствіи отпадаетъ все ничтожное и пошлое, и всякій чувствуетъ неодолимую потребность чѣмъ-нибудь приблизиться къ его душевной чистотѣ и настроить себя въ унисонъ съ біеніемъ его великаго сердца.

Общій обзоръ эпохи Бѣлинскаго.

Изъ того, что было сейчасъ сказано о значеніи Бѣлинскаго, какъ центральнаго человѣка его эпохи, вытекаетъ необходимость точно ознакомиться съ этой эпохой въ ея главныхъ очертаніяхъ. Съ такого обзора я и начинаю свой этюдъ. Нѣкоторые моменты эпохи Бѣлинскаго очень извѣстны. Я на ихъ останавливаться не буду и отмѣчу ихъ только для общей связи. Другіе, напротивъ того, мало извѣстны, и я остановлюсь на нихъ подробнѣе.

Предварительно я еще хочу воспользоваться случаемъ, чтобы сказать нѣсколько словъ объ одномъ историко-литературномъ обозначеніи, которое, право, уже пора бросить. Годы, обзоръ литературной исторіи которыхъ я сейчасъ собираюсь сдѣлать, принято у насъ называть *гоголевскимъ періодомъ*. Трудно придумать обозначеніе, менѣе подходящее къ сущности эпохи, чѣмъ это. И если обратиться къ исторіи происхожденія термина „гоголевскій періодъ“, то полная непригодность его станетъ еще яснѣе.

Терминъ созданъ Чернышевскимъ. Когда онъ въ 1855 году началъ въ „Современникѣ“ рядъ статей о тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ, то главною цѣлью его было возстановить въ памяти читателей дѣятельность Бѣлинскаго: ему посвящена значительнѣйшая часть статей. Но имя Бѣлинскаго нельзя было въ то время называть: реакція, наступившая у насъ благодаря опасеніямъ, вызваннымъ европейскими революціонными событіями 1848 года, отнеслась къ дѣятельности Бѣлинскаго какъ къ чему-то противозаконному. Такъ, всѣмъ подсудимымъ по литературно-политическому дѣлу Петрашевскаго было вмѣнено въ проступокъ,

что они читали знаменитое негодующее письмо Бѣлинскаго къ Гоголю, полное выходокъ противъ недостатковъ нашего строя. Вотъ почему за все семилѣтіе (1848—1855), отдѣляющее смерть Бѣлинскаго отъ начала новаго царствованія, имя Бѣлинскаго не упоминается въ журналистикѣ. Чернышевскій началъ свои очерки въ первые мѣсяцы новаго царствованія, когда старыя традиціи еще не уступили мѣста новымъ. Но вотъ наступаютъ новыя вѣянія, и это очень быстро сказалось на „Очеркахъ“ тѣмъ, что въ четвертой статьѣ имя Бѣлинскаго уже было, наконецъ, произнесено. Въ первыхъ же статьяхъ, повторяю, Бѣлинскаго назвать еще нельзя было. Чернышевскому, слѣдовательно, нужно было придумать своего рода псевдонимъ, надо было говорить о Бѣлинскомъ иносказательно. Онъ и придрался къ тому, что въ то время выходило собраніе сочиненій Гоголя. Это давало поводъ говорить объ умственномъ движеніи 30-хъ и 40-хъ годовъ. А такъ какъ надо было выдумать безобидную кличку, то слова „Гоголевскій періодъ“ какъ бы сами напрашивались на языкъ. И пошло это названіе, и утвердилось оно такъ, какъ будто вполнѣ выражало намѣренія автора статей. А между тѣмъ достаточно посмотрѣть одно только оглавленіе „Очерковъ гоголевскаго періода“, чтобы убѣдиться, что Гоголь тутъ ни при чемъ: Гоголю посвящено въ нихъ меньше 20-ти страницъ изъ 380, очерки трактуютъ исключительно о теоретической русской мысли, на которую ужъ, конечно, Гоголь не могъ оказать никакого вліянія. Критика Бѣлинскаго, правда, въ числѣ своихъ другихъ заслугъ, имѣетъ и заслугу правильнаго истолкованія Гоголя. Безспорно вообще, что, за исключеніемъ Булгарина, всѣ литературныя партіи 40-хъ годовъ чрезвычайно высоко цѣнили Гоголя, — но отсюда до наложенія отпечатка на всю эпоху еще очень далеко.

Я не стану касаться поднятаго за послѣднее время вопроса о томъ, отъ кого пошла новая русская литература? — отъ Пушкина или отъ Гоголя. Но внѣ спора во всякомъ случаѣ то, что дѣятели сороковыхъ годовъ уже застали Гоголя большою литературною величиной — слѣдовательно, онъ относится къ эпохамъ предыдущимъ. И, наконецъ, достаточно вспомнить письмо Бѣлинскаго къ Гоголю по поводу „Переписки съ друзьями“, чтобы окончательно рѣшить вопросъ о томъ, мыслимо ли назвать именемъ Гоголя тотъ періодъ, который такъ далеко разошелся съ Гоголемъ въ пониманіи существеннѣйшихъ сторонъ русской жизни.

Нѣтъ, вторую половину тридцатыхъ годовъ и сороковые нужно непремѣнно назвать эпохой Бѣлинскаго, какъ по тому центральному значенію Бѣлинскаго, о которомъ уже было выше сказано, такъ

и потому еще, что никто изъ остальныхъ дѣятелей эпохи не дошелъ въ эти годы до полнаго развитія своихъ литературныхъ силъ. Умершій въ 1848 году Бѣлинскій одинъ въ сороковыхъ годахъ обрисовался во всю свою величину. Остальные сверстники его, за исключеніемъ развѣ Грановскаго, всю силу своихъ талантовъ развернули уже послѣ его смерти — въ пятидесятыхъ и шестидесятыхъ годахъ.

I.

Исторія умственнаго движенія 30-хъ и 40-хъ годовъ тѣснѣйшимъ образомъ переплетена съ исторіей московскаго университета за это время. Въ началѣ 30-хъ годовъ въ немъ учились почти всѣ главныя силы новой русской литературы. Лермонтовъ, Гончаровъ, Герценъ, Огаревъ, Станкевичъ и второстепенные члены его знаменитаго кружка, Константинъ Аксаковъ и, наконецъ, Бѣлинскій—все это студенты московскаго университета конца 20-хъ и начала 30-хъ годовъ.

Въ знаменательное время попали они въ университетъ. Въ началѣ тридцатыхъ годовъ московскій университетъ находился на рубежѣ совершенно новой эпохи, на рубежѣ рѣзкой перемѣны въ профессурѣ и студенчествѣ. Цѣлый рядъ молодыхъ профессоровъ: шеллингистъ Павловъ, даровитый Надеждинъ, Шевыревъ — тогда еще молодой энтузіастъ, только что вернувшійся изъ-за границы и еще не превратившійся въ того сухого педанта, съ которымъ ожесточенно ратоборствовалъ впослѣдствіи кружокъ Бѣлинскаго, Погодинъ, тоже еще молодой и свѣжій,—всѣ эти молодыя силы внесли новый духъ въ университетское преподаваніе, который и не замедлилъ произвести въ немъ радикальныя перемѣны. Вмѣсто прежняго монотоннаго считыванія съ старыхъ тетрадокъ, въ незапамятныя времена заготовленныхъ и изъ года въ годъ, безъ малѣйшихъ перемѣнъ, повторяемыхъ, съ профессорской каѳедры послышалось живое слово, стремившееся отразить вѣянія времени, удовлетворить нарождающимся потребностямъ жизни. Параллельно этимъ перемѣнамъ въ профессорской средѣ, происходитъ большая перемѣна и въ московскомъ студенчествѣ. Студентъ изъ бурша превращается въ молодого человѣка, поглощеннаго высшими стремленіями. Прежніе патріархальные нравы, когда московскіе студенты, главнымъ образомъ, занимались пьянствомъ, буйствомъ, задираніемъ прохожихъ, мало-по-малу начинаютъ отходить въ область преданій. Правда, и въ годы вступленія Бѣлинскаго въ университетъ студенты забавлялись еще подчасъ разными чисто-школьническими шалостями и продѣлками. Но въ общемъ все-таки эти времена буйства, школьничества и незнанія куда дѣть запасъ юношескихъ силъ, рѣшительно проходятъ и замѣ-

няются стремленіемъ къ „солнцу истины“, какъ выражается Константинъ Аксаковъ въ своихъ университетскихъ воспоминаніяхъ. Начинается образованіе среди московскихъ студентовъ тѣсно сплоченныхъ кружковъ молодыхъ людей, восторженныхъ и чистыхъ, сходящихся затѣмъ, чтобы выяснить себѣ вопросы нравственные, философскіе, политическіе.

Студенчество новаго типа сгруппировалось по преимуществу въ двухъ кружкахъ—*Станкевича* и *Герцена*. И какъ это ни странно, но почти все, чѣмъ славно поколѣніе сороковыхъ годовъ, или прямо вышло изъ этихъ двухъ кружковъ, или тѣсно къ нему примыкало. Безусловно правъ Герценъ, когда, вспоминая въ „Быломъ и Думахъ“ о студенческихъ кружкахъ своего времени, говоритъ о лицахъ, входившихъ въ составъ ихъ: „Можно сказать, что въ то время Россія будущаго существовала между нѣсколькими мальчиками, только-что вышедшими изъ дѣтства. Въ нихъ было наслѣдіе общечеловѣческой науки. Это были зародыши исторіи, незамѣтные, какъ зародыши вообще. Слабые, ничтожные, ничѣмъ не поддерживаемые, они легко могли бы погибнуть безъ слѣда, но они остаются, а если и умираютъ на полдорогѣ, то не все умираетъ съ ними“.

Оба кружка, хотя и одушевленные однимъ и тѣмъ же жаромъ высокихъ стремленій, почти не имѣли между собою общенія и отчасти даже враждебно относились другъ къ другу. Они были представителями двухъ направленій. Кружокъ Станкевича интересовался по преимуществу вопросами отвлеченными — философіей, эстетикой, литературой и былъ довольно равнодушенъ къ вопросамъ политическимъ и соціальнымъ. Напротивъ того, кружокъ Герцена, тоже очень интересовавшійся философіей, не особенно интересовался литературой, а все свое вниманіе сосредоточивалъ на вопросахъ политики дня и вопросахъ соціальнаго устройства. Бурная жизнь іюльской монархіи и ученіе Сенъ-Симона составляли преобладающій интересъ Герцена и его друга Огарева. Кружку Герцена весьма скоро пришлось столкнуться съ тѣмъ, что на жаргонѣ того времени называлось „дѣйствительностью“, и эта „дѣйствительность“ поступила съ ними безъ всякой нѣжности, размѣстивъ ихъ по разнымъ уголкамъ Россіи. Поэтому на литературномъ поприщѣ они появляются позже, чѣмъ члены кружка Станкевича.

Въ составъ первоначально чисто-студенческаго кружка Станкевича, продолжавшаго жить въ тѣснѣйшемъ духовномъ общеніи и восторженнѣйшей дружбѣ и послѣ того, какъ члены его въ 1834—1835 гг. оставили университетъ, входили люди неодинаковой умственной и нравственной величины. Второстепенное значеніе имѣютъ: рано умершій историкъ и археологъ Сергѣй Строевъ; довольно посред-

ственный поэтъ, впослѣдствіи профессоръ кіевскаго университета Красовъ; гораздо выше послѣдняго стоящій поэтъ-философъ Ключниковъ, извѣстный подъ своимъ псевдонимомъ „—ѳ—“ и, наконецъ, Невѣровъ, получившій впослѣдствіи извѣстность въ качествѣ попечителя кавказскаго учебнаго округа. Цвѣтъ сообщали кружку прежде всего самъ Станкевичъ, затѣмъ Константинъ Аксаковъ и Бѣлинскій. Черезъ годъ, два послѣ того, какъ кружокъ покончилъ университетскія дѣла свои, къ нему тѣснѣйшимъ образомъ примыкаютъ четыре крупнѣйшихъ дѣятеля, Бакунинъ, Катковъ, Василій Боткинъ и Грановскій.

Перечисленныя лица были люди различныхъ темпераментовъ и душевныхъ организацій. Но всѣхъ ихъ сплачивало въ одно обаяніе необыкновенно свѣтлой, истинно-идеальной личности Станкевича. Станкевичъ представлялъ собою чрезвычайно рѣдкій примѣръ литературнаго дѣятеля, не имѣющаго никакого значенія какъ писатель и тѣмъ не менѣе наложившаго яркую печать своей индивидуальности на одинъ изъ важнѣйшихъ періодовъ русской литературы. Какъ писатель, Станкевичъ авторъ очень плохой quasi-исторической драмы, слабой повѣсти, двухъ трехъ десятковъ стихотвореній вполнѣ второстепеннаго значенія и нѣсколькихъ отрывковъ философскаго характера, правда, довольно интересныхъ, но найденныхъ только послѣ смерти въ бумагахъ его и напечатанныхъ цѣлыхъ 20 лѣтъ спустя. Весь этотъ незначительный литературный багажъ вмѣстѣ съ переводами занялъ небольшой томикъ, и не въ немъ, конечно, источникъ огромнаго вліянія Станкевича. Оно зиждется, помимо красоты его нравственнаго существа, на томъ, что Станкевичъ, не обладая литературнымъ и научнымъ талантомъ, былъ тѣмъ не менѣе очень талантливою личностью просто какъ человѣкъ. Одаренный тонкимъ эстетическимъ чутьемъ, глубокою любовью къ искусству, большимъ и яснымъ умомъ, способнымъ разбираться въ самыхъ отвлеченныхъ вопросахъ и глубоко вникать въ сущность всякаго вопроса, Станкевичъ давалъ окружающимъ могущественные духовные импульсы и будилъ лучшія силы ума и чувства. Его живая, умная и часто остроумная бесѣда была необыкновенно плодотворна для всякаго, кто вступалъ съ нимъ въ близкое общеніе. Онъ всякому спору умѣлъ сообщать высокое направленіе, все мелкое и недостойное какъ-то само собою отпадало въ его присутствіи, какъ и въ присутствіи Бѣлинскаго. Станкевичъ представлялъ собою удивительно гармоничное сочетаніе нравственныхъ и умственныхъ достоинствъ. Въ идеализмѣ Станкевича не было ничего напускного или приподнятаго, идеализмъ органически проникалъ въ его существо, онъ могъ легко и свободно дышать только на горныхъ высотахъ духа.

Въ 1837 году начинающаяся чахотка и жажда приложиться къ самому источнику философскаго знанія погнали Станкевича за границу. Онъ подолгу живалъ въ Берлинѣ, гдѣ вступилъ въ тѣсное общеніе съ душевно полюбившимъ его профессоромъ философіи, гегельянцемъ Вердеромъ. Въ это время въ сферу его обаянія попали питомцы петербургскаго университета.—Грановскій и Тургеневъ. Въ 1840 году двадцатисемилѣтній Станкевичъ умеръ въ итальянскомъ городкѣ Нови. Ранняя смерть его произвела потрясающее впечатлѣніе на друзей его, но вмѣстѣ съ тѣмъ она какъ-то необыкновенно гармонично и художественно завершила красоту его образа.

Et rose, elle a vecu ce que vivent les roses—
L'espace d'un matin,

сказалъ французскій поэтъ про умершую въ цвѣтѣ лѣтъ дѣвушку и находитъ въ этой гармоніи примиреніе съ ужаснымъ фактомъ. Душевная красота Станкевича была тоже своего рода благоуханнымъ цвѣткомъ, который могъ бы и выдохнуться при болѣе прозаическихъ условіяхъ, какъ выдохся, напр., идеализмъ его друга кумира Невѣрова. Теперь-же, благодаря трагизму судьбы Станкевича и цѣльности оставленнаго имъ впечатлѣнія, имя его стало талисманомъ для всего поколѣнія 40-хъ годовъ и создало желаніе приблизиться къ нему по нравственной красотѣ.

Преобладающимъ интересомъ кружка Станкевича было изученіе германской идеалистической философіи. Изъ университета члены кружка, подъ вліяніемъ лекцій Павлова и Надеждина, вынесли интересъ къ Шеллингу, съ его широкимъ взглядомъ на міръ, какъ на развитіе одной всеобщей, объединяющей и творящей идеи. Во второй половинѣ 30-хъ годовъ поэтически-восторженный идеализмъ и пантеизмъ Шеллинга вытѣсняется суровой схемой Гегелевскаго міропониманія. Увлеченіе кружка гегельянствомъ было безмѣрное и дошло до истинной страсти. По свидѣтельству Герцена, котораго не было въ Москвѣ, когда началось увлеченіе Гегелемъ, и который засталъ его апогей по своемъ возвращеніи въ Москву, въ концѣ 1830-хъ годовъ, члены кружка отъ всякаго, приходившаго съ ними въ столкновеніе, „требовали безусловнаго принятія феноменологіи и логики Гегеля и при томъ по ихъ толкованію. Толковали же они объ нихъ безпрестанно, нѣтъ параграфа во всѣхъ трехъ частяхъ гегелевской логики, въ двухъ его эстетики, энциклопедіи и пр., который бы не былъ взятъ отчаянными спорами нѣсколькихъ ночей. Люди, любившіе другъ друга, расходились на цѣлыя недѣли, не согласившись въ опредѣленіи „перехватывающаго духа“, принимали за обиды мнѣнія объ „абсолютной личности“ и о ея „по себѣ бытіи“. Всѣ ничтожнѣйшія брошюры, выходившія въ Берлинѣ

и другихъ губернскихъ и уѣздныхъ городахъ нѣмецкой философіи, гдѣ только упоминалось о Гегелѣ, выписывались, зачитывались до дыръ, до пятенъ, до паденія листовъ, въ нѣсколько дней".

Это увлеченіе гегеліанствомъ порою доходило у членовъ кружка до наивно-трогательныхъ проявленій. Молодые люди такъ преисполнились ученіемъ берлинскаго философа—что у нихъ „отношеніе къ жизни, къ дѣйствительности, сдѣлалось школьное, книжное; это было то ученое пониманіе простыхъ вещей, надъ которымъ такъ геніально смѣялся Гете въ своемъ разговорѣ Мефистофеля со студентомъ. Все въ самомъ дѣлѣ непосредственное, всякое простое чувство было возводимо въ отвлеченныя категоріи и возвращалось оттуда безъ капли живой крови, блѣдной, алгебраической тѣнью. Во всемъ этомъ была своеобразная наивность, потому что все это было совершенно искренно. Человѣкъ, который шелъ гулять въ Сокольники, шелъ для того, чтобы отдаваться пантеистическому чувству своего единства съ космосомъ; и, если ему попадался по дорогѣ какой-нибудь солдатъ подъ хмѣлькомъ или баба, вступавшая въ разговоръ, философъ не просто говорилъ съ ними, но опредѣлялъ субстанцію народности въ ея непосредственномъ и случайномъ явленіи. Сама слеза, навертывающаяся на вѣкахъ, была строго отнесена къ своему порядку, къ „гемюту" или къ „трагическому въ сердцѣ"...

На увлеченіи Станкевича и его друзей гегельянствомъ впервые ярко сказалась та основная черта русскаго усвоенія отвлеченныхъ идей, которая проходитъ красною нитью чрезъ всю нашу духовную жизнь послѣднихъ 50—60 лѣтъ. Въ томъ-то и дѣло, что отвлеченныя идеи никогда не оставались для насъ *отвлеченными*, а, переходя въ плоть и кровь, быстро переводились на языкъ дѣйствительности и становились чѣмъ-то очень конкретнымъ. И интересъ къ философіи у людей сороковыхъ годовъ никогда не былъ интересомъ къ философіи an und für sich. Есть два типа интереса къ философіи. Можно ею интересоваться, какъ *наукой*, какъ дисциплиною *объясняющею*. Этотъ чисто-научный типъ интереса господствовалъ въ нашихъ духовныхъ академіяхъ, гдѣ задолго до того, какъ флософія завладѣла умами свѣтскаго общества, превосходно изучали всѣ главныя философскія системы. Если хотите, такое отношеніе — вполнѣ европейское, культурное, можетъ быть объясняемое тѣмъ, что культура духовнаго сословія нашего старше культуры свѣтскаго общества. Но вмѣстѣ съ тѣмъ въ этомъ отношеніи и достаточно... равнодушія къ истинѣ. Ну, а равнодушіемъ къ истинѣ и холоднымъ объективизмомъ поколѣніе сороковыхъ годовъ всего менѣе отличалось. И вотъ почему оно и къ широкимъ

перспективамъ гегелевскаго мірообъясненія отнеслось не съ холоднымъ любопытствомъ, а внесло въ ихъ усвоеніе всю страсть людей, ищущихъ духовной опоры и жаждущихъ найти мѣру вещей. Для нихъ философія стала въ полномъ смыслѣ слова религіей, не разъ доводившей ихъ до состоянія прямого экстаза. Неудивительно, что чисто научный интересъ отошелъ при этомъ совершенно на второй планъ. „*Мы тогда въ философіи искали всего на свѣтѣ, кромѣ чистаго мышленія*“, говоритъ Тургеневъ въ своихъ воспоминаніяхъ, и это драгоцѣннѣйшее свидѣтельство даетъ единственно вѣрный методъ оцѣнки философскихъ увлеченій эпохи Бѣлинскаго. Комичны, поэтому, новѣйшія нападки на Бѣлинскаго и его друзей за то, что они не вѣрно поняли Гегеля. Эти нападки комичны, прежде всего, по существу. Они основаны по преимуществу на томъ, что Бѣлинскій плохо зналъ по-нѣмецки, Гегеля въ подлинникѣ не читалъ и знакомъ былъ съ нимъ по передачѣ друзей, въ частности Бакунина. Но дѣло-то въ томъ, что это была передача, которая превосходила непосредственное знакомство. Герценъ, въ высокой компетентности котораго по отношенію къ философскимъ вопросамъ никто еще никогда не сомнѣвался, говоритъ, что изъ всѣхъ людей, изучавшихъ Гегеля, онъ встрѣтилъ только двухъ, которые поняли великаго философа въ совершенствѣ, и оба эти человѣка не знали по-нѣмецки: то были Прудонъ и Бѣлинскій, оба ученики одного и того же Бакунина. По отзыву другого компетентнаго судьи—князя Одоевскаго, Бѣлинскій представлялъ собою примѣръ замѣчательнѣйшей философской духовной организаціи, которой достаточно было усвоить основныя начала, чтобы затѣмъ уже самостоятельнымъ путемъ дойти до всѣхъ ихъ логическихъ послѣдствій. Вотъ почему и Гегеля Бѣлинскій превосходно понялъ по пересказу Бакунина и Станкевича.

Итакъ, повторяю, упреки въ томъ, что въ кружкѣ Бѣлинскаго плохо знали Гегеля, комичны по существу. Но они еще болѣе комичны по тѣмъ негодующимъ выводамъ, которые изъ нихъ сдѣлали люди взявшіеся изучать умственныя движенія русскаго общества, не уяснивъ себѣ главной особенности ихъ—способности претворять заимствованныя извнѣ отвлеченныя системы въ нѣчто вполнѣ самостоятельное, въ чисто русскій катехизисъ практической жизни. Допустимъ, что Бѣлинскій не понялъ Гегеля и даже совершенно „извратилъ“ его. Что бы изъ этого слѣдовало? Единственно тотъ фактъ вполнѣ второстепеннаго значенія, что умственная жизнь русской интеллигенціи 40-хъ годовъ шла безъ воздѣйствія на нее подлинной гегелевской философіи. А такъ какъ философія Гегеля даже и въ подлинномъ видѣ ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть при-

знана универсальнымъ фактомъ правильнаго умственнаго развитія, какимъ должны быть признаны, напр., естественно-научный методъ или критическая философія Канта, то и ущерба никакого не произошло бы отъ „извращенія“ Бѣлинскимъ гегельянства. Въ современной Бѣлинскому Франціи и Англіи Гегеля совсѣмъ не знали, и это не помѣшало имъ развить первостепенную культуру. Обошлась бы, слѣдовательно, отлично и Россія безъ „правильно“ понятаго гегельянства. Весь интересъ „правильно“ или „неправильно“ понятаго русскаго гегельянства только въ томъ и заключается, поскольку онъ является *русскимъ* умственнымъ теченіемъ. Исходи онъ даже изъ полнаго непониманія, его огромный интересъ для историка русской мысли и русскаго общества столь же мало ослаблялся бы этимъ, какъ не ослабляется, напр., историческій интересъ католицизма и протестантства, если допустить, что они отступили отъ ученія первоначальнаго восточнаго христіанства. Дѣйствительный интересъ русскаго гегельянства только въ томъ необыкновенномъ подъемѣ духа, который гегельянство сообщило поколѣнію сороковыхъ годовъ. Изъ броженія мысли, имъ созданнаго, вытекли два основныхъ русла русскаго самосознанія: западничество и славянофильство; гегельянство не только сообщило русской интеллигенціи то, чего ей прежде недоставало—опредѣленное міровоззрѣніе, но, что самое важное, оно создало неотложную потребность всегда имѣть какое-нибудь міровоззрѣніе. А эта опредѣленность міровоззрѣнія была единственнымъ способомъ воздѣйствія на косность окружающей среды. Талантовъ было достаточно и до сороковыхъ годовъ. Но эти таланты по своимъ идеаламъ сливались съ толпой и потому поглощались ею и были безсильны окрасить ее въ свой цвѣтъ. Людей же сороковыхъ годовъ высота ихъ міровоззрѣнія сразу выдвинула надъ толпой, создался маякъ мысли, который далеко вокругъ бросалъ лучи свѣта. Прошло какихъ-нибудь 15 лѣтъ, и то, что вырабатывалось въ дружескихъ собраніяхъ ничтожнымъ количествомъ горсточки людей, оказало могущественнѣйшее вліяніе на весь ходъ огромной государственной машины, которая направилась теперь по путямъ, намѣченнымъ въ 40-хъ гг. кучкой гегельянцевъ. И вотъ въ этомъ одухотвореніи сѣраго фона русской жизни, въ этомъ созданіи высокаго строя мысли, въ силѣ и страстности стремленія привести въ соотвѣтствіе русскую дѣйствительность съ высшими потребностями культуры и заключается историческій смыслъ русскаго гегельянства, которое, строго говоря, и не было никогда опредѣленнымъ міровоззрѣніемъ, которое то прославляло „дѣйствительность“, то нападало на нее, то было консервативно, то радикально, то давало толчокъ къ преклоненію передъ Западомъ, то, напротивъ того, служило исходнымъ пунктомъ самаго исключительнаго націонализма.

Провозвѣстникомъ гегельянства въ кружкѣ Станкевича явился по преимуществу Михаилъ Бакунинъ. Этому отставному артиллерійскому офицеру предстояло пріобрѣсть въ 60-хъ и 70-хъ годахъ всемірную извѣстность въ качествѣ самаго крайняго изъ самыхъ крайнихъ утопистовъ. Онъ создалъ теорію безпощаднѣйшаго анархизма и полнаго упраздненія государственности. Стоявшій въ то время во главѣ соціалистическаго движенія Карлъ Марксъ долженъ былъ прибѣгнуть къ исключенію Бакунина изъ главнаго органа партіи—„Международнаго общества рабочихъ" для того, чтобы устранить даже тѣнь солидарности съ этимъ апостоломъ всеобщаго разрушенія. Но по странной ироніи судьбы тотъ же Бакунинъ, который въ серединѣ 40-хъ годовъ, перебравшись въ Европу, выдвинулъ въ одной изъ своихъ статей страшный девизъ „Die Lust der Zerstörung ist eine schaffende Lust" (страсть къ разрушенію есть зиждущая страсть), въ концѣ 30-хъ не только не имѣлъ ничего общаго съ разрушительными стремленіями, но прямо пришелъ къ апоѳеозу существующаго порядка. На основаніи Гегелевской философіи создалъ онъ теорію преклоненія предъ „дѣйствительностью" и увлекъ за собою кружокъ Станкевича, всѣхъ же сильнѣе—Бѣлинскаго.

Вопросъ о „дѣйствительности" и ея „разумности" является центральнымъ пунктомъ всей духовной жизни кружка Станкевича въ эпоху его увлеченія гегельянствомъ, и это еще разъ доказываетъ, въ какую грубую ошибку впадаютъ тѣ, которые, изучая движеніе 40-хъ годовъ, разсматриваютъ философскіе взгляды эпохи Бѣлинскаго исключительно съ научной точки зрѣнія. Не знаменательна ли въ самомъ дѣлѣ та исключительность, съ которою всѣ силы ума и сердца Бѣлинскаго и его друзей обратились на толкованіе положенія Гегеля—„*все дѣйствительное—разумно*". Положенія, въ концѣ концовъ, второстепеннаго, мимоходомъ высказаннаго въ предисловіи къ „Философіи права". Если вы возьмете какую-нибудь позднѣйшую исторію философіи и прочтете статью о Гегелѣ, вы тамъ часто не встрѣтите даже простого упоминанія о формулѣ „все дѣйствительное—разумно" [1]). Вотъ до чего маловажной она кажется обыкновенному изслѣдователю рядомъ съ грандіозностью чисто-научныхъ притязаній гегелевской философіи дать абсолютную истину о сущности всего мірового процесса. Но для русскаго человѣка сороковыхъ годовъ, который накинулся на гегелевскую философію не изъ жажды научнаго знанія, а потому, что ему надо было немедленно рѣшить вопросъ,

---

[1]) Укажемъ на цѣлую книгу о Гегелѣ Кэрда (М. 1898), на огромную статью-трактатъ Владиміра Соловьева въ „Энцикл. Словарѣ" Брокгаузъ-Ефрона.

какъ ему жить, все отступило предъ жгучестью ужасныхъ сомнѣній, вносимыхъ формулой.

Сомнѣнія эти имѣли истинно-трагическій характеръ, формула въ корнѣ подрывала всѣ стремленія кружка, дѣлала безсмысленными всѣ его благородные порывы. Люди съ негодованіемъ отбросили всякую мысль о какихъ бы то ни было компромиссахъ, сосредоточили всѣ свои помыслы на исканіи абсолютной, безпримѣсной истины и этимъ самымъ, конечно, должны были порвать всякую связь съ пошлостью и несовершенствами окружающей среды, и вдругъ „все дѣйствительное—разумно“! Значитъ, и крѣпостное право разумно, и превосходенъ весь тотъ строй, который возмущалъ еще Чацкаго, и нѣтъ ничего дурного въ той „неправдѣ черной“, о которой говорили даже такіе апологеты общаго уклада русской жизни, какъ Хомяковъ. Словомъ, правы Булгаринъ и Гречъ, „громъ побѣды раздавайся, веселися, храбрый Россъ“!

Какъ бы отнеслись къ такому ужасному диссонансу люди, заинтересовавшіеся гегельянствомъ съ чисто-научной точки зрѣнія? Они бы, конечно, спокойно отбросили или формулу, или всю систему, разъ она приводитъ къ противорѣчію, которое ставитъ крестъ надъ всѣмъ, что составляетъ основу ихъ духовнаго существа. Но въ томъ-то и дѣло, что члены кружка Станкевича не столько умомъ, сколько сердцемъ примкнули къ гегельянству, они гегельянство не только усвоили, они въ него увѣровали. Ихъ въ гегельянствѣ прельстило его притязаніе дать *абсолютную* истину. А разъ абсолютная истина, какія же могутъ быть частныя противорѣчія?

И вотъ получилась дилемма, выходъ изъ которой былъ найденъ только черезъ нѣсколько лѣтъ, когда наши гегельянцы поняли, что Гегель, при всемъ консерватизмѣ своихъ спеціально-государственныхъ воззрѣній, *не все существующее признавалъ дѣйствительнымъ*. Слѣдовательно, формула „все *дѣйствительное* — разумно“ не означаетъ, что „все *существующее* разумно“, и не узакониваетъ всякій порядокъ вещей только въ виду того, что онъ фактъ. Но, повторяю, до этой оговорки наши гегельянцы доискались позже. Цѣлыхъ же два года, между 1838 и 1840 годомъ, будущій создатель анархизма Бакунинъ, вѣрный фанатическому складу своего ума и чисто-русской способности jurare in verba magistri—во имя Гегеля воспѣвалъ „дѣйствительность“ конца 30-хъ годовъ во всей ея совокупности. Бѣлинскій, не оглядываясь, пошелъ за нимъ. Онъ написалъ въ 1840 г. извѣстную статью о „Бородинской годовщинѣ“, гдѣ преклоненіе передъ существующимъ порядкомъ вещей дошло до того, что многіе, и притомъ совсѣмъ не люди крайнихъ убѣжденій, съ нимъ разознакомились. Статья была на-

писана въ своего рода состояніи аффекта. Внутренно содрогаясь отъ сознанія, что обрекаетъ себя на нравственную смерть, Бѣлинскій тѣмъ не менѣе безстрашно шелъ на все ad majorem Hegelii gloriam. Не доходить до конца для него было равносильно измѣнѣ. Именно по поводу статьи о „Бородинской годовщинѣ“ Герценъ говоритъ, что Бѣлинскій, разъ усвоивши себѣ то или другое воззрѣніе, „не блѣднѣлъ ни передъ какимъ послѣдствіемъ, не останавливался ни передъ моральнымъ приличіемъ, ни передъ мнѣніемъ другихъ, котораго такъ страшатся люди слабые и несамобытные. Въ немъ не было робости, потому что онъ былъ силенъ и искрененъ, его совѣсть была чиста“. Понявши извѣстнымъ образомъ формулу Гегеля, онъ проповѣдывалъ въ концѣ тридцатыхъ годовъ „индійскій покой созерцанія и теоретическое изученіе вмѣсто борьбы“, проповѣдывалъ съ тою же лихорадочною страстностью, съ какою чрезъ полтора, два года нападалъ на представителей квіетизма и требовалъ активнаго противодѣйствія тяжелымъ общественнымъ условіямъ дореформенной эпохи.

Таковы общіе контуры русскаго гегельянства, столь мало имѣющіе общаго съ заправскою философіею. И эту же мало-научную и исключительно-жизненную окраску носятъ всѣ дальнѣйшія движенія русской теоретической мысли, вплоть до нашихъ дней. Послѣ Гегеля—французскіе утописты 40-хъ годовъ; въ 60-хъ годахъ—нѣмецкіе матеріалисты, Дарвинъ, Милль, Бокль; въ 70-хъ и 80-хъ годахъ—соціологія; въ наши дни марскизмъ и идеализмъ, все это не болѣе, какъ отправные пункты, отъ которыхъ идутъ самостоятельные, *русскіе пути*. У насъ, какъ извѣстно, установился особый типъ критическихъ статей „по поводу“, въ которыхъ собственно о самомъ произведеніи говорится весьма мало, а выясняются разные вопросы общественной жизни. Ну, вотъ и философскія системы Запада у насъ были не больше какъ поводомъ къ выработкѣ чисто-русскихъ общественныхъ системъ. Такъ, умственное движеніе, напитавшееся идеями научнаго матеріализма и утилитаризма, въ результатѣ дало самое самоотверженное и великодушное изо всѣхъ русскихъ поколѣній—альтруистовъ 70-хъ годовъ; такъ, напротивъ того, прикрываясь эстетическимъ и философскимъ идеализмомъ, выступило на смѣну „кающемуся дворянству“ 70-хъ годовъ черствое и неискреннее поколѣніе 80-хъ и начала 90-хъ годовъ.

Возвращаясь опять къ эпохѣ Бѣлинскаго, отмѣтимъ еще то, что изъ одного и того же гегельянства вышли не только два такихъ непохожихъ теченія, какъ прославленіе „дѣйствительности“ и нападки на нее, но и оба діаметрально-противоположныя міровоззрѣнія, борьба между которыми не кончилась до сихъ поръ: славяно-

фильство и западничество. Ультра-національное, славяно-византійское ученіе Константина Аксакова, Кирѣевскаго и Хомякова брало многія схемы своихъ воззрѣній у Гегеля эпохи его возведенія прусско-протестантскаго строя 20-хъ годовъ въ перлъ созданія. Но, конечно, все это подверглось вполнѣ русской переработкѣ, и только переработка и интересна для историка русской мысли, совершенно независимо отъ того, въ какомъ видѣ тутъ является подлинный, „научный" Гегель.

Изъ лицъ, вошедшихъ въ составъ кружка Станкевича, послѣ того, какъ онъ оставилъ университетъ, кромѣ Бакунина, слѣдуетъ еще отмѣтить *Василія Боткина* [1]). Для средняго читателя это имя говоритъ очень мало. Въ лучшемъ случаѣ его знаютъ какъ автора „Писемъ объ Испаніи", произведенія уже по самому роду своему могущаго имѣть только второстепенное значеніе. И тѣмъ болѣе, что оригинальность „Писемъ" сильно заподозрѣна. А между тѣмъ, Василій Боткинъ имѣетъ безусловно серьезное значеніе въ исторіи новѣйшей русской литературы. Оно аналогично значенію Станкевича, съ тѣмъ только отличіемъ, что Станкевичъ въ одинаковой степени вліялъ и высотою нравственной своей личности, и своими замѣчательными интеллектуальными силами, между тѣмъ какъ Боткинъ оказывалъ вліяніе только въ сферѣ интеллектуальной своими замѣчательными познаніями по литературѣ и искусству и своимъ тонкимъ эстетическимъ вкусомъ. Кромѣ того, Станкевичъ повліялъ на весь кружокъ, а Боткинъ только на одного изъ членовъ его. Но зато этотъ одинъ былъ Бѣлинскій. Размѣръ вліянія виденъ изъ того, что когда въ 1857 году Дружининъ приступалъ къ ряду статей о Бѣлинскомъ, онъ собирался прямо заявить о первостепенномъ значеніи, которое имѣлъ Боткинъ для всего хода умственнаго развитія знаменитаго критика. Боткинъ поспѣшилъ отклонить отъ себя эту великую честь и просилъ Дружинина „какъ можно меньше говорить о какой-либо помощи, какую я могъ оказывать Бѣлинскому". Со свойственной ему скромностью Боткинъ прибавилъ: „И какъ можно мнѣ объ этомъ судить? Это дѣло посмертныхъ замѣтокъ, т. е. замѣтокъ обо мнѣ, когда я умру. Найдутся люди, которые теперь сочтутъ такого рода „извѣстія" за поползновенія съ моей стороны придать себѣ какое-то ничѣмъ не оказанное значеніе, а васъ за снисходительнаго compère. Нѣтъ, оставимъ лучше это дѣло. То время было то, что нѣмцы называютъ Sturm und Drang Periode. Все въ насъ

---

[1]) На Катковѣ мы останавливаться не будемъ. Его значеніе относится къ послѣдующей эпохѣ.

кипѣло и все требовало отвѣта и разъясненія; всякій клалъ свою посильную лепту въ общую сокровищницу, *которою была критика Бѣлинскаго.* Одинъ меньше, другой больше, но какъ теперь разберешь“ [1]).

Въ 1857 году, дѣйствительно, трудно было разобраться. Но двадцать лѣтъ спустя появилась въ книгѣ А. Н. Пыпина о Бѣлинскомъ съ тѣхъ поръ ставшая знаменитою переписка Бѣлинскаго съ Боткинымъ, и изъ нея вполнѣ ясно, что если „одинъ меньше“ изъ членовъ кружка, а другой „больше“ вліялъ на великаго выразителя умственнаго возбужденія 40-хъ годовъ, то именно „больше“ вліялъ Боткинъ. И если признать Бѣлинскаго важнѣйшимъ явленіемъ эпохи, то и Василій Боткинъ, мало кому извѣстный и никѣмъ не читаемый, получаетъ крупное историческое значеніе. Оно зиждется на томъ, что Боткинъ былъ главнымъ посредникомъ между Бѣлинскимъ и западно-европейскимъ искусствомъ. Тонкое эстетическое чутье было, конечно, прирожденное у Бѣлинскаго, но въ постоянномъ общеніи съ Боткинымъ оно окрѣпло и возмужало. Ни съ кѣмъ Бѣлинскій не обмѣнивался такъ охотно мыслями по чисто-литературнымъ вопросамъ, какъ съ Боткинымъ. Въ личныхъ отношеніяхъ никого Бѣлинскій не любилъ съ такою нѣжностью, какъ Боткина, который былъ для него живымъ воплощеніемъ нѣмецкой поэзіи, нѣмецкой музыки и всѣхъ вообще чисто-эстетическихъ эмоцій.

Въ своей личной литературной карьерѣ Боткинъ не процвѣлъ. Это очень поучительно и вполнѣ соотвѣтствуетъ основной чертѣ новѣйшей русской литературы, указаніемъ на которую, подобно катоновскому caeterum censeo, изслѣдователь долженъ заканчивать всякую характеристику литературнаго дѣятеля послѣднихъ 50—60 лѣтъ: для вліянія на русскаго читателя нужна прежде всего глубина убѣжденія, нужно явиться представителемъ опредѣленнаго міросозерцанія. У Боткина были обширныя познанія, недюжинный умъ, тонкій вкусъ, не было у него недостатка и во внѣшнихъ литературныхъ достоинствахъ. Но у него совсѣмъ не было желанія схватиться на жизнь и на смерть за свои убѣжденія и во всемъ его духовномъ существѣ царилъ холодъ. Вотъ почему Боткинъ самъ по себѣ не многаго стоитъ и имѣетъ значеніе только какъ источникъ духовнаго возбужденія Бѣлинскаго. При-

---

[1]) Это замѣчательное мѣсто, важное какъ для характеристики Боткина, такъ и для характеристики Бѣлинскаго, совсѣмъ не обращало на себя вниманія изслѣдователей эпохи 40-хъ годовъ. Оно находится въ „Сборникѣ общ. вспомощ. нужд. литер. и ученыхъ. XXV лѣтъ“. (Спб., 1884 г., стр. 500).

ставьте къ скромному источнику свѣта большой блестящій рефлекторъ, и оба вмѣстѣ они будутъ бросать яркій свѣтъ на далекое разстояніе. Умеръ Бѣлинскій, и Боткинъ исчезаетъ изъ исторіи русской литературы. Исчезаетъ даже его личная привлекательность, столь неотразимо дѣйствовавшая на Бѣлинскаго, который былъ влюбленъ въ него, какъ въ женщину. Всегда сидѣвшій въ Боткинѣ эпикуреизмъ превращается въ 50-хъ и 60-хъ годахъ въ какую-то отвратительную холю тѣла и обжорство. Еще болѣе печальный оборотъ приняла духовная жизнь Боткина. Эстетизмъ въ немъ тоже превратился въ какую-то литературную гастрономію, и общественное возбужденіе, наступившее послѣ крымской войны, не только не вызывало никакого сочувствія въ недавнемъ поклонникѣ французскихъ утопистовъ, а страшно его раздражало. Онъ не могъ простить 60-мъ годамъ ихъ пренебреженія къ искусству и въ своемъ брюзжаніи дошелъ до того, что въ разговорахъ съ знакомыми цензорами натравливалъ ихъ на репрессивныя мѣры. Такъ печально кончилъ (въ 1869 г.) другъ Бѣлинскаго, который въ ужасѣ перевернулся бы въ гробу, если бы до него дошло то письмо къ Фету, гдѣ Боткинъ съ полною атрофіей нравственнаго чувства повѣствуетъ о своихъ „указаніяхъ“ цензорамъ. Боткину было дано большое умственное богатство, но не было дано соотвѣтственнаго богатства душевнаго.

Перейдемъ теперь ко второму университетскому кружку. Онъ былъ менѣе многочисленъ, чѣмъ кружокъ Станкевича, и собственно это даже не былъ кружокъ. Просто два студента физико-математическаго факультета, *Александръ Герценъ* и *Николай Огаревъ*, къ тому же дальніе родственники, поступивъ въ университетъ, продолжали вести пламенную, романтическую дружбу, возникшую между ними, когда они еще были мальчиками. Изъ другихъ студентовъ чаще другихъ приходили къ друзьямъ и были душевно съ ними близки: *Сатинъ*, впослѣдствіи переводчикъ Шекспира, *Вадимъ Пассекъ*,—рано умершій этнографъ, и *Кетчеръ*—медикъ по спеціальности, но страстный любитель литературы и тоже переводчикъ Шекспира, весельчакъ и остроумный maître de plaisir московской литературной молодежи.

Вліяніе небольшого кружка Герцена и Огарева на литературу въ началѣ эпохи Бѣлинскаго было совершенно незначительно, но по чисто-внѣшнимъ причинамъ. Въ 1834 году Герценъ, вмѣстѣ съ Огаревымъ и Сатинымъ, были привлечены къ раздутой исторіи объ университетскихъ кандидатахъ, устроившихъ по случаю окончанія курса пирушку, во время которой пѣли антиправительственныя пѣсни. Ни

Герценъ, ни Огаревъ участія въ пирушкѣ не принимали, и суровое наказаніе, постигшее дѣйствительныхъ участниковъ, ихъ миновало. Но захваченныя при обыскѣ у нихъ бумаги показали, что друзья очень интересуются французскими соціальными системами и особенно сенъ-симонизмомъ—и этого было достаточно, чтобы признать ихъ виновными. Герценъ былъ сосланъ въ Пермь, Сатинъ—въ Симбирскъ, Огаревъ, изъ вниманія къ его отцу, котораго въ то время разбилъ апоплексическій ударъ,—въ Пензу.

Только въ 1839 году Герценъ вернулся въ Москву и получилъ возможность принять болѣе или менѣе дѣятельное участіе въ литературѣ. Его обширныя познанія, огромный умъ и замѣчательный, искрящійся блестками тончайшаго остроумія, литературный талантъ не замедлили обратить на него вниманіе. Тѣмъ не менѣе, ознакомленіе съ Герценомъ только эпизодически должно входить въ исторію литературы сороковыхъ годовъ. Герценъ входитъ, главнымъ образомъ, въ исторію литературы слѣдующей эпохи, конца 50-хъ годовъ, когда онъ достигъ безпримѣрнаго вліянія и значенія, когда къ словамъ его съ одинаковымъ волненіемъ и съ одинаковою симпатіею прислушивались во всѣхъ слояхъ русскаго общества, не исключая дворцовъ и министерскихъ совѣтовъ.

Въ 40-хъ годахъ дѣятельность Герцена, писавшаго подъ псевдонимомъ *Искандера*, была тоже очень замѣтна, но все таки не такъ, какъ впослѣдствіи. Она выразилась въ рядѣ блестяще написанныхъ статей, протестовавшихъ противъ той науки, которая замыкается въ себѣ и создаетъ только цеховыхъ ученыхъ. Наука должна воздѣйствовать на жизнь, должна идти на встрѣчу разрѣшенію назрѣвающихъ вопросовъ современности. Кромѣ статей философско-критическаго характера, Герценъ въ 40-хъ годахъ написалъ нѣсколько замѣчательныхъ беллетристическихъ произведеній, иногда недостаточно художественно-законченныхъ, но всегда вдумчивыхъ и проникнутыхъ серьезнымъ убѣжденіемъ. Особенное впечатлѣніе произвела небольшая повѣсть „Сорока-воровка“, съ ея косвеннымъ осужденіемъ крѣпостного права, и романъ „Кто виноватъ“. Романъ ставилъ, хотя и не разрѣшалъ ни въ ту, ни въ другую сторону, вопросъ о семейныхъ отношеніяхъ и правахъ сердца свободно любить. Въ лицѣ же героя романа—Бельтова было очерчено, кромѣ того, трагическое положеніе русскаго человѣка съ высшими потребностями, не имѣющаго возможности приложить свои силы къ общественной дѣятельности и принужденнаго всю жизнь скитаться безъ опредѣленной цѣли.

Во внутренней жизни русской передовой интеллигенціи 40-хъ годовъ Герценъ, еще не обрисовавшійся во всю свою величину для

читающей публики, сразу пріобрѣлъ не меньше значенія, чѣмъ впослѣдствіи. Болѣе всѣхъ онъ содѣйствовалъ отрѣшенію отъ узкаго пониманія гегельянства, какъ апоѳеоза всякаго существующаго явленія. Когда въ 1839 году Герценъ вернулся въ Москву, онъ засталъ теорію преклоненія предъ разумностью всякой „дѣйствительности“ во всемъ ея бѣснованіи и ужаснулся. Чтобы бороться съ приверженцами этой теоріи ихъ же собственнымъ оружіемъ, онъ засѣлъ за Гегеля и со свойственнымъ ему блескомъ способностей быстро освоился какъ съ самимъ Гегелемъ, такъ и съ его школою. Школа Гегеля тогда уже начала распадаться на консервативное, *правое* гегельянство и гегельянство *лѣвое*, давшее вскорѣ дѣятелей въ родѣ Карла Маркса. Герценъ явился провозвѣстникомъ этого лѣваго гегельянства и пришелъ къ выводамъ діаметрально-противоположнымъ тѣмъ, которые завладѣли умомъ и сердцемъ членовъ кружка Станкевича. Произошла жестокая схватка съ Бѣлинскимъ, и молодые люди, горячо полюбившіе другъ друга, разошлись. Бѣлинскій, глубоко потрясенный, уѣхалъ въ Петербургъ. Но прошелъ годъ съ небольшимъ, сомнѣнія, брошенныя Герценомъ, взошли въ чуткомъ сердцѣ Бѣлинскаго, онъ трезво взглянулъ на неприглядную „дѣйствительность“, и когда въ 1841 году друзья свидѣлись, между ними уже не было разногласій и они пошли, рука объ руку, по пути выработки новой общественной программы.

Другъ Герцена—Огаревъ всецѣло напоминаетъ Станкевича. Человѣкъ скромный, хотя и полный вѣры въ великое призваніе, тихій и застѣнчивый, Огаревъ неотразимо дѣйствовалъ на всякаго, кто былъ чутокъ къ душевной красотѣ. Вокругъ него всегда создавался особый „Огаревскій культъ“, въ его присутствіи люди, какъ въ общеніи съ Станкевичемъ, становились лучше и чище. Но не только высокимъ строемъ своего нравственнаго существа выдѣлялся Огаревъ. Человѣкъ обширнаго, энциклопедическаго образованія, онъ оказывалъ сильное вліяніе на своихъ друзей и умственнымъ богатствомъ своимъ. Мало продуктивный въ печати, онъ благотворно вліялъ личной бесѣдой, дѣлясь богатымъ запасомъ своихъ знаній, давая широкія обобщенія, высказывая яркія мысли и притомъ часто въ очень яркихъ образахъ. Какъ поэтъ онъ въ разсматриваемую эпоху обрисовался вполнѣ, хотя нѣкоторыя изъ лучшихъ произведеній его написаны въ 50-хъ годахъ. Рано опредѣлились основныя черты почти безпричинно-меланхолической, женственно-мягкой музы Огарева. Его лирѣ—можетъ быть, самой нѣжной во всей русской поэзіи—были совершенно чужды мужественные аккорды. И это находится въ странномъ противорѣчіи съ теоретическими воззрѣніями Огарева, всегда крайними и рѣшительными. Поэзія Огарева, всю жизнь составлявшаго предметъ неусыпнаго вниманія надзирающихъ

вѣдомствъ и съ конца 50-хъ годовъ ставшаго однимъ изъ главарей русской эмиграціи, поражаетъ почти полнымъ отсутствіемъ элемента протеста. Тихая грусть о прошедшемъ и развитомъ счастьѣ, искреннѣйшее чувство всепрощенія и того, что на жаргонѣ 40-хъ годовъ называлось „резиньяціей",—вотъ наиболѣе характерныя черты творчества Огарева. Въ пензенской ссылкѣ своей Огаревъ написалъ стихотвореніе „Друзьямъ", гдѣ затронуто постигшее ихъ несчастіе. Кого бы не озлобила несправедливая кара? На Герцена она такъ и подѣйствовала, укрѣпивъ въ немъ протестующее настроеніе. У Огарева же вотъ чѣмъ заканчивается картина крушенія лучшихъ надеждъ:

Мы много чувствъ, и образовъ, и думъ
Въ душѣ глубоко погребли... И что же—
Упрекъ ли небу скажетъ дерзкій умъ?
Къ чему упрекъ? Смиренье въ душу вложимъ,
И въ ней затворимся безъ желчи, если можемъ.

II.

Мы ознакомились съ тѣми дѣятелями разсматриваемаго періода, которые примыкали къ московскимъ студенческимъ кружкамъ. Объ остальныхъ дѣятеляхъ эпохи удобнѣе будетъ сказать въ связи съ очеркомъ литературно-общественныхъ партій, образовавшихся въ началѣ 40-хъ годовъ. Борьба этихъ партій составляетъ главное содержаніе эпохи Бѣлинскаго, эпохи теоретической выработки міросозерцанія по преимуществу, такъ какъ чисто-художественныя силы новаго поколѣнія проявились только въ самомъ концѣ эпохи.

Окончательное выдѣленіе литературно-*общественныхъ* партій произошло около 1842—3 года. Я подчеркиваю слово *общественныхъ*, потому что это было явленіе совсѣмъ новое. Еще какихъ нибудь пять, десять лѣтъ тому назадъ литература наша, какъ явленіе общественное, представляла собою одну почти однородную массу и совсѣмъ не знала отличій, основанныхъ на разницѣ общественнаго міросозерцанія. Въ журналистикѣ были личныя дрязги, господствовали личныя симпатіи и антипатіи, шла борьба чисто-художественныхъ стилей, какъ, напр., та борьба, которую засталъ Бѣлинскій—между классицизмомъ и романтизмомъ. Разницы же общественно-политическихъ идеаловъ почти не было. Этимъ, между прочимъ, слѣдуетъ объяснить, почему преклоненіе предъ „*дѣйствительностью*" могло съ такою силою захватить „*неистовую*", по существу, душу Бѣлинскаго.

Но въ сороковыхъ годахъ литературу и журналистику уже никогда нельзя было назвать однородною массою. Образовались три

рѣзко намѣченныя партіи, нерѣдко сходившіяся въ чисто-литературномъ отношеніи (славянофилы и западники, напримѣръ, одинаково восторженно относились къ Гоголю), но совершенно расходившіяся въ указаніи тѣхъ путей, по которымъ каждая изъ партій хотѣла направить исторію русской гражданственности. Двѣ изъ этихъ партій еще въ сороковыхъ годахъ получили названія *славянофильства* и *западничества*, третья не имѣла опредѣленнаго названія въ 40-хъ годахъ, несмотря на полную опредѣленность своей духовной физіономіи, и только позднѣе, въ 70-хъ годахъ, А. Н. Пыпинъ весьма удачно назвалъ ее партіей *оффиціальной народности*.

Партія *оффиціальной народности* состояла изъ печальной памяти тріумвирата—Булгарина, Греча и Сенковскаго въ Петербургѣ и дуумвирата—Погодина и Шевырева въ Москвѣ. Первые три имѣли въ своемъ распоряженіи пресловутую газету „Сѣверная Пчела“ и „Библіотеку для Чтенія“, послѣдніе издавали „Москвитянинъ“. Имѣя очень много общаго между собою, московскіе представители теоріи оффиціальной народности въ нравственномъ отношеніи стояли все-таки гораздо выше своихъ петербургскихъ братьевъ по духу. Въ петербургскомъ тріумвиратѣ тоже нужно отдѣлить Сенковскаго отъ Греча, а Греча отъ Булгарина.

Булгаринъ представлялъ собою нѣчто крайне-антипатичное со *всѣхъ* точекъ зрѣнія. Онъ громко кричалъ о своей преданности тріадѣ: самодержавіе, православіе и народъ, но эта мнимая преданность по существу была только угодничествомъ самаго низменнаго свойства и вызывала брезгливое чувство даже въ тѣхъ сферахъ, предъ которыми пресмыкался Булгаринъ. Можно ли было вѣрить въ искреннюю преданность православію этого недавняго католика, можно ли было допустить искреннее увлеченіе идеею русской народности въ полякѣ, сражавшемся подъ знаменами Наполеона? Наконецъ, „двойной присягою играя“, Булгаринъ преклонялся и предъ самодержавіемъ исключительно какъ предъ власть имущею силою. До декабрьской катастрофы онъ былъ въ тѣсной дружбѣ съ кружкомъ Рылѣева, и если даже ничего не зналъ о заговорѣ, то все-таки вполнѣ раздѣлялъ конституціонныя идеи декабристовъ. Теперь же онъ выражалъ свою преданность невѣроятно холопскимъ языкомъ, который своимъ азіатскимъ пресмыкательствомъ, напоминающимъ какую-нибудь Бухару или Коканъ, глубоко возмущалъ рѣшительно всѣхъ и всего болѣе людей, искренно преданныхъ идеѣ монархической власти. Императоръ Николай, который не любилъ грубой лести, былъ весьма невысокаго мнѣнія о редакторѣ „Сѣверной Пчелы“. Въ области чисто-литературной Булгаринъ былъ представителемъ самаго грубаго вкуса. Этотъ позорный руководитель значительной части такъ

называемой средней публики 40-хъ годовъ самымъ искреннимъ образомъ приравнивалъ Гоголя Поль-де-Коку. И въ довершеніе Булгаринъ былъ мелко-продаженъ, писалъ грубыя рекламы гостиницамъ, гдѣ его даромъ кормили, и купцамъ, приносившимъ его домашнимъ по куску матерій. Для характеристики публики, довольствовавшейся газетой *Булгарина* и изъ нея черпавшей представленіе о государственной жизни Россіи и Европы, слѣдуетъ прибавить, что общій уровень „Сѣверной Пчелы", помимо пошлости и пресмыкательства, поражаетъ своею мелкотою. Самыя крупныя явленія государственной жизни оставались внѣ обсужденія единственной ежедневной русской газеты, что, впрочемъ, Булгарину нельзя вмѣнять особенно въ вину. Когда онъ однажды, по поводу правительственнаго распоряженія, воспѣлъ ему самый восторженный дифирамбъ, то получилъ за это серьезное внушеніе. „Правительство въ твоихъ похвалахъ не нуждается", сказалъ ему начальникъ третьяго отдѣленія Дубельтъ, обращавшійся съ главнымъ представителемъ тогдашняго „общественнаго мнѣнія", какъ теперь не обращаются съ лакеемъ. „Театръ, выставки, гостиный дворъ, толкучка, трактиры, кондитерскія — вотъ твоя область, а дальше ея не моги ни шагу".

Второй представитель партіи „оффиціальной народности", соиздатель „Сѣверной Пчелы"—*Гречъ*, былъ и чистоплотнѣе, и образованнѣе Булгарина. Но педантъ по преимуществу и человѣкъ съ весьма мелкимъ кругозоромъ, совершенно неспособный слѣдить за духомъ времени и застывшій на литературныхъ традиціяхъ 20-хъ годовъ, онъ не вносилъ въ газету ничего такого, что бы хоть сколько-нибудь возвышало ея низменный уровень. Поэтому его имя въ исторіи русской литературы не отдѣляется отъ имени Булгарина и оба вмѣстѣ они являются синонимомъ крайнихъ предѣловъ сервильности и литературной пошлости.

Третій членъ петербургскаго тріумвирата, одно время мечтавшаго монополизировать въ своихъ рукахъ всю русскую печать,—*Сенковскій-Брамбеусъ* имѣлъ всѣ данныя для того, чтобы стать первостепеннымъ дѣятелемъ. Человѣкъ замѣчательной и разносторонней учености, писатель безспорнаго таланта и выдающагося остроумія, Сенковскій придавалъ интересъ каждому изъ тѣхъ разнообразныхъ сюжетовъ, которыхъ онъ касался въ своихъ многочисленныхъ статьяхъ. Но, къ сожалѣнію, онъ былъ лишенъ всякаго опредѣленнаго міросозерцанія и всякихъ идеаловъ. Онъ смѣялся ради смѣха. И оттого, въ концѣ концовъ, его недюжинное остроуміе было не что иное, какъ кувырканіе, производимое единственно для того, чтобы вызвать рукоплесканія толпы. Даже въ серьезныхъ статьяхъ его часто нельзя было отличить, говоритъ ли онъ серьезно или мистифицируетъ. Объ искрен-

ней преданности идеѣ русской оффиціальной народности со стороны этого польскаго Мефистофеля смѣшно было и говорить. Единственно, что въ немъ было искренняго,—это презрѣніе къ русской публикѣ и непониманіе новаго литературнаго движенія. Послѣднее находило себѣ еще органическую поддержку въ томъ, что Сенковскій, при всей своей разносторонней образованности и талантливости, былъ лишенъ эстетическаго вкуса. Гоголя онъ не понималъ вполнѣ искренно и фольга Кукольника ему не на шутку казалась настоящимъ литературнымъ золотомъ.

Для разсматриваемаго нами періода Сенковскій, впрочемъ, не имѣетъ особеннаго значенія. Эпоха блестящаго его успѣха—это средина 30-хъ годовъ. Публика, привыкшая къ тощимъ журналамъ того времени, съ одной стороны была ошеломлена прекрасно-обставленнымъ литературнымъ матеріаломъ толстыхъ книжекъ „Библіотеки для Чтенія", а съ другой ей нравилось язвительное остроуміе барона Брамбеуса. Но успѣхъ былъ непродолжителенъ и въ концѣ 30-хъ годовъ толщина книжекъ „Библіотеки для Чтенія" никого уже не ошеломляла, потому что и другіе журналы послѣдовали примѣру „Библіотеки", а пряность лишеннаго внутренняго содержанія хихиканія Брамбеуса пріѣлась.

Московскіе представители теоріи оффиціальной народности—Погодинъ и Шевыревъ, какъ явленіе нравственнаго порядка, стояли гораздо выше своихъ петербургскихъ соратниковъ. *Погодинъ* представлялъ собою удивительную смѣсь чертъ крайне несимпатичныхъ съ дѣтскою простотою и добродушіемъ. Человѣкъ болѣе чѣмъ себѣ на умѣ, сумѣвшій продать за 150.000 р. свое знаменитое „древлехранилище", составившееся изъ добровольныхъ пожертвованій, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ былъ часто очень непрактиченъ. Самъ эксплоатируя своихъ сотрудниковъ и даже слушателей—студентовъ, онъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, легко давалъ и себя эксплоатировать. По политическимъ воззрѣніямъ своимъ это былъ оппортунистъ по преимуществу. Онъ преклонялся передъ всякою силою. Такъ, лишь только вѣянія измѣнились съ наступленіемъ новаго царствованія, и Погодинъ заговорилъ о необходимости „обновленія" того самого порядка вещей, предъ которымъ столь недавно преклонялся такъ безусловно. До Севастополя Погодинъ былъ типичнымъ представителемъ увѣренности, что мы Европу шапками закидаемъ, послѣ Севастополя все это какъ рукой сняло и въ извѣстныхъ застольныхъ спичахъ 1857 года голосъ Погодина звучалъ въ унисонъ съ общимъ самообличительнымъ тономъ. Отправившись за границу, Погодинъ даже постарался имѣть свиданіе съ Герценомъ, съ которымъ онъ, конечно, спорилъ объ очень многомъ, но который все-таки въ эпоху своего огромнаго вліянія

инстинктивно притягивалъ къ себѣ его искренно-угодливую натуру. А какъ только кончился медовый мѣсяцъ россійскаго прогресса, сошло и съ Погодина необычное настроеніе, и сталъ онъ снова представителемъ „патріотизма“ охотнорядскаго пошиба. Въ разсматриваемую эпоху „направленіе“ Погодина сводилось къ тому, что онъ славословилъ безъ всякихъ оговорокъ. Личный другъ славянофиловъ, Погодинъ, однако, крайне враждебно относился къ тѣмъ сторонамъ славянофильскаго ученія, гдѣ славословіе переходило въ демократизмъ. Апологія общиннаго и соборнаго начала, вражда къ чиновничеству— вся эта оппозиціонная часть славянофильскаго ученія находила въ Погодинѣ суроваго порицателя. Онъ желалъ быть только пріятнымъ. Но, повторяю, въ этомъ желаніи было много чисто-инстинктивнаго, рождавшагося въ душѣ Погодина почти непроизвольно. Въ квасномъ патріотизмѣ Погодина, въ его прославленіи всего „русскаго“, начиная съ русскихъ формъ государственной жизни и кончая тульскими самоварами и московскими калачами, было, помимо желанія угодить и много искренности, искренности, правда, очень наивной и смѣшноватой, во все-таки неподдѣльной. И вотъ почему у Бѣлинскаго и его друзей не было даже особенной охоты съ нимъ серьезно спорить. Его больше вышучивали и пародировали.

Шевыревъ былъ человѣкъ иного душевнаго склада. Во многихъ отношеніяхъ онъ стоялъ выше своего соиздателя и товарища по профессурѣ. Ни карьеристомъ, ни человѣкомъ себѣ на умѣ его никакъ нельзя было назвать. Интересы духовные въ немъ преобладали. Образованіе онъ имѣлъ хорошее, спеціальныхъ знаній у него тоже было много, какъ по исторіи всеобщей, такъ и по исторіи русской литературы и нѣкоторыя его работы не утратили своего значенія до сихъ поръ. Какъ профессоръ онъ, во всякомъ случаѣ, будилъ мысль стремленіемъ къ широкимъ обобщеніямъ и желаніемъ создать опредѣленное міросозерцаніе. Вотъ почему въ началѣ и срединѣ тридцатыхъ годовъ онъ пользовался симпатіями лучшей части студенчества, наряду съ Павловымъ и Надеждинымъ, и былъ представителемъ новаго теченія университетскаго преподаванія. Но уже черезъ нѣсколько лѣтъ вся его дѣятельность приняла совсѣмъ иное направленіе. Педантизмъ взялъ верхъ надъ возбужденностью первыхъ лѣтъ профессорства. И такъ какъ живого пониманія у Шевырева не было, то онъ всегда терялъ чувство мѣры, но терялъ его не въ порывѣ страстнаго увлеченія, а именно какъ педантъ, потому что искусственно взбадривалъ себя. Въ его хватаніяхъ чрезъ край никогда не чувствовалось глубокой вѣры, а всегда явственно проступала напыщенная надутость. Это онъ, главнымъ образомъ, довелъ теорію „смиренія“, какъ главной исторической черты русскаго народа, до тѣхъ предѣловъ, гдѣ она

является полнымъ искаженіемъ реальныхъ очертаній дѣйствительной исторической жизни. Это онъ главнымъ образомъ, а не славянофилы, какъ обыкновенно думаютъ, провозглашалъ, что „Западъ сгнилъ“. Не было у него также непосредственнаго живого пониманія искусства и, за исключеніемъ обусловленнаго личною пріязнью „гоголефильства“, всѣ его литературныя сужденія не имѣютъ никакого значенія. Воображая себя глубокимъ цѣнителемъ всѣхъ родовъ искусства и литературы, Шевыревъ на самомъ дѣлѣ былъ совершенно лишенъ эстетическаго вкуса и наговорилъ много такого, что прямо стало образчикомъ педантической напыщенности и безвкусицы. Добродушія, отчасти примирявшаго съ Погодинымъ, у него не было и тѣни. Шевыревъ былъ злой самолюбецъ, никогда не прощавшій, если его задѣвали, всегда вносившій во всякую полемику самое тяжелое раздраженіе. Отъ него нельзя было отдѣлаться однимъ вышучиваніемъ и пародированіемъ, какъ это дѣлалось по отношенію къ Погодину, надо было вести съ нимъ споръ серьезно. И такъ какъ онъ, защищая свое міросозерцаніе, ничѣмъ не былъ стѣсненъ и имѣлъ полную возможность выдвинуть весь свой запасъ аргументовъ и нападокъ, между тѣмъ какъ противники вынуждены были еле-еле намѣчать свои доводы въ самыхъ общихъ и неясныхъ очертаніяхъ, то и они, въ свою очередь, не могли не быть раздражены. Все это сдѣлало Шевырева предметомъ страстныхъ нападокъ Бѣлинскаго и его друзей. Изъ всѣхъ представителей теоріи „оффиціальной народности“ только съ нимъ однимъ и стоило спорить: Булгаринъ былъ слишкомъ омерзителенъ, Гречъ слишкомъ мелокъ, Сенковскій выдохся, Погодинъ былъ забавенъ по преимуществу, и только борьба съ Шевыревымъ доставляла наслажденіе побѣды.

Вторая литературно-общественная партія, выдѣлившаяся въ 40-хъ годахъ и унаслѣдовавшая насмѣшливую кличку славянофиловъ (нѣкогда данную карамзинистами защитнику „стараго слога“ Шишкову), выставила на своемъ знамени ту же формулу, во имя которой дѣйствовала партія „оффиціальной народности“: самодержавіе, православіе и народъ. Но въ пониманіи элементовъ этой формулы славянофилы настолько разошлись не только съ Булгаринымъ и Гречемъ, но и съ Шевыревымъ и Погодинымъ, что смѣшивать обѣ партіи воедино прямо оскорбительно для идеально-высокаго настроенія, изъ котораго вытекло славянофильство. То, что у Булгарина и Греча было результатомъ грубаго пресмыкательства и угодничества, у Погодина оппортунизмомъ, у Шевырева надутой напыщенностью, у славянофиловъ было проявленіемъ глубокаго одушевленія идеею. Всѣ люди богатые, неслужащіе, вполнѣ независимые, они не руководились никакими практическими разсчетами и дѣйствовали во имя

искренняго убѣжденія, что въ исполненіи ихъ программы залогъ величайшаго преуспѣянія Россіи.

По личнымъ, вообще, качествамъ своимъ, славянофилы были люди столь же высокаго душевнаго строя, какъ и ихъ противники. Еще о *Хомяковѣ* можно было бы спорить. Въ искренность этого падкаго на эфекты неутомимаго спорщика и человѣка, любившаго щегольнуть блескомъ своего ума, не всѣ вѣрили. Но *братья Кирѣевскіе*, *Самаринъ*, а въ особенности „Бѣлинскій славянофильства"—*Константинъ Аксаковъ*—все это были истинные рыцари духа, благороднѣйшіе идеалисты, въ уваженіи къ которымъ сходились люди всѣхъ направленій.

Преданность славянофиловъ идеѣ самодержавія вытекла изъ ихъ убѣжденія, что русскій народъ по природѣ своей чуждъ „политическаго элемента", что онъ „отдѣлилъ государство отъ себя и государствовать не хочетъ". И только потому, что русскій народъ „*не желаетъ* государствовать, онъ предоставляетъ правительству неограниченную власть государственную".

Въ этой теоріи происхожденія русскаго государства, являющейся отголоскомъ старой, созданной Гуго Гроціемъ, теоріи договорнаго возникновенія государства, первостепенное значеніе имѣетъ то, что русскій народъ не потому отказался отъ „государствованія", что не можетъ быть носителемъ власти, а только потому, что онъ *не хочетъ*. Тутъ, слѣдовательно, существеннѣйшее отличіе отъ обычной теоріи спасительницы монархіи, зиждущейся на необходимости сильной власти, какъ единственнаго средства обуздать пагубное своеволіе. Нѣтъ, славянофилы были необыкновенно высокаго мнѣнія о нравственныхъ качествахъ русскаго народа и всего менѣе думали, что онъ нуждается въ сильной власти и обузданіи Славянофилы мистически поклонялись народу и видѣли въ немъ не звѣря, а богоносца.

Ради чего же русскій народъ совершенно отстранилъ отъ себя дѣла міра сего и не хочетъ государствовать? Что взялъ онъ себѣ взамѣнъ?

„Взамѣнъ того, русскій народъ предоставляетъ себѣ нравственную свободу, свободу жизни и духа".

На этихъ началахъ и зиждется единственное истинно-русское пониманіе основъ нашего государственнаго уклада:

„Правительству—неограниченная власть государственная, политическая; народу—полная свобода нравственная, свобода жизни и духа—мысли и слова".

Какъ сейчасъ было сказано, русскій народъ, по славянофильскому ученію, только потому отказался государствовать, что не хочетъ.

Но это не значитъ, что онъ не интересуется ходомъ государственной жизни. Напротивъ того, онъ внимательно за нею слѣдитъ и имѣетъ о ней сужденіе, которое правительствомъ непремѣнно должно быть выслушано. „Самостоятельно можетъ и долженъ предлагать безвластный народъ полновластному правительству—свое мнѣніе (слѣдовательно, силу чисто-нравственную), мнѣніе, которое правительство вольно принять и не принять“.

Но „какимъ образомъ можетъ правительство вызвать это мнѣніе?“

Отвѣтъ даетъ русская исторія.

„Древняя Русь указываетъ намъ и на дѣло самое, и на способъ Цари наши вызывали, въ важныхъ случаяхъ, общественное мнѣніе всей Россіи и созывали для того *Земскіе Соборы*, на которыхъ были выборные отъ всѣхъ сословій и со всѣхъ концовъ Россіи“.

Земскіе соборы, однако, не то, что западно-европейскіе парламенты:

„Земскій соборъ имѣетъ значеніе *только мнѣнія*, которое государь можетъ принять и не принять“.

Однимъ изъ главнѣйшихъ органовъ выраженія мнѣнія народа славянофилы считали свободу слова, о которой никто въ русской литературѣ не говорилъ съ такимъ чисто-экстатическимъ воодушевленіемъ, какъ они. Для партіи западнически-передовой убѣжденіе въ необходимости свободы слова было понятіемъ настолько азбучнымъ, что не являлось даже и воодушевленія для доказательства такого труизма. Славянофилы же, особенно побуждаемые еще и тѣмъ, что въ глазахъ многихъ они сливались въ одно представленіе съ Булгаринымъ и Гречемъ, всѣми силами старались очиститься отъ такого позорнаго смѣшенія, и это придавало имъ энтузіазма въ проповѣди самыхъ элементарныхъ принциповъ гражданской жизни. Самымъ пламеннымъ въ русской поэзіи прославленіемъ свободы печати, хотя и не въ блещущей художественными достоинствами формѣ, является стихотвореніе Константина Аксакова „Свободное Слово“:

Ты—чудо изъ божьихъ чудесъ,
Ты—мысли свѣтильникъ и пламя,
Ты—лучъ намъ на землю съ небесъ,
Ты—намъ человѣчества знамя.
Ты гонишь невѣжества ложь,
Ты вѣчною жизнію ново,
Ты къ свѣту, ты къ правдѣ ведешь,
Свободное слово.
Лишь духу власть духа дана,—
Въ животной же силѣ нѣтъ прока:
Для истины—гибель она,
Спасенье—для лжи и порока;

Враждуетъ ли съ ложью—равно
Живитъ его жизнію новой...
Неправдѣ—опасно одно
Свободное слово.
Ограды властямъ никогда
Не зижди на рабствѣ народа!
Гдѣ рабство—тамъ бунтъ и бѣда,
Защита отъ бунта—свобода.
Рабъ въ бунтѣ опаснѣй звѣрей,
На ножъ онъ мѣняетъ оковы...
Оружье свободныхъ людей—
Свободное слово.
О слово, даръ Бога святой!
Кто слово, даръ божескій, свяжетъ,
Тотъ путь человѣку иной,—
Путь рабства преступный укажетъ.
На козни, на вредную рѣчь
Въ тебѣ-жъ и цѣленье готово
О, духа единственный мечъ,
Свободное слово!

Младшій братъ Константина Аксакова — Иванъ впослѣдствіи явился не только пламеннымъ теоретическимъ провозвѣстникомъ принципа свободы печати, но и борцомъ за практическое примѣненіе его къ дѣйствительности. Восторженно преданный существующему порядку въ его *основныхъ* чертахъ, но преданный „безъ лести", онъ, во имя свободы мнѣнія и слова, не стѣснялся съ полною правдивостью высказываться, когда дѣйствія администраціи его не удовлетворяли, и это привело къ тому, что онъ извѣдалъ всю тяжесть обычныхъ и экстраординарныхъ цензурныхъ мѣръ. Вообще изъ-за непоколебимаго желанія говорить всегда то, что они думали, славянофилы длинный рядъ лѣтъ не могли имѣть своего собственнаго журнала, что, конечно, не могло имъ, однако, помѣшать выразить всю полноту своихъ чувствъ въ интимныхъ собраніяхъ своего кружка, въ дружеской перепискѣ и въ черновыхъ тетрадяхъ. Приведенное сейчасъ стихотвореніе Константина Аксакова нашлось только въ оставшихся послѣ его смерти бумагахъ и напечатано только въ 1880 г., четверть вѣка послѣ того, какъ было написано.

Не для печати также назначалъ другой главарь славянофильства Хомяковъ свое стихотвореніе „Россіи", чрезвычайно важное для характеристики славянофильскаго ученія, въ одно и то же время и полнаго величайшей преданности основнымъ элементамъ русской государственной жизни, и открывающаго широкое поле дѣйствія критикѣ ея недостатковъ. Стихотвореніе написано въ 1854 г., когда только что начиналась Севастопольская кампанія, когда еще

всѣ были убѣждены, что мы Европу шапками закидаемъ. И вотъ въ этотъ моментъ полнаго разгула шовинизма и самъ призывая „страну родную“ „встать за братьевъ“—славянъ и идти

Чрезъ волны гнѣвнаго Дуная—
Туда, гдѣ, землю огибая,
Шумятъ струи Эгейскихъ водъ,

поэтъ ни на одну минуту не забываетъ горькой правды и, рисуя картину внутреннихъ непорядковъ нашихъ, съ рѣзкостью библейскаго пророка говоритъ Россіи:

Но помни: быть орудьемъ Бога
Земнымъ созданьямъ тяжело.
Своихъ рабовъ онъ судитъ строго,—
А на тебя, увы, какъ много
Грѣховъ ужасныхъ налегло!
Въ судахъ черна неправдой черной
И игомъ рабства клеймена;
Безбожной лести, лжи притворной,
И лѣни мертвой и позорной
И всякой мерзости полна!

Послѣ сказаннаго о глубокой преданности славянофиловъ идеѣ полной свободы мысли и слова, само собою ясно, какъ они должны были понимать второй членъ символа своей вѣры: православіе. Славянофилы были восторженные апологеты христіанства въ томъ видѣ, въ какомъ оно кристаллизовалось въ восточномъ православіи первыхъ вѣковъ. Но и въ эту восторженную любовь, свободно создавшуюся въ ихъ умахъ и сердцахъ, не потому, что православіе было господствующею формою религіи, а потому что они видѣли въ немъ воплощеніе лучшихъ идеаловъ человѣчества, славянофилы вносили такую же свободу духа, какъ и въ политическую часть своей программы. Ихъ девизомъ было православіе съ полнымъ господствомъ соборнаго начала, съ широкимъ участіемъ паствы въ жизни церкви, съ безусловною терпимостью къ инославнымъ, съ полнымъ устраненіемъ принужденія со стороны свѣтской власти и, наконецъ, съ полною свободою изслѣдованія. Изъ-за послѣдняго пункта славянофилы свои богословскіе трактаты вынуждены были печатать за границею.

Третій членъ общаго у славянофиловъ съ партіей „оффиціальной народности“ символа вѣры—принципъ народности въ исторіи славянофильскаго ученія занимаетъ особое мѣсто, потому что изъ всѣхъ трехъ основъ славянофильскаго міровоззрѣнія только одинъ этотъ пунктъ, по условіямъ времени, и могъ быть предметомъ сколько-нибудь детальнаго разсмотрѣнія. Такое исключительное вниманіе внесло столько полемическаго задора и партійныхъ преуве-

личеній, что достигнуть вполнѣ точной формулировки воззрѣній славянофиловъ на принципъ народности чрезвычайно трудно. Западники неизмѣнно упрекали славянофиловъ въ томъ, что они принципъ народности, самъ по себѣ вполнѣ естественный и законный, превратили въ принципъ національной исключительности. Славянофилы горячо противъ этого протестовали и говорили о клеветѣ, а Иванъ Аксаковъ даже о невѣжествѣ и полномъ незнакомствѣ противниковъ съ сущностью ученія. И дѣйствительно, въ славянофильской литературѣ можно какъ будто найти не одно опроверженіе того, что партія была проникнута національною исключительностью. Не Хомяковъ ли говорилъ о Западѣ, какъ о „странѣ чудесъ", не славянофилы ли придавали такое огромное значеніе христіанству, началу, во всякомъ случаѣ, иноземному, и не они ли, наконецъ, всегда взывали къ „*обще*-человѣческимъ" началамъ, какъ такимъ, которыя должны лечь въ основу русской гражданственности? Но въ томъ-то и дѣло, что въ пониманіе этихъ общечеловѣческихъ началъ и вносили славянофилы крайнюю исключительность, утверждая, что „міръ не видалъ еще того общечеловѣческаго, какое явитъ русская великая славянская, и именно русская природа". Не отрицая, конечно, иноземнаго происхожденія христіанства, славянофилы, устами наиболѣе горячаго изъ своихъ провозвѣстниковъ—Константина Аксакова, прямо утверждали, что „исторія русскаго народа есть *единственная* во всемъ мірѣ исторія народа христіанскаго не только по исповѣданію, но и по жизни своей, по крайней мѣрѣ, по стремленію своей жизни".

Дальше, конечно, трудно идти въ исключительности, хотя она и вытекала изъ уваженія къ общечеловѣческому.

Какъ бы то ни было, однако, даже въ этихъ своихъ проявленіяхъ славянофильская исключительность не имѣла ничего общаго съ грубымъ и эгоистичнымъ „патріотизмомъ" не только Булгарина и Греча, но и Погодина и Шевырева, видѣвшихъ величіе Россіи только во внѣшнемъ блескѣ и могуществѣ. Славянофиламъ русскія начала были дороги не только потому, что они свои, родныя, а потому, что они вполнѣ искренно казались имъ лучшими въ мірѣ, и въ торжествѣ русскихъ „особенностей" они видѣли торжество общечеловѣческихъ идеаловъ. Нежеланіе мѣшаться въ дѣла міра сего, чтобы не отвлекаться отъ духовнаго совершенствованія, и въ связи съ этимъ общинное и артельное начало въ сферѣ экономическихъ отношеній—вотъ тѣ „особенности", на основѣ которыхъ славянофилы мечтали создать русскую „самобытность". Такая „самобытность", по убѣжденію славянофиловъ, вполнѣ отвѣчаетъ идеаламъ русскаго *народа* въ буквальномъ смыслѣ слова, т. е. народа

не въ смыслѣ націи, а понимая подъ народомъ простого, сѣраго мужика.

Я не сомнѣваюсь въ томъ, что у всякаго, кто ознакомится съ славянофильствомъ по сейчасъ данному очерку его, неизбѣжно зародится вопросъ: почему же это міровоззрѣніе, въ большинствѣ существеннѣйшихъ частей своихъ столь приближавшееся къ лучшимъ и важнѣйшимъ пунктамъ міросозерцанія западниковъ, міровоззрѣніе истинно-демократическое и проникнутое дѣйствительнымъ, непритворнымъ желаніемъ поставить во главѣ всѣхъ государственныхъ интересовъ интересы народа, почему оно вызывало со стороны западниковъ столько ожесточенія? Можно было спорить, можно было упрекать въ наивности, въ идеализаціи многихъ факторовъ русской исторической жизни, самихъ по себѣ весьма грубыхъ, но почему надо было вести этотъ споръ съ такимъ ожесточеніемъ? Вспомнимъ глубоковѣрное замѣчаніе Герцена: „У нихъ (славянофиловъ) и у насъ (западниковъ) запало съ раннихъ лѣтъ одно сильное, безотчетное, физіологическое, страстное чувство, — безграничной, охватывающей все существованіе любви къ русскому народу, русскому быту, къ русскому складу ума. Мы, какъ Янусъ, смотрѣли въ разныя стороны, въ то время, какъ сердце билось одно“. Вспомнимъ, затѣмъ, эпоху великихъ реформъ, когда славянофилы такъ прекрасно себя вели, энергически защищая общинное землевладѣніе, отстаивая крестьянскую реформу въ наиболѣе ея широкихъ предположеніяхъ, и столь же горячо поддерживая всѣ остальныя начинанія новой эпохи: гласный судъ, самоуправленіе, свободу печати и т. д.

Отвѣтъ надо искать исключительно въ тяжелыхъ условіяхъ времени, благодаря которому лучшія стороны славянофильскаго ученія не могли получить въ 40-хъ годахъ яркаго и яснаго литературнаго выраженія. Тотъ очеркъ славянофильства, который сдѣланъ выше, данъ здѣсь въ *исторической перспективѣ*, т. е. при возможности пользоваться фактами и документами разныхъ датъ и разныхъ годовъ опубликованія. Такъ, государственная часть программы славянофильства очерчена выше словами той записки, которую Константинъ Аксаковъ подалъ Императору Александру II въ 1856 г. Въ этой запискѣ не было ничего новаго по существу, она была только повтореніемъ того, что дебатировалось еще въ самомъ началѣ 40 хъ годовъ на постоянныхъ сходбищахъ московской интеллигенціи, на тѣхъ знаменитыхъ „всенощныхъ бдѣніяхъ“, когда еще „славяне“ и „западные“ не разошлись окончательно и въ личныхъ бесѣдахъ старались другъ друга убѣдить въ правотѣ своего міровоззрѣнія. Но въ стройной и опредѣленной формѣ и съ такимъ подчеркиваніемъ важности проявленія общественной мысли, государственная программа

славянофильства была изложена только въ запискѣ Аксакова. Будь она извѣстна Бѣлинскому, будь извѣстны ему стихи Хомякова, кладущіе такую рѣзкую грань между патріотизмомъ славянофиловъ и шовинизмомъ улицы, будь ему извѣстны восторженные дифирамбы славянофиловъ свободѣ слова и знай онъ, наконецъ, о доблестномъ поведеніи ихъ при похоронахъ дореформенныхъ порядковъ, и онъ, конечно, совсѣмъ иначе повелъ бы себя. Онъ не набрасывался бы на нихъ со всѣмъ озлобленіемъ человѣка, у котораго языкъ связанъ и который и возражать-то толкомъ не имѣетъ никакой возможности. Лучшія стороны славянофильства развернулись позже Бѣлинскаго, а при немъ славянофиловъ позорило ихъ нежеланіе открыто отдѣлиться отъ уличнаго „патріотизма", ихъ потворство такимъ дикимъ выходкамъ à la Булгаринъ, какую, напр., позволилъ себѣ близкій славянофиламъ поэтъ Языковъ (на сестрѣ его былъ женатъ Хомяковъ). Въ 1845 г. Языковъ, причисливъ себя и славянофиловъ къ „нашимъ", написалъ извѣстное стихотвореніе „*Къ не нашимъ*", гдѣ (конечно, безъ упоминанія именъ) называетъ Грановскаго, Герцена, Чаадаева измѣнниками, ихъ міровоззрѣніе „ученьемъ школы богомерзкой" и надѣется, что скоро „замретъ проклятый вашъ языкъ".

Въ интимныхъ разговорахъ, въ записныхъ тетрадяхъ славянофилы протестовали противъ стиховъ Языкова, и, напр., Константинъ Аксаковъ въ неизданномъ стихотвореніи „Къ союзникамъ" съ негодованіемъ отвергалъ помощь такого печальнаго свойства:

Не съединитъ насъ буква мнѣнья,
Во всемъ мы разны межъ собой,
И ваше злобное шипѣнье
Не голосъ сильный и простой...
На битвы выходя святыя,
Да будемъ чисты межъ собой!
Вы—прочь, союзники гнилые,
А вы, противники, на бой!

Но въ печати эти протесты не появлялись, открыто славянофилы ничѣмъ своего негодованія не выражали, а самый фактъ, что Языковъ считалъ себя купно со славянофилами „нашими", что и самъ Аксаковъ долженъ былъ признать его „союзникомъ", показывалъ, что въ общемъ, для обыкновеннаго наблюдателя, а слѣдовательно, и читателя, разграничительной черты между славянофилами и партіей офиціальной народности въ 40-хъ гг. провести нельзя было. И вотъ почему западники, вѣрные правилу „Timeo Danaos jam dona ferentes", не хотѣли ничего брать у славянофильства. Пламенный демократъ, Бѣлинскій пренебрежительно относился къ народному творчеству только потому, что славянофилы его превозносили. Восторги общиннымъ землевладѣніемъ стали спеціальнымъ удѣломъ славянофиловъ,

хотя, казалось бы, кому какъ не западникамъ 40-хъ гг., съ ихъ безграничнымъ увлеченіемъ соціальными утопіями, слѣдовало бы ухватиться за общинно-артельныя начала русской народной жизни. Больше же всего западники были напуганы требованіями „самобытности“ и выискиваніемъ русскихъ народныхъ „особенностей“,— флагъ, подъ которымъ такъ легко было провести всю гниль мракобѣсія. Должно было пройти 30 лѣтъ, пока исчезъ страхъ, который нагнала партія „офиціальной народности“, говоря отъ имени „народа“. Только въ 70-хъ годахъ синтезъ лучшихъ началъ западничества и славянофильства выразился въ нарожденіи того безграничнаго народолюбія, которое въ своемъ мистическомъ, почти-религіозномъ преклоненіи предъ народомъ не убоялось преклониться и передъ „особенностями“ народа, передъ его „устоями“. Народничество 70-хъ и начала 80-хъ гг. вскорѣ дошло до крайнихъ предѣловъ въ идеализаціи народныхъ „устоевъ“ (которыми признало *только* общинно-артельное начало и броженіе религіозной мысли) и поставило ихъ выше идеаловъ интеллигенціи. Такія крайности не могли долго владѣть умами, но свою долю пользы онѣ принесли несомнѣнно. Драгоцѣннѣйшимъ результатомъ вызваннаго ими возбужденія и изученія народныхъ „устоевъ“ была увѣренность, что эти устои не находятся ни въ какомъ противорѣчіи съ лучшими лозунгами демократизма и европейской культуры. Боязнь „особенностей“, страхъ передъ „самобытностью“ исчезъ безслѣдно и мы видимъ, что писатели, выступившіе съ протестами противъ крайностей народничества, вмѣстѣ съ тѣмъ признали цѣлый рядъ „особенностей“ русскаго народа, часть перваго выясненія которыхъ безспорно составляетъ заслугу славянофильства.

Третья изъ литературно-общественныхъ партій, окончательно выдѣлившихся въ 40-хъ годахъ, получила названіе „западничества“. Партія приняла эту полемическую кличку безъ оговорокъ, и такой, напр., выдающійся представитель ея, какъ Тургеневъ, называлъ себя „неистовымъ западникомъ“. Но именно этотъ-то примѣръ, этотъ-то приверженецъ „западничества“, въ десять разъ больше всѣхъ славянофиловъ, вмѣстѣ взятыхъ, сдѣлавшій для созданія симпатій къ *русскому быту* и природѣ русской, показываетъ, что кличка далеко не выражаетъ всѣхъ характерныхъ чертъ западническаго міровоззрѣнія. Нѣкоторое время шедшія къ намъ изъ Франціи въ 40-хъ годахъ идеи назывались „филантропическими“. Вотъ эта кличка, дѣйствительно, выразила бы всю полноту напряженія западничества, въ которомъ преклоненія предъ Западомъ, какъ таковымъ, никогда не было. Не Западъ самъ по себѣ, а Западъ исключительно какъ примѣръ практическаго осуществленія лучшихъ началъ пра-

вильнаго общественнаго устройства—вотъ что привлекало нашихъ западниковъ. Поскольку же Западъ не осуществлялъ идеала общественнаго благоустройства, онъ встрѣчалъ въ рядахъ западниковъ нашихъ величайшее осужденіе. На ряду со всѣми „утопистами“ Европы, западники наши подвергали европейскій буржуазный строй рѣзкому осужденію.

Былъ въ 40-хъ годахъ и даже велъ дружбу съ западническою литературною молодежью одинъ человѣкъ, котораго, дѣйствительно, можно было назвать западникомъ,—Чаадаевъ. Тому, дѣйствительно, ничто не нравилось въ Россіи и все нравилось въ Европѣ, даже папство... Но Чаадаевъ и по возрасту, и по общему складу своего міровоззрѣнія, отнюдь не „филантропическаго“, былъ очень далекъ отъ западнической молодежи. Они сходились между собою только въ *критикѣ* неприглядной русской дѣйствительности того времени. Идеалы же у нихъ были совершенно разные. И только полемическія цѣли могли побудить славянофиловъ связать въ одно Чаадаевское міровоззрѣніе, смотрѣвшее назадъ, въ глубь среднихъ вѣковъ, съ міровоззрѣніемъ кружка Герцена и Бѣлинскаго, жадно смотрѣвшаго впередъ въ поискахъ новыхъ путей правильнаго развитія жизни человѣчества.

Если говорить о западничествѣ въ смыслѣ вліянія западныхъ идей, то надо говорить частнѣе—о вліяніи именно французскихъ идей. Духовная жизнь передовыхъ кружковъ 40-хъ годовъ развивалась подъ рѣшающимъ воздѣйствіемъ французскаго общественнаго движенія, предшествовавшаго 1848 году. Тридцатые годы были годами нѣмецкаго вліянія по преимуществу и по источникамъ своимъ—изученію Шиллера, Гете, Шеллинга, Гегеля, и по общему направленію своему—неопредѣленно-идеалистическому, расплывавшемуся въ абстракціяхъ и скользившему по русской дѣйствительности, не зная за что ухватиться для практическаго проведенія въ жизнь своихъ идеаловъ. Въ 40-хъ годахъ все это смѣняется вліяніемъ французскихъ соціальныхъ системъ, и для характеристики міросозерцанія кружка Бѣлинскаго и Герцена ихъ можно было бы назвать „соціалистами“. При этомъ слѣдуетъ, однако, отмѣтить, что „соціализмъ“ въ позднѣйшемъ смыслѣ—агрессивномъ—былъ чуждъ людямъ 40-хъ годовъ. Бѣлинскій въ одномъ письмѣ называетъ себя „соціалистомъ“, но только въ смыслѣ человѣка, интересующагося по преимуществу „соціальными“, т. е. общественными отношеніями. Правильнѣе, поэтому, называть нашихъ западниковъ 40-хъ годовъ не „соціалистами“, а *общественниками*, и тогда подъ эту кличку подойдутъ и очень радикально-настроенный Герценъ, и бурный протестантъ Бѣлинскій, и безусловно мирные молодые писатели, выступившіе въ концѣ 40-хъ годовъ съ

художественною проповѣдью новыхъ идеаловъ—Тургеневъ, Григоровичъ, Достоевскій, Некрасовъ, Салтыковъ и др. Послѣдній изъ сейчасъ названныхъ писателей кратко, но чрезвычайно ярко формулировалъ общее настроеніе эпохи. Какъ и во всѣхъ молодыхъ людяхъ конца 40-хъ годовъ, въ Салтыковѣ бродилъ неопредѣленный и туманный „соціализмъ", нашедшій свое выраженіе въ повѣсти „Запутанное дѣло", благодаря которой онъ въ началѣ 1848 года попалъ въ Вятку. И вотъ, вспоминая въ „За рубежемъ" пору молодости, тѣ настроенія, подъ вліяніемъ которыхъ написалось „Запутанное дѣло", Салтыковъ говоритъ:

„Изъ Франціи,—разумѣется, не изъ Франціи Луи-Филиппа и Гизо, а изъ Франціи Сенъ-Симона, Кабе, Фурье, Луи Блана и въ особенности Жоржъ-Зандъ—лилась въ насъ *вѣра въ человѣчество*; оттуда возсіяла намъ увѣренность, что золотой вѣкъ не позади, а впереди насъ".

Въ этомъ важномъ историческомъ свидѣтельствѣ драгоцѣнны не только факты, но и общій тонъ. Рѣчь какъ будто идетъ о политико-экономическихъ теоріяхъ, но на самомъ дѣлѣ воспоминанія расшевелили въ суровомъ сатирикѣ только память сердца. Тутъ не „борьба классовъ", а *человѣчество*, не политическая экономія, а *вѣра*, и эта вѣра воспринята не сухо-логически, потому что факты и цифры неотразимы,—она *возсіяла*. И какъ характерно затѣмъ въ политическую экономію Луи-Блана огромнымъ клиномъ врѣзалась романистка Жоржъ-Зандъ. Но разъ люди серьезно мечтаютъ о наступленіи „золотого вѣка", то почему бы романистамъ и не играть первенствующей роли въ исторіи происхожденія этихъ мечтаній?

Необыкновенно яркое пробужденіе *общественнаго чувства* въ концѣ сороковыхъ годовъ сказалось на всѣхъ отрасляхъ литературной производительности эпохи. Тѣ же самые „люди сороковыхъ годовъ", которые прежде, въ тридцатыхъ годахъ, только и думали, что объ „абсолютахъ", о „святынѣ искусства", о „вѣчной красотѣ" и тому подобномъ, теперь до мозга костей проникаются „политикой", думами и размышленіями о томъ, справедливъ или несправедливъ существующій общественный строй, правильны или неправильны наши космогоническія представленія, нормальны или ненормальны наши семейныя отношенія и т. д. Сообразно съ этимъ поворотомъ, рѣшительно вся молодая литература изъ фазиса эстетическаго переходитъ въ фазисъ общественно-политическій.

Все, что появилось въ срединѣ и концѣ сороковыхъ годовъ свѣжаго, убѣжденнаго и талантливаго, все это примкнуло къ новому движенію. Примкнулъ, во-первыхъ, Бѣлинскій со всѣмъ запасомъ своего страстнаго энтузіазма. Съ тою же восторженною энергіей, съ

которою „неистовый Виссаріонъ“ когда-то требовалъ отъ писателей служенія чистому искусству, онъ сталъ требовать отъ нихъ опредѣленной общественной тенденціи. Это же требованіе соотношенія жизни и искусства выставилъ на своемъ знамени даровитый юноша, такъ рано погибшій для русской литературы—Валеріанъ Майковъ. Ярко и опредѣленно примыкалъ къ духу времени третій даровитый теоретикъ сороковыхъ годовъ—Искандеръ. Нужно припомнить силу вліянія Бѣлинскаго, неотразимое обаяніе ума Искандера и горячую убѣжденность Майкова, чтобы понять, до какой степени должны были подчиниться проповѣди новыхъ теорій молодые таланты, чуткіе ко всему искреннему и убѣжденному. И дѣйствительно, какимъ-то совершенно стихійнымъ образомъ, всѣ молодые таланты, точно сговорившись и почти въ одинъ и тотъ же годъ, предстали предъ изумленною публикою съ рядомъ превосходныхъ произведеній, въ основѣ которыхъ лежали широкія общественныя тенденціи. Явился Григоровичъ съ „Деревней“ и „Антономъ Горемыкой“, въ которыхъ впервые былъ показанъ человѣкъ въ крѣпостномъ мужикѣ. Явился Тургеневъ съ „Записками охотника“, въ которыхъ то же желаніе очеловѣчить мужика было проведено съ еще большею теплотою. Явились первыя стихотворенія на народныя темы Некрасова, бросившаго подъ новымъ вліяніемъ „мечты и звуки“ и посвятившаго отнынѣ свою музу народнымъ страданіямъ и психологіи народной души. Та же широкая общественная тенденція лежала въ основѣ двухъ талантливыхъ произведеній, задавшихся выясненіемъ семейныхъ отношеній—искандеровскаго „Кто виноватъ“ и „Полиньки Саксъ“ Дружинина. „Обыкновенная исторія“ Гончарова, благодаря сухости авторскаго темперамента, является какъ бы проповѣдью карьеристской „дѣловитости“, но по намѣреніямъ авторскимъ она должна была отразить собою „первое мерцаніе сознанія необходимости труда, настоящаго, не рутиннаго, живого дѣла въ борьбѣ съ всероссійскимъ застоемъ“. Не особенно „передового“ образа мыслей былъ Писемскій, засѣвшій послѣ окончанія въ 1844 году университетскаго курса въ провинціи и занявшійся тамъ исключительно личною жизнью. Мало его и въ университетѣ занимали „идеи вѣка“, а тѣмъ болѣе въ провинціальной глуши. Но до такой степени эти „идеи вѣка“ просто въ воздухѣ были разлиты, до такой степени ими была проникнута каждая журнальная статья и статейка, что даже Писемскій, совершенно въ сторонѣ стоявшій отъ передового движенія, въ первомъ своемъ произведеніи—превосходной „Боярщинѣ“, настолько рѣзко поставилъ вопросъ о свободѣ любви, что цензура 1847 года, пропустившая „Кто виноватъ“ и „Полиньку Саксъ“, не пропустила „Боярщины“, которая такъ-таки только въ слѣдующее царствованіе и увидѣла свѣтъ. Нужно ли много

говорить о томъ, насколько рѣшительно примыкали къ новому теченію „Бѣдные люди“ Достоевскаго и „Запутанное дѣло“ Салтыкова? Нѣтъ надобности удлинять нашъ перечень разными второстепенными произведеніями, повѣстями Дурова, Буткова, прозою Некрасова и т. д. О литературѣ того или другого періода судятъ по выдающимся произведеніямъ, а мы ихъ всѣ назвали и всѣ они убѣждаютъ насъ въ томъ, что одна волна захватила лучшую и талантливѣйшую часть литературы, что въ одномъ и томъ же направленіи работали всѣ молодые умы. Яркое выраженіе этого направленія мы находимъ въ стихотвореніи Плещеева „Впередъ“, которое для насъ въ данномъ случаѣ имѣетъ значеніе историческаго документа. Только что выступившій на литературное поприще 22-хъ-лѣтній поэтъ съ буквальной точностью отразилъ въ своемъ стихотвореніи настроеніе молодой, нарождающейся литературы:

Впередъ! безъ страха и сомнѣнья,
На подвигъ доблестный друзья!
Зарю святого искупленья
Ужъ въ небесахъ завидѣлъ я!
Смѣлѣй! дадимъ другъ другу руки
И смѣло двинемся впередъ,
И пусть подъ знаменемъ науки
Союзъ нашъ крѣпнетъ и растетъ!
Жрецовъ грѣха и лжи мы будемъ
Глаголомъ истины карать,
И спящихъ мы отъ сна разбудимъ,
И поведемъ на битву рать.
Не сотворимъ себѣ кумира
Ни на землѣ, ни въ небесахъ;
За всѣ дары и блага міра
Мы не падемъ предъ нимъ во прахъ.
Провозглашать любви ученье
Мы будемъ нищимъ, богачамъ
И за него снесемъ гоненье,
Простивъ озлобленнымъ врагамъ.
Блаженъ, кто жизнь въ борьбѣ кровавой,
Въ заботахъ тяжкихъ истощилъ;
Какъ рабъ лѣнивый и лукавый,
Талантъ свой въ землю не зарылъ!
Пусть намъ звѣздою путеводной
Святая истина горитъ
И, вѣрьте, голосъ благородный
Не даромъ въ мірѣ прозвучитъ.
Внемлите-жъ, братья, слову брата,
Пока мы полны юныхъ силъ,
Впередъ! Впередъ! и безъ возврата,
Что бъ рокъ вдали намъ не сулилъ!

Для современнаго читателя стихотвореніе это можетъ показаться собраніемъ общихъ мѣстъ. Но подставьте подъ туманныя выраженія стихотворенія выраженія болѣе точныя, подставьте увлеченіе тѣмъ „ученіемъ любви", которое къ намъ шло изъ Франціи, подставьте ненависть къ безобразіямъ тогдашняго строя общественной жизни, которою была проникнута вся молодая литература, а главное, подставьте юношескій энтузіазмъ и молодую вѣру въ неизбѣжное наступленіе новыхъ, лучшихъ временъ, и вы убѣдитесь, до какой степени горячій и искренній призывъ молодого поэта отразилъ въ себѣ міросозерцаніе всей молодой литературы, которая поэтому и заучивала съ восторгомъ стихотвореніе Плещеева.

Таковы общіе контуры эпохи, выразителемъ которой явился Бѣлинскій. Посмотримъ теперь какъ въ этихъ рамкахъ развивалась его индивидуальная жизнь и литературная дѣятельность.

I.

Ранніе годы.

Бѣлинскій родился 30 мая 1811 года [1]), въ только-что присоединенной къ Россіи финляндской крѣпости Свеаборгъ, гдѣ въ то время находился на службѣ его отецъ Григорій Никифоровичъ, младшій лекарь флотскаго экипажа. Сынъ священника села *Бѣлыни*, Нижне-Ло-

---

[1]) Когда настоящая статья печаталась въ „Русск. Богатствѣ" (1898), *годъ* рожденія Бѣлинскаго не возбуждалъ никакихъ сомнѣній и только относительно *дня* его рожденія я высказывался слѣдующимъ образомъ:

„Считается совершенно неправильно, что точная дата дня рожденія Виссаріона Григорьевича не установлена. Въ написанной для классическаго труда о Бѣлинскомъ А. Н. Пыпина біографической запискѣ близкаго родственника Бѣлинскаго Д. П. Иванова, которая является главнымъ источникомъ для исторіи раннихъ лѣтъ жизни великаго критика, рожденіе его отнесено къ *февралю* 1810 года. Этому показанію А. Н. Пыпинъ придаетъ настолько значенія, что помѣщаетъ его въ текстъ, а въ примѣчаніи онъ дѣлаетъ такую оговорку, безусловно опровергающую дату Иванова:

„Бѣлинскій, кажется, считалъ иначе время своего рожденія. Въ мартѣ 1846 года онъ пишетъ къ В. П. Боткину за границу: „Мая 30, а по вашему, по-бусурманскому, іюня 11-го, стукнетъ мнѣ 36 лѣтъ".

Совершенно непонятно, почему этому вполнѣ категорическому заявленію не должно быть придано рѣшающаго значенія. Знаетъ же каждый человѣкъ, когда ему звать пріятелей на день своего рожденія".

———

Съ тѣхъ поръ, какъ были высказаны эти соображенія, въ печати появилось три документальныхъ сообщенія, которыя подтверждаютъ вполнѣ что Бѣлинскій родился именно 30 мая, а не въ февралѣ. Но зато годомъ рожденія по этимъ документамъ приходится признать не 1810, а *1811*.

мовскаго уѣзда Пензенской губерніи, о. Никифора, Григорій Никифоровичъ при поступленіи въ семинарію (пензенскую?) получилъ отъ

Первое сообщеніе обнародовано еще въ юбилейномъ году. Сотрудникъ „Саратовскаго Дневника“ Б. А. Марковичъ напечаталъ въ этой газетѣ (1898, № 113) слѣдующую замѣтку:

„Въ архивахъ пензенскаго дворянства находятся подлинные документы, которые должны измѣнить нѣкоторыя прежнія біографическія данныя о великомъ русскомъ критикѣ. Эти документы можно видѣть въ „Дѣлѣ о Бѣлинскомъ“, составившемся вслѣдствіе ходатайства Бѣлинскаго о занесеніи его въ родословныя книги пензенскаго дворянства. Прошеніе Бѣлинскаго помѣчено 12 августа 1843 г.

Изъ этого „дѣла“ устанавливается, во-первыхъ, что Бѣлинскій родился не въ 1810 году, какъ принято было считать, *а въ 1811 году (30 мая)*. Дата устанавливается какъ формулярнымъ спискомъ отца Бѣлинскаго, такъ и ходатайствомъ послѣдняго (отецъ Бѣлинскаго былъ тогда лекаремъ во флотѣ въ 7-мъ учебномъ экипажѣ) на имя Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Константина Павловича о воспріятіи изъ купели Виссаріона. Въ дѣлѣ затѣмъ находится представленное самимъ Бѣлинскимъ подлинное отношеніе на имя его, отъ *11 іюня 1811 года*, объ изъявленіи согласія Его Императорскаго Высочества на воспріятіе отъ купели Виссаріона.

Такимъ образомъ, Бѣлинскій былъ крестнымъ сыномъ Государя Цесаревича Россіи. Впрочемъ, это было извѣстно и раньше, но вотъ что не было извѣстно (?!) или, во всякомъ случаѣ, составляетъ новость (?) въ обычныхъ представленіяхъ о Бѣлинскомъ—это исторія принадлежности его къ дворянскому сословію.

Дѣдомъ Бѣлинскаго былъ діаконъ изъ с. Белынь (между прочимъ, и дѣло озаглавлено „Дѣло о *Бе*линскомъ“, а не *Бѣ*линскомъ), нижне-ломовскаго уѣзда, Пензенской губерніи. Сынъ его Григорій получилъ званіе доктора и долго служилъ во флотѣ, откуда перевелся на родину уѣзднымъ лѣкаремъ, въ чинѣ коллежскаго ассессора. Кромѣ того, Григорій Бѣлинскій былъ награжденъ орденомъ св. Владиміра, что дало ему дворянство. Виссаріонъ, однако, не былъ занесенъ въ родословныя книги, и самъ въ 1843 г., по причинамъ, которыя подлежатъ еще выясненію (очевидно, въ связи съ женитьбой, *С. В.*), долженъ былъ возбудить объ этомъ ходатайство. Ходатайство составлено въ обычныхъ формальныхъ выраженіяхъ. Обоснованіе просьбы можно видѣть лишь въ слѣдующихъ строкахъ: „Я въ дворянскую книгу не внесенъ и на потомственное дворянство права не имѣю, почему и на службѣ нигдѣ не состою“,—но нельзя, конечно, вывести отсюда желаніе Бѣлинскаго поступить на государственную службу.

Подпись на этомъ ходатайствѣ, отъ 12 августа 1843 года, сдѣлана собственноручно Бѣлинскимъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Неслужащій дворянинъ Виссаріонъ Григорьевъ, сынъ Бѣлинскій“. Въ этомъ дѣлѣ пришлось мнѣ увидѣть и другую подпись Бѣлинскаго отъ 30 января 1848 года. Эта подпись—подъ распиской, выданной имъ петербургской полиціи о полученіи какой-то бумаги отъ пензенскаго депутатскаго собранія. Подпись уже неувѣренная, написанная слабою, дрожащею рукою недалекаго отъ своей кончины Бѣлинскаго...“

начальства фамилію *Бѣлынскій*. Другая прямая отрасль о. Никифора, по волѣ того же семинарскаго начальства, получила впослѣдствіи

Второе сообщеніе еще документальнѣе. Оно напечатано преподавателемъ Межевого института Н. Волковымъ въ „Памятной книжкѣ Константиновскаго Межевого института“ за 1901—1902 г. (М. 1902). Въ 1838 г. директоромъ Межевого института былъ Сергѣй Аксаковъ, въ домѣ котораго Бѣлинскій, университетскій товарищъ Конст. Серг. Аксакова, былъ принятъ, какъ родной. Желая помочь бѣдствовавшему тогда послѣ закрытія „Телескопа“ Бѣлинскому, С. Т. Аксаковъ устроилъ его учителемъ русскаго языка въ старшихъ классахъ института. Для этого потребовались документы, и Бѣлинскій представилъ слѣдующее свидѣтельство:

„1829 года августа 10 дня мы, нижеподписавшіеся, Пензенской губерніи, города Чембара и уѣзда онаго, благородные дворяне, симъ свидѣтельствуемъ, въ томъ, что здѣшняго уѣзднаго штабъ-лекаря Григорія Никифоровича Бѣлинскаго, продолжавшаго служеніе въ званіи лекаря 20 августа 1810 г., а штабъ-лекаря 2 сентября 1816 г., сынъ Виссаріонъ, дѣйствительно, рожденный отъ него *прошлаго 1811 года, мая 30 числа*, который нигдѣ на службѣ еще не находился и опредѣленъ не былъ, и нынѣ ему отъ роду 19-ый годъ, въ чемъ удостовѣряя подписуемся: чембарскій уѣздный предводитель и кавалеръ Мосоловъ, городничій маіоръ Холоповъ, уѣздный судья поручикъ и кавалеръ Мосоловъ, дворянскій засѣдатель Суряевъ, дворянскій засѣдатель Мачинскій, чембарскій уѣздный стряпчій титулярный совѣтникъ Акинфій Васильевъ, подполковникъ и кавалеръ Конрадій Жилинскій, губернскій секретарь Евгеній Норовъ, гвардіи прапорщикъ Степанъ Владыкинъ, надворный совѣтникъ Никонъ Щетининъ, чембарскаго земскаго суда дворянскій засѣдатель Крымскій, титулярный совѣтникъ Иванъ Поспѣловъ, чембарскаго земскаго суда секретарь титулярный совѣтникъ Петръ Петровъ, сынъ Ивановъ, чембарскаго уѣзднаго суда секретарь титулярный совѣтникъ Игнатій Семеновъ, сынъ Семеновъ, подпоручикъ и кавалеръ Матвѣй Пушкаревъ, губернскій секретарь Иванъ Сокольскій, губернскій секретарь Петръ Мачинскій, губернскій секретарь Василій Патрикеевъ, коллежскій секретарь Павелъ Анфенцъ, губернскій секретарь Ѳедоръ Агронскій, титулярный совѣтникъ Тимофей Гороховскій, губернскій секретарь Никифоръ Борисовъ, сынъ Щегловъ, коллежскій регистраторъ Василій Григорьевъ, сынъ Семеновъ, титулярный совѣтникъ Яковъ Алексѣевъ, сынъ Мухинъ. 1829 г. августа 30 дня сіе свидѣтельство Пензенской губерніи, Чембарскаго уѣзда, у предводительскихъ дѣлъ явлено и въ книгу подъ № 44 записано: за предводителя уѣздный судья поручикъ и кавалеръ Петръ Мосоловъ. Справилъ протоколистъ Павелъ Цыпровскій“.

Въ сборникѣ „Памяти В. Г. Бѣлинскаго“ (М., 1899) Пыпинъ напечаталъ документы, касающіеся пребыванія Бѣлинскаго въ московскомъ университетѣ, въ томъ числѣ прошеніе, поданное имъ въ университетъ 31 августа *1829 г.* Оно начинается такъ: „Родомъ я штабъ-лекарскій сынъ, отъ роду имѣю *18 лѣтъ*“.

Значитъ, Бѣлинскій и самъ зналъ, что родился въ *1811 г.* Совершенно непонятно, почему онъ писалъ Боткину, что 30 мая 1846 г. ему „стукнетъ 36 лѣтъ“, когда въ дѣйствительности стукнуло 35.

фамилію *Кантовъ* [1]). *Бѣлинскимъ* почему-то сталъ писаться одинъ только Виссаріонъ Григорьевичъ, и то уже когда былъ студентомъ. Учившійся у него въ пензенской гимназіи Буслаевъ зналъ его еще подъ фамиліей *Бѣлынскій* [2]).

Изъ семинаріи Григорій Никифоровичъ перешелъ въ медико-хирургическую академію, окончивъ курсъ которой былъ опредѣленъ въ 1809 году во флотъ. Въ томъ же году женился онъ на дочери жившаго въ Кронштадтѣ флотскаго офицера. Кромѣ Виссаріона у него впослѣдствіи было трое дѣтей: 2 мало удачныхъ сына—Константинъ [3]) и Никаноръ и дочь Александра.

---

[1]) См. „Одесскія Новости“ 1897 г. № 4171, „Саратов. Листокъ“ 1897 г. № 253, „Волынь“ 1897 г. № 226 и др. газеты, перепечатавшія справку пензенскаго корреспондента „Свѣта“ о находящихся въ живыхъ родственникахъ Бѣлинскаго. Кромѣ дочери его, Ольги Виссаріоновны Бензи, корреспондентъ называлъ слѣдующихъ ближайшихъ родственниковъ-племянниковъ и племянницъ Виссаріона Григорьевича: стат. сов. Митрофанъ Константиновичъ Бѣлинскій въ Москвѣ; Ольга Константиновна Прозорова, рожденная Бѣлинская, въ Пензѣ; коллежск. сов. Павелъ Кирилловичъ Кантовъ въ Пензѣ; священникъ Керенскаго женскаго монастыря Іоаннъ Кирилловичъ Кантовъ.

[2]) *А. И. Кирпичниковъ* въ статьѣ о Буслаевѣ. „Критико-біогр. Словарь“ Венгерова, т. V, стр. 293.

[3]) Нѣсколько интересныхъ свѣдѣній объ этомъ забитомъ нуждою и огромнымъ семействомъ бѣдномъ чиновникѣ сообщилъ г. Захарьинъ-Якунинъ въ „Истор. Вѣст.“ 1898 г. (№ 3). О заманчивой по нѣкоторымъ „новымъ“ подробностямъ статьѣ г. Захарьина стоитъ сказать нѣсколько словъ. Слѣдуетъ предостеречь тѣхъ, которые мало знакомы съ біографіею Бѣлинскаго, что этою статьею надо пользоваться съ величайшею осторожностью. Г. Захарьинъ принадлежитъ къ числу тѣхъ, къ сожалѣнію, теперь очень многочисленныхъ авторовъ всякаго рода „Воспоминаній“, которые никогда не задаютъ себѣ труда провѣрять самихъ себя изученіемъ предмета. Они полагаются исключительно на свою память, и событія, которыя случились 30—40 лѣтъ тому назадъ, излагаются, точно они произошли вчера, съ разговорами въ беллетристической формѣ. Все, что автору такихъ „воспоминаній“ разскажетъ какой-нибудь „старожилъ“, заносится съ величайшей готовностью, безъ малѣйшей попытки провѣрить разсказъ, лишь бы онъ былъ эффектенъ и „занимателенъ“ для любителей легкаго историческаго чтенія. Г. Захарьинъ доходитъ въ своей статьѣ до крайнихъ предѣловъ такого легковѣрія. Не касаясь фантастическихъ разсказовъ о Лермонтовѣ, занесенныхъ г. Якунинымъ со словъ какихъ-то чембарскихъ старичковъ Шумскихъ, отмѣчу, что многое изъ сообщаемаго имъ со словъ разныхъ лицъ о Бѣлинскомъ есть истинная миѳологія. Вѣнцомъ этой миѳологіи является сцена смерти Бѣлинскаго: „Когда въ III отдѣленіи состоялось распоряженіе объ арестѣ (?) Бѣлинскаго, въ его квартиру, вечеромъ, явился жандармскій офицеръ и нѣсколько нижнихъ чиновъ — и все это ворвалось прямо въ кабинетъ-

Въ 1816 г. Григорій Никифоровичъ оставилъ морскую службу и переселился въ родной пензенскій край—уѣзднымъ лекаремъ въ Чембаръ. Въ Чембарѣ и протекли дѣтство и отрочество Бѣлинскаго.

Историка литературы, привыкшаго приводить въ связь душевный обликъ писателя съ тою средою, изъ которой онъ вышелъ, не могутъ удовлетворить свѣдѣнія объ обстановкѣ, давшей Бѣлинскому первыя жизненныя впечатлѣнія. Очень ужъ великъ контрастъ между тѣмъ, что должно было выйти изъ Бѣлинскаго, и тѣмъ, что̀ въ дѣйствительности изъ него вышло. Я въ данномъ случаѣ совсѣмъ не хочу говорить о разницѣ взглядовъ и идеаловъ, которая въ эпохи смѣны общественнаго міросозерцанія столь обычна даже въ людяхъ вполнѣ однородныхъ по нравственному своему облику. Я не считаю, напримѣръ, контрастомъ иронію судьбы, по которой какъ разъ въ ту самую осень 1831 г., когда Бѣлинскій-сынъ былъ исключенъ изъ университета за трагедію, бичевавшую дворянство, Бѣлинскій-отецъ, получивъ по службѣ дворянство, весь переполнился дворянскимъ чванствомъ самаго дурного тона. „Въ вашемъ домѣ,—писалъ Виссаріону его пріятель, —обуяла всѣхъ одна болѣзнь, только похожая на холеру, и болѣе всѣхъ страждетъ твой папенька: она извѣстна мнѣ подъ именемъ *тщеславія дворянства*. Съ чиномъ коллежскаго ассессора водворилась она у васъ въ домѣ“. Не считаю я контрастомъ и коренную разницу взглядовъ

спальню, гдѣ лежалъ, въ предсмертномъ уже бреду и въ полномъ безпамятствѣ, умирающій писатель... Близъ его постели была лишь его жена, недавно скончавшаяся Марья Васильевна, былъ докторъ и маленькая дочь. И вотъ, едва только умирающій увидѣлъ въ дверяхъ головы нѣсколькихъ жандармовъ, онъ, въ безпамятствѣ, не узналъ ихъ—и принялъ за народъ... Быстро поднявшись въ постели, онъ оперся лѣвою рукою на свое смертное ложе, а правою сталъ жестикулировать—и говорить рѣчь къ народу... Но изъ молчанія и нѣмого ужаса своихъ невольныхъ палачей умирающій заключилъ, что его не понимаетъ народъ...

— Машенька! объясни имъ—они не понимаютъ меня!..—проговорилъ нѣсколько разъ Бѣлинскій, обращаясь къ своей, застывшей отъ ужаса, женѣ...

Офицеръ сдѣлалъ знакъ жандармамъ—и они всѣ вышли изъ комнаты... Въ тотъ же день, какъ извѣстно, генералъ Дуббельтъ донесъ, рапортомъ, графу Бенкендорфу, что „извѣстный сочинитель Бѣлинскій не могъ быть арестованъ, такъ какъ надъ нимъ совершается Судъ Божій“.

Какой эффектный разсказъ и увы, какъ мало въ немъ правды! Никакого приказа объ арестѣ не состоялось, никакіе жандармы не врывались и никакіе „невольные палачи“ не леденѣли отъ ужаса отъ рѣчи Бѣлинскаго къ народу (дѣйствительно, произнесенной), потому что одна только жена и присутствовала при смерти Бѣлинскаго, наступившей не вечеромъ, а въ 6-мъ ч. утра. И какъ нехорошо, что г. Захарьинъ ссылается при этомъ на мертвую Марью Васильевну для подтвержденія своихъ лубочныхъ эффектовъ. Русская дѣйствительность изобилуетъ такими реальными эффектами, что, право, нѣтъ надобности прибѣгать къ эффектамъ выдуманнымъ...

между Бѣлинскимъ и его семьею по цѣлому ряду другихъ пунктовъ житейскаго кодекса морали. Это все въ порядкѣ вещей въ молодомъ обществѣ, духовная жизнь котораго неудержимо идетъ впередъ огромными шагами. Хочу же я подчеркнуть контрастъ не взглядовъ, а душевнаго склада. Ну, пусть бы у родныхъ Бѣлинскаго были мелкія и пошлыя воззрѣнія. Взгляды—дѣло наживное. А вотъ очень уже мало былъ похожъ Бѣлинскій на свою семью просто „по человѣчеству". Откуда взялась у него высота настроенія, съ дѣтскихъ лѣтъ составлявшая основную черту его характера, кто передалъ его душѣ тѣ „движенія необыкновенныя", присутствіе которыхъ онъ чувствовалъ въ своемъ сердцѣ, какъ только началъ сознавать себя? Это, вѣдь, уже дѣло не наживное: сердце надо получить по наслѣдству.

Отъ матери Бѣлинскій могъ наслѣдовать только ея вспыльчивость и неистовость, которыя, увы, всецѣло уходили на то, чтобы превращать домашнюю жизнь въ настоящій адъ. Перешедшій къ сыну страстный темпераментъ этой воинственной женщины весь былъ обращенъ на дрязги, ссоры, попреки и т. д. Ужъ подлинно изъ одного и того же куска дерева и крестъ и лопата.

По отцу своему мать Бѣлинскаго была дворянка, но семья, очевидно, была бѣдная и незначительная. Только-что окончившій курсъ младшій лекарь Бѣлинскій отнюдь не представлялъ собою сколько-нибудь завидной „партіи". И если, тѣмъ не менѣе, молодой лекарь послѣ очень недолгаго знакомства, „отдавшись безкорыстно женскому кокетству", рѣшился сдѣлать благосклонно принятое предложеніе, то очевидно, что и безприданница-невѣста не представляла собой блестящей партіи. Въ семейныхъ преданіяхъ не уцѣлѣла даже дѣвичья фамилія Марьи Ивановны Бѣлинской и объ родственникахъ съ материнской стороны никогда нѣтъ рѣчи въ письмахъ, воспоминаніяхъ и другихъ данныхъ о семейныхъ дѣлахъ Виссаріона Григорьевича. Но скромность собственнаго родословія и „скудныя средства столичной среды", гдѣ она выросла, не мѣшали женѣ лекаря-поповича при семейныхъ стычкахъ бросать мужу въ лицо его недворянское происхожденіе и въ этомъ находить новый матеріалъ для обильныхъ и безъ того попрековъ [1]).

Мать Бѣлинскаго отнюдь нельзя было назвать злою. Не будучи нѣжною женою, она дѣтей по-своему очень любила и, напримѣръ, пичкала ихъ сверхъ мѣры всяческою ѣдою. Но невыносимая сварливость и мелочность исполненной „офицерской спеси" хозяйки дома до того

---

[1]) *Щ.*, въ газетѣ Погодина „Русскій" 1868 г. № 15 (фельетонъ).

измучила домашнихъ, что, всею душою привязывавшійся ко всякому сколько-нибудь нравившемуся ему человѣку, Виссаріонъ не находилъ въ себѣ никакихъ нѣжныхъ чувствъ по отношенію къ собственной матери.

Свѣдѣнія объ отцѣ Бѣлинскаго въ общемъ гораздо болѣе благопріятны, но едва ли отличаются точностью. Такъ, г-жа Щ., довольно близкая родственница Григорія Никифоровича, дала портретъ его, въ которомъ, думается, гораздо больше желанія объяснить литературную дѣятельность Бѣлинскаго-сына, чѣмъ дѣйствительныхъ чертъ умственной физіономіи скромнаго уѣзднаго лекаря, жестоко зашибавшагося виномъ.

„Это былъ человѣкъ съ насмѣшливымъ умомъ", разсказываетъ г-жа Щ. [1]), „беззаботнымъ, честнымъ и прямымъ характеромъ, часто жертвовавшій общественными и семейными выгодами своему юмористическому направленію, отчасти либеральному, отчасти семинарскому. Онъ вынесъ изъ школы идеи, заброшенныя первою французскою революціей, и здравый взглядъ на литературу. Отдавая должную дань почтенія европейскимъ талантамъ первой величины, начиная съ Шиллера и проч., онъ довольно мѣтко и цинически-добродушно смѣялся надъ гордившимся своими зачерствѣлыми предразсудками провинціальнымъ обществомъ Чембара... Идеи отца имѣли большое вліяніе на религіозное и нравственное развитіе Виссаріона".

Выходитъ какой-то чембарскій Вольтеръ. Нетрудно, однако, разрушить это крайне утрированное изображеніе, особенно, если припомнить, что разсказъ г-жи Щ. возникъ по приглашенію Погодина. Погодинъ, отправляясь въ 1867 г. на парижскую выставку, встрѣтился въ вагонѣ съ родственницею знаменитаго „демагога" и внесъ ея разсказъ въ свои путевыя замѣтки, напечатанныя имъ въ газетѣ „Русскій". Уже не говоря о томъ, что разсказъ, хотя и письменно изложенный г-жей Щ., вѣроятно „редактированъ" Погодинымъ, несомнѣнно, что весь разсказъ написанъ спеціально для того, чтобы объяснить, откуда взялось направленіе Бѣлинскаго, которое и Погодину и г-жѣ Щ. извѣстно, только съ той стороны, что оно было крайне-„демагогическое" и антирелигіозное. И вотъ—ретроспективно и подъ несомнѣннымъ вліяніемъ авторитета Погодина—разсказчица, которой было 16 лѣтъ, когда умеръ Григорій Никифоровичъ, гово-

---

[1]) Судя по тому, что г-жа Щ. говоритъ о своемъ родномъ селѣ Владыкинѣ, слѣдуетъ предположить, что она изъ семьи богатаго помѣщика Владыкина который былъ женатъ на племянницѣ Григорія Никифоровича.

ритъ о сѣменахъ французской революціи. Мыслимо ли, чтобы чембарская барышня тридцатыхъ годовъ и даже не барышня, а дѣвочка въ 16 лѣтъ, могла бы имѣть какое-нибудь точное представленіе о подобныхъ матеріяхъ? Но ретроспективность разсказа всего яснѣе изъ того, что ни Погодинъ, ни г-жа Щ., не имѣютъ никакого понятія о томъ, что „демагогомъ"-то Бѣлинскій сталъ подъ конецъ жизни. Не только когда Бѣлинскій жилъ въ Чембарѣ, но и цѣлую половину своей дѣятельности онъ имѣлъ мало общаго съ „сѣменами французской революціи". А что касается религіозности, то Бѣлинскій при жизни отца никакимъ скептицизмомъ не отличался и какъ въ юношеской драмѣ своей, такъ и въ критическомъ первенцѣ своемъ— „Литературныхъ мечтаніяхъ" восторженно говорилъ о „единомъ, вѣчномъ Богѣ". Ретроспективность разсказа г-жи Щ. настолько велика, что она заставляетъ Бѣлинскаго въ 1836—1837 гг. восторженно распѣвать марсельезу. Въ эти годы Бѣлинскій прямо ненавидѣлъ все французское, а революціонное въ особенности.

Въ надлежащія границы вопросъ о томъ, насколько могъ Бѣлинскій-отецъ оказать вліяніе на сына, вводитъ рукописная біографическая записка уже разъ названнаго Д. П. Иванова. Основываясь на ней, А. Н. Пыпинъ говоритъ: „Въ религіозныхъ предметахъ Григорій Никифоровичъ, какъ говорятъ, пользовался репутаціей гоголевскаго Аммоса Ѳедоровича, и все грамотное населеніе города и уѣзда обвиняло его въ безбожіи, нехожденіи въ церковь, въ чтеніи Вольтера,—съ которымъ онъ, впрочемъ, соединялъ Эккартсгаузена и Юнгъ-Штиллинга". „Недовѣрчивый и подозрительный, а вмѣстѣ лѣнивый и безпечный, онъ разошелся съ уѣзднымъ обществомъ; не находя и дома разумнаго сочувствія, онъ окончательно предался пьянству и мало заботился о семьѣ".

Вотъ это совсѣмъ другое дѣло. Аммосъ Ѳедоровичъ, почитывающій мистическія книги въ перемежку съ повѣстями Вольтера (только повѣсти его и имѣются въ переводѣ, а чтобы Григ. Ник. зналъ по-французски—ни изъ чего не видно), неуживчивый, пьяный человѣкъ, избѣгающій общества и потому прослывшій „безбожникомъ"—въ этихъ предѣлахъ портретъ можетъ быть признанъ правдоподобнымъ. Но съ „сѣменами французской революціи" тутъ не много общаго.

Еще тономъ ниже то, что сообщаетъ о Бѣлинскомъ-отцѣ Лажечниковъ, посѣтившій Чембаръ въ 1823 году и тогда же завязавшій отношенія съ Бѣлинскимъ-сыномъ. Лажечниковъ перегибаетъ лукъ въ противоположную сторону и не только не усматриваетъ никакой связи между дѣятельностью Бѣлинскаго и атмосферой отцовскаго дома, а прямо считаетъ ее фактомъ діаметрально-противоположнаго значенія:

„Общество, которое дитя встрѣчало у отца, были городскіе чиновники, большею частью чины полиціи, съ которыми уѣздный лекарь имѣлъ дѣло по своей должности (отъ которой ничего не наживалъ). Общество это видѣлъ онъ на-распашку, часто за ерофеичемъ и пуншемъ, слышалъ рѣчи, вращавшіяся болѣе всего около частныхъ интересовъ, приправленныхъ цинизмомъ взяточничества и мерзкихъ продѣлокъ, видѣлъ во-очію неправду и черноту, незамаскированныя боязнью гласности, незакрашенныя лоскомъ образованности, видѣлъ и купленное за ведерко крестное цѣлованіе понятыхъ и свидѣтельствованіе разнаго рода побоевъ и пр., и пр. Душа его, въ которую пала съ малолѣтства искра Божія, не могла не возмущаться при слушаніи этихъ рѣчей, при видѣ разнаго рода отвратительныхъ сценъ. Съ раннихъ лѣтъ накипѣла въ ней ненависть къ обскурантизму, ко всякой неправдѣ, ко всему ложному, въ чемъ бы они ни проявлялись, въ обществѣ или въ литературѣ. Оттого-то его убѣжденія перешли въ его плоть и кровь, слились съ его жизнію. Только съ жизнью онъ и покинулъ ихъ. Прибавьте къ безотрадному зрѣлищу гнилого общества, которое окружало его въ малолѣтствѣ, домашнее горе, бѣдность, нужды, вѣчно его преслѣдовавшія, вѣчную борьбу съ ними, и вы поймете, отчего произведенія его иногда переполнялись желчью, отчего, въ откровенной бесѣдѣ съ нимъ, изъ наболѣвшей груди его вырывались грозно-обличительныя рѣчи, которыя, казалось, душили его“ [1]).

Д. П. Ивановъ въ своей запискѣ протестуетъ противъ этой мрачной характеристики, доказывая, что Григорій Никифоровичъ держался вдали отъ чембарскаго чиновничества и полиціи и самъ во всякомъ случаѣ былъ безукоризненно-честный человѣкъ (послѣдняго, впрочемъ, не отрицаетъ и Лажечниковъ). Такъ какъ въ разсказѣ Лажечникова, вообще, много неточностей [2]), то Пыпинъ склоненъ въ данномъ случаѣ стать на сторону Иванова. А между тѣмъ противорѣчіе весьма легко примирить, если, на основаніи записки самого же Иванова и разсказа г-жи Щ., разбить чембарскую жизнь Бѣлинскаго-отца на двѣ половины. И по разсказу Иванова выходитъ, что отчужденіе Григорія Никифоровича нарастало постепенно, что въ началѣ онъ и практику хорошую имѣлъ, и съ обществомъ чембарскимъ ладилъ и только „*подъ конецъ* стали разстраиваться отношенія Бѣлинскаго-отца съ чембарскимъ обществомъ“. То, что Лажечниковъ со-

---

[1]) Лажечниковъ, Соч. изд. 1884 г., стр. 271—72.

[2]) Это онъ первый, ссылаясь, едва ли правильно, на показаніе смотрителя чембарскаго училища Грекова, пустилъ въ обращеніе совершенно невѣрное свѣдѣніе, что отецъ Бѣлинскаго—уроженецъ Польши или западныхъ губерній

общаетъ,—относится къ началу 20-хъ годовъ, когда онъ посѣтилъ Чембаръ; то, что противопоставляетъ Ивановъ,—относится къ началу 30-хъ годовъ, и никакого, слѣдовательно, противорѣчія тутъ нѣтъ.

Но помимо чисто-фактической стороны дѣла, въ воспоминаніяхъ Лажечникова совсѣмъ другое важно и интересно. Допуская даже, что за давностью времени онъ былъ неточенъ въ мелочахъ, никакъ нельзя допустить, чтобы онъ былъ неточенъ въ общемъ тонѣ, который, несомнѣнно, создался подъ вліяніемъ разговоровъ съ Бѣлинскимъ. Лажечниковъ былъ близокъ съ Бѣлинскимъ и, напр., очень хорошо былъ освѣдомленъ о благотворномъ вліяніи, оказанномъ на него учителемъ пензенской гимназіи Поповымъ (о немъ см. дальше). Мыслимо ли допустить, что Бѣлинскій, постаравшійся выяснить Лажечникову значеніе, которое имѣлъ для него Поповъ, умолчалъ бы о добромъ вліяніи собственнаго отца?

Пора, вообще, обратиться къ свидѣтельству самого Бѣлинскаго для того, чтобы рѣшить окончательно, обязанъ ли онъ чѣмъ нибудь серьезнымъ своему отцу. Если я до сихъ поръ останавливался на свидѣтельствахъ постороннихъ лицъ, то единственно потому, что эти свидѣтельства могутъ ввести въ заблужденіе. Такъ, автору книжки о Бѣлинскомъ въ „Біографической библіотекѣ“ Павленкова—М. А. Протопопову показалось, что въ данномъ случаѣ „въ Чембарѣ разыгралось нѣчто въ родѣ „горя отъ ума въ миніатюрѣ“, что „Григорій Никифоровичъ долженъ былъ порвать съ уѣзднымъ обществомъ всѣ связи, кромѣ оффиціальныхъ“, потому что „былъ обвиненъ въ безбожіи и вольтерьянствѣ“, и что если онъ прибѣгъ „къ исторически-освященному и всероссійскимъ опытомъ оправданному источнику утѣшенія“, т. е. запилъ, то это потому, что онъ „былъ лишенъ поддержки“. Но можно ли допустить хотя на одну минуту, чтобы этому странному вольтерьянцу, порвавшему всѣ связи, кромѣ оффиціальныхъ, казалось бы всего менѣе мыслимыхъ при вольтерьянствѣ и безбожіи, можно ли допустить, говорю я, чтобы въ „поддержкѣ“, замѣненной виномъ, отцу отказалъ бы старшій сынъ? Виссаріонъ поражалъ своимъ раннимъ развитіемъ, когда былъ двѣнадцатилѣтнимъ мальчикомъ, а лѣтъ 16—17 это былъ вполнѣ сформировавшійся пламенный энтузіастъ, и имѣй, дѣйствительно, положеніе Григорія Никифоровича что-нибудь общее съ „горемъ отъ ума“, кто, какъ не бурный Виссаріонъ, оказалъ бы отцу самое восторженное сочувствіе? А вотъ этого-то сочувствія нѣтъ и слѣда, кромѣ, конечно, тѣхъ случаевъ, когда въ столкновеніяхъ Григорія Никифоровича съ его невыносимо-сварливой и мелочной женой „тайныя симпатіи Виссаріона“, по свидѣтельству Иванова, „принадлежали отцу“. По свидѣтельству той же г-жи Щ., которая столь неудачно открыла въ запившемъ

безъ всякихъ высокихъ причинъ Григоріи Никифоровичѣ, „сѣмена французской революціи“, Виссаріонъ „къ родному отцу былъ холоденъ, почти враждебенъ“. Позднѣе, „бывши уже гимназистомъ, Виссаріонъ декламировалъ свою ненависть къ отцу отчаянно-восторженными возгласами героевъ Шиллера“. Студентомъ Виссаріонъ писалъ брату Константину объ отцѣ: „Если онъ страдалъ и теперь страдаетъ—это отъ самого себя; онъ есть лютѣйшій врагъ, мучитель и тиранъ самого себя; не люди, а самъ онъ виноватъ въ своихъ несчастіяхъ“ [1]). Полагаю, что эта оцѣнка, одна изъ цѣлаго десятка такихъ же характеристикъ, разбросанныхъ въ перепискѣ Бѣлинскаго, дѣлаетъ совершенно праздными всякія старанія превратить Григорія Никифоровича въ какую-то жертву высокаго строя мысли. Въ перепискѣ Бѣлинскаго есть не мало мѣстъ, гдѣ онъ симпатично отзывается объ отцѣ, видитъ въ немъ хорошіе задатки и вообще человѣка, несмотря на всѣ свои недостатки и часто недостойные поступки, въ основѣ все-таки порядочнаго. Но нигдѣ ни единаго намека нѣтъ на страданіе за идею, которое въ Виссаріонѣ нашло бы не сочувствіе, не отзвукъ, а прямо изступленное колѣнопреклоненіе.

Окончательный итогъ того, чѣмъ онъ былъ обязанъ отчему дому, Бѣлинскій выразилъ въ письмахъ къ Боткину въ 1839 г. и этотъ общій выводъ не нуждается ни въ какихъ комментаріяхъ. Бѣлинскій, въ которомъ потребность любви и привязанности были настолько сильны, что онъ привязался „сыновней любовью“ къ дому своего двоюроднаго брата Иванова, о жизни своей въ собственной семьѣ сообщаетъ слѣдующее, связывая это съ однимъ изъ своихъ свойствъ, особенно его мучившимъ:

„Одно меня ужасно терзаетъ: робость моя и конфузливость не ослабѣваютъ, а возрастаютъ въ чудовищной прогрессіи. Нельзя въ люди показаться... истинное Божіе наказаніе! Это доводитъ меня до смертельнаго отчаянія. Что это за дикая странность? Вспомнилъ я разсказъ матери моей. Она была охотница рыскать по кумушкамъ... Я, грудной ребенокъ, оставался съ нянькою, нанятою дѣвкою; чтобъ я не безпокоилъ ее своимъ крикомъ, она меня душила и била. Можетъ быть—вотъ причина. Впрочемъ, я не былъ груднымъ: родился я больнымъ при смерти, груди не бралъ и не зналъ ея... сосалъ я рожокъ, и то, если молоко было прокислое и гнилое—свѣжаго не могъ брать. Потомъ отецъ меня терпѣть не могъ, ругалъ, унижалъ, придирался, билъ нещадно и площадно—вѣчная ему память. Я въ семействѣ былъ чужой. Можетъ быть—въ этомъ разгадка дикаго явленія. Я просто

---

[1]) „Рус. Ст.“ 1876 г., № 2, стр. 333.

боюсь людей; общество ужасаетъ меня". Еще печальнѣе другое мѣсто изъ переписки съ Боткинымъ въ томъ же 1839 году:

„Имѣть отца и мать для того, чтобы *смерть ихъ считать моимъ освобожденіемъ*, слѣдовательно, не утратою, а скорѣе пріобрѣтеніемъ, хотя и горестнымъ; имѣть брата и сестру, чтобы не понимать, почему и для чего они мнѣ братъ и сестра, и еще брата, чтобы быть привязаннымъ къ нему какимъ-то чувствомъ состраданія—все это не слишкомъ утѣшительно" [1]).

Могутъ ли какія бы то ни было оговорки уничтожить значеніе этихъ страшныхъ словъ? Вспомнимъ еще, что они писались нѣсколько лѣтъ послѣ смерти родителей, а человѣкъ при воспоминаніяхъ о прошломъ всегда склоненъ черное отметать и помнить одно только свѣтлое.

И вотъ, ознакомившись со всѣми „горестными обстоятельствами нашего несчастнаго семейства", какъ выразился Бѣлинскій въ письмѣ къ брату Константину [2]), и принявъ во вниманіе душевное ничтожество, именно душевное, а не умственное, его братьевъ и сестры, мы снова должны себѣ задать вопросъ: какъ могъ выйти изъ такой среды Бѣлинскій? Даже совершенно несоотвѣтствующее дѣйствительности превращеніе Григорія Никифоровича въ мученика за свой скептицизмъ и критическое отношеніе не объясняетъ того, что составляетъ главную силу Бѣлинскаго—восторгъ и жажду активнаго противодѣйствія. Кто передалъ ему эти основныя качества его души?

Отвѣтъ, какъ мнѣ кажется, даютъ нѣсколько строкъ въ воспоминаніяхъ о семьѣ Бѣлинскаго:

„Дѣдъ Виссаріона, о. Никифоръ, выростивъ дѣтей, провелъ остатокъ жизни въ молитвѣ; въ преданіяхъ семьи осталась почтительная память о его благочестивой жизни; его считали праведникомъ. Удалившись отъ своихъ, онъ жилъ въ кельѣ аскетическою жизнью" [3]).

Вотъ это настоящій источникъ духовнаго облика Бѣлинскаго. Праведникъ-дѣдъ возродился въ праведникѣ-внукѣ, какъ ни странна съ перваго взгляда связь между аскетомъ-монахомъ и „разрушителемъ отжилыхъ вѣрованій". Но это противорѣчіе поверхностное и никакого внутренняго противорѣчія въ себѣ не заключаетъ. Важно не содержаніе, а общій строй, душевный типъ, степень воодушевленія и жажды подвига. Запасъ и свойства идеализма всегда одни и тѣ же въ человѣчествѣ и условія времени вліяютъ только на проявленіе. Эволюціонируютъ формы, но не сущность. Дѣдъ пошелъ въ келью, внукъ остался въ міру и прослылъ „разрушителемъ". Но порывъ къ тому, въ чемъ каждый видѣлъ спасенье души, въ нихъ одинъ и

[1]) Пыпинъ, т. I, стр. 37, и II, стр. 39, 40.
[2]) „Рус. Ст.", т. XV, стр. 339.
[3]) Пыпинъ, т. I, стр. 7.

тъ же. Различны пути, по которымъ шли дѣдъ и внукъ, но направлялись они къ одной и той же цѣли—къ исполненію того, что каждый изъ нихъ считалъ священнымъ завѣтомъ. Дѣдъ, конечно, не зналъ мукъ сомнѣній, не переживалъ трагедіи поисковъ опредѣленнаго идеала. На его долю выпало счастіе непосредственной, ясной вѣры. Но и вѣра внука въ тѣ моменты, когда онъ приходилъ къ опредѣленному выводу, была не менѣе ясна. И его душа въ эти моменты сладко замирала при сознаніи, что ему открывается смыслъ жизни, и его душа наполнялась истинно-молитвеннымъ восторгомъ. Онъ славословилъ съ неменьшею убѣжденностью, чѣмъ дѣдъ, и экстазъ его статей и писемъ не уступалъ экстазу молитвъ и каноновъ дѣда.

Бѣлинскій научился грамотѣ у нѣкоей Ципровской, дочери мѣстнаго чиновника. Латыни его нѣсколько научилъ отецъ, а затѣмъ онъ поступилъ въ только что открывшееся въ Чембарѣ уѣздное училище, гдѣ быстро выдвинулся своимъ раннимъ развитіемъ. Но, конечно, не чембарскимъ педагогамъ, въ числѣ которыхъ, впрочемъ, смотритель училища Грековъ былъ человѣкъ очень хорошій, обязанъ былъ этимъ Бѣлинскій. Педагогія была самая примитивная, съ одной стороны основанная на жестокомъ драньѣ, а съ другой—на предоставленіи ученикамъ полнѣйшей свободы. Такъ случалось въ иные лѣтніе дни, что учителя въ учебные часы бросали учениковъ и устраивали попойку, а ученики цѣлымъ классомъ отправлялись купаться. Умственное развитіе Бѣлинскаго шло, главнымъ образомъ, подъ вліяніемъ чтенія. Еще ученикомъ уѣзднаго училища Бѣлинскій перечиталъ всю русскую литературу XVIII и начала XIX вѣка и не только перечиталъ, но и превосходно усвоилъ и, какъ это всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ страстнаго увлеченія чѣмъ-нибудь, самъ очень рано сталъ пробовать свои силы на литературномъ поприщѣ. Въ рецензіи на плохіе стихи Коптева Бѣлинскій [1]) вспомнилъ училищные годы:

„Еще будучи мальчикомъ и ученикомъ уѣзднаго училища, я въ огромныя кипы тетрадей неутомимо, денно и нощно, и безъ всякаго разбора, списывалъ стихотворенія Карамзина, Дмитріева, Сумарокова, Державина, Хераскова, Петрова, Станевича, Богдановича, Максима Невзорова, Крылова и другихъ; я плакалъ, читая „Бѣдную Лизу“ и „Марьину Рощу“, и вмѣнялъ себѣ въ священнѣйшую обязанность бродить по полямъ при томномъ свѣтѣ луны, съ понурымъ лицомъ à la Эрастъ Чертополоховъ. Природа мнѣ

---

[1] Соч., по изд. Венгерова, т. II, стр. 172—173.

дала самое чувствительное сердце и сдѣлала меня поэтомъ, ибо, еще будучи ученикомъ уѣзднаго училища, я писалъ баллады и думалъ, что онѣ не хуже балладъ Жуковскаго, не хуже „Раисы“ Карамзина, отъ которой я тогда сходилъ съ ума“.

Такой ученикъ не могъ не броситься въ глаза всякому сколько-нибудь внимательному наблюдателю. Когда Лажечниковъ въ 1823 г. ревизовалъ чембарское училище, онъ сразу отличилъ Бѣлинскаго:

„Во время дѣлаемаго мною экзамена, выступилъ передо мною, между прочими учениками, мальчикъ лѣтъ 12, котораго наружность съ перваго взгляда привлекла мое вниманіе. Лобъ его былъ прекрасно развитъ, въ глазахъ свѣтился разумъ не по лѣтамъ; худенькій и маленькій, онъ, между тѣмъ, на лицо казался старѣе, чѣмъ показывалъ его ростъ. Смотрѣлъ онъ серьезно. Такимъ вообразилъ бы я себѣ ученаго доктора между позднѣйшими нашими потомками, когда, по предсказаніямъ науки, измельчаетъ родъ человѣческій. На всѣ дѣлаемые ему вопросы онъ отвѣчалъ такъ скоро, легко, съ такою увѣренностію, будто налеталъ на нихъ, какъ ястребъ на добычу (отчего я тутъ же прозвалъ его ястребкомъ), и отвѣчалъ, большею частію, своими словами, или прибавляя то, чего не было даже въ казенномъ руководствѣ,—доказательство, что онъ читалъ и книги, не положенныя въ классахъ. Я особенно занялся имъ, бросался съ нимъ отъ одного предмета къ другому, связывая ихъ непрерывною цѣпью, и, признаюсь, старался сбить его. Мальчикъ вышелъ изъ труднаго испытанія съ торжествомъ. Это меня пріятно изумило, также и то, что штатный смотритель (Авр. Грековъ) не конфузился, что его ученикъ говоритъ не слово въ слово по учебной книжкѣ (какъ я привыкъ видѣть и съ чѣмъ боролся не мало въ другихъ училищахъ). Напротивъ, лицо добраго и умнаго смотрителя сіяло радостію, какъ будто онъ видѣлъ въ этомъ торжествѣ собственное свое. Я спросилъ его, кто этотъ мальчикъ. „Виссаріонъ Бѣлинскій, сынъ здѣшняго штабъ-лекаря“, сказалъ онъ мнѣ. Я поцѣловалъ Бѣлинскаго въ лобъ, съ душевною теплотой привѣтствовалъ его, тутъ же потребовалъ изъ продажной библіотеки какую-то книженку, на заглавномъ листѣ которой подписалъ: „Виссаріону Бѣлинскому за прекрасные успѣхи въ ученіи“ (или что-то подобное) отъ такого-то, тогда-то. Мальчикъ принялъ отъ меня книгу безъ особеннаго радостнаго увлеченія, какъ должную себѣ дань, безъ низкихъ поклоновъ, которымъ учатъ бѣдняковъ съ малолѣтства“ [1]).

Весьма возможно, что въ этомъ эфектномъ воспоминаніи есть своя доля ретроспективности и едва ли всѣ детали исторически

---

[1]) Лажечниковъ, Сочиненія т. XII, стр. 269—70.

точны. Но общій тонъ впечатлѣнія, произведеннаго на изумленнаго ревизора, повидимому, переданъ точно: всѣ дальнѣйшія отношенія Лажечникова къ Бѣлинскому показываютъ, что онъ хорошо запомнилъ „ястребка“ и почувствовалъ къ нему искренній интересъ.

Въ 1825 г. Бѣлинскій поступилъ въ пензенскую гимназію, въ то время состоявшую всего изъ четырехъ высшихъ классовъ. Гимназія находилась въ томъ же патріархальномъ періодѣ, какъ и чембарское училище. Въ наше время кажутся чѣмъ-то совершенно анекдотичнымъ многія подробности, сообщаемыя о пензенской гимназіи 20-хъ годовъ тѣмъ же директоромъ пензенскихъ училищъ и гимназіи Лажечниковымъ, воспоминанія котораго являются главнымъ біографическимъ матеріаломъ и для гимназическаго періода жизни Бѣлинскаго. Вотъ, напр., впечатлѣнія его перваго посѣщенія пензенской гимназіи:

„Въ гимназію пришелъ я въ 10 часовъ утра. Еще въ передней послышались мнѣ дикіе голоса и между ними крики: ура! Только что я хотѣлъ войти въ классную комнату, какъ передъ моимъ носомъ распахнулась дверь; ватага гимназистовъ хлынула черезъ нее и едва не сшибла меня съ ногъ. Школьники несли на рукахъ учителя русской словесности, въ какомъ положеніи—можете догадаться.—Что это вы дѣлаете?—спросилъ я ихъ.—„Мыши кота погребаютъ“, отвѣчали они.—Какія мѣры ни употреблялъ я, чтобы привести этого господина на правый путь, а по своимъ способностямъ онъ этого заслуживалъ—поселилъ его подлѣ себя, пригласилъ раздѣлить со мною хлѣбъ-соль, старался ввести въ свой кружокъ—ничто не помогало. Бывало, чѣмъ свѣтъ накинетъ на себя свой дырявый ситцевый халатъ и въ туфляхъ на босую ногу бѣжитъ къ струямъ россійской отуманивающей ипокрены и потомъ заѣдаетъ ихъ солеными огурцами. Въ другихъ классахъ ни одного учителя, ни одного ученика“ [1]).

Разсказъ Лажечникова относится къ началу 20-хъ годовъ. Когда поступилъ Бѣлинскій, порядки въ гимназіи, главнымъ образомъ, благодаря стараніямъ Лажечникова, отчасти уже измѣнились къ лучшему [2]). Но, конечно, сколько-нибудь коренныхъ измѣненій 3—4 года съ собою принести не могли и въ общемъ гимназическое преподаваніе не отразилось бы ничѣмъ существеннымъ на исторіи духовнаго развитія Бѣлинскаго, если бы среди учителей не нашелся одинъ, весьма мало похожій на остальныхъ своихъ товарищей. Это былъ молодой, недавно кончившій казанскій университетъ преподаватель естественной исторіи - Михаилъ Михайловичъ Поповъ. О степени уваженія и благо-

---

[1]) Тамъ же, стр. 263.

[2]) Ср. Зеленецкій, П. П. Историческій очеркъ пензенской 1 гимназіи съ 1804 по 1871 г. Пенза, 1889.

дарности, которыя питалъ къ Попову Бѣлинскій, можно судить по письму, которое Бѣлинскій написалъ ему, уже будучи студентомъ, въ 1830 г. Со свойственною ему способностью отдаваться каждому настроенію со всею полнотою восторженной души своей, бывшій ученикъ писалъ недавнему учителю:

„Благородный человѣкъ, скажите, чѣмъ я могу вамъ заслужить? Столько ласкъ, столько вниманія! Если моя къ вамъ признательность, мое безпредѣльное уваженіе, искреннее чувство любви имѣютъ въ глазахъ вашихъ хотя нѣкоторую цѣну, то позвольте увѣрить васъ, что я оныя буду вѣчно хранить въ душѣ моей, буду ими гордиться Умѣть цѣнить и уважать такого человѣка, какъ вы—есть достоинство; заслужить отъ васъ вниманіе—есть счастіе. Строки сіи не суть слѣдствіе лести; нѣтъ: это изліяніе души тронутой, сердца, исполненнаго благодарности: чувства мои неподдѣльныя: они чисты и благородны, какъ мысль о томъ, кому посвящаются. Для меня нѣтъ ничего тягостнѣе, ужаснѣе, какъ быть обязаннымъ кому-либо: вы дѣлаете изъ сего исключеніе, и для меня ничего нѣтъ пріятнѣе, какъ изъявлять вамъ мою благодарность“ [1]).

Обѣщаніе „вѣчно хранить“ чувство благодарности къ Попову не было риторическимъ преувеличеніемъ. И если кое-что въ письмѣ 30-го года можно отнести на счетъ юношеской восторженности Бѣлинскаго, на счетъ того, что среди пензенскихъ „котовъ“ и педантовъ Поповъ долженъ былъ ему показаться какимъ-то лучезарнымъ явленіемъ, то вотъ тѣ же чувства въ письмѣ отъ 1839 г. Въ 1839 г. Бѣлинскій уже до извѣстной степени держалъ въ своихъ рукахъ скипетръ руской критики и достаточно насмотрѣлся всяческихъ выдающихся людей. И тѣмъ не менѣе воспоминаніе о Поповѣ его умиляло. „Попросите г. Владиславлева“, пишетъ онъ Панаеву, „засвидѣтельствовать мое почтеніе М. М. Попову, моему бывшему учителю, который во время оно много сдѣлалъ для меня и живая память о которомъ никогда не изгладится изъ моего сердца“ [2]).

Этихъ отзывовъ, включающихъ Попова въ число лицъ, наиболѣе содѣйствовавшихъ духовному развитію Бѣлинскаго, совершенно достаточно, чтобы приковать къ себѣ вниманіе изслѣдователя и ввести его въ кругъ людей, имена которыхъ исторія русской культуры должна занести на свои страницы съ подобающею благодарностью. Если мы обратимся къ тому письму, которое Поповъ въ концѣ 50-хъ годовъ написалъ Лажечникову [3]) и въ которомъ онъ собралъ всѣ свои воспоминанія о Бѣлинскомъ-гимназистѣ, то увидимъ, что По-

---

[1]) Лажечниковъ, соч. т. XII, стр. 280.

[2]) Панаевъ, Воспоминанія, по изд. 1876 г., стр. 3.

[3]) Оно вошло въ составъ воспоминаній Лажечникова.

повъ вполнѣ заслужилъ восторженную благодарность Бѣлинскаго. Письмо ярко характеризуетъ не только ученика, но и учителя.

Собственно учился Бѣлинскій у Попова только въ два послѣдніе года своего четырехлѣтняго пребыванія въ гимназіи. Но черезъ одноклассника своего, племянника Попова, они близко познакомились почти съ самаго поступленія въ гимназію Бѣлинскаго. Раннее развитіе Бѣлинскаго сразу бросилось Попову въ глаза, и онъ въ бесѣдѣ съ нимъ сталъ находить истинное удовольствіе:

„Онъ бралъ у меня книги и журналы, пересказывалъ мнѣ прочитанное, судилъ и рядилъ обо всемъ, задавалъ мнѣ вопросъ за вопросомъ. Скоро я полюбилъ его. По лѣтамъ и тогдашнимъ отношеніямъ нашимъ онъ былъ неровный мнѣ, но не помню, чтобъ въ Пензѣ съ кѣмъ-нибудь другимъ я такъ душевно разговаривалъ, какъ съ нимъ, о наукахъ и литературѣ.

Домашнія бесѣды наши продолжались и послѣ того, какъ Бѣлинскій поступилъ въ высшіе классы гимназіи. Дома мы толковали о словесности; въ гимназіи онъ, съ другими учениками, слушалъ у меня естественную исторію. Но въ казанскомъ университетѣ я шелъ по филологическому факультету, и русская словесность всегда была моей исключительной страстью. Можете представить себѣ, что иногда происходило въ классѣ естественной исторіи, гдѣ передъ страстнымъ, еще молодымъ въ то время, учителемъ сидѣлъ такой же страстный въ словесности ученикъ. Разумѣется, начиналъ я съ зоологіи, ботаники или ориктогнозіи и старался держаться этого берега, но съ средины, а случалось и съ начала лекціи, отъ меня ли, отъ Бѣлинскаго-ли, Богъ знаетъ, только естественныя науки превращались у насъ въ теорію или исторію литературы. Отъ Бюффона-натуралиста я переходилъ къ Бюффону-писателю, отъ Гумбольдтовой географіи растеній къ его „Картинамъ природы“, отъ нихъ къ поэзіи разныхъ странъ, потомъ... къ цѣлому міру, къ сочиненіямъ Тацита и Шекспира, къ поэзіи въ сочиненіяхъ Шиллера и Жуковскаго... А гербаризація? Бывало, когда отправляюсь съ учениками за городъ, во всю дорогу, пока не дойдемъ до засѣки, что позади городского гулянья, или до рощи, что за рѣкой Пензой, Бѣлинскій пристаетъ ко мнѣ съ вопросами о Гете, Вальтеръ-Скоттѣ, Байронѣ, Пушкинѣ, о романтизмѣ и обо всемъ, что волновало въ то доброе время наши молодыя сердца.

„Тогда Бѣлинскій, по лѣтамъ, еще не могъ отрѣшиться отъ обаянія первыхъ пушкинскихъ поэмъ и мелкихъ стиховъ. Непривѣтно встрѣтилъ онъ сцену: „Келья въ Чудовомъ монастырѣ“. Онъ и въ то время не скоро поддавался на чужое мнѣніе. Когда я объяснялъ ему высокую прелесть въ простотѣ, поворотъ къ самобытности и возра-

станіе таланта Пушкина, онъ качалъ головой, отмалчивался и говорилъ: „Дайте, подумаю; еще прочту“. Если же съ чѣмъ онъ соглашался, то, бывало, отвѣчалъ съ страшной увѣренностью: „Совершенно справедливо!“

„Журналистика наша въ двадцатыхъ годахъ выходила изъ дѣтства. Полевой передавалъ по „Телеграфу“ идеи Запада, все, что являлось тамъ новаго въ области философіи, исторіи, литературы и критики. Надоумко (Надеждинъ) смотрѣлъ исподлобья, но глубже (?) Полевого, и знакомилъ русскихъ съ германской философіей. Оба они снимали маски съ старыхъ и новыхъ нашихъ писателей и пріучали судить о нихъ, не покоряясь авторитетамъ. Бѣлинскій читалъ съ жадностію тогдашніе журналы и всасывалъ въ себя духъ Полевого и Надеждина“.

Въ дальнѣйшемъ изложеніи мнѣ еще не разъ придется пользоваться небольшимъ, но черезвычайно цѣннымъ письмомъ Попова, въ которомъ, въ замѣчательно сгущенномъ видѣ, часто въ нѣсколькихъ строкахъ, намѣчается основное содержаніе всего большого накопившагося за послѣднія 40 лѣтъ матеріала о Бѣлинскомъ и его эпохѣ. Теперь же, собственно для оцѣнки самого Попова, скажу, что, какъ и въ сейчасъ приведенномъ отрывкѣ, характеристики его полны тонкаго пониманія людей и литературныхъ теченій эпохи, его сужденія обнаруживаютъ хорошій вкусъ, а общій тонъ истинно-благороденъ. Въ его восторженномъ, напр., отношеніи къ кружку Станкевича за то, что онъ „кипѣлъ жаждой познанія, добра и чести“, ясно слышенъ отзвукъ такихъ же собственныхъ стремленій. Удивительно ли, что такой человѣкъ, прямо двумя головами выше стоявшій всего своего пензенскаго антуража, къ тому же „необыкновенно тихаго и скромнаго характера“ [1]), долженъ былъ произвести сильное впечатлѣніе на пылкаго и жаждавшаго высокихъ впечатлѣній ученика?

Замѣчательна дальнѣйшая карьера Попова. Съ начала 30-хъ годовъ этотъ человѣкъ, который зажегъ въ Бѣлинскомъ пламя лучшихъ чувствъ и такъ содѣйствовалъ развитію его литературнаго вкуса, перебрался въ Петербургъ и... поступилъ въ распоряженіе Дуббельта. Почти всю остальную не короткую жизнь—онъ умеръ въ 1872 г. въ чинѣ тайнаго совѣтника—Поповъ прослужилъ старшимъ чиновникомъ III отдѣленія! Вотъ и уловите тутъ психологическое единство. Виро-

---

[1]) Воспоминанія Максимова въ книжкѣ Зеленецкаго: «Исторія пензенской гимназіи», стр. 36. Въ этихъ воспоминаніяхъ Поповъ называется Максимомъ Михайловичемъ, но напечатанныя въ той же книжкѣ гимназическія вѣдомости подписаны: Михаилъ Поповъ. Въ редакціонной замѣткѣ «Русск. Стар.» т XXXVI, стр. 435, онъ названъ Михаиломъ Максимовичемъ. Изъ этой же замѣтки узнаемъ, что напеч. въ т. X. «Русск. Стар.» интересная и очень литературно написанная анонимная статья объ отношеніяхъ Пушкина къ III отдѣленію принадлежитъ М. М. Попову.

чемъ, нужно ли особенно удивляться этому странному комбинированію Дуббельта съ Бѣлинскимъ, если мы вспомнимъ еще болѣе замѣчательнаго современника Бѣлинскаго—цензора Никитенко, днемъ весьма усердно исполнявшаго свои обязанности, а вечеромъ садившагася за дневникъ, въ которомъ онъ являлся гражданиномъ въ лучшемъ смыслѣ слова. Днемъ онъ въ писаніяхъ другихъ истреблялъ все клонящееся къ осужденію неприглядной дѣйствительности сороковыхъ годовъ, а вечеромъ, самъ превращаясь въ публициста, воспринималъ несовершенство русской жизни съ чуткостью, достойною лучшихъ порывовъ кружка Бѣлинскаго и Герцена. Отыщите-ка объединяющее начало въ этомъ двуликомъ Янусѣ, въ которомъ, въ противоположность Янусу миѳологіи, повидимому, и сердца-то два было.

О дѣятельности Попова на его новомъ мѣстѣ служенія мало извѣстно. Однако тотъ фактъ, что Бѣлинскій велъ съ нимъ дружбу и въ Петербургѣ, показываетъ, что ничѣмъ особенно усерднымъ дѣятельность Попова не выражалась. Въ тѣ времена въ заинтересованныхъ сферахъ быстро узнавали о людяхъ усердствующихъ, и, принадлежи къ нимъ Поповъ, Бѣлинскій, никоимъ образомъ старыхъ связей съ нимъ не поддерживалъ бы. Не такой былъ человѣкъ Бѣлинскій, чтобы не выложить собесѣднику все, что у него на душѣ. Поповъ упоминаетъ о горячихъ схваткахъ, но чисто литературнаго свойства, которыя „никогда не оканчивались размолвками. Иногда мы разставались, я—нахмуренный, онъ—вполнѣ взволнованный, но черезъ мѣсяцъ, черезъ два опять онъ звонилъ у моихъ дверей, и я опять встрѣчалъ его какъ гостя, по которому соскучился“.

Но если нѣтъ достаточно-детальныхъ указаній на то, какъ совмѣщалъ Поповъ дружбу Дуббельта съ дружбой Бѣлинскаго, то есть прямое свидѣтельство, что Поповъ въ значительной степени ослабилъ для умирающаго Бѣлинскаго одно очень сильное впечатлѣніе,—когда, незадолго до своей смерти, Бѣлинскій получилъ приглашеніе „пожаловать“ въ III отдѣленіе для того, чтобы „познакомиться“ съ Леонтіемъ Васильевичемъ Дуббельтомъ. Поповъ выказалъ тутъ истинную деликатность и заботу о душевномъ покоѣ своего бывшаго ученика. И вотъ, пока разработка архивовъ не раскроетъ чего-нибудь другого о Поповѣ, будемте помнить только этотъ эпизодъ изъ исторіи его близости къ Дуббельту, вполнѣ соотвѣтствующій общему свидѣтельству редакціи „Русск. Старины“, что Поповъ „сравнительно былъ добръ и обязателенъ, въ особенности къ писателямъ и журналистамъ“ [1]).

Каковъ бы, впрочемъ, ни былъ Поповъ петербургскій, это ни-

---

[1]) «Русск. Стар.» 1882 г. т. 31, стр. 435.

мало не можетъ измѣнить представленія о Поповѣ пензенскомъ-близость съ которымъ, конечно, должна быть признана крупнѣйшимъ факторомъ гимназическаго періода жизни Бѣлинскаго. Поповъ и лихорадочное до самозабвенія чтеніе журналовъ—рядомъ съ этимъ остальныя пензенскія вліянія настолько ничтожны, что ихъ слѣдуетъ отмѣтить развѣ только для полноты. Какое вліяніе могъ оказать на „жадно всасывавшаго духъ Полевого и Надеждина", семнадцатилѣтняго гимназиста какой-нибудь учитель реторики и логики Яблонскій, „школяръ и педантъ въ высшей степени", по опредѣленію Лажечникова, преподававшій по „Лежаю", т. е. по реторикѣ, составленной для іезуитскихъ школъ французомъ Леже? Д. П. Ивановъ, по своему обыкновенію выставлять все касающееся раннихъ лѣтъ Бѣлинскаго въ лучшемъ свѣтѣ, беретъ и Яблонскаго подъ свою защиту: „Виноватъ ли этотъ усердный почитатель Леже въ томъ, что училъ, какъ учили его самого и какъ почти повсемѣстно учили тогда въ гимназіяхъ? Надобно припомнить при этомъ, что въ славнѣйшемъ и старѣйшемъ университетѣ—московскомъ—въ началѣ тридцатыхъ годовъ занималъ каѳедру словесности для студентовъ перваго общаго курса П. В. Побѣдоносцевъ, толковавшій не лучше Яблонскаго и объ источникахъ изобрѣтенія, о хріяхъ ординарныхъ и превращенныхъ; припомнить надобно, что пресловутая реторика Кошанскаго, по которой училъ Яблонскій, красовалась въ программахъ, изданныхъ для поступающихъ въ московскій университетъ, едва ли не до пятидесятыхъ годовъ" [1]).

Можно вполнѣ согласиться съ приведенною сейчасъ аргументаціей и признать, что пензенская гимназія была не хуже другихъ гимназій того времени. Но все это, конечно, нимало не колеблетъ того предположенія, что на Бѣлинскаго вліяніе преподаванія по „Лежаю" могло отразиться только тѣмъ, чтобы усилить въ немъ отвращеніе къ схоластической сухости и реторической напыщенности. Весьма возможно, что вѣрны и болѣе чѣмъ у Лажечникова оптимистическія свѣдѣнія Д. П. Иванова о другихъ учителяхъ Бѣлинскаго—преподавателяхъ математики Лянуповѣ и Протопоповѣ и учителѣ латинскаго языка Димитревскомъ. „Исторія пензенской гимназіи" Зеленецкаго и Соловьева тоже беретъ ихъ подъ свою защиту и выдержками изъ программъ и другихъ документовъ старается показать, что обычное представленіе о низкомъ уровнѣ гимназическаго преподаванія 20-хъ годовъ преувеличено. Но, повторяю, все это нимало не мѣняетъ общаго вывода. Не такой сидѣлъ передъ пензенскими педагогами ученикъ, чтобы удовлетвориться ихъ рутинной заурядностью.

---

[1]) Пыпинъ, I, стр. 20.

Самою лучшею стороною тогдашней гимназической жизни было то, что ученики въ сущности были предоставлены самимъ себѣ. Не было и тѣни той суровой дисциплины и обезличиванія, которыя теперь тѣсно связаны съ представленіемъ о гимназіяхъ. По выраженію Буслава, учившагося въ пензенской гимназіи почти въ одно время съ Бѣлинскимъ (1829—34), царствовала какая-то „беззаботная распущенность нравовъ". „Большую часть времени мы проводили сами по себѣ, такъ сказать, по методу взаимнаго обученія, безъ надлежащаго руководствованія и наблюденія со стороны учителей. Мы слушали, что одинъ изъ насъ читалъ, а то и сами читали, каждый про себя, или же что-нибудь списывали, переводили съ иностранныхъ языковъ на русскій, изготовляли свои сочиненія. Между тѣмъ учителя ходили взадъ и впередъ по классу и разговаривали между собою, всегда двое: въ нижнемъ этажѣ — учителя перваго и второго классовъ, а въ верхнемъ — третьяго и четвертаго". Когда мимо оконъ первыхъ классовъ проходилъ директоръ Протопоповъ, жившій въ другомъ домѣ, „тотчасъ же по всѣмъ классамъ разносится осторожный шопотъ: Григорій Абрамовичъ! Григорій Абрамовичъ!" Учителя опрометью спѣшатъ каждый на свое мѣсто, ученики наскоро убираютъ со столовъ всякій свой хламъ и чинно разсаживаются, насторожив глаза и уши. Директоръ, разумѣется, находитъ все въ надлежащемъ порядкѣ, послушаетъ немножко учителя, у кого-нибудь изъ насъ заглянетъ въ книгу или въ тетрадку, одного погладитъ по головѣ, а другому для острастки дастъ выговоръ. Тѣмъ дѣло и кончалось. Директоръ уходитъ, и мы, ученики и учителя, опять принимаемся за свое"[1]).

Бѣлинскій учился очень странно, съ замѣчательною неравномѣрностью [2]). Вѣдомости его „успѣховъ" представляютъ собою смѣсь низшихъ балловъ—единицъ и двоекъ, съ высшимъ въ то время балломъ—четверками. Хуже всего онъ учился по математикѣ, такъ себѣ по латыни—три двойки, пять троекъ и одна 4, и превосходно по исторіи, географіи, естественной исторіи и русской словесности—все четверки. Иностраннымъ языкамъ Бѣлинскій совсѣмъ не обучался. Такъ какъ въ тѣ времена выдавали награды за успѣхъ по отдѣльнымъ предметамъ, то Бѣлинскій, при переходѣ изъ 2 въ 3 классъ, получилъ наградную книгу „за успѣхи изъ логики и реторики, исторіи и географіи". Въ третьемъ (предпослѣднемъ) классѣ онъ остался на второй годъ, повидимому, вслѣдствіе того, что пропускалъ очень много уроковъ, а на переходной экзаменъ совсѣмъ не явился. Въ

[1]) Буслаевъ, Воспоминанія. «Вѣстн. Евр.» 1890 г. № 11, стр. 27.

[2]) Отмѣтки Бѣлинскаго приводятся въ воспоминаніяхъ Лажечникова и съ еще большею полнотою въ «Истор. Очеркѣ» Зеленецкаго и Соловьева.

гимназическихъ вѣдомостяхъ нехожденіе въ классъ Бѣлинскаго объяснено частью „согласіемъ родителей“, которыхъ и въ Пензѣ-то не было, частью „лѣностью“. Эта оффиціальная отмѣтка ничего общаго съ дѣйствительностью не имѣла. Не являясь въ классъ, гдѣ его ожидала скука мертвеннаго преподаванія, Бѣлинскій дома „ни одной минуты не терялъ даромъ“, по свидѣтельству Иванова, вѣчно читалъ, списывалъ то, что ему нравилось, дѣлалъ замѣтки. Въ университетъ онъ явился съ превосходнымъ знаніемъ литературы, которое, конечно, пріобрѣлъ не въ классѣ, а тогда, когда „по лѣности“ въ классъ не ходилъ. Къ гимназическому ученію Бѣлинскій еще потому охладѣлъ, что задумалъ поступить въ университетъ ускореннымъ порядкомъ, по вступительному экзамену, въ то время очень нетрудному.

Какъ бы то ни было, въ вѣдомости за февраль 1829 г. фамилія Бѣлинскаго среди учениковъ 3-го класса зачеркнута и въ графахъ, вмѣсто отмѣтокъ объ успѣхахъ и поведеніи, противъ его фамиліи, рукою директора Протопопова, сдѣлана слѣдующая помѣтка: „За нехожденіемъ не рекоменд.(ованъ)“, затѣмъ въ дальнѣйшихъ мѣсячныхъ, начиная съ марта, „имя Бѣлинскаго совсѣмъ не встрѣчается“ [1]).

Итакъ, Бѣлинскій былъ исключенъ изъ гимназіи, но, къ чести гимназическаго начальства, не за „слабыя способности“, какъ впослѣдствіи было мотивировано исключеніе Бѣлинскаго изъ университета. Напротивъ того, даже послѣ того, какъ онъ остался въ 3 классѣ на второй годъ, въ гимназическихъ вѣдомостяхъ отмѣчено: „Способности и поведеніе—4“. Наиболѣе же яркимъ проявленіемъ того, какъ цѣнило „лѣниваго“ второгодника гимназическое начальство, можетъ служить слѣдующее свидѣтельство Буслаева, сообщенное имъ сначала для „Историческаго очерка пензенской гимназіи“ Зеленецкаго, а затѣмъ повторенное въ „Воспоминаніяхъ“ знаменитаго филолога:

„Въ 1829 году, когда поступилъ я въ первый классъ пензенской гимназіи, прежній учитель русскаго языка выбылъ, а новаго опредѣлить еще не успѣли. Тогда на нѣсколько мѣсяцевъ гимназическое начальство поручило обучать насъ гимназисту Бѣлинскому. Онъ уже кончилъ (?) курсъ въ это время, но оставался въ Пензѣ, потому что не имѣлъ средствъ ѣхать въ Москву, гдѣ намѣревался поступить въ университетъ“ [2]).

Такое высокое довѣріе къ познаніямъ недавняго третьеклассника нельзя не считать фактомъ совершенно исключительнымъ. И понятно, что ученикамъ 1 класса должно было казаться, что ихъ обучаетъ человѣкъ, во всякомъ случаѣ уже „кончившій“ гимназію, а никакъ

---

[1]) Зеленецкій, Истор. Очеркъ, стр. 47.

[2]) Тамъ же и „Вѣстн. Евр.“ 1890 г. № 11, стр. 9—10.

не исключенный изъ нея за то, что по „лѣности“ не посѣщалъ классовъ.

Внѣклассная жизнь Бѣлинскаго въ Пензѣ сложилась съ тѣмъ же преобладаніемъ глубокой серьезности, которая проникла все существо его и сказывалась даже во внѣшности его, въ крупныхъ чертахъ его съ отроческихъ лѣтъ суроваго [1]) лица. „Бѣлинскій велъ жизнь замкнуто, отчужденно, не любилъ общества, чуждался товарищей“ [2]). Почти предоставленный самому себѣ и имѣя полную возможность проводить время какъ ему угодно, молодой гимназистъ предавался исключительно занятіямъ умственнымъ и жилъ интересами исключительно духовными. Когда сходился онъ съ немногими пріятелями изъ семинаристовъ старшихъ классовъ, разговоръ тотчасъ же переходилъ на вопросы литературные, богословскіе и философскіе. Знакомыхъ онъ себѣ набиралъ только такихъ, съ которыми можно было обмѣниваться мыслями и спорить. Споръ и тогда былъ для него насущною потребностью, но не какъ умственная гимнастика и предлогъ блеснуть умомъ, а какъ средство добиться истины. Мы уже знаемъ изъ воспоминаній Попова, что онъ не сдавался до тѣхъ поръ, пока у него была хоть тѣнь сомнѣнія и съ „страшною увѣренностью говорилъ: совершенно справедливо“, какъ только его въ чемъ-нибудь убѣждали.

Серьезность отвлеченныхъ интересовъ Бѣлинскаго—гимназиста и тѣхъ пріятелей, которыхъ онъ себѣ подобралъ, видна изъ переписки [3]), которую они вели между собою, когда Бѣлинскій, передъ поѣздкой въ Москву, уѣхалъ въ Чембаръ. Переписка носитъ почти исключительно литературный характеръ: друзья дѣлились между собою литературными новинками, не лѣнились переписывать другъ для друга длиннѣйшія стихотворенія и цѣлые отрывки изъ поэмъ.

Матеріальная обстановка жизни Бѣлинскаго въ Пензѣ была незатѣйлива. Первый Поповъ отмѣтилъ, что онъ „видимо былъ безъ женскаго призора, носилъ платье кое-какое, иногда съ непочиненными прорѣхами“. По воспоминаніямъ его гимназическаго товарища Иванисова [1]), „Бѣлинскій жилъ въ большой бѣдности; зимой ходилъ въ нагольномъ тулупѣ; на квартирѣ жилъ въ самой дурной части города, вмѣстѣ съ семинаристами; мебель имъ замѣняли квасные боченки“. Д. П. Ивановъ, по своему обыкновенію сглаживать неблагопріятное освѣщеніе раннихъ лѣтъ жизни своего знаменитаго родственника, протестуетъ противъ увѣреній Иванисова и объясняетъ

---

[1]) Тамъ же, стр. 45 и воспоминанія Попова въ статьѣ Лажечникова.

[2]) Воспоминанія Максимова въ „Истор. очеркѣ“ Зеленецкаго.

[3]) Пыпинъ, I, стр. 29.

[4]) „Моск. Вѣд.“ 1861 г. № 135.

показаніе его о „нищетѣ“ пензенской обстановки Бѣлинскаго тѣмъ, что Иванисовъ принадлежалъ къ богатой купеческой семьѣ. Но предоставимъ опять рѣшающій голосъ самому Бѣлинскому, который писалъ своимъ родителямъ въ 1831 году: „Вы сами знаете, какъ сладки были лѣта моего младенчества... Учась въ гимназіи, я жилъ въ бѣдности, скитался по сквернымъ квартиришкамъ, находился въ кругу людей презрѣнныхъ“ [1]).

Единственнымъ развлеченіемъ жившаго замкнутою жизнью Бѣлинскаго былъ театръ. Извѣстны вдохновенныя страницы „Литературныхъ мечтаній“, посвященныя русскому театру и начинающіяся словами: „Театръ, любите ли вы театръ такъ, какъ я люблю его, то есть, всѣми силами души вашей, со всѣмъ энтузіазмомъ, со всѣмъ изступленіемъ, къ которому только способна пылкая молодость, жадная и страстная до впечатлѣній изящнаго? Или, лучше сказать, можете ли вы не любить театръ больше всего на свѣтѣ, кромѣ блага и истины?“ Начало этой, дѣйствительно, „изступленной любви“ относится къ пензенскому періоду жизни Бѣлинскаго. Несмотря на нужду и безденежье, онъ рѣдко пропускалъ представленія пензенской труппы помѣщика Гладова. Среди извѣстныхъ въ публикѣ подъ именами Гришки, Мишки, Данилки крѣпостныхъ актеровъ (все горькихъ пьяницъ), были люди талантливые. Особенно выдавался нѣкій Гришка, очевидно по роли названный *Сулеймановымъ*, въ Сумароковскомъ „Дмитріи Самозванцѣ“. Эта пьеса въ годы отрочества настолько понравилась Бѣлинскому, что онъ ее выучилъ всю *наизусть* [2]). Такъ отдавался онъ съ первыхъ моментовъ сознательнаго существованія всякому порыву своихъ увлеченій!

На праздники и каникулы Бѣлинскій ѣздилъ въ Чембаръ, и тутъ на него иной разъ нападали припадки лихорадочной веселости. Онъ устраивалъ домашніе спектакли, въ которыхъ самъ исполнялъ разныя трагическія и комическія роли, разъ нарядился странникомъ и въ такомъ видѣ ходилъ по домамъ, затѣвалъ игры, увеселенія и т. д. Большею частью, однако, ему было не до того. Неприглядная обстановка родной семьи, вѣчныя, становившіяся все невыносимѣе и невыносимѣе ссоры родителей, загулъ отца, все это гнало его изъ дома и большую часть времени онъ проводилъ въ мирномъ домѣ Ивановыхъ, гдѣ въ лицѣ молоденькой дочки Ивановыхъ — Катерины Петровны находилъ внимательную и умную собесѣдницу. Во время студенчества онъ часто переписывался съ Ивановой, но романическаго въ ихъ отношеніяхъ ничего не было.

Въ августѣ 1829 года, преодолѣвъ нелегія денежныя препят-

---

1) «Рус. Ст.» 1876 г. т. XV, стр. 79

2) Соч., по нашему изд. т. II стр. 24.

ствія, Бѣлинскій собрался, наконецъ, въ Москву, съ цѣлью поступить въ университетъ на филологическій или, какъ онъ тогда назывался, „словесный“ факультетъ.

Кончилось отрочество, начиналась юность. Бѣлинскій вступалъ въ нее со всею неопытностью этого возраста въ вопросахъ практической жизни, но характеръ его сложился окончательно. Нравственный обликъ 19-лѣтняго Бѣлинскаго ни въ чемъ существенно не измѣнился въ позднѣйшіе годы. И красота этого облика была понятна не только другимъ, но и самому Бѣлинскому. Юноша сознавалъ цѣну своего душевнаго богатства. Какъ ни былъ онъ скроменъ и застѣнчивъ, какъ ни было ему чуждо всякое самовозвеличеніе, но ясно понимая душевную красоту во всякомъ другомъ, жадно ловя, гдѣ только можно, малѣйшій проблескъ высокихъ стремленій, Бѣлинскій не могъ же не понимать движеній собственнаго сердца. Поэтому нельзя не считать драгоцѣннѣйшимъ біографическимъ свидѣтельствомъ тѣ строки относящагося въ первымъ мѣсяцамъ пребыванія въ Москвѣ письма къ Попову, когда онъ, мимоходомъ и по другому поводу, такъ самъ себя характеризовалъ: „Имѣю пламенную, страстную любовь ко всему изящному, высокому, имѣю душу пылкую. Въ сердцѣ моемъ часто происходятъ движенія необыкновенныя, душа часто бываетъ полна чувствами и впечатлѣніями сильными, въ умѣ рождаются мысли высокія, благородныя“.

Только человѣкъ, дѣйствительно, высокой душевной чистоты и могъ рѣшиться говорить о себѣ въ такомъ тонѣ, въ которомъ—вы это ясно чувствуете — чисто личный элементъ не играетъ никакой роли. Есть только желаніе выразить всю полноту дѣйствительно до краевъ переполняющаго душу настроенія.

Въ сферѣ интеллектуальной, въ своихъ воззрѣніяхъ и взглядахъ, поступавшій въ университетъ Бѣлинскій, само собою разумѣется далеко еще не сложился. Но то, что составляетъ сущность его критическаго дарованія—ненависть къ напыщенности и вульгарности и умѣніе отличить эстетически-цѣнное отъ эстетически-ничтожнаго—сказывалось въ немъ уже и тогда вполнѣ точно и опредѣленно. Онъ, который всего нѣсколько лѣтъ тому назадъ выучилъ наизусть Сумароковскаго „Дмитрія Самозванца“, теперь, въ первомъ письмѣ къ родителямъ, описывая университетскую библіотеку, съ сокрушеніемъ замѣчаетъ: „Жалѣю, что между бюстами великихъ писателей стоятъ бюсты площадного Сумарокова, холоднаго, напыщеннаго и сухого Хераскова“ [1]). Нельзя приписать это критическое отношеніе одному только „духу Полевого и Надеждина“, который Бѣлинскій-гимназистъ „жадно впитывалъ въ себя“, по свидѣтельству Попова.

---

1) „Русская Старина“ 1876 г., т. XV, стр. 56.

Впрочемъ, „духъ"-то, пожалуй, и ихъ былъ. Но практическіе выводы принадлежали уже чутью самого Бѣлинскаго, потому что Надеждинъ именно въ 1829 году отнесся къ Сумарокову вполнѣ благосклонно, ставя его выше романтическихъ писателей [1]).

Раннее же эстетическое пониманіе Бѣлинскій выказалъ при такихъ обстоятельствахъ, которыя всякаго другого, навѣрное, заставили бы споткнуться. Въ началѣ 1830 г.,—значитъ, всего нѣсколько мѣсяцевъ послѣ того, какъ Бѣлинскій поступилъ въ университетъ,—онъ получилъ чрезвычайно лестное предложеніе: дать стихи „своего сочиненія" для альманаха „Пожинки", который Поповъ одно время собирался издавать вмѣстѣ съ Лажечниковымъ. Это приглашеніе, между прочимъ показывающее, что Поповъ, дѣйствительно, еще на школьной скамьѣ оцѣнилъ духовныя силы своего ученика, чрезвычайно взволновало Бѣлинскаго. И все же чувство уваженія къ литературѣ и критическое чутье даже по отношенію къ самому себѣ были настолько велики, что онъ, ни минуты не колеблясь, отказался отъ лестнаго предложенія. По поводу этого-то приглашенія Бѣлинскій и написалъ характеристику душевной жизни своей, которою я воспользовался выше. „Ваше желаніе", писалъ онъ Попову, „котораго я, несмотря на пламенное усердіе, не могу исполнить,—все это привело меня въ необыкновенное состояніе радости, горести и замѣшательства. Бывши во второмъ классѣ гимназіи, я писалъ стихи и почиталъ себя опаснымъ соперникомъ Жуковскаго, но времена перемѣнились. Вы знаете, что въ жизни юноши всякій часъ важенъ: чему онъ вѣрилъ вчера, надъ тѣмъ смѣется завтра. Я увидѣлъ, что не рожденъ быть стихотворцемъ и, не хотя идти наперекоръ природѣ давно уже оставилъ писать стихи. Въ сердцѣ моемъ часто происходятъ движенія необыкновенныя, душа часто полна чувствами и впечатлѣніями сильными, въ душѣ рождаются мысли высокія, благородныя—хочу ихъ выразить стихами и не могу! Тщетно трудясь, съ досадою бросаю перо. Имѣю пламенную, страстную любовь ко всему изящному, высокому, имѣю душу пылкую и, при всемъ томъ, не имѣю таланта выражать свои чувства и мысли легкими, гармоническими стихами. Рифма мнѣ не дается и, не покоряясь, смѣется надъ моими усиліями; выраженія не уламываются въ стопы" [2]).

Въ этихъ немногихъ строкахъ девятнадцатилѣтняго юноши уже

---

[1]) Въ небольшой замѣткѣ одинъ изъ пензенскихъ товарищей Бѣлинскаго Иванисовъ („Моск. Вѣд.", 1861 г., № 5) пытается доказывать, что вкусъ Бѣлинскаго въ Пензѣ былъ очень дуренъ. Но общій тонъ замѣтки свидѣтельствуетъ о такомъ умственномъ убожествѣ самого автора, что пользоваться его оцѣнками крайне рискованно.

[2]) Лажечниковъ, Сочиненія т. XII, стр. 279.

чувствуется весь послѣдующій Бѣлинскій-критикъ, съ его благороднострастнымъ стилемъ, безконечнымъ уваженіемъ къ литературѣ, тонкимъ вкусомъ и ясностью анализа.

II.

Московскій университетъ конца 20-хъ и начала 30-хъ годовъ.

Одною изъ характернѣйшихъ чертъ хода русской образованности является отсутствіе въ ней какой бы то ни было равномѣрности. Просвѣщеніе у насъ всегда возникало оазисами среди огромной пустыни нашей духовной тьмы. Вдругъ, почему-либо, въ одномъ мѣстѣ сквозь толстый покровъ некультурности прорывался свѣжій ключъ, и быстро все вокругъ зеленѣло и распускалось пышными цвѣтами. Замѣчательныя силы самой по себѣ богатѣйшей почвы получали выходъ и проявляли себя въ рядѣ подвиговъ ума и сердца. Но сплошь да рядомъ, стоило такому живоносному ключу по тѣмъ же случайнымъ причинамъ заглохнуть, чтобы опять кругомъ воцарилось безмолвіе пустыни.

Такими оазисами русскаго просвѣщенія всего чаще являлись высшія учебныя заведенія. И именно благодаря тому отсутствію равномѣрности, о которомъ я сейчасъ говорилъ, всякій изъ такихъ духовныхъ центровъ на время сосредоточивалъ въ себѣ почти *всѣ* силы эпохи. Такое центральное положеніе занимали, напр., въ началѣ 20-хъ годовъ—Лицейско-Пушкинскій кружокъ, быстро захватившій скипетръ литературы; въ эпоху великихъ реформъ—студенчество петербургскихъ высшихъ учебныхъ заведеній, изъ среды котораго вышли почти всѣ литературные дѣятели 60-хъ годовъ. А въ началѣ тридцатыхъ годовъ всѣ тѣ дѣятели эпохи Бѣлинскаго, которые дали ей свою окраску, либо учились въ московскомъ университетѣ, либо сами въ немъ учили. Изъ московскихъ студенческихъ и профессорскихъ кружковъ тридцатыхъ годовъ изошли оба главныхъ теченія новой русской мысли—славянофильство и западничество.

Я уже отмѣтилъ выше, въ общемъ очеркѣ эпохи Бѣлинскаго, что московскій университетъ находился около 1830 г. на рубежѣ новой эпохи, наканунѣ органическаго возрожденія, когда приливъ новыхъ преподавательскихъ силъ и новый духъ студенчества совершенно измѣнили патріархальную физіономію стараго университетскаго быта. Перемѣна произошла не вдругъ. Патріархальныя традиціи были еще очень сильны и въ ту эпоху, о которой сейчасъ будетъ рѣчь. Для поверхностнаго наблюдателя они даже давали окраску всей

университетской жизни. Но уже пробивались первые и очень яркіе лучи новаго отношенія къ наукѣ и задачамъ человѣческаго существованія, начинало всходить, по приведенному уже выраженію Константина Аксакова, „солнце истины“. Перемѣна происходила одновременно и въ студенчествѣ, и въ профессорскомъ персоналѣ, и трудно съ опредѣленностью сказать, кто на кого вліялъ: новое ли студенчество на профессоровъ новаго типа, или, наоборотъ, профессора новаго типа создали новое студенчество. Правильнѣе всего будетъ сказать, что тутъ происходило взаимодѣйствіе. Общимъ же источникомъ оживленія и для учащихъ, и для учащихся было литературное оживленіе конца 20-хъ годовъ, внесенное дѣятельностью Полевого, какъ отраженіемъ французскаго романтизма, и наплывомъ изъ Германіи новыхъ философскихъ идей.

Повторяю, однако, перемѣну не такъ-то было легко замѣтить. Общую окраску все-таки давалъ университетъ стараго, патріархальнаго времени, такъ какъ число профессоровъ новаго типа было еще очень невелико, а нарожденіе новаго студенчества сколько-нибудь ярко выражалось только въ образованіи нѣсколькихъ небольшихъ кружковъ.

Въ жизни большинства студентовъ буйства и „шалости“ всякаго рода занимали первенствующее мѣсто. Этотъ духъ буйнаго студенчества стараго типа, убивавшаго молодость на кутежи и безобразія, получилъ яркое выраженіе въ Полежаевской поэмѣ „Сашка“. Она даетъ крайне-неприглядную картину состоянія московскаго студенчества за два-три года до вступленія въ университетъ дѣятелей эпохи Бѣлинскаго. Тутъ не просто „шалости“, не „проказы“, а какая-то душевная загрубѣлость и азіатчина. Уже одно вступленіе къ „Сашкѣ“ коробитъ всякаго, кто привыкъ предъявлять къ литературѣ сколько-нибудь высокія требованія. Юный поэтъ-студентъ бравируетъ своимъ цинизмомъ:

Не для славы
Для забавы
Я пишу.
Одобренья
И презрѣнья
Не прошу.
Пусть кто хочетъ,
Тотъ хохочетъ,—
Я и радъ.
А развратенъ,
Непріятенъ,—
Пусть бранятъ.

Затѣмъ идетъ рядъ бытовыхъ картинъ, написанныхъ съ тѣмъ же бравированіемъ. Портретъ студента:

. . . . вотъ въ вицмундирѣ,
Держа въ рукахъ большой стаканъ,
Сидитъ съ пріятелемъ въ трактирѣ
Какой-то черненькій буянъ.
Веселье рьяное играетъ
Въ его закатистыхъ глазахъ
И сквернословіе летаетъ
На пылкихъ юноши устахъ.
Кричитъ.. пуншъ блещетъ, брыжжетъ пиво,
Графины, рюмки дребежжатъ...

и т. д. все въ томъ же мажорномъ стилѣ. Авторъ очень доволенъ своимъ сквернословящимъ героемъ и выводитъ его вмѣстѣ съ компаніей такихъ же героевъ въ публику:

И вижу въ Марьиной мы рощѣ
Блистаемъ славою своей.
Фуражки, взоры и походка,
Все дышитъ жизнью и поетъ;
Табачный ароматъ и водка
Разитъ, и пышетъ, и несетъ...
Идемъ, качаясь, величаво,
И всѣ дорогу намъ даютъ,
А дѣвы влѣво и направо
Отъ насъ со трепетомъ бѣгутъ.
Идемъ... И горе тебѣ дерзкій,
Взглянувшій искоса на насъ!
„Молчать!"—кричимъ, насупясь звѣрски,—
„Иль выбьемъ потроха какъ разъ!"
Толпа иль дамъ, иль дѣвъ стыдливыхъ
Попалась въ давкѣ тѣсной намъ,
Цѣлуемъ миленькихъ, смазливыхъ,
И харкаемъ въ глаза каргамъ.
Кричимъ, поемъ, танцуемъ, свищемъ;
Пусть дураки на насъ глядятъ.
Намъ все равно, хвалы не ищемъ,
Пусть, что угодно говорятъ.

Въ „Сашкѣ" особенно поражаетъ не столько ея порнографическій сюжетъ (студенты атакуютъ домъ терпимости) и ея непристойности, ни мало не остроумныя, сколько ея полная некультурность и разгулъ какихъ-то чисто-азіатскихъ инстинктовъ. Можно ли примѣнить эпитеты „шалости" и „проказы" къ такимъ дикимъ подробностямъ разгрома, произведеннаго студентами въ пріютѣ „дѣвъ", куда не пустили пьяную ватагу:

Какъ лютый волкъ стремится Саша
На дѣву блѣдную одну,
И распростерлася Дуняша,
Облившись кровью на полу.

Какое страшное смятенье,
И дикій вопль, и крикъ, и ревъ,
И стонъ, и жалкое моленье
Нещадно избіенныхъ дѣвъ.

Несмотря на чудовищную грубость этой „потѣхи", авторъ-студентъ заканчиваетъ ея описаніе такимъ дифирамбомъ:

Скажите, дѣвы, припѣвая:
Виватъ нашъ Сашка-молодецъ,
А я, главу сію кончая,
Скажу: ей Богу, удалецъ.

Изображая себя въ лицѣ главнаго буяна поэмы, Полежаевъ, несомнѣнно, въ значительной степени оклеветалъ самъ же себя [1]). Но тѣмъ все это характернѣе. Въ каждой этохѣ перемѣшаны самые разнообразные элементы, есть задатки всѣхъ типовъ, теченій и настроеній. Но господство получаетъ одно что-нибудь, а остальное до поры до времени прячется. Въ 60-хъ и 70-хъ годахъ въ русскомъ студенчествѣ не было недостатка въ элементахъ карьеризма, сословнаго чванства и пошлости всякаго рода, но все это пряталось и стыдилось. Напротивъ того, въ 80-хъ и 90-хъ годахъ не было недостатка въ юношахъ высокаго душевнаго строя, но обстоятельства были неблагопріятны для нихъ, и тонъ студенческой жизни задавали шикари, бѣлоподкладочники и трактирные засѣдатели. То же самое было и въ студенческіе годы Полежаева, который безспорно на себя „напускалъ", но „напускалъ" въ доминирующемъ тонѣ времени.

Исторія Полежаева относится къ 1826 году. Черезъ 3—4 года вступили въ университетъ Герценъ, Огаревъ, Бѣлинскій, Константинъ Аксаковъ и Станкевичъ. О такихъ грандіозныхъ буйствахъ уже было мало слышно, но болѣе невинныя проказы, шалости, продѣлки всякаго рода, подчасъ весьма забавныя, были въ большомъ ходу. Теперь уже едва ли даже въ старшихъ классахъ гимназіи выкидываютъ такія штуки: „Однажды, когда одинъ профессоръ, читавшій лекціи по вечерамъ, долженъ былъ прійти въ аудиторію, студенты, закутавшись въ шинели, забились по угламъ аудиторіи, слабо освѣщенной лампою, и, какъ только онъ появился, запѣли: „Се женихъ грядетъ во полунощи". Въ другой разъ на лекцію къ тому же профессору принесли воробья и во время лекціи выпустили: воробей принялся летать, а студенты, какъ будто въ негодованіи на нарушеніе порядка, принялись усердно ловить его". „Едва ли не на каждой лекціи профессора реторики Побѣдоносцева на первомъ курсѣ повто-

---

[1]) Ср нашъ этюдъ о Полежаевѣ въ нашемъ изданіи соч. Бѣлинскаго т. VII, стр. 582—595.

рялось слѣдующее. Обычный шумъ, господствовавшій въ его аудиторіи, на минуту прекращался и водворялась глубочайшая тишина; преподаватель, обрадованный необыкновеннымъ безмолвіемъ, громко начиналъ читать что-нибудь о Ломоносовѣ, или о хріи простой и извращенной; но тишина эта была самая коварная, раздавался вдругъ тихій, мелодичный свистъ,—обыкновенно мазурка или какой-нибудь другой танецъ; Побѣдоносцевъ останавливался въ недоумѣніи; музыка умолкала, а за ней слѣдовалъ взрывъ рукоплесканій и неистовый топотъ... Трудно повѣрить, что подобная продѣлка повторялась безчисленное множество разъ" [1]).

Нужно ли удивляться, что подобное студенчество не внушило особеннаго уваженія учившемуся въ то время въ московскомъ университетѣ Лермонтову? Лермонтовъ одинъ только разъ и вспомнилъ о товарищахъ. Но какъ вспомнилъ?

Хвала тебѣ, пріютъ лѣнтяевъ [2]).

Вотъ и все, что подсказала ему память при воспоминаніи о московскомъ университетѣ, который онъ безъ всякаго сожалѣнія покинулъ для школы гвардейскихъ подпрапорщиковъ.

Было ли, однако, проказничавшее московское университетское юношество совершенно лишено болѣе серьезныхъ стремленій? Отнюдь нѣтъ. Вернемся опять къ „Сашкѣ", приглядимся къ другимъ подробностямъ поэмы, и мы увидимъ, что если въ буйствѣ Полежаевскаго пошиба было много грубаго и некультурнаго, то все-таки не было и испорченности. Рядомъ съ трактирными подвигами, Полежаевъ сообщаетъ и такія подробности о своемъ героѣ:

Черты характера его:
Свобода въ мысляхъ и поступкахъ,
Не знать судьею никого,
Ни подчиненности трусливой,
Ни лицемѣрія ханжей.
. . . . . .
Сидить рѣшительно и смѣло
Умомъ своимъ о всѣхъ вещахъ,
И къ фарисеямъ въ хомутахъ
Горѣть враждой закорнѣлой.

Вѣрность этой характеристики вполнѣ подтверждается записками знаменитаго Пирогова, учившагося въ московскомъ университетѣ въ годы Полежаева. Пироговъ даетъ подробное описаніе жизни казен-

---

[1]) Пыпинъ, Бѣлинскій, стр. 63.

[2]) Строка изъ непопавшаго въ собр. соч. Лермонтова стихотворенія его, посвященнаго московск. университету. Отрывокъ изъ него приведенъ въ университетскихъ воспоминаніяхъ Г. Г. въ „Днѣ" 186 3

нокоштныхъ студентовъ, которые тогда жили въ огромныхъ общихъ комнатахъ, называвшихся „номерами". Пироговъ описываетъ № 10. Во многомъ это тѣ же безобразные кутежи и буйства, что въ „Сашкѣ". Но сюда же широкою волною вливались и другія стремленія или, по терминологіи того времени, „вольнодумство". Толковали тутъ и о предразсудкахъ общественныхъ, и о свободѣ изслѣдованія и наслышался тутъ Пироговъ такихъ вещей, что его, воспитаннаго въ патріархальныхъ понятіяхъ, „съ непривычки морозъ по кожѣ подиралъ". Стихи въ родѣ „Оды на вольность", „Къ временщику" Рылѣева, „Гдѣ тѣ острова, братцы" и т. д. ходили по рукамъ, читались съ жадностью, переписывались и перечитывались сообща, при каждомъ удобномъ случаѣ" [1]). Катастрофа, разразившаяся надъ Полежаевымъ, была вызвана именно этою стороною поэмы, а не фривольностью ея.

Мало-по-малу стремленіе Сашки

Судить рѣшительно и смѣло
Умомъ своимъ о всѣхъ вещахъ

рѣшительво возобладало, и общая духовная физіономія студенчества совершенно измѣняется. Извѣстное морализующее вліяніе оказало устройство въ университетѣ домашняго театра, на которомъ съ большимъ успѣхомъ подвизались студенты подъ руководствомъ начинавшаго становиться очень извѣстнымъ актера Щепкина. Но всего благотворнѣе вліяли явившіеся какъ результатъ общаго подъема литературные кружки. Такъ въ № 11, куда попалъ Бѣлинскій, „участники литературныхъ вечеровъ разсуждали о прочитанномъ въ журналахъ, о лекціяхъ профессоровъ и читали собственные сочиненія и переводы. Главными учредителями вечеровъ были М. Б. Чистяковъ, извѣстный впослѣдствіи педагогъ, и Бѣлинскій. Первый переводилъ тогда съ нѣмецкаго „Теорію изящныхъ искусствъ" Бахмана, которую посвятилъ студентамъ университета, и былъ секретаремъ „вечеровъ"; президента въ обществѣ не было; секретарь долженъ былъ читать въ собраніяхъ приготовленныя сочиненія; имена авторовъ не назывались— для свободы критики" [2]).

На этихъ-то вечерахъ и прочиталъ Бѣлинскій свою трагедію, за которую ему пришлось такъ сильно поплатиться.

„Умственная дѣятельность въ 11-мъ нумерѣ", разсказываетъ [3]) одинъ изъ университетскихъ товарищей Бѣлинскаго Прозоровъ, „шла бойко. Споръ о классицизмѣ и романтизмѣ еще не прекращался

---

[1]) „Русск. Старина" 1885 г., № 1.

[2]) Пыпинъ, I, стр. 50.

[3]) Въ „Библ. д. Чт.", 1859 г. № 12.

тогда между литераторами, несмотря на глубокомысленное и многостороннее рѣшеніе этого вопроса Надеждинымъ въ его докторскомъ разсужденіи о происхожденіи и судьбахъ поэзіи романтической... И между студентами были свои классики и романтики, сильно ратовавшіе между собою на словахъ. Нѣкоторые изъ старшихъ студентовъ, слушавшіе теорію краснорѣчія и поэзіи Мерзлякова и напитанные его переводами изъ греческихъ и римскихъ поэтовъ, были въ восторгѣ отъ его перевода Тассова „Іерусалима“ и очень неблагосклонно отзывались о „Борисѣ Годуновѣ“ Пушкина, только-что появившемся въ печати, съ торжествомъ указывая на глумливые о немъ отзывы въ „Вѣстникѣ Европы“. Первогодичные студенты, воспитанные въ школѣ Жуковскаго и Пушкина и не заставшіе уже въ живыхъ Мерзлякова, мало сочувствовали его переводамъ и взамѣнъ этого знали наизусть пѣсни его и безпрестанно декламировали цѣлыя сцены изъ комедіи Грибоѣдова, которая тогда еще не была напечатана. Пушкинъ приводилъ насъ въ неописанный восторгъ. Между младшими студентами самымъ ревностнымъ поборникомъ романтизма былъ Бѣлинскій, который отличался необыкновенною горячностью въ спорахъ и, казалось, готовъ былъ вызвать на битву всѣхъ, кто противорѣчилъ его убѣжденіямъ“.

Еще болѣе лестны отзывы Герцена о своихъ товарищахъ:

„Молодежь была прекрасная въ нашъ курсъ. Именно въ это время пробуждались у насъ больше и больше теоретическія стремленія. Семинарская выучка и шляхетская лѣность равно исчезли... Порядочный кругъ студентовъ не принималъ больше науку за необходимый, но скучный проселокъ, которымъ скорѣе объѣзжаютъ въ коллежскіе ассессоры. Возникшіе вопросы вовсе не относились до табели о рангахъ“ [1]).

Резюмируя вліяніе, которое оказало на него студенчество, Константинъ Аксаковъ говорилъ:

„Въ эпоху студенчества, первое, что охватывало молодыхъ людей, это—общее веселіе молодой жизни, это—чувство общей связи товарищества. Конечно, это-то и было первымъ мотивомъ студенческой жизни. Но въ то же время слышалось, хотя не сознательно, и то, что молодыя эти силы собраны все же во имя науки, во имя высшаго интереса истины... Спасительны эти товарищескія отношенія, въ которыхъ слышна молодость человѣка, и этотъ человѣкъ здѣсь не аристократъ и не плебей, не богатый и не бѣдный, а просто человѣкъ. Такое чувство равенства, въ силу человѣческаго имени, давалось университетомъ и званіемъ студента... Главная польза такого

---

[1]) „Былое и думы“.

общественнаго воспитанія заключается въ общественной жизни юношей, въ товариществѣ, въ студенчествѣ самомъ. Общественно-студенческая жизнь и общая бесѣда, возобновлявшаяся каждый день, много двигали впередъ здоровую молодость". Вслѣдъ затѣмъ Аксаковъ прибавляетъ: „Правда, „солнце истины", представляемое университетской *наукой*, свѣтило тогда тускло и холодно, но живыя, неподавленныя силы находили въ ней дорогу" [1]).

Запомнимте это сопоставленіе между вліяніемъ студенческой среды и вліяніемъ самой университетской „науки". Оно намъ сослужитъ большую службу для рѣшенія вопроса о томъ, дѣйствительно ли Бѣлинскаго можно считать „недоучившимся студентомъ", какъ утѣшали себя люди, уничтоженные силой его сарказмовъ и нападеній и только и сумѣвшіе ихъ отпарировать такимъ милымъ аргументомъ ad hominem.

Я бралъ до сихъ поръ новое московское студенчество въ основныхъ его очертаніяхъ, совершенно пока оставляя въ сторонѣ тѣ два замѣчательныхъ кружка, изъ которыхъ вышла вся новѣйшая русская литература—Станкевича и Герцена, какъ явленія исключительныя. И помимо нихъ мы можемъ послѣ всего сказаннаго констатировать, что въ годы пребыванія Бѣлинскаго въ университетѣ типъ студента-забулдыги уже не могъ считаться господствующимъ. Медленно, но систематически недавній буршъ превращался въ энтузіаста, поглощеннаго высшими стремленіями. И этой стороной университетскаго воздѣйствія пользовался, конечно, всякій студентъ, независимо отъ того, удавалось ли ему завершить пребываніе въ университетѣ полученіемъ диплома или нѣтъ.

Перейдемъ теперь къ другому фактору университетской жизни—профессорамъ и посмотримъ, въ какой мѣрѣ могъ пострадать Бѣлинскій отъ того, что ему не удалось кончить университетъ офиціально.

Въ профессорскомъ персоналѣ конца 20-хъ и 30-хъ годовъ шла тоже смѣна патріархальности и новыхъ теченій, причемъ на первый взглядъ, опять-таки, тонъ какъ-будто давало старое профессорство, не очень-то напоминавшее „жрецовъ" „храма науки". Вотъ, напр., маленькая картинка нравовъ изъ записокъ студента 20-хъ годовъ Ляликова. Привезли его родители въ Москву отдавать въ университетъ и боялись, что могутъ встрѣтиться какія-нибудь препятствія. Въ виду этого,—разсказываетъ Ляликовъ,—„ужъ не знаю почему, по слуху ли о вліятельныхъ лицахъ въ университетѣ или такъ, изъ уваженія, родители рѣшились сдѣлать визитъ со мною Н. Н. Сан-

[1]) «День», 1862 г., № 39—40.

дунову и М. М. Снегиреву. Припомните, то было время сюрпризовъ и *съ пустыми руками не ходили.* Матушка запаслась полотенцами, хорошими, съ вышивками и кружевами. Пошли сначала къ Н. Н. Сандунову. Онъ принялъ насъ оригинально и по своему ласково. Матушка поднесла полдюжины полотенецъ. Благодарилъ".

Замѣтьте, что Сандуновъ (юристъ) былъ не кто-нибудь, а звѣзда факультета и всего университета.

„Другая полдюжины полотенецъ вручена была супругѣ М. М. Снегирева, которая насъ очень обласкала, какъ и онъ самъ".

И Снегиревъ былъ одинъ изъ виднѣйшихъ представителей университетской науки.

А вотъ, какъ лечилъ профессоръ Мудровъ, одинъ изъ первыхъ практиковъ своего времени, къ дарованіямъ котораго знаменитый Пироговъ относится съ большимъ уваженіемъ. Тотъ же Ляликовъ описываетъ пріемную Мудрова: „На стѣнѣ висѣла таблица за стекломъ въ рамкѣ, съ оглавленіемъ, какимъ святымъ и отъ какой болѣзни должно служить молебны (это было написано киноварью) и затѣмъ длинный рядъ названій болѣзней на одной половинѣ листа и исчисленіе святыхъ на другой" [1]).

Ученый цензъ профессоровъ стараго типа, за небольшими исключеніями, былъ весьма малъ. Въ тѣ времена профессора не составляли самостоятельныхъ курсовъ, какъ это установилось въ 40-хъ годахъ, а читали по тому или другому переводному учебнику. Читали не словесность вообще, а „словесность *по* Бургію", „право *по* Гейнекцію" и т. д. Даже такой истинно-ученый человѣкъ, какъ Каченовскій, читалъ не всеобщую исторію, а „всеобщую исторію *по* Пелицу". Съ позднѣйшей точки зрѣнія все это ничѣмъ не отличалось отъ гимназіи, и велось преподаваніе тоже по гимназически. Очень часто профессоръ обращался къ студенту съ просьбою „повторить".

Но даже въ тѣсныхъ предѣлахъ считыванія по тощему учебнику, университетское преподаваніе стараго типа сплошь до рядомъ было великимъ курьезомъ. Пироговъ прямо пишетъ, что на нѣкоторыя лекціи студенты собирались какъ на своего рода забавный спектакль: „Теперь нельзя себѣ составить и приблизительно понятіе о томъ господствѣ комическаго элемента, который я засталъ еще въ университетѣ". Медики „ходили на лекціи своего и другого факультета нерѣдко для потѣхи. И теперь безъ смѣха нельзя себѣ представить Вас. Мих. Котельницкаго, идущаго въ нанковыхъ бланжевыхъ штанахъ въ сапоги (а сапоги съ кисточками), съ кулькомъ въ одной рукѣ и съ фармакологіею Шпренгеля, переводъ Іовскаго, подъ мыш-

---

[1]) „Русск. Арх." 1875 г., III.

кою. Это онъ, Вас. Мих. Котельницкій (проживавшій въ университетѣ), идетъ утромъ съ провизіею изъ Охотнаго ряда на лекцію. Онъ отдаетъ кулекъ сторожу, а самъ ранехонько утромъ отправляется на лекцію, садится, вынимаетъ изъ кармана очки и табакерку, нюхаетъ звучно, съ храпомъ табакъ и, надѣвъ очки, раскрываетъ книгу, ставитъ свѣчку прямо передъ собою и начинаетъ читать слово въ слово и притомъ съ ошибками. Вас. Мих. съ помощью очковъ читаетъ въ фармакологіи Шпренгеля, переводъ Іовскаго: „Клещевинное масло, oleum ricini,—китайцы придаютъ ему горькій вкусъ". Засимъ кладетъ книгу, нюхаетъ съ всхрапываніемъ табакъ и объясняетъ намъ, смиреннымъ его слушателямъ: „Вотъ, видишь ли, *китайцы* придаютъ клещевинному-то маслу горькій вкусъ". Мы между тѣмъ, смиренные слушатели, читаемъ въ той же книгѣ: вмѣсто китайцевъ—*кожицы* придаютъ ему горькій вкусъ [1]).

О такомъ же знаніи своего предмета свидѣтельствуютъ воспоминанія Герцена, учившагося на физико-математическомъ факультетѣ. Профессоръ Чумаковъ, напр., „*подгонялъ* формулы къ тѣмъ, которыя были въ курсѣ Пуансо, съ совершеннѣйшей свободой помѣщичьяго права, прибавляя, убавляя буквы, принимая квадраты за корни и x за извѣстное". Ѳ. Ѳ. Рейсъ „никогда не читалъ химіи далѣе водорода. Рейсъ попалъ въ профессора химіи потому, что не онъ, а его дядя занимался когда-то ею. Въ концѣ царствованія Екатерины старика пригласили въ Россію; ему ѣхать не хотѣлось—онъ отправилъ вмѣсто себя племянника"...

Рядомъ съ этими прямыми невѣждами, были и знающіе, но такіе чудаки, что и ихъ лекціи больше забавляли, чѣмъ научали студентовъ. Таковъ былъ, напр., изъ профессоровъ Герцена минералогъ А. Л. Ловецкій. „У него были созданы неизмѣнныя рубрики для формулярныхъ списковъ каждаго минерала, отъ которыхъ онъ никогда не отступалъ. Случалось, что характеристика иныхъ опредѣлялась отрицательно: кристаллизація—не кристаллизуется, употребленіе—никогда не употребляется, польза—вредъ, приносимый организму" [2]).

На словесномъ факультетѣ славился своимъ чудачествомъ профессоръ греческой словесности С. М. Ивашковскій, составитель весьма цѣннаго словаря. „Какъ истолкователь ученія Сократа и Платона, онъ не любилъ лжи, софизмовъ и шутокъ, которыми отличался его собратъ, преподаватель латинской стилистики. Однажды собрались наши ученые у Мерзлякова въ Сокольникахъ. Истолкователь Горація

---

1) «Русск. Старина», 1885 г., № 1.

2) «Былое и Думы», Часть I.

и Саллюстія, зная рьяную натуру своего собрата, завелъ съ нимъ какой-то споръ и всѣми мѣрами старался поддержать ложное мнѣніе. Ревнитель истины разсердился и незамѣтно скрылся. Проходитъ часа два, какъ вдругъ увидѣли Семена Мартыновича въ окно, крупно шагающаго съ фоліантомъ подъ мышкою. Вошедши въ комнату, весь въ пыли и поту, онъ съ торжествующимъ видомъ восклицаетъ, указывая на замѣченное мѣсто раскрывшагося фоліанта: „Вотъ — *будетъ* [1])—смотрите. Вѣдь я говорилъ, что моя правда". Таковъ былъ Семенъ Мартыновичъ. Нипочемъ было прошагать ему десять верстъ взадъ и впередъ, чтобы принесеннымъ изъ дома фоліантомъ опровергнуть ложную мысль, незаконно защищаемую. Но студенты, кромѣ двухъ-трехъ человѣкъ въ курсѣ, учились плохо у этого ревнителя истины, знавшаго свой предметъ, но совершенно не способнаго заинтересовать имъ своихъ слушателей, и студенты на лекціяхъ обыкновенно старались заговаривать его, чтобы сократить время занятій, имъ мудреныхъ. Лекціи не обходились безъ комическихъ подробностей, при чудачествѣ профессора, который раздражался невѣжествомъ своихъ слушателей. Всего интереснѣе были вопросы его изъ греческой словесности; онъ начиналъ, обращаясь къ которому-нибудь изъ студентовъ: „Что такое будетъ греческая словесность?"—„Поле, Семенъ Мартыновичъ", громко отвѣчалъ вопрошаемый.—„Да, будетъ, поле, но какое?" И если студентъ не вдругъ отвѣчалъ, то Ивашковскій подхватывалъ съ жаромъ и скороговоркою: „Греческая словесность, будетъ, поле, и поле обширное, будетъ"... и оставался очень доволенъ такимъ опредѣленіемъ" [2]).

Но не только изъ чудаковъ и малосвѣдущихъ, хотя и добродушныхъ людей состоялъ профессорскій персоналъ стараго типа. Были и злые невѣжды. Къ числу ихъ принадлежалъ, напр., Маловъ, виновникъ весьма громкой „маловской исторіи", разыгравшейся въ первый годъ студенчества Бѣлинскаго. Въ этой исторіи, любопытной не только для характеристики профессоровъ стараго типа, но и для характеристики новаго студенчества, принялъ руководящее участіе Герценъ, и, повидимому, до извѣстной степени за участіе въ ней, долженъ былъ оставить университетъ Лермонтовъ. „Маловъ,—разсказываетъ Герценъ въ „Быломъ и Думахъ",—былъ глупый, грубый и необразованный профессоръ въ политическомъ отдѣленіи. Студенты презирали его, смѣялись надъ нимъ. „Сколько у васъ профессоровъ

---

[1]) Любимое его слово, которое онъ говорилъ чуть не за каждымъ словомъ. Студенты называли его: въ прикуску.

[2]) Разсказъ современника (М. Б. Чистякова?), составленный для труда А. Н. Пыпина (I, стр. 64).

въ отдѣленіи?“ спросилъ какъ-то попечитель у студента въ политической аудиторіи. „Безъ Малова девять“, отвѣчалъ студентъ. Вотъ этотъ-то профессоръ, котораго надобно было вычесть для того, чтобъ осталось девять, сталъ больше и больше дѣлать дерзостей студентамъ. Студенты рѣшились прогнать его изъ аудиторіи. Сговорившись, они прислали въ наше отдѣленіе двухъ парламентеровъ, приглашая меня прійти съ вспомогательнымъ войскомъ. Я тотчасъ объявилъ) ичъ идти войной на Малова, нѣсколько человѣкъ пошло со мной: когда мы пришли въ политическую аудиторію, Маловъ былъ на-лицо и видѣлъ насъ. У всѣхъ студентовъ на лицахъ былъ написанъ одинъ страхъ: ну, какъ онъ въ этотъ день не сдѣлаетъ никакого грубаго замѣчанія? Страхъ этотъ скоро прошелъ. Черезъ край полная аудиторія была непокойна и издавала глухой, сдавленный гулъ. Маловъ сдѣлалъ какое-то замѣчаніе, началось шарканье. „Вы выражаете ваши мысли, какъ лошади, ногами“, замѣтилъ Маловъ, воображавшій, вѣроятно, что лошади думаютъ галопомъ и рысью, и буря поднялась— свистъ, шиканье, крикъ „вонъ его, вонъ его, pereat!“ Маловъ, блѣдный, какъ полотно, сдѣлалъ отчаянное усиліе овладѣть шумомъ, и не могъ; студенты вскочили на лавки. Маловъ тихо сошелъ съ каѳедры и, съежившись, сталъ пробираться къ дверямъ, аудиторія за нимъ, его проводили по университетскому двору на улицу и бросили вслѣдъ за нимъ калоши“ [1]).

Репутація Малова была настолько внѣ споровъ, что, несмотря на суровость эпохи, дѣло для студентовъ кончилось относительно пустяками, а Малова уволили отъ службы.

Изъ профессоровъ стараго типа на словесномъ факультетѣ представлялъ серьезный интересъ одинъ только историкъ Каченовскій, но онъ читалъ монотонно и сухо и разбрасывался на археологическія мелочи. Къ тому же самостоятельно онъ читалъ только русскую исторію, всеобщую же исторію весьма скучно читалъ „по Пелицу“. Мерзляковъ былъ когда-то серьезною умственною силою, но въ годы студенчества Бѣлинскаго онъ былъ настолько дряхлъ (умеръ въ 1830 г.) и такъ часто прибѣгалъ къ „чарочкѣ“, что рѣдко и читалъ. Бѣлинскій едва ли его слушалъ.

Закончимъ нашъ обзоръ профессоровъ „стараго стиля“ характернымъ разсказомъ объ одномъ изъ тогдашнихъ декановъ: „Когда требовалось отъ преподавателей, по какому руководству они будутъ читать—по своему ли собственному, или какого-нибудь извѣстнаго автора, онъ отвѣчалъ, что „будетъ читать по Пленку, что умнѣе Пленка-то не сдѣлаешься, хоть и напишешь свое собственное“. Когда,

[1]) „Былое и Думы“, часть I.

однажды, стали при немъ хвалить молодого преподавателя, только-что возвратившагося изъ Италіи, онъ отвѣчалъ: „Ну, не хвалите прежде времени, поживетъ съ нами, такъ поглупѣетъ“ [1]).

Послѣ такого признанія не покажется особенною утрировкою слѣдующая выдержка изъ письма Пушкина къ Погодину:

„Жалѣю,—писалъ Пушкинъ въ іюнѣ 1831 г.,—что вы не раздѣлались еще съ московскимъ университетомъ, который долженъ рано или поздно извергнуть васъ изъ среды своей, ибо ничего чуждаго не можетъ оставаться ни въ какомъ тѣлѣ, а ученость, дѣятельность и умъ чужды московскому университету“ [2]).

Суровъ этотъ приговоръ, отчасти даже несправедливъ, потому что нѣкоторымъ профессорамъ стараго типа, напр. Каченовскому, нельзя было отказать ни въ учености, ни въ дѣятельности, ни въ умѣ. Этотъ приговоръ и не совсѣмъ безпристрастенъ, потому что Пушкинъ былъ очень сердитъ на нападавшаго на него Каченовскаго, котораго приравнивалъ къ Тредьяковскому. Пушкинъ былъ даже сердитъ на сотрудника Каченовскаго—молодого Надеждина, который уже всецѣло принадлежалъ къ профессорству новаго типа. Но въ общемъ все-таки отзывъ Пушкина безусловно вѣренъ, и нечего удивляться тому, что галлерея невѣждъ и чудаковъ, которая продефилировала передъ нами, ничего кромѣ отрицательнаго впечатлѣнія на слушателей произвести не могла. Изъ біографіи даже такого патентованнаго ученаго, какъ Константинъ Аксаковъ, мы видимъ, что положительныхъ знаній онъ почти не вынесъ изъ университета. Онъ ихъ пріобрѣлъ впослѣдствіи.

Не вынесъ ихъ въ большемъ количествѣ и Бѣлинскій. И вліяніе университетскаго ученія на него было бы совершенно ничтожно, если бы онъ не попалъ въ эпоху смѣны стараго профессорскаго типа новымъ, когда допотопные мастодонты и ихтіозавры старой университетской формаціи мало-по-малу уступили мѣсто людямъ, стоявшимъ на высотѣ истинно-университетскихъ требованій.

Объ этой немногочисленной, но сильной талантами группѣ молодыхъ ученыхъ я скажу въ слѣдующей главѣ, въ связи съ юношескою драмою Бѣлинскаго „Дмитрій Калининъ“.

---

[1]) Пыпинъ, I, 61—62.

[2]) Барсуковъ, Жизнь и труды Погодина, т, III, стр. 308.

III.

Профессора новаго типа.

Группа профессоровъ новаго типа была ничтожна числомъ. Не безъ хронологическихъ натяжекъ и значительной снисходительности, въ нее можно включить всего на всего пять человѣкъ, которыхъ по степени вліянія, оказаннаго на студентовъ, слѣдуетъ расположить въ слѣдующемъ восходящемъ порядкѣ: Давыдовъ, Погодинъ, Шевыревъ, Павловъ, Надеждинъ.

Иванъ Ивановичъ Давыдовъ въ общемъ оставилъ по себѣ несимпатичную память въ исторіи русской литературы. Въ началѣ 40-хъ годовъ Грановскій, подвергаясь разнымъ заподозриваніямъ, объяснилъ ихъ наушничествомъ Давыдова. Въ статьяхъ своихъ того же періода Давыдовъ, и въ жизни считавшійся образцемъ низкопоклонства и угодничества, доводилъ теорію „офиціальной народности“ до крайнихъ предѣловъ ея вражды къ движенію мысли. Характеристикой еще болѣе поздняго періода его дѣятельности, когда онъ переѣхалъ въ Петербургъ и сталъ директоромъ главнаго педагогическаго института, является то, что весь ранній періодъ жизни и дѣятельности Добролюбова ушелъ на борьбу съ Давыдовымъ. Но въ началѣ своего профессорства—въ 20-хъ и самомъ началѣ 30-хъ гг., пока Давыдовъ не превратился еще въ шипящаго противъ всякой свѣжей мысли, злобно-завистливаго и низкопоклоннаго профессора-чиновника, онъ былъ человѣкъ съ извѣстными духовными запросами, съ желаніемъ внести что-то новое въ сознаніе своихъ слушателей и расширить ихъ кругозоръ. Въ схоластику прежняго преподаванія „словесности“ онъ внесъ элементъ философскій и былъ однимъ изъ самыхъ раннихъ у насъ пропагандистовъ шеллингіанства. Знанія его были весьма разнообразны: онъ послѣдовательно занималъ съ большимъ блескомъ каѳедры философіи, латинской словесности, высшей алгебры и, наконецъ, русской словесности. Правда, и въ ранніе годы въ немъ чувствовался не столько дѣйствительный интересъ къ научнымъ изслѣдованіямъ, сколько желаніе блеснуть и щегольнуть. Даже такой не слишкомъ-то „горячій“ слушатель его, какъ Гончаровъ, отмѣчаетъ, что „въ обществѣ его принимали за то, чѣмъ онъ хотѣлъ казаться, но мы, юноши, чутко прозирали въ немъ что-то искусственное, декоративное“ [1]). Но все же отъ его лекцій уже не пахло гимназіей и слу-

---

[1]) *Гончаровъ*, соч. т. IX, стр. 30.

шатель вводился въ кругъ знаній и движенія общеевропейской мысли.

Основныя черты духовной физіономіи Погодина уже намѣчены выше, въ общемъ обзорѣ эпохи Бѣлинскаго. Теперь же, спеціально о немъ какъ о профессорѣ, прибавлю, что въ его отношеніи къ своимъ лекціямъ ярко сказалось новое теченіе университетскаго преподаванія. Если мы обратимся къ дневнику Погодина, выдержки изъ котораго въ такомъ изобиліи приведены въ трудѣ Н. П. Барсукова, то увидимъ, что онъ послѣ долгихъ лѣтъ профессорства все-таки тщательнѣйшимъ образомъ готовился къ каждой лекціи, иногда просиживая цѣлыя ночи. Вотъ это-то тщательное подготовленіе, вмѣсто обычнаго считыванія со старыхъ тетрадокъ, въ незапамятныя времена составленныхъ, и выдѣляло его изъ общаго уровня профессоровъ стараго типа. Студенты, чуткіе ко всякой добросовѣстности, цѣнили старанія Погодина. Бѣлинскій въ первый періодъ дѣятельности своей, когда еще у него были свѣжи университетскія впечатлѣнія, относился къ Погодину благосклонно, и если кое-что и порицалъ въ его дѣятельности, напримѣръ, неодобрительно отнесся къ его учебнику русской исторіи, то съ точки зрѣнія очень большихъ требованій. Цѣлыхъ 50 лѣтъ спустя, одинъ изъ его слушателей, и притомъ слушатель совсѣмъ особаго рода—Я. И. Костенецкій, еще студентомъ сосланный за политическую исторію,—отозвался въ своихъ запискахъ о Погодинѣ съ чрезвычайною похвалою: „Его свѣтлыя и новыя идеи, тогда еще нигдѣ не появлявшіяся въ печати, возбуждали самое напряженное вниманіе къ каждому его слову, и тишина на лекціяхъ его была невозмутимая“ [1]).

Еще большее впечатлѣніе производилъ въ началѣ своей профессорской дѣятельности Шевыревъ. Онъ только-что вернулся тогда изъ Италіи и, насколько это было доступно сухо-педантскому темпераменту его, былъ полонъ воодушевленія европейскою культурою. Онъ не только не провозглашалъ еще, что Западъ сгнилъ, а, напротивъ того, широкимъ примѣненіемъ сравнительнаго метода любовно вводилъ слушателей въ исторію западно-европейскихъ литературныхъ движеній. Живымъ отголоскомъ общаго впечатлѣнія первыхъ лѣтъ университетской дѣятельности Шевырева является то мѣсто „Литературныхъ мечтаній“, гдѣ Бѣлинскій коснулся дѣятельности Шевырева, какъ поэта и переводчика. Бѣлинскій высказалъ при этомъ большую проницательность, первый отмѣтивъ, хотя и въ очень сдержанныхъ выраженіяхъ, преобладаніе въ Шевыревѣ „усилій ума“ надъ „горячимъ вдохновеніемъ“. Это было, между прочимъ, причиною

---

[1]) „Рус. Арх.“ 1887 г. № 2, стр. 231.

того, что привыкшій тогда къ единодушнымъ похваламъ Шевыревъ, съ большими похвалами говорившій о появлявшейся по частямъ въ „Молвѣ“ статьѣ Бѣлинскаго, вдругъ круто измѣнилъ свое мнѣніе о ней. Но въ общемъ все-таки Бѣлинскій говорилъ о Шевыревѣ, какъ объ одномъ „изъ молодыхъ замѣчательнѣйшихъ литераторовъ нашихъ, съ раннихъ лѣтъ своей жизни предавшемся наукѣ и искусству, съ раннихъ лѣтъ выступившемъ на благородное поприще дѣйствованія въ пользу общую“, „обогащенномъ познаніями, коротко знакомомъ со всеобщею исторіею литературъ, что доказывается многими его критическими трудами, и, особенно, отлично исполняемою имъ должностью профессора при московскомъ университетѣ“.

Крупная роль, которую сыгралъ въ исторіи русскаго просвѣщенія вообще и умственнаго развитія кружка Бѣлинскаго въ частности профессоръ физики, минералогіи и сельскаго хозяйства М. Г. Павловъ, можетъ служить яркою иллюстраціей къ тому, что я говорилъ въ общемъ очеркѣ эпохи по поводу мнимаго „извращенія“ у насъ въ сороковыхъ годахъ гегельянства. Къ какимъ ложнымъ выводамъ придетъ изслѣдователь, если приступить къ исторіи данной научной дисциплины въ Россіи, не принявъ при этомъ въ соображеніе, что у насъ относятся къ наукѣ не просто какъ къ наукѣ, „объективно“ и съ желаніемъ *спеціализироваться*, а ищутъ въ ней по преимуществу общихъ руководящихъ началъ. Вотъ, напр., почтенный профессоръ физики Ѳ. Ѳ. Петрушевскій, по своей спеціальности не обязанный быть знакомымъ съ исторіей русской общественности, беретъ „основанія физики“ Павлова, вышедшія 60 лѣтъ тому назадъ, разсматриваетъ [1]) ихъ an und für sich и остается чрезвычайно недоволенъ: книга „отличается полнымъ отсутствіемъ приложенія математики къ анализу, а взамѣнъ того авторъ трактуетъ теоріи съ точки зрѣнія натуръ-философовъ“. Почему такъ преступно въ эпоху, когда „натуръ-философія“ еще нимало не была сдана въ архивъ, примкнуть къ ней, я не совсѣмъ понимаю. Еще черезъ 60 лѣтъ, когда изслѣдователь будетъ давать отзывъ о курсахъ физики 80-хъ и 90-хъ годовъ, онъ, вѣроятно, столь же неодобрительно отнесется къ ея атомистическимъ основаніямъ и другимъ подобнымъ теоріямъ современной „положительной“ физики. Но не въ этомъ, впрочемъ, дѣло. Конечно, Павловъ, имѣя возможность примкнуть къ точной школѣ физики Біо, чѣмъ его дальше упрекаетъ въ своей замѣткѣ Ѳ. Ѳ. Петрушевскій, научно былъ неправъ, увлекшись Океномъ и мистическою натуръ-философіею. И все же, какъ далекъ его суровый критикъ отъ истины, какъ невѣрно изобразилъ онъ роль Пав-

---

[1]) „Энцикл. Словарь“ *Брокгаузъ-Ефрона*, т. XXII, стр. 569.

лова въ исторіи русской научной мысли, когда говоритъ: „Ни Велланскій [1]), ни Павловъ не способствовали развитію изученія физики въ нашемъ отечествѣ“. Напротивъ того, оставляя въ сторонѣ *только туманнаго* Велланскаго, про Павлова нужно сказать, что онъ чрезвычайно много способствовалъ изученію физическихъ явленій, если и не прямо, то косвенно, пріохотивъ университетское юношество къ самому изученію естественныхъ наукъ. Можетъ быть, въ самомъ тѣсномъ смыслѣ для физики онъ и мало сдѣлалъ, но для всего дѣла изученія природы въ Россіи сдѣлалъ чрезвычайно много. До Павлова естественныя науки въ общемъ представленіи русской публики и студенчества были безпорядочнымъ сборомъ отдѣльныхъ фактовъ, чѣмъ-то въ родѣ кунсткамеры разныхъ курьезовъ и раритетовъ. Павловъ первый внесъ въ сознаніе общества и молодежи представленіе о естествовѣдѣніи, какъ наукѣ обобщающей и философской. До него у насъ изъ-за деревьевъ лѣса не видѣли, за отдѣльными травками и козявками, за отдѣльными явленіями физическими терялось общее представленіе о великой книгѣ природы. Павловъ, проникшись философіей Шеллинга, съ ея основнымъ объединяющимъ принципомъ, первый изъ представителей университетскаго преподаванія прочно внѣдрилъ понятіе объ единствѣ физическихъ силъ, а это уже, конечно, понятіе не только „натуръ-философское“. Въ той *первоначальной* стадіи, въ которой при Павловѣ находился у насъ интересъ къ естественнымъ наукамъ, еще рано было бросать сѣмена спеціальныхъ знаній, надо было расчищать самую ниву научнаго „дѣланія“. Чтобы понять это піонерское значеніе Павлова, надо судить не абсолютно, а въ исторической перспективѣ, и если мы обратимся къ свидѣтельству современниковъ, то и увидимъ, что въ дѣйствительности натуръ-философія Павлова не только не затемняла умы слушателей, а, напротивъ того, сообщала имъ замѣчательно *ясное* міросозерцаніе. Причина лежала въ талантливости Павлова и въ томъ, что онъ не просто вѣщалъ съ чужого голоса, а органически проникся самъ натуръ-философскими абстракціями, казавшимися ему, поэтому, чѣмъ-то вполнѣ конкретнымъ. „Павловъ,— вспоминаетъ Герценъ,—излагалъ ученіе Шеллинга и Окена съ такой пластической ясностью, которую никогда ни имѣлъ не одинъ натуръ-философъ. Физикѣ было мудрено научиться на его лекціяхъ, сельскому хозяйству невозможно [2]), но его курсы были чрезвычайно полезны. Павловъ стоялъ въ дверяхъ физико-математическаго отдѣ-

---

[1]) Физикъ-шеллингіанецъ, профессоръ Мед.-Хир. Академіи.

[2]) Проф. Совѣтовъ гораздо благосклоннѣе смотритъ на роль Павлова въ исторіи распространенія въ Россіи спеціально-агрономическихъ знаній. См. „Энциклоп. Словарь“ Брокгаузъ-Ефрона, т. XXII, стр. 569.

ленія и останавливалъ студента вопросомъ: „Ты хочешь знать природу? Но что такое природа? Что такое знать? Это чрезвычайно важно; наша молодежь, вступающая въ университетъ, совершенно лишена философскаго подготовленія, одни семинаристы имѣютъ понятіе объ философіи, совершенно превратное“ [1]). И молодежь отлично поняла, что „это чрезвычайно важно“. Студенты всѣхъ факультетовъ съ величайшимъ интересомъ слушали Павлова. „Значительная часть аудиторіи словеснаго отдѣленія спускалась однимъ этажемъ ниже, въ скромную залу физико-математическаго, и наполняла ее биткомъ“ [2]). Юристъ Костенецкій „постоянно посѣщалъ лекціи физика Павлова не по обязанности, а добровольно“. И что самое важное, эти лекціи не затуманивали его сознанія, а, напротивъ того, открывали широкія и ясныя перспективы. „Павловъ имѣлъ удивительный даръ излагать лекцію ясно, въ высшей степени логично, безъ всякихъ краснорѣчивыхъ или напыщенныхъ фразъ, но просто и вразумительно до невѣроятности. Каждая его лекція запечатлѣвалась твердо въ памяти и ее очень легко можно было повторить всю наизусть, такъ послѣдовательно истекала одна мысль изъ другой. До поступленія въ университетъ, въ гимназіи всѣ науки преподавались намъ чисто-механически: мы затверживали только факты, объ идеяхъ и помину не было, и когда я прослушалъ первую лекцію Павлова, то я былъ необыкновенно пораженъ, какъ будто какая-то завѣса спала съ ума, и въ головѣ моей засіялъ новый свѣтъ. Предо мною открылся новый міръ идей, новый взглядъ науки...“ [3]).

Дать этотъ-то общій взглядъ на науку и есть задача университетскаго преподаванія. Важенъ методъ, умѣніе научно мыслить.

Какъ отразились лекціи Павлова непосредственно на Бѣлинскомъ, прямыхъ указаній нѣтъ. Но зато извѣстно, что онѣ произвели огромное впечатлѣніе на Станкевича, а это одно и то же. Главнымъ образомъ, Бѣлинскій пріобрѣталъ знанія въ томъ, стоившемъ, по превосходному выраженію М. М. Попова, „цѣлой Сорбонны“ университетѣ, который назывался „кружокъ Станкевича“.

Но наиболѣе рѣшительное вліяніе изъ всѣхъ профессоровъ новаго типа оказывалъ Надеждинъ. Я сейчасъ ничего не скажу о Надеждинѣ вообще, потому что характеристикѣ его литературной дѣятельности будетъ посвящена одна изъ слѣдующихъ главъ. Надеждинъ въ исторіи духовной жизни Бѣлинскаго занимаетъ первенствующее мѣсто по той тѣснѣйшей связи, которую принято устанавливать между лите-

---

[1]) „Былое и Думы“, ч. III.

[2]) *Анненковъ*, Воспоминанія, т. III, стр. 285.

[3]) „Русск. Архивъ“ 1887 г. № 2, стр. 230.

ратурною дѣятельностью редактора „Телескопа“ и его молодого сотрудника. Принято думать, что весь первый періодъ дѣятельности Бѣлинскаго долженъ быть названъ „Надеждинскимъ“. Я съ этимъ согласиться не могу и постараюсь подтвердить свое мнѣніе фактами [1]). Теперь же я собственно отмѣчу только значеніе Надеждина, какъ профессора.

Воспоминанія бывшихъ слушателей Надеждина о его лекціяхъ носятъ прямо восторженный характеръ. Одинъ изъ нихъ говоритъ, что „часы, проведенные имъ на этихъ лекціяхъ, принадлежатъ къ лучшимъ часамъ его жизни, и воспоминаніе о нихъ онъ лелѣетъ въ своей памяти, какъ золотой сонъ“ [2]). Станкевичъ говорилъ Константину Аксакову, что Надеждинъ „много пробудилъ въ немъ своими лекціями и что если онъ (Станкевичъ) будетъ въ раю, то Надеждину за то обязанъ“. Ужъ на что уравновѣшенный человѣкъ Гончаровъ, а посмотрите, въ какомъ тонѣ говоритъ онъ о лекціяхъ Надеждина: „Какъ профессоръ, онъ былъ намъ дорогъ своимъ вдохновеннымъ, горячимъ словомъ, которымъ вводилъ насъ въ таинственную даль древняго міра, передавая духъ, бытъ, исторію и искусство Греціи и Рима. Чего только не касался онъ въ своихъ импровизированныхъ лекціяхъ! Онъ читалъ на память, не привозя никакихъ записокъ съ собою. Память у него была изумительная. Онъ одинъ замѣнялъ десять профессоровъ. Излагая теорію изящныхъ искусствъ и археологію, онъ излагалъ и общую исторію Египта, Греціи и Рима. Говоря о памятникахъ архитектуры, о живописи, о скульптурѣ, наконецъ, о творческихъ произведеніяхъ слова, онъ касался и исторіи философіи. Изливая горячо, почти страстно передъ нами сокровища знанія, онъ училъ насъ и мастерскому владѣнію рѣчи. Записывая только однѣ его лекціи, можно было научиться чистому и изящному складу русскаго языка“ [3]).

Есть отзывы и не столь восторженные. Такъ, Константинъ Аксаковъ, нимало не отрицая, впрочемъ, огромнаго впечатлѣнія, произведеннаго на студентовъ блестящими импровизаціями Надеждина, въ которыхъ университетское юношество чутко ловило „воздухъ мысли“, вмѣстѣ съ тѣмъ увѣряетъ, что „молодое поколѣніе, съ жадностью и благодарностью обратившееся къ Надеждину, скоро увидѣло, что ошиблось въ своемъ увлеченіи. Надеждинъ не удовле-

---

[1]) Намѣреніе это въ извѣстной степени приведено въ исполненіе въ примѣчаніяхъ къ I тому моего изданія Бѣлинскаго, т. I, стр. 397—414. Ср. также въ этомъ изданіи т. IV, прим. 114; т. V пр. 10, 12, 118; т. VI, прим. 162, 164.

[2]) „Истор. Вѣст.“ 1889 г., № 8, стр. 318.

[3]) *Гончаровъ.* Сочиненія, т. IX, стр. 28.

творилъ серьезнымъ требованіямъ юношей; скоро замѣтили сухость его словъ, собственное безучастіе къ предмету и недостатокъ (?) серьезныхъ знаній". Въ этомъ отзывѣ ужасно много и ретроспективности и прямой несправедливости. „Недостатокъ серьезныхъ знаній" студенты уже никакимъ образомъ не могли замѣтить. Не только потому, что не имъ было объ этомъ судить, но и потому, что это совершенно невѣрное утвержденіе. Знаній у Надеждина была пропасть, больше чѣмъ у кого-либо изъ другихъ профессоровъ. Что касается „сухости" и „безучастія къ предмету", то, конечно, оба эти качества составляютъ основу духовной природы Надеждина. Но при внѣшней живости Надеждина надо было уже обладать очень большою проницательностью, чтобы разглядѣть его индифферентизмъ. Даже такому чуткому ко всякой неискренности наблюдателю, какъ Бѣлинскій, это стало ясно очень поздно и тогда, когда ссылка и желаніе реабилитировать себя вынудили Надеждина обнаружить дѣйствительную сущность своего душевнаго склада.

Аксаковъ писалъ свои воспоминанія очень поздно, въ 1855 году, и просто не сумѣлъ отдѣлить своихъ позднѣйшихъ представленій. Всѣ остальныя свидѣтельства о Надеждинѣ-профессорѣ, какъ тѣ прямыя, которыя приведены выше, такъ и разныя мимоходныя въ воспоминаніяхъ старыхъ московскихъ студентовъ, единодушно и единогласно говорятъ объ огромномъ и благодѣтельномъ вліяніи лекцій Надеждина, впервые давшаго своимъ слушателямъ стройную, философски-обоснованную систему эстетическаго пониманія литературы и искусства.

Если брать студентовъ вообще всѣхъ факультетовъ, то въ ряду профессоровъ новаго типа, по степени оказаннаго на студентовъ вліянія, Надеждина и Павлова надо поставить рядомъ. Но спеціально для словесниковъ, которые Павлова не могли слушать систематически и постоянно, первенствующее значеніе имѣлъ Надеждинъ. Съ германскою философіею, вліяніе которой дало основную окраску тридцатымъ годамъ, ознакомилъ словесниковъ больше всѣхъ Надеждинъ.

Человѣкъ въ молодости всегда благодаренъ за всякое добро, ему оказываемое, и на все готовъ смотрѣть оптимистически, если есть только малѣйшее основаніе. Вотъ почему тѣхъ немногихъ профессоровъ новаго типа, силуэты которыхъ я пытался набросать выше, было достаточно, чтобы въ представленіи студентовъ-сверстниковъ Бѣлинскаго дать общую благопріятную окраску всему университетскому преподаванію того времени. Прибавьте къ этому отмѣченныя

въ предыдущей главѣ отрадныя, бодрящія и плодотворныя впечатлѣнія, которыя давало студенчество новаго типа, и вы поймете, почему общій тонъ всѣхъ безъ исключенія студенческихъ воспоминаній объ интересующемъ насъ періодѣ чрезвычайно повышенъ. Ярче всѣхъ отразилъ это восторженное отношеніе Герценъ. Двадцать лѣтъ спустя, изгнанникомъ вспоминая годы студенчества, онъ ихъ заканчиваетъ такимъ лирическимъ изліяніемъ:

„Alma Mater! Я такъ много обязанъ университету и такъ долго послѣ курса жилъ его жизнью, съ нимъ, что не могу вспомнить о немъ безъ любви и уваженія. Въ неблагодарности онъ меня не обвинитъ, по крайней мѣрѣ въ отношеніи къ университету легка благодарность, она нераздѣльна съ любовью, съ свѣтлымъ воспоминаніемъ молодого развитія... и я благословляю его изъ дальней чужбины“.

Не слѣдуетъ думать, что въ этомъ любовномъ отношеніи играетъ главную роль обаяніе воспоминаній о той порѣ, когда человѣку дороги и новы „всѣ впечатлѣнья бытія“. Нѣтъ, тутъ есть нѣчто спеціально московскому университету принадлежащее. Въ воспоминаніяхъ о петербургскомъ университетѣ тѣхъ же лѣтъ нѣтъ ничего подобнаго. Грановскій и Тургеневъ вышли изъ петербургскаго университета и никакой нѣжности къ своей alma mater не вынесли.

IV.

Юношеская драма Бѣлинскаго.

Бѣлинскому пришлось натерпѣться не мало страха, пока его зачислили студентомъ. Онъ не запасся метрическимъ свидѣтельствомъ, безъ котораго ректоръ Двигубскій не хотѣлъ принимать его прошенія; отецъ, несмотря на обѣщаніе, это свидѣтельство почему-то не высылалъ, и былъ моментъ, когда Бѣлинскому казалось, что „надежда потеряна“. Онъ однако твердо рѣшилъ въ Чембаръ не возвращаться, гдѣ, какъ мы сейчасъ увидимъ, его молодое и потому особенно чувствительное самолюбіе было чѣмъ-то очень оскорблено. „Лучше соглашусь умереть съ холода и голода среди московскихъ улицъ, или просить милостыню подъ окнами, нежели ѣхать къ вамъ въ „Чембаръ“. Онъ не хотѣлъ „быть предметомъ посмѣянія и насмѣшекъ всего города“.

Дѣло, однако, уладилось. Свидѣтельство получилось, экзаменъ Бѣлинскій выдержалъ хорошо, судя по тому, что его вскорѣ приняли на казенный „коштъ“. Бѣлинскій былъ особенно доволенъ тѣмъ, что

поступилъ безъ всякой протекціи. Онъ изъ дому, правда, запасся двумя рекомендательными письмами: къ генералу Дурасову и къ Лажечникову (отъ М. М. Попова). Но Дурасовъ ничего не сдѣлалъ, а Лажечниковъ, хотя и просилъ двухъ профессоровъ, которые должны были экзаменовать Бѣлинскаго, но на самомъ дѣлѣ онъ экзаменовался у другихъ профессоровъ. Съ большою радостью извѣщалъ Бѣлинскій родителей о благопріятномъ оборотѣ своихъ дѣлъ и при этомъ не могъ удержаться отъ тщеславнаго чувства. „Итакъ, я теперь студентъ и состою въ XIV классѣ, имѣю право носить шпагу и треугольную шляпу". Странная фраза въ устахъ Бѣлинскаго, мало вяжущаяся съ общимъ обликомъ его, но вѣдь совсѣмъ отъ среды не уйдешь. Цѣлыхъ шесть лѣтъ спустя, его ровесникъ— „небесный" Станкевичъ, уже кончившій университетъ, уже вполнѣ опредѣлившійся какъ душевный и интеллектуальный типъ, не могъ удержаться отъ того, чтобы не сообщить съ большимъ удовольствіемъ своему другу Невѣрову, что по должности попечителя уѣзднаго училища у него будетъ очень красивый мундиръ. Впрочемъ, и то сказать, Бѣлинскій писалъ людямъ, передъ которыми онъ въ чемъ-то долженъ былъ реабилитировать себя и, конечно, доказательствами, подходящими къ ихъ пониманію: чиномъ, шпагой, треуголкой. Очевидно, что оставленіе гимназіи и почти годовое „праздношатаніе" поселили недовѣріе къ нему. Этимъ объясняется и другое мѣсто въ перепискѣ съ родителями, полное совершенно чуждой Бѣлинскому даже въ самые ранніе годы его хвастливости: „Я думаю, въ вашемъ *преслоѣутомъ* (курсивы Бѣлинскаго, Чембарѣ) очень удивляются, что я принятъ въ императорской московскій университетъ *студентомъ*. Впрочемъ, я очень мало дорожу мнѣніемъ чембарцевъ. Ежели меня не умѣли оцѣнить въ *Чембарѣ*, то оцѣнили въ Москвѣ. Я думаю всѣмъ вѣстимо, что между Чембаромъ и Москвою есть небольшая разница, и что между чембарскими жителями и московскими профессорами есть *маленькое разстояньице*. О, Чембаръ, пресловутый Чембаръ!!!» [1]).

Долженъ я вообще замѣтить, что переписка Бѣлинскаго съ родителями [2]) вся носитъ какой-то совсѣмъ особенный характеръ. Бѣлинскаго въ этой перепискѣ точно подмѣнили. Нѣтъ ни блеска слога, почти нѣтъ и слѣдовъ того удивительнаго огня, который дѣлаетъ переписку Бѣлинскаго лучшею частью его духовнаго наслѣдства. Все какіе-то мелкіе счеты, попреки и исключительно частные

---

[1]) «Русск. Ст.» т. XV, стр. 53.

[2]) Всѣ дальнѣйшія выдержки изъ переписки съ родителями взяты тоже изъ XV тома «Русск. Ст.».

интересы. Но, конечно, весь этотъ тонъ надо отнести исключительно на счетъ лицъ, съ которыми велась переписка. Мы знаемъ письмо Бѣлинскаго къ Попову, отъ того же времени имѣются письма его къ Ивановымъ: тамъ Бѣлинскій—настоящій. Ивановымъ молодой студентъ сообщалъ о литературныхъ собраніяхъ своего кружка, а матери и отцу —какъ его надули при покупкѣ чемодана, какія кушанья даютъ казеннокоштнымъ студентамъ и т. п. Попробовалъ онъ разъ описать имъ игру Мочалова, прибавивъ въ концѣ: „Если вамъ будетъ пріятно сіе слабое описаніе московскаго театра, то я буду вамъ писать о семъ подробнѣе“. Оказалось однако, что это родителямъ не только не было „пріятнымъ“, а вызвало попреки. Отецъ, видимо, просто промолчалъ, а мать написала, что лучше бы сынъ, вмѣсто театра, обошелъ „всѣ соборныя московскія церкви“. Послѣ такого ласковаго отклика, Бѣлинскій уже ограничивался краткими реляціями чисто-фактическаго свойства, да препирательствами изъ-за денегъ, которыя родители крайне скудно ему высылали. Повторяю, никакъ нельзя ставить этотъ мелкій тонъ въ вину Бѣлинскому сыну. И кремень даетъ искру только тогда, когда его надлежащимъ образомъ высѣкаютъ.

Бѣлинскому первые мѣсяцы пришлось намучиться не мало. Небольшія деньги, привезенныя изъ дому, быстро таяли. Съ неопытнаго и ничего не понимавшаго въ практической жизни провинціала часто драли въ тридорога, да еще за гниль, которую чрезъ нѣсколько дней приходилось выбрасывать. А затѣмъ онъ и позволялъ себѣ „роскошь“ не совсѣмъ по карману: покупалъ, напр., какую-нибудь едва ли особенно ему нужную ариѳметику Войцѣховскаго за два рубля, т. е. за сумму, въ которую ему обходилась ѣда въ теченіе цѣлой недѣли. Эта страсть тратить деньги на „роскошь“ подобнаго рода осталась у него на всю жизнь. У Панаева есть разсказъ, какъ слывшій у людей, не видѣвшихъ его, „циникомъ“ Бѣлинскій разъ употребилъ почти весь полученный за большую статью гонораръ на то, чтобы накупить великолѣпнѣйшихъ цвѣтовъ, а затѣмъ цѣлый мѣсяцъ жилъ чуть что не впроголодь.

Чтобы покрыть дефициты, приходилось опять обращаться къ родителямъ, а это было куда какъ не весело. И деньги получались только послѣ повторенныхъ просьбъ съ такого рода аргументами: „Я думаю, что вы, несмотря на мои ошибки, все еще мнѣ отецъ и не допустите сына своего умереть съ голоду“, и сопровождались присылки несноснѣйшими попреками.

Около новаго 1830 года просьба Бѣлинскаго быть принятымъ на „казенный коштъ“ была, наконецъ, уважена. На первыхъ порахъ Бѣлинскій былъ просто въ восторгѣ. Онъ, очевидно, такъ набѣдство-

вался, проѣдая, вкупѣ съ двумя товарищами, по рублю ассигнацій въ день и снимая конуру у какого-то портного, что его приводило въ восхищеніе даже то, что въ „отлично-хорошихъ номерахъ“, гдѣ помѣщалось человѣкъ по 12 студентовъ, „у каждаго студента своя кровать, свой столъ и своя табуретка“. У портного, надо думать, не у каждаго изъ жильцовъ была своя кровать и свой табуретъ. Завтракъ студентамъ давался великолѣпнѣйшій: булка и стаканъ молока. Воскресные обѣды совершенно лукулловскіе: „Бываютъ пироги, жаркое, какое-нибудь пирожное“. Въ обыкновенные дни, значитъ, жаркого не было. Сервировка тоже удивительная: „Для *всякаго* студента особенный приборъ“ и даже особая салфетка. Особенно забавенъ паѳосъ Бѣлинскаго по поводу общаго вида студенческой столовой: „Увидя столы, накрытые снѣговыми скатертями, на которыхъ поставлены миски, блюда, *графины съ квасомъ*, приборы въ величайшемъ порядкѣ, можно подумать, что это приготовленъ обѣдъ для гостей *какого-нибудь богача* по случаю праздника, бала или чего-нибудь подобнаго“.

Восторги „казеннымъ коштомъ“ длились недолго. Къ началу новаго учебнаго 1830—1331 года отношеніе Бѣлинскаго къ этому „кошту“ круто измѣняется. Бѣлинскій только что вернулся изъ вакаціонной поѣздки въ Чембаръ, куда выбрался не безъ большихъ затрудненій: онъ писалъ родителямъ, что хотѣлъ бы ихъ повидать, а нѣжные родители ему отписали, что если онъ, дѣйствительно, желаетъ видѣться съ ними, то самъ и найдетъ средства. Вѣроятно, вслѣдствіе того, что ему удалось осуществить свое намѣреніе очень поздно—въ концѣ іюня, Бѣлинскій вернулся изъ отпуска тоже очень поздно—въ срединѣ сентября, когда лекціи уже начались, и это сразу поставило его въ дурныя отношенія къ начальству. Университетскія власти всецѣло еще принадлежали къ людямъ стараго университетскаго типа, смотрѣвшимъ на студентовъ, какъ на школьниковъ, обращавшимся съ ними на *ты* и весьма мало съ ними церемонившимся. Были возможны такіе эпизоды: Бѣлинскій „передъ окончаніемъ холеры“ осени 30-го года не ночевалъ ночи двѣ или три въ университетѣ, что возбранялось правилами. Приходитъ онъ затѣмъ къ новому инспектору Щепкину и „онъ начинаетъ меня ругать“, пишетъ Бѣлинскій родителямъ, „говоритъ, что меня за это онъ отдастъ, какъ какую-нибудь *каналью*, въ солдаты и, наконецъ, съ презрѣніемъ началъ выгонять изъ своихъ комнатъ“. Этотъ новый инспекторъ завелъ цѣлый рядъ стѣсненій и неудобствъ. Матеріальная обстановка казеннаго кошта, которымъ такъ восхищался на первыхъ порахъ Бѣлинскій, тоже чрезвычайно ухудшилась. „Пища въ столовой такъ мерзка, такъ гнусна, что невозможно ѣсть. Я уди-

вляюсь, какимъ образомъ мы уцѣлѣли отъ холеры, питаясь пакостною падалью, стервятиной и супомъ съ червями". Все это вмѣстѣ породило въ Бѣлинскомъ все болѣе и болѣе крѣпнувшую рѣшимость „сорваться съ казеннаго кошта". Подъ первымъ же впечатлѣніемъ заведенныхъ Щепкинымъ новыхъ порядковъ и въ особенности грубаго выговора за просрочку отпуска, онъ пишетъ родителямъ: „Я теперь нахожусь въ такихъ обстоятельствахъ, что лучше бы согласился быть подъячимъ въ чембарскомъ земскомъ судѣ, нежели жить на этомъ каторжномъ, проклятомъ казенномъ коштѣ. Если бы я прежде зналъ, каковъ онъ, то лучше бы согласился наняться кому-нибудь въ лакеи и чищеніемъ сапогъ и платья содержать себя, нежели жить на немъ".

Мысль его теперь вся сосредоточивается на томъ, чтобы уйти съ казеннаго кошта. Но какъ? Разсчитывать на родителей было еще горше, и вотъ нашъ тонкій дѣлецъ останавливается на чрезвычайно практичномъ проектѣ. Онъ напишетъ драму, сюжетъ которой вертится у него въ головѣ, благодаря ей „разживется казною" и „употребитъ оную на то, чтобы сорваться съ казеннаго кошта, который такъ сладокъ, что при одномъ воспоминаніи объ ономъ текутъ изъ глазъ не водяныя, а кровавыя слезы".

Осуществленію „предпріятія" отчасти содѣйствовала холера. Казеннокоштныхъ студентовъ не выпускали изъ университета и для „разсѣянія отъ скуки я и еще человѣкъ съ пять затворниковъ,— писалъ Бѣлинскій Ивановымъ,—составили маленькое литературное общество. Еженедѣльно было у насъ собраніе, въ которомъ каждый изъ членовъ читалъ свое сочиненіе. Это общество, кончившееся седьмымъ засѣданіемъ, принесло мнѣ ту пользу, что заставило меня окончить мою трагедію".

Драма Бѣлинскаго „Дмитрій Калининъ", или, какъ онъ ее весьма вѣрно назвалъ, „драматическая повѣсть", до сихъ поръ не только мало оцѣнена, но даже и извѣстна очень мало. А. Н. Пыпину она была извѣстна только по отрывку 4-го дѣйствія, напечатанному кн. Енгалычевымъ въ „Русск. Старинѣ" 1876 г., да по пересказу (устному?) секретаря „литературныхъ вечеровъ" Чистякова. Вѣроятно, этимъ слѣдуетъ объяснить его мнѣніе, что „говорить серьезно о трагедіи, конечно, нѣтъ возможности; она ребячески ходульна и неестественна". Она кажется „любопытной" почтенному біографу, только какъ „свидѣтельство настроенія 20-лѣтняго Бѣлинскаго и какъ фактъ, имѣвшій большое вліяніе на его внѣшнюю судьбу". М. А. Протопопову трагедія тоже была извѣстна только по отрывку 4-го дѣйствія, что, впрочемъ, не помѣшало ему вполнѣ правильно заключить и по этому обломку, что „общественно-историческій смыслъ

трагедіи очень серьезенъ". Въ 1891 трагедія была напечатана Тихонравовымъ цѣликомъ въ „Сборникѣ общ. любителей россійской словесности" по рукописи, „списанной не совсѣмъ исправными писцами для представленія въ московскій цензурный комитетъ". И Тихонравовъ усмотрѣлъ въ ней только „драгоцѣнный матеріалъ для исторіи развитія Бѣлинскаго". Въ печати и публикѣ какъ самый сборникъ, такъ и трагедія прошли почти незамѣтно. Очевидно, этою малою извѣстностью „Дмитрія Калинина" надо объяснить то, что даже наиболѣе полныя изъ новѣйшихъ изданій его сочиненій (напр., изд. Павленкова) помѣщаютъ изъ двухъ драматическихъ произведеній Бѣлинскаго одного только „Пятидесятилѣтняго дядюшку", неизмѣримо ниже стоящаго „Дмитрія Калинина" [1]).

Г. Евг. Соловьеву, семь лѣтъ послѣ напечатанія драмы въ „Сборн. Общ. Любит. Росс. Слов." написавшему цѣлую книгу о Бѣлинскомъ, драма осталась неизвѣстной. Самъ Бѣлинскій вначалѣ такъ дорожилъ драмой, что когда братъ попросилъ прислать ее на время въ Чембаръ для прочтенія, то онъ отвѣтилъ, что скорѣе готовъ „отрубить себѣ руку и послать ее въ подарокъ", чѣмъ разстаться съ своимъ дѣтищемъ. А черезъ нѣсколько лѣтъ онъ и рукопись подарилъ брату [2]), и самъ такъ аттестовалъ это дѣтище, разбирая въ 1836 г. книжечку „Ночь" какого-то С. Темнаго:

„Замѣтно, что „Ночь" есть произведеніе молодого человѣка съ душею, съ пыломъ, но еще не созрѣвшаго для мысли, еще не умѣвшаго отдавать самому себѣ отчетъ въ своихъ мысляхъ, а уже сгорающаго желаніемъ написать и издать въ свѣтъ что-нибудь, непремѣнно написать и издать. Опасное желаніе, которое губитъ истинный талантъ, вымучивая изъ него насильственныя и недозрѣлыя созданія, которое плодитъ толпы дурныхъ писателей, служа имъ порукою за то, что они имѣютъ талантъ! О, если бы каждый молодой человѣкъ, не лишенный чувства и сгорающій желаніемъ печататься, издавалъ всѣ плоды своей фантазіи, сколько бы дурныхъ книгъ бросилъ онъ въ свѣтъ и сколько бы раскаянія приготовилъ себѣ въ будущемъ!.. Мы говоримъ это отъ чистаго сердца, говоримъ даже по собственному опыту, потому что имѣемъ причины благодарить обстоятельства, которыя помѣшали намъ пріобрѣсть жалкую эфемерную извѣстность мнимыми произведеніями искусства и занять мѣсто въ забавномъ ряду литературныхъ рыцарей печальнаго образа" [3]).

---

[1]) Въ „Собр. соч. Бѣлинскаго", выходящемъ подъ моею редакціей, „Дмитрій Калининъ" помѣщенъ въ I т. (Спб., 1900).

[2]) По уцѣлѣвшимъ въ бумагахъ Константина Григорьевича остаткамъ собственноручнаго оригинала кн. Енгалычевъ и напечаталъ въ „Русск. Ст." сохранившуюся часть 4-го дѣйствія.

[3]) *Бѣлинскій*, Соч. подъ ред. Венгерова, т. III, стр. 36.

Эта уничтожающая критика, направленная противъ самого себя, можетъ служить только лишнимъ доказательствомъ удивительной способности Бѣлинскаго всецѣло и беззавѣтно отдаваться всякому своему настроенію, ничего и никого при этомъ не щадя. Но значеніе того огромнаго запаса благородныхъ чувствъ, который почти безсознательно сразу забилъ кипучимъ ключемъ по такому ничтожному поводу, какъ „желаніе сорваться съ казеннаго кошта“ и разсѣять скуку товарищей, тутъ очерчено крайне несправедливо. Столь же несправедливо, какъ и огульное помѣщеніе всѣхъ „рыцарей печальнаго образа“ въ „забавный рядъ“. Были бы только „рыцари“, а тамъ „печальнаго“ они образа или, напротивъ того, очень свѣтлаго—покажетъ будущее. Одинъ уже, въ обликѣ Бѣлинскаго, сейчасъ на-лицо и нельзя сказать, чтобы онъ былъ очень „забавенъ“.

Если кратко опредѣлять общій характеръ драмы Бѣлинскаго по основному ея мотиву, то приходится, конечно, сказать, что она представляетъ собою „протестъ противъ крѣпостного права“. Именно за это московскій цензурный комитетъ, состоявшій тогда изъ профессоровъ университета, призналъ драму „произведеніемъ *безнравственнымъ, позорящимъ университетъ*“. Свести, однако, драму именно къ *протесту* и слишкомъ прямолинейно, и не въ томъ свѣтѣ выставляетъ психологическое настроеніе, подъ вліяніемъ котораго создалась драма. М. А. Протопоповъ совершенно правильно вспоминаетъ, что трагедія Бѣлинскаго „во всей русской литературѣ имѣла только одинъ прецедентъ, равный ей по силѣ и искренности чувствъ,—это знаменитая книга Радищева, съ которой какъ разъ около этого времени (1833) раздражительно полемизировалъ величайшій русскій поэтъ“ [1]). Но безъ оговорокъ, это сопоставленіе односторонне. Протестъ Радищева вытекъ изъ цѣлаго строя вполнѣ опредѣленнаго міросозерцанія. Книга Радищева была яркимъ отраженіемъ идей 1789 года на русской почвѣ. Всего менѣе, конечно, желая умалить историче-

---

[1]) Этотъ отзывъ о статьѣ Пушкина не совсѣмъ точенъ. Статья не можетъ считаться полнымъ выраженіемъ мнѣнія великаго поэта объ авторѣ „Путешествія изъ Петербурга въ Москву“. Достаточно для этого вспомнить одинъ изъ варіантовъ „Памятника“:

И долго буду тѣмъ любезенъ я народу,
Что чувства добрыя я лирой пробуждалъ,
Что вслѣдъ Радищеву возславилъ я свободу
И милость къ падшимъ призывалъ.

„Раздражительность“ статьи отчасти объясняется тѣмъ, что Пушкинъ хорошо зналъ цензуру своего времени, которая и въ этомъ видѣ не пропустила статьи. Она появилась только 20 лѣтъ спустя въ Анненковскомъ изданіи Пушкина.

ское значеніе подвига Радищева, я все-таки, просто для установленія фактовъ, долженъ отмѣтить, что это былъ подвигъ ума, а не сердца. Книга Радищева *убѣждаетъ*, но не увлекаетъ. Драма же Бѣлинскаго есть крикъ сердца и именно великаго, потому что въ тѣ времена надо было обладать совсѣмъ особымъ, если можно такъ выразиться, сердечнымъ зрѣніемъ, чтобы найти въ обстановкѣ и явленіяхъ, не поражавшихъ и не шокировавшихъ даже лучшихъ людей своего времени, столько матеріала для грознаго обличенія. Возьмемте всѣхъ остальныхъ дѣятелей сороковыхъ годовъ, не только прямыхъ ровесниковъ Бѣлинскаго, какъ Станкевичъ, напр., но и младшихъ его современниковъ, хотя бы Тургенева, и мы увидимъ, до чего отношеніе юноши-Бѣлинскаго къ крѣпостному праву было явленіемъ вполнѣ индивидуальнымъ, вполнѣ исключительнымъ. Та борьба съ крѣпостнымъ правомъ, которымъ обезсмертило себя поколѣніе 40-хъ годовъ, началась почти 20-ю годами позже. Много ли и видалъ то Бѣлинскій крѣпостное право—только наѣздами въ родственныя помѣщичьи семьи и, во всякомъ случаѣ, меньше всѣхъ другихъ людей своего поколѣнія-баричей и, однако же, онъ одинъ только и выразилъ свое отвращеніе. А самое главное—выразилъ его не потому, что усвоилъ себѣ „передовое“ міровоззрѣніе, не потому, что подъ вліяніемъ общаго идейнаго возбужденія далъ „аннибалову клятву“, не потому, что тогдашній государственный строй ему не нравился. Нѣтъ, Бѣлинскій въ 1829 году былъ безконечно „благонамѣренъ“ и къ общему строю русскаго государственнаго укладаотносился съ полнымъ одобреніемъ. Вотъ, напримѣръ, при какихъ условіяхъ читатель драмы воспринимаетъ одинъ изъ самыхъ сильныхъ „протестующихъ“ монологовъ героя драмы, столь же неистоваго, какъ былъ неистовъ авторъ драмы. Дмитрій Калининъ говоритъ о крѣпостныхъ „рабахъ“:

Неужели эти люди для того только родятся на свѣтъ, чтобы служить прихотямъ такихъ же людей, какъ и они сами?.. Кто далъ это гибельное право—однимъ людямъ порабощать своей власти волю другихъ, подобныхъ имъ существъ, отнимать у нихъ священное сокровище—свободу? Господинъ можетъ, для потѣхи или для разсѣянія, содрать шкуру со своего раба, можетъ продать его, какъ скота, вымѣнять на собаку, на лошадь, на корову, разлучить его на всю жизнь съ отцомъ, съ матерью, съ сестрами, съ братьями, и со всѣмъ, что для него мило и драгоцѣнно!..

Въ этомъ „сильномъ“ монологѣ, столь „сильномъ“, что ему даже и приблизительной параллели не подберешь во всей нашей освободительной литературѣ, неистоваго, но въ то время, повторяю, ультра-„благонамѣреннаго“ автора обезпокоили слова „кто далъ это гибельное право“, и вотъ онъ спѣшитъ сдѣлать къ монологу Калинина примѣчаніе:

„Къ славѣ и чести нашего мудраго и попечительнаго правительства подобныя тиранства уже начинаютъ совершенно истребляться. Оно поставляетъ для себя священнѣйшею обязанностью пещись о счастіи каждаго человѣка, ввѣреннаго его отеческому попеченію, не различая ни лицъ, ни состояній. Доказательствомъ сего могутъ служить всѣ его поступки, и между прочимъ указъ о наказаніи купчихи Аносовой за тиранское обхожденіе со своею дѣвкой и городничаго за допущеніе онаго, напечатанный въ 77-мъ номерѣ „Московскихъ Вѣдомостей“ за 1830 годъ, 11 день сентября. Этотъ указъ долженъ быть напечатанъ въ сердцахъ всѣхъ истинныхъ друзей человѣчества, въ сердцахъ всѣхъ истинныхъ россіянъ, умѣющихъ цѣнить мудрыя распоряженія своего правительства, напоминающія слова нашего знаменитаго, незабвеннаго Фонъ-Визина: „Гдѣ государь мыслитъ, гдѣ знаетъ онъ, въ чемъ его истинная слава— тамъ человѣчеству не могутъ не возвращаться права его; тамъ всѣ скоро ощутятъ, что каждый долженъ искать своего счастія и выгодъ въ томъ, что законно, и что угнетать рабствомъ себѣ подобныхъ, есть беззаконно“.

Было бы величайшей ошибкой думать, что это примѣчаніе есть лукавство и можетъ быть приравнено къ тѣмъ, мало кого вводившимъ въ заблужденіе, примѣчаніямъ, которыя въ 60-хъ годахъ дѣлали въ геологическихъ книжкахъ къ „щекотливымъ“, съ извѣстной точки зрѣнія, космогоническимъ фактамъ. Бѣлинскій во всю свою жизнь не написалъ ни одного лукаваго слова и славословилъ только тогда, когда весь былъ переполненъ славословія. Такъ было гораздо позже, въ эпоху сознательнаго прославленія „разумной дѣйствительности“, такъ было тѣмъ болѣе теперь, когда Бѣлинскому даже ни на одну минуту не приходило въ голову, что онъ своими выходками противъ крѣпостного права совершаетъ нѣчто противозаконное. Въ 1847 году Бѣлинскій возвращался изъ Парижа и на бельгійской границѣ съ нимъ произошло забавное столкновеніе съ таможнею изъ-за какихъ-то дѣтскихъ игрушекъ. Сначала къ нему отнеслись строго, но потомъ дѣло уладилось, потому что, пишетъ Бѣлинскій Анненкову, таможенные чиновники „увидѣли, что я *глупъ до святости*“. Безспорно такую же „глупость“, и безспорно такую же „святую“, проявилъ Бѣлинскій и въ 1830 г., когда пришлось провести литературную контрабанду. Великолѣпенъ юный драматургъ, когда жалуется родителямъ на то, что цензура его не „оцѣнила“ и не „поняла“. У него-то, оказывается, желанія и намѣренія были самыя „благородныя“, онъ, видите ли, въ своей драмѣ „со всѣмъ жаромъ сердца, пламенѣющаго любовію къ истинѣ, со всѣмъ негодованіемъ души, ненавидящей несправедливость, въ картинѣ довольно живой и вѣрной представилъ тиранство людей, присвоившихъ себѣ гибельное и несправедливое право мучить себѣ подобныхъ“. По его глубокому убѣжденію, драма не только „не можетъ оскорбить чувства чистѣйшей нравственности“,

а напротивъ того, „цѣль сочиненія есть самая нравственная“ [1]). И вдругъ цензура „составляетъ журналъ“ о драмѣ и признаетъ ее „безнравственной и позорящей университетъ“. Бываютъ же такія недоразумѣнія!...

Въ сжатой формѣ желая объяснить причину гоненія, воздвигнутаго на его „сочиненіе“, Бѣлинскій недостаточно точно свелъ всю драму къ „картинѣ тиранства присвоившихъ себѣ гибельное и несправедливое право мучить себѣ подобныхъ“. На самомъ дѣлѣ „тиранство“ играетъ въ самомъ *замыслѣ* драмы далеко не исключительную роль. Задуманъ „Дмитрій Калининъ“ какъ драма судьбы, что совершенно ясно изъ общаго эпиграфа пьесы:

И всюду страсти *роковыя*,
И отъ *судебъ* защиты нѣтъ.

Главный герой драмы Калининъ постоянно говоритъ о „враждебной судьбѣ“, о „мщеніи жестокаго рока“. Одинъ изъ резюмирующихъ пьесу монологовъ его сводитъ всѣ разыгравшіеся въ драмѣ ужасы къ тому, что „безпощадная судьба играетъ слабыми смертными“.

Что же касается трагическаго характера ужасныхъ событій, проходящихъ кровавою чередою [2]) передъ читателемъ и зрителемъ,

---

[1]) „Русск. Стар.“ 1876 г. № 1, стр. 81.

[2]) Богатый и добрый, хорошо обращающійся съ крѣпостными своими, помѣщикъ Лѣсинскій взялъ къ себѣ въ домъ сына одного изъ своихъ крестьянъ Дмитрія Калинина и далъ ему тщательное воспитаніе. Потомъ-то оказывается, что Дмитрій его незаконный сынъ, но этого пока никто не знаетъ. Жена Лѣсинскаго—жестокая и чванная тиранка. Достойны матери сынки столь же жестокіе, лѣнивые и распутные. Дочь Лѣсинскихъ Софья, выросшая внѣ дома, а потомъ воспитанная благородною „русскою мамзелью“ Рудиной, пошла въ отца, прониклась любовью ко всему высокому и на этой почвѣ, по возвращеніи домой, сближается съ Дмитріемъ. Они страстно влюбляются другъ въ друга и вступаютъ въ связь. Чтобы устроить свое общественное положеніе, Дмитрій уѣзжаетъ въ Москву, и въ это время умираетъ старикъ Лѣсинскій. Изверги-сынки, и при жизни отца пользовавшіеся всякимъ случаемъ, чтобы мучить Дмитрія словомъ „рабъ“, пишутъ ему такое письмо: „Почтеннѣйшій, высокоименитый господинъ, пылкая голова, молодой мечтатель, маленькій философъ! Вашъ благодѣтель, не успѣвши излить на васъ остатки щедротъ своихъ, изволилъ отправиться на тотъ свѣтъ. Ваша отпускная уничтожена, сестра наша выходитъ замужъ за князя Кизяева, и такъ какъ у насъ недостаетъ лакеевъ для служенія при свадебномъ столѣ, то и просимъ васъ всепокорнѣйше какъ можно скорѣе пожаловать къ намъ“. Обезумѣвшій Дмитрій, не для того, конечно, чтобы исполнить просьбу Лѣсинскихъ, ѣдетъ къ нимъ. Его сопровождаетъ его другъ, благородный, хотя и прикидывающійся холоднымъ насмѣшникомъ, Сурскій, у котораго созрѣваетъ такой планъ: онъ познакомится съ Софьей, уговоритъ ее оставить домъ, а тамъ уже будетъ приготовленъ священ-

то причина ихъ въ необузданномъ темпераментѣ Калинина, охарактеризованномъ въ эпиграфѣ къ третьему дѣйствію словами Озерова:

Ахъ! не вини меня вини мои чувства,
Которыхъ укрощать не знаю я искусства,
Вспыл сей огнь въ моей пылающей крови.
Чрезмѣренъ я во всемъ—и въ злобѣ и въ любви.

Собственно художественный узелъ драмы въ кровосмѣшеніи и въ томъ, что Калининъ явился на свѣтъ какъ плодъ незаконнаго сожительства. „Такъ скрытныя семейныя преступленія наказываются", говоритъ Калининъ предъ самою смертью, уже совершивъ всѣ убійства. Въ скелетѣ драмы, слѣдовательно, нѣтъ ничего „протестующаго". Но, задумавъ драму въ одномъ направленіи, Бѣлинскій, охваченный воспоминаніями своего зоркаго сердца, быстро перешелъ на картины „тиранства". Задавшись замысломъ чисто-головнымъ, Бѣлинскій не могъ остаться при одной сухости этой книжной затѣи. Живая дѣйствительность врывается въ книжность замысла, Бѣлинскимъ овладѣваетъ желаніе разсказать про вещи, въ которыхъ кое-кто изъ чембарцевъ себя узнаетъ. „Вы увидите", пишетъ онъ отцу, „многія лица, довольно вамъ извѣстныя". Благодаря этому драматизированію лично видѣннаго и перечувствованнаго, пьеса получаетъ двойной интересъ—какъ біографическій матеріалъ, какъ матеріалъ для сужденія о сердечной зоркости Бѣлинскаго, и какъ картина помѣщичьяго быта 20-хъ годовъ, хотя и освѣщеннаго исключительно съ одной

изъ, который и обвѣнчаетъ ее съ Дмитріемъ. Все идетъ отлично, но портитъ дѣло Дмитрій. Онъ врывается въ домъ Лѣсинскихъ, гдѣ происходитъ балъ, „съ дикою улыбкою и блуждающими взорами" произноситъ громовой монологъ, затѣмъ среди всеобщаго недоумѣнія бросается къ Софьѣ и заключаетъ ее въ объятія. Остолбенѣвшій сначала Лѣсинскій-отецъ приходитъ въ себя и велитъ слугамъ заковать Калинина въ кандалы, но оторопѣвшіе слуги боятся страшнаго вида Дмитрія и медлятъ. Лѣсинскій имъ кричитъ: „Скоты! и вы боитесь подойти къ такому же рабу, какъ и вы сами". Слово „рабъ", какъ всегда, лишаетъ Дмитрія послѣдняго остатка самообладанія, и онъ убиваетъ брата Софьи. Въ послѣднемъ дѣйствіи Дмитрій, убѣжавъ изъ тюрьмы, съ разорванною цѣпью на рукѣ, является въ деревню Лѣсинскихъ свидѣться съ Софьей. Софья все еще любитъ убійцу своего брата, но жизнь ей опостылѣла, она предлагаетъ Дмитрію вмѣстѣ умереть. Послѣ долгихъ колебаній, Дмитрій ее закалываетъ и собирается покончить съ собою. Но его ждетъ еще одинъ страшный нравственный ударъ. Ему передаетъ письмо, которое передъ смертью написалъ ему Лѣсинскій, и изъ него онъ узнаетъ, что отецъ Софьи—и его отецъ, что этотъ высоконравственный „благодѣтель" его такъ страшно злоупотреблялъ своею властью для удовлетворенія похоти. Братоубійца и кровосмѣшитель въ ужасѣ закалываетъ себя.

точки зрѣнія. Въ біографіи Калинина Бѣлинскій далъ свою собственную автобіографію. Нетрудно догадаться, съ кого списанъ портретъ Дмитрія, набросанный имъ въ разговорѣ съ пріятелемъ:

„Чтеніе рано сдѣлалось любимѣйшимъ моимъ занятіемъ. Оно образовало мой вкусъ и, питая начинавшія обнаруживаться во мнѣ страсти, дало мнѣ благородное направленіе. Напитанная духомъ поэзіи, душа моя окрылялась какимъ-то невыразительнымъ восторгомъ. Въ ней пробудилась любовь ко всему высокому. Почти никѣмъ не любимый, я никому не повѣрялъ ни моихъ чувствъ, ни моихъ мыслей; да если бы захотѣть сдѣлать это, то могли ли бы эти толпы людей низкихъ, пресмыкающихся въ пыли презрѣнныхъ, мелочныхъ суетъ, понимать меня“.

Съ того же оригинала списаны другія подробности:

„Ты не можешь себѣ представить, съ какимъ чувствомъ я смотрѣлъ всегда на несчастнаго. Если при мнѣ разсказывали о несправедливостяхъ, гоненіяхъ, жестокостяхъ сильныхъ надъ слабыми, о злоупотребленіяхъ властей,—то адъ бунтовалъ въ груди моей“.

Душа Калинина „страстна ко всему прекрасному“, а главное—необуздана безъ мѣры. „Калининъ! Калининъ! голова пылкая и безумная!“ говоритъ ему пріятель, „когда ты опомнишься, когда ты перестанешь метаться изъ крайности въ крайность и попадешь на счастливую середину? — Вся драма и полна этого необузданнаго метанія. Каждый монологъ его сопровождается предварительной авторской ремаркой: „Говоритъ съ постепенно возрастающимъ жаромъ“, „въ бѣшенствѣ“, „трепещетъ всѣмъ тѣломъ“, „дико улыбаясь“, „ужаснымъ голосомъ“, „громовымъ голосомъ“, „задыхаясь отъ ярости“, „съ блуждающими взорами“ и т. п. Есть параболическія зеркала, въ которыхъ каждый предметъ отражается очень ярко и рельефно, но въ уродливыхъ, неестественныхъ очертаніяхъ. Въ лицѣ Калинина „неистовость“ натуры Бѣлинскаго отразилась въ параболическомъ зеркалѣ романтизма и потому порою она такъ уродлива и неестественна, но сходство-то все-таки уловить нетрудно и въ этомъ исковерканномъ изображеніи. Основныя очертанія порывовъ Бѣлинскаго тѣ же.

Картины „тиранства“, однако, нарисованы безъ всякихъ романтическихъ прикрасъ и безъ всякихъ излишествъ дикаго слога монологовъ Калинина. Съ одной стороны Бѣлинскій устами слугъ тиранки Лѣсинской и обрисовкой ихъ характеровъ осуждаетъ самую идею „рабства“. „Какъ будто у насъ не такая душа, какъ въ ихъ благородіяхъ“, говоритъ горничная Лиза. „Чай у Бога-то всѣ равны. Здѣсь имъ хорошо повелѣвать нами, а на томъ свѣтѣ, небось, не такую пѣсню затянутъ“. Всѣ выведенные въ драмѣ крѣпостные честны, добры, кротки и жалостливы. Напротивъ того, дворяне, помимо „ти-

ранства" — невѣжественны, корыстолюбивы и полны глупѣйшаго чванства. Между гостями, собравшимися на именинахъ у Лѣсинской, происходитъ такой разговоръ:

Третья госпожа. И, помилуйте, дѣло ли это? На что похоже? Прилично ли дворянину учиться въ этихъ школахъ, которыя набиты разночинцами, и семинаристами, и мѣщанами, и отпущенниками, и всякимъ сбродомъ, и всякой сволочью?

Первая госпожа. То ли дѣло, какъ держать дѣтей при себѣ-то? За глазами-то и научатся Богъ знаетъ чему, пожалуй, и Бога-то забудутъ.

Третья госпожа. Да и чему учатъ-то въ этихъ университетахъ? — безбожію, разврату, да и только. Я знала одного этакаго ученаго. Человѣкъ не старше двадцати пяти лѣтъ, а представь себѣ, какой нравственности: смѣялся надъ постами, презиралъ дворянствомъ, чинами, поносилъ стряпчаго Андреева, который схватилъ крестикъ и за то, что прокуроръ объ немъ постарался, подарилъ ему три тысячи золотомъ. Вотъ каковы эти развратные ученые!

Ѳедоръ Максимычъ. Да къ чему это ученье? Мы и наши отцы не учились, а всегда были съ кускомъ хлѣба. Слава Богу, не хуже ученыхъ-то жили, даже иной ученый-то поклонится нашему брату, чтобы посадилъ его за свой столъ.

Четвертая госпожа. Да не низость ли учиться дворянину въ какомъ-нибудь университетишкѣ, гдѣ какой-нибудь профессоръ, мѣщанскаго происхожденія, будетъ съ нимъ обходиться безъ должнаго уваженія? Да, опять, стоятъ ли эти пустыя науки того, чтобы дворянинъ ими занимался? Другое дѣло французскій языкъ: безъ него, какъ безъ рукъ".

Представителями тиранства являются Лѣсинская и ея сыновья. „Шкуру сдеру съ мерзавца; каждый день буду бить до полусмерти"— раздается окрикъ Андрея Лѣсинскаго, вслѣдъ за которымъ идетъ и исполненіе. Но хуже всѣхъ сама Лѣсинская. Всею душою ненавидитъ она „проклятое хамовое поколѣніе". Оправдываній для нея не существуетъ: „Когда барыня говоритъ тебѣ, что ты виновата, такъ какъ же ты смѣешь оправдываться". Идеаломъ для нея служитъ „братецъ Филиппъ Андреичъ. Онъ до полусмерти колотитъ вашего брата, да не смѣй рта разинуть, не смѣй слова пикнуть. Коль станетъ орать, или плакать, такъ вдвое велитъ пріударить. А то, вишь, какія нѣженки: чуть мазнешь по рожѣ, такъ и разхнычутся, точно дворяне какіе". Какъ только умеръ ея мужъ, относившійся мягко и жалостливо къ крѣпостнымъ, она тотчасъ завела у себя порядки своего братца. „Насъ стали мучить, какъ скотовъ какихъ", разсказываетъ старый слуга Иванъ. Коли учнутъ напрасно взыскивать, не моги рта разинуть, не моги пикнуть въ оправданіе—на конюшню, да и только; ужъ порютъ, порютъ, какъ собакъ какихъ. А если кто захворастъ, да доложатъ барынѣ, такъ только и услышишь: вишь какой благородный! вишь, какой дворянинъ! Еще хворать вздумалъ,

полечите-ка его хорошенько арапельникомъ". Былъ у ея мужа бурмистромъ богатый мужикъ Антипъ, работящій, трезвый и умный. Вскорѣ послѣ смерти Лѣсинскаго проходитъ его вдова со своими сыновьями мимо двора Антипа.

„А у него передъ избой стояли два новыхъ сруба, съ полей пріѣхали его работники, да къ этому же времени стада подогнали. Вотъ барыня на досугѣ и смекнула, что у него и скота-то и лошадей-то, и хлѣба больно много. „А чьи это у тебя, Антипъ, срубы?"—Мои, сударыня.—„Да что ты больно богатъ, чѣмъ это больно разжился?"--Да своими трудами, сударыня.—„Хорошо же ты, братъ, обворовываешь господское добро-то, да мужиковъ-то обиралъ!" Взяла да и велѣла срубы-то перевезти на барскій дворъ, хлѣбъ-то перекласть на господское гумно, лошадей и скотъ также перегнать къ себѣ, а ему оставила сущую малость. Взвылъ нашъ мужикъ, повалился ей въ ноги: „Матушка Лисафета Андреевна, не пусти по міру!"—Вотъ ты у меня, старый чортъ, не такъ завоешь, пойдемъ-ка въ клѣть-то твою да посмотримъ, что у тебя въ коробьѣ-то есть.—Вскрыла коробью, нашла сотняжекъ шесть деньжонокъ, да всѣ до одной копейки прибрала къ себѣ. Иванъ-то, его сынъ, знаешь, парень молодой, не вытерпѣлъ, да и скажи: „Вѣдь это, сударыня, сущій разбой; вы насъ совсѣмъ изволили ограбить". — А! такъ-то ты поговариваешь съ господами-то? хорошо, я тебѣ припомню это. А ты, Антипъ Васильевичъ, знать, происхожденія-то дворянскаго, самъ и работать не хочешь, а нанимаешь работниковъ; вишь, какъ съ воровства разжился! живешь, какъ баринъ какой".

Настала некрутчина; очередь была на одномъ мужикѣ, у котораго было три сына, и барыня его обошла, да отдала Ивана, Антипова сына. То-то жалости-то достойно было, какъ онъ разставался съ отцомъ, да съ молодой женой. Бѣдная въ постелю слегла, захирѣла, да умерла. Антипъ остался одинъ-одинехонекъ, сыну копеечки не могъ дать. Съ горя спился съ кругу да и пошелъ по міру. А все таки его гоняютъ на барщину; онъ отъ старости, да отъ горя работать не можетъ, такъ безпрестанно его колотятъ не на животъ, а на смерть".

Въ положительныхъ лицахъ драмы этотъ дикій произволъ возбуждаетъ настоящій ужасъ. Выслушавъ разсказъ объ Антипѣ, Софья съ отчаяніемъ восклицаетъ:

„Боже мой! О, я, несчастная! И это чудовище есть моя мать! она наряжаетъ меня, какъ куклу; я потеряла счетъ моимъ платьямъ, шалямъ, шляпкамъ; у меня лежатъ тысячи перстней, колецъ и другихъ драгоцѣнныхъ бездѣлицъ и все это пріобрѣтено цѣною несчастія моихъ ближнихъ. О, прочь эти пустые наряды! Я истреблю ихъ, иначе они будутъ жечь мое тѣло. Пойду и посмотрю, не превратились ли они въ кровь".

Съ однимъ изъ наиболѣе сильныхъ монологовъ Дмитрія противъ помѣщичьяго тиранства мы уже знакомы.

Такимъ образомъ, авторъ съ трехъ сторонъ нападаетъ на твердыню крѣпостного права: съ точки зрѣнія его несправедливости по существу, съ точки зрѣнія злоупотребленій помѣщичьею властью

и, наконецъ, съ точки зрѣнія отвращенія, которое должно производить помѣщичье тиранство на людей, сколько-нибудь нравственно-чуткихъ.

Страстность этой авторской атаки, это безпощадное битье по нервамъ дѣлаетъ драму Бѣлинскаго съ чисто-эстетической точки зрѣнія, можетъ быть, и очень „кричащимъ“, но во всякомъ случаѣ высоко-замѣчательнымъ литературнымъ явленіемъ. Пусть она и „незрѣла“, и „ребячески-ходульна“, но равнодушно пройти мимо нея, не вдуматься въ тѣ явленія, которыя она съ такимъ содроганіемъ отмѣчаетъ, не было бы никакой возможности. Въ этомъ смыслѣ, и можетъ быть даже въ тѣснѣйшей связи со своими литературными недостатками, драма Бѣлинскаго безусловно должна быть признана самымъ яркимъ произведеніемъ всей нашей освободительной литературы. Когда почти двадцать лѣтъ спустя молодая литература взялась за освободительныя задачи, она, не желая писать исключительно для свѣдѣнія цензуры, уклонилась отъ обличительныхъ задачъ и дѣйствовала косвенно, прославленіемъ хорошихъ сторонъ крестьянской жизни и народной психологіи. Одинъ „неистовый Виссаріонъ“ хватилъ обухомъ само „тиранство“, само помѣщичье сословіе. Какъ мы уже знаемъ изъ отзыва о „Ночи“, Бѣлинскій чрезъ нѣсколько лѣтъ призналъ свое дѣтище эфемернымъ. Но допустимъ на одинъ моментъ, что драма увидѣла бы свѣтъ. Можно ли сомнѣваться въ томъ, что дѣйствіе ея было бы потрясающее, при всѣхъ ея недостаткахъ чисто-литературныхъ. Мало ли есть произведеній, не обладающихъ литературными достоинствами и все-таки явившихся крупнымъ факторомъ умственнаго возбужденія эпохъ замѣчательнѣйшихъ. Велика ли связь между художественными достоинствами „Что дѣлать“ и вліяніемъ, которое оказалъ этотъ романъ, есть ли какая-нибудь соразмѣрность между скромнѣйшими размѣрами таланта Бичеръ-Стоу и сказочными размѣрами впечатлѣнія, произведеннаго „Хижиною дяди Тома“?

Къ тому же, какъ произведеніе чисто-литературное, „Дмитрій Калининъ“, конечно, вещь не важная, но однако же не такъ уже безусловно. Кое-что въ немъ, ну хотя бы разсказъ объ Антипѣ, приведенный выше, по простотѣ языка и реализму обрисовки представляетъ и литературный интересъ.

Самое ужасное въ драмѣ—это навѣянные Шиллеровскими „Разбойниками“ и романтизмомъ монологи Калинина:

„Чувствуешь ли ты, какъ горитъ моя голова? Она раскалена адскимъ пламенемъ! Чувствуешь ли ты, какъ страждетъ это бѣдное сердце? Лютое отчаяніе вонзило въ него свои кровавые когти и раздираетъ его на милліоны частей! Видишь ли ты эти лоскутки? Какъ разорвалъ я эту бумагу, такъ ра-

зорву написавшихъ ее!... Я расщеплю на части ихъ тѣло! Я высосу по каплѣ кровь изъ жилъ ихъ! Я притащу ихъ на могилу моего благодѣтеля, скажу имъ „здѣсь погребенъ отецъ вашъ“ и брошу въ глаза ихъ эти лоскутки (скрипитъ отъ ярости зубами). О, тщетны будутъ мольбы ихъ! Тщетно будутъ обнимать колѣна мои! О, какое сладостное зрѣлище! Какое веселое пиршество!.. Сурскій, видишь ли, какъ черная кровь клубится изъ зіяющихъ ранъ ихъ? Видишь ли, какъ ужасно смерть исказила посинѣлыя уста ихъ?.. Какъ страшно они обращаютъ на меня свои кровавые глаза?.. Видишь ли ты эти судорожныя движенія, это бореніе смерти съ жизнью, эти глухіе, хриплые стоны? Они предшествуютъ смерти! но она еще медлитъ: она хочетъ усладить меня этимъ зрѣлищемъ, Видишь: кровавыми руками они разрываютъ землю и грызутъ ее зубами! Видишь ли, какъ черная пыль смѣшалась съ багровою пѣною“? и т. д.

Монологъ выхваченъ совершенно наудачу изъ цѣлаго десятка страницъ, отведенныхъ завываніямъ Дмитрія, все такимъ же диконеистовымъ и кровавымъ. „Тысячи ядовитыхъ змѣй“, „адскія проклятія“, „адское самонаслажденіе“, „жажда крови, убійства и разрушенія“, „тысячи кинжаловъ, въ одну секунду вонзающихся въ сердце“, „огненный тартаръ души въ милліонъ разъ болѣе ужасный“, „толпа фурій, потрясающихъ своими факелами“ и т. д. и т. д.—весь этотъ словарь романтизма исчерпанъ Бѣлинскимъ съ тѣмъ отсутствіемъ мѣры, которымъ характеризуется каждое изъ его увлеченій. Не забудемте однако требованій исторической перспективы и не поставимъ всецѣло въ вину двадцатилѣтнему юношѣ то, что было свойствомъ цѣлой эпохи.

Протестомъ противъ „тиранства“ и анализомъ ходячихъ представленій не исчерпывается все оппозиціонное въ драмѣ Бѣлинскаго. Въ ней есть еще и другіе весьма замѣчательные элементы „протеста“, которыхъ однихъ было бы совершенно достаточно, чтобы придать драмѣ интересъ и опредѣленную окраску, если бы вниманіе читателя не было всецѣло поглощено основною борьбою драмы съ крѣпостнымъ правомъ. Драма ополчается противъ всякой сословности вообще, противъ ханжества, защищаетъ свободу чувства и „права разсудка“ нарушать законы, если они стѣснительны.

Въ лицѣ Лѣсинской побивается самое основаніе сословныхъ преимуществъ. Софья напала на нихъ и

„Какую непобѣдимую силу имѣли доказательства въ ея устахъ! Она утверждала, что права происхожденія, предки суть не что иное, какъ предразсудки, постыдные для человѣчества, что единственно однѣ достоинства личныя должны давать права на почести и славу. Мать ея не могла выдержать этихъ быстрыхъ, огненныхъ взоровъ, не могла противиться этому сильному, убѣдительному краснорѣчію, этимъ доказательствамъ, источникомъ которыхъ была истина“.

Въ лицѣ той же Лѣсинской и нѣкоего Сидора Андреевича, отрекомендованнаго въ спискѣ дѣйствующихъ лицъ какъ „лицемѣръ, живущій въ домѣ Лѣсинской“, осмѣяно ханжество и внѣшнее благочестіе. Только что „мазнувъ по рожѣ“ горничную и велѣвъ отодрать на конюшнѣ старика-дѣда ея, Лѣсинская спѣшитъ къ обѣднѣ, во время которой думаетъ о томъ, „что нужно достать хорошую плетку для дѣвокъ, да надо отпороть кого-нибудь изъ лакеевъ“. Обращающейся къ ней за помощью весьма достойной, но бѣдной женщинѣ она оказываетъ грошевое подаяніе пудомъ сѣна, а вслѣдъ за этимъ приходящимъ монахинямъ даетъ 50 р. А елейный „лицемѣръ“ Сидоръ Андреевичъ, подбирающій пословицы и текстики для доказательства того, что „бить рабовъ ничуть не грѣшно, а должно“, прямо темная личность, плутъ и негодяй.

Свободу чувства проповѣдуетъ Дмитрій:

Неужели ты думаешь, что согласіе родителей, пустые обряды даютъ право двумъ существамъ питать другъ къ другу любовь и наслаждаться ею? Неужели ты слѣдуешь этимъ глупымъ, унизительнымъ для человѣчества предразсудкамъ? Одна только природа соединяетъ людей узами любви и позволяетъ имъ наслаждаться всѣми благами, какія только можетъ доставлять имъ.

Когда законы противны правамъ природы и человѣчества, правамъ самого разсудка, то человѣкъ можетъ и долженъ нарушать ихъ. Неужели я потому только не имѣю права любить дѣвушку, что отецъ ея носитъ на себѣ пустое званіе дворянина и что онъ богатъ, а я безъ имени и бѣденъ? Она меня любитъ: вотъ неотъемлемое право и мнѣ отвѣчать тѣмъ же! Неужели людей соединяютъ ничтожные обряды, а не любовь“.

По поводу протеста драмы Бѣлинскаго противъ крѣпостного права я уже сказалъ, что было бы слишкомъ прямолинейно отнести ее просто къ разряду „протестующихъ“ произведеній. Это значитъ лишить ее букета, спеціально ей одной принадлежащаго. По отношенію же къ сейчасъ указаннымъ другимъ „протестамъ“, мы уже впадемъ въ прямую ошибку, принявъ ихъ безъ оговорокъ. Высмѣиваетъ ханжество Бѣлинскій не изъ скептицизма, а потому что ханжество „оскорбляетъ святость и чистоту религій“. Когда Дмитрій, прежде „въ благоговѣйномъ безмолвіи шептавшій священное имя Бога“, теперь разражается такою угрозою небу: „Уста моя загремятъ хулою на Бога, какъ на тирана, который утѣшается воплями своихъ жертвъ, который упивается ихъ слезами“, то Бѣлинскій спѣшитъ сдѣлать примѣчаніе: „Такъ говоритъ дерзкое безуміе, неистовое отчаяніе человѣка, не упитаннаго чистыми струями религіи и нравственности“. Въ отвѣтъ на разсужденія Дмитрія о правѣ не соблюдать „пустой обрядности“ и нарушать законы, „противные природѣ человѣка“, другъ Дмитрія Сурскій доказываетъ ему, что онъ посту-

пилъ дурно, сдѣлавъ Софью „супругой“ на основаніи однихъ только „правъ природы“. *И доводы Сурскаго убѣждаютъ Дмитрія:*

„Проклятый разочарователь! Торжествуй: ты правъ! ты правъ! Но для чего ты открываешь мнѣ глаза тогда, какъ я уже стремглавъ полетѣлъ въ бездонную пропасть, открытую мнѣ враждебною судьбою? Не для того ли чтобы освѣщать мнѣ всѣ ужасы, которые она скрываетъ въ себѣ?.. О, Сурскій! О, Сурскій! Съ высоты небесъ ты низвергнулъ меня въ адскія бездны, изъ царя сдѣлалъ нищимъ! О! Не смотри на меня такими глазами: они убиваютъ меня, какъ взгляды василиска! Въ этихъ выразительныхъ ледяныхъ взорахъ я читаю укоръ, читаю мое преступленіе или, лучше сказать, мщеніе жестокаго рока!“

Такимъ образомъ и этотъ „протестъ“ никоимъ образомъ нельзя подвести подъ общій типъ протестовъ, которые вытекаютъ изъ строго-опредѣленнаго міросозерцанія. При опредѣленномъ міросозерцаніи человѣкъ идетъ отъ общаго къ частному, запасшись извѣстнымъ критеріемъ, начинаетъ прилагать его ко всему окружающему. Бѣлинскій же, напротивъ того, никакого опредѣленнаго міросозерцанія не имѣлъ, онъ былъ только одушевленъ однимъ неопредѣленнымъ стремленіемъ къ истинѣ и справедливости. Но зато это стремленіе, дѣйствительно, насквозь его проникало, онъ не могъ выносить ни малѣйшаго диссонанса и потому, теоретически въ 1830 г. весьма далекій отъ какой бы то ни было „неблагонамѣренности“, практически подвелъ подкопъ подъ весь общественный строй того времени.

Не оконченъ и едва ли когда будетъ конченъ споръ о рангѣ и важности сознательнаго и безсознательнаго творчества. Что выше: когда человѣкъ сознательно идетъ къ цѣли или когда онъ творитъ

Wie der Vogel singt.

Не стоитъ по поводу „Дмитрія Калинина“ подымать этотъ вопросъ уже потому, что въ чисто-литературномъ отношеніи драма немногаго стоитъ. Но, при сужденіи собственно о нравственной природѣ писателей, едва ли можно сомнѣваться, что творчество, вышедшее изъ глубины непосредственнаго, ничѣмъ извнѣ не подогрѣтаго чувства, выше чувства сложнаго, подогрѣтаго вліяніемъ ума. Честь и слава тому, у кого сердце настолько чутко къ добру, что, вооруженное общимъ анализирующимъ міровоззрѣніемъ, оно открываетъ несовершенства и недочеты окружающаго. Но еще большая слава тому, кто доходитъ до этого не вооруженный ни анализомъ, ни скептицизмомъ. И вотъ, если принять во вниманіе полную невозможность вывести „Дмитрія Калинина“ изъ протестующаго міросозерцанія и то, что „художникомъ“ Бѣлинскій былъ менѣе, чѣмъ посредственнымъ, слѣдовательно, вообще-то не обладалъ особенною

наблюдательностью, мы должны будемъ отнестись къ драмѣ совсѣмъ особенно. Безъ всякихъ натяжекъ нужно будетъ признать, что это первое, незрѣлое по исполненію произведеніе Бѣлинскаго, съ его на двадцать лѣтъ опередившимъ эпоху негодованіемъ противъ крѣпостного права и другими отступающими отъ шаблоновъ настроеніями, представляетъ собою истинный подвигъ сердца благороднѣйшаго или, чтобы уже держаться эпитета, принятаго въ настоящемъ этюдѣ, великаго.

Отдавая дань глубочайшаго уваженія благородству порыва великаго сердца Бѣлинскаго, считаемъ однако необходимымъ оттѣнить одно чисто-фактическое обстоятельство. Представляетъ именно извѣстный интересъ установить соотношеніе между юношескими драмами двухъ *земляковъ*—Бѣлинскаго и Лермонтова.

Выше я старался выяснить исключительное положеніе „Дмитрія Калинина", на много лѣтъ опередившаго освободительное движеніе 40-хъ годовъ. Есть однако одно произведеніе, которое отчасти раздѣляетъ это исключительное положеніе—юношеская драма Лермонтова „Странный человѣкъ". Основные мотивы „Страннаго человѣка" совершенно иные, чѣмъ въ драмѣ Бѣлинскаго. Но есть въ ней двѣ страницы, необыкновенно тѣсно сближающія оба произведенія. Въ комнату одного изъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ—симпатичнаго Бѣлинскаго (какое странное совпаденіе именъ) входитъ его слуга.

Слуга. Дмитрій Василичъ! какой-то мужикъ проситъ позволенія васъ видѣть. Онъ говоритъ, что слышалъ, будто вы покупаете ихъ деревню, такъ онъ пришелъ...

Бѣлинскій. Вели ему войти. (*Слуга уходитъ*).

(*Входитъ мужикъ, сѣдой, и бросается въ ноги Бѣлинскому*).

Бѣлинскій. Встань, встань! Чего тебѣ надобно, другъ мой?

Мужикъ (*на колѣняхъ*). Мы слышали, что ты, кормилецъ, хочешь купить насъ, такъ я пришелъ... (*кланяется*). Мы слышали, что ты баринъ доброй...

Бѣлинскій. Да встань, братецъ, а потомъ говори... встань прежде!..

Мужикъ (*вставъ*). Не прогнѣвайся, отецъ родной, коли я...

Бѣлинскій. Да говори же...

Мужикъ (*кланяясь*). Меня, старика, прислали къ тебѣ отъ всего села, кормилецъ, кланяться тебѣ въ ноги, чтобы ты сталъ нашимъ защитникомъ... всѣ мы стали Богу молить о тебѣ! Будь нашимъ спасителемъ!

Бѣлинскій. Что же? Вамъ не хочется съ госпожей своей разставаться, что ли?

Мужикъ *(кланяясь въ ноги)*. Нѣтъ! купи, купи насъ, родимой!

Бѣлинскій *(въ сторону)*. Странное приключеніе! (*Мужику*). А! такъ вы вѣрно недовольны своей помѣщицей?

Мужикъ. Охъ, тяжко!.. за грѣхи наши... *(Арбенинъ начинаетъ вслушиваться)*.

Бѣлинскій. Ну, говори, братъ, смѣлѣе! Жестоко, что ли, госпожа поступаетъ съ вами?

Мужикъ. Да, такъ, баринъ, что вѣдь, ей-Богу, терпѣнья ужъ нѣтъ... Долго мы переносили, однако пришелъ конецъ... хоть въ воду...

Владиміръ. Что̀ же она дѣлаетъ? *(Лицо Владиміра мрачно)*.

Мужикъ. Да что̀ вздумается ея милости...

Бѣлинскій. Напримѣръ... сѣчетъ часто?

Мужикъ. Сѣчетъ, батюшка, да какъ еще! за всякую малость, а чаще безъ вины... У нея управитель, вишь, въ милости; онъ и творитъ, что̀ ему любо. Не сними-ка передъ нимъ шапки, такъ и нивѣсть что сдѣлаетъ! за версту увидишь, такъ тотчасъ шапку долой, да такъ и работай на жару въ полдень, пока не прикажетъ надѣть, а коли сердитъ или позабудетъ, такъ иногда цѣлый день промаетъ...

Бѣлинскій. Какія злоупотребленія!

Мужикъ. Разъ какъ-то барынѣ донесли, что-дескать „Ѳедька дурно про тебя говоритъ и хочетъ въ городѣ жаловаться...“, а Ѳедька мужикъ былъ славной; вотъ она и приказала руки ему вывертывать на станкѣ... а управитель былъ на него сердитъ... Какъ повели его на барскій дворъ, дѣти кричали, жена плакала... вотъ стали руки вывертывать. „Господинъ управитель! — сказалъ Ѳедька:—что̀ я тебѣ сдѣлалъ? Вѣдь ты меня губишь!“ „Вздоръ!“ сказалъ управитель... да вывертывали, да ломали... Ѳедька и сталъ безрукой. На печкѣ такъ и лежитъ, да клянетъ свое рожденье...

Бѣлинскій. Да что, въ самомъ дѣлѣ, кто-нибудь изъ сосѣдей, или исправникъ, или городничій не подадутъ на нее просьбу? На это есть у насъ судъ. Вашей госпожѣ плохо можетъ быть.

Мужикъ. Гдѣ защитники у бѣдныхъ людей? У барыни же всѣ судьи подкуплены нашимъ же оброкомъ... Тяжко, баринъ, тяжко стало намъ! Посмотришь въ другое село — сердце кровью обливается!.. живутъ спокойно да весело; а у насъ такъ и пѣсенъ не слышно стало на посидѣлкахъ... Разсказываютъ горничныя: разъ барыня разсердилась; такъ, вишь, ножницами такъ и кольнула одну изъ дѣвушекъ... охъ, больно... а какъ бороду велитъ щипать волосокъ по волоску, батюшка... ну, такъ тутъ и святыхъ забудешь, батюшка... *(Падаетъ*

на колѣна передъ Бѣлинскимъ). О! кабы ты намъ помогъ! Купи насъ, купи, отецъ родной! *(Рыдаетъ).*

Владиміръ (*въ бѣшенствѣ*). Люди! люди!.. И до такой степени злодѣйства доходитъ женщина, твореніе, иногда столь близкое къ ангелу!.. О, проклинаю ваши улыбки, ваше счастье, ваше богатство!.. все куплено кровавыми слезами... Ломать руки, колоть, сѣчь, рѣзать, выщипывать бороду волосокъ по волоску... О, Боже! при одной мысли объ этомъ, я чувствую боль во всѣхъ моихъ жилахъ... Я бы раздавилъ ногами каждый суставъ этого крокодила, этой женщины. Одинъ разсказъ меня приводитъ въ бѣшенство.

Бѣлинскій. Въ самомъ дѣлѣ ужасно!

Мужикъ. Купи насъ, родимой.

Владиміръ. Дмитрій, есть ли у тебя деньги? Вотъ все, что̀ я имѣю: вексель на 1000 рублей... ты мнѣ отдашь когда-нибудь. *(Кладетъ на столъ бумажникъ).*

Бѣлинскій *(сосчитавъ).* Если такъ, то я постараюсь купить эту деревню. Поди, добрый мужичокъ, и скажи и своимъ, что они въ безопасности. *(Владиміру).* Какова госпожа?

Мужикъ. Дай Боже вамъ счастья обоимъ, отцы мои! Дай Богъ вамъ долгую жизнь! Дай Богъ вамъ все, что̀ душѣ ни пожелается!.. Прощай, родимой! Благослови тебя Царь небесный! *(Уходитъ).*

Владиміръ. О, мое отечество! мое отечество! *(Ходитъ быстро взадъ и впередъ по комнатѣ)*

Бѣлинскій. Ахъ, какъ я радъ, что могу теперь купить эту деревню! какъ я радъ! Впервые мнѣ удается облегчать страждущее человѣчество! Такъ это доброе дѣло!.. Несчастные мужики! что за жизнь, когда я каждую минуту въ опасности потерять все, что̀ имѣю, и попасть въ руки палачей!

Владиміръ. Есть люди болѣе достойные сожалѣнья, чѣмъ этотъ мужикъ. Несчастія внѣшнія проходятъ; но тотъ, кто носитъ всю причину своихъ страданій глубоко въ сердцѣ, въ комъ живетъ червь, пожирающій малѣйшія искры удовольствія... тотъ, кто желаетъ и надѣется... тотъ, кто въ тягость всѣмъ, даже любящимъ его... тотъ... но для чего говорить о такихъ людяхъ? Имъ не могутъ сострадать, ихъ никто, никто не понимаетъ.

Бѣлинскій. Опять за свое! О, эгоистъ! Какъ можно сравнивать химеры съ истинными несчастіями? Можно ли сравнить свободнаго съ рабомъ?

Владиміръ Одинъ рабъ человѣка, другой рабъ судьбы. Первый можетъ ожидать хорошаго господина, или имѣетъ выборъ; второй никогда. Имъ играетъ слѣпой случай: и страсти его и безчувственность другихъ,—все соединено къ его гибели.

Протестъ Лермонтова не такъ ярокъ, какъ протестъ Бѣлинскаго, но все-таки совершенно опредѣленно и выпукло сказался въ приведенной сценѣ. И вотъ получается удивительнѣйшее совпаденіе. Въ одинъ и тотъ же 1830—31 годъ, въ одной и той же литературной формѣ, одно и то же крайне рѣдко тогда встрѣчавшееся чувство негодованія и возмущенія крѣпостнымъ правомъ выразили изъ всей русской литературы два юныхъ чембарца (Лермонтовъ родился и провелъ дѣтство въ селѣ Тарханахъ, лежащемъ въ 14 верстахъ отъ Чембара), между собою незнакомые!

Нѣкоторый свѣтъ бросаетъ на это до жуткости странное совпаденіе интересная статья П. К. Шугаева: „Изъ колыбели замѣчательныхъ людей“ („Жив. Обозр.“ 1898 г. № 22). Г. Шугаевъ собралъ у чембарскихъ старожиловъ разныя свѣдѣнія о лицахъ, такъ или иначе прикосновенныхъ къ біографіи Лермонтова и Бѣлинскаго, и вотъ что онъ между прочимъ сообщаетъ:

„Григорію Николаевичу Бѣлинскому (отцу) неоднократно грозила участь увольненія въ отставку даже безъ прошенія, да и онъ неоднократно собирался оставить свой родной Чембаръ и перевестись въ другой городъ, но богатый и вліятельный помѣщикъ, генералъ Д. А. Мосоловъ, жившій неподалеку отъ Чембара въ своемъ имѣніи, селѣ Тарховѣ, въ 3 верстахъ отъ города, всегда отъ этого его удерживалъ и былъ его защитникомъ. Со словъ генерала, участвовавшаго въ Бородинскомъ сраженіи, и отчасти гувернера Жандра, бывшаго полковника наполеоновской гвардіи, было написано М. Ю. Лермонтовымъ знаменитое стихотвореніе „Бородино“. Д. А. Мосоловъ доводился М. Ю. Лермонтову дядей и, несмотря на то, что считался образованнымъ и передовымъ человѣкомъ своего сословія и времени, былъ кандидатомъ на постъ пензенскаго губернатора,—преждевременная смерть не позволила ему губернаторствовать,—все-таки не былъ свободенъ отъ произвола и дикостей, овладѣвшихъ въ тѣ времена помѣщичьимъ міромъ, вслѣдствіе чего и окончилъ свою жизнь трагически: былъ около 1840 года за свой невѣроятный деспотизмъ задушенъ въ своемъ гаремѣ крѣпостными женщинами при помощи 3 лакеевъ, которые по задушеніи и раздѣлили деньги, не зная въ нихъ счету, по 17 ф. вѣсомъ на человѣка, вѣшая заодно золото, серебро и бумажки. Преступленіе было открыто лишь спустя долгое время и то благодаря настоянію и энергіи Е. А. Арсеньевой, бабки М. Ю. Лермонтова, такъ какъ Д. А. Мосоловъ доводился ей близкимъ родственникомъ. Родная сестра Д. А. Мосолова, помѣщица села Полянъ, жившая въ 7 верстахъ отъ Чембара, спустя лѣтъ 10 послѣ трагической смерти брата, около 1850 года, тоже была за свой ужасный деспотизмъ заживо сожжена своими же крѣпостными крестьянами“.

Въ другомъ мѣстѣ статьи говорится:

„Замѣчательно то обстоятельство, что ни дѣдъ, ни отецъ Лермонтова, ни его мать деспотами надъ крѣпостными не были, какъ большинство помѣщиковъ того времени. Хотя Е. А. Арсеньева и была сурова и строга на видъ, но самымъ высшимъ у нея наказаніемъ было для мужчинъ обритіе половины головы бритвой, а для женщинъ отрѣзаніе косы ножницами, что практиковалось не особенно часто, а къ розгамъ она прибѣгала лишь въ самыхъ исключительныхъ случаяхъ, такъ напримѣръ, крѣпостной человѣкъ Петръ Алексѣевъ, бывшій поваромъ у М. Ю., во время его службы въ Петербургѣ, напившись до опьяненія, ударилъ М. Ю., за что и былъ отправленъ М. Ю. въ Тарханы къ бабушкѣ, которая уже за обиду Мишеньки распорядилась по-своему, приказавъ примѣрно наказать виновнаго на конюшнѣ розгами. Это было исполнено въ точности, вслѣдствіе чего у Петра Алексѣева на спинѣ кожи не осталось и слѣда, а въ заключеніе онъ былъ навсегда отправленъ пасти овецъ въ деревню Михайловскую. Но зато всѣ ея ближайшіе родственники, а Столыпины въ особенности, могли уже смѣло назваться даже и по тогдашнему времени первоклассными деспотами“.

Вотъ въ этомъ-то поразительномъ даже для своего времени тиранствѣ Мосоловыхъ и Столыпиныхъ, повидимому, надо искать причину поразительнаго совпаденія негодованія Лермонтова и Бѣлинскаго. До какой степени должно было доходить тиранство Мосоловыхъ, чтобы довести крѣпостныхъ того времени до убійства! Такія преступленія были чрезвычайно рѣдки. Правда, убійство Мосолова относится къ 1840, а Мосоловой даже къ 1850 г., слѣдовательно, десять и двадцать лѣтъ спустя послѣ написанія обѣихъ драмъ, но вѣдь и долготерпѣніе крѣпостной массы было безгранично, и требовалось необычайно долголѣтнее мучительство, чтобы дѣло дошло до катастрофы.

Судя по тому, что и у Лермонтова, и у Бѣлинскаго тиранкой является женщина, прототипомъ имъ служила Мосолова. Самый же фактъ существованія такого реальнаго прототипа для Лермонтова доказывается тѣмъ, что его юношескія драмы носятъ яркій автобіографическій характеръ, а что касается Бѣлинскаго, то онъ прямо писалъ отцу 22 янв. 1831 г. по поводу окончанія драмы: „*Вы увидите многія лица, довольно вамъ извѣстныя*. Но впередъ говорить нечего: когда напечатается, тогда имѣющіе уши слышать, да слышатъ“.

V.

Послѣдствія драмы. Исключеніе изъ университета. Литературные дебюты. Доучился или не доучился Бѣлинскій?

Неудача, постигшая драму, страшно удручала Бѣлинскаго. Какъ всякаго юношу, его волновала мысль объ извѣстности. „Пускаюсь,— писалъ онъ отцу,—въ море треволненное, въ море великое и пространное, въ немъ же гади нѣсть числа. Можетъ быть, вы скоро увидите имя мое въ печати и будете читать обо мнѣ разные толки и осужденія, какъ въ худую, такъ и въ хорошую сторону. Не могу рѣшительно опредѣлить достоинство моего сочиненія, но скажу, что оно много надѣлаетъ шуму". Удручало его и крушеніе извѣстныхъ намъ надеждъ „сорваться", благодаря драмѣ, съ казеннаго кошта. Съ комическою точностью вычисляетъ онъ родителямъ свои протори и убытки: „Мое произведеніе было бы расхвачено въ мѣсяцъ и доставило бы мнѣ, по крайней мѣрѣ, тысячъ шесть". Этотъ забавный подсчетъ служитъ еще однимъ доказательствомъ того, какъ далекъ былъ Бѣлинскій отъ протеста систематическаго и обдуманнаго, всегда заранѣе знающаго, что не только сочиненіе, но и самого автора можно „расхватать". Впрочемъ, не одинъ Бѣлинскій высказалъ въ данномъ случаѣ наивность безконечную. Когда онъ прочиталъ драму товарищамъ, участникамъ „литературныхъ вечеровъ", она имъ при всѣхъ своихъ недостаткахъ, тутъ же указанныхъ страшно волновавшемуся автору—растянутости, отсутствію дѣйствія, чрезмѣрному преобладанію лирическаго элемента,—очень понравилась глубиною чувства и горячими тирадами противъ крѣпостного права [1]).

[1]) Ср. разсказы Чистякова въ книгѣ Пыпина, Прозорова въ „Библ. для Чтенія" 1859 г. и Аргиландера въ „Русск. Ст." 1889 г. Драма была прочтена не совсѣмъ въ томъ видѣ, въ какомъ была представлена въ цензурный комитетъ. Но измѣненія коснулись только второстепенныхъ подробностей.

Въ экземплярѣ, представленномъ въ цензурный комитетъ, Бѣлинскій назвалъ свою трагедію *„Дмитрій Калининъ"*. Но въ кругу товарищей-студентовъ (свидѣтельство Аргиландера) онъ называлъ ее *„Владиміръ и Ольга"*. Это находится въ связи съ тѣмъ, что въ собственноручномъ экземплярѣ трагедіи, подаренномъ брату Григорію (сохранившійся отрывокъ изъ него и былъ напечатанъ въ „Русск. Стар." 1876 г.), главный герой называется не Дмитріемъ, а Владиміромъ.

Въ шутливомъ письмѣ отъ 12 августа 1837 г. Станкевичъ писалъ Бѣлинскому изъ Воронежа:

„Меня рекомендовалъ губернатору секретарь, какъ человѣка умнаго

Одинъ изъ товарищей — П. А. Аргиландеръ, разсказывалъ впослѣдствіи („Русск. Старина“ 1880 г., т. 28, стр. 140—143), что Бѣлинскій читалъ свое произведеніе „съ большимъ увлеченіемъ, и всѣмъ, по тому времени, весьма рѣзкимъ монологамъ (слушатели) страшно

и притомъ сочинителя—можешь себѣ представить, какъ это пріятно было сочинителю: я не зналъ, какую рожу корчить, и проклиналъ услужливаго секретаря: какъ я ни старался увѣрить, что я не сочинитель, но это приняли за скромность, просили моихъ сочиненій, говорили о трагедіи—а? и секретарь, выходя, шепталъ мнѣ, чтобы я прислалъ ему стишковъ. Ты торжествуешь?... Ты долженъ вымѣнять образъ Цвѣтаева, который погубилъ твою *Сироту*—дѣлалъ бы ты рожи не лучше моей“.

Очевидно, въ кружкѣ Станкевича пьеса, къ которой Бѣлинскій въ то время уже относился очень насмѣшливо, была извѣстна подъ именемъ *Сироты*.

Бѣлинскій много работалъ надъ своимъ литературнымъ первенцемъ и нѣсколько разъ его передѣлывалъ, что видно и изъ различныхъ пересказовъ содержанія пьесы лицами, ее слышавшими.

1) Первый по времени пересказъ далъ въ „Москов. Вѣд.“ 1859 г. № 293, *Ив. Остров—овъ*. Это, впрочемъ, не пересказъ, а догадки автора статьи и потому интереса не представляютъ. Онъ пользовался тѣми самыми письмами Бѣлинскаго къ брату Константину и тѣмъ сохранившимся у послѣдняго отрывкомъ драмы, которые въ 1876 г. были напечатаны въ „Русск. Ст.“.

2) Съ пересказомъ и догадками И. Остров—ова не совсѣмъ совпадаетъ то, что осталось въ памяти Б. М. Чистякова и съ его словъ сообщено А. Н. Пыпинымъ (Бѣлинскій I, 54): Владиміръ—дѣйствительно, незаконный сынъ помѣщика, богатаго барина, и родился въ семьѣ его крѣпостного крестьянина; этотъ крестьянинъ потомъ умеръ, засѣченный бариномъ, который, чтобы нѣсколько загладить ужасное дѣло, взялъ Владиміра къ себѣ. Владиміръ (или какъ иначе звали этого героя) отличался пылкимъ нравомъ и талантами; отецъ ставилъ его въ примѣръ своимъ барченкамъ сыновьямъ, и предпочтеніе, оказываемое передъ ними холопу, возбудило въ нихъ скрытую злобу. Героиня—не сестра Владиміра, но въ любви къ ней его соперникомъ являлся именно одинъ изъ братьевъ. Отецъ умираетъ, не успѣвши дать вольной своему незаконному сыну, и, по смерти отца, онъ достается по наслѣдству своему сопернику по любви къ героинѣ; новый баринъ, чтобъ отомстить и унизить его, заставляетъ его служить себѣ за столомъ. Здѣсь же, за столомъ, Владиміръ убиваетъ его.

Другой современникъ, родственникъ Бѣлинскаго Д. П. Ивановъ, подтверждалъ, что разсказъ Чистякова передаетъ вѣрно ту редакцію, въ которой трагедія читалась на студенческихъ вечерахъ, но что послѣ Бѣлинскій многое въ ней измѣнилъ, и отрывокъ, который напечатанъ въ „Русск. Ст.“, принадлежалъ къ этой исправленной редакціи.

3) Въ „Русск. Старинѣ“ 1876 г. по подлинной рукописи, подаренной брату Григорію, напечатанъ сохранившійся отрывокъ изъ послѣдняго дѣйствія. Онъ не отличается по тексту отъ представленнаго въ цензурный комитетъ и воспроизведеннаго въ I т. моего изд. соч. Бѣлинскаго, но измѣнены названія дѣйствующихъ лицъ. Дмитрій называется Владиміромъ, Сурскій—Вельскимъ, Марья Николаевна фигурируетъ подъ именемъ „мамзели“.

аплодировали и многіе совѣтовали даже представить драму на разсмотрѣніе цензурнаго комитета, для того, чтобъ можно было поставить ее на сцену университетскаго театра". Другой университетскій товарищъ Бѣлинскаго—Прозоровъ (въ „Библ. для Чт." 1859, № 12) указываетъ и на замѣченные товарищами недостатки, но въ общемъ отношеніе было очень поощряющее. Прозоровъ тридцать лѣтъ спустя еще живо помнилъ чтеніе и даже наружность автора во время этого чтенія:

„Наружность его, сколько могу припомнить, была очень истощена. Вмѣсто свѣжаго, живого румянца юности, на лицѣ его былъ разлитъ какой-то красноватый колоритъ; прическа волосъ на головѣ торчала хохломъ; движенія рѣзкія, походка скорая, но зато горячо и полно одушевленія было чтеніе автора, увлекавшее слушателей страстнымъ изложеніемъ предмета и либеральными, по тогдашнему, идеями. Но при изяществѣ изложенія, смѣлости мыслей и глубинѣ чувствъ, читанная драма была слишкомъ растянута и содержала въ себѣ больше лиризма, чѣмъ дѣйствія... Очевидно, что драматическое поприще не было истиннымъ призваніемъ Бѣлинскаго"... По объясненію Прозорова, попытка Бѣлинскаго была плодомъ его увлеченія театромъ и еще свѣжаго вліянія Шиллеровыхъ „Разбойниковъ", „Коварства и любви", Шекспирова „Отелло", которые тогда часто давались на сценѣ. Бѣлинскій очень огорчился, когда по окончаніи пьесы ему сдѣлали замѣчанія объ ея недостаткахъ: „По измѣнившимся чертамъ лица его и засверкавшимъ глазамъ можно было ожидать, что вотъ онъ вцѣпится коршуномъ въ дерзкаго, осмѣлившагося унизить его авторитетъ передъ товарищами, однако онъ сдержалъ свой порывъ, и только по чертамъ лица можно было прочесть чувство презрѣнія какъ будто говорившее: odi profanum vulgus et arceo".

По разсказу (устному) секретаря литературныхъ вечеровъ—извѣстнаго впослѣдствіи педагога М. Б. Чистякова—Бѣлинскій хотя и очень волновался и съ тревогой начиналъ чтеніе, но все же мирно выслушалъ возраженія (Пыпинъ, Бѣлинскій, т. I, 52).

Лишь болѣе искушенный „дѣйствительностью" Лажечниковъ сразу оцѣнилъ необычность сюжета и „предсказалъ судьбу" пьесы. Но Бѣлинскій не послушался предостереженія. Еще менѣе, конечно, могло его остановить то, что родные неодобрительно отнеслись уже къ самой мысли пуститься въ „море пространное" литературной дѣятельности, даже не зная ничего о тѣхъ подводныхъ рифахъ, которымъ суждено было потопить легкомысленно оснащенное суденышко. Отецъ прямо не ждалъ добра отъ литературныхъ занятій сына. А доброжелательная, умная и симпатичная Катя Иванова, горячо сочувствуя Бѣлинскому, желая ему „отъ всей души" блистательнаго

успѣха“ и того, „чтобы отечество почтило назвать (его) своимъ Шиллеромъ“, все же деликатно совѣтовала не спѣшить отдавать пьесу въ печать, показать ее „людямъ опытнымъ, какимъ-нибудь ученымъ старичкамъ, а не молодымъ товарищамъ“, и не полагаться „на собственное мнѣніе; вѣдь, говорятъ, самъ сочинитель есть самый плохой судья своего произведенія“. Но и этого доброжелательнаго голоса не послушался Бѣлинскій, горя желаніемъ поскорѣе „выразить“, какъ онъ говорилъ въ предисловіи къ драмѣ, „этотъ міръ собственныхъ мыслей и чувствованій, возбуждаемыхъ въ немъ созерцаніемъ этой чудесной гармонической безпредѣльной вселенной, въ которой онъ обитаетъ, назначеніемъ, судьбою человѣка, сознаніемъ его нравственнаго величія“. Отмѣчу кстати, что небольшое предисловіе къ „Дмитрію Калинину“ принадлежитъ къ интереснѣйшимъ страницамъ сочиненій Бѣлинскаго. Слогъ его уже достигъ здѣсь всей своей силы и красоты выраженія, а паѳосъ—всей высоты и благородства воодушевленія. Въ біографическомъ отношеніи предисловіе представляетъ собою яркій отрывокъ изъ лѣтописи сердечной жизни „молодого студента“, какъ онъ себя здѣсь называетъ. Съ присущею чистымъ сердцамъ способностью говорить о себѣ безъ тѣни самолюбованія, Бѣлинскій рекомендуетъ читателю свое произведеніе, какъ

„порывъ души пламенной,—души страстной ко всему высокому, изящному,—души, желающей излиться и борющейся между этимъ желаніемъ и слабостью силъ. Чтеніе поэтовъ, чтеніе исторіи, углубленіе въ самого себя печали, радости, восторгъ, равнодушіе, волненіе страстей, порывъ къ чему то неопредѣленному: тоска по чемъ-то невѣдомомъ, размышленіе о человѣкѣ, о непонятной смѣси добраго и злого, высокаго и низкаго, составляющей существо его, мысль о другомъ, таинственномъ мірѣ родятъ тысячи вопросовъ безотвѣтныхъ, волнующихъ юный, неопытный умъ, какъ неразрѣшимая, но слабо понимаемая какимъ-то темнымъ чувствомъ загадка. Въ это поэтическое состояніе душа человѣка воспламеняется какимъ-то неяснымъ, но сильнымъ желаніемъ выразить самое себя, грудь его волнуется какимъ то тревожнымъ чувствомъ неизъяснимаго безпокойства, и онъ желаетъ раскрыть ее, показать свое сердце, чтобы могли прочитать и истолковать самому ему тѣ непонятныя буквы, которыя начертаны на немъ рукою. Невѣдомаго. Кому знакомы эти рѣдкія минуты восторга, тотъ пойметъ меня. Не знаю, благосклонно ли приметъ публика мое сочиненіе; но ежели достоинства его равны энтузіазму, съ которымъ оно писано, то труды мои не тщетны. Если хотя искра того божественнаго огня, того животворящаго восторга, которыя оживляли меня, какъ электричество, сообщится душѣ читателя, то я достигъ моей цѣли“.

Бѣлинскій, повидимому, пробовалъ пристроить трагедію въ журналъ и носилъ ее къ Погодину, но изъ этого ничего не вышло, и тогда онъ отнесъ ее въ цензуру. Цензура тогда состояла при универ-

ситетѣ и цензорами были профессора. И вотъ какой получается результатъ, подробно описанный въ горестномъ письмѣ Бѣлинскаго къ родителямъ отъ 17 февраля 1831 г.:

„Сообразивши всѣ обстоятельства моей жизни,—писалъ онъ,—я въ правѣ назвать себя несчастнѣйшимъ человѣкомъ. Въ моей груди сильно пылаетъ пламя тѣхъ чувствъ, высокихъ и благородныхъ, которыя бываютъ удѣломъ немногихъ избранныхъ—и при всемъ томъ меня очень рѣдкіе могутъ цѣнить и понимать... Всѣ мои желанія, намѣренія и предпріятія самыя благородныя, какъ въ разсужденіи самого себя, такъ и другихъ, оканчивались или неудачами, или ко вреду мнѣ же и, что всего хуже, навлекали на меня нареканія и подозрѣніе въ дурныхъ умыслахъ. Доказательства передъ глазами. Вы сами знаете, какъ сладки были лѣта моего младенчества... Учась въ гимназіи, я жилъ въ бѣдности... Поѣхалъ въ Москву съ пламеннымъ желаніемъ опредѣлиться въ университетъ; мое желаніе сбылось. По вѣтренности, а болѣе по неопытности, истратилъ данную мнѣ сумму денегъ, которая въ моихъ глазахъ казалась огромною, неистощимою. Потомъ поступилъ на *казенный коштъ*... о, да будетъ проклятъ этотъ несчастный день!.. (Послѣ этого идутъ жалобы на дѣла, съ драмой не связанныя). Осужденный страдать на казенномъ коштѣ, я вознамѣрился избавиться отъ него и для этого написалъ книгу (т.-е., трагедію), которая могла скоро разойтись и доставить мнѣ не малыя выгоды. Въ этомъ сочиненіи, со всѣмъ жаромъ сердца, пламенѣющаго любовію къ истинѣ, со всѣмъ негодованіемъ души, ненавидящей несправедливость, я въ картинѣ, довольно живой и вѣрной, представилъ тиранство людей, присвоившихъ себѣ гибельное и несправедливое право мучить себѣ подобныхъ. Герой моей драмы есть человѣкъ пылкій, съ страстями дикими и необузданными: его мысли вольны, поступки бѣшены,—и слѣдствіемъ ихъ была его гибель. Вообще скажу, что мое сочиненіе не можетъ оскорбить чувства чистѣйшей нравственности и что цѣль его есть самая нравственная. Подаю его въ цензуру—и что же вышло?.. Прихожу черезъ недѣлю въ цензурный комитетъ и узнаю, что мое сочиненіе цензоровалъ Л. А. Цвѣтаевъ (заслуженный профессоръ, статскій совѣтникъ и кавалеръ). Прошу секретаря, чтобы онъ выдалъ мнѣ мою тетрадь; секретарь, вмѣсто отвѣта, подбѣжалъ къ ректору (И. А. Двигубскому), сидѣвшему на другомъ концѣ стола, и вскричалъ: „Иванъ Алексѣевичъ! Вотъ онъ, вотъ г. Бѣлинскій!“ Не буду много распространяться, скажу только, что, несмотря на то, что мой цензоръ, въ присутствіи всѣхъ членовъ комитета, расхвалилъ мое сочиненіе и мои таланты какъ нельзя лучше, оно признано было безнравственнымъ, безчестящимъ университетъ, и о немъ составили журналъ!.. Но послѣ это дѣло

уничтожено, и ректоръ сказалъ мнѣ, что обо мнѣ ежемѣсячно будутъ ему подаваться особенныя донесенія.

„Каково это?... Я надѣялся на вырученную сумму откупиться отъ казны, жить на квартирѣ и хорошенько экипироваться—и всѣ мои блестящія мечты обратились въ противную дѣйствительность, горькую и бѣдственную. Я могъ бы найти кондицію, завести хорошія и полезныя для меня знакомства, но въ форменной одеждѣ, кромѣ аудиторіи, нигдѣ нельзя показаться, ибо она въ крайнемъ пренебреженіи (подробности объ одеждѣ).

„Лестная, сладостная мечта о пріобрѣтеніи извѣстности, объ освобожденіи отъ казеннаго кошта для того только ласкала и тѣшила меня, довѣрчиваго къ ея дѣтскому, легкомысленному лепету, чтобы только усугубить мои горести... Теперь, лишившись всѣхъ надеждъ моихъ, я совершенно *опустился: все равно*, вотъ девизъ мой“...

О результатахъ представленія пьесы въ цензуру разсказываетъ также Аргиландеръ:

„Съ окончаніемъ пьесы и нѣкоторыми сдѣланными въ ней измѣненіями, при общей нашей помощи, она была переписана, и Бѣлинскій самолично представилъ ее въ комитетъ, состоящій изъ профессоровъ университета. Прошло нѣсколько дней въ нетерпѣливомъ ожиданіи, какъ вдругъ разъ утромъ—въ это время я былъ одинъ въ номерѣ [1]) и мы занимались чтеніемъ какого-то періодическаго журнала —его потребовали въ засѣданіе комитета, помѣщавшагося въ зданіи университета. Спустя не болѣе получаса времени, вернулся Бѣлинскій, блѣдный какъ полотно, и бросился на свою кровать лицомъ внизъ; я сталъ его разспрашивать, что такое случилось, но ничего положительнаго не могъ добиться; онъ произносилъ только одно, и то весьма невнятно: „Пропалъ, пропалъ, каторжная работа, каторжная работа!“ Заглянувъ ему въ глаза и увидавъ почти смертную блѣдность лица, я крикнулъ сторожа, приказалъ принести воды и, сбрызнувъ его, далъ немного напиться. Когда же онъ сталъ успокаиваться, я болѣе его не разспрашивалъ, догадавшись, въ чемъ было дѣло, и только настоялъ на томъ, чтобъ онъ сей же часъ отправился въ клиническое отдѣленіе казеннокоштныхъ студентовъ, помѣщавшееся на томъ же университетскомъ дворѣ, близъ анатомическаго театра, и проводилъ его туда вмѣстѣ со сторожемъ. Вечеромъ того же дня я былъ въ больницѣ и узналъ отъ него, что профессора цензурнаго комитета распекли его-таки порядкомъ и грозили, что съ лишеніемъ правъ состоянія онъ будетъ сосланъ въ Сибирь, а могло случиться еще что-нибудь и хуже.

---

[1]) Казеннокоштные помѣщались по нѣсколько человѣкъ въ комнатѣ, или „номерѣ“. Бѣлинскій жилъ въ № 11.

Я его успокаивалъ по мѣрѣ возможности и доказывалъ ему, что самое большее, что могли съ нимъ сдѣлать,—это послать его, какъ неокончившаго курсъ казеннокоштнаго воспитанника, учителемъ приходскаго училища или исключить изъ университета".

Неудача съ драмой оказала, безспорно, сильное вліяніе на внѣшнюю судьбу Бѣлинскаго. Безспорно, что послѣдовавшее позднѣе исключеніе изъ университета находится въ органической связи съ драмою.

Едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что Бѣлинскій былъ удаленъ именно за пьесу. Формально придрались къ другому—къ тому, что въ теченіе трехлѣтняго пребыванія въ университетѣ Бѣлинскій частью не держалъ, частью не выдержалъ экзаменовъ. Но такъ какъ подобное неглижированіе совсѣмъ не было такимъ уже необычнымъ явленіемъ,—были случаи, что люди по десяти лѣтъ оставались на казенномъ коштѣ, не держа никакихъ экзаменовъ,—то и нельзя не привести исключеніе въ связь именно съ пьесой. Ко времени этого исключенія—сентябрю 1832 года въ московскомъ университетѣ водворились большія строгости.

Бѣлинскій и палъ жертвою этого режима. Безъ такого повальнаго стремленія „очистить" университетъ не было никакого основанія увольнять его. Строго говоря, не было даже формальнаго основанія для этого. Правда, кончался третій годъ пребыванія Бѣлинскаго въ университетѣ, и онъ не выдержалъ экзамена для перевода на „ординарныя" лекціи, т. е. на второй курсъ. Но какъ видно изъ офиціальнаго же донесенія инспектора Щепкина, которое сейчасъ будетъ приведено, второй годъ студенчества Бѣлинскаго—1830—31 „въ счетъ не принимается" по „случаю бывшей эпидеміи". Должно, слѣдовательно, было исходить изъ того, что онъ пробылъ не три, а только два года на первомъ курсѣ. И лучшимъ доказательствомъ, что только такъ и можно было смотрѣть, служитъ то, что въ началѣ 1831—32 учебнаго года никакого вопроса объ исключеніи Бѣлинскаго не подымалось. Нормальнымъ срокомъ экзамена, такимъ образомъ, являлась весна 1832 года. Но держать ихъ именно весной Бѣлинскій не могъ. Онъ былъ совершенно истощенъ продолжительною и изнурительною болѣзнью, продержавшей его нѣсколько мѣсяцевъ въ университетской клиникѣ. И вотъ онъ обращается съ законнѣйшею и ничтожнѣйшею по существу просьбою, въ которой не могъ ему отказать даже грозный Голохвастовъ.

„Вышедши изъ больницы, я просилъ Голохвастова, чтобы онъ, изъ уваженія къ моей долговременной болѣзни, позволилъ мнѣ въ концѣ августа или въ началѣ сентября держать особенный экзаменъ. Онъ, хотя и не обѣщалъ исполнить моей просьбы, но и не отказалъ, а сказалъ: хорошо, посмотримъ".

Окончательный результатъ, однако, былъ совершенно неожиданный:

„Я остался въ надеждѣ, и съ половины мая до самаго сентября, несмотря на чрезвычайно худое состояніе моего здоровья, работалъ и трудился, какъ чортъ, готовясь къ экзамену. Но экзамена не дали, а вмѣсто него увѣдомили объ увольненіи изъ университета“.

Изгнаніе Бѣлинскаго состоялось съ такою исключительною мотивировкою, что невольно является мысль о мщеніи исторической Немезиды, избирающей иногда самые неожиданные пути. Вѣдь сколько есть съ виду вполнѣ благоприличныхъ предлоговъ для исключенія студента, формально три года пробывшаго на одномъ курсѣ, а понадобился такой: инспекторъ и профессоръ П. С. Щепкинъ доносилъ помощнику попечителя (Голохвастову) о студентахъ Сомовѣ и Бѣлинскомъ:

„Виссаріонъ Бѣлинскій, сынъ штабъ-лекаря, поступилъ въ словесное отдѣленіе въ сентябрѣ 1829 года и затѣмъ вскорѣ на казенный коштъ. По окончаніи перваго учебнаго курса, онъ не оказалъ достаточныхъ успѣховъ для перевода на ординарныя лекціи отдѣленія. Въ теченіе же минувшаго учебнаго года, съ января мѣсяца до начала годовыхъ испытаній, лечился въ больницѣ. Бѣлинскій, самъ чувствуя свое безсиліе для продолженія наукъ, просилъ, въ 1831 году, уволить его отъ университета и опредѣлить въ канцелярскіе служители [1]).

„Не имѣя надежды, чтобы Сомовъ и Бѣлинскій: первый по совершенно разстроенному здоровью, а второй—также по слабому здоровью и *притомъ по ограниченности способностей*, могли образо-

---

[7]) По причинамъ, совершенно незатронутымъ Бѣлинскимъ въ перепискѣ съ родными и потому недостаточно яснымъ, онъ въ октябрѣ 1831 г. рѣшилъ оставить университетъ и подалъ прошеніе объ опредѣленіи его на службу въ училищный комитетъ московскаго университета. Надо думать, что на такое рѣшеніе повліяло два обстоятельства: ему, очевидно, не хотѣлось оставаться на третій годъ на первомъ курсѣ, и хотѣлось, по-прежнему, „сорваться съ казеннаго кошта“. Разсчитывать на помощь родителей нечего было и думать, вотъ онъ, вѣроятно, и задумалъ опредѣлиться къ симпатичному дѣлу, болѣе или менѣе обезпечивавшему его скромныя потребности (200 р. въ годъ) и въ то же время не прерывавшему его связей съ московскимъ университетомъ. Правленіе университета согласилось исполнить просьбу „оказавшагося неспособнымъ къ слушанію ординарныхъ лекцій“ Бѣлинскаго и въ этомъ смыслѣ сдѣлано представленіе попечителю. Но дѣло кончилось ничѣмъ, потому что въ виду того, что предстояло преобразованіе училищнаго комитета, рѣшено было на нѣкоторое время пріостановиться опредѣленіемъ на службу новыхъ лицъ. См. у Пыпина, I, стр. 72—73 и въ сборникѣ, изд. Пензенской Публич. Библіотекой въ память Бѣлинскаго (М. 1899)

ваться полезными чиновниками по учебной службѣ, долгомъ почитаю представить о семъ во вниманіе вашего превосходительства и просить объ увольненіи ихъ изъ университета“ [1]).

Эта классическая мотивировка, навсегда увѣковѣчивающая имя Щепкина, имѣетъ въ исторіи высшихъ учебныхъ заведеній, кажется, только одну аналогію—выданный тюбингенскимъ университетомъ Гегелю аттестатъ, въ которомъ было сказано, что онъ „молодой человѣкъ съ хорошими способностями, но не отличается ни прилежаніемъ, ни свѣдѣніями, весьма не искусенъ въ словѣ и можетъ быть названъ *идіотомъ въ философіи*“. Но если аттестація, выданная Гегелю, имѣетъ одинъ вполнѣ опредѣленный источникъ—школярскую тупость и неумѣнье разбираться въ явленіяхъ, на которыхъ еще не налѣплена этикетка, то аттестацію „ограниченности способностей“, выданную Бѣлинскому, не такъ-то легко подвести подъ одинъ типъ. Мы знаемъ, что цензора-профессора расхвалили самое

---

[1]) „Русск. Ст.“ 1876 г., т. XV, стр. 678. Представленіе Щепкина напечатано здѣсь по черновику изъ записной книги его. Но напечатано только *незачеркнутое*, т. е. то, что (очевидно, въ переписанномъ видѣ) и пошло къ попечителю. На выставкѣ въ память Бѣлинскаго, устроенной въ Москвѣ весною 1898 года Обществомъ любителей россійской словесности, былъ помѣщенъ въ особой витринѣ самый этотъ черновикъ (воспроизведенный затѣмъ въ альбомѣ выставки, изд. фототипіей Фишера), и ознакомленіе съ нимъ интересно въ томъ отношеніи, что совершенно точно устанавливаетъ дату исключенія Бѣлинскаго. До сихъ поръ, благодаря тому, что по странной разсѣянности Бѣлинскій ошибочно датировалъ подрядъ нѣсколько писемъ къ родителямъ *1832* годомъ, вмѣсто *1833* года, было фактическое основаніе относить его исключеніе къ сентябрю 1831 года. Датировано, между прочимъ, 1832 годомъ то самое письмо, въ которомъ Бѣлинскій пишетъ: „Въ сентябрѣ исполнится годъ, какъ я выключенъ изъ университета“. На основаніи этого вполнѣ категорическаго указанія и кн. Енгалычевъ, и редакція „Русск Ст.“ вносили поправку въ дату, установленную А. Н. Пыпинымъ въ его изслѣдованіи, когда оно еще печаталось въ „Вѣстникѣ Европы“, и относили исключеніе къ 1831 г. Въ отдѣльномъ изданіи своего изслѣдованія Пыпинъ вполнѣ убѣдительнымъ сопоставленіемъ нѣкоторыхъ выраженій того же самаго письма, на которомъ основывались кн. Енгалычевъ и редакція „Русск. Ст.“, (такихъ, напр., какъ „проходитъ уже четвертый годъ, какъ я поступилъ въ университетъ“), выяснилъ, что тутъ все дѣло въ разсѣянности Бѣлинскаго. Но все-таки его смущало это упорное повтореніе ошибки и онъ нерѣшительно говоритъ (т. I, стр. 62): „Исключеніе состоялось, кажется, въ сентябрѣ 1832 г.“, Теперь уже нерѣшительность можно отбросить. Въ зачеркнутыхъ строкахъ черновика Щепкина вотъ что сказано: „По окончаніи второго года, который, впрочемъ, не принимается въ счетъ полнаго *трехлѣтняго* курса по причинѣ бывшей эпидеміи, онъ также подвергался особому испытанію и оставленъ въ первомъ курсѣ“. Итакъ, Бѣлинскій былъ *три* года въ университетѣ: поступилъ осенью 1829 года и исключенъ, слѣдовательно, въ сентябрѣ 1832 г. Помѣчено представленіе Щепкина тоже 1832 годомъ.

„сочиненіе и таланты“ Бѣлинскаго „какъ нельзя лучше“. Не могъ же этого не знать инспекторъ и, очевидно, его мотивировка была вынужденная. Современники именно такъ на нее и смотрѣли. „По всѣмъ отзывамъ, какіе намъ приходилось читать и слышать“, говоритъ Пыпинъ, „трагедія имѣла положительную роль въ исключеніи Бѣлинскаго изъ университета“.

„Исторія Бѣлинскаго сильно волновала студентовъ,—разсказываетъ одинъ современникъ,—и долго толковали о ней товарищи. Мы (студенты) съ изумленіемъ услыхали, что Бѣлинскій исключенъ изъ университета за неспособностью; конечно, никто изъ насъ не подозрѣвалъ въ немъ знаменитаго критика, какимъ онъ явился впослѣдствіи, но все же мы почитали его однимъ изъ самыхъ умныхъ и даровитыхъ студентовъ и въ исключеніи его видѣли вопіющую несправедливость“ (Пыпинъ, I, стр. 71).

Не трудно себѣ представить душевное состояніе Бѣлинскаго послѣ исключенія. Уже послѣ исторіи съ драмой онъ писалъ родителямъ: „Лишившись всѣхъ надеждъ моихъ, я совершенно опустился, *все равно*—вотъ девизъ мой“. Теперь же, конечно, отчаяніе было полное, потому что дѣло шло уже не только о будущемъ, но о томъ, гдѣ сегодня же приклонить голову. Отчаяніе Бѣлинскаго было велико не столько потому, что лично онъ былъ выброшенъ на улицу, сколько потому еще, что съ перваго момента поступленія въ университетъ онъ смотрѣлъ на себя, какъ на будущую опору семьи. Если онъ сдерживалъ свой неистовый нравъ въ столкновеніяхъ съ университетскимъ начальствомъ, то именно потому, что его никогда не покидало сознаніе о взятомъ на себя, хотя и вполнѣ добровольно, обязательствѣ. „Да правду, я ихъ (ректора и инспектора) очень мало боюсь,—писалъ онъ родителямъ,—только одна мысль, что *я не одинъ* (курсивы Б.), удерживала меня *поговорить* съ ними *обстоятельнѣе*“. „Я живу не *для себя*,—пишетъ онъ въ другомъ письмѣ, извѣщая родителей о своемъ исключеніи,—помню, что я крѣпкими узами связанъ съ кровными—и вотъ только поэтому-то и огорчаюсь“. И дома крѣпко надѣялись на него. „Вы сами знаете,—писала ему Катя Иванова въ 1831 году,—что вы должны быть опорой вашего семейства и знаете ихъ надежду на васъ!“.. Когда въ Чембарѣ получилось письмо Бѣлинскаго съ описаніемъ постигшихъ его цензурныхъ невзгодъ, то мать „глазъ не осушала цѣлый день“, по сообщенію той же Кати Ивановой, и ее „не знали, какъ утѣшить“. Но, конечно, разстроило ее не огорченіе сына и крушеніе дорогихъ ему литературныхъ надеждъ, а то, что онъ утратилъ „выгодное мнѣніе начальства“ и могъ лишиться „казеннаго кошта“.

Зная все это, Бѣлинскій долго ничего не сообщалъ родителямъ о

неожиданномъ завершеніи своей университетской карьеры. Мало того, онъ *систематически скрывалъ* отъ родныхъ постигшій его ударъ судьбы, въ корнѣ подрѣзавшій всѣ ихъ упованія: „Девять мѣсяцевъ таилъ я отъ васъ свое несчастіе, обманывалъ всѣхъ чембарскихъ, бывшихъ въ Москвѣ, *лгалъ и лицемѣрилъ*, скрѣпя сердце“...

Мимо этого скрыванія, мимо этой *лжи* (какое слово въ примѣненіи къ Бѣлинскому!) нельзя быстро пройти, какъ это дѣлаетъ Пыпинъ. Надо непремѣнно остановиться и опредѣлить, съ чѣмъ мы тутъ имѣемъ дѣло. Нельзя оставить безъ тщательнѣйшаго изслѣдованія такое обстоятельство въ біографіи человѣка, жизнь котораго носитъ поистинѣ героическій характеръ, хотя вся она и протекла въ тиши рабочей комнаты. Во вступительныхъ страницахъ настоящаго этюда Бѣлинскій названъ „рыцаремъ безъ страха и упрека, на свѣтлой памяти котораго нѣтъ ни *единаго самомалѣйшаго пятнышка*“. Это сказано не въ качествѣ обобщающей фразы, характеризующей основные контуры и главныя очертанія, фразу надо понимать буквально. Это точный выводъ изъ всего того, что когда либо сообщалось о Бѣлинскомъ и сообщено имъ самимъ въ лучшемъ матеріалѣ для его біографіи—въ его письмахъ. Во всемъ біографическомъ матеріалѣ о Бѣлинскомъ, накопившемся за шестьдесятъ лѣтъ, нѣтъ ни одной черточки, которая хотя въ чемъ-нибудь омрачала бы его свѣтлый образъ. Бѣлинскій не просто хорошій, прекрасный, благородный человѣкъ, онъ—личность совершенно исключительная. Тургеневъ, перевидавшій на своемъ вѣку всѣхъ замѣчательныхъ людей Россіи и Европы, восклицаетъ: „Нѣтъ, подобнаго ему человѣка я не встрѣчалъ ни прежде, ни послѣ“. То же, въ разныхъ выраженіяхъ, говорятъ и Панаевъ, и Кавелинъ, и Герценъ, еще болѣе Тургенева видавшій людей и при томъ въ такихъ рядахъ, которые къ вопросамъ нравственнаго совершенства относились съ особенною чуткостью. Даже многочисленные литературные враги Бѣлинскаго, даже г. Медвѣдскій въ наши дни не дерзнули посягнуть на красоту его образа. Историкъ литературы, особенно часто указывавшій на руководящую и, слѣдовательно, первенствующую по отношенію къ намъ роль Запада—Алексѣй Веселовскій, занявшись личностью Бѣлинскаго, долженъ былъ признать, что въ его лицѣ мы имѣемъ духовную организацію, равной которой, по стремительности и беззавѣтности исканія правды, нѣтъ среди представителей европейской критики. Такимъ образомъ, Бѣлинскій есть явленіе совершенно исключительное. Въ этихъ очертаніяхъ Бѣлинскій, можно сказать, не просто человѣкъ, а „учрежденіе“, какъ говорили французы, съ другой точки зрѣнія, о Викторѣ Гюго. Существованіе такой личности, если хотите, прямо логически необходимо. Надо же имѣть мѣру вещей, надо имѣть идеалъ, изъ кото-

раго можно было бы исходить, произнося приговоры надъ литературными дѣятелями. Какъ мы будемъ требовать согласованія слова и дѣла, проповѣди и практики, если исторія литературы не дастъ намъ живого примѣра возможности такого согласованія? Долженъ же хоть на комъ-нибудь отдохнуть тотъ желчный пессимизмъ, то горькое и обидное чувство, которое назрѣваетъ въ историкѣ литературы по мѣрѣ того, какъ онъ ближе присматривается къ разнымъ установившимся литературнымъ репутаціямъ.

Бѣлинскій и есть эта мѣра вещей литературныхъ, этотъ абсолютно-чистый праведникъ, жизнь котораго показываетъ, что есть въ литературѣ пророки настоящіе и что достиженіе полнаго согласованія слова и дѣла не есть пустая химера. Вотъ почему, повторяю, никакъ нельзя ограничиться простымъ констатированіемъ того, что за годъ до „Литературныхъ мечтаній“ и уже будучи авторомъ такого благороднѣйшаго произведенія, какъ „Дмитрій Калининъ“, Бѣлинскій, какъ только жизнь поставила его въ непріятное для его самолюбія положеніе, позволилъ себѣ такую элементарную непорядочность.

Но въ томъ-то и дѣло, что это отступленіе Бѣлинскаго отъ правды было отступленіемъ только внѣшнимъ. По существу же это было не неправда, а именно правда, то, что въ возвышеннѣйшихъ системахъ этики принято обозначать какъ pia fraus—благочестивый обманъ для блага другого. И можно съ особеннымъ душевнымъ удовлетвореніемъ остановиться на этой чисто-формальной лжи, потому что во всей жизни Бѣлинскаго было только *два случая*, когда онъ позволилъ себѣ чисто-формально отступить отъ истины. Два случая въ теченіе 20 лѣтъ горькой и тяжкой нужды—кажется, такой человѣкъ безъ всякой „партійной“ натяжки могъ бы быть названъ праведникомъ даже тогда, если бы эти два случая были вызваны собственною выгодою. На самомъ же дѣлѣ Бѣлинскій въ обоихъ случаяхъ руководился не своею, а чужою выгодою, онъ щадилъ не свое, а чужое самолюбіе и чужое огорченіе. Одинъ разъ Бѣлинскій, тоже по собственному опредѣленію, „солгалъ“ въ 1843 году, когда, желая скрыть отъ пріятелей нѣкоторыя, какъ ему казалось, пошлыя воззрѣнія своей невѣсты, далъ имъ другое объясненіе, а вотъ другой разъ онъ „лгалъ и лицемѣрилъ“ послѣ исключенія изъ университета. Но почему „лгалъ“? Изъ корысти, потому что зависѣлъ отъ родителей, получалъ отъ нихъ деньги и долженъ былъ бояться, что съ обнаруженіемъ печальной истины лишится ихъ? Совсѣмъ напротивъ. Именно скрываніе-то и лишало его той ничтожной помощи, которую ему оказывали родители до тѣхъ поръ, какъ онъ поступилъ на казенный коштъ. Онъ продолжалъ считаться пребывающимъ на казенномъ коштѣ и, слѣдовательно, продолжалось считаться, что онъ

въ деньгахъ не нуждался. „Лгалъ“ же Бѣлинскій и лицемѣрилъ исключительно потому, что ему жаль было стариковъ, жаль было лишать ихъ послѣднихъ надеждъ. Чтобы ослабить ударъ, Бѣлинскій рѣшилъ сообщить имъ печальную новость только тогда, когда дѣла его примутъ хоть сколько-нибудь лучшій оборотъ. „При одной мысли (объ васъ),—пишетъ онъ матери,—сердце мое обливается кровью. Я потому такъ долго молчалъ, что еще надѣялся хотя сколько-нибудь поправить свои обстоятельства, чтобы вы могли узнать объ этомъ хладнокровнѣе... Я не щадилъ себя, употребилъ всѣ усилія къ достиженію своей цѣли, ничего не упускалъ, хватался за каждую соломенку и, претерпѣвая неудачи, не унывалъ и не приходилъ въ отчаяніе—для васъ, только для васъ. Я всегда живо помнилъ и хорошо понималъ мои къ вамъ отношенія и обязанности, терпѣлъ все, боролся съ обстоятельствами, сколько доставало силъ, трудился и, кажется, не безъ успѣха“.

И, конечно, только сознаніе, что, по своимъ мотивамъ, такое „лганье“ не унизительно, и дало Бѣлинскому нравственную увѣренность закончить письмо отцу слѣдующимъ образомъ: „Если это (исключеніе) васъ огорчитъ, то она одна моя мольба къ вамъ: ни слова въ упрекъ. Если я, болѣе или менѣе, былъ самъ причиною сего моего несчастья, то, повѣрьте, я съ лихвою наказанъ за это самимъ собою. Надѣюсь, что вы поймете меня. Я уже не мальчикъ и свой собственный судъ для меня всего страшнѣе“.

А этотъ судъ былъ всегда неумолимъ. Самобичеваніе и недовольство собою составляетъ одну изъ наиболѣе трогательныхъ чертъ въ характерѣ Бѣлинскаго, и переписка его полна курьезнѣйшихъ самообвиненій. И тщеславенъ-то онъ, и недостаточно искрененъ, и духъ у него дряблый, и даже неспособенъ онъ всецѣло отдаться какой-нибудь идеѣ. „Бѣда только въ томъ,—писалъ онъ въ одномъ письмѣ 1837 года,—что идея не проникаетъ, не въѣдается, такъ сказать, въ сокровенные тайники моего бытія, не овладѣваетъ всѣмъ существомъ моимъ“. Это онъ-то, неистовый Виссаріонъ, мало проникался идеею!

Я сейчасъ коснусь тѣхъ совершенно мнимыхъ „послѣдствій“, которыя, по мнѣнію враговъ Бѣлинскаго, хватавшихся за каждый предлогъ чѣмъ-нибудь его уязвить, повело за собой исключеніе его изъ университета. Но раньше отмѣчу еще одинъ эпизодъ его студенческой жизни—его первое появленіе въ печати.

Это относится къ 1831 году, когда нѣкій кн. Д. В. Львовъ [1])

---

[1]) Въ бывшихъ у А. Н. Пыпина, но не напечатанныхъ имъ письмахъ Бѣлинскаго, издателемъ называется какой-то Артемовъ. Но это имя въ «Листкѣ» нигдѣ не названо.

вздумалъ выпускать періодическое изданіе подъ заглавіемъ „Листокъ". Съ перваго взгляда „Листокъ" производилъ впечатлѣніе поразительнаго убожества. Представьте себѣ „листокъ" въ буквальномъ смыслѣ слова—2 страницы текста, ростомъ въ обыкновенный писчій листъ. Чрезъ нѣкоторое время форматъ и объемъ измѣнились, и „Листокъ" выходилъ 4 листками въ четверку. Состояли номера изъ какого-то невообразимаго мусора: какія-то описанія московскихъ улицъ и балагановъ, повѣсти, занимающія 2 столбца, шарады, анекдоты и т. п. Но вмѣстѣ съ тѣмъ общій тонъ этой скорѣе дѣтской забавы, чѣмъ дѣйствительнаго періодическаго изданія, былъ очень симпатиченъ. Такъ, одною изъ цѣлей „Листка" было взываніе къ благотворительности (см. № 10) и указываніе лицъ, которымъ надо прійти на помощь. Одинъ изъ наиболѣе дѣятельныхъ сотрудниковъ „Листка"—другой кн. Львовъ, съ иниціалами В. С., писалъ такія стихи:

Сжальтесь, сжальтесь надъ убогимъ,
Не отвергните его,
Я доволенъ хоть немногимъ,
Ломоть хлѣбца мнѣ всего.

Очень забавно, но вмѣстѣ съ тѣмъ и очень симпатично по своимъ стремленіямъ другое произведеніе кн. В. С. Львова—„Картины изъ крестьянскаго быта",—имѣющее цѣлью показать, что и крестьянамъ доступны весьма нѣжныя чувства:

„Вы думаете, господа городскіе жители, что въ курной избѣ, куда сквозь маленькія нечистыя окна рѣдко проникаетъ лучъ солнца, гдѣ живутъ по виду не люди, а варвары, какъ честятъ всѣ иностранцы и многіе русскіе православныхъ нашихъ, не можетъ родиться никакая страсть благородная? Ошибаетесь и очень ошибаетесь"!

И въ доказательство разсказывается исторія, какъ зачахла отъ любви деревенская дѣвушка, когда ея милаго забрили въ солдаты.

Рядомъ съ ничтожнѣйшими стишками, въ „Листкѣ" появились стихи „Съ Гейне" Н. Кирова (№ 17). Едва ли Гейне тутъ не впервые появляется въ Россіи и стихи выбраны не любовные, а тѣ, въ которыхъ юноша вопрошаетъ волны:

Скажите: къ чему все бытье человѣка?
Откуда пришелъ онъ? Куда онъ идетъ?
Кто тамъ въ высотѣ надзвѣздной живетъ?

Содержаніе „Листка" становилось все серьезнѣе и подъ конецъ [1])

---

[1]) Всего вышло 49 номеровъ. «Листокъ» довольно неаккуратно выходилъ 2 раза въ недѣлю. Онъ прекратился въ іюлѣ. Въ письмѣ отъ 29 сентября

получаетъ литературный интересъ. Таковы, напр., довольно ядовитыя выходки противъ Полевого (№ 25—26), рецензіи, подписанныя иниціалами *П. С.*, театральныя рецензіи, подписанныя **, разборъ „Наложницы“ Баратынскаго (№ 39) и др.

По странной ироніи судьбы именно въ этомъ, въ общемъ, все-таки совершенно ничтожномъ „Листкѣ“ суждено было впервые явиться въ печати нѣсколькимъ геніальнымъ писателямъ. Въ „Листкѣ“ напечатаны первыя стихотворенія Кольцова (Вздохъ на могилѣ В—ва въ № 22, „Посланіе къ ***“, въ № 39, и „Посланіе къ А—й“, въ 42—43), одна изъ эпиграммъ, приписываемыхъ Лермонтову [1]), и, наконецъ, первыя печатныя произведенія Бѣлинскаго—

1831 г. Бѣлинскій писалъ брату: „О „Листкѣ“ не безпокойся. Многострадательный юноша кончилъ свою жизнь; великій мужъ помре вмалѣ... Вотъ уже болѣе двухъ мѣсяцевъ, какъ объ немъ нѣтъ ни слуху, ни духу“. („Рус. Ст.“ XV, стр. 64).

[1]) Знакомясь съ „Листкомъ,“ я былъ не мало изумленъ, наткнувшись на слѣдующую статейку.

АЛЬБОМЪ.

Первый блинъ, да комомъ!

Прошу не оскорбляться, почтенныя читальницы; я разскажу случай, который не могъ бы встрѣтиться въ *хорошемъ* обществѣ (курсивъ „Листка“); цѣль моя состоитъ въ томъ, чтобъ заставить васъ улыбнуться, а общество, въ которомъ это случилось, вѣрно, не одинъ разъ заставляло васъ не только улыбаться, но и смѣяться даже отъ добраго сердца!

Подражаніе губитъ людей такого тона: „У графини есть альбомъ—какъ мнѣ не имѣть?“—сказала Матрена Савишна, дѣвушка или, такъ сказать, *барышня*.—Купила альбомъ.—„Сдѣлайте одолженіе, Николай Максимовичъ, начните вы писать въ моемъ альбомѣ“.—Долго отговаривался онъ, наконецъ, *кто можетъ противъ власти женской?* взялъ перо, чтобъ удовлетворить неотвязчивую Матрену Савишну, открылъ первый листъ и—пишетъ

Три граціи считались въ древнемъ мірѣ;
Родились вы...

„Нѣтъ, полноте! зачѣмъ! уже это явная лесть!“—„Дайте кончить“,—сказалъ хладнокровно избранный на важное начало, и продолжалъ:

Родились вы - все *три*, а не *четыре*!

Разумѣется, что Николай Максимовичъ не могъ сказать намъ, чѣмъ наполнился послѣ альбомъ, онъ съ тѣхъ поръ не видалъ ни его, ни Матрену Савишну“.

Изумленіе мое вполнѣ понятно, потому что приведенное въ статейкѣ двустишіе принадлежитъ къ числу извѣстнѣйшихъ эпиграммъ Лермонтова и помѣщается во всѣхъ изданіяхъ его стихотвореній безъ всякихъ оговорокъ и безъ всякихъ сомнѣній въ томъ, что эта удивительно тонкая насмѣшка,

стихотвореніе „Русская Быль“ (въ № 40—41, подпись *В. Б—ій*) и маленькая рецензія (въ № 45, безъ подписи). И если еще прибавить, что цензуровалъ „Листокъ“ Сергѣй Аксаковъ, то букетъ получается замѣчательно литературный.

„Русская Быль“—произведеніе странное. Нельзя про него сказать,

---

дѣйствительно, принадлежитъ ему. Болѣе точное разслѣдованіе показываетъ, что въ рукописяхъ Лермонтова эпиграммы нѣтъ и взята она всѣми издателями изъ записокъ Хвостовой, гдѣ разсказано вотъ что:

„Въ нашемъ обществѣ была тогда одна барышня, сосѣдка по чембарской деревнѣ; она упрашивала Лермонтова не терять словъ для нея и написать ей на память хоть строчку правды для ея альбома. Онъ ненавидѣлъ попрошаекъ и, не имѣя возможности отдѣлаться отъ ея настойчивости, сказалъ: „Ну, хорошо, дайте листокъ бумаги, я вамъ выскажу правду“. Сосѣдка принесла поскорѣе бумаги и перо, онъ началъ:

Три граціи...

Барышня смотрѣла черезъ плечо на рождавшіяся слова, и сказала: „Михаилъ Юрьевичъ, безъ комплиментовъ! Я правды хочу“.—Не тревожьтесь, будетъ правда“, отвѣчалъ онъ и продолжалъ:

Три граціи считались въ древнемъ мірѣ,
Родились вы... все три, а не четыре!

За такую сцену можно было бы платить деньги; злое торжество Мишеля, душившій насъ смѣхъ и слезы воспѣтой,—все представляло комическую картину“ („Русск. Вѣст,“ 1857 г., т. V, стр. 402).

Признаться, первою моею мыслью при сопоставленіи замѣчательнаго совпаденія статейки „Листка“ съ этимъ мѣстомъ записокъ Хвостовой было то, что Хвостова вклеила въ нихъ ходячій анекдотъ. Отъ нашихъ мемуаристовъ, а въ особенности мемуаристокъ это вполнѣ станется. Вѣдь вставляла же Смирнова въ свои знаменитыя записки и пріурочила къ Пушкину десятки прямо дикихъ анахронизмовъ, физически немыслимыхъ, потому что они связаны съ событіями, случившимися уже послѣ смерти Пушкина. Въ данномъ случаѣ однако такой физической невозможности нѣтъ. Дѣло въ томъ, что осень холернаго 1830 года Лермонтовъ и его бабушка Арсеньева проводили въ Москвѣ и въ подмосковной деревнѣ Арсеньевой. По вечерамъ у Арсеньевой, чтобы разсѣять старуху, собиралось большое общество молодежи, развлекавшееся разными играми и забавами. На одномъ изъ этихъ вечернихъ собраній и произошла, по словамъ Хвостовой, описанная ею сцена. Возможно, что острота Лермонтова разнеслась по великосвѣтскимъ кружкамъ и дошла до князей Львовыхъ, которые и тиснули ее въ „Листкѣ“.

Для изслѣдователей Лермонтова прибавимъ, кстати, что злая шутка не всецѣло принадлежитъ ему. Она собственно представляетъ собою передѣлку заключительныхъ строкъ пошлаго мадригала, посвященнаго одной актрисѣ поэтомъ Екатерининскихъ временъ Василіемъ Петровымъ:

Три граціи во всемъ считались мірѣ:
Когда родилась ты—вдругъ стало ихъ четыре.

(См. „Русск. Поэзію“ подъ ред. Венгерова т. I, стр. 446).

что оно очень слабое, потому что недостатки его—болѣе нелѣпая, чѣмъ дикая, кровожадность, которою оно проникнуто,—не могутъ быть всецѣло приписаны юному стихотворцу, явно впадавшему въ тонъ, не имъ созданный. Но, конечно, еще менѣе можно его назвать сколько-нибудь удовлетворительнымъ. Трудно сказать, подражаніемъ чему именно является „Русская Быль". Русскія народныя пѣсни никогда подобною кровожадностью не отличаются, да еще такою изысканною, чтобы подать измѣнницѣ на серебряномъ блюдѣ сердце убитаго соперника. Это ужасы вполнѣ романтическіе, плодъ недавняго чтенія и увлеченія кровавыми произведеніями эпохи, втиснутый внѣшнимъ образомъ въ рамки русскаго быта и изложенный русскимъ пѣсеннымъ складомъ.

Зато рецензія очень интересна, показывая, что критическое чутье Бѣлинскаго уже вполнѣ созрѣло. Она трактуетъ о „Борисѣ Годуновѣ" и вполнѣ соотвѣтствуетъ тому, что сообщаетъ Поповъ о замѣчательной перемѣнѣ къ лучшему въ эстетическихъ воззрѣніяхъ Бѣлинскаго, которую онъ не могъ не замѣтить, когда свидѣлся съ нимъ въ началѣ 1831 года. Будучи въ гимназіи, Бѣлинскій, „по лѣтамъ своимъ, еще не могъ отрѣшиться отъ обаянія первыхъ пушкинскихъ поэмъ и мелкихъ стиховъ. Непривѣтно встрѣтилъ онъ сцену: *Келья въ Чудовомъ монастырѣ*. Онъ и въ то время не скоро сдавался на чужое мнѣніе. Когда я объяснялъ ему высокую прелесть въ простотѣ, поворотѣ къ самобытности и возрастаніе таланта Пушкина, онъ качалъ головой, отмалчивался или говорилъ: „Дайте, подумаю; еще прочту".

Теперь, когда Поповъ, во время масляницы 1831 года, свидѣлся съ Бѣлинскимъ, тотъ же „Борисъ Годуновъ" явился наиболѣе яркимъ показателемъ его духовнаго роста. „Я увидѣлъ большую перемѣну въ Бѣлинскомъ. Умъ его возмужалъ; въ замѣчаніяхъ его проявлялось много истины. Тамъ прочли мы только что вышедшаго тогда (въ полномъ составѣ) „Бориса Годунова". Сцена „Келья въ Чудовомъ монастырѣ" на своемъ мѣстѣ, при чтеніи всей драмы, показалась мнѣ еще лучше. Бѣлинскій съ удивленіемъ замѣчалъ въ этой драмѣ вѣрность изображеній времени, жизни и людей; чувствовалъ поэзію въ пятистопныхъ безрифменныхъ стихахъ, которые прежде называлъ прозаичными, чувствовалъ поэзію и въ самой прозѣ Пушкина. Особенно поразила его сцена „Корчма на литовской границѣ". Прочитавъ разговоръ хозяйки корчмы съ собравшимися у нея бродягами, улики противъ Григорія и бѣгство его черезъ окно, Бѣлинскій выронилъ книгу изъ рукъ, чуть не сломалъ стулъ, на которомъ сидѣлъ, и восторженно закричалъ: „Да это живые; я видѣлъ, я вижу, какъ бросился онъ въ окно!" Въ немъ уже

проявился тотъ критическій взглядъ, который впослѣдствіи руководилъ имъ при оцѣнкѣ сочиненій Гоголя".

Рецензія собственно не касается трагедіи. Она высмѣиваетъ ничтожную брошюрку неизвѣстнаго автора: „О Борисѣ Годуновѣ, сочиненіи Александра Пушкина. Разговоръ. М. 1831". Но мимоходомъ рецензентъ весьма ясно даетъ понять, какого онъ высокаго мнѣнія о трагедіи. Онъ проявляетъ тутъ полную самостоятельность, нападая на Полевого и слегка иронизируя надъ Надеждинымъ, тогда только что выступившимъ подъ псевдонимомъ Надоумки. Немногія строки о Надеждинѣ очень интересны какъ потому, что онѣ мѣтко опредѣляютъ духовную сущность Надеждина, лишеннаго глубокихъ убѣжденій, такъ и потому, что онѣ показываютъ, что еще студентомъ Бѣлинскій относился къ Надеждину съ достаточною дозою скептицизма. „Въ одномъ только *Телескопѣ*,—писалъ Бѣлинскій,—„Борисъ Годуновъ" былъ оцѣненъ по достоинству. Извѣстный г. Надоумко, который, вѣроятно, издателю этого журнала (т. е. Надеждину) не чужой и который нѣкогда совѣтовалъ Пушкину сжечь Годунова, теперь сіе же самое твореніе взялъ подъ свое покровительство. Но это сдѣлано имъ, кажется, только для того, что онъ, г. Надоумко, какъ самъ признается, любитъ плавать противъ воды, идти наперекоръ общему голосу и вызывать на бой общее мнѣніе" [1]).

Чтобы покончить съ литературными дебютами Бѣлинскаго, надо еще отмѣтить второе его появленіе въ печати—переводъ романа Поль-де-Кока „Магдалина", вышедшій 4 небольшими томиками. (М. 1833. Имя переводчика означено инициалами *В. Б.*). Послѣ исключенія изъ университета, Бѣлинскій бросался во всѣ стороны, ища заработка, и, между прочимъ, задумалъ перевести романъ Поль-де-Кока „Монфермельская молочница". Но его ждала неудача. „Къ Рождеству (1832 г.),—писалъ онъ роднымъ,—съ великими трудами, просиживая иногда напролетъ цѣлыя ночи, а во время дня не слѣзая съ мѣста, перевелъ я (романъ), въ надеждѣ пріобрѣсти рублей 300. Но фортуна и тутъ прежестоко подшутила надо мной: въ газетахъ было объявлено о другомъ переводѣ сего самого сочиненія, и потому я едва-едва могу получить 100 руб ассигн.". На самомъ дѣлѣ онъ, вѣроятно, и 100 р. не получилъ, потому что „Монфермельская молочница" имѣется только въ одномъ переводѣ, и его переводъ издателя не нашелъ. Неудача, однако, не обезкуражила Бѣлинскаго, онъ засѣлъ за новый романъ того же Поль-де-Кока, который ему далъ 200 р.

---

[1]) Невходившая прежде въ собр. соч. Бѣлинскаго первая рецензія его вошла въ I т. моего изданія.

Въ своихъ („Москов. Вѣд.“, 1898), писаніяхъ по поводу юбилея Бѣлинскаго г. Медвѣдскій не преминулъ ядовито отмѣтить, что вотъ, молъ, „либералы“ доказываютъ, что Бѣлинскій такой, сякой, хорошій, да благородный, а между тѣмъ онъ насадилъ въ русской литературѣ поль-де-коковщину. Если бы г. Медвѣдскій чуточку получше зналъ Бѣлинскаго, онъ могъ бы напитать свои стрѣлы еще бо̀льшимъ ядомъ. Я ему великодушно приду на помощь и приведу нѣсколько строкъ изъ отзыва самого же Бѣлинскаго о томъ писателѣ, распространенію котораго онъ посвятилъ первое напряженіе духовныхъ силъ. Два года послѣ выхода „Магдалины“ Бѣлинскій писалъ въ „Телескопѣ“:

„Передо мною лежитъ романъ Поль-де-Кока „Сынъ моей жены“, перелистываю его съ разстановкою и трепещу при мысли, что это подлое и гадкое произведеніе можетъ быть прочтено мальчикомъ, дѣвочкой и дѣвушкой; трепещу при мысли, что Поль-де-Кокъ почти весь переведенъ на русскій языкъ и читается съ услажденіемъ всей Россіей“.

Въ другой рецензіи того же времени онъ называетъ Поль-де-Кока „корифеемъ кабаковъ и лакейскихъ“, пишущимъ для „любителей неблагопристойныхъ сочиненій“ и т. д. Правда, чрезъ нѣсколько лѣтъ Бѣлинскій значительно измѣнилъ свой взглядъ на Поль-де-Кока, называлъ его Теньеромъ и даже сближалъ съ Беранже. Но сейчасъ, для опредѣленія чисто-нравственной стороны положенія, имѣетъ значеніе только взглядъ Бѣлинскаго, хронологически наиболѣе близкій къ тому времени, когда онъ выпустилъ переводъ „Магдалины“. Сознаюсь откровенно, подчеркиванія г. Медвѣдскаго меня смутили не мало. Говоря словами сейчасъ приведенной рецензіи, всякій поклонникъ Бѣлинскаго и его великаго сердца не можетъ не „трепетать при мысли, что подлыя и гадкія произведенія“ Поль-де-Кока вошли въ литературный обиходъ, между прочимъ, при содѣйствіи „неистоваго Виссаріона“.

Смущеніе, однако, прошло совершенно безслѣдно, какъ только я приступилъ къ непосредственному разслѣдованію литературнаго проступка Бѣлинскаго, т. е. началъ читать самый corpus delicti— „Магдалину“. Рекомендую г. Медвѣдскому сдѣлать то же самое, и онъ убѣдится, что и этотъ маленькій козырь въ игрѣ противъ Бѣлинскаго (вѣдь въ концѣ концовъ нравственный типъ человѣка не можетъ же считаться установившимся въ такіе молодые годы) придется ему выпустить изъ рукъ. Изъ этого испытанія Бѣлинскій выходитъ все тѣмъ же рыцаремъ безъ страха и упрека, не имѣющимъ на своей репутаціи ни *одного*, самомалѣйшаго пятнышка.

Первый разъ въ жизни пришлось мнѣ читать Поль-де-Кока,

въ наше время совершенно забытаго, а нѣкогда, наравнѣ съ Дюма, всеобщаго любимца. Его читалъ даже столь далекій отъ литературы Чертопхановъ, соединившій всѣ доступныя ему пріятности жизни въ одно представленіе:

Хлопъ въ лобъ, въ потолокъ,
Ай-да шельма Поль-де-Кокъ.

Я зналъ и теоретически, по разнымъ критическимъ статьямъ, что „подлость“ и „гадость“ произведеній Поль-де-Кока очень относительны и сводятся, большею частью, къ разстройству желудка. Но все-таки чтеніе „Магдалины“ привело меня въ совершенное изумленіе, въ данномъ случаѣ, конечно, чрезвычайно пріятное. „Грязи“ въ смыслѣ эротическомъ въ немъ нѣтъ и слѣда. Во всемъ романѣ есть единственная глава, посвященная щекотливому предмету—„паденію“ нѣкой маркизы Эрнестины. Но и эта глава обрывается на томъ, какъ будущій любовникъ уговариваетъ маркизу провожать сосѣдей и затѣмъ они одни возвращаются домой. Нѣтъ даже простого многоточія, которое принято ставить въ этихъ случаяхъ. Не только по сравненію съ французскими натуралистами послѣднихъ десятилѣтій, но даже по сравненію съ русскими писателями эта самая рискованная глава есть олицетвореніе скромности. Смѣшно ее даже сравнивать съ „паденіемъ“ Елены въ „Наканунѣ“ или Вѣры въ „Обрывѣ“. А собственно „польдекоковщина“ въ „Магдалинѣ“ сводится къ нѣсколькимъ эпизодамъ въ излюбленномъ стилѣ французской юмористики: гризетки объѣлись пряниковъ и внезапно должны спасаться въ кусты; близорукій господинъ, вмѣсто разсыпавшихся боченковъ отъ лотто, подбираетъ съ земли остатки отъ прохожденія мимо того мѣста, гдѣ онъ шарилъ, нѣсколькихъ козъ; одна старушка, всегда имѣющая при себѣ „свою добрую пріятельницу“—клистирную трубку, попадаетъ въ неловкое положеніе въ присутствіи нѣкоего молодого человѣка—вотъ и все „грязное“ въ романѣ. Не скажу, чтобы все это было очень „чисто“, эстетично и даже просто забавно. Но все-таки смѣю думать, переводъ такихъ невинныхъ вещей, ничего не прибавляя къ лаврамъ Бѣлинскаго, ровно ничего не прибавляетъ и къ лаврамъ г. Медвѣдскаго, и безъ того уже блистательно доказавшаго, что Бѣлинскій—величина, не по заслугамъ раздутая „либералами“. Къ тому же въ общемъ составѣ романа „польдекоковщина“ занимаетъ не болѣе трехъ, четырехъ главъ. Остальное представляетъ собою типичнѣйшій романъ добраго стараго времени—„правоучительный и длинный“: порокъ наказывается, добродѣтель вознаграждается и торжествуетъ, устраивается свадьба, отецъ находитъ свою дочь, симпатичная крестьянка оказывается графиней и т. д. Главное дѣйствующее лицо, по имени котораго названъ романъ,—воспитан-

ная крестьянкой, а на самомъ дѣлѣ дочь графа Магдалина есть олицетвореніе великодушія и самопожертвованія, и романъ кончается ея словами: „Всѣ, которыхъ я люблю, счастливы, значитъ, и я счастлива“.

Я не считалъ, конечно, нужнымъ заняться изслѣдованіемъ того, занимаетъ ли „Магдалина“ въ ряду романовъ Поль-де-Кока исключительное положеніе или же остальные его романы тоже въ этомъ родѣ. Интересуетъ меня не авторъ, а переводчикъ. Весьма даже возможно, что переводчикъ многое выбросилъ. Но какъ бы то ни было, въ томъ видѣ, въ какомъ вышла „Магдалина“ на русскомъ языкѣ, нѣтъ надобности слѣдовать совѣту Бѣлинскаго, который даже въ позднѣйшей статьѣ, относящейся довольно благосклонно къ Поль-де-Коку, какъ вѣрному бытописателю мелкой парижской жизни, все-таки прибавляетъ: „Горе безпечному отцу, который не вырветъ изъ рукъ своего сына-мальчика романа Поль-де-Кока; горе неосторожной матери, которая дастъ его въ руки дочери“. Кто, зная Поль-де-Кока по его веселой репутаціи, возьметъ русскій переводъ „Магдалины“, очень и очень разочаруется и будетъ жестоко скучать.

Бѣлинскаго исключили изъ университета. Хотя и незаконно, съ нелѣпѣйшей мотивировкой и по существу только за то, что онъ написалъ протестующую драму, но все-таки исключили, и враги Бѣлинскаго имѣли пріятную возможность называть его недоучкой. „Литературныя петербургскія знаменитости“,—разсказываетъ Панаевъ,—смотрѣли на Бѣлинскаго съ высоты своего величія. Онѣ не удостоивали замѣчать его, или отзывались о немъ, какъ о нагломъ, недоучившемся студентѣ, который осмѣливается посягать на вѣковыя славы“. Недоучившійся студентъ! Забавно, что это требованіе диплома исходило изъ сферъ, гдѣ университетскій дипломъ составлялъ величайшую рѣдкость. Изъ петербургскихъ знаменитостей ихъ имѣли только два профессіональныхъ ученыхъ—профессора Плетневъ и Сенковскій. Остальные учились кто гдѣ: злѣйшій ненавистникъ Бѣлинскаго—кн. Вяземскій получилъ домашнее воспитаніе, Жуковскій не пошелъ дальше московскаго университетскаго пансіона, такъ же какъ и сверстники его по этому пансіону и по принадлежности къ петербургскимъ литературно-административнымъ высотамъ—Блудовъ, Дашковъ, Воейковъ, Уваровъ и др.; Гречъ окончилъ юнкерское училище, Булгаринъ—кадетскій корпусъ и т. д. Если бы „недоучившійся студентъ“ былъ человѣкъ почтительный и скромный, уважалъ бы литературные авторитеты, старался бы показать, въ чемъ величіе нашихъ блистательныхъ одописцевъ блистательнаго вѣка Екатерины и другихъ мнимыхъ „вѣковыхъ славъ“, а наипаче ихъ преемниковъ—

современныхъ генераловъ отъ литературы, никто бы, конечно, и справляться не сталъ, доучился или не доучился панегиристъ. Однако, что этотъ недоучившійся, „наглый“ студентъ писалъ блестящимъ, пламеннымъ слогомъ, что у него свѣтлая голова, ясный умъ и тонкое литературное чутье—это всѣ сразу почувствовали, какъ только „недоучка“ напечаталъ въ 1834 г. „Литературныя мечтанія“. Не было даже недостатка въ попыткахъ залучить къ себѣ грядущую крупную литературную величину. Какъ ни дружилъ въ началѣ своей издательской дѣятельности Краевскій съ старымъ литературнымъ поколѣніемъ, однако, звалъ къ себѣ Бѣлинскаго еще въ 1837 г., еще до того, какъ издательскій нюхъ подсказалъ ему окончательно перейти на сторону новаго движенія и отдать пріобрѣтенныя имъ „Отеч. Зап.“ въ распоряженіе московскаго кружка возбужденной молодежи, зараженной безпокойнымъ духомъ анализа и всякаго исканія. Мечталъ залучить къ себѣ въ „Современникъ“ „недоучившагося студента“ и Пушкинъ, главный представитель той литературной аристократіи, которую такъ разозлилъ Бѣлинскій. Такимъ образомъ, на *практикѣ* „петербургскія знаменитости“ нимало не пренебрегали „недоучившимся студентомъ“. Все дѣло было въ томъ, чтобы приручить его.

Но въ томъ-то и дѣло, что этого „чудака“, какъ его называлъ Гоголь, было ужасно трудно приручить. Чѣмъ кончились бы переговоры съ Пушкинымъ, если бы они не прервались смертью поэта, сказать трудно, но исторія попытки Краевскаго залучить Бѣлинскаго въ „Литер. прибавл. къ Русск. Инвалиду“ на-лицо [1]). Въ частной жизни скромный и конфузливый, какъ институтка, „чудакъ“ былъ невыносимо упрямъ, рѣзокъ и колючъ, какъ только дѣло касалось его литературныхъ убѣжденій, и ни на малѣйшій компромиссъ не соглашался. Нищій въ буквальномъ смыслѣ слова, онъ поставилъ Краевскому такія суровыя требованія полной независимости и права расправляться по-своему съ тѣми, которыхъ онъ не считалъ нужнымъ щадить, что дѣло разстроилось. Матеріальныя условія онъ принималъ всякія. Но по отношенію къ тому, что онъ самъ называлъ своею „литературною совѣстью“, онъ былъ непреклоненъ. Возобновляя черезъ 2 года послѣ первой неудавшейся попытки переговоры съ Краевскимъ, онъ писалъ Панаеву: „Моя литературная совѣсть для меня такъ дорога, что во всемъ Петербургѣ нѣтъ и приблизительной суммы для ея купли. Если дѣло дойдетъ до того, что мнѣ скажутъ: независимость и самобытность убѣжденій, или голодная смерть—

1) Относящаяся сюда переписка, уже бывшая въ рукахъ А. Н. Пыпина, цѣликомъ напечатана въ „Отчетѣ Имп. Публич. Библ.“ за 1889 г.

у меня достанетъ силы скорѣе издохнуть, какъ собака, нежели живому отдаться на позорное съѣденіе псамъ... Что дѣлать—я такъ созданъ".

Это писалось въ моментъ, когда Бѣлинскому въ полномъ смыслѣ слова предстояло „издохнуть" съ голоду: онъ не только заработка тогда не имѣлъ, но и съ ближайшими друзьями разсорился и уходилъ въ одну дверь, когда они входили въ другую.

Съ такимъ человѣкомъ трудно было справиться. Ясно чувствовали всѣ, задѣтые имъ, страшную убѣжденность и отсюда убѣдительность его писаній. Надо было поэтому уязвить чѣмъ-нибудь совершенно постороннимъ, къ дѣлу никакого отношенія не имѣющимъ—пріемъ, который уже былъ примѣненъ къ предшественнику Бѣлинскаго на поприщѣ самостоятельной критики—Полевому. Пока Полевой никого не задѣвалъ, ему покровительствовали, какъ дѣлающему честь русскому уму „самородку", а какъ только онъ показалъ зубы, онъ тотчасъ изъ „самородка" былъ переведенъ въ „самоучку". Бѣлинскій былъ окрещенъ „недоучкой", точно это въ чемъ-нибудь ослабляло значеніе и силу высказываемыхъ имъ воззрѣній. Благо бы еще его назвали невѣждой—это было бы вздоромъ по существу, но имѣло бы свою логическую стройность. Но въ томъ-то и дѣло, что Бѣлинскаго, при всей злобѣ его литературныхъ враговъ, ни одного раза не уличили въ какомъ бы то ни было промахѣ или ошибкѣ. У него не мало отдѣльныхъ мелкихъ промаховъ, но въ общемъ Бѣлинскій писалъ только о томъ, что зналъ превосходно, и только послѣ того, какъ обслѣдуетъ предметъ обстоятельнѣйшимъ образомъ. Если онъ чего самъ не зналъ, то замучитъ разспросами друзей, служившихъ для него ходячими справочными книгами, а уже добьется твердаго и опредѣленнаго отвѣта, за который уже готовъ былъ голову положить на плаху. Бѣлинскаго справедливо упрекали въ томъ, что онъ повторялся. Это именно потому, что такъ прочно былъ обоснованъ фундаментъ, на которомъ онъ строилъ свое міросозерцаніе.

Въ виду пошлости такого пріема, какъ отдѣлываться эпитетомъ „недоучка" въ борьбѣ съ человѣкомъ, который вамъ ясно, опредѣленно и фактически-обоснованно приводитъ свои доводы, не стоило бы и останавливаться на вопросѣ, доучился или не доучился Бѣлинскій. Но просто для точности я приведу нѣсколько соображеній въ доказательство того, что все, что можно было извлечь изъ университета, Бѣлинскій извлекъ изъ него въ три года своего студенчества, хотя экзамена и не держалъ, къ которому, однако, готовился, „какъ чортъ". Если мы обратимся къ воспоминаніямъ дипломныхъ сверстниковъ Бѣлинскаго, то увидимъ, что вся польза университетскаго пре-

подаванія того времени заключалась исключительно въ возбужденіи интереса къ высшему знанію и въ нѣкоторой выучкѣ пріемамъ самостоятельнаго изслѣдованія и мышленія. Лучшимъ студентамъ университетъ давалъ только то, что можно назвать *развитіемъ*. Константинъ Аксаковъ былъ не просто образованный человѣкъ, а ученый, магистръ, одинъ изъ творцовъ философіи русской исторіи, и онъ прямо сознавался, что въ смыслѣ *запаса знаній* ровно ничѣмъ не обязанъ московскому университету. Грановскій, окончивъ петербургскій университетъ, былъ посланъ за границу, и когда приступилъ къ занятіямъ въ берлинскомъ университетѣ, то первое чувство, которое онъ испыталъ, было чувство ужаса и желаніе отказаться отъ ученой карьеры: онъ увидѣлъ, что русскій университетъ ему ничего не далъ и что ему надо не „совершенствоваться", а засѣсть за азбуку. То же самое было съ Тургеневымъ. „Я слушалъ въ Берлинѣ,—говоритъ онъ въ своихъ воспоминаніяхъ,—латинскія древности у Цумпта, исторію греческой литературы у Бека, а на дому принужденъ былъ зубрить латинскую грамматику и греческую. И я былъ не изъ худшихъ кандидатовъ". А кромѣ того, онъ поступилъ въ университетъ почти 10 годами позже Бѣлинскаго, и за это время уровень университетскаго преподаванія нашего чрезвычайно повысился. Обзоръ университетскаго преподаванія начала 30-хъ годовъ, данный въ предыдущихъ главахъ, имѣлъ цѣлью выяснить, что, оставайся Бѣлинскій еще нѣсколько времени въ университетѣ, онъ *могъ бы* извлечь пользу только изъ лекцій четырехъ профессоровъ—Павлова, Надеждина, Шевырева и Давыдова. Но какой же самый придирчивый врагъ Бѣлинскаго рѣшится отрицать, что курсъ этихъ-то профессоровъ, путемъ чтенія и изученія предмета, Бѣлинскій зналъ превосходно, первоклассно. Общее понятіе о философіи, надеждинскую эстетику, исторію русской литературы, теоретическое обоснованіе русской грамматики—блистательное знаніе всего этого Бѣлинскій съ первыхъ же шаговъ на литературномъ поприщѣ проявилъ не какъ ученикъ, а какъ учитель. Уже въ „Литературныхъ мечтаніяхъ" онъ является однимъ изъ наиболѣе блестящихъ популяризаторовъ шеллингіанства, превосходнѣйшимъ знатокомъ исторіи русской литературы, человѣкомъ, имѣющимъ отчетливѣйшее представленіе о ходѣ литературы всемірной и стоящимъ вполнѣ на высотѣ новѣйшаго пониманія вопросовъ эстетики. Какъ извѣстно, очень многіе думали, что „Литературныя мечтанія" написаны Надеждинымъ, а когда убѣдились, что статья на самомъ дѣлѣ написана Бѣлинскимъ, то утверждали, что она по своимъ основнымъ взглядамъ, по обилію фактовъ и по блеску литературно-эстетическихъ знаній заимствована изъ курса Надеждина. Опять-таки не стану теперь останавливаться по существу на вопросѣ о заим-

ствованіяхъ Бѣлинскаго изъ Надеждина (ср. выше стр. 324). Отмѣчу только, что это общее убѣжденіе, что статья написана Надеждинымъ, избавляетъ отъ всякой необходимости приводить дальнѣйшія доказательства, что Бѣлинскій доучился, что всю ту пользу, которую можно было извлечь изъ университетскаго преподаванія, онъ исчерпалъ до дна. И не величайшій ли это комизмъ называть „недоучкой" человѣка, первое же выступленіе котораго со статьей, затрогивавшей важнѣйшіе *научно*-литературные вопросы, дало поводъ смѣшать его съ самымъ ученымъ, съ самымъ блестящимъ по эрудиціи и философскому образованію профессоромъ?

Вся дальнѣйшая литературная дѣятельность „недоучившагося студента" тоже тѣснѣйшимъ образомъ соприкасается именно съ наукою и является теоретическою и практическою проповѣдью важности и необходимости научнаго мышленія. Бѣлинскій создалъ исторію русской литературы, которая до него прямо не существовала; Бѣлинскій привелъ въ общее сознаніе начала научно-обоснованной эстетики, Бѣлинскій въ умахъ большой публики поставилъ на царственную высоту философію, которая прежде считалась достояніемъ однихъ семинаристовъ; наконецъ, въ своемъ преклоненіи предъ наукой онъ дошелъ до того, что провозгласилъ науку „пѣстуномъ искусства" и утверждалъ, что „безъ науки немощно вдохновеніе, безсиленъ талантъ". (Конецъ статьи 1842 г. о Баратынскомъ [1]).

---

[3]) Настоящею главою заканчивается первая часть моего изслѣдованія, напечатанная въ „Русск. Богатствѣ" въ 1898 г. Съ тѣхъ поръ предпринятое мною изученіе дѣятельности Бѣлинскаго значительно подвинулось впередъ въ примѣчаніяхъ къ выходящему подъ моею редакціею съ 1900 г. полному собранію сочиненій Бѣлинскаго. Въ вышедшихъ покамѣстъ VIII томахъ комментаріи доведены до 1843 г. и занимаютъ уже больше 40 листовъ. Съ окончаніемъ изданія комментаріи и біографическія данныя будутъ сведены въ отдѣльное сочиненіе.

ПЕРЕДОВОЙ БОЕЦЪ СЛАВЯНОФИЛЬСТВА.

(Константинъ Аксаковъ).

Передовой боецъ славянофильства.

(Константинъ Аксаковъ).

I.

Сначала нѣсколько біографическихъ свѣдѣній о немъ.

Константинъ Сергѣевичъ Аксаковъ былъ старшій сынъ Сергѣя Тимофеевича Аксакова и его жены—Ольги Семеновны, урожденной *Заплатиной*. О Сергѣѣ Тимофеевичѣ, отъ котораго страстно любившій его первенецъ наслѣдовалъ размахъ таланта и нравственную чистоту, будетъ еще рѣчь въ III т. настоящихъ „Очерковъ". Что касается матери, то она тоже не совсѣмъ обыденная женщина, по крайней мѣрѣ по происхожденію. Отецъ ея былъ Суворовскій генералъ, а мать—плѣнная турчанка Игель-Сюмъ. И, можетъ быть, эта-то примѣсь восточной крови сообщила обоимъ знаменитымъ внукамъ турчанки—Константину и Ивану Сергѣевичамъ ту страстность и ту энергію, которую едва ли они могли унаслѣдовать отъ мягкаго и добродушнаго Сергѣя Тимофеевича.

Внѣшній очеркъ жизни Константина Сергѣевича не сложенъ. Родился онъ 29 марта 1817 года въ селѣ Аксаковѣ бугурусланскаго уѣзда, Оренбургской губерніи. Аксаково есть то самое Багрово, которое такими привлекательными красками описано въ „Семейной Хроникѣ". Здѣсь К. С. прожилъ до девяти лѣтъ, находясь въ постоянномъ общеніи съ багровскими крестьянами, которые, благодаря благодатнымъ климатическимъ условіямъ богатаго оренбургскаго края, въ интеллектуальномъ и нравственномъ отношеніи стояли выше забитаго крестьянства другихъ частей Россіи. И такъ какъ Константинъ Сергѣевичъ отличался необыкновенно раннимъ умственнымъ развитіемъ, то нѣтъ сомнѣнія что первыя идиллическія условія, среди которыхъ прошло дѣтство будущаго восторженнаго проповѣдника необходимости единенія интеллигенціи съ народомъ, не оста-

лись безъ вліянія на оптимистическій взглядъ его на возможность этого единенія.

Первымъ наставникомъ и духовнымъ руководителемъ Константина Аксакова былъ самъ Сергѣй Тимофеевичъ, не мало содѣйствовавшій его раннему восторженному отношенію къ русской литературѣ. Но не особенно долго длилось это руководительство. Уже въ 1832 году пятнадцатилѣтній юноша поступаетъ на словесный факультетъ московскаго университета и попадаетъ въ умственныя теченія, весьма мало похожія на тѣ, въ которыя его могъ ввести застрявшій въ путахъ условнаго классицизма и мелкихъ театральныхъ интересовъ Сергѣй Тимофеевичъ.

Намъ нѣтъ надобности останавливаться здѣсь на характеристикѣ студенческаго періода жизни Константина Аксакова. Она дана выше въ статьѣ о закадычномъ до поры, до времени другѣ его Бѣлинскомъ, вмѣстѣ съ которымъ онъ является однимъ изъ столповъ кружка Станкевича (см. выше, стр. 248 и дальше). И намъ остается только отмѣтить непосредственныя отношенія къ кружку Станкевича Константина Аксакова.

Въ тѣ годы (1833—1840), когда Константинъ Аксаковъ, находясь подъ неотразимымъ обаяніемъ высокой душевной красоты Станкевича и страстныхъ порывовъ къ свѣту Бѣлинскаго, шелъ рука объ руку съ людьми, съ которыми впослѣдствіи вступилъ въ ожесточеннѣйшую борьбу, онъ тоже съ фанатическимъ увлеченіемъ предался изученію нѣмецкой философіи вообще и Гегеля въ частности.

Въ ряду московскихъ энтузіастовъ гегеліанства одно изъ первыхъ мѣстъ по силѣ увлеченія ученіемъ берлинскаго философа занималъ Константинъ Аксаковъ, страстная натура котораго не умѣла ничего дѣлать на-половину. Гегеліанство, впрочемъ, настолько прочно въ немъ засѣло, что еще долго послѣ того, какъ онъ совершенно разошелся съ друзьями по кружку Станкевича и съ такимъ же пыломъ боролся съ ними, съ какимъ нѣкогда шелъ заодно, онъ все-таки не могъ отдѣлаться отъ схемы творца діалектической философіи. Такъ, дальше мы увидимъ, что магистерская диссертація Константина Аксакова, относящаяся къ 1846 г., т. е. къ тому времени, когда онъ уже былъ однимъ изъ передовыхъ застрѣльщиковъ славянофильства, является по основной задачѣ своей не болѣе, какъ иллюстраціей къ ученію Гегеля о смѣнѣ историческихъ эпохъ и наслоеній.

Если мы вспомнимъ эпизодъ преклоненія московскихъ гегеліанцевъ передъ „разумною дѣйствительностью“ (см. выше стр. 254—256), то увидимъ, что между фанатическою преданностью основамъ русской жизни, которою знаменуется общественное міросозерцаніе Кон-

стантина Аксакова въ 40-хъ и 50-хъ годахъ, и общественными взглядами кружка Станкевича по существу разницы не было. Но тѣмъ не менѣе, самъ же Константинъ Аксаковъ, составляя въ 1855 г. свои „Университетскія воспоминанія", гдѣ онъ, между прочимъ, довольно подробно распространяется о кружкѣ Станкевича, говоритъ о своемъ пребываніи въ немъ, какъ о фазисѣ, давно пережитомъ. Эта постановка совершенно правильна, потому что, избѣгая „либеральничанія и фрондерства", по выраженію К. Аксакова, кружокъ Станкевича, однако же, представлялъ собою во всѣхъ отношеніяхъ оппозиціонное явленіе: начиная съ внѣшней формы собранія кружка — этихъ скромныхъ сходбищъ, гдѣ почти никогда не пили вина и истребляли только огромное количество чая и булокъ, и кончая способомъ выраженій, которому давали тонъ „буйныя рѣчи" Бѣлинскаго, тогда-то и получившаго отъ пріятелей прозвище „неистоваго Виссаріона". Такъ вотъ, начиная съ этой истинно-демократической, несмотря на присутствіе многихъ баричей, внѣшности собранія кружка и кончая юношески-страстными дебатами, все въ кружкѣ дышало тою свободою отношеній къ обсуждаемымъ предметамъ, о которой не было и помину въ аристократическомъ академизмѣ позднѣйшихъ друзей Константина Аксакова—славянофиловъ. И затѣмъ: „Университетскія воспоминанія", сейчасъ названныя, прямо показываютъ, что, при всей своей преданности главнымъ основамъ русской жизни, члены кружка по множеству частныхъ вопросовъ держались направленія совсѣмъ иного. Давая общую характеристику друзей своей ранней юности, К. Аксаковъ считаетъ возможнымъ сказать о нихъ слѣдующее:

„Въ кружкѣ Станкевича (въ срединѣ 30-хъ годовъ) выработалось уже общее возрѣніе на *Россію*, на жизнь, на литературу, на міръ—воззрѣніе, *большею частью отрицательное*".

Это отрицательное направленіе часто даже шокировало Аксакова, „русское" направленіе котораго ярко опредѣлилось, по свидѣтельству Гильфердинга, еще тогда, когда ему было 9, 10 лѣтъ. Съ болью сердечною вспоминаетъ Конст. Сергѣевичъ о нападкахъ членовъ кружка на многія частности тогдашнихъ порядковъ:

„Одностороннѣе всего", говоритъ онъ, „были нападенія на Россію, возбужденныя казенными ей похвалами. Пятнадцатилѣтній юноша, вообще довѣрчивый и тогда готовый вѣрить всему, еще многаго не передумавшій, еще ко многимъ не уравнявшійся, я былъ пораженъ такимъ направленіемъ, и мнѣ оно часто было больно; въ особенности больны мнѣ были нападенія на Россію, которую люблю съ самыхъ малыхъ лѣтъ. Но видя постоянный умственный интересъ въ этомъ обществѣ, слыша постоянныя рѣчи о нравственныхъ вопросахъ, я, разъ познакомившись, не могъ оторваться отъ этого кружка и рѣшительно каждый вечеръ проводилъ тамъ".

Всего ярче отрицательное направленіе кружка выразилось въ вопросахъ чисто-литературныхъ. Вспомнимъ, въ самомъ дѣлѣ, что къ эпохѣ процвѣтанія кружка относится „Литературныя мечтанія“ Бѣлинскаго, гдѣ съ такою безпощадною „дерзостью“, по выраженію пришедшихъ въ ужасъ литературныхъ старовѣровъ, было провозглашено, что собственно никакой-то у насъ настоящей литературы и нѣтъ. Вспомнимъ затѣмъ то, что первые люди, которые прозрѣли, что въ лицѣ Гоголя народился геніальный писатель, были члены кружка Станкевича и Бѣлинскаго. Поклоненіе Гоголю находится въ непосредственной связи съ общимъ направленіемъ литературныхъ убѣжденій кружка, о которыхъ Аксаковъ сообщаетъ:

„Искусственность россійскаго классическаго патріотизма, претензіи, наполнявшія нашу литературу, усплившаяся фабрикація стиховъ, неискренность печатнаго лиризма, все это породило (въ членахъ кружка) справедливое желаніе простоты и искренности, породило сильное нападеніе на всякую фразу и эффектъ“.

И если въ заключеніе мы обратимъ вниманіе на то, что, по словамъ К. Аксакова, подтверждаемымъ и всѣми другими многочисленными данными о Станкевичѣ и его друзьяхъ, кружокъ „отличался самостоятельностью мнѣнія, свободою отъ всякаго авторитета“, то въ общемъ и выяснится рѣшительно оппозиціонный характеръ его.

И вотъ почему отношенія между К. Аксаковымъ и его университетскими товарищами, въ концѣ концовъ, должны были порваться. Пока этотъ оппозиціонный характеръ былъ присущъ кружку лишь implicite, пока одностороннее пониманіе формулы Гегеля приводило къ такимъ проявленіямъ, какъ статейка Бѣлинскаго о „Бородинской годовщинѣ“, К. Аксаковъ могъ идти рука объ руку съ будущими ожесточенными противниками своими. Но около 1840-1842 гг. цѣлый рядъ обстоятельствъ приводитъ къ тому, что скрытый оппозиціонный духъ кружка переходитъ въ открытый. Умираетъ, во-первыхъ, Станкевичъ, мягкая натура котораго уравновѣшивала и сдерживала рѣзкія выходки многихъ членовъ кружка. А затѣмъ—самое главное—наиболѣе близкій къ Константину Аксакову по кружку Станкевича человѣкъ—Бѣлинскій, добравшись въ статейкѣ о „Бородинской годовщинѣ“ до кульминаціоннаго пункта своего увлеченія правымъ гегеліанствомъ, круто поворачиваетъ въ противоположную сторону и съ такою же стремительностью начинаетъ произносить, говоря выраженіемъ К. Аксакова, „буйныя хулы“ по адресу понятій, которыми еще не такъ давно восхищался. Не вытерпѣлъ этого Аксаковъ, все болѣе и болѣе начинавшій сближаться, послѣ смерти Станкевича и отъѣзда Бѣлинскаго въ Петербургъ (1839), съ Хомяковымъ и Кирѣевскими, прежніе друзья обмѣнялись нѣсколь-

кими рѣзкими письмами и навѣки разстались: К. Аксаковъ пошелъ направо, Бѣлинскій налѣво. У каждаго изъ нихъ при этомъ сердце кровью обливалось. Нужно перечитать напечатанныя первоначально въ „Руси“ 1881 г. письма Бѣлинскаго къ К. Аксакову (отъ 1837 г.), чтобы понять, какая горячая, истинно-братская привязанность соединяла обоихъ идеалистовъ. Но именно потому, что оба они были идеалисты, именно потому, что исканіе правды не было для нихъ высокопарною фразою, а насущною потребностью ихъ высокаго духовнаго существа, именно потому-то разрывъ между ними и сталъ неизбѣженъ, какъ только они стали разно понимать истину. „Я по натурѣ жидъ“, писалъ Бѣлинскій по поводу своей ссоры съ Аксаковымъ, подразумѣвая подъ этимъ словомъ человѣка съ исключительными симпатіями, которому ненавистно все не свое, который не выноситъ ни малѣйшаго компромисса съ „филистимлянами“. Но такимъ же „жидомъ“ по натурѣ былъ и Константинъ Аксаковъ. Для него тоже не существовало истины вообще, онъ тоже понималъ только *свою* истину, только ту истину, которая окрашена въ любезный ему цвѣтъ, онъ тоже не понималъ какихъ бы то ни было компромиссовъ, уступокъ, соглашеній. И вотъ почему оба прежніе друзья играютъ однѣ и тѣ же роли въ тѣхъ лагеряхъ, къ которымъ они окончательно примкнули послѣ разрыва. Съ тою же необузданностью, съ какою „неистовый Виссаріонъ“ выступаетъ передовымъ бойцомъ западничества, Константинъ Аксаковъ выступаетъ передовымъ застрѣльщикомъ славянофильства въ его наиболѣе крайнихъ проявленіяхъ. Онъ первый одѣваетъ мурмолку и первый же провозглашаетъ, что надо вернуться „домой“, т. е. въ допетровскую Русь.

II.

Послѣ разрыва съ Бѣлинскимъ и вообще со старыми друзьями, жизнь Константина Аксакова, и до того бѣдная внѣшними событіями, окончательно укладывается въ тѣ рамки, въ которыхъ онъ ее проводитъ вплоть до самой своей смерти въ 1861 г. Оно и неудивительно, если вспомнить, до какой степени К. Аксаковъ былъ человѣкомъ не отъ міра сего и до какой степени онъ душой и тѣломъ ушелъ цѣликомъ въ книжныя занятія, въ чистую и исключительную сферу идей и теоретическихъ построеній, внѣ которыхъ для него почти ничего не существовало на свѣтѣ.

„Константинъ Аксаковъ“, пишетъ Панаевъ съ своихъ литературныхъ воспоминаніяхъ, „въ житейскомъ, практическомъ смыслѣ оставался до сорока слишкомъ лѣтъ, то есть до самой смерти своей,

совершеннымъ ребенкомъ. Онъ беззаботно всю жизнь провелъ подъ домашнимъ кровомъ и приросъ къ нему, какъ улитка къ родной раковинѣ, не понимая возможности самостоятельной жизни, безъ подпоры семейства. Внѣ своихъ ученыхъ и литературныхъ занятій, онъ не имѣлъ никакого общественнаго положенія. Смерть отца и происшедшая отъ этого перемѣна въ домашнемъ быту вдругъ сломила его несокрушимое здоровье. Онъ не могъ пережить этой потери и перемѣны, и умеръ не только холостякомъ, даже дѣвственникомъ".

При такомъ складѣ жизни и отсутствіи личныхъ интересовъ, біографія К. Аксакова, главнымъ образомъ, есть исторія хода его литературнаго развитія, исторія его литературныхъ и ученыхъ работъ.

Начинается эта научно-литературная дѣятельность Аксакова еще на студенческой скамьѣ и—какъ оно вполнѣ приличествуетъ для такого энтузіаста и пламеннаго идеалиста—стихами. Уже на торжественномъ актѣ 1835 г. только-что окончившій курсъ 18-лѣтній кандидатъ читаетъ соотвѣтствующіе случаю стихи, впослѣдствіи приведенные имъ въ „Университетскихъ воспоминаніяхъ". Вслѣдъ затѣмъ К. Аксаковъ принимаетъ довольно живое участіе (иной разъ подъ псевдонимомъ *К. Эврипидинъ*) въ тѣхъ журналахъ, въ которыхъ сотрудничалъ Бѣлинскій — „Телескопѣ", „Молвѣ", „Московскомъ Наблюдателѣ". Послѣдній журналъ одно время (1838—1839 гг.) редактировался Бѣлинскимъ, и всѣ члены кружка Станкевича дѣятельно въ немъ сотрудничали. Аксаковъ давалъ маленькія рецензіи и стихи,— по преимуществу переводы изъ Шиллера и Гете—двухъ поэтовъ, которыми онъ тогда бредилъ, именно потому, что они проповѣдывали *общечеловѣческіе* идеалы.

Въ 1838 г. Аксаковъ поѣхалъ за границу. Но недолго пробылъ онъ тамъ. Полное неумѣніе жить самостоятельно, черезъ пять мѣсяцевъ пребыванія въ Германіи и Швейцаріи, погнало его обратно въ родимое гнѣздо, гдѣ на немъ не лежали прозаическія хлопоты жизни и гдѣ онъ могъ погрузиться въ любимыя занятія, не отягощая своихъ думъ такими трудными заботами, какъ пріискиваніе обѣда, уходъ за своимъ туалетомъ и т. д.

Съ поѣздкой Аксакова за границу связанъ очень характерный разсказъ о томъ, какъ во время пребыванія въ Берлинѣ онъ первый и послѣдній разъ въ жизни пытался сблизиться съ женщиной.

Когда настоящая статья появилась въ печати первый разъ (1887), этотъ эпизодъ былъ изложенъ нами такъ:

На перекресткѣ одной изъ берлинскихъ улицъ обратила на себя вниманіе Аксакова молоденькая продавщица цвѣтовъ. Миловидное личико нѣмочки показалось ему отраженіемъ столь же привлекатель-

ной души. И началъ онъ каждый день приходить на перекрестокъ и покупать по букету, отваживаясь при этомъ сказать продавщицѣ нѣсколько словъ о постороннихъ предметахъ. Продавщица ласково ему отвѣчала и между ними установилась нѣкоторая интимность. Ободренный молодой человѣкъ началъ все дольше и дольше простаивать у прилавка продавщицы, началъ приносить Шиллера и читать изъ него наиболѣе возвышенныя и трогающія душу мѣста. Нѣмочка внимательно слушала и все болѣе и болѣе задумывалась во время чтенія. Восхищенный Аксаковъ съ восторгомъ наблюдалъ это впечатлѣніе высокой поэзіи великаго поэта. Но вотъ въ одно изъ посѣщеній цвѣточной лавочки продавщица ему прямо заявляетъ, что Шиллеръ Шиллеромъ, а что онъ ей отбиваетъ покупателей, что объ его продолжительныхъ посѣщеніяхъ много говорятъ сосѣди и что если онъ хочетъ продолжать знакомство, то ей было бы желательно получать отъ него что-нибудь посущественнѣе стиховъ, за что, въ свою очередь, она, не требуя отъ него наложенія на себя брачныхъ узъ, готова всецѣло отдаться въ его распоряженіе. Въ ужасѣ слушалъ эти рѣчи упавшій съ неба прямо въ лужу идеалистъ и въ ужасѣ бѣжалъ изъ цвѣточной лавочки, и когда впослѣдствіи пріятели, узнавши отъ него въ минуту откровенности всю исторію, пробовали дразнить его ею, лицо Аксакова перекашивалось отъ внутренняго страданія.

Этотъ разсказъ въ настоящее время приходится признать легендою. Въ „Космополисѣ“ 1898 г. Г. Князевъ напечаталъ письма, которыя Аксаковъ писалъ изъ-за границы родителямъ и родственникамъ своимъ Карташевскимъ. Письма очень интересны для характеристики Аксакова. Онъ тутъ весь со своею безграничною любовью къ родителямъ, со своею безконечною безпомощностью въ практической жизни, всегда восторгающійся, всегда полный самыхъ высокихъ помысловъ. Характерны также письма для объясненія глубокоорганическаго предрасположенія К. Аксакова къ славянофильству. Любовь его ко всему русскому была прямо фанатическая и заграничная жизнь нимало его не захватила.

Онъ, конечно, восторгается многимъ: готическими церквями, картинными галлереями, горными ландшафтами Саксонской Швейцаріи, Фирвальдштедскимъ озеромъ и др. Но собственно заграничный бытъ, заграничные порядки, такъ глубоко повліявшіе на другихъ русскихъ путешественниковъ, на Тургенева, напр., не только совершенно не дѣйствовали на міросозерцаніе Аксакова, а, напротивъ того, еще укрѣпляли его любовь къ русскимъ формамъ жизни. Описывая отдѣльныя проявленія нѣмецкой образованности и культурности, онъ ни разу не вздохнетъ, не проведетъ параллелей съ рус-

ской дикостью, не подумаетъ съ тоскою: да почему же у насъ этого нѣтъ? Совсѣмъ наоборотъ, онъ во всемъ находитъ матеріалъ для того, чтобы восторгаться всѣмъ русскимъ, начиная съ русской ѣзды и кончая вотъ какими областями національныхъ свойствъ: „Пруссаки народъ образованный, бодрый, *но нѣтъ въ нихъ этого ума (!)*, этой силы, какая видна въ русскомъ народѣ". „Все напоминаетъ", говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ, „что вы въ странѣ образованной, въ странѣ наукъ; особенно въ Берлинѣ вы это чувствуете живѣе; честь и слава нѣмцамъ! Все, что дано имъ отъ природы, все развили они до высшей степени и продолжаютъ развивать, но *субстанція* народа (говоря ихъ же выраженіемъ) *ниже, гораздо ниже субстанціи русскаго народа*. Другими словами: больше талантовъ дано русскому, нежели нѣмцу; но въ томъ и состоитъ заслуга и преимущество послѣдняго, что онъ развилъ, обработалъ все, что дано ему. И однако, несмотря на то, сей чувствуетъ разность въ субстанціяхъ этихъ двухъ народовъ, видна птица по полету: маленькій орленокъ—уже все не то, что выросшій коршунъ".

Уже съ первыхъ писемъ Аксаковъ рвется домой и еле-еле выдержалъ пять мѣсяцевъ, ограничившись Германіей и Швейцаріей и не порываясь даже въ Парижъ.

Въ частности по отношенію къ эпизоду, только что разсказанному, письма дѣлаютъ его совершенно невѣроятнымъ. Начать съ того, что (какъ видно изъ примѣчаній г. Князева къ письмамъ), Аксаковъ предпринялъ поѣздку, чтобы разсѣять сердечную тоску—онъ влюбился въ одну дальнюю родственницу, но не встрѣтилъ взаимности. Изъ писемъ ясно, что рана не зажила и что образъ любимой дѣвушки все время носился предъ нимъ. Возможно ли, поэтому, психологически, чтобы чуждавшійся женщинъ идеальный юноша такъ быстро и при томъ одновременно затѣялъ бы сколько-нибудь интимное новое сближеніе? Но главное—весь этотъ эпизодъ съ цвѣточницей фактически не могъ имѣть мѣста. Аксаковъ всего-то на всего въ Берлинѣ былъ *четыре дня* и все время бѣгалъ по музеямъ, а вечеромъ посѣщалъ театры. Въ другихъ городахъ онъ оставался еще меньше.

Но если мнимый эпизодъ съ берлинской цвѣточницей слѣдуетъ признать легендой, то все-таки и какъ выдумка онъ не теряетъ своего значенія въ біографіи К. Аксакова. Вотъ уже гдѣ можно сказать: si non e vero, e ben trovato. Разсказъ, во всякомъ случаѣ, ярко характеризуетъ, какое представленіе имѣли объ Аксаковѣ въ литературныхъ кружкахъ.

Въ 1847 г. Аксаковъ защитилъ диссертацію о Ломоносовѣ, представленную имъ для полученія степени магистра русской словесности. Диссертація была изготовлена гораздо раньше, но при печатаніи уже разъ пропущенной цензурой книги встрѣтились неожиданныя цензурныя препятствія. Нѣкоторыя выраженія о Петрѣ и „петербургскомъ періодѣ“ показались слишкомъ рѣзкими, и книгу пришлось перепечатывать.

Гораздо болѣе трудныя цензурныя препятствія, и на этотъ разъ даже непреодолимыя, встрѣтилъ К. Аксаковъ въ началѣ 50-хъ годовъ при печатаніи нѣкоторыхъ изъ его статей въ „Московскомъ Сборникѣ“. Изданіе „Московск. Сборника“ было предпринято славянофильскимъ кружкомъ еще въ 1846 г. Въ вышедшемъ тогда томѣ К. Аксаковъ, подъ псевдонимомъ *Имрека*, помѣстилъ обширную критическую статью, съ которой мы познакомимся дальше. Когда въ 1852 г. „Сборникъ“ возобновился, Аксаковъ далъ для него статью „О родовомъ бытѣ у славянъ вообще и у русскихъ въ частности“. Но приготовленная имъ для слѣдующаго тома „Моск. Сборника“ (1853 г.) статья о „Богатыряхъ князя Владиміра“ своевременно свѣта не увидѣла и была напечатана только въ новое царствованіе. Вызванная ею буря не должна насъ удивить, если вспомнить эпоху, къ которой она относится. 1853 годъ принадлежитъ къ знаменательному семилѣтію 1848—1855 гг., такъ характерно завершающему собою дореформенную эпоху. Извѣстно, что революціонный ураганъ, пронесшійся надъ Европою 1848 года, но оставившій совершенно въ сторонѣ Россію, вызвалъ, тѣмъ не менѣе, у насъ рядъ мѣръ, которыя уже чрезъ нѣсколько лѣтъ, когда новое царствованіе замѣнило вѣянія недовѣрія къ общественнымъ силамъ теченіями иного характера, казались невѣроятными до анекдотичности. Не станемъ здѣсь сколько-нибудь подробно останавливаться на подробностяхъ этого страшнаго семилѣтія, потому что о немъ въ общихъ чертахъ была рѣчь выше (см. стр. 26—33) и еще будетъ обстоятельная рѣчь во II томѣ настоящихъ „Очерковъ“. Отмѣтимъ только двѣ, три детали, непосредственно касающіяся Константина Аксакова.

Желая слиться съ народомъ не только духовно, но и наружно, К. Аксаковъ рѣшилъ, что ему слѣдуетъ принять и внѣшній народный обликъ. Для этого онъ одѣлъ на голову мурмолку, нарядился въ рубашку съ косымъ воротомъ [1]) и отпустилъ бороду. Въ послѣднемъ до 1848 г. ничего предосудительнаго не видѣли. Но почти съ пер-

---

[1]) Въ „Однодворцѣ Овсянниковѣ“ Тургеневъ въ лицѣ одѣтаго „по-русски“ Любозвонова вышутилъ К. Аксакова. Ср. переписку Аксаковыхъ въ „Русск. Обозр.“ 1894, № 8, и статью В. Шенрока „С. Т. Аксаковъ и его семья“ въ „Жур. Мин. Нар. Пр.“ 1904, № 12, стр. 340.

выми же вѣстями о февральскихъ, мартовскихъ и прочихъ революціонныхъ событіяхъ, началось у насъ гоненіе на бороду. Густая растительность на головѣ—большая борода и длинные волосы были очень модны въ 1848 году въ революціонныхъ сферахъ Европы. И вотъ, благодаря этому, ношеніе бороды воспрещается. Въ числѣ многихъ другихъ, Константину Аксакову чрезъ полицію было приказано, чтобы онъ сбрилъ бороду. Пришлось также сбросить „русскую одежду“.

Когда въ 1852 году московскіе славянофилы издали I-й томъ возобновленнаго „Московск. Сборника“, онъ болѣе или менѣе благополучно миновалъ цензурные рифы. Но все-таки тогдашній министръ народнаго просвѣщенія кн. Ширинскій-Шихматовъ обратилъ вниманіе на „предосудительность направленія Сборника“, находя, что „хотя народность и составляетъ одну изъ главныхъ основъ нашего государственнаго быта, но развитіе понятія о ней не должно быть одностороннее и безусловное; иначе безотчетное стремленіе къ народности можетъ перейти въ крайность и вмѣсто пользы принести существенный вредъ“. Въ виду этого приказано было къ II-му тому Сборника отнестись по возможности „внимательно“. Результатомъ такого вниманія было то, что представленный на слѣдующій годъ II-й томъ былъ цѣликомъ запрещенъ. По отношенію къ Константину Аксакову, московскій цензурный комитетъ находилъ, что онъ,

„подобно Хомякову, старается отыскивать въ сказкахъ и пѣсняхъ признаки того же *небывалаго въ Россіи* общиннаго порядка дѣлъ. Но кромѣ того К. Аксаковъ указываетъ на мѣста, гдѣ Соловей-Разбойникъ называетъ великаго князя воромъ, богатырь Тугаринъ Змѣевичъ цѣлуетъ великую княгиню въ уста сахарныя, а Алеша Поповичъ чуть не назвалъ ее сукою. Еще въ одной пѣснѣ говорится, что Владиміръ, желая отбить жену у богатыря Данилы, отправилъ его на явную смерть и потомъ повелѣлъ убить его; но Данило предупредилъ его и самъ лишилъ себя жизни. К. Аксаковъ прибавляетъ къ этому: „Когда сила побѣждена силою, когда нѣтъ болѣе ея оскорбительнаго притязанія, Данило говоритъ: видно я сталъ неугоденъ князю, и убиваетъ себя; въ этихъ словахъ вовсе не видать ни подобострастія, ни рабскаго чувства; отношенія богатырей къ великому князю были основаны на свободной привязанности“. Сверхъ того К. Аксаковъ обращаетъ вниманіе на пѣсню, въ которой описывается нашествіе на Кіевъ татарскаго царя Калина. Хотя это и непріятельскій царь, но все-таки неприлично, что сочинитель выписываетъ изъ пѣсни слѣдующіе стихи:

Собака, проклятый ты, Калинъ, царь
Васъ-то, царей, не бьютъ, не казнятъ,
Не бьютъ, не казнятъ и не вѣшаютъ.

Пѣсни и сказки, на которыхъ К. Аксаковъ основалъ статью свою, большею частью, напечатаны: всѣ читали ихъ, относя безцеремонные поступки богатырей къ простотѣ древнихъ нравовъ или къ вымыслу составителей ска-

зокъ; одинъ К. Аксаковъ могъ вывести изъ нихъ *небывалыя въ Россіи*— общину, вольницу и дерзаетъ богатырей ставить противъ великаго князя" (См. „Русск. Стар." 1875 года № 10).

Кромѣ статьи о богатыряхъ, К. Аксаковъ помѣстилъ въ Сборникѣ два стихотворенія. По мнѣнію цензора, выступившаго въ роли эстетическаго критика, стихотворенія „ничтожны по содержанію, но и въ нихъ есть непонятныя мысли и говорится о человѣкѣ, котораго *духъ свободенъ* и открытъ". Такая „темнота" дѣлала для цензора „смыслъ стихотвореній подозрительнымъ".

Наложеніемъ цензорскаго veto дѣло не ограничилось. По разсказу редактора Сборника—Ивана Сергѣевича Аксакова („Рус. Арх. 1878 г. № 11), не только Сборникъ въ полномъ составѣ былъ запрещенъ (по личному объясненію, данному издателю—„не столько за то, что въ немъ сказано, сколько за то, что умолчано"), но „вмѣстѣ съ нимъ состоялось повелѣніе: всѣмъ главнымъ участникамъ: братьямъ Аксаковымъ, Кн. Черкасскому, Хомякову, Кирѣевскимъ не иначе печатать свои статьи, какъ проведя ихъ чрезъ Главное Управленіе цензуры въ Петербургѣ". Послѣднее, по свидѣтельству Ивана Аксакова, „равнялось запрещенію".

А въ довершеніе всѣ сотрудники Сборника, въ томъ числѣ и К. Аксаковъ, были отданы подъ полицейскій надзоръ - фактъ, любопытный не только для характеристики того времени, но и спеціально для исторіи славянофильства. Онъ показываетъ, что въ первое десятилѣтіе своего существованія славянофильство еще настолько мало опредѣлило *практическій* характеръ своей доктрины, настолько мало заявило себя на поприщѣ фактической поддержки основъ русской жизни, что вѣдомства, наблюдавшія за образомъ мыслей, не могли отличить благонамѣреннаго народничанія отъ оппозиціоннаго демократизма.

Только съ наступленіемъ новаго царствованія К. Аксаковъ снова принимается за литературную дѣятельность, но зато уже съ удвоенною энергіей. Начавшая выходить съ 1856 г. „Русская Бесѣда" считала его въ числѣ наиболѣе дѣятельныхъ сотрудниковъ своихъ а въ 1857 году онъ даже самъ редактировалъ еженедѣльную газету „Молва", гдѣ помѣстилъ множество мелкихъ статей. Кромѣ того онъ въ концѣ пятидесятыхъ годовъ напечаталъ двѣ драмы—„Князя Луповицкаго" и „Олега подъ Константинополемъ", начало своей русской грамматики и многое другое.

Но вся эта кипучая дѣятельность была внезапно прервана смертью Сергѣя Тимофеевича. Безконечно любившій отца сынъ не вынесъ потери главной личной привязанности своей и чрезъ $1^1/_2$ года— 7 Декабря 1860 г. умеръ отъ легочной чахотки на островѣ Занте.

Подробности этого глубоко-трогательнаго и рѣдкаго проявленія сыновней любви будутъ приведены дальше.

Мы очертили внѣшнія рамки жизненнаго поприща Константина Аксакова. О внутреннемъ содержаніи ихъ даютъ намъ опредѣленное представленіе его сочиненія. Но раньше чѣмъ перейти къ нимъ, мы считаемъ не лишнимъ привести нѣкоторые отрывки изъ статей, посвященныхъ воспоминаніямъ о Константинѣ Сергѣевичѣ. При отсутствіи обстоятельной біографіи К. Аксакова, эти воспоминанія, при всей ихъ отрывочности, намѣчаютъ, все-таки, главныя черты духовной физіономіи благороднѣйшаго изъ представителей московскаго славянофильства.

Начнемъ съ характеристики, драгоцѣнной тѣмъ, что ее давалъ *врагъ*, человѣкъ всю жизнь свою боровшійся съ идеями, наиболѣе дорогими К. Аксакову. Вотъ что писалъ Герценъ подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ смерти Константина Сергѣевича:

„Константинъ Аксаковъ не смѣялся, какъ Хомяковъ, и не сосредоточивался въ безвыходномъ сѣтованіи, какъ Кирѣевскіе. Мужающій юноша онъ рвался къ дѣлу. Въ его убѣжденіяхъ не неувѣренное пытанье почвы, не печальное сознаніе проповѣдника въ пустынѣ, не темное придыханіе, не дальнія надежды,—а фанатическая вѣра, нетерпимая, стѣсняющая, односторонняя, та, которая предваряетъ торжество. Аксаковъ былъ одностороненъ, какъ всякій воинъ,—съ спокойно взвѣшивающимъ эклектизмомъ нельзя сражаться. Онъ былъ окруженъ враждебной средой, средой сильной и имѣвшей надъ нимъ большія выгоды, ему надобно было пробиваться рядомъ всевозможныхъ непріятелей и водрузить свое знамя. Какая тутъ терпимость!

„Вся жизнь его была безусловнымъ протестомъ противъ петровской Руси, противъ петербургскаго періода во имя непризнанной, подавленной жизни русскаго народа. Его діалектика уступала діалектикѣ Хомякова, онъ не былъ поэтъ-мыслитель какъ И. Кирѣевскій, но онъ за свою вѣру пошелъ бы на площадь, пошелъ бы на плаху, а когда это чувствуется за словами, они становятся страшно убѣдительны. Онъ въ началѣ сороковыхъ годовъ проповѣдывалъ сельскую общину, міръ и артель. Онъ научилъ Гакстгаузена понимать ихъ, и послѣдовательный до дѣтства, первый опустилъ панталоны въ сапоги и надѣлъ русскую рубашку съ кривымъ воротомъ. „Москва—столица русскаго народа,—говорилъ онъ,—а Петербургъ только резиденція“.—И замѣтьте,—отвѣчалъ я ему,—какъ далеко идетъ это различіе, въ Москвѣ васъ непремѣнно посадятъ на *съѣзжую*, а въ Петербургѣ сведутъ на *гауптвахту*.

„Аксаковъ остался до конца жизни вѣчно восторженнымъ и безпредѣльно благороднымъ юношей, онъ увлекался, былъ увлекаемъ, но всегда былъ чистъ сердцемъ. Въ 1844 году, когда наши споры дошли до того, что ни „славяне“ и мы не хотѣли больше встрѣчаться; я какъ-то шелъ по улицѣ, К. Акса-

ковъ ѣхалъ въ саняхъ. Я дружески поклонился ему. Онъ было проѣхалъ, но вдругъ остановилъ кучера, вышелъ изъ саней и подошелъ ко мнѣ. „Мнѣ было слишкомъ больно“, сказалъ онъ, „проѣхать мимо васъ и не проститься съ вами. Вы понимаете, что послѣ всего, что было между вашими друзьями и моими, я не буду къ вамъ ѣздить; жаль, жаль, но дѣлать нечего. Я хотѣлъ пожать вамъ руку и проститься“. Онъ быстро пошелъ къ санямъ, но вдругъ воротился; я стоялъ на томъ же мѣстѣ, мнѣ было грустно; онъ бросился ко мнѣ, обнялъ меня и крѣпко поцѣловалъ. У меня были слезы на глазахъ. Какъ я любилъ его въ эту минуту ссоры!“

Столь же симпатичными красками обрисовывалъ въ 1861 году личность только что умершаго К. Аксакова одинъ изъ собственниковъ „Современника“—Панаевъ. И если вспомнить, что „Современникъ“ тогда находился въ ожесточенной перепалкѣ съ славянофилами, то мы тутъ опять имѣемъ доказательство необыкновеннаго нравственнаго обаянія К. Аксакова, про котораго недаромъ Герценъ въ другомъ мѣстѣ своихъ воспоминаній говорилъ, что онъ „одинъ изъ тѣхъ противниковъ, которые были ближе намъ многихъ своихъ“. И такъ какъ это отношеніе къ К. Аксакову можно назвать всеобщимъ, то мы и считаемъ возможнымъ въ заключеніе біографической части настоящей статьи съ полнымъ довѣріемъ привести отрывки изъ воспоминаній горячаго поклонника аксаковскихъ идей—Н. Бицына (псевдонимъ Н. М. Павлова) въ „Рус. Архивѣ“ 1885 г., № 3. Воспоминанія Бицына представляютъ собою наиболѣе полное изъ до сихъ поръ появившихся статей о К. Аксаковѣ собраніе отдѣльныхъ свѣдѣній о его характерѣ и нравственной личности.

„Какое множество, быть можетъ, умныхъ людей“, начинаетъ Бицынъ свои воспоминанія, „съ высоты своего практическаго разумѣнія считали Константина Сергѣевича ребенкомъ и даже дитей. Какъ они должны были забавляться его простодушною вѣрою въ людей и совершеннымъ невѣдѣніемъ тѣхъ, такъ называемыхъ практическихъ истинъ, что извѣстны даже весьма дюжиннымъ умникамъ наизусть. Но какъ вся эта масса свѣтскихъ мудрецовъ пасовала предъ нимъ, передъ этимъ „младенцемъ на злое“, именно ради его неумолимаго и неподкупнаго нравственнаго чувства. Никакой сдѣлки съ совѣстью, никакого компромисса или способа уживчивости, никакого modus vivendi кривды съ правдой онъ не допускалъ. „Я ему руки не подаю“, сказалъ мнѣ одинъ разъ Константинъ Сергѣевичъ про человѣка, весьма извѣстнаго тогда въ московскомъ свѣтѣ. Признаться, меня это удивило, именно потому, что личность о которой шла рѣчь, пользовалась всеобщимъ внѣшнимъ почетомъ; трудно было бы и избѣжать встрѣчъ въ обществѣ именно съ этимъ бывшимъ тогда въ славѣ, общественнымъ дѣятелемъ.—„Я не знаю ничего безнравственнѣе свѣтской нравственности“, продолжалъ какъ бы въ поясненіе своей мысли Константинъ Сергѣевичъ. „Случалось ли вамъ слышать такое общепринятое про человѣка выраженіе (именно только въ свѣтѣ оно могло родиться!) :это—разбойникъ, это—безнравственный человѣкъ, mais c'est un homme tout à fait comme il faut, руку ему можно подать?“.

„Я у нея не бываю и съ ней не говорю“, точно также сказалъ мнѣ разъ

Константинъ Сергѣевичъ про одну извѣстную даму, и это меня удивило тѣмъ болѣе, что съ ея мужемъ Константинъ Сергѣевичъ былъ въ постоянныхъ живыхъ отношеніяхъ".

К. Аксаковъ не позволялъ себѣ самыхъ пустыхъ отступленій отъ истины въ угоду условнымъ свѣтскимъ приличіямъ:

„Одинъ разъ", разсказываетъ г. Бицынъ, „пришлось мнѣ просить Константина Сергѣевича удѣлить нѣсколько часовъ времени для выслушанія одной рукописи, а къ ней онъ относился и самъ съ живымъ участіемъ. Онъ назначилъ мнѣ быть на другой же день. Чтеніе началось съ ранняго утра и продолжалось часу до четвертаго. Предъ самымъ началомъ, Константинъ Сергѣевичъ оговорилъ въ домѣ, что онъ будетъ занятъ и желающихъ видѣть собственно его не приметъ никого. Скоро раздался звонокъ, человѣкъ вошелъ въ комнату и назвалъ фамилію пріѣхавшаго. „Сказать, что я занятъ и принять не могу", отвѣчалъ Константинъ Сергѣевичъ. Въ самомъ непродолжительномъ времени послѣдовалъ другой звонокъ, потомъ третій. Человѣкъ по прежнему входилъ съ докладомъ. „Занятъ и принять не могу", попрежнему отвѣчалъ Константинъ Сергѣевичъ. Не помню послѣ котораго звонка и доклада, я, наконецъ, не выдержалъ и спросилъ: „почему бы не сказать въ такихъ случаяхъ общепринятаго *дома нѣтъ*?" „Очень жаль, что это общепринято", съ живостью возразилъ Константинъ Сергѣевичъ, „но ни въ малыхъ, ни въ большихъ дѣлахъ лгать не вижу надобности. Неужели не проще сказать: *не могу принять*, чѣмъ *нѣтъ дома*? Тѣмъ болѣе, что, если бы кому-нибудь встрѣтилась теперь дѣйствительная надобность меня видѣть, мнѣ было бы даже совѣстно лишить его этой возможности, да еще и солгавъ предъ нимъ. Но вотъ, вы сами видите, насъ никто и не безпокоитъ. Мнѣ кажется даже, что, привыкнувъ къ моему обычаю, то-есть къ тому, что я не отказываю фразой *дома нѣтъ*, сами посѣтители тяготятся теперь настаивать на непремѣнномъ свиданіи, а это бываетъ при лживомъ отвѣтѣ *нѣтъ дома*". Было и еще нѣсколько звонковъ. Послѣ одного изъ нихъ человѣкъ доложилъ фамилію одного изъ профессоровъ московскаго университета, оговоривъ, что просятъ непремѣнно принять хоть минуты на двѣ. Константинъ Сергѣевичъ, извиняясь за перерывъ чтенія, вышелъ къ тому посѣтителю, и даже менѣе чѣмъ черезъ двѣ минуты возвратился назадъ. „Вотъ видите ли", сказалъ онъ сіяющій, „мы и опять свободны продолжать чтеніе; такой маленькій перерывъ почти и не помѣшалъ намъ. А я радъ, что не отказалъ въ пріемѣ: профессоръ хлопочетъ объ одномъ бѣдномъ студентѣ, дѣло идетъ объ его опредѣленіи, а оно и вовсе не состоялось бы, если бы я не далъ себя видѣть, теперь же дѣло кончено, и молодой человѣкъ устроенъ. И повѣрьте мнѣ, люди чутки къ правдѣ болѣе, чѣмъ обыкновенно думаютъ. Откажи я ему подъ предлогомъ, что меня дома нѣтъ, и потомъ выйди къ нему по усиленной просьбѣ, онъ продержалъ бы меня гораздо долѣе, чѣмъ теперь, когда ему сразу сказали, что я дома, но занятъ".

Столь же велико было прямодушіе К. Аксакова и въ тѣхъ случаяхъ, когда оно шло прямо въ разрѣзъ съ его личными выгодами.

„Мнѣ припоминается", сообщаетъ г. Бицынъ, „разсказъ очевидца о диспутѣ Константина Сергѣевича при его магистерской диссертаціи (Ломоносовъ). Это разсказъ Ѳ. М. Д—ва, который въ шестидесятыхъ годахъ и самъ занималъ каѳедру въ московскомъ университетѣ, а тогда лишь готовился къ

тому и былъ наканунѣ своей собственной магистерской диссертаціи 1). На всѣ возраженія,—разсказывалъ этотъ очевидецъ,—Константинъ Сергѣевичъ отвѣчалъ живо и ничего не уступалъ изъ собственныхъ тезисовъ. Но послѣ одного сдѣланнаго ему замѣчанія, магистрантъ вдругъ воскликнулъ: „Ахъ, какое дѣльное возраженіе!“ и это съ такой дѣтской искренностью и съ такимъ невольнымъ движеніемъ руки, поднесенной къ волосамъ, что вся аудиторія разразилась смѣхомъ. Ясно было, что не личное самолюбіе, а самый предметъ спора занималъ диспутанта“.

Въ связи съ этою душевною чистотою находилось и тѣлесное цѣломудріе К. Аксакова, о которомъ г. Бицынъ сообщаетъ любопытныя подробности:

„Гоголь въ одномъ изъ своихъ писемъ, теперь уже напечатанномъ въ полномъ изданій его сочиненій, допустилъ такое выраженіе о Константинѣ Сергѣевичѣ: „Этотъ человѣкъ боленъ избыткомъ силъ физическихъ и нравственныхъ, тѣ и другія въ немъ накоплялись, не имѣя проходовъ извергаться. И въ физическомъ и нравственномъ отношеніи онъ остался дѣвственникъ. Какъ въ физическомъ, если человѣкъ, достигнувъ тридцати лѣтъ, не женился, то дѣлается боленъ, такъ и въ нравственномъ для него даже было бы лучше, еслибъ онъ въ молодости своей.... (многоточіе въ печатномъ подлинникѣ). Но воздержаніе во всѣхъ разсѣяніяхъ жизни и плоти устремило всѣ силы у него къ духу. Онъ долженъ былъ неминуемо сдѣлаться фанатикомъ“. Гоголь умеръ задолго до возмужанія и кончины Константина Сергѣвича. Нѣтъ ли здѣсь, въ приведенныхъ словахъ, немножко того, что зовутъ съ больной головы на здоровую? При усердіи не по разуму и при веригахъ не по силамъ, дѣйствительно, происходятъ, болѣзненные пароксизмы духа и тѣла. Это тѣ нервноболѣзненные припадки, въ которыхъ менѣе всего обличается духъ собственно такъ называемый. Эти пароксизмы составляютъ лишь законное возмездіе и своего рода казнь именно за извращеніе свободнаго духа: ибо, во всѣхъ явленіяхъ такого рода, собственно говоря, плоть прикидывается духомъ. Самъ Гоголь, какъ извѣстно, напослѣдокъ, дѣйствительно, „воздерживался отъ всѣхъ разсѣяній жизни и плоти, и отъ этого всѣ у него силы устремились“.... только не къ духу, къ сожалѣнію, а именно въ фанатизму. Свобода духа и фанатизмъ двѣ вещи несовмѣстныя. Какъ нельзя сознательнѣе и свободнѣе относился Константинъ Сергѣевичъ даже къ своему дѣвственному состоянію, о чемъ говорится въ этомъ печатномъ письмѣ Гоголя. Были другіе коментаторы этого состоянія Константина Сергѣевича: они прямо считали его какимъ-то платоническимъ идеалистомъ: сама ужъ природа у него такая, это его физіологическая черта, не больше. На этотъ счетъ и тѣ, и другіе не правы. Это не было фанатизмомъ съ его стороны ни въ основѣ, ни въ послѣдствіяхъ, какъ могли бы заключить иные изъ письма Гоголя: это не было и отсутствіемъ подвига, какъ легкомысленно объясняли другіе. Я посмѣлъ ему прямо это высказать какъ-то разъ во время нашей бесѣды. „Говорятъ“, сказалъ я, „что въ самомъ организмѣ человѣка заключаются иногда условія для дѣвственнаго состоянія его; иной человѣкъ таковъ ужъ отъ природы, въ томъ нѣтъ и заслуги съ его стороны. Что вы скажете объ этомъ относительно васъ са-

---

1) Рѣчь, очевидно, о позднѣйшемъ попечителѣ петербургскаго учебнаго округа—О. М. Дмитріевѣ.

михъ"—Зачѣмъ такъ думать?—возразилъ онъ съ живостью — Даромъ человѣку ничто не дается, достиженіе чего составляетъ нравственный подвигъ Это подвигъ воли, и очень тяжелый.—И столько же скромно, сколько гордо, онъ прибавилъ: „Я скажу, по крайней мѣрѣ, о себѣ; нѣтъ мнѣ это не даромъ далось". Послѣднее было имъ выговорено съ большимъ усиліемъ".

При такомъ удивительномъ преобладаніи въ Константинѣ Аксаковѣ духовной натуры надъ физической, намъ станетъ понятной поразительная смерть этого человѣка, не въ переносномъ, а въ буквальномъ смыслѣ умершаго отъ тоски. Смерть поистинѣ поразительная, если припомнить, что Конст. Аксаковъ былъ атлетъ въ полномъ смыслѣ слова. „Злѣйшая чахотка и сухотка, безъ всякихъ физическихъ поводовъ къ тому, единственно отъ нравственнаго недуга!" восклицаетъ г. Бицынъ. „И это въ Константинѣ Сергѣевичѣ, чья крѣпость вошла въ пословицу и котораго самъ Оверъ (московская знаменитость 50-хъ годовъ) за его желѣзное здоровье звалъ печенѣгомъ". Умиравшій Сергѣй Тимофеевичъ предчувствовалъ, что столь дорогой его сердцу первенецъ скоро послѣдуетъ за нимъ въ могилу. „Бѣдный Константинъ!" говорилъ онъ. „Боюсь за него: онъ не перенесетъ". На возможныя успокоенія со стороны собесѣдника, онъ возражалъ однимъ и тѣмъ же: „Нѣтъ! все это было бы возможно при другомъ воспитаніи Константина; а онъ воспитанъ не такъ".

Предчувствія старика оправдались. 30-го Апрѣля 1859 г. умеръ Сергѣй Тимофеевичъ, а уже въ срединѣ мая г. Бицынъ, зашедши въ редакцію „Русской Бесѣды",

„услыхалъ мало утѣшительнаго. Константинъ Сергѣевичъ былъ безнадеженъ: не только свои, и чужіе боялись за него. Его укоряли, что онъ не бережетъ себя, еще прямо и въ томъ, что онъ какъ бы намѣренно убиваетъ себя. Къ этому прибавляли, что онъ страшно измѣнился. Хорошо предупрежденный на этотъ счетъ, я готовился быть особенно осторожнымъ при встрѣчѣ съ нимъ. Перебѣжавъ только улицу, ужъ я былъ на Кисловкѣ, а сдѣлавъ еще шаговъ тридцать къ знакомому дому, ужъ видѣлъ палисадникъ за перилами, большія ворота, и изъ воротъ, въ противуположную отъ меня сторону, медленными шагами удалявшуюся фигуру. Я нагналъ вслѣдъ; медленно отходившій отъ меня обернулся. Можно ли было узнать прежняго, бодраго душевно и тѣлесно Константина Сергѣевича! Мало сказать: онъ страшно измѣнился въ лицѣ! нѣтъ, а отъ общей исхудалости было еще что-то удлиненное и утоненное во всей фигурѣ. Пепельность бороды и усовъ, вдругъ взявшаяся просѣдь, вмѣсто прежняго ихъ цвѣта; съ ногъ до головы чрезвычайная угрюмость во всемъ видѣ; неподвижный, какой-то внутрь самого себя обращенный, самоуглубленный взоръ и тихость, жуткая тихость,—поразили меня.

— Я иду въ церковь, —сказалъ онъ,—какъ служба отойдетъ—вернусь. Вы меня застанете дома, я жду васъ.

— Но, Константинъ Сергѣевичъ, поберегите себя,—вырвалось у меня совершенно невольно.

Тутъ же, стоя на улицѣ, онъ отвѣчалъ очень серьезно, но тихимъ и задумчивымъ голосомъ, а не какъ бывало: „Да, меня упрекаютъ. На меня даже взводятъ обвиненіе, что я не удерживаюсь отъ горя, даю ему волю и намѣренно разстраиваю себя. Не вѣрьте этому. А я просто не могу".

„Кто разсчитывалъ на время", говоритъ въ другомъ мѣстѣ г. Бицынъ, „надѣясь еще, что само время излечитъ—тотъ ошибся вдвойнѣ. „Время тутъ ничему не поможетъ, повѣрьте", говорилъ онъ мнѣ еще тогда въ Москвѣ, и онъ былъ правъ. Въ горести, давившей все его существо, не было ничего эффектированнаго съ самаго начала; ничего такого, что было бы связано, какъ самъ онъ говорилъ, съ нервнымъ разстройствомъ; а лишь въ такихъ случаяхъ и помогаетъ время. Это была, напротивъ того, скорбь усиливавшаяся съ каждымъ днемъ, потому что каждый новый день приносилъ и большее разувѣреніе въ возможности будущаго и настоящаго безъ прошлаго".

Ярче всего настроеніе Константина Сергѣевича сказалось въ одномъ изъ писемъ къ г. Бицыну, удивительно симпатично обрисовывающемъ душевную глубину этого высоко-идеальнаго человѣка, сотканнаго изъ однихъ чистыхъ помысловъ и возвышенныхъ порывовъ:

„Вы приглашаете меня къ вамъ въ деревню, братъ показалъ мнѣ письмо ваше. Приглашеніе ваше такъ искренно, въ немъ сказалось такое дружеское движеніе, что мнѣ захотѣлось непремѣнно написать вамъ и вотъ я пишу. Я всегда очень много цѣнилъ въ жизни привѣтъ и всегда съ такою радостью на него отзывался; но привѣтъ вовсе не такъ часто встрѣчается въ жизни, какъ, можетъ быть, думаютъ. Въ вашихъ словахъ мнѣ послышался именно этотъ привѣтъ, который такъ рѣдокъ. Если бъ это приглашеніе ваше сдѣлано было бы при батюшкѣ... тогда я не проѣздомъ къ Хомякову, а нарочно бы къ вамъ поѣхалъ. Но теперь, любезнѣйшій... все кончилось. Ни удовольствіе, ни радость жизни для меня существовать не могутъ. Однимъ словомъ, жизнь кончилась—жизнь какъ моя. Я здѣсь еще, подъ условіями этой жизни; но это не *моя* жизнь. Все доброе, все хорошее въ другихъ—я чувствую; отзываюсь на это, какъ и на ваше приглашеніе, и только. Если бъ вы предлагали какое-нибудь удовольствіе, мнѣ было-бъ пріятно видѣть ваше желаніе, а отъ самаго удовольствія я бы отказался, потому что его нѣтъ для меня. Такъ теперь и вы все сдѣлали, пригласивъ меня, и дали мнѣ все, что я могу теперь принять. Прежде для меня было бы истиннымъ удовольствіемъ повидаться съ вами у васъ... взглянуть на юную семью въ обстановкѣ природы со всей ея непостижимой красотою, которую батюшка передаетъ въ своихъ сочиненіяхъ такъ неподражаемо. Но этого прекраснаго удовольствія для меня теперь быть не можетъ. Это все кончилось. Вы знали Константина Сергѣевича, который удитъ, куритъ, съ восхищеніемъ радуется жизни и природѣ въ каждомъ ея проявленіи, будь это зима или лѣто, будь это палящее солнце или дождь, промачивающій насквозь Константина Сергѣевича, который любитъ слышать въ себѣ силы именно тогда, когда неудобство, стужа или что нибудь подобное ихъ вызываетъ; который въ восхищеніи и крѣпнетъ на телѣгѣ, прыгающей по камнямъ, или подъ дождемъ, его всего обливающимъ,—Константина Сергѣевича, который 28 верстъ проходитъ не присаживаясь, выпиваетъ сливокъ, потомъ квасу и отправляется еще, взваливъ на себя огромныя удилища--удить. Теперешній Константинъ Сергѣевичъ

не удитъ, не куритъ, смотритъ и не видитъ природы или болѣзненно ее чувствуетъ и даже отворачивается отъ нея; нѣженкой онъ не сдѣлается, слабымъ тоже; но не слышитъ въ себѣ этого пріятнаго ощущенія силъ, не ищетъ чего нибудь-понеудобнѣе и потяжелѣе; ему все равно, карета ли или любимая прежде телѣга, въ которой онъ прежде даже и стихи писалъ. Да, все для меня кончилось, жизнь моя кончилась; жизнь была хороша и исполнена прекрасныхъ радостей; и вотъ я помянулъ себя въ письмѣ къ вамъ. Благодарю же васъ... за все радушіе, какое я видѣлъ бы у васъ. Обнимаю васъ крѣпко... Я занимаюсь довольно; это я считаю своимъ долгомъ, который я долженъ выплатить. Постараюсь сдѣлать все что могу, на что имѣю способности, и такимъ образомъ расплатиться съ долгами. Я точно собираюсь переѣхать и укладываюсь. Прощайте... Вашъ Константинъ Аксаковъ". Былъ post-scriptum: „время дѣйствуетъ на меня совершенно наоборотъ противъ того, какъ полагаютъ".

Письмо это относится къ Августу 1859 г. Всю зиму затѣмъ К. С. „чахнулъ; весной и лѣтомъ заболѣлъ такъ, что его отправили за границу, въ томъ же 1860-мъ году онъ и скончался 7-го Декабря вдали отъ родины, въ Греческомъ архипелагѣ, на островѣ Занте. За границею первоклассныя знаменитости, иноземные врачи дивились чахоткѣ и сухоткѣ этого богатыря, умиравшаго съ тоски по своемъ отцѣ: собственно, вся и болѣзнь была въ этомъ. Доктора не давали лекарствъ, не прописывали рецептовъ, совѣтовали только развлекать его. Тогда Италія шумѣла именемъ Гарибальди; въ ней пробуждалось народное движеніе, не совѣтовали пускать туда, а указывали на какія-нибудь „увеселительныя воды" или даже на Парижъ, совѣтуя возить на разныя гулянья, а если въ театръ, то исключительно въ водевили, но жить такимъ образомъ для Константина Сергѣевича значило не жить. Онъ уже умиралъ, послѣднія оставшіяся средства, хоть для продленія послѣднихъ дней, медики свели на „теплый морской климатъ", и вотъ онъ попалъ на островъ Занте. Когда пароходъ везъ его къ этому послѣднему пристанищу, онъ съ болѣзненной грустью глядѣлъ въ волны и говорилъ своему неизмѣнному спутнику, сопровождавшему его брату, Ивану Сергѣевичу Аксакову: „Неужели, однако, ужъ и кончено? Какъ не ожидалъ я, но чтобы такъ ужъ скоро, кто бы думалъ?"

На пустынномъ островѣ не было русскаго православнаго священника для исповѣди больного; нашелся грекъ, едва говорившій по-французски. У этого-то грека и исповѣдывался умирающій на своемъ нелюбимомъ языкѣ. Что за судьба? И, словно, еще не иронія ли съ ея стороны? Никакой ироніи тутъ нѣтъ, хотя и знаменательно оно. Свободная вѣра Константина Сергѣевича не знала ничего условнаго, и всякій фетишизмъ былъ ей чуждъ. Кто не понималъ и не понимаетъ, что можно снимать шапку въ Спасскихъ воротахъ и креститься на золотыя маковки Кремля и въ то же время не быть фетишистомъ,—тотъ не понимай.

Грекъ, призванный къ умирающему и спѣшившій попросту справить требу, былъ изумленъ исповѣдью, причащеніемъ и кончиной столь необыкновеннаго человѣка. Самымъ простодушнымъ образомъ выражалъ онъ свое удивленіе и недоумѣніе; онъ просилъ: нельзя-ли ему повидать всѣхъ близкихъ этого человѣка и, главное, мать покойнаго? Ему хотѣлось передать—и если не придется лично, грекъ просилъ ей передать отъ него — праведникъ скончался, еще не видывалъ исповѣдникъ примѣровъ такой вѣры на землѣ. Онъ не прекращалъ своихъ распросовъ: „Да кто-же это былъ? Кто это умеръ передъ нимъ?

Ему отвѣчали что это былъ Константинъ Сергѣевичъ Аксаковъ. И что же можно было сказать больше этого"?

И если этотъ праведникъ произвелъ такое глубокое впечатлѣніе на необразованнаго, захолустнаго попа-грека то удивительно ли, что огромно было обаяніе, которое онъ производилъ на людей, жившихъ приблизительно такими же, какъ и онъ самъ, нравственными стремленіями:

„Теперь прошло не мало времени со смерти Константина Сергѣевича" говоритъ г. Бицынъ, „а, встрѣчаясь съ его знакомыми, приходится отъ нихъ слышать и до сихъ поръ: неправда ли, всякій разъ, какъ приходилось быть съ Константиномъ Сергѣевичемъ послѣ того приходилось и самого себя чувствовать какъ-то чисто: какъ-то нравственнѣе дѣлался съ нимъ, и нравственность чувствовалъ болѣе обязательною для себя".

II.

Какъ уже было сказано выше, раньше другихъ родовъ творчества К. Аксаковъ проявилъ свои литературныя способности на поприщѣ стихотворства. Писаніе стиховъ было наслѣдственно въ родѣ Аксаковыхъ, и всѣ три представителя его оставили послѣ себя обильное поэтическое наслѣдство. „Поэтическое", впрочемъ, больше въ формальномъ значеніи этого слова, потому что сколько-нибудь видное художественное значеніе имѣютъ только стихи Ивана Сергѣевича. Стихи Сергѣя Тимофеевича были весьма посредственны. Было бы большою несправедливостью примѣнять послѣдній эпитетъ къ стихамъ Константина Сергѣевича, которые по полету мысли несравненно выше и не лишены интереса съ „гражданской" точки зрѣнія. Но несомнѣнно, однако же, что разсматриваемые съ чисто-литературной точки зрѣнія, съ точки зрѣнія проявленнаго въ нихъ таланта, они не высоко стоятъ. Враждебная идеямъ 60-хъ годовъ критика любила и любитъ подчеркивать, что такъ называемая „гражданская поэзія", отодвигающая на второй планъ непосредственно-художественныя цѣли, введена въ русскую литературу Некрасовымъ и прогрессивною критикою Добролюбова, Писарева и др. Утвержденіе это, однако же, только на-половину вѣрно. Если мы присмотримся къ славянофильской поэзіи, мы не преминемъ убѣдиться, что даже въ лицѣ наиболѣе даровитыхъ представителей своихъ, Хомякова и Ивана Аксакова, она задолго до движенія 60-хъ годовъ рѣшительно отвергла завѣтъ Пушкина быть поэзіею „звуковъ сладкихъ и молитвъ". „Житейскія волненія" и „битвы" всегда были ея главною задачею. Поэзія Константина Аксакова всецѣло имѣетъ служебное, публицистическое назначеніе. Стихи для К. Аксакова были

однимъ изъ средствъ проводить свои любимыя идеи. Тѣ же темы, которыя составляютъ предметъ его историческихъ, филологическихъ и публицистическихъ работъ, легли въ основаніе и наиболѣе прочувствованныхъ изъ стихотвореній его. К. Аксаковъ писалъ стихи не порывами, какъ братъ его Иванъ, а въ теченіе всей своей жизни, и все, что только волновало его, какъ публициста и историка, все это онъ выливалъ въ риѳмованныя строки. Но именно только въ риѳмованныя строки. Если про „гражданскіе мотивы" 60-хъ годовъ принято говорить, что они представляютъ собою передовыя статьи въ стихахъ, то тѣмъ болѣе примѣнимо такое опредѣленіе къ стихотвореніямъ К. Аксакова. Прочитавъ тѣ изъ нихъ, которыя были напечатаны [1]), мы не нашли между ними ни одного, которое имѣло бы цѣли непосредственно-художественныя. Все это или призывъ „домой" — въ до-петровскую Русь, или сѣтованія на „оторванность" интеллигенціи отъ народа, или, наконецъ, отдѣльные пункты программы желательной государственной жизни Россіи. Но, конечно не самое содержаніе, только-что отмѣченное, дѣлаетъ стихотворенія К. Аксакова мало поэтичными. Не въ томъ же, въ самомъ дѣлѣ, состоитъ истинная поэзія, чтобы воспѣвать исключительно „красу небесъ и ласки милой". Нѣтъ, если мы называемъ стихи К. Аксакова мало-поэтичными, то не за общественно-политическое содержаніе ихъ а за недостаточно-поэтичную обработку этого содержанія. Поэзія только тогда поэзія, если она говоритъ не только уму, но и воображенію, если она доказываетъ и объясняетъ свои тезисы не словами, а образами и картинами. И вотъ именно образовъ-то и картинъ мы и не находимъ въ стихотвореніяхъ К. Аксакова. Чтобы не быть голословными, возьмемъ нѣсколько стихотвореній, которые въ ряду поэтическихъ произведеній Константина Сергѣевича могутъ быть названы наиболѣе сильными и наиболѣе отражающими его стихотворную манеру. Вотъ, напр., напечатанное въ „Днѣ" 1862 года стихотвореніе „Возвратъ", съ призывомъ „домой", тѣмъ самымъ призывомъ, который надѣлалъ такъ много шуму въ началѣ 80-хъ годовъ и неправильно приписывался Ивану Сергѣевичу, между тѣмъ какъ на самомъ дѣлѣ онъ принадлежитъ Конст. Сергѣевичу и относится еще къ 1843 году.

Прошли года тяжелые разлуки,
Отсутствія исполненъ долгой срокъ,
Прельщенія, сомнѣнія и муки
Испытаны,—и взятъ благой урокъ!

---

[1]) Большое количество стихотвореній К. Аксакова остается еще, повидимому, до сихъ поръ въ рукописи.

Оторваны могущею рукою,
Мы бросили отечество свое,
Умчались вдаль, плѣнясь чужой землею,
Земли родной презрѣвши бытіе.
Преступно мы объ ней позабывали,
И голосъ къ намъ ея не доходилъ;
Лишь иногда мы смутно тосковали:
Насъ жизни ходъ насильственный давилъ!
Предателей, измѣнниковъ не мало
Межъ нами въ долгомъ странствіи нашлось;
Въ чужой землѣ ничто ихъ не смущало,
Сухой душѣ тамъ весело жилось!
Слетѣлъ туманъ! предъ нашими очами
Явилась Русь!.. Родной ея призывъ
Звучитъ опять, и нашими сердцами
Вновь овладѣлъ живительный порывъ,
Конецъ, конецъ томительной разлукѣ!
Отсутствію насталъ желанный срокъ.
Знакомые тѣснятся въ душу звуки
И взоръ вперенъ съ любовью на Востокъ.
Пора домой! И, пѣсни повторяя
Старинныя, мы весело идемъ.
Пора домой! Насъ ждетъ земля родная,
Великая въ страданіи нѣмомъ!
Презрѣніемъ отягчена жестокимъ,
Народнаго столица торжества,
Опять полна значеніемъ глубокимъ
Является великая Москва.
Постыдное, безчестное презрѣнье,
Скорѣе въ прахъ! Свободно сердце вновь,
И грудь полна тревоги и смятеній,
И душу всю наполнила любовь!
Друзья, друзья! Тѣснѣе въ кругъ сомкнемся,
Покорные движенью своему,
И радостно, и крѣпко обоймемся,
Любя одно, стремяся къ одному!
Землѣ родной—все, что намъ Небо дало,
Мы посвятимъ! Пускай заблещетъ мечъ,
И за нее, какъ въ старину бывало,
Мы радостно готовы стать и лечь.
Друзья, друзья! Грядущее обильно,
Надежды сладкой вѣруйте словамъ.
И жизнь сама, насъ движущая сильно,
Порукою за будущее намъ!..
Смотрите—мракъ ужъ робко убѣгаетъ,
На западѣ земли лишь онъ растетъ:
Востокъ горитъ, день не далекъ, свѣтаетъ,
И скоро солнце красное взойдетъ!

А вотъ другое стихотвореніе („Гуманисту“ въ „Днѣ“ 1862 г., № 8), иллюстрирующее одну изъ наиболѣе завѣтныхъ мыслей К. Акса-

кова — о необходимости тѣсной связи съ народомъ, съ „землею“. Поэтъ обращается къ гуманисту съ слѣдующими рѣчами укоризны:

Ты—эгоистъ, хотя бы наслажденья
Высокія испытывалъ твой духъ;
Ты—эгоистъ, хотя-бъ другихъ мученья
Болѣзненно тревожили твой слухъ;
Хотя-бъ тебѣ высокое искусство
Открыло свѣтъ таинственный во мглѣ,
Хотя-бъ въ тебѣ горѣло свято чувство
Къ прекрасному, благому на землѣ;
Хотя-бъ своей любовію широкой
Ты всѣхъ людей и цѣлый міръ объялъ,
Хотя-бъ ты плакалъ и страдалъ жестоко
И радостью прекрасною сіялъ...
Но ты сидишь съ простертыми руками,
Съ возвышеннымъ мечтаньемъ на челѣ,
Съ блестящими и влажными глазами,
Уединенъ далеко на скалѣ:
Передъ тобой толпа стремится тѣсно—
Ты полонъ къ ней участья и любви,
Ты для людей придумалъ міръ чудесный,
Огонь мечты горитъ въ твоей крови...
О, нѣтъ, не такъ участіе прилично,
И правды нѣтъ въ волненьи думъ твоихъ:
Бѣды людей ты испытуешь лично,
И плачешь ты не съ ними, а объ нихъ!
Не понялъ ты великаго значенья
Въ одинъ потокъ соединенныхъ волнъ!
Могущества ихъ общаго стремленья
Не понялъ ты, *своей* тоскою полнъ!
Оставь-же *свой* отдѣльный міръ страданья,
Гдѣ ты живешь—вдали людей любя!
Участія не нужны подаянья,
Изъ цѣлаго не исключай себя.
Лишь откажись отъ личныхъ притязаній,
Живую связь поймешь ты въ мигъ,—и вотъ
Съ своей судьбой и моремъ колебаній,
Величественъ является народъ!
Скорбь общая и общая невзгода
Тебѣ твои страданья замѣнятъ,—
Сильнѣй всего великій гласъ народа,
Предъ нимъ твои всѣ вопли замолчатъ!
Пойми себя въ народѣ! Не сжимаетъ,
Какъ океанъ, твоей свободы онъ:
Тебѣ онъ только мѣсто назначаетъ,
Ты общему въ немъ живо покоренъ.
А безъ того—ты эгоистъ безъ силы,
И жизнь твоя прекрасная пуста,
Страданья вялы и оружья гнилы,
Порывъ безплоденъ и ложна мечта.

Съ народомъ лишь взойдетъ свобода зрѣло,
Могущественъ народа только кликъ,
Принадлежитъ народу только дѣло,
И путь его державенъ и великъ!

Со „Свободнымъ Словомъ“ читатели уже знакомы (см. выше стр. 273—4). Это стихотвореніе, появившееся въ печати только 27 лѣтъ послѣ того, какъ было написано („Русь“ 1880, № 1), и на которое мы впервые обратили вниманіе, когда настоящая статья печаталась первый разъ (1887), съ нашей легкой руки цитируется очень часто. До извѣстной степени, оно даже стало лозунгомъ всѣхъ требованій свободы печати. Но, какъ мы уже замѣтили, приводя его цѣликомъ, художественными достоинствами это пламенное прославленіе свободы слова не блещетъ.

Указанныя три стихотворенія иллюстрируютъ самые дорогіе К. Аксакову пункты его общественнаго міросозерцанія. Казалось бы, значитъ, что по такому поводу онъ долженъ былъ развернуть весь имѣвшійся въ его творческой способности лирическій паѳосъ. И между тѣмъ всякій, кто сколько-нибудь привыкъ разбираться въ поэтическихъ произведеніяхъ и различать въ нихъ настоящее поэтическое золото отъ мишурныхъ блестокъ, всякій такой цѣнитель сразу, конечно, почувствуетъ въ приведенныхъ стихотвореніяхъ не только отсутствіе истинно поэтическихъ образовъ и картинъ, но еще и риторическій холодъ. Послѣднее особенно поразительно по отношенію къ „Свободному слову“. Подъ этимъ стихотвореніемъ имѣется дата „1853 года“, т. е. тотъ годъ, когда разразилась надъ славянофильскимъ кружкомъ вообще и надъ Константиномъ Аксаковымъ въ частности упомянутая выше цензурная гроза. Такимъ образомъ, стихотвореніе не только отражаетъ собою теоретическое убѣжденіе, но и писано подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ конкретнаго факта, несомнѣнно взволновавшаго автора до глубины души. И тѣмъ не менѣе, все это вмѣстѣ взятое, въ результатѣ дало стихотвореніе, весьма замѣчательное только по гражданскому, а никакъ не поэтическому паѳосу.

Кстати будетъ вообще замѣтить, что, по нашему по крайней мѣрѣ мнѣнію, у К. Аксакова не было того, что въ тѣсномъ смыслѣ этого слова принято называть литературнымъ талантомъ. Сынъ и братъ такихъ великихъ мастеровъ слова, какъ Сергѣй Тимофеевичъ и Иванъ Сергѣевичъ, Константинъ Сергѣевичъ самъ, однако же, всего менѣе можетъ быть названъ стилистомъ. Пушкинское опредѣленіе:

Такъ онъ писалъ темно и вяло,

поневолѣ приходитъ на умъ, когда читаешь путанныя и длинныя тирады, которыми изобилуютъ даже самыя удачныя и выношенныя

статьи Константина Аксакова. Человѣкъ, незнакомый съ біографіею Константина Сергѣевича, не знающій, что онъ былъ пламеннымъ, восторженнымъ энтузіастомъ, человѣкъ, руководствующійся только старой эстетической формулою—le style c'est l'homme, навѣрное, составитъ себѣ самое превратное представленіе о Константинѣ Аксаковѣ, если по его сочиненіямъ захочетъ возсоздать себѣ обликъ автора. У него былъ такъ великъ *паѳосъ мысли*, что какъ бы не осталось достаточно духовныхъ силъ для пафоса слова.

Чтобы покончить съ беллетристическими работами нашего писателя, скажемъ нѣсколько словъ о драматическихъ произведеніяхъ его.

Какъ и стихотворенія К. Аксакова, его драмы имѣютъ цѣли не художественныя, а дидактическія. Такъ, „Освобожденіе Москвы въ 1612 году“ должно убѣдить читателя въ громадномъ историческомъ значеніи „земли“, „Князь Луповицкій“ есть сатира на оторванныхъ отъ той же „земли“ интеллигентовъ нашихъ, наконецъ „Олегъ подъ Константинополемъ“ есть пародія на такъ называемое „скептическое“ направленіе русской исторіографіи. Авторъ даже и попытокъ не дѣлаетъ создать настоящія драматическія произведенія и дать что нибудь, кромѣ драматизированныхъ историко-публицистическихъ тезисовъ. Въ наиболѣе серьезной по авторскимъ намѣреніямъ драмѣ Константина Аксакова „Освобожденіе Москвы“ даже нѣтъ никакой интриги и все дѣйствіе исключительно вращается около явленій общественныхъ.

По формѣ и относительной легкости выполненія, наибольшими художественными достоинствами изъ перечисленныхъ трехъ драматическихъ произведеній обладаетъ „Олегъ подъ Константинополемъ“. Мотивы, послужившіе къ написанію этой изданной лѣтъ 25 спустя (въ 1858 г.) драматической шутки, изложены авторомъ въ предисловіи:

„Въ тридцатыхъ годахъ русскую исторію преподавалъ въ московскомъ университетѣ М. Т. Каченовскій, имя котораго навсегда останется въ лѣтописяхъ русской исторической науки. Студенты были увлечены скептическимъ его взглядомъ. Молодость любитъ критическое направленіе и охотно сомнѣвается. Повидимому, это противорѣчитъ стремленію вѣрить, стремленію которое составляетъ отличительную черту молодости, но здѣсь противорѣчіе только видимое, ибо самое сомнѣніе молодость часто принимаетъ на вѣру. Въ такомъ, очень нерѣдко одностороннемъ, влеченіи къ скептицизму лежитъ часто прекрасная основа: все испытать, все провѣрить своимъ умомъ, ничего не принимать безъ труда и ради авторитета.

Увлекаясь тогда, вмѣстѣ съ другими, скептическими мнѣніями профессора, я увидѣлъ потомъ ихъ ошибочность. Тогда, подъ вліяніемъ этого скептицизма, написалъ я, съ одобренія товарищей, эту пародію, въ которой преувеличилъ до крайности мнѣнія противниковъ, представивъ Олега государемъ эпохи развитой и просвѣщенной. Вмѣстѣ съ тѣмъ это была пародія и на

стихотворныя идеализаціи исторіи въ появлявшихся тогда нѣкоторыхъ патріотическихъ драмахъ, и вообще на звучность стиховъ, иными принимаемыми еще и теперь за поэзію".

Общій тонъ пародіи виденъ хотя бы изъ разговора между Олегомъ и волхвомъ. Волхвъ приходитъ къ князю и въ ужасѣ разсказываетъ, какой ему приснился странный и дивный сонъ:

На сѣверѣ, между лѣсовъ дремучихъ,
Возникнетъ нѣкогда великій градъ,
Владыко царствъ, исполненъ силъ могучихъ,
Правительственной мудростью богатъ.
Воздвигнется въ немъ зданіе науки,
Ему названья въ русскомъ словѣ нѣтъ,
И въ этомъ зданьи нѣкогда ученый
Торжественно всѣ дивныя твои
Дѣла постыднымъ омрачитъ сомнѣньемъ
И, наконецъ, отвергнетъ вовсе ихъ.
Онъ скажетъ и доводами докажетъ,
Что не было, Олегъ, тебя совсѣмъ;
Что это вымыслъ, ложное преданье;
Что ты—народа басня, что ты—миѳъ.

Олегъ (въ бѣшенствѣ и съ ужасомъ).

Я—миѳъ?

Волхвъ.

Отчаянье твое понятно.
Погибнетъ все, когда отвергнутъ даже
Существованье самое твое.

Олегъ.

Я—миѳъ?

Волхвъ,

Спокойся, князь! Еще есть средство...

Олегъ (не слушая).

Какъ, варвары? Я миѳъ? Но сердце бьется
Такъ пламенно въ груди моей! Но кровь
Такъ горячо бѣжитъ по этимъ жиламъ?..
Но этимъ грознымъ уступаютъ силамъ
Всѣ козни, всѣ усилія враговъ!..
Нелѣпость! Вздоръ! О, если-бъ только могъ я,
Ученому злодѣю моему
Я-бъ доказалъ свое существованье и т. д.

И вотъ, чтобы доказать будущему скептику-ученому, что онъ не миѳъ, Олегъ рѣшается предпринять походъ на Константинополь, прибить къ вратамъ его свой щитъ и вообще оставить прочный слѣдъ въ анналахъ писанной исторіи.

Кромѣ этого основного мотива, въ пародіи есть и побочные эпизоды, какъ, напр., внезапно завязавшійся романъ между греческою

царевной и однимъ дулѣбомъ изъ войска Олегова, такой же романъ между кіевлянкой Людмилой и кіевляниномъ Всеславомъ, который погибаетъ въ поединкѣ съ варяжскимъ скальдомъ Ингелотомъ и, наконецъ, третій романъ между тою же греческою царевною, что прельстила дулѣба, и самимъ Олегомъ. Соль всѣхъ этихъ эпизодовъ заключается въ ихъ книжномъ, напыщенномъ языкѣ, немыслимомъ, конечно, въ устахъ первобытныхъ сыновъ X вѣка.

„Освобожденіе Москвы", снятое съ репертуара послѣ перваго же представленія въ 1850 г., какъ уже было сказано, не имѣетъ никакой драматической интриги и потому передать его содержаніе затруднительно. Это просто рядъ безпорядочно-нагроможденныхъ сценъ, иллюстрирующихъ отдѣльные эпизоды событій 1612 года, сценъ, почти ничѣмъ между собою не связанныхъ, кромѣ авторскаго старанія выдвинуть на первый планъ истинный патріотизмъ простого народа и „земли", поборающій, въ концѣ концовъ, корыстные происки боярства. Эта центральная идея пьесы ярче всего выражена въ одномъ изъ монологовъ представителя „земщины" Прокофія Ляпунова:

Виноваты много бояре. Много возгордились они. На черныхъ людей свысока смотрятъ; ихъ только хрестьянами называютъ; видимое дѣло, что сами ужъ стали не хрестьяне.—Горько это; забыли, стало, что всѣ мы братья и всѣ христіане; всѣ мы одной матери дѣти; всѣ мы братья и сродники по христовой вѣрѣ и по русской землѣ. Пусти одинъ бояринъ—при немъ его боярство; пусть другой воинъ—при немъ его воинство; пусть еще третій земледѣлъ—при немъ его земледѣліе.—Да вѣдь сегодня онъ земледѣлъ, а завтра бояринъ, а бояринъ завтра земледѣлъ. Это все какъ случится, и какъ приведется, и какой талантъ, и что Богъ дастъ; а непремѣнное и вѣчное то, что всѣ мы, сколько насъ ни есть, всѣ братья православные христіане и русскіе люди. А это-то мы и позабыли, не какъ братья стоимъ другъ за друга; возвысились одни передъ другими гордостію. Богъ насъ и караетъ. Презрѣлъ Василій Ивановичъ земской совѣтъ, Богъ и покаралъ его. Презрѣли и вы, бояре, братство и землю; эй, не забывайте земли русской и народа. Больше правды въ простомъ народѣ.—Когда во вторникѣ на страстной недѣлѣ сдѣлалась схватка съ поляками, кто стоялъ за Божіе и земское дѣло? Все народъ. Сталъ тутъ и князь Дмитрій Михайловичъ Пожарской; вотъ это человѣкъ смиренный духомъ, и твердо стоитъ обще съ народомъ за вѣру и землю. Такъ народа-то вы, бояре, не презирайте и надъ народомъ не высьтесь; вѣдь этимъ вы и сами себя осуждаете и отъ братства себя отрываете. Не разрывайте земскаго союза, не забывайте народа—тогда и вамъ будетъ хорошо и вы родной землѣ нашей полезны будете,—а безъ того нѣтъ.—Вѣдь всѣ мы, отъ мала до велика, всѣ христіане православные и русскіе люди, всѣ братья".

Весь этотъ монологъ и по идеямъ своимъ, и даже по слогу скорѣе напоминаетъ одну изъ историко-публицистическихъ статей Аксакова, чѣмъ дѣйствительную рѣчь „думнаго дворянина". Но

автора и не заботила особенно историческая достовѣрность. Какъ и во всемъ, что онъ писалъ, ему былъ важенъ предлогъ высказать переполнявшія его чувства того мистическаго демократизма и той пламенной любви къ древнимъ формамъ русскаго народнаго быта, которыя составляютъ основу всѣхъ его общественныхъ, историческихъ и даже филологическихъ взглядовъ.

Такою же иллюстраціею историко-публицистическихъ воззрѣній Константина Аксакова является третье драматическое произведеніе его—„комедія“ въ двухъ дѣйствіяхъ съ прологомъ „Князь Луповицкій“. Комедія имѣетъ цѣлью доказать, съ одной стороны, до какого комизма доходитъ оторванность русскихъ „культурныхъ“ людей отъ реальныхъ основъ нашей народной жизни, а съ другой—какія великія сокровища ума и сердца кроются въ невзрачномъ на первый взглядъ мужичкѣ русскомъ. Въ частности, „Князь Луповицкій“ есть подробное развитіе и переложеніе въ лица одной изъ наиболѣе горячихъ критическихъ статей Константина Аксакова, напечатанной имъ подъ псевдонимомъ *Имрекъ* въ „Моск. Сборникѣ“ 1847 г.

Статья эта написана по поводу повѣсти изъ народной жизни кн. Одоевскаго „Сиротинки“ (изъ сборника гр. Соллогуба „Вчера и сегодня“) и вмѣстѣ съ нѣкоторыми деталями „Князя Луповицкаго“ рельефно обрисовываетъ одинъ изъ кардинальныхъ пунктовъ міровоззрѣнія Константина Аксакова—его отношеніе къ простому народу.

„Сиротинки“ привели рецензента въ крайнее негодованіе:

„Всегда съ невольнымъ горькимъ чувствомъ“, говоритъ онъ, „и съ негодованіемъ читаемъ мы такія повѣсти, гдѣ изображается (будто-бы изображается) нашъ народъ; невыносимо тяжело и больно, когда какой нибудь писатель, народу совершенно чуждый, совершенно отъ него оторванный, лицо отвлеченное, какъ все, что оторвано отъ народа, когда такой писатель, полный чувства своего мнимаго превосходства, вдругъ заговоритъ снисходительно о народѣ, могущественномъ хранителѣ жизненной великой тайны, во всей силѣ своей самобытности предстоящемъ предъ нами, легко и весело съ нимъ разставшимися. Писатель не трудится надъ тѣмъ, чтобы узнать, понять его; для него узнавать и понимать въ немъ нечего; ему стоитъ только снизойти написать о немъ. Противно видѣть, когда онъ, для вѣрнѣйшаго изображенія, прибѣгаетъ къ народному будто бы оттѣнку рѣчи, къ народнымъ выраженіямъ, дошедшимъ до его слуха чрезъ переднюю и гостиную. Такой умышленный маскарадъ, такая милостивая поддѣлка, особенно когда пишутъ для народа, оскорбительна. Въ такомъ родѣ и повѣсть кн. Одоевскаго“.

Насмѣшливо и негодуя пересказываетъ, затѣмъ, Конст. Сергѣевичъ содержаніе повѣсти, которое заключается въ томъ, что нѣкая барыня увозитъ бѣдную деревенскую дѣвушку, сиротинку Настю, въ Петербургъ, и та, черезъ нѣкоторое время, возвращается въ деревню, гдѣ, благодаря полученному ей въ одномъ изъ петербургскихъ прію-

товъ воспитанію, оказываетъ благотворное вліяніе на подъемъ крестьянской нравственности и религіозности. Подводя итоги, возмущенный критикъ говоритъ:

„Итакъ, все село возвышено и преобразованъ народъ, имѣющій коечто въ своихъ воспоминаніяхъ, имѣющій, какъ народъ, тяжесть и твердость дѣйствительности въ своихъ движеніяхъ и переходахъ,—преобразованъ такъ легко и скоро Настей, воспитанной въ Петербургѣ. Она научила его молиться, онъ не умѣлъ этого, конечно!.. Но никакая въ свѣтѣ Настя и никакой въ свѣтѣ образованный и воспитанный человѣкъ не можетъ стать наряду съ народомъ и осмѣлиться наставлять его въ этомъ чувствѣ,—его силою вѣры прогнавшаго столько враговъ иноплеменныхъ. Можно ли такъ легко судить о народѣ, такъ легко воспитывать его посредствомъ какой-нибудь Насти, такого отвлеченнаго и легкаго лица; такъ не знать глубины убѣжденій и многаго, многаго въ народѣ, что для Насти темный лѣсъ, и гдѣ-бы тысячу разъ она потерялась и пала бы, почувствовавъ и понявъ свое безсиліе, если-бъ, къ счастью, могла хоть сколько-нибудь понять его. Можно ли это? Что сказать о такомъ поступкѣ?

Къ счастью, Настя и ей подобные не понимаютъ и не могутъ приблизиться даже къ глубокой сторонѣ народа: это для нихъ непроницаемая тайна, запертое святилище. И сколько людей, именно въ наше время, именно въ нашей землѣ, такихъ, которые оторвались отъ народа, отъ естественной тяжести союза съ нимъ, умѣряющей и утверждающей шаги человѣка, дающей ему дѣйствительность, и пошли летать и носиться, полные гордости и снисхожденія,—такихъ людей, которые, будучи одѣты въ европейское платье и заглянувъ въ европейскія книги, выучившись болтать на чужомъ языкѣ и приходить, какъ слѣдуетъ, въ заемный восторгъ отъ итальянской оперы, подходятъ съ указкою къ бѣдному, необразованному народу и хотятъ чертить путь его народной и внутренней и внѣшней жизни. Хотя бы они поглотили въ самомъ дѣлѣ всю европейскую мудрость, но если они оторваны отъ народа и хотятъ оставаться въ этой оторванности, въ этомъ попугайномъ развитіи, если они свысока смотрятъ на него,—они ничтожны. Итакъ, Настя—явленіе поучительное. Ошибка автора въ томъ, что когда такой человѣкъ, какъ Настя, прикоснется къ народу, то совсѣмъ не выйдетъ такихъ результатовъ, какіе придумалъ г. авторъ; напротивъ, какъ мыльный пузырь, лопнетъ такая попытка, если только, при перевѣсѣ сила на ея сторонѣ, она не сдавитъ внѣшнимъ образомъ народа“.

Исторію такого мыльнаго пузыря Конст. Аксаковъ и хотѣлъ представить въ „Князѣ Луповицкомъ“. Стоитъ остановиться на содержаніи этой комедіи, мало замѣчательной съ художественной точки зрѣнія, но интересной тѣмъ, что въ ней авторъ всего цѣльнѣе выразилъ свой взглядъ на *современный ему* народъ. Какъ всѣ кабинетные мыслители, Константинъ Аксаковъ большею частью виталъ въ тѣхъ самыхъ сферахъ отвлеченности отъ реальной, непосредственной народной жизни, за которую онъ такъ пушилъ князя Одоевскаго въ приведенныхъ только-что цитатахъ. Говоря о народѣ, Константинъ Сергѣевичъ всегда удалялся въ глубь исторіи и сливалъ въ одно понятіе народъ удѣльнаго періода, народъ 1612 года и народъ

нашихъ дней. Сквозь туманъ восторженныхъ словъ о парадныхъ, такъ сказать, сторонахъ народной жизни, проявляющихся только въ великихъ историческихъ событіяхъ, у Константина Аксакова, какъ у всѣхъ, впрочемъ, славянофиловъ, трудно было проглядѣть, какъ онъ себѣ рисуетъ народъ въ его повседневномъ, будничномъ быту, и только въ одномъ „Князѣ Луповицкомъ" онъ сколько-нибудь подробно и остановился на этой повседневной жизни нашего народа. Вотъ почему и любопытно ознакомиться съ названной „комедіей", самой по себѣ очень слабой, но зато дающей болѣе детальный матеріалъ для оцѣнки практической, жизненной цѣнности народолюбія Конст. Сергѣевича. И если еще вспомнить, что „Князь Луповицкій" писанъ въ 1851 г., т.-е. въ тѣ же, приблизительно, годы, когда писались „Записки охотника", „Антонъ Горемыка" и другія произведенія изъ народной жизни, исходившія изъ противоположнаго лагеря, то на „комедіи" Константина Аксакова можно будетъ наглядно прослѣдить разницу между демократизмомъ западническаго лагеря русской интеллигенціи и демократизмомъ славянофиловъ.

Содержаніе комедіи состоитъ вотъ въ чемъ:

Богатый князь Луповицкій, проживающій въ Парижѣ, въ одно прекрасное послѣ обѣда объявляетъ своимъ пріятелямъ, что онъ твердо рѣшилъ уѣхать на время въ Россію съ цѣлью „сивилизовать" своихъ крестьянъ. Пріятели его удерживаютъ. Одинъ изъ нихъ—графъ Долонскій, заявляющій, что для него Россія есть мѣсто, откуда онъ получаетъ деньги, отказывается понимать намѣренія Луповицкаго:

„Вѣдь наши мужики, вѣдь это развѣ люди? Знаешь, какое ихъ назначеніе? Ихъ назначеніе, чтобы мы, люди образованные, могли наслаждаться всѣми удовольствіями сивилизаціи, c'est le mot; чтобы я, напримѣръ, могъ жить въ Парижѣ и, между прочимъ, обѣдать въ Café de Paris. Вотъ для чего мужики, чтобы намъ давать средства на всѣ сивилизованныя удовольствія: c'est leur mission sur la terre, ils ne sont bons, qu'a ça et c'est encore trop d'honneur pour eux".

Приблизительно то же самое думаетъ другой пріятель—баронъ Салютинъ, который, кромѣ того, проводитъ мысль, что если уже Луповицкій ни за что не хочетъ отстать отъ своей блажи и непремѣнно уже хочетъ „сивилизовать" своихъ крѣпостныхъ, то долженъ это сдѣлать силою:

„Э! mon ami, непремѣнно надо употребить силу; даже и убѣждать нечего пробовать: надо знать, съ кѣмъ быть деликатнымъ. Нужна желѣзная рука mon cher,—une main de fer. Такъ только надо учить необразованный народъ. Сломай его, сдѣлай изъ него тѣсто, faites en une pâte,—и потомъ лѣпи, что угодно. C'est ainsi, que Pierre le Grand a agi envers nous. Eh bien, кажется, трудъ не потерянъ. Мы можемъ быть ему благодарны за это; мы, надѣюсь, стали вполнѣ образованными людьми, можемъ быть собою довольны. Force brutale est très neccessaire et très utile envers les brutes".

Луповицкій не поддается, однако же, пріятелямъ. Онъ полагаетъ, что „русскій народъ также часть человѣчества“ и что поэтому „къ русскому народу,—дикому, положимъ, необразованному, положимъ, можно, однако же, привить просвѣщеніе европейское“. Планъ его дѣйствій состоитъ въ томъ, чтобы „сивилизовать“ и придать „видъ“, какой надобно „тѣмъ „зародышамъ“, которые уже есть въ народѣ.

„Напримѣръ, благотворительность; вѣдь, конечно, мужикъ дѣлаетъ добро, n'est ce pas? Но какъ онъ дѣлаетъ?—подаетъ нищимъ; это грубо, необразованно, n'est ce pas? Я возьму это свойство въ мужикѣ,—и сивилизую. Онъ будетъ, какъ-нибудь, что-нибудь дѣлать въ пользу бѣдныхъ, какъ мы дѣлаемъ; но баловъ, конечно, у нихъ нельзя завести, нужно что-нибудь другое: ужъ я придумаю“.

И вотъ, запасшись „всѣмъ, что вышло на французскомъ языкѣ объ Россіи“, Луповицкій ѣдетъ въ свою деревню, гдѣ, собравши мужиковъ, произноситъ имъ, „ставши въ позу“, слѣдующую рѣчь:

„Съ большимъ удовольствіемъ принимаю я изъявленіе вашей... вашей признательности, или скорѣе любви ко мнѣ,—любви, еще не заслуженной мною. Но я надѣюсь заслужить ее. Вѣрьте *(одушевляя себя)*, о да, вѣрьте, что и я люблю васъ. Я постараюсь устроить вашъ бытъ, передать вамъ плоды просвѣщенія, роскошные плоды наукъ и искусствъ—*(горячась)*. Ничего не пожалѣя для этого, никакихъ трудовъ, ни... безсонныхъ ночей, ни... утомительныхъ дней, ни... препятствія природы, ни человѣческія препятствія не остановятъ меня.—Гдѣ ваши орудія, омоченныя не разъ благороднымъ потомъ вашимъ? Гдѣ соха, гдѣ пила? Дайте мнѣ ихъ! Моя рука не побоится прикоснуться къ нимъ, если нужно.—Но важнѣйшій трудъ предстоитъ мнѣ я говорилъ о немъ сейчасъ.—Это тѣ нравственныя сокровища, которыя передамъ я вамъ, добытыя мною отъ Запада Европы, это—сѣмена умственныя, которыя долженъ разсѣять я здѣсь.—Вы поймете меня. Ваше сочувствіе, въ которомъ я не сомнѣваюсь, будетъ для меня лестною наградою. Повѣрьте мнѣ, я васъ уважаю, и докажу это! Вы можете считать на меня. *(Пауза)*. Господа! я въ вашихъ распоряженіяхъ. *(Въ сторону)*. Какъ хорошо бы это было по-французски!“

Понятно, что крестьяне въ недоумѣніи молчатъ въ отвѣтъ на эту рѣчь.

Болѣе детально развиваетъ Луповицкій отдѣльные пункты своей „сивилизаціонной“ программы въ разговорѣ со старостой Антономъ. И тутъ-то начинается для Луповицкаго рядъ посрамленій, обусловленныхъ его полнѣйшимъ незнаніемъ народной жизни. Дѣло начинается съ того, что Луповицкій совѣтуетъ быть религіозными.

„*Луп.* Исполняйте, что велитъ вамъ религія или вѣра. *Староста.* Мы исполняемъ, сколько силы нашей. *Луп.* Однако, Антонъ, я вѣдь былъ сегодня въ церкви; конечно, я пришелъ не къ началу, однако служили еще,—и я видѣлъ, что народу не много. *Стар.* Да вы, батюшка, послѣ обѣдни пришли; а это служили молебны, такъ тѣ и остались, кто служилъ, а другіе разо-

шлись. *Луп.* (*сконфузившись*). Да, точно, да, молебны.—Позволь, однако, позволь: тамъ священникъ давалъ крестъ цѣловать. *Стар.* Да какъ же, батюшка, это за всякимъ молебномъ бываетъ. *Луп.* (*совсѣмъ сконфузившись*) Бываетъ, да, бываетъ, точно (*принимается за завтракъ*). Не хочешь ли ты позавтракать? Я велю тамъ подать (*указываетъ ему на свой завтракъ*). *Стар.* Нѣтъ, батюшка, не стану. *Луп.* Отчего? *Стар.* У насъ постъ, батюшка; это — скоромное. *Луп.* Постъ,—какой постъ? *Стар.* Петровки, батюшка. *Луп* Петровки (*кладетъ вилку и ножикъ*). Признаюсь, не зналъ".

Потерпѣвъ пораженіе по предмету насажденія религіозности, Луповицкій смотритъ въ бумажку, гдѣ у него намѣчены всѣ пункты его „сивилизаціоннаго" плана и переходитъ къ насажденію благотворительности:

Луп. Вотъ что я придумалъ. Вы устройте у себя благотворительный хороводъ. *Стар.* Что-жъ это будетъ такое? *Луп.* А вотъ что. Когда у васъ соберутся для хоровода,—каждый, кто захочетъ участвовать, дастъ по копѣйки, или по полушкѣ въ общую сумму, для бѣдныхъ; а потомъ эти деньги и будетъ раздавать нищимъ, настоящимъ нищимъ, тотъ, кого хоть я назначу.—А? хорошо? *Стар.* Умныя твои рѣчи, батюшка. Только вотъ что: у насъ есть въ церкви кружка для бѣдныхъ. Хороводъ-то веселье-то зачѣмъ? *Луп.* А веселье-то для того, чтобы охотнѣе дали; иной бы, можетъ быть, безъ этой причины и не подалъ, а для веселья подастъ. *Стар.* Стало, батюшка, человѣкъ ужъ тутъ не для Бога, а для своей потѣхи нищему подастъ. Гдѣ-жъ тутъ доброе-то дѣло будетъ? Для души-то что? *Луп.* Положимъ, добраго дѣла собственно нѣтъ; для души, какъ ты выражаешься, нѣтъ; да все же польза. *Стар.* Ужъ коли, батюшка, въ такомъ дѣлѣ святомъ, что нищему подать, для души ничего не будетъ, такъ ужъ тутъ какая польза,—тутъ вредъ, да и какой. Вѣдь, какъ нищаго увидишь—и вздохнешь, и подумаешь, что вотъ-де нищая братья, да и подашь, такъ оно для души много. А тутъ, что это будетъ? Гамъ, веселье. Что, дескать, вамъ о нищей братіи думать; знай веселись, да себя тѣшь: вотъ тебѣ и доброе дѣло сдѣлалъ.

Провалившись и тутъ, Луповицкій заводитъ рѣчь о грамотѣ и о томъ, чтобы завести школу. Староста согласенъ, что „грамота хорошее дѣло: ученье свѣтъ, а неученье тьма", но вмѣстѣ съ тѣмъ говоритъ барину: „Чѣмъ школу заводить, батюшка, а ты пономарю дай жалованье за выучку, за каждаго, хоть рубли четыре или хоть три, онъ тебѣ и учить станетъ и выучитъ". Луповицкій соглашается и только желалъ бы „книгъ накупить, книгъ для народа, приноровленныхъ къ понятію народа":

„*Стар.* Какія же это книги, батюшка? *Луп.* Есть много такихъ книгъ, нарочно написанныхъ для простого ума. Въ нихъ разсуждается о предметахъ, нужныхъ для крестьянъ; напримѣръ, о томъ, что такое быкъ? *Стар.* Быкъ? *Луп.* Ну да, быкъ. Я думаю, быкъ много значитъ въ вашемъ быту. *Стар.* Неужто же, батюшка, мы быка не знаемъ Неужели и того не знаемъ, около чего цѣлый вѣкъ ходишь. *Луп.* Тамъ не только о быкѣ; тамъ о нравственныхъ обязанностяхъ: тамъ говорится, что ненадо лгать, пьянство-

вать, ну... и такъ далѣе. Вѣдь эти книги для васъ нужны. *Стар.* И по нашему, батюшка, не годится пьянствовать и лгать; да вѣдь кто-жъ этого не знаетъ? Не дѣлаютъ только. *Луп.* Ну, да все же не худо объ этомъ еще почитать. *Стар.* Не худо, кто говоритъ, только ужъ объ этомъ давно написано и хорошо написано: врядъ ли ужъ лучше написать можно. На это ужъ есть книги. *Луп.* Гдѣ? Какія? *Стар.* Священныя книги, батюшка. Вотъ ихъ-то ты намъ купи, батюшка, сдѣлай милость".

Заводитъ, затѣмъ, Луповицкій рѣчь о неопрятности крестьянской:

„Посмотри, какія у тебя грязныя руки, вѣдь какая разница съ моими *сравниваетъ свою руку съ рукою старосты*). Просто даже совѣстно. *Стар.* Кому, батюшка, совѣстно? *Луп.* Конечно, тебѣ должно быть совѣстно. *Стар.* Э, батюшка, въ навозѣ возимся, какъ же быть-то? Оттого, батюшка, твои ручки и бѣлы, что наши черны,—ну, и на здоровье".

Не увѣнчивается большимъ успѣхомъ планъ Луповицкаго поднять крестьянскую нравственность посредствомъ награжденія за добрыя дѣла.

„*Луповицкій.* Если кто изъ огня кого-нибудь выхватитъ, ну тамъ, ну какъ-нибудь, еще поможетъ, ну, денегъ дастъ,—такъ этому я даю кушакъ шелковой, шитый золотомъ, а женщинѣ жемчужныя серьги. Ты опять молчишь.—Неужто и это не нравится? *Стар.* Вотъ что, батюшка, я тебѣ скажу. Дѣлаетъ человѣкъ доброе дѣло: вѣдь онъ, батюшка, не изъ награды его дѣлаетъ; такъ ты наградою его обидишь, да и доброе-то дѣло ты не добромъ покажешь.—А коли для награды доброе дѣло кто сдѣлалъ, такъ ужъ это какое доброе дѣло?—и награждать-то его не за что".

Такъ-то отбрилъ простой мужичекъ представителя парижской „сивилизаціи" и, пунктъ за пунктомъ, разрушаетъ всю программу либеральнаго барина, такъ что тотъ, „совершенно сбитый съ толку", долженъ сказать себѣ: „Battu, completement battu. Какъ онъ уменъ, однако, этотъ Антонъ. Недаромъ говорятъ, что народъ русскій имѣетъ умъ, еще бы! бездну ума".

Но не только предъ умомъ „народа русскаго" приходится преклониться парижскому сивилизатору. Разыгрывается предъ его глазами такое зрѣлище: собираются его крестьяне на сходку затѣмъ, чтобы рѣшить, кого сдать въ рекруты. Большинство высказывается за то, чтобы отдать безроднаго парня Андрюху. Но такое рѣшеніе вызываетъ рѣзкій протестъ стараго крестьянина Прохора:

„Вы хотите Андрюху отдать; онъ, дескать, сирота. Такъ это, выходитъ, отдаемъ мы въ солдаты безпомощнаго. Сиротство его, выходитъ, мы ему въ вину ставимъ.—Такъ ли? А? Подумайте. Не грѣхъ ли это будетъ? Виноватъ ли онъ, что сирота?—Что некому за нимъ поплакать, да поскорбѣть; такъ вѣдь онъ и самъ тому не радъ; вѣдь его горе—сиротство-то; а тутъ мы къ горю да еще горе на него навалимъ.—Такъ, что ли? Нѣтъ, братцы; грѣхъ будетъ міру сироту обидѣть; передъ Богомъ грѣхъ; онъ плакаться на насъ Богу будетъ.—Ужъ если нѣтъ у него ни роду, ни племени некому заступиться, такъ міръ ему заступникъ. Вотъ, по-моему, какъ".

Слова Прохора производятъ впечатлѣніе. Сходка соглашается, что, дѣйствительно, „грѣхъ будетъ сироту обидѣть“, и рѣшаетъ, что у кого больше сыновей, тотъ и долженъ выставить рекрута. На бѣду оказывается, что больше всего сыновей у любимаго всѣми старосты Антона. Какъ тутъ быть? Какъ тутъ соблюсти справедливость, какъ сдѣлать, чтобы и старосту не обидѣть и вмѣстѣ съ тѣмъ не заставить „помилованіемъ“ старосты отдуваться кого-нибудь изъ прочихъ крестьянъ. И вотъ, по совѣту того же правдолюба Прохора, сходка постановляетъ купить рекрутскую квитанцію, которая стоитъ ни много, ни мало 800 руб. серебромъ. Съ удивленіемъ узнаетъ объ этомъ рѣшеніи Луповицкій, который былъ увѣренъ, что отдадутъ Андрея. „Некому заступиться“, говоритъ онъ въ изумленіи, „такъ міръ заступникъ... mais c'est sublime, c'est beau, ça!“ „C'est de la clemence, c'est touchant“, говоритъ онъ затѣмъ, по поводу того, что старосту „помиловалъ“ міръ: „il est imposant ce міръ. Я сегодня очень доволенъ; сегодня прекрасный для меня день. Міръ познакомилъ меня съ собой своимъ возвышеннымъ, истинно-благороднымъ поступкомъ. Я уѣду отсюда съ большимъ почтеніемъ къ народу. Je vous estime, monsieur le peuple“.

Таково содержаніе комедіи, повторяемъ еще разъ, очень слабой въ литературномъ отношеніи, но очень удобной для выясненія основныхъ пунктовъ народолюбія Константина Аксакова. Въ историко-публицистическихъ статьяхъ Константина Сергѣевича эти пункты изложены расплывчато, туманно, а главное разбросанно и отрывочно, такъ что для полученія полной картины пришлось бы прибѣгать къ мозаикѣ, здѣсь же все ясно до схематичности. Сама собою слагается такая формулировка:

1) Народъ не нуждается ни въ какихъ указаніяхъ, въ особенности со стороны нашихъ нахватавшихся верховъ европейской цивилизаціи „культурныхъ людей“.

2) У народа есть свое стройное и устойчивое міросозерцаніе, не только вполнѣ пригодное для ежедневной, сѣрой крестьянской жизни, но способное выдержать натискъ міросозерцанія людей, безконечно превосходящихъ мужика образованіемъ и соціальнымъ положеніемъ.

3) Въ частности, у народа есть своя самобытная нравственность и своя, если и не самобытная, то все-таки окрашенная самостоятельнымъ пониманіемъ религіозность; на совокупности нравственно-религіозныхъ представленій народа и строятся соціальныя отношенія крестьянской общины.

4) Народная нравственность основана на чувствахъ справедливости. Оба эти чувства народъ никогда не понимаетъ въ формальномъ, математическомъ смыслѣ. Вотъ почему, строго блюдя интересы *всей*

общины народъ все-таки заботится и о томъ, чтобы не только интересы меньшинства, но даже интересы отдѣльныхъ личностей не страдали бы отъ соблюденія мірскихъ выгодъ.

5) Религіозность народа, какъ и нравственность его, не внѣшняя и не показная. Она есть удовлетвореніе внутренняго призыва къ добру.

6) Источникъ нравственности и религіозности народа кроется въ исповѣдуемой имъ православной вѣрѣ. Когда староста Антонъ пунктъ за пунктомъ, разрушилъ всю „сивилизаціонную“ программу своего барина, между „сбитымъ совершенно съ толку“ Луповицкимъ и его собесѣдникомъ произошелъ такой разговоръ:

„*Луп.* Антонъ, ты гдѣ учился? *Стар.* Нигдѣ, батюшка. *Луп.* Грамотѣ умѣешь? *Стар.* Умѣю, батюшка. *Луп.* Что ты читалъ? *Стар.* Церковныя книги, батюшка“.

7) Совокупность всего вышесказаннаго создала глубоко-своеобразный правовой, экономическій и нравственный институтъ—крестьянскій „міръ“, который есть хранитель истинно-народныхъ традицій и панацея противъ тѣхъ золъ, которыя при иномъ строѣ повели бы къ цѣлому ряду соціальныхъ и индивидуальныхъ несправедливостей.

Таковы основные пункты народолюбія Константина Аксакова, прямо вытекающіе изъ его якобы „Комедіи“. Но есть въ этой пьесѣ еще кое-что, что не сразу бросается въ глаза и требуетъ кое-какихъ разъясненій. Разъясненій тѣмъ болѣе необходимыхъ, что дѣло идетъ объ основной чертѣ всего міровоззрѣнія Константина Аксакова. Мы говоримъ о томъ *мажорномъ тонѣ*, въ которомъ написанъ „Князь Луповицкій“ и который характеризуетъ не только Константина Аксакова, но и всю славянофильскую школу. Этимъ тономъ Константинъ Аксаковъ отличается не только отъ западниковъ сороковыхъ годовъ, но и отъ народниковъ позднѣйшей формаціи, не менѣе его восторженно относившихся къ складу народной души и къ основамъ народно-общинной жизни. И является у Аксакова этотъ тонъ, потому что *генезисъ* его народолюбія не тотъ, что у народолюбцевъ противоположнаго лагеря.

Если мы, въ самомъ дѣлѣ, присмотримся къ исторіи западническаго народолюбія, намъ не трудно будетъ убѣдиться, что источникъ его кроется: 1) въ чувствѣ *жалости* нравственно-чуткихъ представителей русскаго культурнаго класса къ бѣдственному положенію мужика и 2) въ чувствѣ *раскаянія*, которое испытывали „сыны народнаго бича“ при мысли о своей причастности грѣху вѣковаго угнетенія крѣпостного раба. Мы уже знаемъ изъ общаго обзора эпохи Бѣлинскаго, что въ началѣ сороковыхъ годовъ, когда шедшія къ намъ изъ Франціи „филантропическія“, по терминологіи того времени, идеи

привели къ необыкновенно яркому пробужденію *общественныхъ* чувствъ, вопросъ о народѣ сталъ однимъ изъ центральныхъ вопросовъ времени. Мы знаемъ, что поколѣніе, вся духовная жизнь котораго сосредоточилась на размышленіяхъ о томъ, справедливъ или несправедливъ существующій общественный строй, прежде всего стало болѣть душою за „униженныхъ и оскорбленныхъ“ вообще и за русскаго крѣпостного мужика въ частности. Глашатай этого поколѣнія— „неистовый Виссаріонъ“, съ тою же восторженною энергіею, съ которою онъ нѣкогда требовалъ отъ писателей служенія чистому искусству, началъ требовать отъ нихъ опредѣленной общественной тенденціи, подразумѣвая подъ нею, по преимуществу, все ту же защиту „униженныхъ и оскорбленныхъ“ вообще и мужика въ частности. И чутко внимавшіе пламенному искателю истины „молодые таланты того времени поддались неотразимому вліянію горячей убѣжденности Бѣлинскаго и, точно сговорившись, почти въ одинъ и тотъ же годъ, предстали предъ изумленною публикою съ рядомъ превосходныхъ произведеній, въ основѣ которыхъ лежали самыя широкія симпатіи къ загнанному простолюдину. Явился Григоровичъ съ „Деревней“ и „Антономъ Горемыкой“, въ которыхъ впервые былъ показанъ человѣкъ въ крѣпостномъ мужикѣ, явился Тургеневъ съ „Записками охотника“, въ которыхъ то же желаніе очеловѣчить мужика было проведено съ еще бо́льшею теплотою, явились первыя стихотворенія на народныя темы Некрасова, бросившаго подъ новымъ вліяніемъ прежніе „мечты и звуки“ и посвятившаго отнынѣ свою музу народнымъ *страданіямъ* и психологіи народной души.

Итакъ, желаніе выяснить, что крѣпостной рабъ есть тоже человѣкъ, и что, слѣдовательно, его страданія должны быть облегчены,— вотъ на чемъ зиждется народолюбіе писателей школы Бѣлинскаго. Но именно потому-то въ ихъ произведеніяхъ и не могло быть того мажорнаго тона, того изображенія народа бодрымъ и полнымъ сознанія своихъ внутреннихъ силъ, которое мы встрѣчаемъ въ произведеніяхъ славянофильскаго направленія.

Правда, могло быть мажорное *негодованіе*, но такъ какъ этому мѣшали цензурныя условія, то въ результатѣ и получилось, что почти всѣ произведенія изъ народной жизни, вышедшія изъ-подъ пера людей прогрессивнаго лагеря 40-хъ годовъ, написаны въ гуманно-сострадающемъ тонѣ, цѣль котораго вызвать и въ читателѣ состраданіе къ крестьянской недолѣ.

Изъ діаметрально-противоположнаго источника вытекло народолюбіе славянофиловъ или, чтобы держаться ближе предмета настоящей статьи, народолюбіе Константина Аксакова. Если Тургеневу, Григоровичу, Некрасову мужикъ былъ близокъ потому, что они въ

немъ видѣли *человѣка*, и притомъ человѣка, нуждающагося въ сочувствіи и помощи, то Константину Аксакову мужикъ былъ дорогъ, главнымъ образомъ, какъ хранитель „истинно-русскихъ“ традицій. Не потому любилъ Константинъ Аксаковъ мужика, что мужикъ—нашъ меньшій братъ, и, значитъ, долженъ имѣть такое же мѣсто за столомъ жизненнаго пиршества, какъ и мы сами, а потому, что онъ видѣлъ въ мужикѣ живой обломокъ дорогого ему древне-русскаго быта. И вотъ почему, совершенно закрывая глаза на реальную дѣйствительность и на тѣ печальныя условія, среди которыхъ протекла жизнь крѣпостного мужика, онъ изображалъ ее въ такихъ оптимистическихъ краскахъ, въ такомъ мажорномъ тонѣ, что иностранецъ, который, не зная другихъ произведеній, рисующихъ крѣпостной бытъ, захотѣлъ бы по „Князю Луповицкому“, да и по остальнымъ писаніямъ Константина Аксакова составить себѣ представленіе о крестьянской жизни въ эпоху крѣпостного права, вынесъ бы изъ этихъ писаній самое розовое впечатлѣніе. Такъ, въ „Князѣ Луповицкомъ“ всѣ крестьяне очень зажиточны и въ порывѣ великодушія даютъ 800 рублей, изъ которыхъ 100 даетъ староста, представляющій собою, замѣтьте, не обычный типъ ворюги-старосты, обкрадывающаго барина и выжимающаго сокъ изъ мужика и потому имѣющаго въ кубышкѣ не малую толику награбленныхъ денегъ. Напротивъ того, онъ—человѣкъ высоко-честный и, слѣдовательно, вполнѣ нормальнымъ путемъ нажилъ свой достатокъ. Когда, еще неузнанный своими крестьянами, Луповицкій стороною спрашиваетъ одну изъ попавшихся ему бабъ, какъ живется мужикамъ его деревни, она ему говоритъ: „Намъ грѣхъ Бога гнѣвить, намъ хорошо“. Словомъ, настоящая Аркадія. И если бы мы изъ всеобщихъ отзывовъ друзей и недруговъ не знали бы, что Константинъ Аксаковъ былъ человѣкъ высоко-идеальнаго склада характера, весь горѣвшій святымъ огнемъ стремленія къ истинѣ, то всѣ эти усилія выставить черное бѣлымъ и ликовать тамъ, гдѣ у другихъ вырывались стоны отчаянія, можно было бы причислить къ славославію Булгариныхъ и Гречей. Но именно потому, что сопоставленіе этихъ именъ было бы глубокимъ оскорбленіемъ для чистой памяти Константина Сергѣевича, тутъ и не можетъ быть рѣчи о сколько-нибудь намѣренномъ квіетизмѣ и умышленномъ закрываніи глазъ. Нѣтъ, все дѣло тутъ въ томъ, что, упрекая другихъ въ кабинетности и незнаніи народа, Константинъ Аксаковъ, какъ улитка прожившій всю свою жизнь въ раковинѣ отцовскаго дома, самъ болѣе другихъ былъ въ этомъ повиненъ и считалъ „знаніемъ“ народа изученіе былинъ Владимірова цикла и лѣтописей. Живые же люди, съ которыми ему пришлось водить дружбу послѣ разрыва съ кружкомъ Станкевича и Бѣлинскаго, всѣ

эти Хомяковы, Самарины, Кирѣевскіе, наконецъ (почти всю жизнь) собственный отецъ его—были люди очень богатые, не имѣвшіе рѣшительно никакой надобности сколько-нибудь дурно обращаться со своими крестьянами. Если мы вспомнимъ, съ какимъ добродушіемъ относится Сергѣй Тимофеевичъ къ крѣпостному праву, то намъ станетъ вполнѣ понятнымъ, что и въ сынѣ его, разъ онъ жизни не зналъ, только теоретическіе импульсы могли создать иное, болѣе озлобленное отношеніе. Но именно теоретическіе-то импульсы и направляли его на иные пути борьбы. Тѣ импульсы, которые вдохновляли бывшихъ друзей Константина Сергѣевича на возможно рѣзкій протестъ противъ темныхъ сторонъ крѣпостного права, для него были несимпатичны уже въ источникѣ своемъ: помимо того, что они шли съ Запада, они говорили о враждѣ и „фрондерствѣ", столь нелюбимыхъ имъ. Свое же общее міросозерцаніе и складъ восторженной натуры гнули въ сторону усматриванія положительныхъ сторонъ. Правда, это, въ конечномъ результатѣ, не умаляло отвращеніе Константина Аксакова къ крѣпостному праву, въ ненависти къ которому онъ едва ли уступалъ кому бы то ни было. Но со стороны-то, для читателя-то, получалось очень странное впечатлѣніе, получался тотъ совершенно неумѣстный мажорный тонъ, то идиллическое изображеніе крѣпостного люда, по поводу котораго каждый крѣпостникъ и рабовладѣлецъ могъ сказать: зачѣмъ отмѣнять крѣпостное право, когда при немъ народу такъ хорошо живется.

Такимъ образомъ, по главному пункту, въ которомъ могло практически сказаться народолюбіе человѣка 40-хъ годовъ, Константинъ Аксаковъ проявилъ какой то академическій холодъ, совершенно не вязавшійся съ общимъ, горячимъ складомъ его личнаго и писательскаго характера. Онъ, который произнесъ въ теченіе своей литературной дѣятельности такъ много негодующихъ словъ по адресу людей и понятій, всего только повинныхъ въ „обезьяничаніи" европейскихъ „шаблоновъ", болѣе чѣмъ рѣдко говорилъ о бѣдности и приниженности мужика. Предпочитая дѣйствовать на пользу народа изображеніемъ его высокихъ нравственныхъ и умственныхъ качествъ, онъ весь уходилъ въ панегирическіе дифирамбы его историческому прошлому и современному бодрому самосознанію. Но не имѣетъ дифирамбъ такого доступа къ сердцу читателя, какъ слово сострадания и сожалѣнія, и вотъ почему народолюбіе „оторванныхъ" отъ почвы западниковъ было практически плодотворнѣе, чѣмъ народолюбіе одѣвшагося въ мурмолку Константина Сергѣевича. Эти „оторванные" люди получили величайшую награду, какая только можетъ быть для писателя—ихъ произведенія дали огромный толчокъ освобожденію народа изъ подъ вѣкового гнета. Все русское общество,

начиная съ императора Александра II, именно на Тургеневѣ, Григоровичѣ и частью на Некрасовѣ воспитало свое отвращеніе къ крѣпостному праву, а дифирамбы Константина Аксакова были въ свое время извѣстны только его друзьямъ и журналистамъ, а теперь - историкамъ литературы.

Сформулировавши на стр. 413 основные пункты народолюбія Константина Аксакова и давши затѣмъ характеристику общаго тона этого народолюбія, мы ознакомили читателя съ одною изъ наиболѣе существенныхъ сторонъ его духовной физіономіи. Перейдемъ теперь къ другимъ руководящимъ идеямъ его и къ другимъ родамъ литературной дѣятельности, въ которыхъ разбрасывавшійся на всѣ стороны Константинъ Сергѣевичъ упражнялъ свое разнообразное творчество и къ которымъ примѣнялъ свои обширныя и разнообразныя познанія. Такъ великъ былъ пылъ этого пламеннаго искателя истины и такъ стремителенъ напоръ переполнявшихъ его чувствъ, что онъ въ теченіе 25 лѣтъ своихъ научно-литературныхъ занятій не могъ сконцентрироваться на чемъ-нибудь одномъ. Стихи, драмы, критика, исторія вообще, исторія литературы въ частности, публицистика, филологія, все это шло въ перемежку и все это интересовало автора не само по себѣ, а какъ средство пропагандировать свои общественно-политическіе взгляды.

III.

Въ хронологическомъ порядкѣ Константинъ Сергѣевичъ послѣ „изящной словесности“ раньше всего сталъ работать на поприщѣ критики, начавъ съ мелкихъ рецензій въ „Московск. Наблюдателѣ“, редакціею котораго въ концѣ 30-хъ годовъ завѣдывалъ Бѣлинскій и его друзья. Въ 1842 г. Аксаковъ издаетъ небольшую брошюру о „Мертвыхъ душахъ“. Самой брошюры, ставшей чрезвычайною библіографическою рѣдкостью, намъ, къ сожалѣнію, не удалось видѣть, но о ней даютъ весьма полное понятіе двѣ посвященныя ей статейки Бѣлинскаго и сердитый отвѣтъ на нихъ, напечатанный задѣтымъ Константиномъ Аксаковымъ въ „Москвитянинѣ“ 1842 г. (№ 9). Впрочемъ, весь этотъ инцидентъ любопытенъ не столько самъ по себѣ, сколько для характеристики взаимныхъ отношеній полемизировавшихъ. Недавніе горячіе друзья обмѣнивались такими колкостями, что, со стороны глядя, трудно было допустить мысль, что еще какихъ-нибудь два года раньше противники души не чаяли другъ въ другѣ. Да и самый объектъ спора— чрезмѣрно восторженное отношеніе Константина Аксакова къ Гоголю довольно удивителенъ для всякаго, кто знаетъ, что именно въ кружкѣ

Бѣлинскаго и развилось пламенное „гоголефильство“ автора брошюры. Но и то сказать, „гоголефильство“ „гоголефильству“ рознь. Если у Бѣлинскаго хватило мужества еще въ 1835 г. такъ-таки en toutes lettres написать, что Гоголь—геній, то это одно изъ самыхъ блестящихъ проявленій его критической проницательности. Но когда не знавшій удержу въ своихъ симпатіяхъ Константинъ Сергѣевичъ написалъ, что въ „Мертвыхъ душахъ“ воскресаетъ древній эпосъ и что, по „акту творчества“, рядомъ съ Гоголемъ могутъ быть поставлены только Гомеръ и Шекспиръ, то это была простая безвкусица.

О внѣшней формѣ восторженнаго по содержанію панегирика Бѣлинскій отозвался такимъ образомъ:

„Брошюра г. Константина Аксакова вся состоитъ изъ сухихъ, абстрактныхъ построеній, лишенныхъ всякой жизненности, чуждыхъ всякаго непосредственнаго созерцанія, и поэтому въ ней нѣтъ ни одной яркой мысли, ни одного теплаго, задушевнаго слова, которыми ознаменовываются первыя и даже смыя неудачныя попытки талантливыхъ и пылкихъ молодыхъ людей, и потому же въ ея изложеніи видна какая-то вялость, расплывчатость, апатія, неопредѣленность и сбивчивость“.

Зная высокій нравственный обликъ Бѣлинскаго, невозможно даже на одну минуту допустить, чтобы этотъ отзывъ былъ продиктованъ чѣмъ-нибудь инымъ, кромѣ искренняго желанія дать читателю понятіе о литературной сторонѣ брошюрки. Самый же фактъ совершеннаго несоотвѣтствія вялой формы и восторженнаго содержанія можно объяснить отчасти тѣмъ, что, какъ мы уже отмѣтили разъ, *паѳосъ мысли и чувства* вообще не соотвѣтствовалъ въ произведеніяхъ Константина Аксакова *паѳосу изложенія*. А еще болѣе тѣмъ, что брошюрка, судя по выдержкамъ, приведеннымъ у Бѣлинскаго, писана на томъ малопонятномъ и донельзя путанномъ гегеліанскомъ жаргонѣ, который одинъ остроумный московскій профессоръ 40-хъ годовъ назвалъ „птичьимъ языкомъ“. Этотъ „птичій языкъ“ портилъ статьи даже такого блестящаго стилиста, какъ Герценъ, который самъ впослѣдствіи добродушно смѣялся надъ слогомъ своихъ гегеліанскихъ мудрствованій. Мы уже знаемъ, что страсть всюду видѣть подтвержденіе гегеліанскихъ тезисовъ доходила у членовъ кружка Станкевича до того, что „человѣкъ, который шелъ гулять въ Сокольники, шелъ для того, чтобы отдаваться пантеистическому чувству своего единства съ космосомъ; и если ему попадался по дорогѣ какой-нибудь солдатъ подъ хмелькомъ или баба, вступавшая въ разговоръ, философъ не просто говорилъ съ ними, но опредѣлялъ субстанцію народности въ ея непосредственномъ и случайномъ явленіи“. Брошюрка К. Аксакова, даже въ тѣхъ только частяхъ,

которыя приведены у Бѣлинскаго, написана точно нарочно для того, чтобы иллюстрировать эту характеристику. Такъ, между прочимъ, по „птичьей“ терминологіи юнаго гегеліанца выходило, что, любя ѣзду на тройкахъ, Чичиковъ не просто любилъ скорую ѣзду, а сливался въ это время съ субстанціей русскаго народа, тоже любящаго ѣзду на тройкахъ.

Пять лѣтъ спустя—въ „Московск. Сборникѣ“ 1847 г. Константинъ Сергѣевичъ выступаетъ подъ псевдонимомъ *Имрека* съ тремя критическими статьями болѣе виднаго литературнаго значенія. Съ первой изъ нихъ, гдѣ авторъ въ лицѣ князя Одоевскаго напустился на всѣхъ „оторванныхъ“ отъ народа интеллигентовъ вообще, мы уже знакомы. Вторая посвящена „Опыту исторіи русской литературы“ извѣстнаго въ свое время ученаго Никитенко и вся состоитъ изъ очень грубыхъ выходокъ противъ петербургскаго профессора, болѣе всего провинившагося предъ рецензентомъ своимъ пренебрежительнымъ отношеніемъ къ допетровской старинѣ. Жестоко ему достается за одно мѣсто, гдѣ онъ говоритъ о „звѣрскихъ брадатыхъ лицахъ“ стрѣльцовъ. Но самое большое негодованіе критика возбудила одна тирада Никитенко, защищающая Петровскую ломку такими доводами: „Что за важность, если бы даже для облегченія по этой дорогѣ пришлось бросить нѣкоторыя изъ старинныхъ привычекъ, надѣть новое платье, выбрить бороду, пить для подкрѣпленія силъ чай и кофе вмѣсто охмѣляющаго питья, отдыхать отъ трудовъ въ опрятныхъ и удобныхъ домахъ вмѣсто дымныхъ логовищъ“.

„Логовищъ!“—со справедливымъ негодованіемъ восклицаетъ критикъ по поводу этой, дѣйствительно, возмутительной тирады.—„Мѣсто, гдѣ живетъ дикій звѣрь! Такъ называетъ г. Никитенко наши крестьянскія избы! Ибо ни къ чему другому не могутъ относиться его слова. Если онъ говоритъ про прошедшее, то бояре и прежде Петра не живали въ дымныхъ палатахъ; а наши бѣдныя дымныя избы носятъ на себѣ и теперь весь отпечатокъ древней Руси; итакъ, только къ нимъ могутъ относиться эти изумительныя слова. Но, оставя въ сторонѣ такую нѣжность выраженія, которую видно допускаетъ просвѣщенный и гуманный европеизмъ г. автора, спросимъ: развѣ это зависитъ отъ выбора—опрятный и удобный домъ? Развѣ нѣтъ тутъ матеріальныхъ условій богатства? Развѣ не согласился бы всякій промѣнять дымную избу на избу (или домъ), построенную опрятно и удобно?—Кажется—это не нужно доказывать. Налагать же упрекъ бѣдности на народъ, который живетъ въ дымныхъ логовищахъ, какъ имѣлъ духъ сказать г. Никитенко,—это невыносимо“.

Вотъ какую ноту взялъ вознегодовавшій критикъ въ пылу полемики! Мало она имѣетъ общаго съ тѣмъ мажорнымъ тономъ, который составляетъ главную особенность большинства другихъ писаній Константина Аксакова, трактующихъ о народѣ. Но это-то и доказываетъ справедливость сказаннаго нами выше по поводу народолюдія

Аксакова, это-то и доказываетъ, что онъ меньше западниковъ скорбѣлъ о бѣдности народной, но только класть жалость въ основу своего народолюбія, какъ дѣлали западники, мѣшала ему доктрина, по которой не жалѣть должны мы народъ, а, напротивъ того, завидовать ему и поучаться у него.

Третья статья Имрека - Аксакова въ „Московск. Сборн." разбираетъ изданный Некрасовымъ „Петербургскій Сборникъ", въ составъ котораго, какъ извѣстно, входили произведенія почти всѣхъ представителей тогдашней молодой прогрессивной литературы. Не любилъ ихъ Константинъ Сергѣевичъ, очень не любилъ. И все за ту же „оторванность" отъ народа. Больше всего, впрочемъ, досталось Достоевскому за „Бѣдныхъ людей" и „Двойника", въ которыхъ критикъ видѣлъ неудачное подражаніе Гоголю. Попало и Тургеневу, по мнѣнію критика, пишущему „постоянно плоше и плоше". Поэму Майкова „Двѣ судьбы" Имрекъ „прочелъ съ непріятнымъ и грустнымъ чувствомъ". Что же касается статьи Бѣлинскаго о русской литературѣ, то въ ней петербургскій критикъ „обнаружилъ невѣжество" и въ общемъ его статья есть „болтовня, повтореніе столько разъ повторявшейся болтовни о русской литературѣ, болтовни, которую встрѣчали мы въ „Отечественныхъ Запискахъ".

Впрочемъ, не одно только осужденіе вызывали „петербургскіе" литераторы въ Имрекѣ. Такъ какъ вражда къ нимъ была въ московской критикѣ исключительно идейная, то всякая черточка въ литературной дѣятельности противниковъ, сколько-нибудь симпатичная Константину Сергѣевичу и совпадающая съ основами его общественно-политическаго міросозерцанія, встрѣчала съ его стороны самое горячее одобреніе. Такъ, статью Искандера онъ причислилъ къ „числу умныхъ, замѣчательныхъ", и за то причислилъ, что она рѣзко бичевала ту условную ложь, которая у насъ въ обществѣ считается признакомъ благовоспитанности и которую, какъ читатель, вѣроятно, помнитъ изъ приведенныхъ выше воспоминаній г. Бицына, Константинъ Аксаковъ ненавидѣлъ всѣми силами своей невыносившей никакихъ компромиссовъ чистой души.

Удѣлилъ Имрекъ нѣсколько сучувственныхъ строкъ и стихотворенію Некрасова „Въ дорогѣ", гдѣ такъ симпатично обрисованъ ямщикъ, несчастный въ своемъ неравномъ бракѣ съ крестьянкой, получившей барское воспитаніе. Но въ рѣшительный восторгъ привелъ его своимъ первымъ отрывкомъ изъ „Записокъ охотника" Тургеневъ. Только-что отдѣлавъ его самымъ немилосерднымъ образомъ за тѣ произведенія, которыми Тургеневъ началъ свою писательскую карьеру, Имрекъ тутъ же поставилъ звѣздочку и въ примѣчаніи написалъ:

„Мы должны указать на появившійся въ 1 № „Современника"

превосходный разсказъ г. Тургенева *Хорь и Калинычъ*. Вотъ, что значитъ прикоснуться къ землѣ и къ народу: въ мигъ дается сила! Пока г. Тургеневъ толковалъ о своихъ скучныхъ любвяхъ, да разныхъ апатіяхъ, о своемъ эгоизмѣ,—все выходило вяло и безталантно; но онъ прикоснулся къ народу, прикоснулся къ нему съ участіемъ и сочувствіемъ, и посмотрите, какъ хорошъ его разсказъ! Талантъ, таившійся въ сочинителѣ, скрывавшійся во все время, пока онъ силился увѣрить другихъ и себя въ отвлеченныхъ и потому небывалыхъ состояніяхъ души, этотъ талантъ въ мигъ обнаружился и какъ сильно и прекрасно, когда онъ заговорилъ о другомъ. Всѣ отдадутъ ему справедливость: по крайней мѣрѣ мы спѣшимъ сдѣлать это. Дай Богъ г. Тургеневу продолжать по этой дорогѣ".

Но всего обстоятельнѣе изложилъ Константинъ Сергѣевичъ свой взглядъ на нашу литературу вообще и на писателей эпохи 40-хъ и 50-хъ гг. въ частности въ обширномъ „Обозрѣніи современной литературы", напечатанномъ въ „Русской Бесѣдѣ" 1857 г. Обозрѣніе состоитъ изъ небольшихъ замѣчаній чисто-литературнаго свойства, высказанныхъ по поводу отдѣльныхъ произведеній, только-что тогда появившихся, и изъ оцѣнокъ общихъ, которыя даютъ намъ возможность формулировать дальнѣйшіе пункты міросозерцанія Аксакова.

Что касается отдѣльныхъ замѣчаній чисто-литературнаго свойства, то нельзя сказать, чтобы они отличались особенною тонкостью и глубиной. Мѣстами же критикъ доходитъ даже до большой безвкусицы. Такъ, находя, что плеяда поэтовъ сороковыхъ и пятидесятыхъ годовъ, т. е. Тютчевъ, Фетъ, Полонскій, Майковъ, Некрасовъ, Мей, Щербина, представляютъ собою сравнительный упадокъ русской поэзіи, онъ кого же изъ оставшихся въ живыхъ представителей „прошедшей эпохи стихотворства" противопоставляетъ имъ въ назиданіе? „Лира Жуковскаго", говоритъ онъ, „еще недавно звучала гармонически съ береговъ Рейна; иногда раздадутся замысловатые, и подчасъ полные чувства, стихи Вяземскаго, умные и колкіе стихи М. Дмитріева, или по-своему нѣкогда мелодическіе стихи Ѳ. Глинки". Чтобы не очень отвлекаться въ сторону, не станемъ пускаться въ требующее детальности разсмотрѣніе вопроса о томъ, насколько „замысловатые" стихи Вяземскаго и произведенія послѣднихъ лѣтъ жизни Жуковскаго значительнѣе произведеній вышеперечисленныхъ поэтовъ плеяды 40-хъ и 50-хъ годовъ. Но серьезно противопоставлять имъ какого-нибудь Ѳедора Глинку или бездарнаго Михаила Дмитріева, про котораго Соболевскій такъ вѣрно сказалъ:

Онъ камеръ-юнкеръ при дворѣ
И камердинеръ на Парнасѣ,—

это уже грубѣйшая безвкусица.

Не свидѣтельствуетъ также о тонкости пониманія такая характеристика писательской манеры Тургенева: „У г. Тургенева, собственно, въ разсказахъ, не касающихся крестьянскаго быта, развилась чрезмѣрная подробность въ описаніяхъ: такъ и видно, что авторъ не прямо смотритъ на предметъ и на человѣка, а *наблюдаетъ и списываетъ* (Курсивъ Аксакова). Онъ чуть не сосчитываетъ жилки на щекахъ, волоски на бровяхъ". „Жажда быть вѣрнымъ дѣйствительности", говоритъ въ другомъ мѣстѣ критикъ, „*доходитъ часто до цинизма у г. Тургенева*". Но всего страннѣе читать слѣдующій упрекъ Тургеневу:

„*Андрей Колосовъ* еще весь проникнутъ тѣмъ лермонтовскимъ направленіемъ, которое подъ ложнымъ видомъ будто бы силы скрываетъ только совершенное бездушіе, самый сухой эгоизмъ и крайнее безстыдство; эта сила—вещь весьма дешевая, какъ скоро бороться не съ чѣмъ. Повѣсть „Три портрета" самымъ возмутительнымъ и оскорбительнымъ образомъ выражаетъ то же направленіе. *Изъ уваженія къ г. Тургеневу мы бы не пожелали видѣть этой повѣсти въ печати*".

Желаніе—поистинѣ удивительное! Выходитъ, такимъ образомъ, что авторъ виноватъ, если выведенныя имъ лица несимпатичны. Всякій, кто читалъ „Три портрета", помнитъ, конечно, какую они даютъ рельефную картину прошлаго, и именно то, что Аксаковъ изъ повѣсти почерпнулъ матеріалъ для сдѣланной выше (и совершенно правильно) характеристики людей печоринскаго склада, именно это-то и показываетъ, что, какъ художникъ, Тургеневъ исполнилъ свою задачу выпукло и ярко. Для полной послѣдовательности критику слѣдовало бы желать „не видѣть въ печати" и „Героя нашего времени", гдѣ впервые выведенъ ненавистный для него „сухой эгоизмъ", скрывающійся подъ „видомъ будто бы силы".

Чтобы покончить съ чисто-литературными вопросами разсматриваемой статьи, мы должны отмѣтить въ ней одну подробность, на которую, насколько намъ извѣстно, до сихъ поръ не было обращено вниманія и которая, однако, весьма любопытна для исторіи нашихъ литературныхъ теченій.

Уже при разборѣ стихотвореній Константина Аксакова было сказано, что враждебная идеямъ 60-хъ годовъ часть журналистики любила и любитъ подчеркивать, что такъ называемая „гражданская поэзія", отодвигающая на второй планъ непосредственно-художественныя цѣли, введена въ русскую литературу Некрасовымъ и прогрессивною критикою Добролюбова и Писарева. Утвержденіе это мы находили только наполовину вѣрнымъ, доказывая, что если присмотрѣться къ славянофильской поэзіи, то нетрудно убѣдиться, что въ лицѣ наиболѣе даровитыхъ представителей своихъ она задолго до движенія 60-хъ годовъ рѣшительно отвергла завѣтъ Пушкина

быть поэзіей „звуковъ сладкихъ и молитвъ“ и всецѣло посвящала себя „житейскимъ волненіямъ“ и „битвамъ“.

Въ разсматриваемой статьѣ мы находимъ теоретическое обоснованіе такого пониманія поэзіи и даже прямое провозглашеніе тенденціозности:

„Въ наше время“, говоритъ Константинъ Аксаковъ, „поэтическое произведеніе, хотя написанное съ талантомъ (ибо таланты всегда возможны), можетъ быть только средствомъ, однимъ изъ способовъ для изображенія той или другой мысли. Извѣстенъ анекдотъ о математикѣ, который, выслушавъ изящное произведеніе спросилъ: *что этимъ доказывается*? Какъ ни страненъ этотъ вопросъ въ приведенномъ случаѣ, но есть эпохи въ жизни народной, когда при всякомъ, даже поэтическомъ, произведеніи, является вопросъ, что этимъ доказывается? Таковы эпохи исканій, изслѣдованій, трудовыя эпохи постиженія и рѣшенія общихъ вопросовъ. Такова наша эпоха“ (стр. 15).

Это общее воззрѣніе критика легло въ основу отдѣльныхъ характеристикъ его. Такъ, къ Фету онъ относится насмѣшливо:

„любовь, любовь, любовь; милая, милая и милая: вотъ что на всѣ лады, не уставая, воспѣваетъ г. Фетъ“.

Столь же мало удовлетворяетъ его Мей, хотя онъ отмѣчаетъ у него „звучный прекрасный стихъ“. Въ антологическихъ стихотвореніяхъ Щербины, которыми такъ восхищались эстетики 40-хъ и 50-хъ годовъ, онъ видитъ только „излишество“ сочувствія къ древнему міру. По поводу же „Губернскихъ очерковъ“, которые кажутся Константину Сергѣевичу „не произведеніемъ искусства, а ораторскою рѣчью“, онъ говоритъ:

„И въ добрый часъ! намъ нужны такія рѣчи. Сочиненія г. Щедрина имѣютъ общественный интересъ—и вотъ главная причина ихъ успѣха! Мы говорили уже, какъ важенъ общественный элементъ въ Россіи, и то, что *это существенный элементъ нашей литературы*. Законное негодованіе, съ которымъ представлены всѣ общественныя искаженія, слышное даже тамъ, гдѣ авторъ, повидимому, въ сторонѣ, не можетъ не находить сочувствія во всѣхъ хорошихъ людяхъ и въ цѣломъ обществѣ. Успѣхъ „Губернскихъ очерковъ“ есть утѣшительное явленіе“ (стр. 36).

Если вспомнить, что всѣ только-что приведенныя нами выдержки относятся къ началу 1857 г., то въ представленія наши объ исторіи нарожденія на Руси утилитарно-публицистическаго взгляда на искусство должна быть внесена важная поправка. Принято считать основателемъ публицистической критики въ русской литературѣ Чернышевскаго, Добролюбова и продолжателя ихъ Писарева. Такъ оно, дѣйствительно, и есть, потому что та часть русскаго общества, которая усвоила себѣ новый взглядъ на искусство, вычитала его именно въ пользовавшихся огромною популярностью статьяхъ Чернышевскаго, Добролюбова и Писарева, а никакъ не у Константина Аксакова,

статьи котораго читались самымъ незначительнымъ въ тѣ годы кружкомъ адептовъ славянофильства. Въ частности, Фетъ былъ свергнутъ съ пьедестала не насмѣшливымъ отношеніемъ критики „Русской Бесѣды“, а вышучиваніемъ критика „Русскаго Слова“. Такимъ образомъ, фактичеки К. Аксаковъ весьма мало причастенъ дѣлу разрушенія старыхъ эстетическихъ понятій. Но такъ какъ писателя можно осуждать или восхвалять исключительно по его намѣреніямъ, а не по тому, нашлись ли люди, которые вняли его проповѣди, то послѣ приведенныхъ выписокъ всѣ, которые ставятъ насажденіе публицистическаго взгляда на искусство *въ вину* Добролюбову и Писареву, должны не забывать въ своихъ діатрибахъ и главаря славянофильства—Константина Сергѣевича Аксакова. Хронологически онъ *раньше* провозгласилъ ту теорію служебнаго значенія искусства, которою знаменуется эпоха конца 50-хъ и начала 60-хъ годовъ.

И не только раньше, но отчасти и *рѣзче*, по крайней мѣрѣ, сравнительно съ Добролюбовымъ. Добролюбовъ только внутреннимъ смысломъ своихъ статей доказывалъ, что больше всего слѣдуетъ цѣнить въ литературныхъ произведеніяхъ ихъ общественное значеніе. Но такъ-таки прямо написать, что „общественный элементъ есть существенный въ литературѣ нашей“, какъ это написалъ Конст. Аксаковъ, или сочувствовать математику, который требовалъ, чтобы произведеніе искусства что-нибудь „доказывало“, до такого утилитаризма ни авторъ „Темнаго царства“, ни Чернышевскій не доходили.

Что касается общихъ взглядовъ Константина Аксакова на русскую литературу, то они прежде всего заключаются въ бичеваніи подражательности нашей письменности. Начало этой подражательности онъ почему-то ведетъ исключительно отъ Петра, хотя ему ли, какъ знатоку исторіи русской литературы, было не знать, какую первенствующую роль игралъ элементъ подражательности въ нашей допетровской словесности, чуть ли не на половину состоявшей изъ прямыхъ переводовъ и передѣлокъ иностранныхъ образцовъ. Въ исторіи „легкаго и веселаго труда подражанія“ и въ ходѣ „глотанія готовой, чужими руками изготовленной умственной пищи“, въ чемъ повинны, „впрочемъ, только верхніе классы“, К. Аксаковъ усматриваетъ два періода—до и послѣ-карамзинскій. Въ первомъ мы подражали западно-европейскому классицизму, который „былъ, въ свою очередь, безжизненное поклоненіе древнему міру“, и такъ какъ „эта классическая литература Европы, подражая древнему міру, уже лишенному жизни, была неподвижна“, то и „наша послушная литература, вдвойнѣ подражательная, была въ ту эпоху тоже неподвижна“. Карамзинъ „уничтожилъ это двойственное подражаніе и предложилъ лучше подражать самой Европѣ. Тяжесть двойныхъ оковъ была

крайне неудобна и съ радостью вняла наша литература гласу новаго дѣятеля, новаго подражателя. Съ этой эпохи, съ Карамзина, литература наша, наоборотъ, сдѣлалась подвижна въ высшей степени, ибо элементъ подражанія былъ не классицизмъ европейскій, а сама Западная Европа, въ совокупности всѣхъ своихъ народовъ. Подражать было здѣсь гораздо легче, пріятнѣе и интереснѣе,—и вотъ дѣло пошло живѣе. Переимчивость составила съ этихъ поръ характеристику нашей литературы". Но тутъ-то и кроется источникъ ея крупнѣйшихъ недостатковъ. „Достаточно этой быстроты перемѣнъ для того, чтобы оцѣнить и понять смыслъ и достоинство нашей словесной дѣятельности. Мы знаемъ, что серьезный и самобытный ходъ иначе движется, что, при глубинѣ общаго основанія, не легко отдѣлываются отъ одного убѣжденія и принимаютъ другое. Но литература наша—собраніе чужихъ формъ, разныхъ отголосковъ, и только. Вотъ почему такъ быстро мѣняются формы, не утвержденныя на прочной мысли; вотъ почему безпрестанно переливаются отсвѣты и отблески, лишенные собственнаго свѣта и блеска. Таланты, разумѣется, у насъ есть; но мы говоримъ не объ отдѣльныхъ талантахъ, а объ общемъ ходѣ литературы, котораго не измѣняютъ и таланты". Представляя затѣмъ перечень литературныхъ направленій послѣднихъ десятилѣтій, критикъ говоритъ: „Почти не стоитъ нападать на произведенія того или другого литературнаго направленія или школы: не имѣя поддержки внутри, они падаютъ собственнымъ безсиліемъ, собственнымъ истощеніемъ". Для современной ему литературы Аксаковъ не дѣлаетъ исключенія. Онъ убѣжденъ, что „и современная ложь ея не замедлитъ обнаружиться и исчезнуть, и если погодить критиковать, то какъ разъ и критиковать опоздаешь, ибо все падаетъ само собою".

Но если русская литература полна „лжи", если она „безплодна", какъ увѣряетъ критикъ, то что же нужно сдѣлать для того, чтобы лживыя и безплодныя теченія замѣнились теченіями болѣе плодотворными?

На всѣ эти вопросы статья, какъ она ни обширна и детальна, прямого отвѣта не даетъ. Какъ и всѣ славянофильскія писанія, статья богата негодованіемъ и критикою, но въ положительной части своей, въ начертаніи программы практической дѣятельности, не идетъ дальше самыхъ общихъ и потому совершенно неопредѣленныхъ указаній. Нельзя же въ самомъ дѣлѣ, даже при полномъ желаніи послѣдовать, назвать указаніемъ слѣдующее мѣсто, хотя оно еще самое опредѣленное во всей статьѣ. Критикъ отмѣчаетъ, что мы всегда жили „чужимъ, заемнымъ умомъ", и только теперь нашлись люди, т. е. славянофилы, которые „догадались, что это не жизнь". „Но

гдѣ же жизнь?"—задаетъ вопросъ пророкъ „догадавшагося" направленія:

„Этотъ вопросъ, эта потребность, а слѣдовательно, и возможность жизни, жизни настоящей, самобытной, въ насъ пробудилась. Вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ бы въ отвѣтъ на вопросъ, вниманіе наше обратилось ко всѣмъ самобытнымъ проявленіямъ русской жизни, въ древней исторіи, къ обычаямъ народнымъ, къ устройству народной общественности, къ языку, ко всему, въ чемъ высказывается Русь. Хотя и здѣсь различны точки зрѣнія, хотя подражательный взглядъ и здѣсь еще думаетъ удержаться, но уже образовалось цѣлое направленіе, въ сущности очень простое, направленіе, основанное на томъ, что русскимъ надо быть русскими, другими словами, что *безъ самостоятельности умственной и жизненной—все ложно* (курсивъ автора). Если самостоятельности въ насъ нѣтъ и быть не можетъ, то подобная истина для насъ безполезна и насъ не возстановитъ духовно. Если же у насъ есть самостоятельность и только лишь подавлена и спитъ, то достаточно сознанія въ ея необходимости, чтобы она пробудилась сама. Поднятъ огромный вопросъ для русскихъ людей, вопросъ: быть иль не быть? Быть же не собою—для человѣка не значитъ быть".

Можно ли, повторяемъ, извлечь какое бы то ни было практическое указаніе изъ этого болѣе чѣмъ туманнаго рецепта? И удивительно ли, что сейчасъ приведенныя мысли Конст. Аксакова пріобрѣли себѣ кое-какихъ приверженцевъ при жизни его и довольно многочисленныхъ послѣ смерти, но приверженцевъ—теоретиковъ же, т. е., людей, повторявшихъ слова учителя во всей ихъ туманности и неопредѣленности, и совсѣмъ не пріобрѣли себѣ приверженцевъ-практиковъ, которыми въ данномъ случаѣ могли быть писатели-художники?

И вотъ почему нельзя не назвать крайне неудачнымъ пророчествомъ заключительныя слова разсматриваемой статьи, которыя, кромѣ того, крайне любопытны, какъ общее резюме отношенія Константина Аксакова къ современной ему литературѣ:

„Что же скажемъ мы въ заключеніе нашего обозрѣнія современной литературы? Она многоплодна, это не подлежитъ сомнѣнію. Передъ нами множество писателей, и множество произведеній, но нѣтъ основной мысли, которая бы двигала эту массу повѣстей, романовъ, комедій и пр. Въ самомъ этомъ отсутствіи общей мысли есть свой смыслъ. Это отсутствіе общей мысли, эта безполезность талантовъ выражаютъ, по нашему мнѣнію, прекращеніе литературы, начавшейся съ Кантемира, духъ которой въ основаніи былъ—подражательность. Эта литература давала намъ поэтическія произведенія, болѣе или менѣе отвлеченныя, произведенія истинныхъ талантовъ, попавшихъ на общій ложный путь; она давала намъ ихъ, пока не замкнула своего круга, пока не истощила своихъ силъ, пока не поколебалась вѣра въ ея направленіе. Но теперь наступила эта минута, и прежняя литература, послѣ полутораста лѣтъ своей дѣятельности, впала въ совершенное безсиліе. На рубежѣ ея стоитъ Гоголь, величайшій писатель русскій, *не договорившій своего слова* (sic), которое рвалось уже въ новую область. Когда рѣшится задача, чѣмъ станетъ русская поэзія,—это дѣло будущаго. Въ настоящее время не-

редъ нами толпа писателей, покинутыхъ духомъ прежней эпохи, свидѣтельствующихъ собою о прекращеніи цѣлаго направленія. У насъ есть нѣсколько авторовъ съ замѣчательнымъ талантомъ, которые, хотя ничего не измѣняютъ въ общемъ состояніи нашей литературы, не даютъ иного направленія ея ходу, но въ нихъ свѣтится какая-то, чуть видная заря литературнаго будущаго дня; она исчезнетъ, какъ скоро появится солнце".

Подъ появленіемъ солнца тутъ, конечно, разумѣется полное воспринятіе нашею *художественною* литературою славянофильскихъ тенденцій, договариваніе слова, которое не успѣлъ сказать Гоголь, рвавшійся въ „новую область". И если вспомнить, что стремленіе Гоголя въ „новую область" привело къ „Перепискѣ съ друзьями" и къ исканію „положительныхъ" сторонъ русской жизни тамъ, гдѣ неотуманенный мистицизмомъ умъ всего менѣе можетъ ихъ усмотрѣть; если, затѣмъ, бросить хотя бы самый бѣглый взглядъ на ходъ новѣйшей литературы, то нельзя будетъ не признать, что даромъ предвидѣнія Конст. Сергѣевичъ не обладалъ. Почти полвѣка прошло съ тѣхъ поръ, какъ написаны только-что приведенныя слова и какъ мало они сбылись. Солнце-то, дѣйствительно, взошло, но только совсѣмъ не съ той стороны, съ какой его ожидалъ Константинъ Сергѣевичъ. Всѣ эти лишенные „основной мысли" и стоявшіе на „ложномъ пути" таланты далеко, далеко ушли отъ той „новой области", куда ихъ звалъ Константинъ Аксаковъ. И тѣмъ не менѣе они успѣли создать литературу, передъ которой въ изумленіи остановилась даже привыкшая смотрѣть на насъ, какъ на варваровъ, Западная Европа.

Отъ К. Аксакова-критика перейдемъ къ К. Аксакову-историку литературы, т. е., къ его магистерской диссертаціи, появившейся въ 1846 г. и озаглавленной: „*Ломоносовъ въ исторіи русской литературы и русскаго языка*". Въ этой области онъ менѣе всего интересенъ. Какъ научное изслѣдованіе, книга имѣетъ весьма мало значенія. Но столь же мало значенія она имѣетъ для обрисовки руководящихъ идей Константина Сергѣевича. Въ снабженной нѣмецкимъ эпиграфомъ (изъ Гете) диссертаціи своей, К. Аксаковъ еще мало похожъ на того пламеннаго палладина идей славянофильства, какимъ онъ явился чрезъ нѣсколько лѣтъ. Въ гораздо большей степени книга представляетъ собою свидѣтельство того огромнаго вліянія, которое имѣли на духовную дѣятельность русской интеллигенціи 40-хъ годовъ идеи Гегеля. Вся обширная диссертація написана тѣмъ знакомымъ уже намъ гегеліанскимъ жаргономъ, который былъ въ такомъ ходу въ писаніяхъ членовъ кружка Бѣлинскаго, Станкевича и Искандера, гдѣ еще такъ недавно вращался Аксаковъ. Но, помимо жар-

гона, и вся суть книги гегеліанская, потому что задача автора только въ томъ и состоитъ, чтобы въ исторіи русской литературы вообще и въ исторіи литературной дѣятельности Ломоносова въ частности найти моменты, установленные германскимъ философомъ въ качествѣ абсолютныхъ и непреложныхъ условій всякой исторіи литературы. Благодаря этому пламенному стремленію jurare in verba magistri и представить иллюстрацію теорій излюбленнаго учителя, диссертація крайне поражаетъ современнаго читателя. Достаточно прочитать хотя бы слѣдующія строки, которыми молодой магистръ очерчиваетъ кругъ своего изслѣдованія:

„Смотря на Ломоносова, какъ на лицо въ нашей литературѣ, мы въ правѣ предложить одинъ вопросъ: Ломоносовъ, какъ моментъ въ исторіи русской литературы, вопросъ, который въ своемъ собственномъ развитіи, вмѣстѣ съ конкретированіемъ самого предмета, является какъ вопросъ: Ломоносовъ въ отношеніи къ языку, къ слогу,—и какъ вопросъ: Ломоносовъ, какъ поэтъ.

Въ сущности эти три вопроса не что иное, какъ одинъ:

„*Ломоносовъ какъ моментъ въ исторіи нашей литературы* (курсивъ автора),—вопросъ возможно полный и единственный, который въ своемъ развитіи ставитъ моменты своего конкретированія сообразно съ моментами конкретированія самого предмета (ибо вопросъ, изслѣдованіе, есть не что иное, какъ сознаніе самого предмета и имъ условливается) и раздѣляетъ, такимъ образомъ, диссертацію нашу на три части, именно:

I. Ломоносовъ, какъ моментъ въ исторіи литературы, моментъ самъ въ себѣ, in abstracto.

II. Ломоносовъ въ отношеніи къ языку, къ слогу, моментъ чисто-историческій.

III. Ломоносовъ, какъ поэтъ, гдѣ мы отъ чисто-историческаго опредѣленія переходимъ къ нему самому, какъ индивидуму, и гдѣ моментъ получаетъ полнѣйшее конкретированіе и имѣетъ значеніе самъ для себя—моментъ личный“.

Такимъ тарабарскимъ языкомъ написана сплошь вся диссертація, заключающая въ себѣ 517 страницъ. Мы уже нѣсколько разъ старались подчеркнуть, что при всей горячности своего личнаго темперамента, Константинъ Аксаковъ былъ очень вялымъ писателемъ или, говоря частнѣе, стилистомъ. Но нигдѣ эта вялость изложенія не сказалась такъ рѣзко, какъ въ обсуждаемой нами теперь диссертаціи. Она читается съ чрезвычайною скукою и къ ней вполнѣ приложимъ отзывъ, который далъ Бѣлинскій о брошюркѣ Аксакова, написанной по поводу появленія „Мертвыхъ душъ“. Именно о ней-то и должно сказать, что она „вся состоитъ изъ сухихъ абстрактныхъ настроеній, лишенныхъ всякой жизненности, чуждыхъ всякаго непосредственнаго созерцанія, и что, поэтому, въ ней нѣтъ ни одной яркой мысли, ни одного теплаго, задушевнаго слова, которыми озна-

меновываются первыя и даже самыя неудачныя попытки талантливыхъ и пылкихъ молодыхъ людей".

Но если современнаго читателя непріятно поражаетъ внѣшняя сторона диссертаціи, то въ какой же степени его удивляетъ и внутреннее содержаніе ея. Начать съ того, что въ книгѣ, озаглавленной „Ломоносовъ въ исторіи русской литературы и русскаго языка", Ломоносовъ какъ-то совершенно ни при чемъ. Архитектура книги такова: обширное вступленіе, занимающее собою 64 страницы, почти исключительно посвящено изложенію гегеліанскихъ представленій объ искусствѣ, изложенію, сказать кстати, до нельзя туманному и сбивчивому. Легко ли, напр., понять такую фразу:

„стиль вообще показываетъ тайное сочувствіе съ искусствомъ самого матеріала, являетъ точку ихъ соприкосновенія, чрезъ которую матеріалъ теряетъ свою тяжесть и грубость, и искусство опредѣляется?".

Послѣ введенія философскаго, идетъ введеніе историко-литературное, въ которомъ авторъ дѣлаетъ обзоръ языка произведеній доломоносовскихъ періодовъ русской письменности. Это историческое введеніе занимаетъ около 250 страницъ. Такимъ образомъ рѣчь о Ломоносовѣ начинается только съ 327 стр. А такъ какъ съ 436 стр. начинаются приложенія (выписки изъ грамотъ и разныхъ литературныхъ произведеній), то и выходитъ, что собственно Ломоносову изъ 517 страницъ книги удѣлено 110.

Но даже и эти 110 страницъ не всѣ посвящены спеціально Ломоносову, а ровно на половину состоятъ изъ разныхъ разсужденій эстетическаго и философскаго содержанія. Такимъ образомъ, въ общемъ получается работа, весьма мало похожая на тѣ точныя, исчерпывающія предметъ, историко-литературныя изслѣдованія, къ которымъ насъ пріучила университетская жизнь послѣднихъ десятилѣтій. Отмѣтимъ уже, кстати, что диссертація не обнаруживаетъ и особенной эрудиціи автора. Всю жизнь свою разбрасывавшійся въ разныя стороны, Константинъ Сергѣевичъ, вообще говоря, былъ человѣкъ съ обширными знаніями. Но собственно спеціальныхъ знаній въ одной какой-нибудь области у него было не много. Такъ, если мы присмотримся къ источникамъ, которые цитируетъ магистрантъ, то они всего менѣе поразятъ насъ своею многочисленностью. 1-я часть „Актовъ историческихъ", 1-я часть „Собранія государственныхъ грамотъ", 1-я и 4-я ч. „Актовъ, собран. археогр. комиссіей", „Сборникъ Кирши Данилова", — вотъ почти единственныя пособія, которыми магистрантъ пользовался много. А если къ нимъ прибавить еще около десятка лишь эпизодически цитируемыхъ книгъ, то мы получимъ и весь научный багажъ автора. Правда, магистрантъ ссылается иной разъ на Остромирово Еванге-

ліе, на лѣтопись Нестора, на „Сказанія“ Князя Курбскаго, на проповѣди Ѳеофана Прокоповича, на сочиненія Кантемира и, наконецъ, Ломоносова, но нельзя же по поводу этихъ, извѣстныхъ каждому студенту вещей серьезно говорить объ „эрудиціи“.

Если въ общемъ относительно диссертаціи Конст. Аксакова можно сказать, что она не блещетъ эрудиціей, то въ частности по поводу той части ея, гдѣ рѣчь идетъ объ эпохѣ, Петра, т. е. эпохѣ, наиболѣе важной для предмета разсматриваемаго изслѣдованія, можно прямо сказать, что эрудиція автора недостаточна. Мы не станемъ, конечно, сравнивать изученіе магистрантомъ Петровской эпохи съ тѣмъ знаніемъ ея, которое, напр., обнаружилъ въ своей „Наукѣ и литературѣ при Петрѣ“ — Пекарскій. Но и помимо параллели съ Пекарскимъ, въ сравненіи съ эрудиціей котораго диссертація К. Аксакова представляется какимъ-то школьническимъ упражненіемъ, помимо, говоримъ мы, такого сравненія, нельзя не признать, что изученіе эпохи Петра по тѣмъ, счетомъ *семи*, источникамъ [1]), которые цитируетъ магистрантъ, ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть признано достигающимъ цѣли.

И, надо думать, этимъ-то болѣе чѣмъ поверхностнымъ изученіемъ эпохи, породившей писателя, разсмотрѣніе дѣятельности котораго составляетъ предметъ диссертаціи, и объясняется то, что характеристика Ломоносова поражаетъ своею банальностью. То, что говоритъ магистрантъ о даровитости Ломоносова, объ историческихъ его заслугахъ въ дѣлѣ выработки русскаго стиха, о разнообразіи его дарованій и т. д. все это до такой степени школьнически-извѣстно, хотя прикрыто часто весьма туманною гегеліанскою тарабарщиною, что ради такихъ ничтожныхъ результатовъ рѣшительно не стоило изготовлять книгу въ 500 страницъ.

Есть, впрочемъ, въ диссертаціи и не банальныя вещи. Но лучше бы ихъ вовсе не было. Болѣе чѣмъ неудачно магистрантъ слѣдующими притянутыми за волосы доводами старается оправдать Ломоносова отъ обвиненій въ томъ, что онъ ввелъ въ русскій синтаксисъ латико-нѣмецкую конструкцію:

„Мы знаемъ“, говоритъ онъ, „что многіе, или лучше общее мнѣніе, думаютъ, что синтаксисъ Ломоносова не русскій, что онъ сформированъ по латинскому и частію по нѣмецкому; но мы невольно спрашиваемъ: гдѣ-же критеріумъ этого сужденія? На чемъ опираясь, произноситъ оно свой приговоръ: гдѣ нашло оно синтаксисъ русскій, противъ котораго погрѣшилъ Ломоносовъ? Намъ скажутъ: разговоръ, живая рѣчь; но между раз-

[1]) „Полное Собр. Закон. Россійскихъ“ т. IV и V, проповѣди Стефана Яворскаго, слова и рѣчи Ѳеофана Прокоповича, рѣчи Гавріила Бужинскаго, сочиненія Кантемира, духовное стихотвореніе Петра Буслаева и ода о сдачѣ Данцига Тредьяковскаго.

говоромъ и письменностью лежитъ необходимая разница. Ихъ нельзя сравнить между собою. Языкъ, являющійся въ разговорѣ, долженъ быть основаніемъ синтаксиса языка письменнаго, какъ мы сказали выше; но онъ не стоитъ съ нимъ рядомъ; это два, одинъ за другимъ слѣдующіе момента, и разговоръ, какъ сравненіе, не можетъ служить критеріумомъ. Что же встрѣтилъ Ломоносовъ и въ томъ отношеніи, въ которомъ разговоръ важенъ и имѣетъ значеніе для синтаксиса высшаго, то есть, какъ основаніе его? Что вообще нашелъ Ломоносовъ, чтобъ постигнуть, создать или, лучше, вывести русскій синтаксисъ? Что нашелъ онъ въ русскомъ національномъ языкѣ? Въ русскомъ языкѣ нашелъ онъ, въ томъ національномъ видѣ, въ которомъ онъ былъ, полное разнообразіе оборотовъ *полную синтаксическую свободу*. Это было основаніемъ, собственностью русскаго синтаксиса".

Оправданіе очень оригинальное. Если синтаксическая свобода была отличительнымъ качествомъ до-ломоносовскаго языка, то зачѣмъ же было накладывать на него оковы тяжеловѣсной латино-нѣмецкой конструкціи? Магистрантъ, впрочемъ, и самъ, видимо, понималъ малую убѣдительность своей защиты, и потому черезъ нѣсколько страницъ онъ выдвинулъ другой доводъ, крайне любопытный въ его устахъ. Согласно гегеліанской философіи, онъ старается доказать, что всякій языкъ сначала, „въ первомъ своемъ моментѣ", когда онъ нуженъ только какъ средство разговора о предметахъ ежедневнаго быта того или другого народа, есть явленіе „случайное", т. е. исключительно одной національности принадлежащее. Но затѣмъ „языкъ всякаго народа отрывается отъ сферы случайной жизни, переходитъ въ сферу общаго и отъ сферы разговора восходитъ до сферы письменности". „Синтаксисъ и вообще слогъ этой высшей сферы и имѣетъ въ себѣ общее, собственно свойственное этой сферѣ и, слѣдовательно, встрѣчающееся естественно во всѣхъ языкахъ". Вотъ почему „общее латинской конструкціи вслѣдствіе закона, только-что показаннаго, доступно языку русскому". Ломоносовъ, слѣдовательно, имѣлъ право вводить „латинизмы" въ созданный имъ первымъ русскій письменный языкъ:

„Языкъ русскій могъ согласно съ существомъ своимъ подняться въ высшую сферу языка, сферу общаго, открывающуюся тогда, когда общее пробуждается въ народѣ, и онъ возвысился до нея; слѣдовательно, сфера эта и формы общія языка принадлежатъ ему потому уже самобытно; въ существѣ его лежитъ возможность этихъ формъ, этого синтаксиса: въ немъ уже,—и въ національной его сферѣ, и такъ же въ отвлеченномъ развитіи мысли въ словѣ,—видимъ мы эти начала, и видимъ главное—свободу синтаксиса. Ломоносовъ былъ геніемъ языка, возведшимъ его въ эту высшую сферу; дѣло его было свободно, и формы, принятыя языкомъ, принадлежали уже ему вполнѣ, вытекали изъ его духа". Но отрицая затѣмъ того, что „фразы Ломоносова имѣютъ отпечатокъ латинской, собственно въ оттѣнкѣ внѣшнемъ; что Ломоносовъ обращалъ вниманіе на латинскій языкъ, его избралъ, иногда по крайней мѣрѣ, примѣромъ своимъ", магистрантъ находитъ только, что „въ образѣ этого языка видѣлъ и находилъ

онъ общее; онъ бралъ эти обороты, какъ выражающіе общее въ языкѣ, обороты высшей его сферы и свойственные, слѣдовательно, языку русскому. Онъ бралъ ихъ, какъ достояніе языка русскаго и потому еще, что языкъ русскій, какъ именно русскій, самобытно имѣлъ ихъ или подобные имъ въ себѣ, и взятое повидимому изъ чуждаго не было чуждое; онъ занималъ съ полнымъ правомъ собственности, и оборотъ какъ бы вновь выросталъ на русской почвѣ, шелъ изъ русскаго и съ помощію полной его свободы становился русскимъ".

Такимъ образомъ, вся защита Ломоносова отъ обвиненій въ насажденіи латинской конструкціи сводится не къ отрицанію самаго факта, который слишкомъ очевиденъ, а къ сообщенію ему путемъ чисто-философскихъ построеній иного характера. Но могутъ ли философскіе доводы имѣть значеніе въ такой точной, основанной на строго-фактическихъ данныхъ наукѣ, какъ языкознаніе? То, что говоритъ магистрантъ объ общности синтаксиса всѣхъ языковъ, дошедшихъ въ своемъ историко-культурномъ развитіи до фазиса письменности, все это, если бы даже было вѣрно, требовало для доказательства своей справедливости рядъ сравнительныхъ сопоставленій синтаксиса различныхъ языковъ. Но магистрантъ и попытки не сдѣлалъ такого фактическаго подтвержденія своего положенія. И вотъ почему его диссертація, рѣшительно ничего новаго не вносящая въ исторической своей части, а въ филологической дающая только произвольныя философствованія ad majorem gloriam гегеліанства, въ общемъ, не представляла собою никакого вклада въ исторію русской литературы. Въ настоящее время она совершенно забыта.

Чтобы покончить съ диссертаціей Константина Сергѣевича, отмѣтимъ въ ней еще кое-что, очень любопытное для изученія хода умственныхъ настроеній разсматриваемаго нами писателя. Всякаго, кто имѣетъ представленіе о Константинѣ Аксаковѣ, какъ о главарѣ славянофильства, поразили, вѣроятно, цитаты изъ диссертаціи его о Ломоносовѣ, въ которыхъ такъ настойчиво говорится объ *общности* русской и западно-европейской духовной жизни. Настойчивость эта весьма мало вяжется съ мыслями о полной „самобытности" русскаго духа, которыя составляютъ основной тезисъ большинства другихъ писаній Константина Сергѣевича. Но еще меньше вяжется съ общимъ складомъ міросозерцанія Константина Аксакова восторженное отношеніе къ Петру, которое составляетъ основную черту диссертаціи о Ломоносовѣ. Просто глазамъ своимъ не вѣришь, читая такую характеристику Петровской эпохи:

„Для Россіи настало время рѣшительнаго освобожденія отъ исключительной національности, рѣшительнаго перехода въ другую, высшую сферу, рѣшительнаго преобразованія. Началась страшная борьба. Съ одной стороны исключительная національность, опиравшаяся на уже образовавшуюся положительную силу стрѣльцовъ, старовѣровъ, имѣвшая съ собою если не весь, то

большинство народа. Она силилась удержать свои права, сохранить жизнь по старинѣ, и, лишенная уже жизни внутри, она хотѣла удержать ея прежній образъ, сохраняя развѣ одинъ призракъ прежняго опредѣленія, навсегда утратившаго свою дѣйствительность; она упорно противилась новому свѣту и поддерживала ложную свою необходимость. Пробужденная рѣшительнымъ ударомъ, она совокупила всѣ свои силы, поднялась и начала ожесточенный бой за свою мнимую современность.—Съ другой стороны, противъ народа, упорствовавшаго въ своемъ національномъ опредѣленіи,—Петръ, опиравшійся на дѣйствительную потребность русскаго народа, сему послѣднему самому, можетъ быть, неизвѣстную. Онъ рѣшительно возсталъ на эту національность, сокрушая прежнее, только мѣшавшее уже свободному развитію народа. Раскрывая передъ нимъ новую сферу жизни, онъ круто поворачивалъ въ противоположную сторону, принималъ опредѣленія другихъ народовъ, обильно наполнялъ чуждымъ предѣлы Россіи, презирая страхъ національности, только въ одномъ огражденіи находившей свое спасеніе; напротивъ, онъ принималъ отъ Запада все, къ чему только дошелъ Западъ въ своемъ развитіи, и настежь распахнулъ для него ворота Россіи, становясь съ нею, какъ была она дотолѣ и тогда, въ рѣзкую противоположность. Дѣйствительность дѣла его побѣдила. Въ страшной кровавой борьбѣ пала навсегда исключительная національность Россіи; наступила новая эпоха".

Болѣе восторженнаго панегирика не могъ бы написать самый завзятый западникъ! Но именно оттого-то было бы ошибочно строить на немъ какіе бы то ни было выводы объ общемъ строѣ міровоззрѣнія Константина Аксакова. Онъ просто указываетъ, что въ началѣ сороковыхъ годовъ, къ которому относится диссертація [1]), славянофильская доктрина не дифференцировалась еще окончательно, а въ частности Константинъ Аксаковъ, хотя уже находился въ открытой враждѣ съ членами кружка Бѣлинскаго и Станкевича, но нѣкоторыя изъ прежнихъ своихъ симпатій еще удержалъ въ полной силѣ.

Диссертація о Ломоносовѣ только наполовину относится къ исторіи литературы. Другая же и притомъ большая половина ея, именно обзоръ языка произведеній до-ломоносовскаго періода, имѣетъ характеръ чисто-филологическій и составляетъ, такимъ образомъ, одно изъ звеньевъ цѣлаго цикла филологическихъ работъ, которыми Константинъ Сергѣевичъ занимался въ теченіе всей своей жизни. По свидѣтельству близкихъ къ нему лицъ, филологія была любимою наукою Константина Аксакова, начиная съ 15 лѣтъ. Онъ ей отдавался съ тою страстью, безъ которой для этого удивительно-цѣльнаго человѣка не были мыслимы сколько-нибудь серьезныя занятія.

Но не только въ филологическія *занятія* свои вносилъ Константинъ Сергѣевичъ страсть. Онъ вносилъ ее также въ *методъ* своихъ лингвистическихъ изслѣдованій, которыя лишь постольку его интересовали, поскольку они подтверждали тезисы его общественнаго

---

[1]) Она писалась въ 1842—43 гг.

міросозерцанія. Но именно оттого-то эти изслѣдованія весьма мало напоминаютъ заправскія филологическія сочиненія и, какъ все, что писалъ Константинъ Аксаковъ, представляютъ собою рядъ публицистическихъ статей на любимыя темы изслѣдователя. Могло ли оно и быть иначе, когда Константинъ Сергѣевичъ приступалъ къ своимъ филологическимъ работамъ съ такими понятіями о наукѣ вообще и о филологіи въ частности:

„Всякая живая наука", говоритъ онъ въ предисловіи къ „Опыту русской грамматики", изданному имъ незадолго до смерти (1860), „то есть: наука, имѣющая дѣло съ жизнью, *имѣетъ дѣло съ таинствомъ;* такова и филологія, предметъ которой—слово, этотъ сознательный снимокъ видимаго міра, эта воплощенная мысль. Преслѣдуя жизнь въ той или другой области ея проявленія, наука доходитъ до предѣловъ таинственнаго, до тѣхъ предѣловъ, откуда внутреннее становится внѣшнимъ, духъ—осязательнымъ, безконечное—конечнымъ. Наука думаетъ иногда выйти изъ затрудненія, принявъ анатомическое воззрѣніе, сдѣлаться матеріальною, сказать, что нѣтъ духа и души, и недостойно успокоиться такимъ воззрѣніемъ, отрицательнымъ и тупымъ, при которомъ вовсе непонятна и жизнь, и смыслъ ея, и то, что даже просто угадываетъ вѣщая душа наша. Но слава свѣту сознательной мысли! Разумъ самъ обличаетъ ложь всѣхъ матеріальныхъ теорій, на немъ повидимому основанныхъ, прогоняетъ ихъ тяжелую тьму, самъ низвергаетъ всякое богослуженіе себѣ, самъ знаетъ свои предѣлы и признаетъ непостижимое, открывающееся откровеніемъ духу человѣческому.

Наука есть сознаніе общаго въ явленіи, цѣлаго въ частности; зная свои предѣлы и доходя до нихъ, наука должна необходимо допустить таинство жизни, не подлежащее уже ея осязанію, таинство, которое можетъ она угадывать и опредѣлять приблизительно, но которымъ овладѣть она не въ силахъ, ибо это—*„таинство жизни"*. „Итакъ, мы допускаемъ въ наукѣ (а слѣдовательно, и въ филологіи), на границѣ ея, свой таинственный, такъ сказать, *мистическій элементъ*, къ которому необходимо примыкаетъ вся дѣятельность нашего разума, какъ мы ни стараемся объяснить это"

Можно быть разнаго мнѣнія о психологической теоріи, легшей въ основаніе только-что приведеннаго взгляда. Но съ однимъ непремѣнно согласится всякій безпристрастный читатель, именно съ тѣмъ, что такое воззрѣніе на науку, какое было у К. Аксакова, даетъ самый широкій просторъ элементу, всего менѣе терпимому въ настоящей наукѣ—субъективности. Тамъ, гдѣ рѣчь идетъ о неподчиняющихся анализу чувствахъ и мистицизмѣ, какъ одномъ изъ главныхъ факторовъ, тамъ можетъ быть мѣсто чему угодно—вѣрѣ, дару проникновенія въ непостижимое и т. п. крайне субъективнымъ вещамъ, но никакъ не наукѣ, которая только постольку и наука, поскольку она объективно и такъ сказать нелицепріятно изслѣдуетъ и констатируетъ. И особенно неумѣстно было припутывать мистицизмъ къ филологіи, этой точнѣйшей изъ всѣхъ „словесныхъ" наукъ, знающей

только краснорѣчіе фактовъ и всегда основывающей свои законы на обильномъ количествѣ тщательно сдѣланныхъ наблюденій.

И оттого-то, повторяемъ мы, страстныя филологическія діатрибы Константина Аксакова весьма мало напоминаютъ заправскія филологическія сочиненія, гдѣ о личности автора, о его вкусахъ, симпатіяхъ или антипатіяхъ, политическихъ или общественныхъ убѣжденіяхъ никогда и рѣчи не можетъ быть.

У Константина же Сергѣевича все это, какъ на ладони.

Начать съ того, что даже въ самые мелочные, чисто-спеціальные вопросы онъ вносилъ весь запасъ своего обычнаго страстнаго отношенія. Какъ уже замѣтилъ Безсоновъ, Константинъ Аксаковъ „особенно *любилъ* звукъ ъ, играющій столь видную роль у насъ и столь много способствующій разысканію филологическому: въ ту же мѣру, онъ *возненавидѣлъ* противника—звукъ s, тою ненавистью, которую можетъ питать добрѣйшее сердце къ чему-либо гнусному Онъ расточалъ этому врагу прозвища „надоѣднаго“, „назойливаго“, „вторгавшагося пролазы“, „услужливаго“, „рабскаго“; онъ перенесъ сюда смыслъ приторной угодливости, чуждый собственному его лицу и проникшій къ намъ въ видѣ поддакиванья, какъ рабское „да-*съ*“, „нѣтъ-*съ*“; потому, какъ самъ говорилъ обыкновенно съ твердостью „да“ или „нѣтъ“, такъ навѣрное можно было считать признакомъ, что Аксаковъ недоволенъ или гнѣвенъ, когда онъ начиналъ употреблять „да-*съ*“, „нѣтъ-*съ*“.

Безсоновъ констатируетъ приведенные факты съ чувствомъ умиленія, видя въ нихъ доказательство того, что Константинъ Сергѣевичъ держалъ свое знамя „грозно и честно“. Умиленіе вполнѣ законное. Трудно, дѣйствительно, представить себѣ болѣе трогательное проявленіе душевной цѣльности и чистоты, какъ эту личную ненависть и любовь къ какимъ-нибудь суффиксамъ. Но нужно ли много доказывать, что такое страстное отношеніе къ дѣлу неизбѣжно ведетъ и къ страстному желанію отыскать непремѣнно то, что изслѣдователю хочется отыскать. А при такомъ желаніи какіе же мыслимы истинно-научные, т. е. соотвѣтствующіе дѣйствительности результаты? И вотъ почему извѣстный чешскій ученый Гаталла имѣлъ возможность сказать про „грамматику“ Константина Аксакова:

„Покойный рѣдко гдѣ подкрѣпляетъ взгляды примѣрами, почерпнутыми изъ письменныхъ и устныхъ памятниковъ языка русскаго, напротивъ—обычно онъ ограничивается такими, которые *самъ себѣ понавыдумывалъ* (navymyslel)“.

Это пришлось сказать о Константинѣ Сергѣевичѣ! Онъ, который не задумываясь отдалъ бы жизнь за истину, „понавыдумывалъ“! И однако же оно такъ. Такого мнѣнія не одинъ Гаталла. И Буслаевъ,

и Срезневскій, въ свое время писавшіе о филологическихъ работахъ К. Аксакова, всѣ они того мнѣнія, что труды его полны крайней односторонности и притягиванія за волосы фактовъ къ предвзятымъ теоріямъ.

Къ какимъ же именно теоріямъ?

Главнымъ образомъ—о вредоносномъ вліяніи на русскую грамматику „иностранныхъ воззрѣній". Для того, чтобы имѣть такія иностранныя воззрѣнія, вовсе не нужно быть, по Аксакову, дѣйствительнымъ иностранцемъ.

„Нѣтъ сомнѣнія", говоритъ Константинъ Сергѣевичъ въ началѣ своего изслѣдованія о русскихъ глаголахъ, „что иностранцамъ трудно постигнуть языкъ, имъ чуждый; особенно нѣмцамъ трудно постигнуть языкъ русскій; но едва ли легче понять его и русскому, руководимому иностраннымъ воззрѣніемъ вообще, хотя бы онъ и не былъ послѣдователемъ именно того или другого иностранца. Не въ томъ главное дѣло, иностранецъ ли по происхожденію сочинитель, но въ томъ, иностранецъ ли онъ по воззрѣнію".

Эти-то иностранныя воззрѣнія принесли большой вредъ русскому языкознанію:

„Вмѣстѣ съ нашествіемъ иноземнаго вліянія на всю Россію, на весь ея бытъ, на всѣ начала, и языкъ нашъ подвергся тому же; его подвели подъ формы и правила иностранной грамматики, ему совершенно чуждой, и, какъ всю жизнь Россіи, вздумали и его коверкать и объяснять на чужой ладъ. И для языка должно настать время освободиться отъ этого стѣсняющаго ига иностраннаго. Мы должны теперь обратиться къ самому языку, изслѣдовать, сознать его и изъ его духа и жизни вывести начало и разумъ его, его грамматику. Она будетъ противорѣчить грамматикѣ общечеловѣческой, но *только* и *строго* общей, а совсѣмъ не общечеловѣческой—выразившейся извѣстнымъ образомъ у другихъ народовъ и только представляющей свое самобытное проявленіе этого общаго... Въ ней, въ русской грамматикѣ, можетъ быть, полнѣе и глубже явится оно, нежели гдѣ-нибудь. Кто изъ васъ станетъ отвергать общее, человѣческое? Русскій на него самъ имѣетъ прямое право, а не черезъ посредство какого-нибудь народа; оно самобытно и самостоятельно принадлежитъ ему, какъ и другимъ, и кто знаетъ?—можетъ быть *ему болѣе*, нежели другимъ, и можетъ быть міръ не видалъ еще того общаго, человѣческаго, какое явитъ великая славянская, именно русская природа... Да возникнетъ же вполнѣ вся русская самобытность и національность! Гдѣ же національность шире русской? Да освободится же и языкъ нашъ отъ наложеннаго на него ига иноземной грамматики, да явится онъ во всей собственной жизни и свободѣ своей" (т. II, стр. 405, 406).

Непремѣнно слѣдуетъ внести въ русское языкознаніе свои русскія воззрѣнія, которыя должны состоять въ томъ, чтобы мы отказались отъ стремленія непремѣнно отыскать у себя такія же грамматическія формы, какъ въ чужихъ языкахъ. Такъ, по вопросу о глаголахъ:

„нѣкоторые теоретики, сливая всѣ глагольныя формы [1]), съ присоединеніемъ даже иныхъ предложныхъ въ одно спряженіе, богатое временами, быть можетъ, думаютъ, что это служитъ къ чести русскаго языка, что-де не только въ языкахъ чуждыхъ, но и у насъ есть полное спряженіе, что нашъ языкъ въ этомъ имъ не уступаетъ, что у насъ у одного и того же глагола есть всѣ времена. Но здѣсь видны ошибочное чувство и ошибочная мысль. Развѣ только въ томъ состоитъ честь и слава, чтобы повторить у себя чужое, чтобы пройти по чужой дорогѣ не хуже другихъ? Развѣ нельзя идти по своей дорогѣ, развѣ нельзя, не имѣя чужого, имѣть вмѣсто него *свое*, совершенно особенное, отличное отъ всѣхъ? Развѣ это свое не можетъ быть еще лучше, еще достойнѣе, и развѣ тогда не больше славы? Но, какъ бы то ни было, мы должны руководиться, при нашихъ изслѣдованіяхъ, не тѣмъ, чтобы стараться отыскать у насъ всѣ чужія особенности, какъ бы, повидимому, онѣ ни были хороши—въ этомъ случаѣ мы впадемъ въ ошибку, чему примѣръ всѣ наши грамматики,—а тѣмъ, чтобы отыскать и узнать свое, какое бы оно ни было тогда мы придемъ къ истинному взгляду“ (т. II, стр. 410, 411).

И тѣмъ болѣе все это необходимо, что русскія грамматическія формы, по мнѣнію Константина Сергѣевича, гораздо совершеннѣе. „Я нисколько не завидую другимъ языкамъ“, говоритъ онъ въ книжкѣ о глаголахъ, „и не стану натягивать ихъ поверхностныхъ формъ на русскій глаголъ“.

Таково основное направленіе филологическихъ стремленій Константина Сергѣевича. Въ примѣчаніи мы даемъ нѣсколько спеціальныхъ деталей практическаго осуществленія ихъ [2]). Здѣсь же скажемъ объ общемъ характерѣ этого осуществленія.

---

1) Т. е. виды глагола—*двигну*, *двигаю*, *двигивалъ*.

2) Особенно выдается стремленіе Константина Аксакова отстоять самостоятельность русскаго глагола, который „управляется съ категоріею времени совершенно самостоятельно и вовсе не похоже на глаголы другихъ языковъ“, именно вотъ какимъ образомъ:

„Глаголъ въ русскомъ языкѣ выражаетъ самое дѣйствіе, его сущность. Отъ качества дѣйствія дѣлается уже заключеніе о времени. Поэтому и формами глагола обозначается самое дѣйствіе, время же въ немъ есть дѣло употребленія; это употребленіе основано на соотвѣтствіи глагольныхъ формъ съ временами. Неопредѣленное дѣйствіе, съ точки зрѣнія времени, естественно является неопредѣленно продолжающимся; поэтому *двигать* образуетъ *время настоящее*. Дѣйствіе, какъ мгновеніе, напротивъ, длиться не можетъ, слѣдовательно, не можетъ быть настоящимъ; понятое въ минуту своего проявленія, оно является мгновенно наступающимъ, и потому относительно времени принимается и употребляется, какъ будущее время, напримѣръ: двигну. Это понятно: если дѣйствіе, какъ мгновеніе, не можетъ проявиться въ настоящемъ, то, само собою разумѣется, оно можетъ проявиться только въ будущемъ или прошедшемъ; но прошедшее (о немъ надѣемся опять сказать ниже) уже не есть дѣйствіе, не есть глаголъ; стало быть, остается одно будущее. Такъ какъ въ русскомъ глаголѣ (что уже было замѣчено выше) главное дѣло—опредѣленіе самаго дѣйствія, а время есть только выводъ, заключеніе, то поэтому дѣйствіе, и неопредѣленное, и мгновенное, выражается независимо отъ вре-

Не имѣютъ они сколько-нибудь видной научной цѣнности и не принадлежитъ Константинъ Аксаковъ къ авторитетнымъ дѣятелямъ русской филологіи! Мы бы могли привести въ подтвержденіе сказаннаго отзывъ такого первоклассного представителя русскаго языкознанія, какъ Буслаевъ, который упрекалъ Константина Аксакова и въ сбивчивости, и въ поверхностности, и даже въ отсутствіи „надлежащаго запаса этимологическихъ и историческихъ (о языкѣ) свѣдѣній". Но такъ какъ Буслаевъ относился неодобрительно къ чрезмѣрному стремленію Константина Сергѣевича отстаивать нашу національную самостоятельность тамъ, гдѣ въ этомъ едва ли предстоитъ серьезная необходимость, и, слѣдовательно, его неодобреніе можетъ быть отнесено не на счетъ дѣйствительной научной малоцѣнности филологическихъ трудовъ Аксакова, а на счетъ непріязни къ славянофильству, то вотъ отзывы Срезневскаго. По поводу книжки о глаголахъ онъ писалъ:

„Разсужденіе г. Аксакова не филологическое, а философское; если оно пробуждаетъ мысль, то и достигаетъ своей цѣли; а едва ли можно сказать, что оно не пробуждаетъ мысли. Нельзя, впрочемъ, не пожалѣть, зачѣмъ оно

мени, придавая такую жизнь и силу русской рѣчи, и ставя въ недоумѣніе нашихъ филологовъ. Что касается до прошедшаго дѣйствія, то оно не есть дѣйствіе по понятію русскаго языка, и это очень вѣрно. Въ самомъ дѣлѣ, какъ скоро дѣйствіе прошло, гдѣ-же дѣйствіе? его нѣтъ; остается тотъ, кто совершилъ дѣйствіе, предметъ, изъ котораго проистекло оно и въ которомъ пребывало; въ такомъ случаѣ все значеніе дѣйствія переходитъ на предметъ, дѣйствительно или отвлеченно представляемый, и становится уже *качествомъ предмета* или прилагательнымъ. Поэтому прошедшее время въ нашемъ языкѣ не имѣетъ соотвѣтственной глагольной формы, но форму отглагольнаго прилагательнаго или причастія. Всѣ степени или моменты дѣйствія имѣютъ, какъ и слѣдуетъ, свое прошедшее, ибо всякое дѣйствіе можетъ перестать; поэтому всѣ формы глагола, выражающія эти степени, имѣютъ отъ себя форму прошедшаго,—отглагольное прилагаемое (*двигалъ*, *двинулъ*, *двигивалъ*). Дѣйствіе же, какъ рядъ моментовъ (*двигать*), необходимо является только въ прошедшемъ (*двигивалъ*). Въ настоящемъ оно не можетъ быть представлено; ибо дѣйствіе *опредѣленное*, дѣйствіе, какъ осуществленные моменты, не можетъ длиться, не можетъ быть въ настоящемъ, которое, какъ скоро оно, понятно, не отвлечено, а дѣйствительно,—не существуетъ: оно есть только невидимый рѣзецъ, дѣлящій дѣйствіе на прошедшее и будущее. Въ будущемъ дѣйствіе, какъ рядъ моментовъ, также представлено быть не можетъ; ибо дѣйствіе грядущее или наступающее, выходящее изъ неопредѣленности, является при выраженіи всегда какъ одинъ моментъ; о невыразившемся слѣдующемъ моментѣ мы говорить еще не можемъ, ибо его еще нѣтъ; онъ таится въ безразличной отвлеченной силѣ дѣйствія. Рядъ моментовъ можетъ образоваться тогда, когда является рядъ выраженныхъ, слѣдовательно, совершившихся, бывшихъ, прошлыхъ моментовъ. Поэтому дѣйствіе, какъ рядъ моментовъ, понимается и употребляется, относительно времени, только какъ прошедшее, и слѣдова-

не филологическое, зачѣмъ авторъ не далъ мѣста разбору употребленія глаголовъ въ древнемъ славянскомъ языкѣ по нѣсколькимъ его нарѣчіямъ, и, между прочимъ, въ памятникахъ переводныхъ, особенно въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ переводчики отступали отъ дословности перевода".

Пять лѣтъ спустя, когда вышелъ первый выпускъ „Русской грамматики", Срезневскій опять подчеркивалъ способность К. Сергѣевича „вызвать въ читателѣ силу наблюдательности", говорилъ о „самобытности" авторскаго мышленія и его „независимости" умственной, о „чутьѣ" языка, которымъ авторъ „часто замѣняетъ наблюдательность", и вслѣдъ затѣмъ прибавлялъ: „Несмотря на это, едва ли нужно пожелать, чтобы и слѣдующіе выпуски этой книги были совершенно таковы, какъ первый. То ли пожелаютъ отъ нихъ всѣ, а я со своей стороны позволяю желать себѣ:

— Чтобы во всѣхъ подобныхъ произведеніяхъ теорія языка была строго выводима исключительно изъ однихъ наблюденій и чтобы эти наблюденія были производимы не надъ какими-нибудь избранными явленіями, и насколько можно болѣе были разнообразны.

— Чтобы чутье свойствъ языка было строго сдерживаемо также въ предѣлахъ, допускаемыхъ наблюденіями, и укрѣплялось изслѣдо-

---

тельно, въ глаголѣ, не имѣя собственно глагольной формы, имѣетъ только форму прошедшаго, т. е. форму отглагольнаго прилагательнаго, напримѣръ, *двигивалъ*.

Итакъ, уже съ перваго взгляда видно, что Русскій языкъ совершенно особенно и самостоятельно образовалъ глаголъ. Языкъ нашъ обратилъ вниманіе на внутреннюю сторону или качество дѣйствія, и отъ качества уже вывелъ, по соотвѣтствію, заключеніе о времени.—Такой взглядъ несравненно глубже взгляда другихъ языковъ. Вопросъ качества, вопросъ: *какъ*? есть вопросъ внутренній и обличаетъ взглядъ на сущность самого дѣйствія; вопросъ времени, вопросъ: *когда*? есть вопросъ поверхностный и обличаетъ взглядъ на внѣшнее проявленіе дѣйствія.

Итакъ, временъ въ Русскомъ глаголѣ вовсе нѣтъ. Каждая форма глагола, выражая опредѣленіе самого существа дѣйствія, имѣетъ только отношеніе къ соотвѣтствующему, приличному ей, времени. Форма глагола неопредѣленная относится ко времени настоящему, форма мгновенная—къ будущему, форма многомгновенная—только къ прошедшему. Прошедшее, какъ прекратившееся дѣйствіе и потому уже не какъ глагольная форма, а отглагольное прилагательное, идетъ ко всѣмъ формамъ глагола; но при послѣдней оно исключительно.

Вотъ наша общая мысль о Русскомъ глаголѣ. Вопросъ о временахъ устраняется. Поэтому, съ одной стороны, мнѣніе наше противоположно мнѣнію послѣдователей Ломоносова, принявшихъ столько временъ въ Русскомъ глаголѣ и оттого смѣшавшихъ въ немъ опредѣленія самого дѣйствія. Съ другой—опровергается мнѣніе Фатера, Таппе и ихъ послѣдователей, раздѣлявшихъ спряженіе на отдѣльные глаголы и сохранившихъ категорію времени.—Нѣтъ, всѣ эти формы,—формы одного и того же глагола, но формы не времени, а качества дѣйствія; понятіе же времени, какъ сказано, есть выводное изъ качества дѣйствія.

вательностью: самъ въ себѣ человѣкъ легко можетъ смѣшать дѣйствительное чутье съ тѣмъ, что не чутье, а только случайное мнѣніе, выведенное изъ немногихъ данныхъ и опровергаемое другими.

— Чтобы наблюденія были не только производимы полно, но представляемы читателю для того, чтобы онъ могъ положительнѣе изучить исходъ наблюденій".

Нужно знать язвительность покойнаго Измаила Ивановича, чтобы тотчасъ же понять, что за этими очень вѣжливо-выраженными desiderata въ дѣйствительности скрываются совсѣмъ не вѣжливо задуманные три весьма серьезныхъ упрека. Прежде всего скептикъ и насмѣшникъ, Срезневскій, по разнымъ однако же причинамъ, примыкалъ къ направленію, выставлявшему напоказъ свои „русскія" чувства и потому онъ особенно рѣзко не могъ отнестись къ стремленію Константина Сергѣевича создать вполнѣ самобытную и нежелающую знать иностранныхъ образцовъ грамматику. Но по существу его desiderata должны быть поняты въ томъ смыслѣ, что Константинъ Сергѣевичъ для своихъ выводовъ: 1) пользовался только „избранными явленіями", т. е. игнорировалъ тѣ, которыя ихъ не подтверждали; 2) не подкрѣплялъ ихъ „изслѣдовательностью", т. е. не заботился о томъ, чтобы его грамматическія индукціи были основаны на сколько-нибудь достаточномъ количествѣ фактовъ, и наконецъ, 3) часто вовсе не „представлялъ читателю наблюденія", т. е. давалъ выводы чисто-догматически, не вводя читателя въ свою филологическую лабораторію.

Противъ послѣдняго упрека, крайне тяжелаго по отношенію къ научной работѣ, счелъ необходимымъ возражать издатель и большой почитатель филологическихъ трудовъ Константина Сергѣевича—Безсоновъ. По его словамъ, эта „безпримѣрность", т. е. отсутствіе подкрѣпляющихъ выводы грамматическихъ примѣровъ, объясняется тѣмъ, что филологическія работы Константина Сергѣевича „и не выражались и не сопровождались непремѣнно выписками пера: работавшій—много если дѣлалъ замѣтки на самихъ книгахъ, краткія, летучія. Вся эта бездна прочтеннаго филологическимъ взоромъ и передуманнаго языкознательнымъ умомъ—скрывалась внутрь, слагая запасъ громаднѣйшей памяти, какую лишь удавалось намъ встрѣчать въ комъ-либо: она пошла въ душѣ на созиданіе того величаваго, но не вещественнаго, одухотвореннаго образа, какимъ представлялся русскій языкъ Аксакову. Матеріалъ превращался въ живое существо, работа—въ творчество; творчество въ самомъ языкѣ, создавшее языкъ силами народа, и творческій образъ самаго языка, изъ языка схваченный взоромъ личнымъ, умомъ художественнымъ, сливались воедино. Мало было бы сказать, что Акса-

ковъ „носилъ“ въ себѣ этотъ образъ, и существующій въ природѣ, и оттуда добытый, или что онъ „носился“ съ этимъ образомъ, какъ съ роднымъ и все-таки „внѣшнимъ“, какъ принятымъ внутрь, и все-таки со стороны: Аксаковъ этимъ жилъ, вопросъ русскаго языка былъ для него вопросомъ жизни собственной; жизнь личная, казалось, иногда, располагалась по вопросамъ языка и имъ всего чаще отвѣчала. Странно было бы (поэтому) встрѣтить, что Аксаковъ „записываетъ“, трудно было уловить моменты его справокъ по книгѣ“.

Такимъ образомъ, самаго факта, отмѣченнаго Срезневскимъ и другими критиками, Безсоновъ и не отрицаетъ. Онъ только даетъ ему другое объясненіе; объясненіе, въ сотый разъ доказывающее удивительную симпатичность Константина Сергѣевича, какъ человѣка, но совсѣмъ не измѣняющее существа дѣла. Въ наукѣ нѣтъ личнаго довѣрія, вѣрятъ только въ факты, доступные провѣркѣ каждаго, а не „чутью“.

Въ заключеніе нашего обзора филологическихъ трудовъ Константина Аксакова приведемъ оцѣнку ихъ, сдѣланную Иваномъ Сергѣевичемъ Аксаковымъ. Приводимъ ее не потому, что она заключала въ себѣ что-нибудь новое и что-нибудь такое, что бы не было высказано выше, а именно потому, что она, правда, съ другой точки зрѣнія и иначе освѣщая, по существу подтверждаетъ всѣ тѣ упреки, которые мы отмѣтили. Уже если такой восторженный поклонникъ учено-литературной дѣятельности Константина Сергѣевича, какъ Иванъ Сергѣевичъ, не могъ обойти того факта, что филологическіе труды Константина Аксакова, главнымъ образомъ, замѣчательны поэтическою и художественною стороною своею, значитъ, дѣйствительно, въ пользу научнаго значенія ихъ немного можно привести доводовъ.

Итакъ, вотъ эта характеристика, въ которой такъ нетрудно отдѣлить факты отъ дружескихъ стараній смягчить ихъ:

„Константинъ Сергѣевичъ не былъ и, по самой природѣ своей, не могъ быть ученымъ въ смыслѣ нѣмецкаго гелертера; процессъ его ученой работы былъ не просто аналитическій, но, такъ сказать, и художественный вмѣстѣ, мгновенно объемлющій синтезъ изслѣдуемаго явленія, его „душу живу“ и органическую цѣльность. Его мысль почти всегда предваряла длинный путь логическихъ выводовъ и формальнаго знанія, и нерѣдко, къ удивленію ученыхъ, находила себѣ подтвержденіе или въ цѣлой массѣ научныхъ данныхъ, еще вовсе не извѣстныхъ Константину Сергѣевичу, или въ послѣдующихъ открытіяхъ науки. Было бы ошибочно, впрочемъ, заключать изъ нашихъ словъ, что мы ставимъ ему въ особенную заслугу такой способъ научныхъ изслѣдованій и даже отдаемъ этому способу пред-

почтеніе предъ всѣми другими. Мы просто указываемъ на художественную стихію, присущую всей дѣятельности К. С., какъ на психическую его особенность, и съ своей стороны свидѣтельствуемъ, что въ его душѣ не было ни тѣни пренебреженія къ строгому методу нѣмецкихъ ученыхъ. Мы полагаемъ однако же, что эта его особенность, въ свою очередь, не должна бы возбуждать (какъ это до сихъ поръ не разъ бывало) пренебреженія со стороны тружениковъ ученаго цеха, и что поэтическое чувство есть также одно изъ познательныхъ орудій человѣческаго духа, наравнѣ съ логическимъ разумомъ. Константину Сергѣевичу, безъ сомнѣнія, недоставало той обширной эрудиціи, которая лежитъ въ основаніи ученыхъ трудовъ германскихъ филологовъ, и того близкаго знакомства съ литературою предмета, которое обнаруживаютъ многіе изъ русскихъ ученыхъ, особенно въ области сравнительной филологіи. Но этотъ недостатокъ, имъ вполнѣ сознаваемый, едва ли не съ избыткомъ восполнялся его филологическимъ чутьемъ, его способностью проникать въ самыя духовныя нѣдра слова и угадывать сокровенную мысль грамматическихъ видоизмѣненій“ (Предисловіе къ II т. соч. К. А.).

IV.

Перейдемъ теперь къ значительнѣйшей части духовнаго наслѣдія Константина Сергѣевича—его историческимъ трудамъ, которые почти всѣ относятся къ первой половинѣ пятидесятыхъ годовъ.

Но прежде всего, да не выведетъ читатель ложнаго заключенія изъ слова „трудамъ“. „Константинъ Аксаковъ“, скажемъ мы словами Костомарава, „не оставилъ послѣ себя ни историческихъ повѣствованій, ни даже трудолюбивой обработки источниковъ, онъ по русской исторіи писалъ мало“. Если мы, въ самомъ дѣлѣ, присмотримся къ I тому собранія сочиненій Констант. Аксакова, посвященному „Сочиненіямъ историческимъ“, то что мы тутъ находимъ? На пространствѣ 600 страницъ—27 статей. Нѣкоторыя изъ нихъ представляютъ собою простые черновые наброски, другія занимаютъ 6—7 страницъ, а самая значительная какъ по содержанію, такъ и по объему историческая статья Констант. Сергѣевича—„О древнемъ бытѣ славянъ вообще и русскихъ въ особенности“ содержитъ въ себѣ всего 65 страницъ. Такимъ образомъ, того, что обыкновенно составляетъ главное достоинство заправскихъ историческихъ „трудовъ“—обстоятельности, читатель не найдетъ въ „Сочиненіяхъ историческихъ“ Констан. Аксакова.

Но не одною обстоятельностью, однако же, обусловливается зна-

ченіе историческихъ работъ. Помимо трудовъ повѣствующихъ, требующихъ детальности и объемистости, есть еще цѣлый разрядъ трудовъ обобщающихъ и критическихъ, значеніе которыхъ обусловливается широтою проведенныхъ въ нихъ взглядовъ. Къ этому-то разряду трудовъ по философіи исторіи и принадлежатъ историческія и историко-критическія статьи Константина Сергѣевича. „Въ немногихъ статьяхъ его", говоритъ Костомаровъ, „сохранились животворныя мысли, свѣтлые взгляды, которые не напрасно высказаны для науки, и будутъ служитъ путеводными нитями для дальнѣйшихъ изслѣдованій надъ важнѣйшими сторонами нашего прошедшаго". Слова знаменитаго историка очень субъективны: „свѣтлы" ли взгляды К. Аксакова или, напротивъ того, вносятъ мракъ, „животворны" ли они или, напротивъ того, мертвящи,—объ этомъ могутъ быть разныя мнѣнія, хотя несомнѣнно, что въ устахъ Костомарова, отнюдь не принадлежащаго къ славянофильской школѣ, похвала одному изъ главарей славянофильства могла бы служить ручательствомъ ея полнаго безпристрастія. Но, конечно, мы будемъ еще ближе къ истинѣ, если, устранивъ всякую субъективность, скажемъ просто, что историческіе взгляды Константина Аксакова очень *значительны*. Они открываютъ новые горизонты, безспорно обширные.

По нашему мнѣнію, воззрѣнія К. Аксакова на русскую исторію могутъ быть сведены къ четыремъ основнымъ мыслямъ: 1) укладъ первоначальной русской жизни былъ не родовой, а общинно-вѣчевой; 2) русскій народъ рѣзко отдѣлялъ понятіе „земли" отъ понятія о государствѣ; 3) древне-русская, до-петровская исторія представляетъ собою картину высокоидеальныхъ общественныхъ отношеній. И наконецъ, какъ общій выводъ изъ предыдущаго, является у Константина Аксакова 4) мысль о томъ, что русскій народъ есть носитель спеціально ему присущихъ высокихъ доблестей, которыя отводятъ ему особое, высокое положеніе во всемірной исторіи. Послѣднюю мысль мы бы назвали мыслью о богоизбранности русскаго народа.

Теорію общиннаго быта Константинъ Аксаковъ высказалъ сначала въ небольшой газетной статейкѣ „Родовое или общественное явленіе было Изгой", помѣщенной въ „Моск. Вѣд." 1850 г. (№ 97), а затѣмъ болѣе обстоятельно въ статьѣ „О древнемъ бытѣ у славянъ вообще и у русскихъ въ особенности", напечатанной въ I т. „Моск. Сборника" 1852 года.

Статья начинается съ констатированія того, что нѣмецко-русскіе ученые — Байеръ, Миллеръ, Шлецеръ, „не принадлежа къ русскому народу, не имѣя съ нимъ жизненной связи, принялись толковать его жизнь" и „объяснять русскимъ ихъ исторію". Подъ ихъ вліяніемъ

и настоящіе русскіе ученые „смотрѣли также не по-русски на свою исторію“ и „изображали русскую исторію такъ, что въ ней русскаго собственно ничего не было видно“. „Но дальнѣйшее знакомство съ лѣтописями и грамотами, но бытъ простого народа, сохранившійся въ своей тысячелѣтней оригинальности, подѣйствовали, наконецъ, на взгляды нашихъ ученыхъ, и желаніе понять русскую исторію настоящимъ образомъ, желаніе самобытнаго воззрѣнія—пробудились. Политическій взглядъ, гдѣ обыкновенно рисуются князья, войны, дипломатическіе переговоры и законы, взглядъ Шлецера и (его послѣдователя) Карамзина, былъ, наконецъ, оставленъ, и, въ наше время, вниманіе обратилось на бытъ народный, на общественныя, внутреннія причины его жизни“. Къ числу представителей такого „желанія самостоятельнаго пониманія“ и „воззрѣнія бытового“ Аксаковъ причисляетъ, между прочимъ, Соловьева. Но тотъ же Соловьевъ, однако, а вмѣстѣ съ нимъ еще нѣсколько молодыхъ ученыхъ—Кавелинъ, Калачовъ, Афанасьевъ, освободившись отъ взглядовъ одного нѣмца—Шлецера, выдвинули другую нѣмецкую, совсѣмъ не соотвѣтствующую русской исторической дѣйствительности, теорію—о родовомъ бытѣ у древнихъ славянъ вообще и у русскихъ въ частности, теорію, возвѣщенную извѣстнымъ Эверсомъ.

По мнѣнію Аксакова, теорія о существованіи родового быта у древнихъ славянъ зиждется на томъ, что приверженцы ея „не опредѣлили настоящимъ образомъ, что такое родовой бытъ“, и путаютъ два такихъ совершенно различныхъ понятія, какъ бытъ родовой и бытъ семейный. Такъ, Соловьевъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ своей исторіи позволяетъ себѣ говорить „семья или родъ“, а въ другихъ утверждаетъ, что предки наши не знали семьи; затѣмъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ онъ говоритъ о родоначальникѣ, какъ о правителѣ рода, не знающемъ надъ собою высшей власти, въ чемъ и выражается родовое начало, а въ другихъ мѣстахъ оказывается, по Соловьеву же, что „каждый младшій, будучи недоволенъ рѣшеніемъ старшаго, имѣлъ возможность возстать противъ этого рѣшенія“. Такую же сбивчивость представленій о родовомъ бытѣ Аксаковъ подчеркиваетъ и у Кавелина, который, кромѣ того, возмущаетъ его тѣмъ, что доводитъ родовой бытъ въ Россіи до Петра Великаго, между тѣмъ какъ даже Соловьевъ говоритъ, что родовой бытъ начинаетъ исчезать у насъ при Ярославѣ.

Остановившись еще на мнѣніяхъ Калачова и Афанасьева, изъ которыхъ послѣдній особенно смѣшиваетъ семью и родъ, Аксаковъ даетъ, затѣмъ, свое собственное опредѣленіе родового быта. Если при изложеніи взглядовъ Кавелина онъ всего менѣе пріязненно относился къ стараніямъ послѣдняго подвести родовой бытъ у нашихъ

предковъ подъ общій законъ развитія общественной жизни, свойственный всѣмъ народамъ, то теперь онъ все-таки „не думаетъ отвергать“, что „первоначальный бытъ—есть безспорно родовой“. Но въ чемъ отличительныя черты этого быта? Сдѣлавши краткій очеркъ хода его нарожденія, Константинъ Сергѣевичъ говоритъ: „Что же мы въ немъ видимъ? Мы видимъ, во-первыхъ, что семья въ немъ исчезаетъ, ибо поглощена единствомъ рода и единствомъ родоначальника; во-вторыхъ, что отношенія родовыя не остаются въ своей чистотѣ, а немедленно получаютъ значеніе гражданское, не переставая быть родовыми. Состояніе напряженное и ложное, стѣсняющее съ одной стороны *семью*, а съ другой *гражданственность*. Гражданственность смущаетъ родовыя отношенія; родовыя отношенія мѣшаютъ гражданственности и семьѣ. Такимъ образомъ, семья и родъ, семейное и родовое начало не одно и то же, но взаимно исключаютъ или ослабляютъ другъ друга. Гдѣ сильно начало родовое, тамъ нѣтъ начала семейнаго или оно слабо. Гдѣ сильно начало семейное, тамъ нѣтъ родового или же оно находится на слабой ступени. Патріархальное и семейное начало образуютъ двѣ противоположности, хотя, повидимому, истекаютъ изъ одного источника, близки другъ къ другу“.

Но если родовой бытъ, въ только что очерченномъ видѣ, и „былъ первою общественною ступенью, черезъ которую прошли, безспорно, всѣ народы“, то все-таки „одни только прошли черезъ него, не останавливаясь, другіе остановились болѣе или менѣе, утвердили за собою этотъ бытъ, формулировали, опредѣлили его явственно, съ большими или меньшими подробностями, особенностями и оттѣнками“. Славяне къ числу послѣднихъ народовъ, по мнѣнію К. Аксакова, не принадлежатъ. Такъ, если мы обратимся къ сказаніямъ древне-византійскихъ историковъ, то что мы находимъ? „Прокопій говоритъ, что славяне не повинуются одному мужу, но изначала живутъ при народномъ правленіи ἐν δημοκρατίο. Это свидѣтельство говоритъ ясно противъ родового быта, ибо демократическое устройство такому быту противорѣчитъ“. Тотъ же Прокопій сообщаетъ, „что у славянъ былъ обычай совѣщаться вмѣстѣ о своихъ дѣлахъ. Опять свидѣтельство, указывающее ярко на народное или общинное устройство“. Маврикій говоритъ, что славяне не знаютъ правительства. Приблизительно то же самое отмѣчаютъ позднѣйшіе хронисты. Такъ, Адамъ Бременскій говоритъ о славянахъ, что они не терпятъ между собою господина или повелителя. Дитмаръ Мерзебургскій, „повѣствуя о вѣчахъ Лутичей и, почти въ тѣхъ же выраженіяхъ, какъ Прокопій, говоря, что они не повинуются одному, а всѣ совѣщаются о дѣлахъ своихъ,—прибавляетъ, что дѣла рѣшались единогласіемъ, которое было необходимо“.

Отъ иноземныхъ свидѣтельствъ Константинъ Аксаковъ переходитъ къ разбору двухъ славянскихъ памятниковъ, на нѣкоторыхъ мѣстахъ которыхъ Соловьевъ съ особенною настойчивостью хотѣлъ основать свою теорію родового быта. Памятники эти—1) „Судъ Любуши“ и 2) Лѣтопись Нестора.

Содержаніе „Суда Любуши“ [1]), какъ извѣстно, состоитъ въ томъ, что братья Кленовичи поспорили объ отцовскомъ наслѣдствѣ и явились за разрѣшеніемъ спора къ княжнѣ Любушѣ. Любуша собираетъ снемъ (сеймъ) изъ Кметовъ, Леховъ и Владыкъ, предлагаетъ дѣло на ихъ разсмотрѣніе, причемъ отъ себя говоритъ, что по закону вѣкожизненныхъ боговъ, братья—или должны владѣть вмѣстѣ, или раздѣлиться поровну. Снемъ рѣшаетъ, чтобы оба брата владѣли вмѣстѣ. Старшій братъ недоволенъ этимъ рѣшеніемъ. Онъ съ яростью говоритъ, что наслѣдство надо дать первенцу, и поноситъ Любушу за то, что она другого мнѣнія. Тогда въ защиту ея поднимается Ратиборъ, который, усматривая въ словахъ старшаго Кленовича вліяніе нѣмецкихъ обычаевъ, говоритъ: „Не хвально намъ въ нѣмцахъ искать правды, у насъ правда по закону святому, которую принесли отцы наши“ и затѣмъ рисуетъ такую картину древне-чешской жизни: „Всякой отецъ воеводитъ свою челядь (домочадцевъ). Мужи пашутъ, женщины шьютъ одежду, и какъ скоро умираетъ глава челяди, то дѣти всѣ владѣютъ вмѣстѣ наслѣдствомъ, выбирая себѣ владыку изъ рода, который, для пользы, ходитъ въ славные снемы, ходитъ съ Кметами, Лехами, Владыками“.

Во всемъ этомъ Соловьевъ видитъ родовое устройство, съ его общимъ владѣніемъ и рѣшающей властью родоначальника. Но Аксаковъ видитъ тутъ, напротивъ того, полное опроверженіе теоріи родового быта:

„Любуша“, говоритъ онъ, „предлагаетъ или общее владѣніе, или ровный раздѣлъ. Снемъ рѣшаетъ общее владѣніе. Положимъ, что предметъ суда есть вопросъ родовой, вопросъ именно *родового* владѣнія, наслѣдства. Этотъ вопросъ о наслѣдствѣ рѣшается на основаніи родового устройства (думаетъ г. Соловьевъ) именно словами Ратибора, въ которыхъ изображается родовой бытъ. Допустимъ это. Кѣмъ же представляется родъ? *Двумя братьями*. Весь споръ между ними и для нихъ, для рѣшенія братскаго спора приводится весь порядокъ, вся правда, принесенная предками. Что должны мы заключить? Или то, что родъ не имѣлъ другихъ представителей, былъ весь кромѣ

---

[1]) Въ настоящее время можетъ считаться совершенно установленнымъ, что „Судъ Любуши“ не подлинный памятникъ, а поддѣлка Ганки. Но въ данномъ случаѣ это не имѣетъ значенія, потому что мнимымъ памятникомъ старины Аксаковъ пользуется не для того, чтобы что-нибудь основать на немъ, а только для того, чтобы показать, что его неправильно комментируетъ Соловьевъ.

двухъ, уничтоженъ (а то бы всѣ родичи должны были участвовать въ спорѣ, ибо всѣ имѣли общее право на общее владѣніе, по мнѣнію послѣдователей Эверса); но такую случайность предположить трудно и объ ней было бы упомянуто, тѣмъ болѣе, что оба брата—древняго происхожденія. Или же, что гораздо проще, судебный вопросъ этотъ былъ не родовой, а чисто *семейный*. Да и прямо говорится, что споръ идетъ объ отцовской дѣдинѣ. Тогда дѣло перемѣняется и родовое устройство исчезаетъ: ибо какъ скоро выступаетъ семья, какъ скоро рѣчь идетъ только между братьями и ни о какихъ родичахъ нѣтъ и рѣчи, то гдѣ же общее владѣніе рода, гдѣ же родовой бытъ, который допускаетъ участіе всѣхъ родичей, особенно когда родъ оставался безъ главы!—Итакъ, на сценѣ только *семья*, выдѣлившаяся, слѣдовательно, изъ рода, а рода нѣтъ".

Затѣмъ: „Вспомнимъ, что Любуша, *по закону вѣкожизненныхъ боговъ*, говоритъ братьямъ: или владѣйте вмѣстѣ, или раздѣлите поровну. Итакъ и то и другое—по закону боговъ", и рушится, значитъ, другой отличительный признакъ родового быта—общность владѣнія.

Наконецъ, что касается мѣста рѣчи Ратибора, гдѣ говорится о выборахъ и роли владыки, то здѣсь Аксаковъ не усматриваетъ ничего такого, что бы давало основаніе видѣть во владыкахъ родоначальниковъ. Если „въ пѣснѣ говорится, что дѣти выбираютъ себѣ владыку (а не отца, не родоначальника), который ходитъ въ снемы съ Кметами и Лехами, то это значило, что каждая семья посылала на сходку своего представителя. Кто знаетъ устройство нашихъ сходокъ, тотъ увидитъ, что этотъ обычай и до сихъ поръ у насъ сохранился въ народѣ: на сходку ходитъ или старшій въ домѣ, или же избранный въ домѣ отъ семьи. Кого послать—это былъ и есть домашній распорядокъ внутри дома, но за порогъ дома семья у насъ не переходила. Итакъ, владыки были то же, что и теперь у насъ—избранные или неизбранные представители семей на сходѣ. Кметы и Лехи, составлявшіе, какъ видно, званія (можетъ быть, мужи княжіе), уже не по званію своему тамъ засѣдали, какъ у насъ потомъ на земскихъ соборахъ бояре и выборные люди".

Покончивъ съ „Судомъ Любуши", составляющимъ одинъ изъ краеугольныхъ камней теоріи Соловьева, Константинъ Сергѣевичъ останавливается нѣсколько на извѣстномъ изслѣдованіи Губе о наслѣдственномъ правѣ у славянъ. Изъ него онъ извлекаетъ рядъ одиночныхъ доказательствъ того, что у древнихъ славянъ отнюдь не было родового быта, а дѣйствовала свободная воля семьи, и затѣмъ переходитъ къ другому краеугольному камню поборниковъ родового быта—лѣтописи Нестора. У Нестора имѣется слѣдующее мѣсто, съ перваго раза, дѣйствительно, заставляющее думать, что у предковъ нашихъ господствовалъ родовой бытъ:

„Поляномъ же, живущемъ особѣ и володѣющимъ роды своими, и живяху каждо съ своимъ родомъ и на своихъ мѣстахъ, владѣюще каждо родомъ своимъ“.

Но въ какомъ однако же смыслѣ употреблено здѣсь слово „родъ“?

„Несторъ, говоря о Полянахъ, вслѣдъ за вышеприведенными словами, разсказываетъ о трехъ братьяхъ: Кіѣ, Щекѣ и Хоривѣ; это даетъ намъ возможность прослѣдить и провѣрить слова Нестора о Полянахъ. Кій, Щекъ и Хоривъ—три брата: одинъ ли это родъ? Конечно, если сколько-нибудь есть родовое устройство. Что же мы видимъ? Что всѣ трое жили особо, на своихъ мѣстахъ. Кій живетъ на горѣ, гдѣ увозъ Боричевъ, Щекъ—на другой горѣ, Щековицѣ, а Хоривъ—не третьей, Хоревицѣ. Итакъ, каждый братъ составлялъ особый родъ, но возможно ли это при родовомъ устройствѣ? Три брата не могли быть тремя родоначальниками и раздѣлить родъ на трое, ибо родовое устройство такого дѣлежа не допускаетъ. Если же у каждаго изъ нихъ могъ быть свой родъ, ибо они жили особо другъ отъ друга, то это можно объяснить не иначе, какъ тѣмъ, что родъ былъ *семья*“. Въ послѣднемъ убѣжденіи Аксакова поддерживаетъ еще и то, что „лѣтопись Нестора южно-русская, и въ ней много встрѣчается, и до сихъ поръ сохранившихся въ Малороссіи, южно-русскихъ выраженій,—а въ Малороссіи и теперь родъ имѣетъ значеніе семьи. Малороссъ, говоря про свою семью, скажетъ: *се мій родъ*. Итакъ, нѣтъ сомнѣнія, что родъ въ вышеприведенномъ мѣстѣ лѣтописи имѣетъ значеніе *семьи*; онъ упоминается только у Полянъ, у которыхъ однихъ былъ *бракъ* и, слѣдовательно, *семья*“. Да и по-русски развѣ мы не говоримъ; „двоюродный братъ“? А что „значитъ: *двоюродный*? Здѣсь мы легко открываемъ двойственное число: *двою роду*, то есть: *двухъ родовъ*; итакъ двоюродный братъ значитъ братъ *двухъ семей*“.

Разсмотрѣвъ, такимъ образамъ, доказательства, выставляемыя приверженцами теоріи родового быта, Аксаковъ начинаетъ уже отъ себя приводитъ рядъ свидѣтельствъ древнихъ памятниковъ, по его мнѣнію рѣшительно не оставляющихъ мѣста для предположеній о существованіи родового быта въ древней Руси. Такъ, по Русской Правдѣ, „мстить долженъ или братъ, или отецъ, или племянникъ съ братниной или сестриной стороны; вотъ всѣ родовые мстители“. Вяжется ли такое ограниченіе съ сколько-нибудь развитымъ родовымъ бытомъ?

Но еще важнѣе другое свидѣтельство Русской Правды изъ области гражданскихъ отношеній, именно то, что имѣніе человѣка, не оставившаго послѣ себя дѣтей, считается выморочнымъ и переходитъ къ князю. Тутъ уже, значитъ, о родовомъ бытѣ съ его общимъ владѣніемъ и рѣчи не можетъ быть.

Всѣ эти „опроверженія родовому быту“ и приводятъ Аксакова къ мысли о бытѣ *семейномъ* и вмѣстѣ *общинно-вѣчевомъ*. Не довольствуясь уже извѣстными намъ свидѣтельствами Прокопія Маврикія, Дитмара Мерзебургскаго, Адама Бременскаго и „Суда Любуши“, К. Аксаковъ приводитъ длинный рядъ почерпнутыхъ изъ лѣтописи фактовъ древне-русской жизни, фактовъ, говорящихъ какъ о развитіи государственной жизни, такъ и о широкомъ народовластіи.

Кѣмъ призываются Варяги? Всѣмъ народомъ. Ни о старѣйшинахъ, ни о старцахъ въ относящемся сюда лѣтописномъ сказаніи ни слова нѣтъ. Призваніе князей было полнымъ проявленіемъ „народной воли. Это заставляетъ предполагать бытъ народный, общинный. Самое призваніе князя, особенно же племенами, даже чужеродными (славяне, чудь), устраняетъ всякую мысль о родовомъ бытѣ. Это поступокъ гражданскій, государственный и сознательный“ .„Въ договорѣ съ греками Олега, еще виднѣе Игоря, высказывается вполнѣ общинное устройство, которое вдругъ завести нельзя. Въ этихъ договорахъ посольство правится отъ великаго князя, князей, бояръ, купцовъ и отъ всей земли. Бытъ вполнѣ общественный. Это то же явленіе, какое мы видимъ и впослѣдствіи и которое приняло образъ Земской Думы, Земскаго Собора. Въ договорахъ этихъ выступаетъ значеніе всей земли, всего народа“.

Еще характернѣе событія, связанныя со смертью Игоря. *Древляне, сдумавши* съ княземъ своимъ Маломъ (а не князь Малъ самъ по себѣ) и не видя конца насиліямъ Игоря, убиваютъ послѣдняго. Послѣ этого *Древляне* (т. е. народъ) говорятъ: возьмемъ Ольгу за нашего князя Мала. *Древляне* же посылаютъ лучшихъ мужей къ Ольгѣ. Мужи эти, пришедши къ Ольгѣ, говорятъ: посла ны *Деревьска земля*“.

Когда Святославъ „жилъ въ Переяславлѣ, и Кіевъ едва былъ спасенъ воеводою Претичемъ отъ печенѣговъ, кіевляне посылаютъ сказать ему, что онъ бросилъ свою землю и ищетъ чужой, напоминаютъ ему о матери его и дѣтяхъ, о семейныхъ его обязанностяхъ. Нечего и говорить, что тутъ между княземъ и народомъ не было никакихъ родовыхъ или патріархальныхъ отношеній“.

Чѣмъ дальше отодвигается Аксаковъ отъ первыхъ князей Рюрикова дома, тѣмъ легче, понятно, ему становится находить доказательства существованія государственнаго быта въ древней Руси. И если бы его задача состояла въ томъ, чтобы доказать невѣрность теоріи родового быта, онъ бы могъ ограничиться вышеприведенными фактами, такъ какъ несостоятельность мнѣнія Кавелина, что родовой бытъ сохранился до Петра I, слишкомъ уже очевидна, а Соловьевъ и самъ признаетъ, что при Ярославѣ родовой бытъ исчезаетъ въ Россіи.

Но Константину Аксакову хочется, кромѣ того, доказать, что укладъ государственной жизни древней Россіи былъ общинно-вѣчевой. Вотъ почему онъ и приводитъ длинный рядъ выписокъ изъ лѣтописей, доказывающихъ первенствующее значеніе народной воли въ древне-русской жизни и зависимость князя отъ вѣча. Такъ, кіевляне, собравшись въ 1067 г. на вѣче и встрѣтивъ въ Изяславѣ I сопротивленіе своему намѣренію сразиться съ Половцами, освободили заключеннаго Всеслава и поставили его княземъ, а Изяславъ долженъ былъ удалиться. Въ 1096 году Святополкъ и Владиміръ, предлагая Олегу идти противъ Половцевъ, дѣлаютъ это въ такой формѣ: „Поиди Кыеву, да порядокъ положимъ о русьтѣй земли предъ епископы, и предъ игумены, и предъ мужи отець нашихъ, и предъ людьми градскими, да быхомъ хоронили руськую землю отъ поганыхъ". Ослѣпленіе Василька совершилось только послѣ того, какъ Святополкъ, имѣвшій уже Василька въ своихъ рукахъ, собралъ кіевлянъ на вѣче и увѣрилъ ихъ, что Василько питаетъ разные предательскіе замыслы. Въ томъ же году, когда Володарь и Василько осадили Давида во Владимірѣ (Волынскомъ), они вели переговоры не съ Давидомъ, а съ Владимірцами, которые „созваша вѣче" и заставили князя покориться своему рѣшенію. Въ 1146 году, послѣ брата своего Всеволода Ольговича, Игорь сталъ княземъ Кіевскимъ. „И неугоденъ бысть Кіяномъ Игорь", и послали они къ Изяславу и сказали послѣднему: „Пойди, княже, къ намъ, хощемъ тебѣ. Не хотимъ Ольговичей, *не хотимъ доставаться какъ бы по наслѣдству*" Сѣвши на Кіевскій столъ, Изяславъ задумалъ идти походомъ противъ Юрія, сына Владиміра Мономаха. Но кіевляне, созванные Изяславомъ для совѣта, прямо ему отвѣтили: „Князь! Ты на насъ не гнѣвайся, мы не можемъ поднять руки на Владимірово племя; если на Ольговичей, то готовы хоть съ дѣтьми". Изяславъ соединился тогда съ черниговскими Ольговичами, но когда тѣ затѣяли измѣну, послалъ опять къ кіевлянамъ за помощью. Кіевляне сошлись всѣ, отъ мала до велика, къ святой Софіи на дворъ, составили вѣче и на этотъ разъ, возмущенные предательствомъ Ольговичей, оказали князю содѣйствіе. Въ 1154 г. Изяславъ умираетъ. „И посадиша въ Кіевѣ Ростислава, Кіяне рекуче ему: якоже братъ твой Изяславъ честилъ Вячеслава [1]), такоже и ты чести; а до твоего живота Кіевъ твой". „Здѣсь", замѣчаетъ Аксаковъ, „народъ распоряжается княжествомъ".

---

[1]) Вячеславъ былъ старшій въ родѣ и могъ бы претендовать на княжество, чего однако не дѣлалъ довольствуясь почтительнымъ къ нему отношеніемъ Изяслава.

Ростиславъ, ставъ княземъ, затѣялъ разные походы и уѣхалъ изъ Кіева, но мужи уговаривали его вернуться туда, говоря ему: „Ты съ *людьми* (т. е. народомъ), въ Кіевѣ еще не *утвердился*; поѣзжай лучше въ Кіевъ, утвердись съ народомъ".

Еще нѣсколько, подобныхъ предыдущему, примѣровъ огромнаго значенія народной воли въ древне-русской жизни приводитъ Константинъ Аксаковъ и затѣмъ съ торжествомъ отмѣчаетъ слѣдующія въ высшей степени замѣчательныя и важныя слова лѣтописи: „*Новгородцы бо изначала, и Смолняне, и Кыяне, и Полочане, и вся власти (т. е. волости), якоже на думу, на вѣча сходятся*" Слова эти „прямо указываютъ на общинное устройство во всей русской землѣ".

„Мы привели достаточно примѣровъ", говоритъ затѣмъ Константинъ Сергѣевичъ, „доказывающихъ, что въ древней Руси было общественное, именно общинное устройство,—общинный бытъ. Здѣсь нѣтъ и мѣста родовому быту. Это общинное устройство, со времени единодержавія Москвы, провозгласившей имя всей земли русской, не уничтожилось. Изъ грамотъ мы видимъ, какъ цѣлыя волости, слободы управляются выборными людьми. Губные старосты, цѣловальники, выборные люди, присутствовавшіе на судахъ,—все показываетъ, что древняя основа хранилась.—Наконецъ Земскіе Соборы, созываемые царями ото всей Земли, представляли голосъ и совѣтъ всей русской Земли, что тогда ясно чувствовалось и сознавалось.—Междуцарствіе, въ теченіе котораго разлетѣлась на время государственная оболочка и обнажилась *Земля*, показываетъ намъ, что она не отвыкла отъ своего устройства: безпрестанныя совѣщанія народныя въ городахъ и селахъ, совѣщанія, на которыхъ, по обычаю русскому, всѣ сословія весь народъ принималъ участіе, условія Земли съ воеводами троеначальниками, наконецъ, выборный отъ всей Земли русской,—все это свидѣтельствуетъ, что *община постоянно была основою русскаго общественнаго устройства.*

Заканчивается статья такъ:

„Изъ изслѣдованій нашихъ выводимъ заключеніе: *русская Земля есть изначала наименѣе патріархальная, наиболѣе семейная и наиболѣе общественная* (*именно общинная Земля*)".

Таковы основы выдвинутой Константиномъ Аксаковымъ общинной теоріи.

Не трудно замѣтить въ ней, при сколько-нибудь детальномъ анализѣ, рядъ частныхъ недохватокъ и тенденціозныхъ натяжекъ. Не станемъ однако же останавливаться на мелочахъ и укажемъ только существеннѣйшій недостатокъ Аксаковской теоріи, именно отмѣтимъ крайнюю неопредѣленность, съ которою авторъ общинной теоріи пользуется словомъ „общинный".

Подъ общиною принято понимать небольшую территоріальную или соціальную единицу, тѣсно связанную общностью непосредствен-

ныхъ житейскихъ интересовъ. Въ частности, подъ общиною въ русской экономической и политической литературѣ принято подразумѣвать общину сельскую. Между тѣмъ, К. Аксаковъ подставляетъ подъ слова „община“ и „общинный“ самыя разнообразныя понятія. Такъ, въ только-что приведенномъ резюме статьи о родовомъ бытѣ, онъ прямо употребляетъ какъ синонимы слова „общинный“ и „общественный“, а въ другихъ мѣстахъ у него понятія объ общинности сливаются съ понятіемъ о государственности, и „община“ обнимаетъ собою то пространство волости, то пространство княжества, то наконецъ пространство всей Россіи. Разбирая, напр., I томъ исторіи Соловьева, Аксаковъ говоритъ по поводу исторической роли Москвы: „Москва первая задумала единство государственное и начала уничтоженіе отдѣльныхъ княжествъ. Вся эта борьба княжествъ на общины не простиралась; общины были довольны, когда падали между ними государственныя перегородки. Государство, уничтожая ихъ, исполняло желаніе земли, и, стремясь къ единству государственному, содѣйствовало единству земскому. Нѣтъ ни одного примѣра, чтобы община заступилась за своего князя. Москва провозглашаетъ, наконецъ, имя всей Руси, единаго русскаго государства и единой Русской Общины, русской земли“.

На пространствѣ нѣсколькихъ строкъ тутъ господствуетъ самое хаотическое смѣшеніе административно-политическихъ единицъ, и предѣлы общины до того раздвинуты, что теряется всякое опредѣленное о ней представленіе.

И, конечно, эта неопредѣленность и смѣшеніе понятій могли бы совсѣмъ подорвать значеніе общинно-вѣчевой теоріи, если бы не здоровое зерно ея, если бы не то, что въ основѣ ея лежало глубокое пониманіе внутренняго смысла древне-русской исторіи. Теперь, когда прошло больше полувѣка послѣ появленія статьи Константина Аксакова, не найдется уже ни одного историка, который сталъ бы игнорировать огромную роль общинно-вѣчевого начала въ ходѣ древне-русской государственной жизни. Приведенные нами факты, на которыхъ Константинъ Аксаковъ основалъ свой взглядъ, были, конечно, хорошо извѣстны и до него. Но прежній *государственный* взглядъ на исторію настолько еще сильно владѣлъ умами историковъ русскихъ, настолько еще сильна была привычка обращать вниманіе исключительно на трактаты, походы и княжескія междоусобія, что все, касавшееся народа въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, оставалось въ тѣни. Вотъ почему оставались въ тѣни и факты, такъ рѣзко выдвинутые Константиномъ Аксаковымъ на первый планъ. И факты эти, дѣйствительно, говорятъ все то, что подчеркивалось съ такимъ энтузіазмомъ восторженнымъ авторомъ общинно-вѣчевой тео-

ріи. Они, дѣйствительно, не оставляютъ никакого сомнѣнія относительно необыкновеннаго развитія демократическихъ чувствъ въ древней Руси и широкихъ предѣловъ народовластія, они, дѣйствительно, говорятъ о подставленной Конст. Сергѣевичемъ вмѣсто „рода“ сельской общинѣ, какъ объ основной соціальной единицѣ, дававшей тонъ всему укладу древне-русской жизни. И вотъ почему подборъ всѣхъ этихъ фактовъ былъ новымъ откровеніемъ для занимающихся русскою исторіею. Съ тѣхъ поръ основныя черты Аксаковской теоріи доминируютъ въ разработкѣ древне-русскаго права. Всецѣло, со всѣми ея деталями, теорія Аксакова, правда, не принята. Но, во-первыхъ: теорія родового быта пала совершенно, и даже тѣ изъ изслѣдователей, которые нѣсколько отрицательно относятся къ воззрѣніямъ Константина Аксакова на древне-русскую жизнь (проф. Самоквасовъ, напр., или Забѣлинъ), не могутъ не признать, что критическая часть обсуждаемой нами статьи блистательна. Конст. Сергѣевичъ окончательно похоронилъ теорію родового быта въ томъ видѣ, какъ ее создали Эверсъ и Соловьевъ, и послѣ его статьи ни одинъ серьезный изслѣдователь не поднялъ этой теоріи, которая теперь фигурируетъ исключительно въ обзорѣ *старыхъ* воззрѣній на древне-русскій бытъ.

Но важнѣе, конечно, положительная часть теоріи Константина Аксакова. Про нее-то и можно сказать, что она доминируетъ въ современныхъ воззрѣніяхъ на древне-русское право. Если мы переберемъ взгляды главнѣйшихъ юристовъ и историковъ послѣднихъ 30—40 лѣтъ, то мы увидимъ, что большинство изъ нихъ и при томъ такіе люди, какъ Бѣляевъ, Лешковъ, Костомаровъ, Шпилевскій, Градовскій, всецѣло примыкаютъ къ воззрѣніямъ Константина Сергѣевича на древне-русскій общественный укладъ, другіе, какъ Сергѣевичъ, Владимірскій-Будановъ, принимаютъ ихъ съ нѣкоторыми оговорками, наконецъ третьи, выступающіе съ собственными теоріями, какъ Леонтовичъ и Бестужевъ-Рюминъ съ теоріей задруги, или Соколовскій съ теоріей волостной—по существу, все-таки тоже примыкаютъ къ направленію, созданному Константиномъ Сергѣевичемъ. Община-задруга на хорватскій образецъ и волость съ тѣмъ характеромъ, съ какимъ она является въ теоріи П. А. Соколовскаго—все это видоизмѣненія одного и того же общественнаго и правового института. Важна основа, а она-то именно одна и та же и въ волостной, и въ задружной и въ Аксаковской теоріи; важно, что всѣ эти теоріи съ одинаковою энергіей выдвигаютъ рѣшающее значеніе демократически-альтруистическихъ началъ, глубоко коренящихся въ русской народной психологіи и потому окрашивавшихъ въ свой цвѣтъ тотъ періодъ древне-русской жизни, когда вліяніе другихъ

факторовъ было слабо. И вотъ эта-то энергія въ подчеркиваніи демократическаго характера старо-русской жизни, этотъ-то энтузіазмъ предъ основами русскаго народнаго быта и составляетъ огромную заслугу Константина Аксакова. Онъ внесъ народничество въ разработку древне-русскаго права, онъ заставилъ насъ смотрѣть на народное міровоззрѣніе и складъ народнаго характера съ тѣмъ уваженіемъ, котораго они заслуживаютъ по своему огромному вліянію на ходъ русской исторіи. Онъ пріобщилъ, такимъ образомъ, русскую историческую науку къ тому великому движенію демократическихъ идей, которое составляетъ основную черту духовной жизни русской интеллигенціи вотъ уже болѣе шестидесяти лѣтъ.

Въ заключеніе считаемъ не лишнимъ сказать нѣсколько словъ по адресу проф. Самоквасова, который въ своемъ курсѣ исторіи русскаго права называетъ первымъ провозвѣстникомъ общинно-вѣчевой теоріи Бѣляева. Это невѣрно. Ошибка профессора произошла вслѣдствіе того, то онъ считаетъ, что впервые Константинъ Аксаковъ высказалъ свои мысли о родовомъ бытѣ въ обсужденной нами статьѣ, появившейся въ „Моск. Сборникѣ“ 1852 года. А такъ какъ Бѣляевъ двумя годами раньше, во „Временникѣ Московскаго Общества Исторіи и Древностей“ 1850 г., кн. VII, помѣстилъ статью „Русская земля передъ прибытіемъ Рюрика въ Новгородъ“, гдѣ высказалъ идеи, весьма схожія съ тѣми, которыя проводилъ Константинъ Аксаковъ въ своей статьѣ о родовомъ бытѣ, то оно и выходитъ, какъ будто Бѣляевъ имѣетъ тутъ права первенства. Но дѣло въ томъ, что мысли свои объ общинно-вѣчевомъ началѣ древней Руси Аксаковъ только *развилъ* въ статьѣ „Моск. Сборника“ 1852 года. Въ общихъ же чертахъ всѣ эти мысли выражены имъ въ статьѣ „Родовое или общественное явленіе былъ Изгой“, помѣщенной въ началѣ 1850 года въ „Моск. Вѣд.“ (№ 97) и заключавшей въ себѣ прямое обѣщаніе „представить въ особой статьѣ доказательство того, что въ древней Руси не было родоваго быта, а былъ бытъ общественный“. Статья „Моск. Сборн.“ и явилась исполненіемъ этого обѣщанія.

Уже если говорить въ данномъ случаѣ о чьихъ-нибудь правахъ на первенство, то рѣчь можетъ идти только о Юріѣ Самаринѣ, который въ статьѣ „О мнѣніяхъ „Современника“ историческихъ и литературныхъ“, помѣщенной въ „Москвит.“ 1847 г. (ч. II, стр. 135—174), дѣйствительно, первый въ русской литературѣ, хотя очень кратко, но все-таки очень опредѣленно, заявилъ: „общинное начало составляетъ основу, грунтъ всей русской исторіи, прошедшей, настоящей и будущей: сѣмена и корни всего великаго, возносящагося на поверхности, зарыты въ его плодотворной глубинѣ“.

Только что сдѣланное указаніе принадлежитъ Пыпину и высказано имъ въ его „Характеристикахъ литературныхъ мнѣній“ еще въ началѣ 70-хъ годовъ. Этимъ замѣчаніемъ почтенный изслѣдователь хотѣлъ ослабить панегирикъ Костомарова, который ставилъ Константину Аксакову въ особую заслугу провозглашеніе общиннаго начала. Мы думаемъ однако, что поправка Пыпина имѣетъ по преимуществу библіографическое значеніе и заслугъ Аксакова не умаляетъ. Да, дѣйствительно, *въ печати* общинную теорію первый провозгласилъ *М... З... К.* (псевдонимъ Юрія Самарина). Но вѣдь достаточно извѣстно, что славянофильскій кружокъ представлялъ собою нѣчто до такой степени сплоченное и слитное, что отдѣлять, гдѣ начинаются мнѣнія одного изъ членовъ кружка и гдѣ кончаются мнѣнія другого, является дѣломъ почти невозможнымъ. Первые славянофилы были люди, тѣсно связанные не только единствомъ, духовныхъ стремленій, но и личнымъ общеніемъ. Чуть ли не ежедневно встрѣчались они другъ съ другомъ либо въ домѣ Хомякова, либо у Кирѣевскихъ, Самариныхъ, либо, наконецъ, у Аксаковыхъ и въ живомъ обмѣнѣ мыслей разрабатывали детали общаго имъ всѣмъ міросозерцанія. Иниціатива принадлежитъ тутъ всѣмъ вмѣстѣ и каждому въ отдѣльности. Одинъ дѣлалъ намекъ, другой его подхватывалъ, третій подбиралъ доказательства и въ общемъ получался тезисъ, родительскія права на который въ одинаковой степени должны приписываться всѣмъ членамъ кружка безраздѣльно. Вотъ почему, между прочимъ, первоначальное славянофильство совсѣмъ не знаетъ фракцій. Тутъ люди до того спѣлись *предварительно*, дома, что выступали въ печать уже съ совершенно законченнымъ міровоззрѣніемъ, вошедшимъ въ плоть и кровь каждаго изъ принимавшаго участіе въ выработкѣ его. Слѣдовательно, *печатное* первенство въ дѣлѣ возвѣщенія славянофильскихъ принциповъ можетъ имѣть исключительно библіографическій интересъ и всегда есть простая случайность. Юрію Самарину по конкретной надобности (для опроверженія идей Кавелина) пришлось говорить объ общинномъ началѣ,—онъ его и провозгласилъ. А Константину Аксакову въ 1847 г. надобности такой не было, онъ и не высказался. Но отсюда всего менѣе слѣдуетъ, чтобы Константинъ Сергѣевичъ чему-нибудь научился изъ коротенькой, чисто катехизической статейки Самарина или узналъ бы что-нибудь новое изъ нея. Все это было ему превосходно извѣстно раньше, и въ кружковыхъ дебатахъ онъ, конечно, не одно тутъ доказательство подобралъ и не одинъ разъ укрѣплялъ своимъ паѳосомъ увѣренность сочленовъ въ томъ, что дѣйствительно только общиннымъ началомъ можно уяснить себѣ явленія древне-русской и современной народно-русской жизни.

Мы нѣсколько распространились по вопросу о правахъ первенства Юрія Самарина на общинную теорію, потому что тутъ идетъ рѣчь о вещи, имѣющей значеніе для оцѣнки всѣхъ вообще идей разсматриваемаго нами писателя. Намъ очень важно подчеркнуть, что, читая сочиненія основателей славянофильства, мы какъ будто имѣемъ предъ собою разныя редакціи одного и того же. У одного короче, у другого длиннѣе, у одного съ большимъ, у другого съ меньшимъ талантомъ, у одного суше, у другого страстнѣе, наконецъ у одного намеки, у другого подробное развитіе. *Только этими*, почти внѣшними качествами и отличаются сочиненія славянофиловъ другъ отъ друга. Въ частности, слѣдовательно, идеи Константина Аксакова не ему одному принадлежатъ. Если же мы говоримъ о нихъ, усматривая въ нихъ писательскую индивидуальность Константина Сергѣевича, то потому, что помимо такихъ уже чисто-индивидуальныхъ качествъ, какъ, напримѣръ, хорошее знаніе русской исторіи, древне-русскаго юридическаго быта и т. д., сочиненія Константина Сергѣевича рѣзко запечатлѣны его необыкновенною страстностью, благодаря которой онъ довелъ всѣ принципы славянофильства до ихъ крайняго развитія. Тамъ, гдѣ у спокойныхъ Кирѣевскихъ, дѣловитаго Самарина и лишеннаго *душевнаго* энтузіазма Хомякова идетъ спокойная экспозиція, тамъ Константинъ Аксаковъ, выражаясь вульгарно, рветъ и мечетъ. Онъ въ славянофильствѣ занимаетъ приблизительно такое же мѣсто, какое занимаетъ въ западничествѣ его нѣкогда закадычный другъ Бѣлинскій. И „неистовый Виссаріонъ“ проводилъ идеи, далеко не ему одному принадлежавшія, но онъ проводилъ ихъ съ такимъ жаромъ и увлеченіемъ, что онѣ остались въ литературѣ съ его именемъ. У Константина Аксакова не было таланта Бѣлинскаго, но и изъ его изложенія многія славянофильскія идеи, благодаря горячей убѣжденности, запечатлѣваются рѣзче, чѣмъ изъ изложенія другихъ славянофиловъ, и потому онѣ по справедливости должны быть связаны именно съ его литературною дѣятельностью.

Возвращаясь же къ проф. Самоквасову, замѣтимъ, что во всякомъ случаѣ, если говорить о *фактическомъ* вліяніи общинно-вѣчевой теоріи на разработку древне-русской исторіи, то честь его всецѣло принадлежитъ Константину Аксакову. Статья Бѣляева настолько мало извѣстна, что одинъ только проф. Самоквасовъ и цитируетъ ее. Всѣ же, которые поддались дѣйствію народническихъ воззрѣній на древне-русскую жизнь, взяли ихъ у Константина Сергѣевича. Это онъ ихъ зажегъ своимъ восторженнымъ энтузіазмомъ, это его стремительность опрокинула освященное прежнею историческою наукою пренебреженіе къ основамъ народнаго міросозерцанія.

Переходя ко второй основной мысли историческихъ работъ Константина Сергѣевича—о томъ, что русскій народъ рѣзко отдѣлялъ понятіе о „землѣ“ отъ понятія о государствѣ, не можемъ не замѣтить прежде всего, что, свидѣтельствуя, какъ и все когда-либо вышедшее изъ-подъ пера Константина Аксакова, о глубокомъ благоговѣніи его къ качествамъ русскаго народнаго духа, мысль эта однако же весьма мало гармонируетъ съ только-что очерченной теоріей того же автора о широкомъ значеніи народовластія въ древней Руси. Читатель, конечно, замѣтилъ, съ какою энергіею Аксаковъ подбиралъ лѣтописные факты, изъ которыхъ ясно, что важнѣйшія событія государственной жизни древней Руси совершались при непосредственномъ участіи народа. Всѣ вообще усилія автора теоріи объ общинно-вѣчевомъ бытѣ только къ тому и направлены, чтобы нарисовать картину того, какъ въ первоначальные періоды нашей исторіи русскій народъ *государствовалъ*.

Но что же находимъ мы въ двухъ статьяхъ „*Объ основныхъ началахъ русской исторіи*“, которыя совершенно правильно ставятся во главѣ историческихъ работъ Константина Аксакова, какъ заключающія въ себѣ главныя мысли его о русской исторіи?

Авторъ даетъ въ ней очеркъ нарожденія русскаго государственнаго уклада. До Рюрика, говоритъ онъ, „славянскія племена, населявшія Россію, жили подъ условіями быта; община, такъ устроенная, носитъ простое названіе земли, которое мы удержимъ: оно оправдается впослѣдствіи“. Но вотъ землю начинаютъ тѣснить „бранные, неугомонные сосѣди“, возникаетъ также вражда внутренняя. Тогда „земля, чтобы спасти себя, свою земскую жизнь, рѣшается призвать на защиту государство. Но, надо замѣтить, славяне не образуютъ изъ себя государство, они призываютъ его; они не изъ себя избираютъ князя, а ищутъ его за моремъ; такимъ образомъ, они *не смѣшиваютъ земли съ государствомъ, прибѣгая къ послѣднему, какъ къ необходимости для сохраненія первой. Государство, политическое устройство—не сдѣлалось цѣлью ихъ стремленія*,—ибо они отдѣляли себя или земскую жизнь отъ государства и для сохраненія первой призвали послѣднее“.

Стремленіе отдѣлить землю отъ государства такъ глубоко вкоренилось въ русскомъ характерѣ, что оно замѣтно даже у такой вольницы, какъ новгородцы. „Многіе думаютъ о Новгородѣ“, говоритъ Аксаковъ, „какъ о наиболѣе мѣнявшемъ князей, что онъ былъ республика: совершенно ложно! Новгородъ не могъ оставаться безъ князя. Возьмите новгородскую лѣтопись, прочтите, съ какимъ ужасомъ говоритъ лѣтописецъ о томъ, что они три недѣли были безъ князя“.

Чрезъ всю исторію Россіи, начиная съ древнѣйшихъ временъ ея

и вплоть до междуцарствія и Петра, проходитъ это рѣшительное открещиваніе отъ власти. „Государство никогда у насъ не обольщало собою народа, не плѣняло народной мечты; вотъ почему, хотя и были случаи, не хотѣлъ народъ нашъ облечься въ государственную власть, а отдавалъ эту власть избранному имъ и на то назначенному государю, самъ желая держаться своихъ внутреннихъ жизненныхъ началъ".

Можно быть разнаго мнѣнія объ исторической вѣрности только-что приведеннаго взгляда Аксакова и о степени его соотвѣтствія съ такими явленіями древне-русской жизни, какъ частые земскіе сборы или выборное замѣщеніе должностей чисто-административнаго характера, т. е. представляющихъ собою делегацію центральной государственной власти. Но, во всякомъ случаѣ, едва ли кто станетъ отрицать коренное противорѣчіе выдвигаемаго нашимъ авторомъ открещиванія отъ власти съ общимъ характеромъ фактовъ, имъ же подчеркиваемыхъ въ статьѣ объ общинномъ бытѣ. Тамъ объ этомъ открещиваніи и индифферентизмѣ не было ни слова. Напротивъ того, энергично напиралъ Константинъ Сергѣевичъ на то, что „голосъ и совѣтъ Русской земли" имѣлъ огромное значеніе даже въ эпоху царскую, когда по общему представленію народовластіе исчезло окончательно. Съ энтузіазмомъ указываетъ онъ тамъ, какъ въ эпоху междуцарствія происходили „безпрестанныя совѣщанія народныя въ городахъ и селахъ, совѣщанія, на которыхъ, по обычаю русскому, всѣ сословія, весь народъ принималъ участіе", какъ земля предъявила свои условія къ воевсдамъ-троеначальникамъ" и какъ вообще даже „единодержавіе Москвы" ничуть не измѣнило прежняго уклада. О томъ же, что все это народовластіе носитъ тотъ особенный, мало имѣющій общаго съ обычными представленіями о народовластіи характеръ, который придаетъ ему Константинъ Аксаковъ въ своихъ стараніяхъ отдѣлить понятіе древне-русской „земли" отъ понятія о государствѣ, обо всемъ этомъ, повторяемъ, авторъ статьи объ общинномъ бытѣ и не заикался. Странность тѣмъ болѣе разительная, что статья объ общинномъ бытѣ написана позже статей, трактующихъ о различіи между древне-русскою „Землей" и государствомъ.

Странность эта однако же вполнѣ объяснится, если мы примемъ во вниманіе, что не an und für sich привлекали Константина Сергѣевича историческія явленія, изслѣдованіемъ которыхъ онъ отъ времени до времени занимался. Онъ не принадлежалъ къ числу тѣхъ ученыхъ, которыхъ интересуетъ предметъ изслѣдованія, какъ таковой. Публицистъ и трибунъ по натурѣ, онъ приступалъ къ историческимъ работамъ исключительно затѣмъ, чтобы обставить „фактами" тѣ апріорные выводы, которые онъ дѣлалъ подъ диктовку общаго своего

міровоззрѣнія. Въ данномъ случаѣ, вопросъ объ общинномъ бытѣ древней Руси отнюдь не по существу занималъ нашего пламеннаго патріота. Все это ему нужно было какъ средство *выставить въ идеальномъ видѣ древне-русскую жизнь*. Бытъ государственный выше патріархальнаго, и народу, стоявшему на этой ступени историческаго развитія, отводится въ этнографической іерархіи болѣе почетное мѣсто—вотъ изъ чего *сердцемъ* исходилъ Константинъ Сергѣевичъ и вотъ что побуждало его выдвинуть общинно-вѣчевую теорію, какъ возвеличивающую основы русскаго народнаго быта и духа. А что тутъ не было строгаго соотвѣтствія съ тѣмъ весьма ограниченнымъ народовластіемъ, которое лежитъ въ основѣ ученія Константина Аксакова о различіи между „землею“ и государствомъ—это потому мало тревожило его, что самое-то ученіе о различіи „земли“ и государства есть тоже не что иное, какъ средство *выставить въ идеальномъ видѣ древне-русскую жизнь*.

О какомъ, въ самомъ дѣлѣ, высокомъ нравственномъ уровнѣ говоритъ эта раздѣльность, если понимать ее, а главное, объяснять ея происхожденіе такъ, какъ оно дѣлается Аксаковымъ.

„Нравственное дѣло“, говоритъ онъ, „должно и совершаться нравственнымъ путемъ, безъ помощи внѣшней, принудительной силы. Вполнѣ достойный—путь одинъ для человѣка: путь свободнаго убѣжденія, путь мира, тотъ путь, который открылъ намъ Божественный Спаситель и которымъ шли Его Апостолы. Это путь *внутренней правды*“.

Существуетъ, однако, и „другой путь, гораздо, повидимому, болѣе удобный и простой; внутренній строй переносится во внѣ, и духовная свобода понимается только какъ *устройство*, *порядокъ;* основы, начала жизни понимаются какъ правила и предписанія. Все формулируется. Этотъ путь не внутренней, а *внѣшней правды*, не совѣсти, а принудительнаго закона“.

Послѣднимъ путемъ, „путемъ внѣшней правды, путемъ государства двинулось западное человѣчество“. Такой путь гибеленъ. „Формула, какая бы то ни была, не можетъ обнять жизни; потомъ, налагаясь извнѣ и являясь принудительною, она утрачиваетъ самую главную силу, силу внутренняго убѣжденія и свободнаго ея признанія; потомъ далѣе, давая такимъ образомъ человѣку возможность опираться на законъ, вооруженный принудительною силою, она усыпляетъ склонный къ лѣни духъ человѣческій, легко и безъ труда успокаивая его исполненіемъ наложенныхъ формальныхъ требованій и избавляя отъ необходимости внутренней нравственной дѣятельности и внутренняго нравственнаго возрожденія“.

Русскій же народъ пошелъ путемъ *внутренней* правды. „Подъ

вліяніемъ вѣры въ нравственный подвигъ, возведенный на степень исторической задачи цѣлаго общества", создался „мирный и кроткій характеръ древне-русскаго народа", благодаря которому онъ, не желая государствовать, *добровольно* призвалъ государственную власть извнѣ. Добровольность призванія государства имѣетъ въ глазахъ Константина Аксакова особенную цѣну, потому что оно рѣзко оттѣняетъ процессъ нарожденія государства въ Россіи отъ процесса его нарожденія на Западѣ, гдѣ онъ совершился путемъ завоеванія. Вслѣдствіе добровольности призванія, въ Россіи земля и государство, хотя „и не смѣшались, а отдѣльно стояли", все-таки находились „въ союзѣ другъ съ другомъ. Въ призваніи добровольномъ означились уже отношенія земли и государства—взаимная довѣренность съ обѣихъ сторонъ. Не брань, не вражда, какъ это было у другихъ народовъ, вслѣдствіе завоеванія, а миръ, вслѣдствіе добровольнаго призванія".

Такъ складывался русскій государственный строй въ княжескій періодъ, такъ было и потомъ. „Явился Великій Князь и потомъ Царь Московскій и всея Руси, наслѣдственный и самодержавный. Отношеніе Земли и Государства, народа и правительства, прежняя взаимная довѣренность—были основою ихъ отношеній. Подобно тому какъ князь созывалъ Вѣче [1]), царь созывалъ Земскую Думу или Земскій Соборъ. Народъ не требовалъ, чтобы государь спрашивалъ его мнѣнія. Государь не опасался спрашивать мнѣнія народа. Кто читалъ эти Думы, тотъ знаетъ, какъ просто излагалось въ нихъ дѣло. Спрашивали выборныхъ отъ всѣхъ сословій; они говорили: мысль наша такова, а тамъ какъ будетъ угодно государю. Не личное самолюбіе, не гордость западной свободы была здѣсь, а обоюдное искреннее желаніе пользы. Здѣсь не ораторствовали, а говорили, и слово не превышало дѣла".

Вотъ въ какихъ очертаніяхъ представлялась въ воображеніи Константина Сергѣевича древне-русская государственная жизнь, вотъ какія идиллическія соціальныя отношенія вырисовывалъ онъ съ помощью раздѣльности „Земли" отъ Государства, которая только потому и дорога ему, что является посылкою для восторженнаго панегирика древней Руси. Если бы, въ самомъ дѣлѣ, его тутъ интересовалъ вопросъ непосредственнаго историческаго изслѣдованія явле-

---

[1]) Въ другихъ мѣстахъ своихъ историческихъ работъ, тамъ, гдѣ Константину Сергѣевичу хотѣлось подчеркнуть широкіе предѣлы древне-русскаго народовластія, „созывъ" вѣча окрашивался имъ совсѣмъ въ другой цвѣтъ. Вотъ что, напр., мы читаемъ на стр. 617: „Князь долженъ былъ заниматься дѣлами, пока вѣче не собиралось. А когда вѣче собиралось, оно было важнѣе князя и могло князя прогнать".

ній, вѣдь не могъ же бы онъ проглядѣть и темныхъ сторонъ, которыя неизбѣжны во всѣхъ человѣческихъ учрежденіяхъ уже просто потому что нѣтъ совершенства на землѣ. Но такъ какъ вся дѣятельность Константина Аксакова, какъ историка, имѣла въ основѣ своей исключительно-полемическія цѣли, цѣли борьбы съ „пренебреженіемъ" западниковъ къ древне-русской жизни; такъ какъ во всѣхъ своихъ историческихъ статьяхъ онъ всегда является адвокатомъ и никогда не бываетъ судьею, то слова укоризны и не срываются никогда съ его устъ. Когда-же темныя стороны настолько рѣзки, что просто умолчать о нихъ, какъ это дѣлаетъ онъ обыкновенно, невозможно, тогда всѣ силы его страстной діалектики направляются къ тому, чтобы смягчить и скрасить неприглядность фактовъ, плохо вяжущихся съ картиною аркадскихъ нравовъ. Любопытнымъ образчикомъ такого желанія скрашивать—во что бы то ни стало и не смущаясь рѣшительно ничѣмъ—можетъ служить отношеніе Константина Сергѣевича къ крѣпостному праву въ древней Руси. Казалось бы, какъ справиться съ этимъ фактомъ, столь мало говорящимъ о какомъ-то необыкновенномъ душевномъ согласіи „земли" и государства? И однако же, Аксаковъ нашелъ въ себѣ достаточно пристрастности, чтобы иронически обратиться къ „милостивымъ государямъ", „просвѣщеннымъ противникамъ древней Руси", отъ которыхъ „часто слышишь, что безчеловѣчное крѣпостное право установлено древнею Русью", и сказать имъ: „Кто говоритъ, милостивые государи, крѣпостное право наше—дѣло возмутительное. Но виновата ли въ этомъ древняя Русь?" Статья, начинающаяся такимъ ироническимъ обращеніемъ („О состояніи крестьянъ въ древней Руси"), осталась неоконченной, слѣдовательно, вполнѣ развить свою защиту Константину Сергѣевичу не удалось. Но на поляхъ статьи нашелся краткій конспектъ ея и тезисы. И вотъ заключительный изъ этихъ тезисовъ, въ связи съ общимъ ходомъ аргументаціи статьи, даетъ полное представленіе объ окончательномъ выводѣ ея, которымъ должны были быть посрамлены „милостивые государи", коловшіе славянофильству глаза древне-русскимъ крѣпостнымъ правомъ:

„Русь не понимала рабства", намѣчалъ въ общихъ чертахъ Константинъ Сергѣевичъ свою главную мысль, „къ тому же въ ней нѣтъ ни либерализма, ни рабства. Свободная страна. Западъ началъ съ рабства, прошелъ сквозь бунтъ, и хвастаетъ холопской дерзостью либерализма...

„Западъ имѣетъ опытность грѣха; онъ ужъ узналъ всѣ мерзости и установилъ свои отношенія. Кому же, какъ не лисѣ, всѣ лисьи норки знать? Русь не имѣла этой опытности и поневолѣ попала въ рабство.

„*Большая разница между грѣхомъ и порокомъ. Въ древней Руси есть грѣхи, но нѣтъ пороковъ*".

Мы съ особеннымъ удовольствіемъ привели эти нѣсколько строкъ. Въ нихъ весь Константинъ Аксаковъ, съ его почти безумнымъ обожаніемъ допетровской старины, съ его поистинѣ трогательною способностью выдвигать въ защиту древне-русской жизни такіе поражающіе софизмы, которые показываютъ, что мы тутъ имѣемъ дѣло уже не съ теоретическимъ воззрѣніемъ, не съ научнымъ взглядомъ, а прямо съ какимъ-то религіознымъ экстазомъ.

Мы выше старались показать, что мысли Константина Аксакова объ общинномъ бытѣ и раздѣльности „Земли“ отъ Государства, по основному назначенію своему, являются посылками для созданія величаваго образа древне-русской жизни до ея „порчи“ ненавистными Аксакову, въ періодъ окончательнаго установленія его міросозерцанія, реформами Петра Великаго. Эти посылки могутъ быть названы главными устоями историческихъ взглядовъ Константина Аксакова и потому мы ихъ выдѣлили особо. Но ими далеко не исчерпывается число деталей, съ помощью которыхъ восторженный паладинъ древне-русскаго уклада жизни хотѣлъ сразить скептицизмъ своихъ западническихъ противниковъ, видѣвшихъ въ этомъ укладѣ не только свѣтлыя стороны, но и цѣлый рядъ фактовъ грубаго попиранія элементарныхъ основъ человѣческаго общежитія. Константинъ Сергѣевичъ, напротивъ того, то и дѣло открывалъ новыя данныя для подтвержденія своего восторженнаго отношенія къ древней Руси.

Въ древней Руси, напримѣръ, не было аристократіи, „и не могло быть, ибо боярство не было наслѣдственно. Князья часто попадаются въ жильцахъ; все зависѣло отъ службы. Сюда, правда, входило мѣстничество; но само мѣстничество на воспоминаніяхъ службы основывало права свои. Раздѣленія на неподвижныя сословія не было. Живое начало проникало весь составъ, и нигдѣ, ни въ какомъ сословіи, не застаивалось кругообращеніе силъ государственныхъ; можно было дослужиться до боярина; изъ людей земскихъ можно было перейти въ служивые. Аристократіи западной не было вовсе“.

Это отсутствіе аристократическаго начала сказалось особенно ярко въ былинахъ Владимірова цикла, разобранныхъ Константиномъ Сергѣевичемъ въ особой статьѣ, о которой упомянуто выше (стр. 385—387).

Тѣ же былины Владимірова цикла даютъ нашему автору матеріалъ для обрисовки высокаго общественнаго положенія славянской женщины. „Женщины былинъ часто носятъ куяки, панцыри, кольчуги, также выѣзжаютъ въ поле искать бранныхъ опасностей. Сила ихъ иногда не уступаетъ мужской. Такова Настасья Королевишна, на которой женился Дунай, сестра Афросиньи Королевишны, супруги Великаго Князя Владиміра, отличавшейся влюбчивымъ сердцемъ.

Такова жена Ставра-боярина Василиса Микулишна. Прибавимъ, въ дополненіе къ этой мужественности женщинъ образъ, совершенно русскій, Царь-Дѣвицы: вспомнимъ преданія объ Амазонкахъ, о Чешской Власкѣ, и все это вмѣстѣ, утверждая за славянскою женщиною независимость и равныя права съ мужчиною даже въ ратномъ дѣлѣ, совершенно уничтожаетъ тѣмъ самымъ всякую мысль о рабствѣ или угнетеніи женщинъ у Славянъ".

Но самый жгучій энтузіазмъ возбуждаетъ въ Константинѣ Сергѣевичѣ христіанство древней Руси, причемъ исторію его водворенія на нашей родинѣ онъ представляетъ себѣ совсѣмъ не въ томъ видѣ, въ какомъ оно намъ извѣстно изъ другихъ историческихъ данныхъ. Занимавшіеся древне-русскою письменностью знаютъ, какую огромную роль играетъ въ ней *борьба съ двоевѣріемъ*. Принявши христіанство, предки наши не могли, конечно, сразу отстать отъ прежнихъ вѣрованій своихъ и въ теченіе многихъ, многихъ вѣковъ примѣшиваютъ ихъ къ вѣрованіямъ новымъ. Противъ этого, какъ его назвали древне-русскіе пастыри, двоевѣрія направлена значительная часть литературы древняго періода нашей исторіи. Чтобы не останавливаться на мелкихъ явленіяхъ, отмѣтимъ проповѣди преп. Ѳеодосія Печерскаго, жившаго въ XI вѣкѣ, св. Серапіона, епископа Владимірскаго, жившаго въ XIII вѣкѣ, Максима Грека и Стоглавъ, боровшихся съ двоевѣріемъ еще въ срединѣ XVI вѣка.

Но ничего этого знать не хотѣлъ Константинъ Аксаковъ. Онъ не прочь даже серьезно утверждать, что русскіе Славяне никогда собственно и не были язычниками. (Статья „О язычествѣ у древнихъ Славянъ"). „У Русскихъ Славянъ мы положительно не видимъ ни жрецовъ, ни храмовъ, не видимъ ни идоловъ, ни даже боговъ". Правда, Несторъ упоминаетъ о богахъ и кумирахъ, но, по мнѣнію Константина Аксакова, „слова Нестора объясняются какъ нельзя яснѣе", именно тѣмъ, что „идолопоклонство это была вѣра Князя и дружины". Язычество же народа „было самое чистое язычество, было при вѣрованіи въ Верховное Существо, постоянное освященіе жизни на землѣ, постоянное ощущеніе общаго высшаго смысла вещей и событій. Слѣдовательно, вѣрованіе темное, неясное, готовое къ просвѣщенію и ждавшее луча истины". Конечно, сколько нибудь серьезныхъ доказательствъ этого удивительнаго взгляда на древне-русскую народную миѳологію, богатую цѣлымъ рядомъ божествъ, нашъ авторъ и не приводитъ, въ своемъ занимающемъ ровно пять страницъ обзорѣ русскаго язычества, на которыхъ онъ однако же съ такою рѣшительностью выдвигаетъ взгляды діаметрально-противоположные тому, къ чему пришла русская историческая наука. Эта рѣшительность, имѣющая своимъ единственнымъ основаніемъ *жела-*

нія автора, составляетъ одну изъ основныхъ чертъ всѣхъ вообще историческихъ и иныхъ писаній Константина Сергѣевича, который, за исключеніемъ статьи о родовомъ бытѣ, почти всегда говорилъ *догматически*, т. е. положеніями и утвержденіями, не подкрѣпляемыми фактическими данными.

Но возвратимся къ исторіи христіанства на Руси по представленію Константина Аксакова. Мнѣніе объ отсутствіи заправскаго язычества у нашихъ предковъ понадобилось нашему автору для того, чтобы, смѣшавши въ одно всѣ столѣтія допетровской старины,— создать одну общую характеристику древне-русскаго душевнаго настроенія. Въ результатѣ получается слѣдующая противорѣчащая исторіи картина, въ которой перепутаны такія мало имѣющія общаго между собою эпохи, какъ время Владиміра и 1612 годъ, и въ которой упущенъ фактъ лишь постепеннаго наростанія древне-русскаго благочестія. По Аксакову-же это благочестіе народилось сразу:

„При Игорѣ и Владимірѣ идолопоклонство князя и дружины начинаетъ простираться и въ народъ, но оно недолго продолжалось; скоро свѣтъ христіанскій озарилъ Русскую землю, Русскій народъ, скоро Владиміръ принялъ крещеніе. Народъ легко отдалъ принятые имъ кумиры, и также легко принялъ христіанство,—но оно глубоко проникло его душу и стало необходимымъ условіемъ всего его существованія. Христіанинъ и Русскій стали однимъ словомъ. Русь, какъ земля христіанская, именуется святою, и вся послѣдующая исторія показала, что ни соблазны, ни насилія не могутъ лишить насъ духовнаго блага вѣры. — Отдавая на терзаніе свое тѣло, русскій не отдавалъ души, и, терпѣливый во всемъ, онъ не переноситъ оскорбленія вѣры; исторія казаковъ, исторія польскаго нашествія показываютъ намъ это, являютъ намъ этотъ спасающійся на землѣ народъ, падающій, какъ грѣшникъ-человѣкъ, но не слабѣющій въ вѣрѣ, не отрывающійся, всегда кающійся и возстающій покаяніемъ. Поляки изумлялись, смотря на это во время междуцарствія; ихъ католическая вѣра была власть политическая, завоевательная, была дѣло государственное, и поэтому дѣло совсѣмъ другое. Приходя въ частныя соприкосновенія съ Русскимъ народомъ по вопросамъ государственнымъ, Поляки съ изумленіемъ говорятъ: странный народъ: онъ толкуетъ не о политическихъ условіяхъ, а о вѣрѣ. Но мы, Русскіе, этому не удивимся, а съ благоговѣніемъ слышимъ это.

Когда вспоминаешь, какъ крестился русскій народъ, невольно умиляешься душою. Русскій народъ крестился легко и безъ борьбы, какъ младенецъ, и христіанство озарило всю его младенческую душу.—Въ его душѣ не было воспоминаній языческихъ, не было огрубѣлой, опредѣленной лжи“.

V.

Мы ознакомили читателя съ историческими взглядами Константина Аксакова, имѣющими цѣлью выставить въ идеальномъ свѣтѣ древне-русскую жизнь.

Можно ли однако сказать, что эта идеализація древней Руси есть окончательная цѣль историческихъ изслѣдованій Аксакова? Нѣтъ ли въ его историческомъ міровоззрѣніи другой, еще болѣе центральной идеи?

Намъ кажется, что въ такой-же степени, какъ всѣ взгляды Константина Аксакова на явленія древне-русской жизни имѣютъ своимъ назначеніемъ служить посылками для созданія величавой картины допетровской Руси, такъ, въ свою очередь, эта идеализація есть по существу тоже не что иное, какъ посылка для обоснованія теоріи *богоизбранности русскаго народа.*

Мы хорошо сознаемъ, что, выдвигая такую формулировку учено-литературной дѣятельности Константина Аксакова, мы должны натолкнуться на оживленный протестъ приверженцевъ идей первоучителя славянофильства. Уже упреки въ національной исключительности вызывали со стороны славянофиловъ обвиненія въ клеветѣ. А Иванъ Сергѣевичъ Аксаковъ, такъ тотъ въ предисловіи ко II тому сочиненій своего брата находилъ даже, что направленныя по адресу Константана Сергѣевича обвиненія въ національной исключительности имѣютъ своимъ источникомъ „*невѣжество* противниковъ славянофиловъ".

Очень однако нетрудно будетъ показать, что стремленіе къ національной исключительности, понимая въ данномъ случаѣ этотъ терминъ какъ желаніе отвести русскому народу мѣсто, совершенно особенное въ ряду другихъ народовъ цивилизованнаго міра, лежитъ въ основѣ всѣхъ писаній какъ славянофиловъ вообще, такъ и Константина Аксакова въ частности. Протесты же въ родѣ только-что приведеннаго основаны на недоразумѣніи и на слишкомъ буквальномъ толкованіи нѣкоторыхъ выраженій основателей славянофильства. Не отрицаемъ, что, дѣйствительно, въ сочиненіяхъ, между прочимъ, и Константина Сергѣевича мы иной разъ наталкиваемся на подчеркиваніе „общечеловѣческихъ" чертъ русскаго духа. Такъ читатель, вѣроятно, вспомнитъ приведенную нами на стр. 437 цитату изъ изслѣдованія Константина Сергѣевича о русскихъ глаголахъ, гдѣ авторъ такъ опредѣленно говоритъ: „Кто изъ насъ станетъ отвергать общее, человѣческое?" Вспомнитъ, вѣроятно, также читатель диссертацію о Ломоносовѣ, основное стремленіе которой, съ одной стороны, заключается въ томъ, чтобы подсмотрѣть въ русской исторіи фазисы, установленные Гегелемъ для всего человѣчества, а съ другой, въ томъ, чтобы пропѣть восторженный диѳирамбъ Петру за освобожденіе Россіи отъ „*оковъ исключительной національности*". Правда, читатель можетъ припомнить и то, что диссертація о Ломоносовѣ не выражаетъ собою *настоящаго* Константина Аксакова, какимъ онъ

былъ въ періодъ окончательнаго развитія своего міровоззрѣнія. Но мы въ данномъ случаѣ придемъ на помощь людямъ, протестующимъ противъ „навязыванія“ славянофиламъ стремленія къ національной исключительности, и укажемъ на рецензію Константина Сергѣевича о I томѣ исторіи Соловьева, въ которой авторъ, прямо отрекаясь отъ прежняго восторженнаго отношенія къ Петру, съ неменьшимъ, однако, восторгомъ подчеркиваетъ, что національная исключительность чужда и ненавистна русскому народу.

Только-что указаннаго было бы совершенно достаточно, чтобы перестать считать ученіе о богоизбранности русскаго народа характерною чертою міровоззрѣнія Константина Аксакова. Въ особенности убѣдительно то, что и въ періодъ своего фанатическаго увлеченія реформами Петра, и въ періодъ еще болѣе фанатической ненависти къ нимъ онъ, подходя къ предмету съ діаметрально-противоположныхъ отправныхъ точекъ, тѣмъ не менѣе одинаково отрицательно относился къ національной исключительности.

Все это на первый взглядъ отрицательное отношеніе однако же только кажущееся, и при сколько-нибудь пристальномъ анализѣ именно тѣ-то самыя немногія мѣста произведеній Константина Аксакова, гдѣ говорится объ общечеловѣческихъ сторонахъ русскаго духа, только увеличиваютъ число посылокъ, на которыхъ покоится теорія богоизбранности русскаго народа. Начнемъ хотя бы съ цитаты, приведенной на стр. 437 настоящаго тома. Что тамъ говорится непосредственно послѣ словъ „Кто изъ насъ станетъ отвергать общее, человѣческое?“:

„Русскій народъ самъ имѣетъ на него (общечеловѣческое) прямое право, а не черезъ посредство какого-нибудь народа; оно самобытно и самостоятельно принадлежитъ ему, какъ и другимъ? Можетъ быть *ему болѣе, нежели другимъ, и можетъ быть міръ не видалъ еще того общаго человѣческаго, какое явитъ великая славянская, и именно русская* природа“.

Это ли не провозглашеніе богоизбранности русскаго народа, это ли не превращеніе общечеловѣческихъ сторонъ русской духовной природы въ средство показать, что русскій народъ духовно выше, духовно совершеннѣе другихъ народовъ?

Въ такое же прославленіе *спеціально русскому народу* присущихъ доблестей неожиданно превращается, первоначально вытекшее изъ другого источника, желаніе Константина Аксакова показать, что національная исключительность чужда русскому духовному складу. Восторженное одобреніе этой чертѣ русской народной психологіи, высказанное Константиномъ Сергѣевичемъ въ вышеупомянутой рецензіи на I томъ исторіи Соловьева, конечно, исключило бы, какъ

мы уже сказали, возможность видѣть въ нашемъ писателѣ провозвѣстника идеи богоизбранности русскаго народа. Но въ томъ-то и дѣло, что идея русскаго превосходства такъ переполняетъ его, желаніе видѣть въ народѣ русскомъ избранный сосудъ Господень такъ велико, что, начавши, такъ сказать, за упокой, онъ кончаетъ во здравіе, начавши съ аплодированія идеѣ общности народовъ, онъ незамѣтно для самого себя переходитъ на почву преимуществъ русскаго народа передъ другими. „Исключительности національной не было никогда въ допетровской Россіи“, читаемъ мы сперва, и вслѣдъ за этимъ идутъ историческія доказательства. „Духъ нашего народа есть христіанской-человѣческій“, провозглашаетъ на слѣдующей страницѣ Константинъ Сергѣевичъ, идя въ томъ же направленіи. Но вотъ въ одинъ моментъ вся постановка вопроса совершенно мѣняется и мы читаемъ слѣдующія слова, направленныя противъ гордыни европейскихъ народовъ, но на самомъ дѣлѣ обличающія національную гордыню ихъ автора:

„И теперь ни къ нѣмцамъ, ни къ полякамъ, въ простомъ народѣ нѣтъ никакой ненависти. *Но этотъ высокій христіанскій взглядъ нашего народа былъ недоступенъ народамъ другимъ*, гордымъ народамъ Запада, которые только теперь, и то въ избранныхъ своихъ, въ нѣкоторыхъ сословіяхъ, дошли до человѣческаго взгляда русскаго народа, да и то больше какъ космополиты,—слѣдовательно, впали въ новую ошибку“.

Опять, значитъ, русскій народъ выше всѣхъ, опять онъ исключительное вмѣстилище нравственныхъ началъ.

Такъ вотъ къ чему сводятся два, три мѣста въ произведеніяхъ Констант. Аксакова, которыя на первый взглядъ какъ будто противорѣчатъ нашему формулированію центральной идеи его учено-литературной дѣятельности. На диссертаціи о Ломоносовѣ мы, конечно, не останавливаемся, но читатель, достаточно ознакомленный выше съ тѣмъ, какъ нужно смотрѣть на эту послѣднюю отрыжку гегеліанства юныхъ дней Констант. Сергѣевича, не увидитъ тутъ упущенія съ нашей стороны.

А теперь, по слѣ того, какъ мы устранили тѣ немногія препятствія, которыя могли бы помѣшать нашей формулировкѣ, наша задача становится до-нельзя простою. Изъ отдѣльныхъ формулировокъ Аксакова можно составить цѣлую хрестоматію, цѣлую мозаику цитатъ, настолько рѣзкихъ и опредѣленныхъ, что одно приведеніе ихъ, безъ всякихъ комментаріевъ, ярко обрисовываетъ идею русской богоизбранности.

Оставляетъ ли, напр., какія-нибудь сомнѣнія такая фраза: „*Русская Исторія имѣетъ значеніе Всемірной Исповѣди. Она можетъ читаться, какъ житія святыхъ*“ (стр. 625).

Спѣшимъ прибавить, что, настаивая на терминѣ „богоизбранность", мы въ данномъ случаѣ просимъ его понимать отнюдь не въ переносномъ смыслѣ, а непремѣнно въ буквальномъ. Да, по глубокому убѣжденію Константина Аксакова, Господь Богъ, въ своей неисчерпаемой благости, взыскалъ Россію своею особенною милостію и въ награду за его *смиреніе* поставилъ русскій народъ превыше всѣхъ буйныхъ и кичливыхъ своею суетною мудростью народовъ Запада.

Съ мыслями Конст. Сергѣевича о смиреніи русскаго народа мы бы, собственно говоря, должны были ознакомить читателя выше, въ томъ отдѣлѣ, гдѣ шла рѣчь о доблестяхъ древне-русскихъ по представленіямъ нашего писателя. Но ученіе о русскомъ смиреніи такъ тѣсно переплетено у Константина Аксакова съ ученіемъ о русской богоизбранности, что ихъ трудно разсматривать отдѣльно. Одно другое дополняетъ и одно изъ другого вытекаетъ.

„Русская исторія", читаемъ мы на стр. 18 (т. I), „въ сравненіи съ исторіей Запада Европы отличается такою простотою, что приведетъ въ отчаяніе человѣка, привыкшаго къ театральнымъ выходкамъ. Русскій народъ не любитъ становиться въ красивыя позы; въ его исторіи вы не встрѣтите ни одной позы, ни одного красиваго эффекта, ни одного яркаго наряда, какими поражаетъ и увлекаетъ васъ исторія Запада; личность въ русской исторіи играетъ вовсе не большую роль; принадлежность личности—необходимо гордость, а гордости и всей обольстительной красоты ея—и нѣтъ у насъ. Нѣтъ рыцарства съ его кровавыми доблестями, ни безчеловѣчной религіозной пропаганды, ни крестовыхъ походовъ, ни вообще этого безпрестаннаго, щегольского драматизма страстей".

Въ приведенныхъ покамѣстъ словахъ нѣтъ еще ничего специфически славянофильскаго. Рѣчь идетъ о той составляющей основу русскаго національнаго характера симпатичной простотѣ и безыскусственности, предъ которыми западничество преклоняется не меньше славянофильства. Кто рѣзче Тургенева въ „Запискахъ Охотника" оттѣнилъ полное отсутствіе въ коренномъ русскомъ человѣкѣ рисовки и театральности?

Но простое уваженіе къ этой чертѣ русскаго характера не удовлетворяетъ Константина Аксакова. И вотъ создается знаменитая теорія русскаго „смиренія", которою такъ грубо злоупотребляли люди, ничего общаго не имѣвшіе съ высотою помысловъ и чистотою намѣреній восторженнаго славянофила, но отлично понявшіе, что „смиреніе"—удивительно удобная почва для проповѣди застоя и китайщины.

Обрисовавъ „театральный" характеръ западной исторіи, Константинъ Сергѣевичъ переходитъ къ исторіи русской:

„Русская исторія—явленіе совсѣмъ иное. Дѣло въ томъ, что здѣсь другую задачу задалъ себѣ народъ на землѣ, что христіанское ученіе глубоко легло въ основаніе его жизни. Отсюда, среди бурь и волненій,

насъ посѣщавшихъ, эта молитвенная тишина и смиреніе, отсюда внутренняя духовная жизнь вѣры. Не отъ недостатка силъ и духа, не отъ недостатка мужества возникаетъ такое кроткое явленіе! Народъ русскій, когда бывалъ вынужденъ обстоятельствами явить свои силы, обнаруживалъ ихъ въ такой степени, что гордые и знаменитые храбростію народы, эти лихіе бойцы человѣчества, падали въ прахъ предъ нимъ, смиреннымъ и тутъ же, въ минуту побѣды, дающимъ пощаду. Смиреніе, въ настоящемъ смыслѣ, несравненно большая и высшая сила духа, чѣмъ всякая гордая, безстрашная доблесть. Вотъ съ какой стороны, со стороны христіанскаго смиренія, надо смотрѣть на Русскій народъ и его исторію. *Въ такомъ народѣ не прославляется человѣкъ съ его дѣлами, прославляется одинъ Богъ.* Чтобы въ этомъ увѣриться, стоитъ только припомнить нашу исторію. Русскіе одерживаютъ невѣроятную побѣду; и, говоря о ней безъ всякаго слова похвалы или гордости, приписываютъ ее помощи Божіей: не чувство побѣднаго тріумфа одушевляетъ ихъ, а чувство благодарности къ Богу. Налетаютъ татары или поляки,—народъ говоритъ: это за грѣхи наши, мы прогнѣвали Господа—кается и выходитъ на неизбѣжную брань. Побѣждены татары, взята Казань, разбиты рыцари, освобождена Москва—Русскій народъ не ставитъ памятниковъ ни дѣлу, ни человѣку, а строитъ церкви и учреждаетъ крестные ходы. Скажемъ здѣсь кстати о Русскомъ народѣ, что до христіанства онъ былъ уже добрая почва, и что слово Божіе, упавшее на него, какъ на добрую почву, возросло во благѣ. Поэтому (согласно и съ духомъ Русскаго народа, согласно и съ вѣчными началами Вѣры, которыми по благости Божіей былъ онъ просвѣщенъ) исполнена такой глубокой простоты Русская исторія; поэтому не встрѣтите вы въ ней ни одной этой красивой лжи, которая заставляетъ человѣка любоваться собою въ своемъ собственномъ порывѣ, говорить фразы, щеголять нарядомъ тѣла и души. Въ Русскомъ мірѣ нѣтъ ничего гордаго, ничего блестящаго, ни единаго эффекта. Все просто. Слово скупо; вы встрѣтите его столько, сколько нужно для дѣла, скорѣе даже менѣе, чѣмъ нужно для дѣла. Совершаются великія дѣла—безъ щегольства и хвастливости. Собирается Земская Дума или Соборъ безъ всякихъ театральныхъ обстановокъ, а просто для дѣла. Идутъ освобождать Москву, зовутъ другъ друга на общій подвигъ, искренно и просто. И все кажется некрасиво и невидно для неглубокаго взгляда—тому, кто не замѣтитъ великости смиренія и внутренней силы, для того нужной. А кто замѣтитъ, кто увидитъ его, передъ тѣмъ поблѣднѣютъ всѣ иллюстрированныя картинки, которыми такъ богаты исторіи другихъ народовъ. Въ самомъ дѣлѣ, какая можетъ тамъ быть красивость и блескъ, гдѣ нѣтъ поклоненія человѣку, гдѣ человѣкъ не любуется самъ собой, гдѣ онъ, христіанинъ, постоянно сознаетъ себя грѣховнымъ и недостойнымъ и смиряется, молясь, передъ Богомъ. Здѣсь высшая духовная красота, не многимъ понятная. Но Русскій народъ не впалъ и въ другую гордость, въ гордость Вѣрою, т. е. онъ не возгордился тѣмъ, что онъ имѣетъ Вѣру. Нѣтъ, это народъ христіанскій въ настоящемъ смыслѣ этого слова, постоянно чувствующій свою грѣховность. *Исторія Русскаго народа есть собственная во всемъ мірѣ исторія народа христіанскаго не только по исповѣданію но по жизни своей, по крайней мѣрѣ, по стремленію своей жизни*" (т. I, стр. 19).

Курсивъ послѣднихъ словъ принадлежитъ Аксакову. Онъ, значитъ, хотѣлъ, чтобы они особенно запечатлѣлись въ представленіи

читателя, чтобы они особенно крѣпко засѣли въ находящихся „подъ игомъ Запада“ умахъ нашихъ „верхнихъ классовъ“. Болѣе рѣзкой постановки идеи богоизбранности и представить себѣ нельзя. Древне-еврейскіе пророки не говорили въ болѣе восторженныхъ выраженіяхъ о богоизбранности своего народа. А не забудемъ, что древніе евреи были единственнымъ народомъ Востока, дошедшимъ до идеи Единобожія, между тѣмъ какъ Константинъ Аксаковъ строитъ свои параллели не на сравненіяхъ съ язычниками, а на сравненіяхъ съ народами, поклоняющимися тому же Христу, что и русскіе, и притомъ еще просвѣщенными благодатью христіанскаго ученія на много вѣковъ раньше русскаго народа. И вотъ, если принять во вниманіе эту весьма капитальную разницу, то мы неизбѣжно приходимъ къ убѣжденію, что ученіе Константина Аксакова о богоизбранности русскаго народа проникнуто гораздо большею національною исключительностью, чѣмъ то древне-еврейское ученіе о богоизбранности Израиля, которое считается крайнимъ проявленіямъ исключительности и національной гордыни. Не забудемъ также, что библейскіе пророки, говорившіе такъ страстно и восторженно о любви Господа къ Израилю, были столь же страстны въ нападкахъ на недостатки своего народа, на его отступленія отъ шествованія по стезѣ богобоязненности и добродѣтели. Съ устъ же Константина Аксакова слова укоризны не срываются никогда по отношенію къ тому ядру русской націи, которое онъ считаетъ „настоящимъ“ русскимъ народомъ. Онъ безпощаденъ только въ нападкахъ на „оторванную“ отъ „почвы“ интеллигенцію, созданную реформами Петра. О народѣ же допетровскомъ Константинъ Сергѣевичъ можетъ говорить не иначе, какъ съ молитвеннымъ благоговѣніемъ. Правда, послѣ приведеннаго выше курсивомъ утвержденія, что русскій народъ „есть единственный во всемъ мірѣ“ образецъ истинно-христіанскій жизни, Константинъ Сергѣевичъ прибавляетъ:

„Да не подумаютъ, чтобы я считалъ исторію русскую исторіею народа святого! О, я тѣмъ бы нарушилъ и свое мнѣніе о немъ, и святыню его смиренія! Нѣтъ, конечно, это народъ грѣшный: безгрѣшнаго народа быть не можетъ“.

Но вся эта оговорка, противорѣчащая, впрочемъ, выше цитированному афоризму: „Русская исторія читается, какъ житія Святыхъ“ въ концѣ концовъ ведетъ все-таки къ прославленію безпримѣрныхъ качествъ русскаго народа: онъ хотя и

„народъ грѣшный (безгрѣшнаго народа быть не можетъ), но постоянно, какъ христіанинъ, падающій и кающійся—не гордящійся грѣхами своими, не имѣющій именно тѣхъ блестящихъ суетныхъ сторонъ той славы, величанія и гордости земной другихъ народовъ, которыя показываютъ уже

не христіанскій путь. Грѣхъ былъ для русскаго народа всегда грѣхомъ, а не добродѣтелью: онъ въ немъ каялся, а не хвалился имъ. Начало всей его жизни, отъ котораго, по слабости человѣческой, онъ въ поступкахъ и отклонялся иногда, никогда его не отвергая, не переставая къ нему стремиться и сознавая въ такомъ случаѣ себя виновнымъ, — есть Вѣра Православная. Не даромъ Русь зовется Святая Русь" (стр. 20).

Но если духовныя качества русскаго народа такъ высоки, если Святая Русь есть такое безпримѣрное вмѣстилище доблестей и богобоязненности, то какая ей за все это уготована награда? Извѣстно вѣдь, что всякое ученіе о богоизбранности или по крайней мѣрѣ то, съ которымъ мы знакомимся по Ветхому Завѣту, очень краснорѣчиво въ описаніи благъ и милостей, которыми Господь осыпаетъ народы, имъ излюбленные особо.

По отношенію къ ученію Константина Аксакова, казалось бы съ перваго раза, что эта награда должна быть исключительно духовная. Онъ такъ часто подчеркиваетъ противоположность между спеціально-нравственнымъ духовнымъ складомъ народа русскаго и грубо-матеріальнымъ другихъ народовъ, что казалось бы, что и награду русскому народу за его смиреніе и шествованіе по стезѣ добродѣтели онъ долженъ былъ видѣть въ какихъ-нибудь исключительно-духовныхъ благахъ.

Къ удивленію оно не такъ. Восторженный апологетъ русскаго смиренія, беззавѣтнаго служенія истинѣ и безкорыстнаго духовнаго совершенствованія съ тѣмъ же паѳосомъ, съ которымъ древне-еврейскіе пророки говорили о роскошныхъ пажитяхъ и виноградникахъ Израиля, рисуетъ такую картину *матеріальнаго* могущества Россіи:

„И Господь *возвеличилъ* смиренную Русь. Вынуждаемая своими драчливыми сосѣдями и пришельцами къ отчаянной борьбѣ, она *повалила* (sic) ихъ всѣхъ одного за другимъ. Ей дался просторъ на землѣ. Въ трехъ частяхъ свѣта ея владѣнія, седьмая часть земного шара принадлежитъ ей одной. Въ ея предѣлахъ невыносимое знойное лѣто и невыносимая вѣчная зима; въ ея предѣлахъ солнце восходитъ на одномъ концѣ и заходитъ на другомъ въ одно и то же время. И вотъ гордая Европа, всегда презиравшая Русь, презиравшая и не понимавшая ея духовной силы, увидѣла страшное могущество силы матеріальной, и для нея понятной (sic), — и снѣдаемая ненавистью, въ какомъ-то тайномъ ужасѣ, смотритъ она на это страшное, полное жизни, тѣло, души котораго понять не можетъ".

Всего поразительнѣе, конечно, въ этой тирадѣ то, что въ ней говорится о территоріальномъ расширеніи Россіи, которое, какъ извѣстно, главнымъ образомъ, происходило при Петрѣ и его преемникахъ, т. е. въ тотъ ненавистный Константину Сергѣевичу *петербургскій* періодъ, когда по ученію славянофиловъ истинно-русскія начала были попраны и тлетворныя вліянія Запада исказили характеръ русской государственной жизни.

Намъ остается теперь, чтобы покончить съ ученіемъ Константина Аксакова о богоизбранности русскаго народа, указать на одну изъ наиболѣе характеристичныхъ особенностей этого ученія, которую мы, при всемъ нашемъ желаніи остаться въ предѣлахъ строгой объективности, рѣшаемся назвать одной изъ самыхъ темныхъ сторонъ міровоззрѣнія Константина Сергѣевича. Мы говоримъ о его фанатической ненависти къ Западу, о его ничѣмъ не оправдываемомъ стремленіи *для вящшаго прославленія русскаго народа унижать и поносить другіе народы цивилизованнаго міра*. Хотимъ надѣяться, что читатели настоящей статьи не упрекнутъ насъ въ проявленіяхъ партійнаго чувства. Принадлежа къ другому лагерю, мы все-таки съ искреннимъ уваженіемъ комментировали экзальтированный патріотизмъ Константина Сергѣевича, потому что видѣли его источникъ въ *обиліи любви* и въ богатствѣ энтузіазмомъ, т. е. въ такихъ чувствахъ, которыя могутъ привести къ ложнымъ и невѣрнымъ выводамъ, но всегда согрѣваютъ сердце читателя возвышенностью своего полета и потому будятъ въ немъ хорошіе инстинкты. Константинъ Сергѣевичъ, напр., выставляетъ древне-русскую жизнь въ такомъ идеальномъ свѣтѣ, который имѣетъ весьма мало общаго съ трезвою правдою другихъ болѣе хладнокровныхъ и менѣе одностороннихъ изслѣдователей нашего прошлаго. Мы поэтому несогласны съ Константиномъ Сергѣевичемъ *умомъ*. *Сердцемъ* же чувствуешь невольную симпатію къ такой удивительной любви и преданности. Константинъ Аксаковъ затѣмъ неоднократно протестуетъ противъ нѣмецкой духовной опеки и нѣмецкихъ взглядовъ на русскую жизнь. Можно, опять-таки, не соглашаться съ вредоносностью нѣмецкой опеки и указать на длиннѣйшій рядъ явленій русской духовной жизни, когда нѣмцы и русскіе, воспитанные на нѣмецкихъ воззрѣніяхъ, являлись истинными благодѣтелями русскаго народа, разсѣевая мракъ окружавшаго его невѣжества и внося блага духовнаго совершенства въ грубость первобытныхъ нравовъ. Но все-таки стремленіе къ самостоятельности и нежеланіе быть подъ опекою—чувства самыя законныя, и мы не имѣетъ никакого права ставить ихъ кому бы то ни было въ укоръ. Наконецъ, можно даже простить Константину Сергѣевичу его провозглашеніе идеи русской богоизбранности, пока она покоится только на отыскиваніи у русскаго народа совершенно безпримѣрныхъ добродѣтелей. Это идея, конечно, совершенно нелѣпая, потому что всѣ люди и народы равны предъ Богомъ, и только младенчествующая мысль можетъ серьезно предаваться подобнымъ наивнымъ иллюзіямъ. Несомнѣнно шокируетъ также грубая хвастня объемомъ и силою „повалившаго" своихъ супротивниковъ кулака русскаго, хвастня—болѣе достойная охтиорядскихъ молодцевъ, не-

жели такого возвышеннаго идеалиста, какъ Константинъ Сергѣевичъ. И все-таки, въ общемъ, идея русской богоизбранности не оскорбляетъ нравственнаго чувства, потому что источникъ ея, повторяемъ, есть *обиліе любви*, переполняющей духовное существо Константина Аксакова, т. е. такой источникъ, о которомъ всегда можно сказать: лучше больше, чѣмъ меньше.

Но дѣло принимаетъ совсѣмъ другую окраску, разъ Константинъ Сергѣевичъ изъ человѣка, защищающаго величіе своей родины отъ высокомѣрнаго презрѣнія къ ней заправскихъ и домашнихъ европейцевъ, самъ превращается въ фанатическаго ругателя всего европейскаго. Тутъ уже, значитъ, не любовь является подкладкою, а *вражда*, и вражда, къ тому же, совершенно ненужная для тѣхъ цѣлей, къ которымъ стремится Константинъ Аксаковъ. Если ему хочется непремѣнно доказать, что „Россія—земля совершенно самобытная, вовсе не похожая на европейскія государства и страны“ и что „очень ошибаются тѣ, которые прилагаютъ къ ней европейскія воззрѣнія и на основаніи ихъ судятъ о ней“ (стр. 7), то для доказательства этой мысли было бы достаточно установить *разницу* между Россіею и Европою и ихъ взаимную противоположность, а не было рѣшительно никакой надобности поносить Европу. Зачѣмъ было затемнять такое свѣтлое и возвышенное чувство, какъ патріотизмъ, человѣконенавистничествомъ, зачѣмъ было поддаваться такому нехристіанскому побужденію, какъ униженіе ближняго?

А сильно и стремительно было это побужденіе. Просто до смѣшного доходила у Константина Аксакова вражда къ Западу. Чего, чего только не приписывалъ онъ ему!

Ужасно прошлое Запада:

„Въ основаніи государства западнаго лежало: *насиліе, рабство и вражда*“ (курсивы К. А.) и „если тамъ и была тишина, какъ явленіе, въ основѣ все-таки лежала вражда“ (стр. 8). Въ то время, какъ „благодать сошла на Русь и Православная Вѣра была принята ею, Западъ пошелъ по дорогѣ католицизма. Страшно въ такомъ дѣлѣ говорить свое мнѣніе, но если мы не ошибаемся, то скажемъ, что по заслугамъ дался и истинный, дался и ложный путь Вѣры: первый—Руси, второй—Западу“ (стр. 9). Пошедши по ложному пути, Западъ являетъ „страшныя преступленія, превосходящее всякую мѣру звѣрство, предательство, всевозможныя гнусности“. Правда, Константинъ Сергѣевичъ не можетъ отрицать того, что и въ „русской исторіи встрѣчаются преступленія, но они лишены этого страшнаго, нечеловѣческаго характера, по которому человѣкъ становится въ разрядъ животныхъ, какъ новый, совершеннѣйшій видъ его, и которымъ отличаются кровавыя дѣла Запада“ (стр. 22).

Немногимъ лучше прошлаго Запада его настоящее:

„Западъ весь проникнутъ ложью внутренней, фразой и эффектомъ: онъ постоянно хлопочетъ о красивой позѣ, картинномъ положеніи. Картинка для него все. Покуда онъ былъ молодъ, картинка еще была хороша и красива сама по себѣ; красивъ былъ рыцарь въ желѣзныхъ латахъ, красивъ былъ хитрый, безжалостный монахъ; красивы были художники XV столѣтія. Но когда молодость его прошла, когда исчезли кипящія силы жизни, и осталась одна только картинка, одна фраза, даже безъ пылкости юношеской, тогда это становится въ высшей степени жалкимъ и—сказать ли?—*отвратительнымъ явленіемъ*. Таковъ Западъ теперь въ своихъ смутахъ, безъ всякой внутренней жизни, даже безъ кипѣнія крови. Таковы теперешнія его борьбы и волненія, волненія борьбы безъ малѣйшаго убѣжденія, безъ малѣйшей искренности, безъ малѣйшаго увлеченія, совершающіяся въ страшной апатіи, вялыя, несмотря на напряженность. Скука и безучастіе, отсутствіе энергіи во всѣхъ кровопролитіяхъ и смятеніяхъ. Старческія мечты Запада, мечты, лишенныя своей единственной правды, кипѣнія молодой крови, мечты, которыми разгорячалъ онъ себя такъ долгое время, подѣйствовали на него, какъ раздражительное средство и привели въ механическое движеніе его ослабшій организмъ. Если нѣтъ духа, то нѣтъ и истинной жизни“ (т. I, стр. 22).

И такъ-таки ни *единой свѣтлой точки* не усматриваетъ грозный обвинитель въ духовной и государственной жизни „одряхлѣвшаго“ Запада. Что тутъ, впрочемъ, эта „дряхлость“ ни при чемъ, видно изъ того, что и молодая Америка весьма мало симпатична нашему пламенному ненавистнику всего непохожаго на Россію и русскіе порядки. У него даже хватаетъ ослѣпленія усматривать неполноту въ американской гражданской свободѣ:

„Въ Соединенныхъ Штатахъ вмѣсто живого народа государственная машина изъ людей. Отношенія тамъ становятся политическими: миръ и спокойствіе основаны не на любви, а на взаимной выгодѣ. Какъ ни блестящъ внѣшній порядокъ, но блескъ его наружный; какъ ни строенъ онъ кажется но это строй машины, какъ ни кажется онъ свободенъ, но это свобода—личный взаимно-ограниченный произволъ. *Нѣтъ, свобода не тамъ*“ (стр. 58)

Гдѣ же истинная свобода?—полюбопытствуетъ читатель.—Въ Россіи,—не шутя отвѣчаетъ Аксаковъ,—„идѣ же духъ Господень“.

Нужно ли серьезно доказывать *умственную* несостоятельность этого удивительнаго отношенія ко всему западному? Неужели кто-либо повѣритъ Аксакову, хотя бы на единую минуту, что ничего, кромѣ „нечеловѣческаго звѣрства“ въ прошломъ и „лжи“ въ настоящемъ, нельзя усмотрѣть въ ходѣ европейской исторіи, неужели „ложью“ объясняется реформація, о которой почему-то ни единымъ словомъ не упоминаетъ нашъ прокуроръ, такъ что можно подумать, что все человѣчество исповѣдуетъ католичество? Неужели въ Шиллеровскомъ „Донъ-Карлосѣ“ можно видѣть однѣ только „старческія мечты, лишенныя кипѣнія молодой крови“, неужели „безъ малѣйшей искренности“ дѣйствовали пуритане, ушедшіе въ Новую Англію,

неужели отъ „скуки и безучастія“ горѣли на кострахъ и сгнивали въ тюрьмахъ Джордано Бруно, Галилей, итальянскіе патріоты и сотни имъ подобныхъ мучениковъ стремленія къ истинѣ, нравственному совершенству и духовной красотѣ? Неужели, наконецъ, „ослабшій организмъ“ можетъ породить такое могучее литературное, научное и художественное движеніе, которымъ ознаменована европейская духовная жизнь послѣднихъ трехъ столѣтій, и неужели этого движенія долженъ чураться всякій „настоящій“ русскій человѣкъ?

Нѣтъ, впрочемъ, никакой охоты продолжать опроверженіе и серьезно доказывать умственную несостоятельность совершенно непонятнаго по своей парадоксальности отношенія Константина Аксакова къ Западу. Это отношеніе достаточно дискредитируетъ уже одна огульность его и исключительное употребленіе чернѣйшей краски, благодаря чему, вмѣсто картины съ разнообразными деталями, получается сплошное мрачное пятно, ни о чемъ не дающее понятія.

Но намъ въ данномъ случаѣ было бы интересно выяснить вотъ какія двѣ вещи: во-первыхъ, изолированность фанатической ненависти Константина Сергѣевича даже къ средѣ славянофильства и, во-вторыхъ, *нравственную несостоятельность ея*.

Съ обычною своею необузданностью, съ обычною односторонностью своей незнающей удержу, какъ въ симпатіяхъ, такъ и въ антипатіяхъ страстной натуры, Константинъ Аксаковъ, не взлюбивъ Западъ, быстро дошелъ до Геркулесовыхъ столбовъ національной розни. Дурное отношеніе къ Западу не есть что-либо спеціально Константину Аксакову принадлежащее. Но никто изъ другихъ славянофиловъ не доходилъ все-таки до такихъ крайностей, какъ Константинъ Аксаковъ. Современное „гніеніе“ Запада не мѣшало имъ, однако, признавать хоть огромныя *историческія* заслуги не-русской Европы предъ человѣчествомъ, и Хомяковъ, напр., говорилъ о Западѣ не иначе, какъ о

. . . . . странѣ святыхъ чудесъ.

А затѣмъ, что касается даже современнаго состоянія европейскихъ народовъ, то, усматривая въ немъ начала разложенія, большинство славянофиловъ не думало, однако, отрицать значеніе такихъ, напр., свѣтлыхъ явленій, какъ быстрый прогрессъ европейской науки и высокій уровень европейской литературы и искусства. Конечно, нельзя сомнѣваться ни единой минуты въ томъ, что если бы къ Константину Аксакову приступить съ категорическимъ запросомъ относительно европейской науки, онъ бы не причислилъ ее къ „отвратительнымъ зрѣлищамъ“. Но тѣмъ непростительнѣе, значитъ, огульность его характеристики.

Однако же мы все еще стоимъ на почвѣ фактической невѣрности характеристики Запада, сдѣланной Константиномъ Аксаковымъ, т. е. на умственной несостоятельности ея, слишкомъ уже очевидной. Между тѣмъ гораздо любопытнѣе подчеркнуть нравственную несостоятельность фанатической ненависти Константина Сергѣевича, несостоятельность, которая не отпадаетъ, *если даже стать на славянофильскую точку зрѣнія*. Чѣмъ, въ самомъ дѣлѣ, болѣе всего гордится славянофильство? Если при столкновеніи съ вопросами практической жизни славянофилы сплошь да рядомъ становились за сильнаго противъ слабаго, сплошь да рядомъ симпатизировали тенденціямъ застоя и сплошь да рядомъ оказывали поддержку идеямъ человѣконенавистничества, то все-таки въ теоріи славянофильство всегда было искренно воодушевлено совсѣмъ иными стремленіями и убѣжденно писало на своемъ знамени: миръ, любовь, гармонія. Мы въ этомъ могли убѣдиться изъ ознакомленія и съ идеями Константина Сергѣевича. Его стремленія превратить древнюю Русь въ какую то Аркадію, гдѣ „въ основаніи лежали: *добровольность, свобода и миръ*“ (курсивы автора), его пламенная любовь къ общинному началу, его преклоненіе предъ русскимъ смиреніемъ и кротостью, все это можетъ быть недостаточно фактически обосновано, но все это проникнуто свѣтомъ духовной красоты и согрѣто самыми лучшими намѣреніями. Но въ томъ, что говоритъ Константинъ Аксаковъ о Западѣ, и добрыхъ намѣреній нѣтъ. Слова его дышутъ только ненавистью и слѣпымъ озлобленіемъ, они проникнуты только враждою и безцѣльнымъ униженіемъ всего, что не есть русское. И вотъ почему мы придаемъ такое значеніе нашему замѣчанію. Оно оттѣняетъ крупное противорѣчіе въ системѣ міровоззрѣнія разсматриваемаго нами писателя и выясняетъ въ немъ детали, столь же смѣшныя, сколько и антипатичныя. Единственнымъ смягчающимъ обстоятельствомъ въ данномъ случаѣ можетъ служить то, что страстныя филиппики Константина Сергѣевича писались въ самый разгаръ партійной полемики. Въ тѣ времена національное самосознаніе было такъ мало развито и въ обществѣ, и въ литературѣ, полное поклоненіе Западу въ ущербъ всему русскому было такимъ общимъ явленіемъ, что было дѣйствительно, съ чего озлобиться и изъ чувства протеста начать гнуть въ діаметрально-противоположную сторону.

Закончимъ нашъ обзоръ литературной дѣятельности Константина Аксакова нѣсколькими замѣчаніями о *непосредственно*-публицистическихъ сторонахъ ея. Подчеркиваемъ слово „непосредственно“, потому что, какъ мы уже имѣли случай не одинъ разъ сказать, все, что когда-либо писалъ Константинъ Сергѣевичъ, представляетъ собою и по на-

мѣреніямъ, и по способу исполненія публицистику чистѣйшей воды. Говоритъ ли онъ о призваніи Варяговъ, характеризуетъ ли подвиги Ильи Муромца, объясняетъ ли значеніе суфикса *s*, знакомитъ ли читателя съ языкомъ Ломоносова, обозрѣваетъ ли современную литературу, наконецъ, сочиняетъ ли стихи и драмы—все это онъ дѣлаетъ только затѣмъ, чтобы обосновать тезисы своей общественно-политической программы. И желаніе это настолько ясно сквозитъ въ каждой строкѣ, что вы изъ чтенія по виду „историческихъ", „критическихъ", „филологическихъ" и „беллетристическихъ" произведеній Константина Аксакова выносите совершенно опредѣленное представленіе объ общественно-политическихъ идеалахъ автора. Вотъ почему изъ непосредственно-публицистическихъ страницъ сочиненій Константина Сергѣевича, т. е. тѣхъ, гдѣ не намеками и общимъ смысломъ, а прямо и опредѣленно авторъ говоритъ о своихъ общественныхъ идеалахъ, мы не узнаемъ ничего новаго. И если мы нѣсколько остановимся на этихъ непосредственно-публицистическихъ сторонахъ литературной дѣятельности Константина Аксакова, то только затѣмъ, чтобы рельефнѣе формулировать основные пункты его общественно-политическаго міросозерцанія.

Во главѣ ихъ, конечно, слѣдуетъ поставить требованіе „*самобытности*".

Лучшая страна въ мірѣ, обитаемая единственнымъ во всемъ свѣтѣ истинно-христіанскимъ народомъ, исповѣдующая лучшую религію, имѣющая лучшій образъ правленія, само собою разумѣется, не должна быть разсматриваема съ точки зрѣнія „европейскихъ шаблоновъ". Все въ ней, не исключая даже такой нейтральной области, какъ наука, должно быть строго-самобытно, должно въ точности соотвѣтствовать тѣмъ исконнимъ началамъ русскаго духа, которыя, по мнѣнію Аксакова, пронесены русскимъ народомъ во всей ихъ неприкосновенности чрезъ все тысячелѣтнее историческое существованіе его.

„Надо воротиться къ началамъ родной земли, путь Запада ложенъ, постыдно подражаніе ему, Русскимъ надо быть Русскими, идти путемъ Русскимъ, путемъ вѣры, смиренія, жизни внутренней, надо возвратить самый образъ жизни, во всѣхъ его подробностяхъ, на началахъ этихъ основанный, и слѣдовательно, *надо освободиться совершенно отъ Запада, какъ отъ его началъ, такъ и отъ направленія, отъ образа жизни, отъ языка, отъ одежды, отъ привычекъ, обычаевъ его*, именно отъ этого свѣта и свѣтскости, вошедшихъ къ намъ, однимъ словомъ, отъ *всего, что запечатлѣно печатію его духа, что вытекаетъ даже какъ малѣйшій результатъ* изъ его направленія" (т. I, стр. 24).

Вотъ какъ понималъ Константинъ Сергѣевичъ самобытность. Дальше идти въ этомъ направленіи уже, конечно, нельзя.

Но приглядимся еще разъ, чѣмъ обусловливаетъ Константинъ

Аксаковъ свое требованіе самобытности. Такое требованіе самобытности можетъ вытекать изъ очень различныхъ источниковъ. Извѣстно, напр., что есть воззрѣніе, всего менѣе восторгающееся русскими порядками, но полагающее, вмѣстѣ съ тѣмъ, что мы еще не „доросли" до Европы и потому должны пробавляться своими „самобытными" общественно-политическими учрежденіями. Есть затѣмъ воззрѣніе, полагающее, что на свѣтѣ нѣтъ ничего абсолютнаго, и въ томъ числѣ нѣтъ ни абсолютно-хорошаго, ни абсолютно-дурного общественнаго устройства, а есть просто нормы, *соотвѣтствующія* или *несоотвѣтствующія* культурному состоянію того или другого народа и потому желательныя или нежелательныя. Такое воззрѣніе тоже требуетъ самобытности, но руководствуясь принципомъ: что русскому здорово, то нѣмцу смерть, *и наоборотъ*.

Ни подъ одно изъ этихъ воззрѣній не могутъ быть подведены требованія Константина Аксакова. Онъ далеко не потому только добивается торжества русскихъ началъ, что они *свои*, *родныя*, а потому что они *самыя лучшія на свѣтѣ*. И вотъ почему для него не существуетъ простого констатированія историческихъ явленій. Такъ мы уже знаемъ, что Константинъ Сергѣевичъ со свойственною ему настойчивостью указываетъ на исконнее нежеланіе русскаго народа государствовать. Всякій другой историкъ на его мѣстѣ ограничился бы этимъ констатированіемъ. Историкъ-публицистъ, пожалуй, прибавилъ бы къ такому констатированію, что согласно этой чертѣ русскаго народнаго характера должна складываться и современная русская государственная жизнь. По нашему апостолу русской богоизбранности нужно не констатированіе, а непремѣнно апоѳеозъ, и вотъ почему онъ, вслѣдъ за выясненіемъ русскаго отношенія къ государствованію, рѣзко осуждаетъ непохожіе на него государственные порядки Запада. На Западѣ,—говоритъ онъ,—

„внѣшнее начало, законъ, сперва жестокій, почти непремѣнно дѣйствующій при завоеваніи и порабощеніи, долженъ былъ усилиться, развиться и одинъ стать высоко въ глазахъ человѣка. Такъ и случилось. Вопросъ жизни и исторіи былъ рѣшенъ для западныхъ народовъ: государство, учрежденіе (институтъ), централизація, власть внѣшняя стала ихъ идеаломъ; народъ (земля) отказался отъ внутренняго, свободнаго, нравственнаго общественнаго начала и вкусилъ плоды начала внѣшняго, государственнаго; народъ (земля) захотѣлъ государственной власти. Отсюда—революціи, смуты и перевороты, отсюда—насильственный внѣшній путь къ насильственному внѣшнему порядку вещей. Народъ на Западѣ плѣняется идеаломъ государства. Республика есть попытка народа быть самому государствомъ, перейти ему всему въ государство; слѣдовательно, попытка бросить совершенно нравственный, свободный путь, путь внутренней правды, и стать на путь внѣшній, государственный. Самое крайнее выраженіе такой попытки, самое *гибельное* (sic) государствованіе народа видимъ въ Америкѣ, въ Соединенныхъ Штатахъ" (т. I. стр. 57).

Сопровождаемое подобнымъ отношеніемъ ко всему нерусскому, требованіе самобытности уже не есть простое желаніе устраивать свою жизнь по собственному усмотрѣнію. Тутъ уже деспотическое желаніе *подчинить* русскому міросозерцанію міросозерцанія всѣхъ другихъ европейскихъ народовъ и объявить истину исключительною монополіею русскаго духа. Тутъ уже не русскій патріотизмъ, а панруссизмъ, стремящійся устроить все человѣчество по своему образцу.

Не есть ли, напр., доведенный до крайнихъ предѣловъ панруссизмъ другой пунктъ общественно-политической программы Константина Аксакова—его нелюбовь къ писанной конституціи? Только потому, что историческія изслѣдованія выработали въ немъ тотъ взглядъ на роль Земскихъ Соборовъ, который намъ извѣстенъ изъ предыдущаго изложенія, Аксаковъ объявляетъ *противонравственнымъ* учрежденіемъ всѣ существующіе на Западѣ договоры между властью и народомъ.

„Намъ скажутъ", восклицаетъ онъ, „или народъ или власть могутъ измѣнить другъ другу. Гарантія нужна!—Гарантія не нужна! *Гарантія есть зло.* Гдѣ нужна она, тамъ нѣтъ добра, пусть лучше разрушится жизнь, въ которой нѣтъ добраго, чѣмъ стоять съ помощью зла" (стр. 9).

Можно было бы признать извѣстную логическую стройность за этой наивнѣйшей политической маниловщиной, если бы она была редактирована такъ: „*Въ Россіи* не нужны гарантіи". Въ ней заключался бы отвѣтъ русскимъ конституціоналистамъ, она носила бы характеръ опроверженія, основаннаго на провѣркѣ европейскихъ нормъ данными русской дѣйствительности. Но теперь Константинъ Аксаковъ дѣлаетъ какъ разъ то же самое, противъ чего борется. Конституціоналисты считаютъ писанную хартію *всеобщей панацеей*, годной для всѣхъ странъ и народовъ, а Константинъ Сергѣевичъ только всего и дѣлаетъ, что одну *всеобщую* панацею замѣняетъ другою, съ тою, однако, весьма существенною разницею, что противники его основываютъ свои стремленія на опытѣ *многихъ* европейскихъ народовъ, а онъ выводитъ свою государственную теорію изъ наблюденій надъ жизнью *одного* народа.

Теоріи, противъ которыхъ борется Константинъ Аксаковъ, отнюдь не считаютъ свои положенія идеаломъ человѣческаго благоустройства. Онѣ только считаютъ ихъ лучшимъ изъ золъ, обусловленныхъ стремленіемъ сильныхъ подчинить себѣ слабыхъ. Аксаковъ же не знаетъ, какъ достаточно восторгаться русскимъ соотношеніемъ государственныхъ элементовъ. Такимъ образомъ, мы должны прійти къ тому же формулированію публицистическихъ стремленій Конст. Аксакова, къ

которому привело насъ изученіе историческихъ его произведеній: русскій народъ есть носитель спеціально ему одному присущихъ высокихъ доблестей, которыя отводятъ ему особое, высокое и безпримѣрное положеніе во всемірной исторіи, онъ—народъ богоизбранный, и горе тѣмъ народамъ, которые не хотятъ заимствовать у него начала духовной и государственной жизни. Ихъ ждетъ погибель.

Но если все это такъ, если мы, русскіе, такъ безмѣрно возвышаемся надъ гнилымъ Западомъ, то какія проклятія достаточно сильны для тѣхъ „отступниковъ", для тѣхъ „рабовъ" европейскаго просвѣщенія, которые въ умственной слѣпотѣ своей преклонились предъ мишурнымъ блескомъ западной цивилизаціи?

Съ которыхъ поръ идетъ это отступничество?

Съ реформъ Петра и основанія Петербурга, отодвинувшаго на второй планъ настоящую столицу Россіи—Москву. Удивительно ли, что то и другое одинаково ненавистно Константину Сергѣевичу.

Мы уже знаемъ, что отношеніе Аксакова къ реформамъ Петра имѣло два діаметрально-противоположныхъ другъ другу фазиса. Въ первомъ изъ нихъ онъ посвятилъ все обширное предисловіе диссертаціи о Ломоносовѣ прославленію энергическаго стремленія великаго царя „освободить Россію отъ оковъ исключительной національности", во второмъ фазисѣ онъ, со свойственною ему прямотою, заявлялъ, что „напрасно" занимался такимъ прославленіемъ (т. I., стр. 42).

Собственно говоря, взгляды Константина Аксакова на реформы Петра должны были быть разсмотрѣны нами въ обзорѣ историческихъ работъ его. Но дѣло въ томъ, что эти взгляды такъ тѣсно переплетаются съ отношеніемъ нашего писателя къ современной ему жизни, что скорѣе должны быть причислены къ непосредственной публицистикѣ. Аксаковъ всего менѣе считаетъ Петровскую эпоху законченною. Для него она все еще продолжается, онъ съ горечью видитъ, что „обезьяничаніе" въ полномъ ходу, что „измѣна" русскимъ началамъ не прекратилась, и потому-то петровскія реформы для него не тема для историческаго изслѣдованія, а предметъ для негодованія чисто публицистическаго.

Къ тому же Константинъ Аксаковъ въ историческихъ сочиненіяхъ своихъ настолько отрывочно и эпизодически говорилъ о Петрѣ, что наиболѣе цѣльнымъ выраженіемъ его *отрицательныхъ* мнѣній о дѣятельности великаго преобразователя можетъ считаться *стихотвореніе* „Петру", напечатанное впервые въ „Руси" 1881 г. Стихотвореніе всего менѣе блещетъ поэтическими достоинствами, но за-

то оно представляетъ собою какъ бы сводъ славянофильскихъ воззрѣній на реформу Петра и связаннаго съ ними москвофильства. Приводимъ его цѣликомъ:

Великій геній, мужъ кровавый
Вдали на рубежѣ родномъ,
Стоишь ты въ блескѣ страшной славы,
Съ окровавленнымъ топоромъ.
Съ великой мыслью просвѣщенья
Въ своей отчизнѣ ты возникъ
И страшныя подъялъ мученья
И казни страшныя воздвигъ.
Во имя пользы и науки,
Добытой изъ страны чужой,
Не разъ твои могучи руки
Багрились кровію родной.
Ты думалъ,—быстротою взора,
Предупреждая времена,—
Что, кровью политыя, скоро
Взойдутъ науки сѣмена!
И вкругъ она лилась обильно,
И воплямъ Руси не внемля,
Упорство ты сломилъ, о сильный!
И смолкла Русская земля.
И по назначенному слѣду,
Куда ты ей сказалъ: „Иди“!
Она пошла. Ты могъ побѣду
Торжествовать, но погоди!
Ты много снесъ головъ стрѣлецкихъ,
Ты много крѣпкихъ рукъ сломилъ,
Сердецъ ты много молодецкихъ
Ударомъ смерти поразилъ.
Но въ часъ невзгоды удаляся,
Скрывъ право вѣчное свое,
Народа духъ живетъ, таяся,
Храня родное бытіе.
И ждетъ завѣтнаго онъ часа,
И вожделѣнный часъ придетъ,
И снова звукъ родного гласа
Народа волны соберетъ;
И снова вспыхнетъ взоръ отважный
И вновь подвигнется рука,
Порывъ младой и помыслъ важный
Взволнуетъ духъ, нѣмой пока.
Тогда къ желанному предѣлу
Борьба достигнетъ, и конецъ
Положитъ начатому дѣлу,
Достойный, истинный вѣнецъ!
Могучій мужъ, желалъ ты блага,

Ты мысль великую питалъ,
Въ тебѣ и сила, и отвага,
И духъ великій обиталъ.
Но, истребляя зло въ отчизнѣ,
Ты всю отчизну оскорбилъ;
Гоня пороки русской жизни,
Ты жизнь безжалостно давилъ.
На самобытный трудъ стремленье,
Не вызывалъ народъ ты свой,
Въ его не вѣрилъ убѣжденья
И весь закрылъ его собой.
Вся Русь, вся жизнь ея доселѣ,
Тобою презрѣна была,
И на твоемъ великомъ дѣлѣ
Печать проклятія легла.
Отринулъ ты Москву жестоко
И отъ народа ты вдали
Построилъ городъ одинокій!—
Вы вмѣстѣ жить ужь не могли!
Ты граду далъ свое названье,
Лишь о тебѣ гласитъ оно,
И—добровольное сознанье—
На чуждомъ языкѣ дано.
Настало время зла и горя,
И съ чужестранною толпой
Твой градъ, пирующій у моря,
Сталъ Руси тяжкою грозой.
Онъ сокъ народа истощаетъ,
Названный именемъ твоимъ,
Объ Русской онъ землѣ не знаетъ
И духомъ движется чужимъ.
Грѣхъ Руси далъ тебѣ побѣду,
И Русь ты смялъ. Но не всегда
По твоему ей влечься слѣду
Путемъ блестящаго стыда.
Такъ, будетъ время, Русь воспрянетъ,
Разсѣетъ долголѣтній сонъ
И на неправду дружно грянетъ—
Въ неправдѣ подвигъ твой свершенъ!
Народный духъ подниметъ крылья,
Отступниковъ обниметъ страхъ,
Созданья лжи, дѣла насилья
Падутъ, разсыплются во прахъ!
И вновь оправданный судьбою
Возстанетъ къ жизни твой народъ,
Съ своею древнею Москвою—
И жизнь свободный приметъ ходъ.
Все отпадетъ, что было лживо,
Любовь всѣ узы сокрушитъ,
Отчизна зацвѣтетъ счастливо—
И твой народъ тебя проститъ.

Предвозвѣщаемая второю частью стихотворенія, побѣда славянофильскихъ принциповъ составляетъ одну изъ любимыхъ темъ Константина Аксакова, къ которой онъ возвращается весьма часто. Онъ увѣренъ въ грядущемъ торжествѣ своей партіи и потому всегда говоритъ о ней въ мажорномъ тонѣ.

„Наступаетъ борьба", резюмируетъ онъ свой обзоръ „петербургскаго" періода русской исторіи. „Москва начинаетъ и продолжаетъ дѣло нравственнаго освобожденія, поднимаетъ вновь знамя русской самобытности, русской мысли. Въ наше время среди верхнихъ, отъ народа оторванныхъ, классовъ пробуждается сознаніе ложности направленія иностраннаго и стыдъ обезьянства. Русская мысль начинаетъ освобождаться изъ плѣна; вся дѣятельность ея въ Москвѣ и изъ Москвы, и окончаніе долгаго испытанія, а вмѣстѣ и торжество, и возникновеніе истинной Руси и Москвы, кажется, приближается" (стр. 49).

Къ стремленіямъ же противниковъ Константинъ Сергѣевичъ, какъ всякій фанатикъ, конечно, ничего, кромѣ глубочайшей антипатіи, чувствовать не можетъ и, на каждомъ шагу расточая своей партіи самые лестные эпитеты, не находитъ ни одного привѣтливаго слова для западничества. Соотношеніе славянофильства и западничества ему рисуется въ такомъ видѣ:

„Надъ русскимъ простымъ народомъ и надъ его священнымъ миромъ и тишиною, въ обществѣ, Русскимъ началамъ измѣнившемъ, идетъ вражда и борются два направленія. Одно силится поддержать свою неправду—измѣны всему Русскому и покорности западнымъ уставамъ. Другое искренно жаждетъ возстановленія Русскихъ святыхъ началъ Вѣры, Русскаго основного образа жизни, всего Русскаго духа, Русскаго ума и христіанскихъ добродѣтелей, по крайней мѣрѣ въ общемъ дѣлѣ. Съ одной стороны: всякое упорство и желаніе, поблажающее удобной лѣни, остаться безъ труда, подражателями Запада, пользоваться всѣми его политическими благами, повторять за нимъ слова и дѣйствія, и не знать труда самостоятельной жизни; съ другой стороны: добрая надежда и дѣятельное стремленіе возвратиться къ святымъ началамъ Русской жизни. Нужно ли говорить, что такое стремленіе есть право и законное и спасительное?

Зародилось это стремленіе, какъ мы уже знаемъ изъ предыдущей цитаты, въ Москвѣ. Зародилось не случайно. Москва, по мнѣнію славянофиловъ вообще и Константина Аксакова въ частности, имѣетъ своимъ Провиденціальнымъ назначеніемъ быть средоточіемъ русскаго духа. И какъ въ былыя времена не одинъ разъ первопрестольная спасала Россію отъ разныхъ иноземныхъ нашествій, такъ и въ наши дни она выдвинула славянофильство, которое раскрыло „верхнимъ классамъ" тайники русскаго духа. Раскрыло именно потому, что въ Москвѣ эти тайники доступнѣе, явственнѣе, неотразимѣе дѣйствуютъ, чѣмъ въ „Санктпетербургѣ"...

Москвофильство Константина Аксакова должно быть названо однимъ изъ главныхъ устоевъ его міровоззрѣнія, одною изъ существеннѣйшихъ деталей его желанія порвать всякія связи съ послѣпетровскою Россіей. Всего цѣльнѣе это москвофильство, въ видѣ отдѣльныхъ фразъ и изреченій разбросанное по всѣмъ писаніямъ Константина Сергѣевича, выразилось въ статейкѣ „Семисотлѣтіе Москвы", изъ которой и приводимъ наиболѣе существенныя выдержки:

„Москва, безъ сомнѣнія, выразила въ себѣ общее всерусское значеніе, и для насъ во всякомъ случаѣ является она представительницей общей Русской жизни, жизни всей Русской земли, жизни *земской* (собственно народной), говоря словомъ, такъ часто встрѣчающимся въ лѣтописяхъ и грамотахъ, со времени возвышенія Москвы на степень Русской столицы. Были ли довольны князья, или нѣтъ—это по крайней мѣрѣ вопросъ; но народъ былъ доволенъ. Москва выражала собою не власть надъ Русскою землею, но власть Русской земли; и если Москва принимала участіе въ войнахъ и не рѣдко коварныхъ поступкахъ удѣльнаго времени, если она виновата въ томъ, въ чемъ былъ виноватъ каждый городъ Русскій,—то она загладила вину свою, храня святую Русь и терпя за нее, выражая въ себѣ общую всерусскую жизнь. Успѣхъ, ей одной изъ всѣхъ городовъ принадлежащій, основывается на ея общемъ значеніи.

. . . . . .

Въ Москвѣ раздался голосъ Русской земли, зовущій подняться противъ Татаръ; въ нее стеклось и въ ней собралось ополченіе изъ многихъ городовъ Русскихъ; изъ нея пошло оно на Куликово поле. Съ тѣхъ поръ она всегда привлекала на себя удары врага, и самая лютая доля бѣдствій доставалась ей на часть; ей назначалось страданіе за Русскую землю—самое важное неоспоримое ея право и свидѣтельство, что она истинная столица Русская.— Въ нее, при Іоаннѣ IV, созвана была первая *Земская дума* изъ городовъ и вообще изъ земли Русской; Іоаннъ IV, свирѣпый къ боярамъ, но милостивый къ народу и соблюдавшій права его, хранилъ областную жизнь; тому доказательствомъ являются многія его грамоты, напечатанныя въ драгоцѣнныхъ актахъ, изданныхъ Археографическою Комиссіей. Въ свирѣпостяхъ является его личность: въ этомъ же благомъ дѣйствіи духъ Москвы и Руси, что одно. Борисъ, покоряя Сибирь, въ грамотѣ своей писалъ, чтобы спрашивать Остяковъ: какъ имъ лучше. Но всего важнѣе, важнѣе всѣхъ возможныхъ доказательствъ и взысканій, сильнѣе всѣхъ сужденій и теорій — голосъ народа, голосъ Божій, который призналъ Москву своею столицею, назвалъ ее матерью Русскихъ городовъ, корнемъ Русскаго царства и возвѣстилъ къ ней народную любовь.

. . . . . .

Когда Дмитрій Самозванецъ взошелъ на престолъ и хотѣлъ перемѣнить русскую вѣру, хотѣлъ покрыть русскую народность, то дальновидные іезуиты совѣтовали ему оставить Москву, уничтожить ее, какъ столицу, и основать новую столицу: безъ этого, говорили они ему, ты нисколько не успѣешь къ своихъ намѣреніяхъ.

. . . . . .

Въ эпоху междуцарствія сзывали другъ друга на враговъ, сзывали къ Москвѣ; тутъ-то называется она матерью городовъ русскихъ и корнемъ русскаго царства. Вотъ слова одной окружной грамоты: „Будьте съ нами обще за одно, противъ враговъ нашихъ и вашихъ общихъ; помяните одно: только коренью основаніе крѣпко, то и дерево неподвижно: только коренья не будетъ, къ чему прилѣпиться? Здѣсь образъ Божія Матери, вѣчныя заступницы крестьянскія, Богородицы, ея же Евангелистъ Лука написалъ; и великіе свѣтильники и хранители Петръ, Алексѣй и Іона чудотворцы".

До Петра Великаго существовала въ Москвѣ такая перекличка стрѣльцовъ, когда вечеромъ въ 8 или 9 часовъ запирались ворота Кремлевскія:

Близъ собора Успенскаго часовой сторожъ первый начинаетъ протяжно и громогласно, какъ бы на распѣвъ, возглашать: *Пресвятая Богородица, спаси насъ!* Затѣмъ второй въ ближнемъ притинѣ возглашаетъ: *Святые Московскіе Чудотворцы, молите Бога о насъ!* Потомъ 3-й: *Святой Николай Чудотворецъ, моли Бога о насъ!* Потомъ 4-й: *Всѣ Святые, молите Бога о насъ!* 5-й: *Славенъ городъ Москва!* 6-й: *Славенъ городъ Кіевъ!* 7-й: *Славенъ городъ Владиміръ!* 8-й: *Славенъ городъ Суздаль!* и такъ поименуютъ: Ростовъ, Ярославль, Смоленскъ и проч.

Многозначительное свидѣтельство! Въ этой перекличкѣ раздается голосъ Русской земли; слышишь, какъ она сама себя чувствуетъ, сама себя называетъ и сознаетъ въ городахъ своихъ, въ общемъ чувствѣ себя самой, единымъ совершеннымъ цѣлымъ. Въ этомъ непридуманномъ народномъ голосѣ слышишь, что царствующій градъ Москва помнилъ всѣ города Русскіе, всю Русскую землю.

. . . . . .

Но въ 1703 году была основана новая столица, городъ Санктпетербургъ... Какой же послѣ этого удѣлъ Москвы? Имѣетъ ли она еще прежнее значеніе? Въ Петербургъ, какъ извѣстно, было перенесено все управленіе... Прежде нежели станемъ отвѣчать на нашъ вопросъ, взглянемъ на самыя событія съ тѣхъ поръ, какъ Петербургъ сталъ столицею.—Спасенная, соединенная и укрѣпленная Москвою, Россія представляла много силъ, и съ этими силами были ведены войны и завоевывались разныя страны; но вотъ чрезъ столѣтіе снова собралась гроза, гроза неожиданная, невѣроятная. Съ Запада шелъ Наполеонъ и велъ безжалостныя побѣдоносныя войска. Въ эту минуту бѣдъ, когда все смущалось предъ страшною грозою, въ эту минуту явилась Москва, опять со всѣмъ своимъ значеніемъ столицы, какъ и прежде, и приняла на себя тяжелый ударъ новѣйшаго врага. Какъ въ 1612-мъ, такъ въ 1812-мъ она вновь объялась пламенемъ; по всей Русской землѣ раздалось вновь ея имя: Москва! Москва! И на это имя снова поднялся Русскій народъ и спасъ Русскую землю.—Такое явленіе обнаружило внутри-сокровенное, и, кажется, навсегда утвердило значеніе Москвы, вѣчной столицы земли русской, столицы народной. Здѣсь опять встрѣчаемъ сужденіе великаго иностранца. Наполеонъ сказалъ въ разговорѣ съ Тучковымъ: „Столица ваша Москва, а не Петербургъ, который не что иное, какъ резиденція Государя".

. . . . . .

Ясно для насъ и для всѣхъ истинно Русскихъ вѣчное значеніе Москвы. Она жива, и жива къ ней любовь Русскаго народа, и будетъ вѣчно живо и то и другое: бытіе ея неразлучно съ бытіемъ святой Руси. На нее крестясь смотритъ крестьянинъ; сильно движетъ она и образованнаго русскаго въ чужестранной одеждѣ, въ комъ пробудилось Русское народное чувство. Но

болѣе всего любитъ и разумѣетъ ее народъ. Онъ называетъ ее матушкой; повторяемъ съ нимъ это слово.

Любовь къ Москвѣ есть любовь къ Русской землѣ, потому что Москва имѣетъ въ себѣ не мѣстное, а общее значеніе, и единство всей земли Русской.

Да здравствуетъ Москва!

Только-что приведенными выдержками мы бы могли закончить нашъ обзоръ непосредственно-публицистическихъ взглядовъ Константина Аксакова. Правда, можно было бы привести еще очень много другихъ непосредственно-публицистическихъ мѣстъ, разбросанныхъ по разнообразнымъ писаніямъ Константина Сергѣевича. Но этого не стоить дѣлать. Мы бы уже не узнали ничего новаго. Опять поношеніе западно-европейской „лжи", опять восхваленіе русскаго превосходства, опять упреки интеллигенціи за „оторванность" и предвозвѣщеніе грядущаго торжества славянофильства и, наконецъ, опять восторженное преклоненіе предъ современнымъ крестьянствомъ, какъ единственнымъ представителемъ „истинно-русскихъ" началъ—вотъ къ чему сводятся всѣ „лирическія отступленія" Константина Сергѣевича. И не могутъ не сводиться, потому что только этими думами и было наполнено его духовное существо, только ими онъ и тѣшилъ себя въ своей аскетической жизни, ничего не знавшей, кромѣ умственныхъ интересовъ.

Мы сдѣлаемъ исключеніе только для одного произведенія Константина Сергѣевича—его записки „О внутреннемъ состояніи Россіи", поданной въ 1855 г. чрезъ графа Блудова только-что вступившему тогда на престолъ Императору Александру II [1]). Сдѣлаемъ это не потому, чтобы записка не ознакомляла насъ съ какими-нибудь новыми сторонами міровоззрѣнія Константина Сергѣевича, а потому, что она представляетъ собою единственное его произведеніе, гдѣ съ высотъ заоблачнаго идеализма онъ спускается на почву практическихъ совѣтовъ. И высоко-поучительно прислушаться къ этимъ совѣтамъ! Рѣзко они выясняютъ, что въ сущности разница между „западниками" и *честными* славянофилами, т. е. такими, для которыхъ славянофильство не есть красивое прикрытіе самого низменнаго сервилизма, совсѣмъ не такъ велика, что, строго говоря, разница только въ теоретическомъ обоснованіи. Приглядитесь, въ самомъ дѣлѣ, къ тезисамъ записки, которые мы сейчасъ приведемъ, отбросьте въ нихъ теоретическія посылки и вы увидите, что не только одна и та же цѣль воодушевляетъ и западниковъ и искреннихъ славянофиловъ—счастье и благоденствіе Россіи, но что и пути

---

[1]) Въ печати появилась въ „Руси" 1881 г.

достиженія этого счастья всего менѣе расходятся между собою. Подъ практическою частью записки съ величайшимъ удовольствіемъ подписались бы самые передовые изъ тогдашнихъ западниковъ; въ 1855 г., по крайней мѣрѣ, ихъ мечтанія не шли дальше. „Благодѣтельная гласность“ долго составляла единственное требованіе западническаго лагеря. А между тѣмъ Константинъ Аксаковъ пошелъ дальше этого требованія.

Записка раздѣляется на три части: вступленіе, изложеніе взгляда автора на сущность русскаго государственнаго уклада и тезисы.

Во вступленіи Константинъ Сергѣевичъ объясняетъ, почему именно теперь онъ нашелъ нужнымъ представить свою записку:

„Государь! ты вступилъ на престолъ. Эти первыя минуты драгоцѣнны и важны не только для тебя, но и для твоихъ подданныхъ. Облекшись мгновенно въ санъ царскій, ты еще не привыкъ быть Царемъ. Внутренній слухъ твой имѣетъ всю свою свѣжесть и тонкость, внутреннее зрѣніе всю остроту и дальновидность; скажу болѣе: и слухъ твой, и зрѣніе напряжены въ эти первыя минуты царствованія сильнѣе, чѣмъ когда-нибудь. Надѣемся, что ты постоянно будешь напрягать всѣ силы души для узнанія истины, ко благу своего народа; но всякое мгновеніе имѣетъ свой смыслъ и свою честь, собственно ему подобающіе: таковы и эти первыя минуты власти царской, свѣжесть и чуткость которыхъ не можетъ повториться. Благое употребленіе этихъ минутъ, конечно, будетъ имѣть для тебя и, слѣдовательно, для твоихъ подданныхъ, важное значеніе“.

Вслѣдъ за вступленіемъ, идетъ изложеніе достаточно извѣстныхъ намъ взглядовъ Константина Сергѣевича на русскую государственную жизнь, на раздѣльность „земли“ и государства и т. д. Первоначально теоретизированіемъ записка и ограничивалась. Но, чувствуя всю абстактность и практическую непригодность подобнаго пріема, самъ сознавая, что въ его запискѣ „недостаетъ сосредоточеннаго вывода, извлеченнаго изъ общихъ указаній и необходимаго для надлежащей ясности и для ощущительнаго показанія дѣйствительнаго жизненнаго и въ этомъ смыслѣ практическаго ихъ значенія“, Константинъ Сергѣевичъ представилъ дополненіе къ запискѣ, которое заканчивалось слѣдующими тезисами:

I. Русскій народъ, не имѣющій въ себѣ политическаго элемента, отдѣлилъ государство отъ себя и государствовать не хочетъ.

II. Не желая государствовать, народъ предоставляетъ правительству неограниченную власть государственную.

III. Взамѣнъ того, Русскій народъ предоставляетъ себѣ нравственную свободу, свободу жизни и духа.

IV. Государственная неограниченная власть, безъ вмѣшательства въ нее народа,— можетъ быть только неограниченная монархія.

V. На основаніи такихъ началъ зиждется русское гражданское устройство: правительству (необходимо монархическому)—неограниченная власть государственная, политическая; народу—полная свобода нравственная, свобода жизни и духа (мысли и слова). Единственно, что самостоятельно можетъ и долженъ предлагать безвластный народъ полновластному правительству,—это *мнѣніе* (слѣдовательно, сила чисто нравственная), мнѣніе, которое правительство вольно принять и не принять.

VI. Эти истинныя начала могутъ быть нарушены и съ той, и съ другой стороны.

VII. При нарушеніи ихъ со стороны народа, при ограниченіи власти правительства, слѣдовательно, при вмѣшательствѣ народа въ правительство, народъ прибѣгаетъ къ внѣшней принудительной силѣ, измѣняетъ своему пути внутренней духовной свободы и силы—и непремѣнно портится нравственно.

VIII. При нарушеніи этихъ началъ со стороны правительства, при стѣсненіи правительствомъ въ народѣ свободы нравственной, свободы жизни и духа,—неограниченная монархія обращается въ деспотизмъ, въ правительство безнравственное, гнетущее всѣ нравственныя силы и развращающее душу народа.

IX. Начала русскаго гражданскаго устройства не были нарушены въ Россіи со стороны народа (ибо это его коренныя народныя начала), но были нарушены со стороны правительства. То есть: правительство вмѣшалось въ нравственную свободу народа, стѣснило свободу жизни и духа (мысли, слова) и перешло такимъ образомъ въ душевный деспотизмъ, гнетущій духовный міръ и человѣческое достоинство народа и, наконецъ, обозначившійся упадкомъ нравственныхъ силъ въ Россіи и общественнымъ развращеніемъ. Впереди же этотъ деспотизмъ угрожаетъ или совершеннымъ разслабленіемъ и паденіемъ Россіи, на радость враговъ ея, или же искаженіемъ русскихъ началъ въ самомъ народѣ, который, не находя свободы нравственной, захочетъ наконецъ свободы политической прибѣгнетъ къ революціи и оставитъ свой истинный путь. И тотъ и другой исходъ ужасны, ибо тотъ и другой гибельны, одинъ въ матерьяльномъ и нравственномъ, другой въ одномъ нравственномъ отношеніи.

X. Итакъ, нарушеніе, со стороны правительства, русскаго гражданскаго устройства, похищеніе у народа нравственной его свободы, однимъ словомъ: отступленіе правительства отъ истинныхъ русскихъ началъ—вотъ источникъ всякаго зла въ Россіи.

XI. Поправленіе дѣла, очевидно, зависитъ отъ правительства.

XII. Правительство наложило нравственный и жизненный гнетъ на Россію,—оно должно снять этотъ гнетъ. Правительство отступило отъ истинныхъ началъ русскаго гражданскаго устройства,—оно должно воротиться къ этимъ началамъ, а именно:

Правительству—неограниченная власть государственная, народу—полная свобода нравственная—свобода жизни и духа. Правительству—право дѣйствія и, слѣдовательно, закона; народу—право мнѣнія и, слѣдовательно, слова.

Вотъ единственный, существенно жизненный совѣтъ для Россіи въ настоящее время.

XIII. Но какъ же его привести въ исполненіе? Отвѣтъ на это находится въ самомъ указаніи общихъ началъ. Духъ живетъ и выражается въ словѣ. Свобода духовная или нравственная народа есть свобода слова.

XIV. Итакъ, свобода слова: вотъ что нужно Россіи, вотъ прямое приложеніе общаго начала къ дѣлу, до того съ нимъ нераздѣльна, что свобода слова есть начало (принципъ) и явленіе (фактъ).

XV. Но и не удовлетворяясь тѣмъ, что свобода слова, а потому и общественное мнѣніе, существуетъ, правительство чувствуетъ иногда нужду само вызывать общественное мнѣніе. Какимъ образомъ можетъ правительство вызвать это мнѣніе?

Древняя Русь указываетъ намъ и на дѣло самое, и на способъ. Цари наши вызывали, въ важныхъ случаяхъ, общественное мнѣніе всей Россіи, и созывали для того *Земскіе соборы*, на которыхъ были выборные отъ всѣхъ сословій и со всѣхъ концовъ Россіи. Такой земскій сборъ имѣетъ значеніе *только мнѣнія*, котораго государь можетъ принять и не принять.

Итакъ, изъ всего сказаннаго въ моей „Запискѣ" и объясненнаго въ этомъ „Дополненіи", вытекаетъ ясное, опредѣленное, прилагаемое къ дѣлу и, въ этомъ смыслѣ *практическое*, указаніе: что нужно для внутренняго состоянія Россіи, отъ котораго зависитъ и внѣшнее ея состояніе.

Именно:

Полная *свобода слова* устнаго, письменнаго и печатнаго—всегда и постоянно, и *Земскій соборъ*, въ тѣхъ случаяхъ, когда правительство захочетъ спросить мнѣнія страны.

Внутренній общій союзъ жизни,—сказалъ я въ своей „Запискѣ",—до того ослабѣлъ въ Россіи, сословія въ ней до того отдалились другъ отъ друга, вслѣдствіе полуторастолѣтней деспотической системы правительства, что Земскій соборъ въ настоящую минуту не могъ бы принести своей пользы. Я говорю: *въ настоящую минуту*, т. е. немедленно. Земскій сборъ непремѣнно полезенъ для государства и земли, и нужно пройти нѣкоторому только времени, чтобы правительство могло воспользоваться мудрымъ указаніемъ древней Руси и созвать Земскій соборъ.

Открыто возвѣщаемое общественное мнѣніе—вотъ чѣмъ въ настоящую минуту можетъ быть замѣненъ для правительства Земскій соборъ; но для того необходима свобода слова, которая дастъ правительству возможность созвать вскорѣ съ полною пользою для себя и народа Земскій соборъ.

Закончимъ настоящую статью нѣсколькими словами о томъ значеніи, которое, по нашему мнѣнію, имѣетъ Константинъ Аксаковъ въ русской литературѣ послѣдняго полустолѣтія. Мы старались до сихъ поръ очертить его роль въ славянофильствѣ—роль огромную, потому что всякое ученіе вербуетъ себѣ послѣдователей только энтузіазмомъ, только тою глубокою вѣрою въ непреложность своихъ принциповъ, которою дышетъ каждая строчка Константина Сергѣевича. Но имѣетъ ли его литературная дѣятельность какое-нибудь значеніе внѣ тѣсной сферы славянофильства? Поучительно ли чтеніе его сочиненій для людей, которымъ думается, что полное осуществленіе идеаловъ Константина Сергѣевича отодвинетъ Россію куда-то очень далеко отъ общечеловѣческаго просвѣщенія?

Намъ кажется, что и для такихъ людей изученіе Константина

Аксакова имѣетъ въ себѣ нѣчто высоко-привлекательное и поучительное. Не было ли бы, въ самомъ дѣлѣ, проявленіемъ крайней узости оцѣнивать писателей съ точки зрѣнія соотвѣтствія или несоотвѣтствія ихъ взглядовъ и убѣжденій съ нашими? Не значитъ ли это упираться въ стѣну, которая закрываетъ намъ широкія перспективы истинно-научной критики, не одобряющей и не порицающей, а всего только анализирующей и констатирующей? Не смѣшно ли вообще брать на себя задачу опредѣлять, насколько тѣ или другія убѣжденія „правильны"? Гдѣ мѣрило „правильности" и не разлетаются ли всѣ такія оцѣнки, какъ дымъ, какъ только вы подойдете къ нимъ съ противоположными симпатіями? Все „правильно", что̀ честно надумано и искренно прочувствовано, все хорошо и поучительно, въ чемъ вы видите высокій полетъ и широкій размахъ.

Да, эти два критерія не призрачны и не разлетаются, какъ дымъ, съ какой бы точки зрѣнія вы къ нимъ не подошли. Полетъ и искренность—это свойства, нравственная цѣна которыхъ останется неизмѣнной для васъ, къ какому бы вы направленію ни принадлежали.

И вотъ, если съ такими критеріями подойти къ оцѣнкѣ литературной дѣятельности Константина Аксакова,—значеніе ея несомнѣнно будетъ крупное. Со стороны умственной нельзя не оцѣнить высоты полета и широты размаха мысли Константина Сергѣевича. Его идеи свидѣтельствуютъ объ умѣ большомъ, онѣ безусловно *значительны* и открываютъ новые горизонты, можетъ быть и невѣрные, но безспорно обширные. Для людей, которыхъ увлекутъ взгляды Константина Аксакова, они являются новымъ откровеніемъ, для людей, которые не согласятся съ ними, они послужатъ могущественнымъ ферментомъ, способнымъ напречь всѣ силы ихъ ума и привести въ движеніе всѣ запасы ихъ знаній: легко ли въ самомъ дѣлѣ побѣдить такого вооруженнаго съ головы до ногъ противника, какъ Константинъ Сергѣевичъ?

Но, конечно, всего крупнѣе становится значеніе Константина Аксакова, когда вы приступаете къ оцѣнкѣ чистоты его помысловъ и искренности его намѣреній. Въ этомъ отношеніи мы, кромѣ Бѣлинскаго, не знаемъ ни одного человѣка въ поколѣніи сороковыхъ годовъ, котораго можно было бы поставить съ нимъ рядомъ. Какъ намъ извѣстно, знавшіе Константина Аксакова лично утверждаютъ, что всякій разъ послѣ того, какъ имъ приходилось сталкиваться съ нимъ, они чувствовали себя чище и нравственнѣе. То же ощущеніе испытываетъ и каждый, изучающій Константина Аксакова по даннымъ его біографіи и литературной карьеры. Невольно умолкаетъ въ васъ тотъ желчный пессимизмъ, то горькое и обидное чувство, которое назрѣваетъ въ историкѣ литературы по мѣрѣ того, какъ онъ ближе присматривается къ разнымъ установившимся литературнымъ репу-

таціямъ. Если пессимизмъ есть неизбѣжный удѣлъ всякаго вообще, кто ближе знакомится съ людьми, то еще горшее разочарованіе ждетъ насъ, если эти люди не кто-нибудь такіе, а писатели, глашатаи добра по профессіи, пророки правды по основному назначенію своему. Сколько ложныхъ репутацій, сколько мишуры вмѣсто золота, сколько фразерства вмѣсто дѣйствительныхъ убѣжденій, сколько праздной болтовни и драпировки вмѣсто дѣйствительнаго желанія слѣдовать проповѣдуемымъ принципамъ!

Но ни къ одной изъ этихъ категорій даже близко не подходитъ Константинъ Сергѣевичъ. Въ его лицѣ мы имѣемъ дѣло съ пророкомъ настоящимъ, до мозга костей воодушевленнымъ своими идеями, съ глашатаемъ правды, понимаемой имъ, конечно, по своему, но исповѣдуемой имъ съ такою горячею искренностью, съ такою святою чистотою, что онѣ будятъ хорошія чувства въ каждомъ, кто приходитъ съ ними въ соприкосновеніе. И вотъ почему литературная дѣятельность Константина Аксакова не замыкается, по нашему мнѣнію, тѣснымъ кругомъ славянофильской доктрины, а имѣетъ значеніе для всей русской литературы вообще. Главное назначеніе литературы—порождать честныя стремленія, а въ какихъ формахъ такія, разъ пробужденныя, стремленія впослѣдствіи проявятся—это, право, детали второстепеннаго значенія. Мы глубоко убѣждены, что истинно-честные и добрые люди, не прикрывающіе разными принципами какія-нибудь низменныя побужденія, всегда приносятъ пользу, къ какой партіи они бы ни принадлежали и къ какому „толку“ они бы себя ни причисляли. Люди, искренно-желающіе добра своей родинѣ, всегда сумѣютъ столковаться и, стремясь къ нему даже съ разныхъ *теоретическихъ* точекъ зрѣнія, на *практикѣ* придутъ къ однимъ и тѣмъ же вѣковѣчнымъ началамъ, которыми живо и движется впередъ человѣчество. Чтобы не ходить далеко за примѣрами, возьмемъ редакціонныя комиссіи по крестьянскому дѣлу, гдѣ честные славянофилы, въ родѣ Юрія Самарина, расходясь въ частностяхъ, въ общемъ шли къ той же цѣли, что и люди „крайняго“ и западническаго „Современника“.

1887.

BINDING SECT. APR 16 1968

460098

LR.H
V4586nx

Vengerov, Seme
Очерки п
литературы;
[Transliterate

DATE.	NA
21/7/47	Bind. at
23 Feb 52	C. Bid
17 Dec 52	G. Luchy
29 March/56	Mrs. M. J